This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

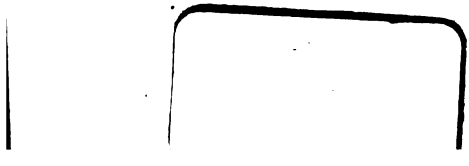
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 473113

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817
LIBRARIES



БИБЛІОТЕКА
2/1
МОСКОВСКОЙ 7ой ГИМНАЗІИ

СОЧИНЕНІЯ

С. В. ЕШЕВСКАГО.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ 2-й ГИМНАЗІИ
211.

СОЧИНЕНІЯ

С. В. ЕШЕВСКАГО.

Eshevskiĭ, Stepan Vasil'evich

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Изданіе К. Солдатенкова.

Цѣна за три части 6 р.

МОСКВА.
Типографія Грачева и К°, у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.
1870.

D
7
.E75
1870
v.3

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

К. С. АПОЛЛИНАРІЙ СИДОНІЙ,

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ

ГАЛЛІИ V ВѢКА.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817
LIBRARIES

ратурной исторіи своего времени. Говоря объ его многосторонней дѣятельности, біографъ Сидонія почти противъ воли дѣлается историкомъ Галліи, а иногда и историкомъ всего западно-римскаго міра и въ его же произведеніяхъ находитъ полнѣйшій матеріалъ для своего труда. Съ другой стороны время Сидонія принадлежитъ къ числу самыхъ разработанныхъ эпохъ средневѣковой исторіи. Начальная исторія Франціи была предметомъ наиболѣе внимательнаго и счастливаго изученія. Гизо, Петиньи, Форіель, Легюеру, братья Тьерри не оставили безъ вниманія ни одного сколько-нибудь важнаго явленія въ политической, умственной и нравственной жизни этого времени; Бенедиктинцы Конгрегаціи Св. Мавра съ рѣдкою добросовѣстностію собрали въ своей Литературной исторіи Франціи всѣ даже самые мелочные факты, относящіеся къ дѣятельности и жизни писателей V вѣка. Для исторіи Церкви достаточно указать на Неандера. Не говорю уже объ изданіи самихъ памятниковъ. Біографу Аполлинарія Сидонія остается только добросовѣстно воспользоваться обильнымъ матеріаломъ и многочисленными пособіями въ трудахъ предшествовавшихъ историковъ, свести отдѣльныя изслѣдованія и сгруппировать около своего героя разнообразныя явленія политической и умственной жизни этой эпохи, чтобы представить полную картину состоянія Галліи во второй половинѣ V вѣка.

Такого рода трудъ предпринялъ я съ убѣжденіемъ, что для русской публики подобныя монографіи могутъ принести болѣе существенную пользу нежели спеціальныя изысканія, относящіяся къ одному какому-нибудь событію, тѣмъ болѣе, что и въ настоящемъ случаѣ не исключалась возможность собственныхъ частныхъ изслѣдованій. Говоря объ ученыхъ пособіяхъ, не могу не упомянуть съ особенною благодарностію о превосходномъ трудѣ Петиньи: Etudes sur L'époque

Mérovingienne. Болѣе глубокое изученіе, болѣе тонкій и остроумный анализъ источниковъ едвали можно найти въ исторической литературѣ Франціи. Чтобы вполнѣ выразить мое мнѣніе объ ученыхъ достоинствахъ Петиньи, я могу сказать, что, сравнительно съ его трудомъ, во многихъ частяхъ оказывается недостаточно полнымъ, недостаточно провѣреннымъ критически изслѣдованіе самого Форіеля о томъ же времени. Для меня Петиньи не только былъ надежнымъ руководителемъ относительно политической исторіи Галліи, не только замѣнялъ иногда самые источники; но ему же обязанъ я и тѣми немногими результатами собственнаго изученія, въ которыхъ я расхожусь нѣсколько съ его мнѣніемъ. Я сочту себя вполнѣ вознагражденнымъ, если въ моемъ трудѣ найдутъ добросовѣстную и отчетливую передачу и сводъ тѣхъ выводовъ, которые добыты нашими старшими братьями по наукѣ.

При внимательномъ изученіи сочиненій Аполлинарія Сидонія, я дошелъ до нѣкоторыхъ результатовъ существенно разнящихся отъ мнѣній бо́льшей части историковъ. Мнѣ кажется, Сидоній, доставившій своими произведеніями возможность имѣть исторію Галліи V вѣка, недостаточно безпристрастно оцѣненъ до сихъ поръ. Какъ будто преувеличенный восторгъ хваленыхъ имъ современныхъ писателей и наивное преклоненіе передъ авторитетами ученыхъ среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія до сихъ поръ еще препятствуютъ строгому разбору его политической и литературной дѣятельности на основаніи его же собственныхъ показаній и произнесенію заслуженнаго приговора. Понятенъ восторгъ современниковъ и ближайшаго потомства; очевидно, тутъ не можетъ быть и рѣчи о настоящемъ пониманіи и оцѣнкѣ. Можно удивляться мнѣнію цѣнителей уже свободныхъ отъ вѣковаго, передававшагося по преданію и часто безсознательнаго уваженія къ литературнымъ достоинствамъ ліонскаго поэта. До сихъ поръ встрѣча-

ются еще такіе поклонники Сидонія, для которыхъ строгій
по нашему мнѣнію, справедливый приговоръ Казобона (Sid
nius.... in re latinitatis improbus intestabilisque) кажет
дерзостію [1]). Въ другихъ, болѣе безпристрастныхъ и вполн
понимающихъ всю бѣдность поэтическаго таланта и вооб
всякаго внутренняго содержанія въ сочиненіяхъ Сидонія,
мѣтна однакоже большая наклонность къ тому, чтобы в
ставить по возможности въ лучшемъ свѣтѣ панегириста Ави
и его преемниковъ. Если одни за удачныя частности, за пои
дающіяся нерѣдко остроумныя выходки забываютъ общій
рактеръ произведеній клермонтскаго епископа; то другіе
рутъ во вниманіе всю его литературную дѣятельность и в
таки какъ бы сдерживаютъ себя, не желая произнести п
наго осужденія и какъ бы намѣренно смягчая рѣзкость впол
заслуженнаго приговора. Когда дѣло идетъ о мнѣніи Форіе
Петиньи, Нибура, Ампера и другихъ, стоитъ остановить
чтобы объяснить себѣ причину такого увлеченія. Неуж
Сидоній, издавшій только лучшія изъ своихъ произведеній,
обманулся въ разсчетѣ и до сихъ поръ является передъ
домъ потомства если не вполнѣ такъ, какъ желалъ бы, в
таки лучше, чѣмъ былъ въ дѣйствительности? Объясним
Сочиненія Сидонія читаются и могутъ читаться только для
ціальныхъ литературныхъ и историческихъ изслѣдова
Трудно представить себѣ человѣка, который бы прочелъ
донія безъ необходимости. Дилетанта съ перваго же
оттолкнетъ трудность чтенія, не вознаграждаемая немедле
получаемымъ удовольствіемъ. Для изслѣдователя исторіи
тературы, съ какой бы стороны, отъ предшествовавшаго
или послѣдующаго столѣтій, ни подошелъ онъ къ сочинені
Сидонія, въ нихъ найдется многое, что, если не вполнѣ

[1]) Germain. Essai historique sur Apollinaris Sidonius p. 114. i.

зоружитъ его, по крайней мѣрѣ значительно смягчитъ его приговоръ. Сравнивая внѣшнюю форму сочиненій клермонтскаго епископа съ произведеніями его современниковъ, нельзя не признать ея превосходства. Языкъ стихотвореній и переписки кажется почти правильнымъ и яснымъ, если сличить его, напримѣръ, съ языкомъ Евхаристикона Павлина. Преданія классической литературы еще не совершенно забыты, и на каждомъ шагу встрѣчаются слѣды близкаго, повидимому, знакомства съ лучшими писателями древности.

Едва ли кто, вмѣстѣ съ Жерменомъ, рѣшится сравнить съ сатирами Ювенала отвратительное и нисколько не остроумное изображеніе безстыднаго и злобнаго обжоры [1]); но многіе, оглядѣвши дошедшіе до насъ памятники литературы V вѣка, остановятся съ удовольствіемъ на Сидоніи. Непринужденная веселость, остроуміе, блещущее весьма часто, и наконецъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, имъ доставляемыя, заставляютъ изслѣдователя забыть и простить многіе изъ его недостатковъ. Еще легче клермонтскому епископу закупить въ свою пользу историка. Можно сказать, что безъ его сочиненій и безъ его литературныхъ недостатковъ невозможна была бы исторія его времени. Трудно представить, не испытавъ на себѣ, съ какимъ наслажденіемъ переходишь отъ отчаянно сухихъ и краткихъ показаній современныхъ анналистовъ къ письмамъ Сидонія. Какъ историку обвинить его въ многословіи, въ введеніи излишнихъ подробностей, въ анатомическомъ характерѣ описаній, когда, только благодаря этимъ недостаткамъ, и можно составить себѣ сколько нибудь живое и ясное понятіе о политическихъ событіяхъ, о взаимномъ отношеніи дѣйствующихъ лицъ, объ образѣ жизни этого времени? Жалкая вещь въ художественномъ отношеніи Панегирикъ Авиту, а что же безъ

[1]) Sidon. Epist. III, 13. Germain, p. 98.

него мы знаемъ о предшествовавшей избранію жизни те
Сидонія, о самомъ избраніи и т. д.? Въ современныхъ ан
лахъ находимъ только извѣстія въ родѣ слѣдующаго: «Въ І
ліи провозглашенъ Авитъ императоръ и вошелъ Теодери
король Готовъ съ братьями своими въ Арль мирно». Т
самое можно сказать о панегирикахъ Майоріану, Анѳемію,
риху и о другихъ сочиненіяхъ Сидонія. Обрадованный нахо
драгоцѣнныхъ документовъ, историкъ забываетъ, что
редъ нимъ литературныя произведенія; а если и вспом
объ этомъ, благодарность не позволяетъ ему сказать я
каго слова осужденія. Смягчается судъ не только надъ
ратурными достоинствами сочиненій, но и надъ нравс
нымъ характеромъ, надъ политическою дѣятельностію с
автора. Когда исчерпается и уйдетъ въ дѣло весь исто
скій матеріалъ, доставляемый произведеніями Сидонія,
телю останется только литературная оцѣнка ихъ и приг
произнесется со всею надлежащею строгостію; но до
поръ трудно защититься отъ нѣкотораго пристрастія.

Всего замѣтнѣе обнаруживается эта несправедлива
сходительность къ Сидонію въ разсказахъ историковъ
слѣдней отчаянной борьбѣ Оверни съ Вестготами. І
нымъ изложеніемъ всей дѣятельности Сидонія я старал
ставить его характеръ въ настоящемъ его свѣтѣ. Гл
виновникомъ геройской защиты Оверни былъ, по моем
нему убѣжденію, Экдицій, своимъ присутствіемъ и л
вліяніемъ поддерживавшій слабую волю самого Сидоні
болѣе всматривался я въ предшествовавшую и послѣ
жизнь клермонтскаго епископа, тѣмъ необъяснимѣе
лось для меня непонятное увлеченіе историковъ, пред
шихъ въ немъ какое-то нравственное перерожденіе,
шихъ всю честь славнаго подвига малодушному ритор
вявшихъ на второмъ планѣ, какъ бы въ тѣни, благ

достойную и лучшей эпохи, и болѣе правдивой оцѣнки, личность Эдиція.

Представить по поводу біографіи Сидонія и на основаніи его сочиненій сколько возможно полную картину современнаго ему положенія Галліи и въ то же время въ характерѣ и жизни этого блестящаго представителя образованной аристократіи Галліи прослѣдить всю полноту нравственнаго и умственнаго паденія свѣтскаго общества, вотъ двѣ цѣли, которыхъ я старался достигнуть. Успѣлъ ли я въ этомъ — судить не мнѣ.

Отдѣльныхъ сочиненій объ Аполлинаріи Сидоніи мнѣ извѣстно только два. Одно принадлежитъ Жермену, профессору исторіи въ Монпеллье: Essai littéraire et historique sur Apollinaris Sidonius, par A. G. Germain. Montpellier (1840), и представляетъ любопытный примѣръ довольно полнаго изученія предмета вмѣстѣ съ полнѣйшимъ его непониманіемъ и съ отсутствіемъ всякой критики. Двѣ небольшія главы, посвященныя Сидонію Ампером въ его Histoire littéraire de la France avant le douziéme siècle безспорно даютъ болѣе ясное и вѣрное понятіе о характерѣ клермонтскаго епископа, о литературномъ и историческомъ значеніи его сочиненій, нежели все сочиненіе Жермена. Относительно пониманія характера Сидонія, Жерменъ не многимъ ушелъ впередъ отъ наивныхъ сужденій Бенедиктинцевъ. Единственная польза, какую я могъ извлечь изъ труда монпелльескаго профессора, состояла въ томъ, что, подобравъ указанія и мѣста изъ сочиненій Сидонія, онъ значительно облегчалъ мнѣ справки. Другое сочиненіе: C. S. Apollinaris Sidonius und seine Zeit, nach seinen Werken dargestellt von Dr. Michael Fertig. 3 Abtheil. Würzburg. 1845, 46 и 1848, получено мною въ то время, когда моя книга уже оканчивалась печатаніемъ. Несмотря на заманчивое заглавіе, обѣщающее нѣчто въ родѣ превосходной моно-

графіи Лобелля: Gregor von Tours und seine Zeit vornehmlich aus seinen Werken geschildert, сочиненіе Фертига по объему и по достоинству стоитъ еще ниже, нежели опытъ Жермена. Это Einladungsschrift zu den Schlussfeierlichkeiten des Studienjahres 1844—45 am königlichen Gymnasium zu Münnerstadt и самъ авторъ объявляетъ, что единственными источниками и пособіями для него служили: изданіе Сидонія, помѣщенное въ Bibliotheca Veterum Patrum cura Andrea Gallandii, французскій переводъ Сидонія, изданный Грегуаромъ и Коломбе, и твореніе Гиббона. Пересматривая книгу или, лучше сказать, 3 брошюры Фертига, я не замѣтилъ ни малѣйшихъ признаковъ знакомства автора съ трудами знаменитыхъ французскихъ историковъ; онъ не пользовался даже и литературной исторіей Франціи Бенедиктинцевъ конгрегаціи Св. Мавра [1]). Новаго только попытки стихотворнаго перевода Сидонія, попытки иногда довольно удачныя, и нѣсколько забавныхъ предположеній [2]).

Существенно важна была для меня невозможность пользоваться знаменитыми Acta sanctorum Болланда. Maxima Bibliotheca veterum Patrum и трудъ Бенедиктинцевъ (Histoire littéraire de France) только частію могли замѣнить мнѣ этотъ важный источникъ. Нѣкоторыя подробности я могъ найти также у Годескара: Vies des Pères, des Martyrs et des autres principaux Saints. 1794, XII v.; тѣмъ не м

---

[1]) Скудость ученыхъ средствъ и пособій Фертига лучше всего видна изъ слѣдующаго. Упомянувъ о трудѣ Гиббона, авторъ спѣшитъ сдѣлать особое примѣчаніе. Den Gebrauch dieser Werke danke ich der *seltenen Güte und Liberalität* meines verehrten Freundes des Herrn Professors und Universitäts-Bibliothekars Dr. Ludwig in Würzburg.

[2]) Напримѣръ догадка Фертига, что благочестивую Павлу, умершую въ началѣ V вѣка, попли во время ея предсмертной болѣзни *чаемъ*. Fer 2 Abth. 42.

нѣе безъ самыхъ житій Германа Оксеррскаго, Женевьевы Парижской, Лупа Труаскаго и м. др. я не могъ воспользоваться дорогими подробностями о нравахъ и образѣ жизни того времени.

Скажу въ заключеніе о тѣхъ изданіяхъ, которыми я пользовался. Для 1 и 2 главъ моего сочиненія у меня было подъ руками только то изданіе Сидонія, которое помѣщено въ VI томѣ Maxima Bibliotheca Patrum, изданіе неисправное и безъ всякихъ примѣчаній.

Парижское изданіе Сирмонда 1652 года я успѣлъ только бѣгло просмотрѣть въ Императорской публичной Библіотекѣ. Только подъ конецъ я получилъ текстъ и переводъ Сидонія, изданные ліонскими учеными Грегуаромъ и Колломбе. Это значительно облегчило мою работу и я могъ заимствовать изъ него нѣсколько примѣчаній для 1 и 2 главъ и вполнѣ воспользоваться имъ для 3. Привожу это обстоятельство въ нѣкоторое оправданіе на случай, если найдутся неточности или невѣрности въ моихъ переводахъ, хотя совершенно избѣжать ихъ не было возможности. Если современники Сидонія нуждались въ комментаріяхъ на его сочиненія [1]), если Петрарка жаловался на темноту и непонятность его остротъ и ученые издатели и переводчики произведеній клермонтскаго епископа отказываются совершенно отъ перевода двухъ мѣстъ, передавая многія другія только отдаленной перифразой [2]), я не думаю, чтобы можно было ставить мнѣ въ особую вину нѣкото-

---

[1]) См. 25 письмо II книги переписки Руриція Лиможскаго Cujus (Sidonii) lectio sicut mihi antiquum restaurat affectum, ita prae obscuritate dictorum non accendit ingenium. Quid enim justius, quam ut ipse nis paterni interpres eloquii, прибавляетъ Руриній, обращаясь къ сыну Сидонія. Bibl. Max. Patr. VIII, 572.

[2]) Oeuvres de C. S. Apollinaris Sidonius traduites en français par J. F. Grégoire et F. L. Collombet. Lyon. 1836. t. I. p. XI.

рые промахи. Сверхъ необыкновенно изысканнаго и запут
наго способа выраженія, одно изъ важныхъ затрудненій
перевода представляетъ частое употребленіе у Сидонія сл
ему только свойственныхъ, оборотовъ и соединеній сл
нигдѣ болѣе не встрѣчающихся. Лексиконъ Форчеллин
всегда могъ помочь мнѣ. Впрочемъ знающіе дѣло поймут
избѣжно представлявшіяся мнѣ трудности.

ГЛАВА I.

Во второй половинѣ 407 года, когда толпы Свевовъ, Аланъ и Вандаловъ грабили беззащитную Галлію отъ Рейна до Пиринеевъ и крики негодованія раздавались повсюду и противъ Гонорія, остававшагося равнодушнымъ зрителемъ опустошенія одной изъ лучшихъ провинцій [1]), и противъ Стиликона, котораго обвиняли даже въ злоумышленномъ призывѣ варваровъ [2]), въ Британскихъ легіонахъ произошло движеніе, довольно, впрочемъ, обыкновенное въ исторіи Римской Имперіи. Легіоны возстали и провозгласили своего императора. Послѣ одной или двухъ смѣнъ, съ необыкновенною быстротою слѣдовавшихъ другъ за другомъ, выборъ легіоновъ окончательно остановился на одномъ изъ простыхъ солдатъ, никакими заслугами не выдѣлявшемся изъ толпы сослуживцевъ, но за то носившемъ имя Константина — счастливое предзнаменованіе успѣха [3]). Избранный вождь поспѣшилъ исполнить желаніе легіоновъ и тотчасъ переправился въ Галлію. Онъ нашелъ себѣ союзниковъ во Франкахъ, въ толпахъ разноплеменныхъ и разноязычныхъ варваровъ, разсыпавшихся по

---

[1]) Cujus agendi spectator vel causa fui. Claudian. VI Cons. Honor. 439.

[2]) Orosii кн. VII Bibeiotheca Maxima Patrum VI. стр. 446.

[3]) Constantinus, ex infimâ militiâ, propter solam spem nominis, sine merito virtutis eligitur. Orosii Bibl. Max. Patr. VI. p. 447. Просперъ Аквитанскій повторяетъ слова Orosia, ibid. VIII. 8 p. 195.

Галліи послѣ вторженія 406 года; но еще большею помощію было для него беззащитное положеніе этой провинціи, изъ которой бо́льшая часть войскъ была отозвана въ Италію Стиликономъ, приготовлявшимъ тогда въ союзѣ съ Аларихомъ экспедицію противъ Восточной Имперіи. На ходъ событій не осталось безъ вліянія и то чувство ненависти къ вандалу Стиликону, управлявшему судьбами имперіи — одно изъ послѣдних проявленій оскорбленной римской гордости, которое произвело павійскую катастрофу и погубило знаменитаго варвара. Константинъ занялъ Арль, сдѣлавшійся съ 402 года центромъ управленія Галліи на мѣсто Трира, столько разъ опустошеннаго Франками. Вся Галлія признала его законнымъ главою Имперіи. На мѣсто Лименія, префекта претоpіи, сохранившаго вѣрность Гонорію и бѣжавшаго въ Италію чтобы сложить свою голову въ павійскомъ лагерѣ, главою администраціи и суда въ Галлію назначенъ былъ Аполлинарій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ гражданъ ліонскихъ, дѣдъ нашего писателя и первый изъ его предковъ, который оставилъ имя въ исторіи.

Фамилія, къ которой принадлежалъ онъ, привыкла считать высшія должности какъ бы наслѣдственными въ своемъ родѣ [1]). Можетъ быть, подъ классическимъ именемъ Аполлинаріевъ скрывалось потомство одного изъ начальниковъ клановъ еще независимой Галліи. По крайней мѣрѣ такъ было большею частію происхожденіе высшей аристократіи Галліи, той аристократіи, которая до конца сохранила большое вліяніе въ провинціяхъ и почти безъ раздѣла владѣла высшими административными должностями. Въ одно время съ Аполлинаріемъ — другой членъ галльской аристократіи — Сидоніемъ Рустикъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ

[1]) Sidon. epistolarum lib. I. ep. 3.

Оверни, получилъ отъ похитителя санъ Magistri officiorum. Замѣщая высшія должности представителями старинныхъ родовъ Галліи, Константинъ, очевидно, имѣлъ въ виду не только привлечь ихъ на свою сторону; но, что гораздо важнѣе, слить свои личные интересы съ вѣковымъ стремленіемъ Галліи къ самостоятельности. Только въ этомъ союзѣ могъ найти узурпаторъ надежную точку опоры для своей власти и средства для предстоявшей борьбы съ Гоноріемъ. Мысль о независимости не умирала въ Галліи. Ея не могли заглушить ни несчастныя попытки, только яснѣе обнаружившія все могущество Рима, ни вліяніе римской цивилизаціи, такъ легко привившейся къ высшимъ слоямъ галльскаго общества. Измѣняясь во внѣшней формѣ, стремленіе къ политической самостоятельности упорно сохранилось до самаго конца римской исторіи. Когда возстаніе Виндекса доказало невозможность разорвать связи, со временъ Цезаря приковавшія Галлію къ судьбамъ Рима, это стремленіе, оставаясь въ сущности тѣмъ же, приняло только другое направленіе. Не отдѣлиться отъ имперіи, а управлять ею посредствомъ императоровъ, избранныхъ въ Галліи, сдѣлалось цѣлію новаго ряда попытокъ. Отъ этого такое множество искателей престола, являвшихся одинъ за другимъ въ Галліи, начиная со второй половины I-го вѣка и оканчивая V-мъ. До конца, основныя черты кельтскаго характера остались неизмѣнны и населеніе Галліи оставалось gens inquietissima et avida semper vel faciendi principis, vel imperii, какъ характеризовалъ его Флавій Вопискъ въ III вѣкѣ. Говоря объ Авитѣ, мы будемъ имѣть случай подробнѣе разсмотрѣть это явленіе.

О дѣятельности префекта преторіи Аполлинарія мы почти ничего не знаемъ. Его внукъ передалъ намъ, что Аполлинарій снискалъ себѣ извѣстность не только военною, но и

судебною дѣятельностію, что онъ первый въ своемъ родѣ, осѣнясь крестомъ и очистивъ тѣло водою крещенія, отказался отъ нечестивыхъ обрядовъ язычества [1]). Затѣмъ остается два или три указанія, вскользь брошенныя современными лѣтописцами. Утвердившись въ Галліи, Константинъ хотѣлъ распространить свою власть и на третій викаріатъ, принадлежавшій къ префектурѣ Галліи — на Испанію. Тамъ держались родственники Гонорія, Дидимъ и Вераніамъ, незадол го передъ тѣмъ съ помощію горныхъ жителей отбившіе тол пы Свевовъ, Аланъ и Вандаловъ, пытавшихся прорваться з Пиренеи. Въ 408 г. Константинъ отправилъ въ Испанію от рядъ германскихъ и гальскихъ Гоноріанцевъ подъ начал ствомъ Бретона Геронція. Съ войсками отправился и сын Константина, Констанъ, изъ монаховъ попавшій въ Цезари Въ этой экспедиціи, кончившейся гибелью великодушныхъ за щитниковъ Гонорія и грабежемъ фискальныхъ имѣній, мо жетъ быть, принималъ участіе и Аполлинарій, въ качест префекта сопровождавшій Константа [2]). Въ промежуто времени отъ 409 по 411 г. онъ лишился своей должност Мѣсто его занялъ бывшій Magister officiorum, Деци

---

[1]) Sidon. epist. III, 12 Epitaph.

Consultissimus, utilissimusque
Ruris, militiae, forique cultor....
.... fronter cruce, membra fonte purgans
Primus de numero patrum suorum
Sacris sacrilegis renuntiavit.

[2]) Fauriel въ своей Histoire de la Gaule Méridionale говоритъ (p. 95. Son fils Constant, *assisté du préfet du Prétoire*, accompa l'expedition. За этими словами слѣдуетъ ссылка на Оросія Histor. VII, Но у Оросія находимъ только слѣдующее: Adversus hos (Didymum Veranianum) Constantinus Constantem, filium suum, proh dolor, monacho Caesarem factum, cum barbaris quibusdam.... in Hispanias sit. Bibl. Max. Patrum VI p. 447.

Рустикъ, съ которымъ, по словамъ Сидонія, тѣсною дружбою связывала его одинаковость образованія, почестей, опасностей и убѣжденій [1]); но и Рустикъ былъ смѣненъ очень скоро. Префектомъ преторіи былъ назначенъ Постумъ Дарданъ, бывшій квесторомъ и правителемъ Вьенской провинціи. Чѣмъ объясняются эти быстрыя смѣны префектовъ Галліи, сказать трудно. Пострадалъ ли Аполлинарій за то, что хотѣлъ быть liber sub dominantibus tyrannis, какъ сказано въ эпитафіи его внукомъ [2]), или причина заключалась въ непостоянномъ, измѣнчивомъ характерѣ Константина [3])? Едва ли не съ большею вѣроятностію объясняется дѣло самымъ положеніемъ новаго властителя. Галлія легко признала его императоромъ точно такъ, какъ въ IV вѣкѣ она пристала къ Франку Магненцію и потомъ къ Сильвану, какъ она пристава̀ла къ каждому, кто, поднимая знамя возмущенія противъ Рима, могъ служить ей средствомъ для осуществленія вѣковой мечты ея о независимости. Передавая высшія должности въ руки самымъ вліятельнымъ лицамъ галльской аристократіи, Константинъ удовлетворялъ вначалѣ ожиданіямъ, но послѣдствія обнаружили, какъ мало могло быть симпатій между солдатомъ британскихъ легіоновъ и этой аристократіей, какъ далеко расходились интересы и цѣли, вначалѣ казавшіеся общими. Начинавшіеся переговоры Константина съ Гоноріемъ, вѣроятно, не остались безъ вліянія на отчужденіе отъ него партіи, мечтавшей объ окончательномъ разрывѣ съ Италіей, точно такъ какъ въ этомъ сближеніи съ Гоноріемъ видятъ нѣкоторые историки ближайшую причину возмущенія и провозглашенія въ Испаніи новаго эфемернаго Императора

[1]) Sidon. epist, V, 9. Quos laudabili familiaritate conjunxerat litterarum, dignitatum, periculorum conscientiarum similitudo.

[2]) Sidon. III, 12.

[3]) Sidon. V, 9 Constantini inconstantia.

Максима [1]). Отсюда подозрительность Константина, отсюда же и новыя попытки передать власть въ руки такого л которое бы не могло отдѣлить личныхъ интересовъ отъ і ресовъ избравшей его страны— однимъ словомъ, попытк возведенію новаго галльскаго императора. Въ то время гда Константинъ еще боролся съ одной стороны съ воз шимъ противъ него Геронціемъ, съ другой съ войскам норія, рѣшившагося наконецъ сдѣлать что нибудь для во новленія своей власти въ Галліи, въ Майнцѣ уже обле пурпуромъ Іовинъ, одинъ изъ самыхъ родовитыхъ чл мѣстной аристократіи. За него стояли прирейнскіе вар сообщники нашлись и въ самой Италіи. Атталъ, эта ж и унизительная пародія на власть, еще такъ недавно л шую законы всему извѣстному міру [2]), склонилъ Ата Вестготскаго двинуться со всѣмъ народомъ въ Галлію, подать помощь новому претенденту или, лучше сказать, пользоваться смутами имперіи для окончательнаго посе на ея территоріи. Едва только погибъ Константинъ и в Гонорія была признана въ Галліи и Испаніи, какъ ей шлось бороться съ новымъ противникомъ, могшимъ ка опаснѣе прежнихъ. Децимъ Рустикъ, недавно смѣн Константиномъ, снова получилъ санъ префекта Галлі рукъ Іовина. Впрочемъ, дѣло Іовина разыгралось быс притомъ совершенно не такъ, какъ можно было ждать чалу. Дарданъ, этотъ послѣдній префектъ преторіи при стантинѣ, какимъ-то образомъ сохранившій свое мѣсто возстановленіи власти Гонорія,—не только отвлекъ Ата

[1]) Fauriel t. I. p. 93.

[2]) Нельзя не привести энергическаго и вмѣстѣ скорбнаго отзы зія объ Атталѣ: in hoc Alaricus imperatore facto, infecto, refecto fecto, citius his omnibus actis pene quam dictis, mimum risit et spectavit imperii. Bibl. Max. Patrum. VI 447.

отъ Іовина, мало того, заставилъ готскаго вождя самого взять и выдать законной власти несчастнаго претендента. Говорятъ, что Іовинъ и братъ его Себастіанъ, провозглашенный было Цезаремъ, погибли отъ руки самого Дардана. Преслѣдованія и казни обрушились на главныхъ приверженцевъ Іовина. Децимъ Рустикъ сложилъ свою голову на плахѣ вмѣстѣ съ другими. Дарданъ, другъ блаженнаго Іеронима, который называлъ его въ письмахъ благороднѣйшимъ изъ христіанъ и лучшимъ христіаниномъ между вельможами [1]), совопросникъ Августина — Дарданъ на этотъ разъ оказался главнымъ орудіемъ мѣсти Гонорія. Есть указаніе, что Аполлинарій, вмѣстѣ съ Рустикомъ поддерживавшій Іовина, раздѣлилъ съ своимъ другомъ и гоненія, непосредственно слѣдовавшія за вторичнымъ возстановленіемъ власти Гонорія. Такъ по крайней мѣрѣ кажется изъ словъ его внука, который, говоря о дружбѣ Аполлинарія съ Рустикомъ, прибавляетъ, что они вмѣстѣ проклинали непостоянство Константина, легкомысліе Іовина, коварство Геронція и соединеніе всѣхъ преступленій въ лицѣ Дардана [2]). — Преслѣдуя приверженцевъ Іовина, равеннскій дворъ не могъ однакоже обойтись безъ содѣйствія галльской аристократіи, долженъ былъ заискивать ея расположенія. При томъ же Гоноріи мы видимъ сына Аполлинарія трибуномъ, при Валентиніанѣ III въ консульство Астерія (449 года) префектомъ преторіи [3]). Въ это время родъ Аполлинаріевъ пріобрѣлъ еще болѣе значенія чѣмъ прежде: онъ породнился съ знаменитой оверньской фамиліей Авитовъ [4]). Вотъ все, что мы знаемъ о предкахъ нашего писателя.

---

[1]) Christianorum nobilissime, nobilium christianissime. Hist. littér. de France II p. 129.

[2]) Sid. epistol. V. 9.

[3]) Sid. epis. V, 9 — VIII, 6.

[4]) Ibid. III, epist. 1.

Родиной Каія Соллія Аполлинарія Сидонія былъ, какъ ка
жется, Ліонъ, хотя нѣкоторые писатели и считаютъ его ур
женцемъ Оверни, которой онъ посвятилъ послѣдніе и бе
спорно лучшіе годы своей дѣятельности [1]). Онъ родился
ноября 431. или 432 года; воспитаніе получилъ Сидоній в
Ліонѣ, этомъ gymnasium mundi, какъ называли его совр
менники. Сидоній не оставилъ подобно Авзонію характерист
ки своихъ преподавателей. Въ его письмахъ и стихотворе
яхъ, служащихъ однимъ изъ самыхъ полныхъ и драгоцѣнны
источниковъ для литературной исторіи V вѣка, мы находи
только нѣсколько именъ, нѣсколько бѣглыхъ воспоминаній
школьной жизни: молчаніе, тѣмъ болѣе досадное, что ник
лучше Сидонія не могъ бы дать намъ понятіе о характе
образованія этого времени, объ устройствѣ школъ, о пріема
и объемѣ преподаванія. Въ другихъ современныхъ источ
кахъ мы найдемъ еще менѣе свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе, на
нованіи этихъ скудныхъ показаній, руководясь аналогичес
ми извѣстіями, относящимися къ предшествовавшему сто
тію, а главное, присматриваясь внимательно къ замѣчате
нѣйшимъ литературнымъ дѣятелямъ, очевидно, сохранивши
на себѣ общіе слѣды первоначальнаго воспитанія, мы пос
раемся составить себѣ понятіе о характерѣ школьнаго
разованія V вѣка.

Менѣе всего можно пожаловаться на малочисленность
веденій для образованія. Почти въ каждомъ сколько нибу

[1]) Уроженцемъ Оверни считаетъ Сидонія Савaронъ, ученый изд
его сочиненій (изданія 1599 и 1609 г.). Доказательство въ пользу J
и такое изслѣдованіе о годѣ рожденія Сидонія у Germain, Essai littér
et historique sur Apollinaris Sidonius. Montpellier 1840 см. 1 excu
Г. Перико (Péricaud), библіотекарь въ Ліонѣ, годомъ рожденія Си
полагаетъ 430, согласно съ авторами Histoire littéraire de la France
Oeuvres de C. S. Apollinaris Sidonius, traduites par Grégoire et Collo
Lyon. 1836. Notice sur Sidonius.

замѣчательномъ городѣ, не говоря уже о главныхъ, мы находимъ школы, изъ коихъ нѣкоторыя, напримѣръ Марсельская, могли похвалиться нѣсколькими вѣками цвѣтущаго существованія. Нельзя также сказать, чтобы воспитаніе юношества не находило покровительства и поощренія, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны общества. Рядъ императорскихъ эдиктовъ въ IV столѣтіи опредѣлилъ и обезпечилъ участь профессоровъ и преподавателей: профессоръ съ его семействомъ былъ освобожденъ отъ тягостныхъ должностей муниципалитета (munera) не исключаясь изъ почетныхъ (honores) [1]); онъ и его дѣти свободны отъ военной службы и отъ тяжелой обязанности постоя [2]); онъ получаетъ отъ правительства довольно большое содержаніе натурой (annona), смотря по каѳедрѣ, имъ занимаемой, и по важности города. Передъ риторомъ или поэтомъ открывалась въ будущемъ не только надежда на лестную извѣстность во всѣхъ концахъ римскаго міра [3]), но еще болѣе заманчивая возможность достиженія высшихъ почестей въ государствѣ. Примѣры Фронтона, Тиціана, Арборія были передъ глазами; Авзоній изъ преподавателей грамматики въ Бордосской школѣ сдѣлался префектомъ преторіи и наконецъ консуломъ и стихъ Ювенала

Si fortuna volet....
....fies de rhetore consul.

оправдался въ дѣйствительности. Бездарный или безпечный изживалъ свой вѣкъ въ школѣ, довольствуясь скудной

---

[1]) Эдиктъ Константина 1 августа 321 года.

[2]) Эдиктъ Константина 27 сентября 333 года.

[3]) Авзоній въ своемъ Commemoratio professorum Burdegalensium говоритъ объ ораторѣ Викторѣ Минервіи. „Его лекціями гордились нѣкогда Константинополь, Римъ и наконецъ его родина, не могшая, правда, равняться съ величіемъ тѣхъ городовъ, за то сильная своимъ именемъ отчизны. Ausonius edit. Panckoucke tome I p. 160.

платой и не болѣе завидной репутаціей [1]) или, думая на гой каѳедрѣ получить бо́льшій успѣхъ, а, слѣдовательн бо́льшую прибыль — мѣнялъ только городъ, а не положе Даровитому, а главное дѣло, ловкому преподавателю, шему угадать и исполнить требованія современнаго обще открыта была блестящая дорога. Города переманива другъ у друга [3]). Его званіе давало ему завидное поло среди высшаго общества, такъ цѣнившаго таланты рито поэта, такъ увлекавшагося мѣткою остротою или легк провизаціей. Вознагражденіе преподавателя не ограничи денежной платой, иногда весьма высокой; умѣнье пр слушателей доставляло и связи, и почести. Далмацій и ліанъ, племянники Константина В., дорогою цѣною уроки Эксуперія, тулузскаго ритора, который звучны вами, прикрывавшими бѣдность внутренняго содержан костью изложенія и важной осанкой, умѣлъ производит ное впечатлѣніе на многочисленную аудиторію [4]). Уро ственнымъ юношамъ доставили наставнику мѣсто пра одной изъ испанскихъ провинцій. Тѣло другаго знам профессора Арборія, умершаго въ Константинополѣ, б ревезено, по приказанію императора, въ Галлію на фам кладбище его предковъ [5]). Жизнь многихъ риторовъ торовъ могла бы представить доказательство того п

---

[1]) Fructus exulis, tenuisque sermo Ausonii Profess. VIII.

[2]) Et tu Concordi,
Qui, profugus patria
Mutasti sterilem
Urbi alia cathedram. Ibid. X.

[3]) См. Сидонія кн. VIII письмо XI. Лупъ поэтъ и риторъ п то въ Аквнѣ, то въ Перигорѣ, чтобы удовлетворить требовани и другаго города.

[4]) Ausonii Profess. XVII отзывъ объ Эксуперіи.

[5]) Auson. Professores XVI.

завиднаго общественнаго положенія, которымъ пользовался даровитый или считавшійся такимъ профессоръ. Стоитъ указать на Авзонія въ IV, на Леона Нарбоннскаго и нѣкоторыхъ другихъ въ V вѣкѣ, хотя V вѣкъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, далеко не можетъ идти въ сравненіе съ предшествовавшими столѣтіями.

Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе школъ въ V вѣкѣ значительно измѣнилось къ худшему. IV столѣтіе было, блестящимъ временемъ школьной жизни не только сравнительно съ послѣдующимъ, но и съ предыдущимъ вѣкомъ. Это нѣсколько исключительное положеніе объясняется пребываніемъ многихъ императоровъ въ Галліи. Какъ бы ни было впрочемъ, во внѣшней обстановкѣ школы V вѣка мы не находимъ рѣзкихъ различій противъ прежняго. Предметы преподованія были тѣ же, что и въ IV вѣкѣ: философія, право, греческая и латинская грамматика, риторство и поэзія. Относительно преподаванія философіи мы, по счастію, находимъ нѣкоторыя подробности въ письмахъ Сидонія. Платонъ и Аристотель дѣлили между собою философовъ Галліи V вѣка. Евсевій, учитель Сидонія, объяснялъ въ Ліонѣ и, какъ кажется, на греческомъ языкѣ [1]) категоріи Аристотеля. «Боже мой! что за драгоцѣнныя объясненія», восклицаетъ Сидоній, кажется, столько же увлеченный воспоминаніемъ о славномъ учителѣ, какъ и о школьныхъ декламаціяхъ. — «Еслибы кто перенесъ ихъ или къ Сикамбрамъ, жителямъ болотъ, или къ Аланамъ, уроженцамъ Кавказа, или къ Гелонамъ, доящимъ кобылицъ, нѣтъ сомнѣнія, затвердѣлыя сердца этихъ звѣрскихъ и суровыхъ народовъ, ихъ ледяные нервы смягчились бы и растаяли,

---

[1]) Это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Сидонія къ Пробу: tu sub Eusebio nostro, inter Aristotelicas categorias artifex dialecticus *atticisabas*. Sid. Epistolarum l. IV. 1.

и мы бы не видали, не осмѣивали, не страшились бе
ныхъ вспышекъ ихъ звѣрскаго и дикаго невѣжества»
Подъ руководствомъ Евсевія образовались достойные учен
обѣщавшіе со временемъ превзойти учителя, какъ нѣк
Платонъ превзошелъ Сократа [2]). Вотъ отзывъ совреме
ка о качествѣ преподаваемой философіи. Замѣтимъ мим
домъ, можно ли думать послѣ этого, что Синодій сколько
будь сознавалъ паденіе науки?

Въ другихъ школахъ господствовалъ Платонъ, философ
ученіе котораго едва ли не болѣе было распространен
Галліи, чѣмъ система Стагиритскаго философа. Многочи
ные послѣдователи Платона составляли какъ бы особе
братство—collegium Complatonicorum, какъ называет
Сидоній. Разумѣется, это былъ Платонъ, приспособленн
времени. Знаменитѣйшимъ изъ представителей этой п
былъ Мамертъ Клавдіанъ, сочиненіе котораго, сохранивш
по счастію, даетъ возможность судить о настоящемъ со
ніи философіи въ Галліи V вѣка. Слушатель Евсевія, Сид
сохранилъ намъ воспоминаніе и о способѣ философство
Мамерта. Правда, онъ слушалъ его не въ школѣ; Мам
былъ священникъ Вьеннской церкви; но, по словамъ с
же Сидонія [3]), хотя Мамертъ не носилъ длинныхъ волос
отпускалъ бороды, презрительно смѣялся надъ философс
плащемъ и дубиной, внушавшими ему даже отвращеніе,
не менѣе только платьемъ и вѣрою отличался отъ общ
Платониковъ. «Боже мой, говоритъ Сидоній, какъ раз
и открыто принималъ онъ всѣхъ, кто приходилъ къ
за объясненіемъ. Ему было наслажденіе, когда случайн
никшая, повидимому, неразрѣшимая запутанность вопр

[1]) Ibid.

[2]) Сидоній говоритъ это о Пробѣ товарищѣ своемъ по воспитані

[3]) Sid. lib. IV ep. II.

давала ему возможность обнаружить сокровища своихъ знаній. Если насъ сходилось много, всѣ были слушателями, но только одному, кого, быть можетъ, мы сами избрали бы, давалось право говорить. Такимъ образомъ въ порядкѣ передъ каждымъ поочереди расточались богатства его ученія и счастливо приспособленныя движенія сопровождали каждую фигуру рѣчи. Едва только онъ выставлялъ извѣстное положеніе, мы встрѣчали его логическими доказательствами противнаго и онъ долженъ былъ разрушать наши задорныя возраженія. Такимъ образомъ ни одно положеніе не принималось иначе, какъ взвѣшенное, доказанное» [1]). Сочиненіе Мамерта de statu animae до нѣкоторой степени оправдываетъ этотъ отзывъ Сидонія. Авторъ, очевидно, цѣлой головой выше большей части современныхъ философовъ, которымъ въ такомъ изобиліи расточались пышные эпитеты и сравненія Сидонія. Не совсѣмъ утрачена была память и о другихъ философскихъ школахъ. Доказательства этому мы найдемъ въ томъ же сочиненіи Клавдіана Мамерта, хотя господствующей системой было ученіе Платона, находившее себѣ послѣдователей особенно между христіанскими учеными. Скептическій матеріализмъ и ученіе Эпикура были въ особенномъ ходу въ аристократическомъ обществѣ Галліи, болѣе другихъ системъ согласуясь съ нравами и образомъ жизни этого еще полуязыческаго класса. На сколько возможно было процвѣтаніе филолософіи въ западноримскомъ мірѣ V вѣка, она процвѣтала въ Галліи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, болѣе даже чѣмъ въ самой Италіи. Къ философіи же относились кромѣ діалектики также ариѳметика, геометрія и музыка, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ современныхъ свидѣтельствъ [2]).

[1]) Sidon. l. IV ep. II ad Petrejum.

[2]) Ср. Carm. XIV. pr. praef. ad Polemium. musicam et astrologiam quae sunt infra arithmeticam consequentia membra philosophae.

Нужно ли говорить, что изученіе права, науки, созданн практическимъ геніемъ Рима, занимало не послѣднее мѣсто в числѣ предметовъ школьнаго образованія, если въ VI столѣт вѣ сѣверной Галліи, занятой Франками, мы находимъ еще л дей, посвящавшихъ себя изученію Римскаго права. Въ V вѣ каѳедры права были почти во всѣхъ главныхъ городахъ Га ліи. Какъ преподаватель, особенно славился Леонъ Нарбс скій, предъ которымъ, по словамъ Сидонія, замолчалъ бы са Аппій Клавдій, услышавъ объясненіе законовъ XII таблицъ [1] Были и другіе, напримѣръ Марцеллинъ въ той же Н боннѣ, Тетрадій въ Арлѣ, и др. [2]). Какой былъ характе преподаванія, опредѣлить нельзя по совершенному недоста указаній. По всей вѣроятности, практическія цѣли стояли первомъ планѣ, хотя, вѣроятно, и въ V вѣкѣ встрѣчались л въ родѣ Викторія, надъ, которымъ, нѣсколько подсмѣивае Авзоній, говоря объ его разысканіяхъ объ jus ponticu объ узаконеніяхъ древнихъ Квиритовъ, о законахъ Драко Солона, объ установленіяхъ Миноса въ царствованіе Юпи ра и о тѣхъ, которыя даны были Ѳемидой еще до того мени [3]).

Философія и право не были однакоже главными предмет преподаванія. Первое мѣсто занимали: грамматика, риторст поэзія, въ особенности послѣдняя. Знаніе ихъ было необх мою принадлежностію всякаго образованнаго человѣка. Сидо говоря о философахъ и поэтахъ своего времени, не забыва прибавить о поэтическихъ достоинствахъ почти каждаго. І ченіе греческаго языка, до сихъ поръ процвѣтавшее въ Гал благодря вліянію Фокейскихъ колоній, совершенно упало

---

[1]) Sidon. Carm. XXIII vers. 446. et sequ.
[2]) Carm. XXIII v. 465, Epist. III, 10.
[3]) Auson. Professores XXII.

V вѣкѣ. Этотъ упадокъ обнаружился еще въ предшествовавшемъ столѣтіи. Эдиктъ Граціана 376 года свидѣтельствуетъ о маломъ числѣ греческихъ грамматиковъ, ораторовъ, способныхъ занимать каѳедры. Въ «профессорахъ» Авзонія мы найдемъ доказательство незавиднаго положенія преподавателей. Даже въ Марселѣ, главномъ пунктѣ греческой образованности въ Галліи, мы находимъ въ V вѣкѣ только латинскихъ риторовъ и грамматиковъ. Тѣмъ не менѣе, во время Сидонія мы встрѣчаемъ еще не только преподаваніе греческаго языка въ нѣкоторыхъ школахъ, но и греческихъ поэтовъ галло-римскаго происхожденія. Изъ отзыва Сидонія объ Евсевіи видно, что ученіе Аристотеля объяснялось на греческомъ языкѣ. Лампридій въ бордоской школѣ декламировалъ на обоихъ языкахъ; Леонъ Нарбонскій, Rex Castalii chori, какъ называетъ его Сидоній, едва ли не болѣе славился греческими стихотвореніями, нежели латинскими [1]). Нужно читать похвалы нарбонскимъ Консенціямъ, дѣду и внуку. Стòило бы старшему явиться на аѳинскомъ театрѣ и передъ нимъ смолкли бы Софоклъ и Эврипидъ. Еслибы онъ взялся за строгую исторію, гремящій Гомеръ и стремительный Геродотъ едва ли могли бы сохранить свое первенство [2]). Младшій

---

[1]) Sidon. l. IX ep. 15.

[2]) Sid. Carm. XXIII. v. 133.

Aut cum se historiae dabat severae
Primos vix poterant locos tueri
Torrens Herodotus, tonans Homerus,

Чтобы дать понятіе о похвалахъ Сидонія, приведемъ о томъ же Консенціи.

Hic cum Amphioniae studebat arti
Plectro, pollice, voce, tibiaque,
Thrax vates, deus Arcas atque *Phoebus.*
Omni carmine poëterant et ipsas.
Musas non ita musicas putares. Ib. v. 120.

сравнивается съ Пиндаромъ [1]). О Прокулѣ говоритъ Ев
что Аполлонъ призвалъ бы его на помощь въ случаѣ со
нія съ новымъ Марсіемъ [2]). Принимая эти похвалы въ
стоящемъ значеніи, мы можемъ однакоже заключит
нихъ, что греческій языкъ не совершенно еще былъ з
въ Галліи. Въ Арлѣ для нѣкоторой части жителей онъ
еще языкомъ народнымъ въ IV вѣкѣ, какъ видно изъ
св. Цезаря. Самъ Сидоній зналъ по гречески и пе
сочиненіе знаменитаго Аполлонія Тіанскаго [3])

Въ ряду словесныхъ наукъ низшее мѣсто занимал
матика, цѣль которой было объясненіе классическихъ
телей, особенно древнихъ. Грамматики получали отъ
тельства содержаніе вдвое меньшее, сравнительно съ
рами.—Чтобы судить о томъ, на что преимущественн
ремлено было вниманіе преподавателей грамматики, нам
жно обратиться къ писателямъ IV вѣка. Въ V вѣ
энергическому выраженію Клавдіана Мамерта [4]), от
вали ногою даже варварскую грамматику, гнали солец
и варваризмами, и современныя сочиненія почти оправдь
этотъ отзывъ. — До насъ дошелъ трудъ Агразція, г
тика IV или, какъ думаютъ нѣкоторые, V вѣка. Это с
ніе «о правописаніи, свойствѣ и различіи словъ» [5]),
санное въ видѣ дополненія къ подобному же труду Кар

---

[1]) Sid. Epistol. IX, 15.

[2]) Histoire littér. de France II, 539.

[3]) Sid. Epist VIII. 3.

[4]) Epistola ad Sapaudem in Baluzii Miscell. VI p. 536. Vide maticam uti quondam barbaram, barbarismi et solecismi pugno propelli.

[5]) De orthographia et proprietate et differentia sermonis щенъ въ Bibliothéque Latine-française ed. Panckoucke въ прилож сочиненіямъ Авзонія I т. 393.

посвященное Епископу Евхерію, заключаетъ въ себѣ разсужденіе объ употребленіи словъ въ томъ или другомъ значеніи, объясненіе синонимовъ (напр. columbae и palumbes, consuescimus, insuescimus, и assuescimus; dignitus и honestus и т. д.), также различіе въ значеніи словъ, иногда смѣшиваемыхъ по однозвучности, напр. rubor, robur и robor; derectum и directum; примѣры употребленія изъ лучшихъ писателей римскихъ, Цицерона, Виргилія и другихъ. Въ стихотвореніи Авзонія Grammaticomastix т. е мученіе грамматикамъ, мы находимъ вопросы, почитавшіеся особенно трудными для разрѣшенія, напр. «Виргилій въ Буколикахъ говоритъ sepes, отчего же у Цицерона seps? Отчего слово res имѣетъ три совершенно различныя значенія (Imperium litem, Venerem cur una notet res)? Двѣ связанныя лодки будутъ ли называться понтономъ или мостомъ (ponto sit, aut pons) и т. д.[1]). Такимъ образомъ преподаваніе первыхъ элементовъ языка, лексическое и этимологическое толкованіе было дѣломъ большой части грамматиковъ, дѣломъ скромнымъ, не доставлявшимъ ни большой извѣстности, ни большихъ выгодъ [2]), но едва ли не самымъ необходимымъ въ эту эпоху порчи латинскаго языка, когда лучшіе писатели утратили уже чистоту и правильность слога, когда лучшіе поэты забывали долготу и краткость слоговъ и страсть къ неологизмамъ грозила окончательнымъ разрывомъ съ языкомъ золотаго вѣка.—У лучшихъ преподавателей грамматика расширяла впрочемъ свои предѣлы, и часто грамматикъ переходилъ въ область ритора. Комментаріи древнихъ авторовъ, бывшіе главною обязанностію грамматиковъ, давали возможность вводить эстетическія,

---

[1]) Ausonii epit. Panckoucke II, 102.

[2]) О незавидномъ положеніи грамматиковъ смотри Авзонія Professores passim.

историческія и миѳологическія объясненія, и грамматика лучила значеніе филологіи въ современномъ смыслѣ науки. По мѣрѣ того, какъ слабѣло самостоятельное изуч краснорѣчія и поэзіи, грамматика выигрывала, если не въ держаніи, то въ объемѣ, такъ что въ концѣ VIII вѣка гра тикъ явился единственнымъ представителемъ всѣхъ сл сныхъ наукъ, поэтомъ, ораторомъ и философомъ.

Грамматикъ пролагалъ дорогу риторамъ и поэтамъ; анал руя лучшія сочиненія древнихъ, онъ работалъ надъ матеріал уже прежде даннымъ. Дѣло ритора было научить пользо ся этимъ матеріаломъ для самостоятельнаго труда. Объ ніе ораторскихъ пріемовъ, правила расположенія рѣчи, требленія фигуръ и троповъ, средства для достиженія фекта—однимъ словомъ, вся внѣшняя сторона красно была предметомъ риторики. Внутреннее содержаніе, очев должно было, при такой постановкѣ, сойти на второй м и можно сказать, что каждый новый успѣхъ риторики, дый шагъ впередъ въ объясненіи законовъ краснорѣчія п водился въ ущербъ самой сущности истиннаго оратор Среди толпы риторовъ трудно, если не невозможно, оты хотя одного оратора. Главнымъ средствомъ для изученія торики были школьныя декламаціи т. е. сочиненія, написа на извѣстную тему, съ цѣлью впрочемъ не столько ра мысли, сколько доведенія формы до возможной степени с шенства. Предметы декламаціи были очень разнообра общаго имѣли только одну нелюбовь къ простотѣ и ес венности, одно постоянное исканіе эффектовъ, во что ни стало. Это были или рѣчи на замѣчательнѣйшіе суд казусы, или вымышленныя рѣчи и письма историческихъ или сочиненія въ родѣ похвалы глупости и безобразія наконецъ панегирики, любимый родъ сочиненій риторов менъ упадка, родъ, можно сказать, изобрѣтенный ими. (

жаніе декламаціи не имѣло ничего общаго съ дѣйствительностію. Gemini languentes, venenum effusum, cadaveris pasti и прочее въ этомъ родѣ, очевидно, могло только болѣзненно раздражать воображеніе; чувство было такъ напряжено, что не могло казаться искреннимъ. Страстное выраженіе шло изъ головы, а не изъ сердца и единственное вліяніе декламацій, вліяніе высшей степени вредное, тѣмъ болѣе, что оно проникло всюду, состояло въ замѣненіи дѣйствительнаго чувства фальшивой напряженностію и головной экзальтаціей. Чѣмъ менѣе было настоящаго увлеченія, тѣмъ свободнѣе было декламаторамъ выражать его. Среди школьныхъ декламацій безвозвратно утрачивалось чувство простоты. Привыкшему къ этимъ упражненіямъ, по замѣчанію одного изъ древнихъ сатириковъ, было также трудно сохранить чистоту вкуса, какъ человѣку, цѣлый вѣкъ прожившему на кухнѣ—тонкость обоняніа. За то литература, теряя во внутреннемъ достоинствѣ, выигрывала во внѣшнемъ объемѣ. Говоря о декламаціяхъ, мы упомянули о панегирикахъ, какъ о главномъ родѣ. Возникшій въ Греціи, перешедшій въ Римъ въ значеніи похвальнаго слова, панегирикъ сдѣлался какъ бы исключительнымъ достояніемъ галльскихъ ораторовъ. По крайней мѣрѣ, большая часть изъ дошедшихъ до насъ панегириковъ, написана въ Галліи. Здѣсь не мѣсто разсматривать этотъ родъ сочиненій, скажемъ только, что въ литературѣ нигдѣ такъ рѣзко не обнаруживалась утрата нравственнаго достоинства, нигдѣ лесть не являлась въ такомъ возмутительномъ видѣ, какъ въ этихъ похвальныхъ рѣчахъ, произносимыхъ въ присутствіи самаго предмета хвалы. Нравственное чувство читателя страдаетъ столько же за автора, сколько почти и за того, къ кому обращается ораторъ. Такъ низко становится обыкновенно панегиристъ, что невольно роняетъ и того, для возвеличенія котораго истощалъ онъ всю мѣру собственнаго униженія. Говоря о панегирикахъ

Сидонія, мы будемъ имѣть случай представить образецъ кого рода сочиненій. Замѣтимъ здѣсь только то, что пане рикъ Плинія Траяну былъ прототипомъ позднѣйшихъ, хотя гдѣ мы не находимъ большаго разнообразія внѣшнихъ пріемо хотя панегиристы III и IV вѣковъ далеко оставили за со первоначальный образецъ относительно утонченности и, е можно такъ выразиться, дерзости лести.

Риторика составляла одинъ изъ главныхъ предметовъ о зованія во всемъ древнемъ мірѣ; но нигдѣ, по крайней м въ западной его половинѣ, она не принялась такъ быстро пріобрѣла такого значенія, какъ въ Галліи. Кельтскій на ный характеръ заключалъ въ себѣ всѣ условія риторства тому же въ западной половинѣ Римскаго міра, Кельты, годаря вліянію Фокейскихъ колоній, ранѣе другихъ наро познакомились съ этой наукой. Первый преподаватель р рики въ Римѣ на латинскомъ языкѣ былъ Галлъ, и ни провинція не доставила Риму бо́льшаго числа риторовъ. Галліи риторство явилось отличительными особеннос кельтскаго народнаго характера, особенностями, замѣчен Римлянами при первомъ появленіи галльскихъ ораторовъ особенности: легкость рѣчи, плодовитость воображенія, эф тность, argute loqui, сохранили галльскіе риторы до пос нихъ временъ римской литературы. Во время Сидонія ш еще были наполнены риторами. Въ бордоской, которая готовила, по словамъ Авзонія, тысячу изъ своихъ воспит ковъ для форума, двѣ тысячи для сената и для тогъ, обши пурпуромъ [1]), преподавалъ Лампридій, одна изъ литера ныхъ знаменитостей своего времени. Въ Вьеннѣ читал менѣе знаменитый риторъ Сапаудъ, въ дѣятельности кот

[1]) Ausonii Professores I. v. 9.

Mille foro dedithaec juvenes, bis milliai Senatus
Adjecit numerō, purpureisque togis.

полагалъ Мамертъ Клавдіанъ единственную надежду на возрожденіе наукъ [1]), который соединялъ въ себѣ, по словамъ Сидонія, «правильное расположеніе рѣчи Полемона, важность Галліона, плодовитостъ Дельфидія, силу Альцима, деликатность Адельфа, точность Магна Арборія и нѣжность Викторія» [2]). Эти сравненія безполезны для насъ, потому что отъ знаменитостей IV и V вѣковъ остались одни имена; но Сидоній, истощивъ запасъ славныхъ современниковъ и ближайшихъ по времени предшественниковъ, уже не задумывается поставить Сапауда рядомъ съ Квинтиліаномъ. Къ нему и Прагмацію примыкали не многіе, еще заботившіеся о красотѣ и правильности латинскаго языка [3]). Въ Клермонѣ славились Доминцій, отличавшійся строгостію своихъ сужденій [4]) и въ послѣдствіи Іоаннъ, одинъ изъ послѣднихъ представителей краснорѣчія среди гибели римской образованности. Современники и потомство должны бы, по мнѣнію Сидонія, воздвигнуть ему статую, какъ Демосѳену и Цицерону [5]). Въ Ліонѣ и Марсели были преподаватели, составившіе себѣ извѣстность, напримѣръ Марій Викторъ Марсельскій. Наконецъ профессоромъ же риторики былъ, по всей вѣроятности, и Северіанъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ Галліи въ половинѣ V вѣка [6]). Кажется,

---

[1]) Epistola ad Sapaudem. Baluzii Miscell. VI, 535. Quorum egomet studiorum quasi quondam mortem flebili velut epitaphio tumularem, nisi tute eadem venerabili professione, laudabili solertia, acri ingenio, profluente eloquio resuscitavisses.

[2]) Sidon. Epist. V, 10.

[3]) Ibid.

[4]) Sidon. Carm. XXIV. v. 13.

Tam Censorius haud fuit vel ille;
..... Hic si te probat, omnibus placebis.

[5]) Sid. Epist. I. VII, ep. 2.

[6]) Что Северіанъ былъ преподавателемъ риторики, можно заключить изъ слѣдующаго стиха Сидонія:

Severianus ista rhetor altius. Epist. I. IV, ep. 15.

отъ этого Севериана дошло до насъ сочиненіе: Syntom
sive praecepta artis Rhetoricae, выборка изъ разныхъ пи
телей о риторикѣ. Мы знаемъ также и тѣ образцы, изуче
которыхъ, по мнѣнію лучшихъ людей этого времени, было
обходимо для образованія оратора. Это были Нэвій и Пла
для изящной рѣчи, Катонъ для важности, Варронъ для иск
ства, Гракхъ для ѣдкой остроты, Хризиппъ для выработан
сти, Фронтонъ для пышности рѣчи, наконецъ Цицеронъ
усвоенія самой сущности краснорѣчія [1]). Такимъ образ
внѣшняя обстановка была еще довольно завидная. Стò
только повѣрить наслово современникамъ, даже тѣмъ, ж
бы которыхъ на паденіе древней науки заставляютъ, пов
мому, не предполагать въ нихъ излишняго и ни на чемъ
основаннаго увлеченія, и мы можемъ подумать, что пер
слись въ цвѣтущее время римскаго краснорѣчія; такъ м
мы найдемъ славныхъ преподавателей, знаменитыхъ ора
ровъ по всѣмъ родамъ ораторскаго искусства. Къ сожалѣ
дошедшіе до насъ образцы не оставляютъ и тѣни сомнѣнія
носительно дѣйствительнаго достоинства знаменитѣйшихъ
изведеній тогдашняго времени. Надобно имѣть дѣтскую до
чивость ученыхъ Бенедиктинцевъ конгрегаціи св. Мав
какое-то наивное благоговѣніе къ тогдашнимъ авторитет
чтобы безъ улыбки повторять отзывы другъ о другѣ пис
лей V вѣка и основывать на нихъ свое сужденіе [2]). Все
маніе писателей V вѣка было обращено на форму. Эффек
сопоставленіе словъ и мыслей, мелочная отдѣлка каждой
зы, щегольство необыкновенными, изысканными выраже
и словами, дешевое остроуміе, игра антитезами и другими

[1]) Claudiani Mamert. Epistola ad Sapaudem ap. Baluzium loco c
[2]) Иногда отзывы современниковъ передаются такъ, что при всей
ренности въ простодушіи и довѣрчивости ученыхъ издателей литер
ной исторіи Франціи, невольно западаетъ мысль о скрытной иронiи.

гурами и какой-то страхъ передъ естественностію мысли и выраженія—вотъ отличительныя черты тогдашняго риторства, черты, лучше всякихъ современныхъ сожалѣній, свидѣтельствующія о глубокомъ паденіи вкуса и преданій цвѣтущаго времени литературы. Старческимъ безсиліемъ и въ то же время дѣтствомъ, въ которое впадаютъ иногда отживающіе люди и народы, отзываются произведенія риторовъ и ораторовъ. Если свѣжая, сильная мысль пробивается часто сквозь риторическую оболочку, заставляя богатствомъ внутренняго содержанія забывать о формѣ, въ которой она выражена — эта мысль возникла не изъ древней науки, не изъ языческаго сознанія, она явилась извнѣ, порождена христіанствомъ и если облеклась въ формы языческой литературы, то это потому, что эти формы были пока единственными, что не выработались еще новыя, ей свойственныя. Въ V вѣкѣ должно строго отличать по содержанію двѣ литературы: языческую и христіанскую, одну, впавшую въ дѣтство отъ дряхлости и доживающую, не подозрѣвая того, послѣдніе годы существованія, —другую, богатую свѣжими силами, которой принадлежало будущее. Относительно формы, въ V вѣкѣ, различія между христіанской и языческой литературой еще не замѣтно. Разрывъ еще не совершился, и христіанская мысль еще заковывается въ современныя классическія формы, какъ ни тѣсны, какъ ни несвойственны эти формы для ея богатаго содержанія. Напоръ варваровъ скоро унесетъ послѣдніе остатки древняго образованія и христіанское ученіе сброситъ съ себя мишурныя

напр., какъ оканчивается біографія Сапауда. De même Sapaude lisoit les meilleurs auteurs, en choisissoit les plus beaux endroits, puis en formoit des raïons d'éloquence dont il nourrissoit ses disciples. qu'il chérissoit comme ses enfants. En suite cette jeunesse ainsi abreuvée du nectar des sciences Grecques, comme d'un miel Attique, sitôt qu'elle commençoit à prendre l'essor, travailloit à son tour à former elle même des raïons d'éloquence. Hist. Litt. de France v. II. p. 500.

украшенія, полинялую одежду риторства, заговоритъ языкомъ грубымъ, неправильнымъ, но несравненно болѣе ей приличнымъ, чѣмъ вычурныя фразы школьныхъ декламаторовъ. До тѣхъ же поръ мы можемъ представлять, какъ образчики современнаго ораторскаго искусства, безразлично произведенія и духовныхъ христіанскихъ и свѣтскихъ, полуязыческихъ писателей. Сальвіанъ Марсельскій точно такой же риторъ по формѣ, какъ и Авзоній. Дѣло только въ томъ, что марсельскій священникъ, указывающій среди варварскаго погрома и развалинъ Римской имперіи на законность и необходимость этого переворота и видящій въ этомъ только новое доказательство существованія Провидѣнія — заставляетъ насъ забыть о томъ, въ какой формѣ являются его мысли, а панегиристъ Граціана только яснѣе обнаруживаетъ всю несостоятельность риторства искусственнымъ способомъ замѣнить недостатокъ истиннаго краснорѣчія.

Все, что сказали мы о судьбѣ риторики, еще съ бо́льшимъ основаніемъ можетъ быть приложено къ поэзіи V вѣка. Точно также теорія поэзіи или лучше сказать версификаціи преподавалась въ каждой школѣ; такое же множество поэтовъ, о которыхъ говорятъ съ восторженными похвалами. Если риторы V вѣка безъ зазрѣнія совѣсти называютъ другъ друга Квинтиліанами и Гракхами; licentia poëtica идетъ еще далѣе. Не только встрѣчаемъ на каждомъ шагу Алкеевъ, Флакковъ и Виргиліевъ, мы находимъ Орфеевъ, Амфіоновъ и даже самого Феба. Правда, Сидоній, получившій это послѣднее названіе отъ Орфея — Лампридія [1]), говоритъ, вѣроятно изъ авторской скромности, что это не болѣе, какъ дружеская шутка, но мы знаемъ изъ приведенной выше похвалы самого Сидонія Консенціо старшему, что подобныя сравненія дѣлались

[1]) Sidon. Epist. I. VIII, 11.

весьма серьезно. Чѣмъ полнѣе было паденіе истинной поэзіи, тѣмъ болѣе чувствовалась потребность взаимными похвалами, круговой порукой удивленія и восторга скрыть отъ другихъ и отъ самихъ себя настоящее положеніе дѣла. Только при этой системѣ взаимнаго застрахованія отъ сознанія печальной дѣйствительности возможно было существованіе поэзіи въ V вѣкѣ и это множество болѣе или менѣе знаменитыхъ стихотворцевъ. Нельзя сказать, чтобы утратилась совершенно всякая память о цвѣтущихъ временахъ римской поэзіи, чтобы позабыты были лучшія поэтическія произведенія Греціи и Рима. Въ IV и V вѣкахъ мы находимъ многочисленныя доказательства противнаго. Главное дѣло грамматиковъ былъ подробный анализъ и комментарій древнихъ поэтовъ и эстетическій разборъ ихъ. Въ посланіи къ внуку Авзоній разсказываетъ намъ планъ занятій, по которому Гомеръ и Менандръ должны быть прочитаны вполнѣ, а за тѣмъ слѣдовали Горацій, Виргилій и Теренцій [1]). Едва началъ Павлинъ, внукъ Авзонія, родившійся въ Македоніи и окруженный потомъ въ Галліи греческими служителями, едва началъ онъ понимать нѣсколько латинскій языкъ, какъ его усадили за Виргилія [2]). Во второй половинѣ V вѣка, Сидоній читалъ съ своимъ сыномъ Теренція и Менандра [3]). Въ сочиненіяхъ этого времени мы находимъ не только имена древнихъ поэтовъ, но и доказательства, убѣдительно говорящія въ пользу довольно близкаго, повидимому, знакомства съ ними. Утратилась, слѣдовательно, не память о лучшихъ представителяхъ классической поэзіи, а самая способность понимать ихъ, чувствовать красоты истинной поэзіи, и возможность подражать великимъ образцамъ въ ихъ духѣ и направленіи, несмотря на то, что внѣшнее подраженіе было

[1]) Ad nepotem Ausonium protrepticon de studio puerili.
[2]) Paulini Eucharisticon Deo.
[3]) Sidon. Epistol. I. IV, 12.

одной изъ особенностей временъ упадка. Употребилъ же Тиціенъ, ліонскій риторъ III вѣка, большую часть своей дѣятельности на рабское подражаніе, на передразниваніе Виргилія и другихъ поэтовъ. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ безплодно самое близкое знакомство съ лучшими писателями, если изсякъ самый источникъ поэтическаго вдохновенія,— представляетъ Авзоній. Побѣжденіе трудностей было главною цѣлію поэтовъ IV и V вѣковъ. Это было, если можно такъ выразиться, время гимнастики и фокусничества поэзіи. Валентиніанъ I вызвалъ однажды Авзонія на поэтическое состязаніе. Дѣло состояло въ томъ, чтобы составить изъ подобранныхъ искусно стиховъ Виргилія піесу на заданную тему. Такого рода ребяческія упражненія назывались центонами. Для составленія каждаго стиха складывали два полустишія, подобранныя изъ разныхъ мѣстъ. Позволялось также для составленія двустишія взять полтора стиха изъ одного мѣста и прибавить недостающее полустишіе изъ другаго. Взять два стиха сряду считалось неловкостію, три—непозволительнымъ промахомъ [1]). Написавъ брачный центонъ, Авзоній доказалъ въ одно и то же время и свою ловкость царедворца, потому что, не уклонившись отъ лестнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ опаснаго состязанія, онъ сохранилъ доброе расположеніе своего вѣнчаннаго соперника, — и свою необыкновенную память, потому что его поэма въ 130 стиховъ вся подобрана изъ Виргилія съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ центона и наконецъ отсутствіе всякаго пониманія настоящихъ требованій искусства, отсутствіе вкуса и эстетическаго чувства. Центонъ Авзонія нельзя читать безъ глубокаго отвращенія. Изъ стиховъ Виргилія онъ съумѣлъ составить самую циническую, самую безнравственно-грязную и даже не остроумную поэму. Въ стихотвореніяхъ

[1]) См. Идиллія Авзонія XIII ad Paulum и Cento nuptialis.

самого Авзонія трудно отыскать какое-нибудь родственное сходство съ тѣми великими образцами, которые онъ зналъ почти на память. То же можно сказать и о поэтахъ V вѣка. Подражали размѣрамъ древнихъ, нѣкоторымъ внѣшнимъ пріемамъ, употребленію извѣстныхъ оборотовъ того или другаго. Самая сущность древней поэзіи была недоступна для версификаторовъ IV и V вѣковъ, потому что ускользала отъ ихъ пониманія. Звучность ритма и мелочная отдѣлка въ соединеніи съ извѣстными уже намъ пріемами риторства—вотъ все, чѣмъ должны были довольствоваться непризванные поэты послѣднихъ временъ римской литературы. Поэзія понималась только какъ версификація, достиженіе легкости было главною цѣлію, и то, что составляетъ только побочную принадлежность, заступило мѣсто самой сущности. Отъ того-то головоломныя упражненія играютъ такую важную роль. Центонъ Авзонія познакомилъ насъ съ однимъ изъ родовъ подобныхъ упражненій. У него же найдемъ и нѣсколько другихъ. Таковъ, напримѣръ, eu Technopaegnion [1]), гдѣ каждый стихъ оканчивается односложнымъ словомъ и притомъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій. Иногда каждый стихъ долженъ начинаться тѣмъ односложнымъ словомъ, которымъ оканчивается предыдущій; иногда односложныя находятся только въ концѣ стиха, но за то они должны означать извѣстные предметы. У Авзонія есть стихотворенія, въ которыхъ односложныя слова означаютъ или боговъ, или кушанья, или члены тѣла. Сидоній сохранилъ намъ еще образчикъ трудныхъ задачъ версификаціи: это стихи recurrentes или recíprocí т. е. такіе, которые читаются и съ начала до конца и съ конца до начала, сохраняя тотъ же смыслъ, напр.

Roma tibi subito motibus ibit amor. [2])

---

[1]) Авзоній Идиллія XII.

[2]) Sid. Epistol. l. IX ep. 14.

Сидоній самъ писалъ такіе стихи съ тою только разницею, что у него можно читать двустишія съ конца, но отдѣльныя слова читаются обыкновеннымъ порядкомъ [1]). Были также стихотворенія, изображавшія кресты, сѣкиры и т. д. Фортунатъ, писатель VI вѣка, ломалъ голову, чтобы написать стихотвореніе въ 33 стиха такъ, чтобы въ каждомъ стихѣ было ровно 33 буквы.

Мы остановились, быть можетъ, долѣе, нежели слѣдовало, на этихъ ребяческихъ упражненіяхъ; но это потому, что занятіе ими въ извѣстную эпоху всего лучше можетъ дать настоящую мѣрку для опредѣленія характера самой литературы этого времени; особенно когда подобные признаки упадка вкуса являются не у отдѣльныхъ только личностей, а характеризуютъ общее направленіе. Разсматривая дошедшія до насъ поэтическія произведенія IV и V вѣковъ, мы найдемъ новыя доказательства старческаго безсилія, о которомъ уже говорили. Особенно въ ходу тѣ роды поэзіи, въ которыхъ менѣе всего требуется творческой силы. Эпопея и лирика не подъ силу поэтамъ послѣдняго времени; на первомъ планѣ стоятъ описательный и дидактическій роды, также посланія и стихи на извѣстные случаи. Авзоній безспорно плодовитѣйшій изъ поэтовъ временъ упадка. Что же написалъ онъ? 146 эпиграммъ (въ томъ числѣ 11 на мѣдную телицу работы Мирона, множество описаній статуй и т. д.); кромѣ того 4 эпиграммы, гдѣ онъ говоритъ о своемъ консульствѣ; эфемериды, 30 стихотвореній, посвященныхъ памяти родственниковъ, 26, посвященныхъ профессорамъ бордоской школы, 38 эпитафій древнимъ

---

[1]) Praecipiti modo quod decurrit tramite flumen
Tempore consumptum jam cito deficiet.
Читая съ конца получимъ:
Deficiet cito jum consumptum tempore flumen
Tramite decurrit quod moto praecipiti. Ibid.

героямъ, 24 четырестишія объ императорахъ отъ Цезаря до Геліогабала, 14 описаній знаменитыхъ городовъ, 7 мудрецовъ съ приложеніемъ главныхъ положеній каждаго въ седмистишіяхъ, 20 идиллій (въ томъ числѣ поэма о Мозеллѣ, стихи, по поводу картины, изображавшей распятаго купидона, Технопегніонъ, Брачный центонъ и пр.) 22 различныхъ стихотворенія, напр. моностихи, дистихи, четырестишія на мѣсяцы, иды и ноны, 25 писемъ къ разнымъ лицамъ и краткое изложеніе содержанія пѣсенъ Иліады и Одиссеи. Уже простой перечень стихотвореній Авзонія даетъ понятіе о господствующемъ направленіи. Возьмемъ теперь стихотворенія Сидонія. Это—3 панегирика съ 5 предисловіями и посвященіями, 2 эпиталамы и 3 относящіяся къ нимъ стихотворенія, 4 посланія, описаніе Нарбонны, описаніе виллы Леонція, стихотвореніе по поводу четырехъ рыбъ, пойманныхъ ночью, четырестишіе о рыбномъ садкѣ, стихотвореніе о банѣ въ Авитакумѣ, просьба въ стихахъ Майоріану, заключительное обращеніе къ книгѣ стихотвореній. Въ собраніи переписки мы находимъ посланія въ стихахъ, надписи, эпитафіи и прочее въ этомъ родѣ. Изъ этого преобладанія описательной поэзіи можно уже вывести заключеніе объ упадкѣ поэзіи, хотя въ стихотвореніяхъ этого рода и встрѣчаются иногда граціозные образы и довольно счастливыя изображенія картинъ природы. Въ поэтахъ этого времени нѣтъ даже сознанія, что описательная поэзія еще не самый высшій родъ. Сидоній думаетъ совершенно опровергнуть тѣхъ, которые вздумали бы упрекнуть его въ длинноте и мелочности описанія виллы Леонція; онъ ссылается на Стація, на Вописка, не подозрѣвая, что самое подражаніе такимъ образцамъ сильно говоритъ объ упадкѣ вкуса и истиннаго пониманія поэзіи [1]).

---

[1]) Sidon. Carm. XXIII, in fine.

Какъ, впрочемъ, ни сильно понизился уровень внутренняго достоинства поэтическихъ произведеній V вѣка, поэзія занимала важное мѣсто въ жизни современнаго общества. Въ письмахъ Сидонія мы встрѣчаемъ въ высшей степени любопытныя подробности. Для высшихъ слоевъ общества поэзія въ томъ видѣ, какъ мы ее находимъ въ это время, была одною изъ первыхъ необходимостей. Безъ нея нарушилась бы полнота наслажденія жизнію. Высшіе государственные сановники находили время для занятія ею и владѣли стихомъ не хуже записныхъ версификаторовъ. Въ числѣ знаменитыхъ поэтовъ Галліи считались Консенцій, одинъ изъ дѣятельныхъ и счастливыхъ дипломатовъ римскихъ, занявшій при Авитѣ должность comitis palatii [1]), Домнулъ, квесторъ имперіи около 461 года [2]), Петръ, государственный секретарь при Майоріанѣ [3]), Валеріанъ, префектъ Галліи прежде 456 года [4]), Полемонъ, бывшій префектомъ преторіи въ 475 году [5]) и другіе члены высшей аристократіи. Императоры любили окружать себя литературными знаменитостями, и легкія импровизаціи мѣшались съ серьезными рѣчами на придворныхъ обѣдахъ [6]). Панегирикъ въ прозѣ, обыкновенно являвшійся при началѣ каждаго царствованія, не удовлетворялъ уже болѣе. Лесть не такъ пріятно щекотала самолюбіе, если не была облечена въ поэтическую форму. За то стихотворный панегирикъ доставлялъ автору если не всегда славу, за то вѣрную выгоду [7]). Наградой счастливому панегиристу бывала не только статуя въ

[1]) Sid. Carm. XXIII v. 223 et sequ.
[2]) Sidon. Epist. I. IX ep 15.
[3]) Ibid I. IX. ep. 13 и 15.
[4]) Sid. Carm. VIII.
[5]) Sid. Carm. XV.
[6]) Sid. I. II ep. 11.
[7]) Sid. I. I ep. 9. Сидоній говоритъ о своемъ панегирикѣ Антемію: Hic ipse paregyricus, etsi non iudicium, certe eventum boni operis accepit.

библіотекѣ, но и болѣе положительныя выгоды. Просьба, выраженная въ стихахъ, скорѣе всего доводила до желаннаго результата [1]). Каждое новое стихотвореніе читалось съ жадностію и переходило изъ рукъ въ руки. При первомъ слухѣ о появленіи литературной новости, къ автору обращались со всѣхъ сторонъ съ просьбами о сообщеніи. По смерти Викторія, одного изъ поэтовъ Галліи, Сидоній обращается къ его наслѣдникамъ съ требованіемъ выслать ему сочиненія умершаго [2]). «Вы были близки къ покойному по крови, пишетъ онъ, я по профессіи.» И не только свѣтское общество вполнѣ удовлетворялось современнымъ состояніемъ поэзіи. Не строже были требованія и другаго класса людей, стоявшаго, повидимому, несравненно выше и по образу жизни, и по богатству и силѣ мысли, я разумѣю духовенство. Мы имѣли уже случай замѣтить, что свѣтская и духовная литература V вѣка, столь непохожія другъ на друга по внутреннему содержанію, не представляютъ почти никакого различія относительно формы. Эта одинаковость внѣшней оболочки мысли кажется нѣсколько неестественною и въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Еще страннѣе видѣть христіанскую идею, облеченную въ суетныя, лишенныя даже внѣшней красоты и правильности, формы свѣтской поэзіи со всѣми ея мелочными условіями. Просперъ Аквитанскій изложилъ высокое ученіе Августина въ 392 эпиграммахъ точно такъ, какъ въ предшествовавшемъ столѣтіи Авзоній — ученіе 7-ми мудрецовъ. Разница только въ томъ, что между Авзоніемъ и Просперомъ около полустолѣтія; а въ это время порча языка и упадокъ поэзіи сдѣлали быстрые шаги. Клавдій Марій Викторъ облекъ свои комментаріи на книгу Бытія въ классическіе гекзаметры. Одною уступчивостію духу времени, во имя успѣшнѣйшаго дѣйствія на общество, нельзя

[1]) Sid. Carm. XIII.
[2]) Sid. l. V ep. 21.

объяснить этого явленія. Скорѣй нужно допустить, что формы современной версификаціи брались, не только какъ средство, оправдываемое цѣлію, но и вслѣдствіе убѣжденія въ ихъ достоинствѣ. Воспитаніе, полученное въ юности, оставило привычки, мнѣнія, отъ которыхъ не легко было освободиться; со вкусомъ, испорченнымъ съ дѣтства, трудно было понять пошлость и неприличіе этой формы. Тотъ же Марій Викторъ пишетъ посланіе въ стихахъ къ аббату Салмону объ испорченности нравовъ своего времени, и въ этомъ случаѣ трудно найти другую причину, кромѣ укоренившихся привычекъ первоначальнаго воспитанія. Наконецъ, Евхаристиконъ Павлина, внука Авзонія, — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній V вѣка, столько же по интересу самого содержанія, сколько и по искреннему чувству, сдѣлавшемуся рѣдкостію въ это время аффектаціи и искусственности,—Евхаристиконъ, котораго цѣль прославленіе верховной благости, а не исканіе литературной извѣстности — написанъ тѣмъ не менѣе стихами. Напрасно Павлинъ умоляетъ случайнаго читателя этого сочиненія, вовсе не назначеннаго для публики, предать его забвенію; форма гекзаметра невольно заставляетъ сомнѣваться въ искренности желанія, и въ литературной исторіи V вѣка мы не знаемъ примѣра, который бы такъ наглядно доказывалъ могущественное вліяніе прежнихъ занятій на человѣка, искренне разорвавшаго всѣ связи съ прошедшимъ, искренне отрекшагося отъ прежнихъ вѣрованій и образа жизни.

Мы пересмотрѣли въ бѣгломъ очеркѣ, и на сколько позволяли отрывочныя и скудныя извѣстія, всѣ предметы школьнаго образованія V вѣка. Какое же общее заключеніе можно вывести изъ всего сказаннаго? Послѣдній вѣкъ существованія Западно-римской имперіи, V столѣтіе было и послѣднимъ временемъ римской литературы, остававшейся въ своихъ основаніяхъ языческою. Декламаціи риторовъ, легкія импровизаціи

на случай, какъ-то странно звучали среди варваровъ, въ качествѣ союзниковъ или врагами, рыскавшихъ во всѣхъ владѣніяхъ Западно-римской имперіи и особенно въ Галліи. Школы были еще довольно многочисленны, но аудиторіи языческихъ и полуязыческихъ риторовъ и ораторовъ замѣтно пустѣли съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ. Церковь и христіянство завоевали всѣ лучшія силы, всѣ серьезные умы высшаго общества, до сихъ поръ главнымъ образомъ поддерживавшаго запоздалыхъ ревнителей языческой образованности. Еще въ IV столѣтіи Авзоній напрасно заклиналъ самаго любимаго изъ своихъ учениковъ, св. Павлина, возвратиться къ литературнымъ занятіямъ, къ беззаботной жизни свѣтскаго человѣка, къ почестямъ и славѣ, встрѣтившимъ юношу почти тотчасъ по выступленіи его на поприще практической дѣятельности. Бэотійскія музы не вняли мольбамъ Авзонія, и Павлинъ не возвратился къ служенію латинскимъ Каменамъ [1]). Блестящаго поэта, прославленнаго адвоката и сановника неудержимо влекла въ даль одинокая гробница св. Феликса въ Нолѣ. У нея, въ смиренныхъ подвигахъ христіанскаго благочестія, нашелъ ученикъ Авзонія то нравственное успокоеніе, котораго недоставало ему прежде, ту вѣру, необходимость которой онъ сознавалъ, по собственному признанію, среди ужасовъ сомнѣнія. Въ V вѣкѣ такое отступничество отъ служенія музамъ встрѣчалось все чаще и чаще. Чтобы узнать суетность свѣта, св. Павлину надобно было долго жить среди общества, извѣдать на опытѣ всю обманчивость жизни во всей ея полнотѣ; въ другихъ перемѣна совершалась необыкновенно быстро, почти безъ участія собственной воли. Св. Германъ Оксеррскій, даровитый юристъ знатнаго рода, начальникъ военной границы, преданный

[1]) Haec precor! Hanc vocem, Boeotia numina, Musae,
Accipite; et Latiis vatem revocate Camoenis.
Auson. epist. XXV, ad Paulinum.

до старости охотѣ, вдругъ сдѣлался епископомъ, жарк
ревнителемъ чистоты христіанскаго ученія, избранник
гальскаго духовенства для борьбы съ пелагіанизмомъ на
мой его родинѣ. Святость жизни св. Германа и увлекател
краснорѣчіе обаятельно дѣйствовали на самихъ варваро
Близилось время, когда новое христіанское общество поз
детъ на нѣсколько столѣтій литературныя преданія язычес
Греціи и Рима, будетъ враждебно смотрѣть на нихъ. Уж
концѣ V или въ началѣ VI столѣтія пророческое видѣніе
вратило св. Цезаря Арльскаго отъ занятій свѣтской литер
рой. Плечо и рука, касавшіяся книги, надъ которой засн
онъ, были изъѣдены страшнымъ драконом. Такъ въ бл
честивой легендѣ отразилась вражда къ языческой свѣтс
литературѣ. Скоро занятія грамматикой будутъ счита
соблазномъ, и величайшіе поэты древности, Горацій, Вирги
Ювеналъ, будутъ являться воображенію какъ демоны-соб
нители, влекущіе своихъ неосторожныхъ почитателей къ
минуемой гибели [1]). Это время еще было далеко въ будуще
но симптомы его приближенія уже начинали чувствовать
Можно бы даже подумать, что отъ лучшихъ людей V вѣк
укрылось предчувствіе печальной участи, которая должна
ла скоро постигнуть свѣтскую литературу. Вотъ въ как
выраженіяхъ описываетъ Мамертъ Клавдіанъ современное
стояніе науки. «Я почти уже готовъ печальной эпита
оплакать смерть науки.... потому что я вижу, какъ Рим
не только пренебрегаютъ, но какъ будто стыдятся латинс
языка. Грамматика почти варварская; но и ту гонятъ с
цизмами и варваризмами, отталкиваютъ ногою; діалект
боятся, какъ Амазонки, съ обнаженнымъ мечемъ стремяще
въ битву; риторика, какъ знатная госпожа, не нахо

[1]) См. любопытную исторію Вильгарда Равеннскаго въ XI стол
разсказанную Раулемъ Глабьеромъ. Bouquet X, 23.

пріема въ убогомъ жилищѣ; отъ музыки, геометріи и ариѳметики отвращиваются, какъ отъ трехъ фурій; наконецъ, философію считаютъ едва ли не за какое нибудь зловѣщее животное [1]).» Жалобы на упадокъ знанія находимъ и у другихъ современныхъ писателей. Павлинъ, разсказывая въ своемъ Евхаристиконѣ о годахъ дѣтства и ученья, прибавляетъ съ грустнымъ раздумьемъ. «Этотъ способъ воспитанія давно уже исчезъ среди порчи нашего вѣка; но, признаюсь, я бы радъ былъ сохраненію стараго римскаго обычая: старику всегда нравится его время» [2]). У Сидонія мы часто находимъ подобныя же сѣтованія [3]). Будемъ впрочемъ насторожѣ противъ этихъ жалобъ. Ясное представленіе современной дѣйствительности едва ли было у кого нибудь въ V вѣкѣ. Рядомъ съ жалобами, мы найдемъ и надежду, чтобы не сказать увѣренность, въ возможности возрожденія науки. Мамертъ Клавдіанъ откладываетъ въ сторону свою эпитафію, потому что Сапаудъ, риторъ вьеннской школы, воскресилъ уже своими трудами цвѣтущее состояніе науки. Сидоній возлагалъ свои надежды на Іоанна, клермонтскаго ритора, и на другихъ. Еслибы даже и не высказывались эти надежды такъ ясно и положительно, мы и тогда имѣли бы право заподозрить искренность сожалѣній о прошломъ и опасеній за будущее. Какое-то внутреннее самодовольствіе слышится въ самыхъ жалобахъ; иногда кажется, что онѣ не что иное, какъ риторическія фигуры и высказаны только за тѣмъ, чтобы наглядпѣе представить заслуги современныхъ знаменитостей, Цицероновъ, Пиндаровъ, Гораціевъ

---

[1]) Epistola ad Sapaudem apud Baluzium. Miscell. IV 537.

[2]) Paulini Eucharisticon Deo sub ephemeridis meae textu. Bibliothèque Latine-française, édit. Panckoucke, въ приложеніи къ 1 тому Авзонія стр. 354.

[3]) Напр. Sid. Epist. VIII, 2 и 6,—V 10,—IV, 17 и мн. друг.

и Платоновъ V вѣка. Не вѣрится этимъ жалобамъ, і
гда тутъ же встрѣчаемъ разительныя доказательства отсу
ствія всякаго правильнаго пониманія, отсутствіе сколько і
будь высшихъ требованій, авторское самоуслажденіе и скры
ное довольство настоящимъ. Для потомства, возобновивша
прерванное знакомство съ памятниками классической литер
туры и воротившаго даръ пониманія, V столѣтіе кажется вр
менемъ полнаго, окончательнаго упадка; для современниковъ
оно не только не было ниже III и IV вѣковъ, едва ли многи
уступало золотому вѣку Августа. Внѣшняя обстановка е
существовала. Школы были еще довольно многочисленны;
нихъ толпились, какъ прежде, риторы, философы; внутренни
же признаковъ разложенія и порчи не видно было людям
страдавшимъ общею болѣзнію своего времени. Пятый вѣ
былъ вѣкомъ абревіаторовъ. Наука, потерявшая давно у
свое жизненное начало, постепенно съуживалась, вмѣщая
наконецъ въ тѣсныя рамки сокращеній и извлеченій; въ это
только видѣ она и была поплечу современникамъ, вполнѣ
вольнымъ жалкими сборниками, вѣровашимъ, что все грома
ное содержаніе науки какимъ-то чудомъ утѣснилось въ пред
лахъ одного томика. Мы слышали отзывъ Сидонія о филосо
скихъ чтеніяхъ Евсевія. Заставьте дикаго Гелона, кормящ
гося кониною и пьющаго кобылье молоко, выслушать курсъ
ліонскаго философа, и римлянамъ нечего бояться его зві
ской свирѣпости. Если послѣ этого Сидоній вздумаетъ жал
ваться на упадокъ литературы, трудно повѣрить ему насло
и видѣть въ жалобѣ что-нибудь, кромѣ риторики. Нѣтъ; ри
ская литература, точно также какъ и Римская имперія, ум
рала, по энергическому выраженію Сальвіана Марсельскаг
со смѣхомъ на устахъ. Moritur et ridet. Тоже самое нея
нятное для насъ самообольщеніе, скрывавшее отъ больши
ства современниковъ безнадежное состояніе Римской импері

скрывало отъ нихъ и настоящее, не менѣе безотрадное, положеніе литературы.

Все, что мы знаемъ о школьной жизни Сидонія, ограничивается весьма немногимъ. Кромѣ извѣстнаго уже намъ Евсевія, онъ слушалъ лекціи поэта Гоенія [1]) и, кажется, ученаго Виктора, бывшаго квесторомъ при Антеміи [2]). Каково было вліяніе наставниковъ на воспріимчиваго юношу, опредѣлить невозможно, потому что, кромѣ именъ, ничего не сохранилось ни въ письмахъ Сидонія, ни въ другихъ современныхъ извѣстіяхъ. Въ школѣ положилъ начало Сидоніи тѣмъ связямъ съ замѣчательнѣйшими людьми своего времени, которыя дѣлаютъ его переписку такимъ драгоцѣннымъ источникомъ для исторіи общества V вѣка.

Вмѣстѣ съ нимъ учился Авитъ, членъ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій, родственникъ Сидонія по матери, въ послѣдствіи сдѣлавшійся еще болѣе близкимъ [3]). Тѣсною дружбою соединены были съ Сидоніемъ сыновья Магна, знаменитаго гражданина Нарбонны, бывшаго консуломъ около 462 года. Старшій изъ сыновей Магна, Пробъ, отличался своими успѣхами въ школѣ и сохранилъ до конца жизни любовь къ занятіямъ, средства къ которымъ доставляла ему богатая отцовская библіотека [4]). Судьба втораго сына, Феликса,

---

[1]) .... Et mihi magistri
Musas sat venerabiles Hoëni.
Carm. IX v. 313.

[2]) Audacter docto coram Victore canentes,
Aut Phoebi, aut vestro qui solet ore loqui;
Qui, licet aeterna sit vobis Questor in aula,
Aeternum nobis ille magister erit.
Carm. I. v. 25.

[3]) Sid. Epistolarum l. III, 1.

[4]) Lid. IV, 1. Сестра Сидонія была потомъ замужемъ за Пробомъ. Carm. XXIV v. 93.

также школьнаго товарища и друга Сидонія, была трев
нѣе и богаче событіями. Болѣе серьезнаго по натурѣ, чѣ
старшій братъ, его не такъ удовлетворили поверхностный д
летантизмъ и беззаботная жизнь свѣтскаго человѣка. Б
сившись сначала въ практическую дѣятельность, онъ дост
высшихъ почестей государственныхъ; въ 472 или 473 г
онъ былъ уже патриціемъ и вскорѣ за тѣмъ префект
преторіи, въ Галліи или Италіи—неизвѣстно. Въ за
тія науками, фолософіей и политикой, онъ внесъ рѣдк
въ то время добросовѣстность. Мы имѣемъ объ его учен
дѣятельности согласные отзывы лицъ, совершенно разл ичны
Геннадій, марсельскій священникъ, оставившій сочиненіе
современныхъ литературныхъ и ученыхъ знаменитостяхъ,
Теодерихъ, король Остготовъ, или, лучше сказать, Кассіодор
съ одинаковыми похвалами отзываются объ его ученыхъ
нятіяхъ. Послѣдніе годы жизни Феликса всего лучше го
рятъ за серьезное направленіе его ума. Не удовлетворенн
ни практическою дѣятельностію, ни философіей, Фели
кончилъ жизнь монахомъ и письмо къ нему знаменитаго е
скопа Фауста свидѣтельствуетъ о строгой жизни новаго
движника [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что съ этого же времени на
лись дружескія отношенія Сидонія и ко многимъ другимъ
цамъ, съ которыми онъ въ постоянной перепискѣ [2]).

По выходѣ изъ школы встрѣтила Сидонія беззаботная жи
свѣтскаго человѣка и литератора. По образованію, по про
хожденію и характеру онъ долженъ былъ занять одно
видныхъ мѣстъ въ обществѣ. Мы почти не имѣемъ прям
указаній о жизни Сидонія до выступленія его на политичес

[1]) Fausti Rhegiensis Galliarum Episcopi de poenitentia ad Feli
epistola. Bibliotheca Maxima Patrum VIII, 552.

[2]) Такъ изъ школьныхъ товарищей Сидонія были, какъ кажется,
устинъ, о которомъ говоритъ онъ въ IV книгѣ 4 письмѣ, и Аквилинъ

поприще т. е. до вступленія на престолъ Авита въ 455 году; но его переписка даетъ намъ возможность составить о ней довольно ясное понятіе. Кромѣ того, что письма Сидонія рисуютъ передъ нами подробную картину общественной и частной жизни въ Галліи V вѣка, они даютъ намъ полное понятіе о характерѣ самого автора, какъ нельзя больше согласномъ съ общимъ характеромъ современнаго общества. Вотъ какъ изображаетъ себя Сидоній, уже бывшій епископомъ. «Ты любишь, какъ мнѣ извѣстно, людей спокойныхъ, пишетъ онъ «къ Филагрію [1]); я люблю даже трусовъ. Ты избѣгаешь варваровъ, кажущихся злыми; я бѣгаю даже отъ добрыхъ. Ты «прилежно занимаешься чтеніемъ; я также мало даю воли «праздности. Ты человѣкъ религіозный; мнѣ бы хотѣлось по «крайней мѣрѣ такимъ казаться. Ты не желаешь чужаго добра; я считаю прибылью, когда не теряю своего. Ты ищешь «общества ученыхъ;—въ толпѣ невѣждъ, какъ бы она велика «ни была, мнѣ кажется, что я въ совершенной пустынѣ. Говорятъ, что ты очень веселъ; я считаю безполезными слезы, «если онѣ пролиты не на молитвѣ. Разсказываютъ, что ты «очень привѣтливъ; никто изъ посѣтителей не бѣжитъ и отъ «моего скромнаго обѣда, какъ изъ пещеры Полифема. Говорятъ о твоемъ необыкновенномъ благодушіи къ слугамъ; я «тоже не мучусь, если мои не такъ часто наказаны, какъ виноваты. Ты думаешь, что должно черезъ день поститься; «мнѣ не тяжело послѣдовать твоему примѣру, хотя я и не «постыжусь предупредить тебя, если дѣло коснется обѣда.» Уничтожимъ въ этой характеристикѣ нѣкоторыя, не слишкомъ впрочемъ замѣтныя черты, напоминающія о новой дѣятельности Сидонія, сдержанность вслѣдствіе новаго положенія, очевидно, не позволявшаго вполнѣ предаваться врожденной

[1]) Sid. Epist. l. VII, 14.

живости, а главное—представимъ Сидонія 20 годами моложе, мы будемъ имѣть понятіе объ его веселомъ, безпечномъ, ле комысленномъ характерѣ, полномъ выраженія кельтскаго и родnаго типа. Ни лѣта, ни обстоятельства, иногда весьма тру ныя, ни, наконецъ, серьезная дѣятельность, которой посв тилъ Сидоній послѣдніе годы своей жизни, не могли сгл дить первоначальнаго направленія. Сидоній-епископъ въ части минуты задушевной откровенности лучше всего даетъ на понятіе о Сидоніи-юношѣ, богатомъ аристократѣ и свѣ скомъ литераторѣ. До насъ не дошли всѣ сочиненія Сидон Собраніе писемъ издано уже во время епископства и въ не вошли только лучшія; стихотворенія изданы по просьбѣ Ф ликса не прежде 468 года и тоже послѣ строгаго пересмот Большая половина поэтическихъ и прозаическихъ произведе осталась неизданною и навсегда потеряна. Этой участи п верглись едва ли не всѣ, написанныя въ первой молодости вмѣстѣ съ ними утрачена и возможность сравненія Сидо въ различныхъ возрастахъ его нравственнаго и литературн развитія. «Я не могу припомнить, говоритъ Сидоній, т произведеній, которыя были написаны мною въ первомъ ж юности. О, еслибы большая часть изъ нихъ могла исчезн и позабыться [1]).» Желаніе клермонтскаго епископа испол лось. До насъ дошло только то, что, по его мнѣнію, могло л лѣ тщательнаго пересмотра и передѣлки достойно пере его память потомству, которое имѣлъ въ виду Сидоній въ мой искренней перепискѣ съ друзьями. Потомство можетъ дить его только на основаніи тѣхъ документовъ, которые

---

[1]) Nec recordari queo quanta quondam
Scripserim primo juvenis calore,
Unde pars major utinam taceri
Possit et abdi.
Sid. Epis. IX. 16.

приготовилъ и подобралъ съ такою осмотрительностію. Но если погибла память объ юношескихъ произведеніяхъ Сидонія, то оставшихся слишкомъ достаточно, чтобы имѣть о немъ полное понятіе, какъ о человѣкѣ, литераторѣ и епископѣ, хотя, быть можетъ, это понятіе существенно разнится отъ того, которое желалъ внушить о себѣ осторожный епископъ. Потеря большей части его сочиненій, не важная, когда дѣло идетъ объ его личной оцѣнкѣ, возбуждаетъ сильное сожалѣніе, потому что вмѣстѣ съ ними утрачено много дорогихъ подробностей о нравахъ, составѣ общества, объ историческихъ событіяхъ и дѣятеляхъ.

Что касается до погибшихъ сочиненій Сидонія, мы можемъ судить о нихъ по оставшимся. Главный характеръ, очевидно, долженъ быть тотъ же; позднѣйшія имѣютъ только преимущество болѣе тщательной обработки. Самое признаніе Сидонія, что онъ много писалъ въ молодости, не прибавляетъ ничего къ суммѣ нашихъ свѣдѣній о немъ. Читая сохранившіяся сочиненія, мы уже знаемъ, что онъ долженъ былъ писать много. Сидоній самъ мѣтко характеризовалъ себя какъ писателя, нисколько впрочемъ не подозрѣвая, что потомство утвердитъ его приговоръ, произнесенный изъ авторской скромности и въ который не вѣрили ни онъ, ни его современники. «У меня болѣе легкости сочиненія, нежели таланта, говоритъ онъ [1])». И въ самомъ дѣлѣ, Григорій Турскій удивляется быстротѣ его импровизаціи [2]), и Сидоній не упускаетъ самъ случая сказать, сколько времени стоило ему то или другое произведеніе. Епитафію дѣду въ 20 стиховъ онъ написалъ въ одну ночь [3]); рѣчь по поводу избранія епископа въ Буржи стоила ему двухъ

---

[1]) Sid. l. III ep. 7. ad Felicem a me officium paupertini sermonis expectas, *cui scribendi*, si bene perspicis, *magis est facilitas quam facultas.*

[2]) Gregor Turon Hist. II, 22.

[3]) Sid. III, 12.

лѣтнихъ ночей [1]); для импровизаціи въ нѣсколько сти ему не нужно было почти вовсе приготовленія. Скорост боты была отличительнымъ признакомъ этого времени; ; нить ее, совладать съ формой было главною цѣлію ш ныхъ упражненій. Люди V вѣка и жили, и писали быстро было ни времени, ни охоты, остановиться долго на с мысли, выносить ее въ себѣ, тѣмъ менѣе предпринять к нибудь серьезный трудъ, требовавшій и продолжитель приготовленій, и долгой внутренней переработки. Надобно спѣшить, чтобы удовлетворить потребностямъ настоящей нуты. Чрезвычайно вѣрно замѣтилъ Мамертъ Клавдіанъ воря, что въ его время чувствовался недостатокъ не въ собностяхъ, а въ серьезномъ трудѣ [2]). Но для серьезн трудовъ не было мѣста въ литературѣ и общественной ж V вѣка. Люди съ болѣе богатой и глубокой натурой умомъ, неспособнымъ расходоваться по мелочамъ на ежед ное употребленіе, не уживались въ свѣтѣ. Оставляя легк сленное общество, они или смолкали на вѣкъ въ тишинѣ настырскаго уединенія, или обращали свою умственную тельность на вопросы христіанскаго ученія, туда, гдѣ б просторъ для пытливаго ума, гдѣ тяжелая работа мысли держивалась и вознаграждалась важностію добытыхъ рез татовъ. Свѣтской литературѣ и свѣтскому обществу V допустить серьезный, сознательный трудъ, сильную и с лую мысль значило добровольно осудить себя на самоубійс Другое дѣло, мелкое, самодовольное труженичество; оно мѣшало никому, не затрогивало разстроенныхъ, наболѣвш нервовъ дряхлаго организма, не подымало вопросовъ, тре но смущавшихъ беззаботную веселость высшаго общес

[1]) Ib. VII. 9.

[2]) Unum illud procul ambiguo dixerim, nostro saeculo non ing deesse sed studia. Epistola ad Sapaud. Baluzii Miscell. VI, 535.

старавшагося какъ нибудь забыться среди печальной дѣйствительности, уйдти отъ сознанія страшнаго будущаго. Мало того; такое труженичество могло способствовать самообольщенію, принимая видъ серьезнаго, дѣльнаго занятія. Оттого-то такъ высоко и ставили его, подымая ребяческія упражненія риторовъ на высоту великихъ произведеній древности.

Постараемся войти нѣсколько въ жизнь высшаго общества V вѣка, въ которомъ по всѣмъ правамъ видное мѣсто занималъ Сидоній, давшій намъ и возможность посмотрѣть на нее довольно близко. Тамъ и здѣсь въ сочиненіяхъ современныхъ писателей мы найдемъ еще нѣсколько отрывочныхъ, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ указаній, которыя дополнятъ и поясняютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣдѣнія, доставляемыя клермонтскимъ Епископомъ. Но прежде мы должны замѣтить, что Сидоній, уже принадлежавшій къ кружку гальскихъ аристократовъ, скоро пріобрѣлъ еще болѣе вѣса и общественнаго значенія. На 20-мъ году, т. е. скоро послѣ выхода изъ дѣтства, оканчивавшагося по римскимъ понятіямъ на 17 году, Сидоній уже былъ женатъ на Папіаниллѣ, дочери Овернца Авита, одного изъ самыхъ родовитыхъ людей Галліи и пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ въ своей родинѣ. Папіанилла принесла въ приданое мужу, кромѣ сильнаго родства, богатое помѣстье Авитакумъ, расположенное, по всей вѣроятности, въ окрестностяхъ нынѣшней деревни Эйдатъ (Aydat) и обезпечившее вполнѣ матеріальное благосостояніе Сидонія [1]). Такимъ образомъ послѣ женитьбы Сидоній связями и богатствомъ становился рядомъ съ самыми знатными лицами. Тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ, дѣлая общій очеркъ общественной и частной жизни высшаго общества, имѣть въ виду, что мы пишемъ и его біографію.

---

[1]) Описано владѣльцемъ во II книгѣ, 2 письмѣ.

Трудно найдти въ исторіи болѣе рѣзкую противоположно
чѣмъ та, которую представляла жизнь высшаго общества
ліи V вѣка съ общимъ ходомъ дѣлъ въ этой странѣ и во
въ Римской имперіи. Варвары тѣснились уже въ лучшія
винціи. Для того, чтобы овладѣть остальными, имъ
но было только двинуться, а не сражаться [1]). Централ
власть не имѣла силъ защищать сколько нибудь прови
она сама готова была уничтожиться при первомъ капризѣ
варовъ, своевольно игравшихъ судьбами имперіи. Римскихъ
жданъ давно уже почти совсѣмъ не было въ войскахъ римск
Франки, Саксы, Бретоны, Бургунды и Готы составляли гла
силу, на которую опиралась власть префекта преторіи Га
Къ этимъ варварамъ, поселившимся въ самой Галліи или
кимъ отъ нея, присоединялись толпы, пришедшія съ бер
Чернаго моря, изъ степей Паннонiи и горъ Кавказа: Сарм
Гунны, Аланы и Гелоны. Присутствіе этихъ союзниковъ
ли не также было тяжело для страны, какъ и вторженi
пріятелей. Враги не сдѣлали бы больше опустошенія,
гунская и аланская конница Литорія въ Оверни въ 436 го
Не было провинціи, не было города, гдѣ бы судьба, ож
шая Римскую имперію, не являлась видимо глазамъ ка
въ опустошеніи, крови и пожарахъ, среди своихъ и вра
ныхъ варваровъ. Съ тупымъ равнодушіемъ, мало того, съ
ствомъ злобной радости смотрѣли массы народонаселен
паденіе имперіи; безпечно веселилось высшее общество
варваровъ, готовившихся раздѣлить послѣдніе остатки
бавшаго Рима. Никто не думалъ объ его защитѣ. Среди
валинъ раздавался только голосъ церкви, но и онъ гремѣ
въ защиту падающаго государства; онъ призывалъ варв

[1]) Nec erat pugnare necesse, sed migrare Getis.
Panegyr. in Avit. v. 303.

[2]) См. панегирикъ Авиту, v. 253. et seq.

совершить волю Провидѣнія надъ государствомъ и обществомъ, истощившимъ мѣру божественной благости. Не будемъ упрекать населеніе провинцій въ недостаткѣ патріотизма. Патріотизмъ возможенъ только тамъ, гдѣ сохранилась хоть искра жизни, и нѣсколько вспышекъ, послѣднее проявленіе этого чувства, только увеличиваетъ мрачный колоритъ картины. И откуда бы взяться патріотизму въ массахъ населенія, когда каждое десятилѣтіе существованія Рима прибавляло только новую тяжесть къ ихъ и безъ того тяжелому положенію, истощая послѣдніе остатки жизненныхъ силъ и энергіи. Только отчаяніе могло породить такія явленія, каковы были возстаніе багодовъ (bagaudi), въ теченіи двухъ слишкомъ столѣтій опустошавшія Галлію и Испанію. Отверженники общества ведутъ съ нимъ безпощадную войну, не во имя какого нибудь принципа, а во имя мести за поруганіе человѣческаго достоинства, за столѣтія неслыханныхъ, безмолвно переносимыхъ страданій. Разграблены города, выжжены жатва и виноградники, а грабители находятъ сочувствіе и помощь повсюду, и нужны цѣлыя арміи, чтобы подавить возстаніе. Центральная власть можетъ эдиктомъ запретить, чтобы не отдавали на воспитаніе дѣтей багодамъ; она не можетъ уничтожить симпатіи большинства населенія. Мало того, она безмолвствуетъ передъ грознымъ запросомъ церкви: кто довелъ ихъ до этого положенія, кто обратилъ мирнаго поселянина въ разбойника, не дающаго пощады; кто, наконецъ, переполнивъ мѣру выносимыхъ притѣсненій, нѣкоторымъ образомъ взялъ на себя отвѣтственность за страшныя послѣдствія? Средняго сословія, единственнаго, отъ котораго можно бы ожидать энергическаго отпора противъ враговъ, мы не находимъ въ послѣднее время Римской имперіи. Оно было уничтожено финансовой системой правительства, добровольно перешло въ полусвободное или несвободное состояніе. Повсюду встрѣчаемъ инквилиновъ,

манзіонаріевъ, колоновъ, трибутаріевъ, кліентовъ, плеб
новъ; нигдѣ не встрѣчаемъ гражданъ въ прежнемъ значе
этого слова.

Центральная власть сумѣла своими эдиктами не тол
уничтожить все значеніе курій, одного изъ самыхъ ж
ненныхъ учрежденій римскаго міра, мало того, обратить
въ орудіе притѣсненія, сдѣлать изъ куріаловъ ближайш
и опаснѣйшихъ враговъ для низшаго класса. Не мудрено,
большинство населенія ждало, какъ избавленія, варварскаго в
дычества, что враги Римской имперіи находили въ немъ ско
союзниковъ, нежели противниковъ. Ѳракійскіе поселяне ука
ваютъ дорогу Готамъ во внутреннія области Восточной импе
при осадѣ Рима Аларихомъ должно было грозить безуспѣ
страшными казнями рабамъ, чтобы удержать ихъ отъ по
токъ впустить враговъ въ городъ. Въ Галліи возстаніе б
довъ около 345 года совпадаетъ съ попыткой Бургунд
утвердиться по ту сторону Вогезовъ, и, отбивши варвар
Аэцій тотчасъ долженъ былъ обратить силы противъ врат
домашнихъ. Нашествіе Атиллы едва ли не нашло союзник
между тѣмъ же классомъ. Осада города варварами весьма
сто сопровождалась возстаніемъ внутри, и защитникамъ ос
деннаго города приходилось отбиваться въ одно и то же вр
отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ [1]). Жить подъ вла
чествомъ Готовъ и Бургундовъ было во всякомъ случаѣ ле
нежели съ оружіемъ въ рукахъ отражать варварскихъ зах
никовъ государственной цѣлости, какъ пришлось въ 442 г
несчастнымъ жителямъ Валенсіи отбиваться отъ Алан
поселенныхъ на ихъ земляхъ по волѣ Валентиніана III. Е
ственнымъ желаніемъ населенія провинцій, уступленныхъ
варамъ, было не возвращаться болѣе подъ власть Рима

[1]) См. Евхаристиконъ Павлина объ осадѣ Готами Базаса.
[2]) Сальвіанъ. De gubernatione Dei, V.

Чѣмъ глубже понижался уровень нищеты и несчастія для тѣхъ, кто на своихъ плечахъ выносилъ всю тяжесть борьбы съ варварами, кто кровавымъ потомъ платилъ унизительную дань врагамъ Рима и жалованье татарскимъ и германскимъ его союзникамъ; тѣмъ завиднѣе становилось положеніе высшихъ классовъ общества. Можно сказать, что безсиліе и паденіе имперіи обратилось въ ихъ пользу, увеличивъ ихъ матеріальное благосостояніе. Куріалы, которые, въ III и IV столѣтіяхъ, разбѣгались по лѣсамъ, шли въ солдаты или въ духовное званіе, чтобы только избавиться отъ своего положенія, въ V вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ Галліи, начинаютъ подымать голову, гордиться своимъ званіемъ и разыгрывать роль маленькихъ сатраповъ въ своихъ городахъ[1]). Финансовая система Рима, приготовившая его паденіе, истощивъ всѣ свѣжія силы государства, послужила въ пользу высшему сословію. Чтобы избѣжать притѣсненій фиска, земледѣлецъ становился колономъ знатнаго и богатаго владѣльца, пользовавшагося иммунитетомъ. Рядъ эдиктовъ напрасно старался уничтожить патронатъ, увеличивавшій значеніе аристократическихъ фамилій, но уменьшавшій число лицъ, отбывавшихъ государственныя повинности. Невозможно было закономъ уничтожить зло, когда самые исполнители закона находили прямую выгоду въ его нарушеніи. Число колоновъ и кліентовъ росло съ необыкновенною быстротою, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и могущество небольшаго числа лицъ, составлявшихъ аристократію Галліи [2]). Прямымъ слѣдствіемъ было

[1]) Ibid. Bibl. Maxima Patrum VIII, 361.

[2]) Замѣчательны слова Сальвіана о распространеніи колоната: Nam suscipiuntur ut advenae, fiunt praejudicio habitationis indigenae; et exemplo quodam illius maleficae praepotentis, quae transferre homines in bestias dicebatur; ita et isti omnes, qui intra fundos divitum recipiuntur, quasi Circei poculi transfiguratione mutantur. De Gubern. Dei. Bibl. Max. Patr. VIII. 361.

образованіе огромныхъ помѣстій, дававшихъ небольшому
владѣльцевъ возможность не только роскошною жизнію
вать отъ себя печальное положеніе отечества, но и сре
для предпріятій, превышавшихъ, повидимому, силы час
человѣка. Съ толпами своихъ и наемныхъ колоновъ о
Дидимъ и Вераніанъ Свевовъ и Алановъ, стремившихъ
Испанію; съ ними же они сопротивлялись похитителю
стола, Константину, располагавшему силами Галліи. До
поръ въ верхнемъ Провансѣ сохранились остатки крѣ
Дардана (префекта Галліи), описанныя Форіелемъ; ус
ство укрѣпленія стоило огромныхъ усилій и пожертво
Жизнь галльскаго аристократа V вѣка нѣсколько може
поминать жизнь средневѣковыхъ бароновъ: точно так
владѣнія, пространствомъ равняющіяся провинціямъ и
ленныя толпами колоновъ и кліентовъ; одинаковое пре
къ вилланамъ, одинаковая фактическая независимост
центральной власти, потерявшей свое значеніе. Приб
еще одну черту, общую тѣмъ и другимъ—это отсутств
ціональнаго чувства и, вслѣдствіе этого, отсутствіе п
тизма. Каждый преслѣдуетъ или только личные, эгоист
кіе интересы, или много-много провинціальные. Этимъ
чемъ и ограничивается сходство. Личная храбрость не
совершенно чужда гальскимъ аристократамъ V вѣка.
ріанъ, Авитъ, Экдицій представляютъ блестящія доказа
ства противнаго, но она была исключеніемъ, и мужеств
энергія послѣднихъ объясняется частію исключительны
ложеніемъ Оверни, ихъ родины, долѣе другихъ про
сохранившей простоту нравовъ и образа жизни. Суровы
далъ среднихъ вѣковъ точно также похожъ на блестящ
нѣженнаго вельможу V вѣка, какъ пѣснь Нибелунго
изысканное описаніе Авзонія картины распятаго куп
или на поэтическія ребячества Сидонія Аполлинарія.

Обратимся къ внѣшней обстановкѣ жизни богатыхъ Галлоримлянъ и начнемъ съ жилища. Сидоній оставилъ намъ подробное описаніе Авитакума и виллы Леонція. Въ другихъ письмахъ встрѣчаются подробности о расположеніи зимнихъ и лѣтнихъ резиденцій. Виллы строились обыкновенно на красивыхъ мѣстоположеніяхъ, на берегу рѣки или озера, на возвышеніяхъ, покрытыхъ оливами и виноградниками [1]). Передъ виллой Сидонія была равнина, окаймленная холмами, и владѣлецъ оставилъ намъ картинное описаніе озера, разстилавшагося подъ самыми окнами столовой [2]). Замокъ Леонція стоялъ на высокой горѣ при самомъ впаденіи Дордоны въ Гаронну [3]). На красивое мѣстоположеніе старались обратить вниманіе посѣтителей; близость воды была необходимымъ условіемъ; безъ термъ, купалёнъ нельзя представить себѣ римской виллы. Купальни были двухъ родовъ: горячія и холодныя. Въ помѣстьѣ Сидонія теплая ванна помѣщалась подъ лѣсистой скалою, такъ что дрова рубились почти у самой печи. Ванна устроена была полукружіемъ и горячая вода, проведенная гибкими свинцовыми трубками, струилась изъ многочисленныхъ отверстій въ стѣнкахъ. Обиліе свѣта заставляло скромниковъ, по словамъ Сидонія, еще болѣе стыдиться своей наготы. Холодная купальня была недалеко отъ теплой. Это было квадратное зданіе съ крышей, сведенной конусомъ, съ черепичными жолобами по угламъ и съ окнами въ сводѣ, сквозь которые снаружи можно было видѣть искусно расписанный потолокъ. Размѣры были такіе, чтобы имѣть все нужное подъ руками, не стѣсняясь присутствіемъ толпы служителей. Лощеныя

[1]) Ad hoc agris, aquisque, vinetis atque olivetis... campo, amoenissimus. Вилла Консенція Sid. l. VIII, 4.

Colles aedibus superiores exercentur vinitori et olivitori. Вилла Ферреола. 11, 9.

[2]) Sid. Epist. l. II, 8.

[3]) Sid Carm. XXII vers. 114

стѣны блистали бѣлизною. Сидоній говоритъ, что въ его в
пальнѣ нѣтъ картинъ, которыя своимъ содержаніемъ, бы
можетъ, возвышаютъ искусство, но зато унижаютъ худ
ника. Эта похвала скромности изображеній заставляетъ пр
полагать, что въ купальняхъ другихъ владѣльцевъ встрѣ
лось противное. По стѣнамъ и у входа были написаны лег
стихотворенія, которыя читались въ первый разъ безъ п
нужденія, хотя и не возбуждали охоты ко вторичному
нію [1]). Купальни украшались мраморами. Если огромныя
мы Сидонія довольствовались мраморомъ, добытымъ въ Г
ліи, зато въ баняхъ Леонція многочисленныя колоны
дорогаго краснаго камня поддерживали золоченую крышу
Имя строителя или хозяина читалось на надписи, врѣза
у входа [3]). Къ теплымъ ваннамъ присоединялся водоемъ (
cina), наполняемый водою, проведенной съ горъ каналами
Въ Авитакумѣ къ нему велъ тройной входъ, раздѣленный
лоннами; вода лилась изъ шести львиныхъ головъ, кото
могли, по словамъ Сидонія, устрашить входящаго гриви
шеей, рядомъ зубовъ и сверкающими глазами. Шумъ
заглушалъ разговоры: приходилось говорить на ухо и смѣ
было видѣть, какъ таинственно говорили о пустякахъ ку
щіеся. На устройство купаленъ обращалось большое внима
Тамъ, гдѣ онѣ еще не были выстроены, замѣняли ихъ
менными помѣщеніями, удовлетворявшими одной изъ суш
венныхъ потребностей римскаго образа жизни. На берегу
ки или озера выкапывали небольшой ровъ, надъ которымъ
гибкихъ вѣтвей орѣшника устраивали навѣсъ, покрытый св

---

[1]) Quia eos nec relegisse desiderio est, nec perlegisse fastidio I.
[2]) Carm. XXII v. 140 et seqq.
[3]) Ibid.
[4]) Huic basilicae appendix piscina forinsecus, seu, si graecari
baptisterium ab oriente connectitur. 1. II, 2.

плотнымъ покрываломъ. Въ ровъ клали раскаленные до красна камни и поливали ихъ водою. Горячій паръ собирался подъ навѣсомъ, подъ который входили на нѣсколько времени, чтобы броситься потомъ въ холодныя волны рѣки [1]). Изнѣженный Римлянинъ сошелся въ привычкахъ съ русскимъ простолюдиномъ.

Самая вилла устраивалась въ двухъ отдѣленіяхъ, зимнемъ и лѣтнемъ. Портики, поддерживаемые колоннами, украшенные картинами, занимали одно изъ видныхъ мѣстъ. Здѣсь отдыхали послѣ обѣда, любуясь красотами природы, прогуливались и принимали гостей. Портики устраивались такъ, что могли доставлять прохладу и тѣнь во всякое время; съ разныхъ сторонъ примыкали они къ главному зданію. Въ замкѣ Леонція, стѣны портика, обращеннаго къ югу, были украшены картинами битвъ Лукулла съ Митридатомъ [2]); на стѣнахъ зимней половины изображены были сцены изъ библейской исторіи [3]). Устраивались также криптопортики, темныя галлереи, въ которыхъ всегда можно было найти освѣжающую прохладу. Здѣсь давались обѣды для кліентовъ и слугъ, и говорливая толпа не мѣшала покою хозяевъ [4]). Расположеніе зимней и лѣтней половины деревенскаго дома было почти одинаково. Зимняя нагрѣвалась каминами [5]) и желѣзными трубами, проводившими теплоту [6]). Въ письмахъ Сидонія мы встрѣчаемъ описаніе вестибула, пріемной комнаты [7]), гдѣ играли въ шары и кости, и гдѣ помѣщалась также библіотека, триклиніевъ

---

[1]) Sid 1. II, 9.
[2]) Carm. XXII v. 163.
[3]) Ibid. vers. 200.
[4]) Epist. I. II, 2.
[5]) Sid. Epist. II., 2.
[6]) Sid.. Carm. XXII.
[7]) Sid. Epist. II 9.

зимнихъ и лѣтнихъ, столовыхъ (diaeta или coenatiuncula) Въ Авитакумѣ широкія ступени вели изъ столовой въ тикъ, гдѣ гость въ промежутокъ обѣда могъ любоваться домъ озера, не оставляя почти своихъ собесѣдниковъ [2]). ворится о спальняхъ (dormitorium cubiculum), о сакрарі и т. д. Статуи, картины, мраморы украшали комнаты б тыхъ Галлоримлянъ [3]). Мы упомянули о библіотекахъ Сидонія мы встрѣчаемъ частыя указанія, изъ которыхъ мо заключить, что библіотека составляла почти необходи принадлежность каждой виллы [4]). Описывая Прузіанскую лу Тонанція Ферреола, Сидоній входитъ въ любопытныя дробности объ устройствѣ библіотеки владѣльца. Она дѣли на три части. Книги, расположенныя подлѣ креселъ, п назначенныхъ для женщинъ, были исключительно рели наго содержанія. Часть библіотеки, состоявшая изъ сер ныхъ произведеній языческой литературы Греціи и Р назначалась для мущинъ. Наконецъ, третій отдѣлъ сост изъ книгъ духовнаго и свѣтскаго содержанія, читавшихся различно и мущинами и женщинами. Здѣсь встрѣчались ренія бл. Августина рядомъ съ Гораціемъ и Варрономъ, генъ, въ переводѣ Руфина, вмѣстѣ съ Пруденціемъ [5]). О віанская вилла Консенція, недалеко отъ Нарбонны, могла хвалится обширною и прекрасно составленною библіоте Есть указанія на музеи, находившіеся при виллахъ. О господскаго дома или въ связи съ нимъ помѣщались хозя

---

[1]) Sid. II. 2.

[2]) Quo loci recumbens, si quid inter edendum vacas, prospic voluptatibus occuparis. l. II, 2.

[3]) Sid. Carm. XXIII in fine.

[4]) См. Sid. Carm. XXII, XXIV epistol I. II, 9—VIII. 4 и м другія.

[5]) Sid. I. II, 9.

венныя постройки [1]). Галлоримскіе господа любили, чтобы все нужное для дома приготовлялось ихъ собственными мастеровыми, и среди многочисленной прислуги были не только рабочіе, но и художники [2]). Не забудемъ одной характеристической особенности деревенскихъ жилищъ IV и V вѣковъ. Роскошныя виллы, расположенныя на смѣющихся мѣстоположеніяхъ средней и южной Франціи, были обнесены стѣнами, и многія могли выдержать осаду въ случаѣ необходимости. Высокія стѣны и башни, не боящіяся осадныхъ машинъ, окружали жилище Леонція [3]). Безпечная жизнь гальскихъ вельможъ невольно должна была окружать себя предосторожностями. Толпы варваровъ бродили по Галліи и защитники Римской Имперіи мало чѣмъ отличались отъ непріятелей. Ограбить имѣніе, перебить служителей было для нихъ дѣломъ обыкновеннымъ [4]). Багоды въ своихъ опустошительныхъ возстаніяхъ прежде всего обращались на помѣстья и загородныя виллы, гдѣ имъ представлялась болѣе легкая добыча, нежели въ городахъ, защищенныхъ стѣнами, и гдѣ, кромѣ того, обитали ихъ ближайшіе и опаснѣйшіе враги, главныя орудія невыносимыхъ притѣсненій фиска. Во второй половинѣ V вѣка

---

[1]) Apotheca, penusque. Carm. XXII v. 219, cella penuaria, textrinum Epist. II, 2. Огромныя житницы въ замкѣ Леонція. Carm. XXII.

[2]) Et diversae artis cito jussu explere periti
Artifices.
Eucharisticon Deo.

[3]) .... ambiet altis
Moenibus, et celsae transmittent aëra turres;
... non illos machina muros,
Non aries, non alta strues, vel proximus agger,
Non quae stridentes torquet catapulta molares,
Sed nec testudo, nec vinea, nec rota currens,
Jam positis scalis, unquam quassare valebunt.
Sid. Carm. XXII v. 118.

[4]) См. панегирикъ Авиту v. 245 и слѣд.

мы уже не встрѣчаемъ въ Галліи большихъ возстаній довъ, но частные грабежи болѣе, чѣмъ когда-нибудь, не рѣдкостію. Шайки разбойниковъ нападали на деревни, ув людей и продавали въ рабство. Населеніе Галліи звал именемъ варговъ—словомъ, безразлично употреблявши германскихъ и скандинавскихъ народовъ въ значеніи хи звѣря (werg—волкъ), разбойника и отверженца общест Время было такое, что стѣны и башни не были только шеніемъ виллы, а одною изъ необходимостей. Къ V вѣ носится начало многихъ замковъ южной Франціи. Нед отъ деревни Дромонъ, въ верхнемъ Провансѣ, еще сох лась надпись съ именемъ Дардана, указывающая мѣсто ной крѣпости. Пользовались остатками древнихъ, еще ι скихъ укрѣпленій, строили новыя въ горахъ, гдѣ самая ность способствовала устройству убѣжищъ на случай оп сти. Многочисленность горныхъ укрѣпленій, принадлежа Овернцу Апру, могла затруднить владѣльца въ выбор Загородная вилла мало по малу обращалась въ рыцарск мокъ. Въ VI столѣтіи мы увидимъ, какъ начинаютъ окру ся стѣнами не только дома богатыхъ вельможъ, но цер монастыри [3]). Жизнь становилась трудною и опасною укрѣпленій, теряла подъ вліяніемъ обстоятельствъ непр денныя и своеправныя формы. Въ V вѣкѣ еще вся внѣш носитъ на себя исключительный характеръ римскаго б римской образованности; но при болѣе внимательномъ р

[1]) Сидоній, разсказывая о похищеніи одной женщины разбой прибавляетъ: Quam forte Vargorum (hoc enim nomine indigenos culos nuncupant) superventus abstraxerat. Sid. I. VI, ep. IV.

[2]) An fortasse sedes montana circum castella, et in eligen perfugii, quamdam prateris ex munitionum frequentia difficu l. V. 14.

[3]) Et prope castellum hac casa sola fecit, говоритъ Фортунатъ Епископа Ниццкія, окруженную стѣною и 30 башнями.

трѣнія начинаютъ уже выказываться начала новаго порядка вещей, которому суждено было навсегда упразднить старый, уже несовмѣстный съ потребностями и духомъ времени. Роскошная вилла Леонція съ крѣпостію подлѣ термъ можетъ служить лучшимъ представителемъ характера того времени. Расписные портики, термы, украшенныя статуями и колоннами, поникнутъ въ развалинахъ; но крѣпость, занимавшая второстепенное мѣсто въ планахъ строителя, доживетъ до XVII вѣка, сохранивъ прежнее имя (Burgus Leontii—le Bourg XVII столѣтія), хотя и мѣняя свой видъ вмѣстѣ съ образомъ жизни своихъ владѣтелей. Въ варварской номенклатурѣ средневѣковыхъ замковъ еще слышится иногда изысканное названіе первоначальнаго жилища, хотя въ Théouls XII и XIII столѣтій и трудно подозрѣвать Теополисъ Дардана.

Мы видѣли жилище богатыхъ Галлоримлянъ V вѣка: посмотримъ, какъ проходила жизнь въ стѣнахъ его. Первый вопросъ, невольно представляющійся, есть вопросъ объ образѣ жизни обитательницъ этихъ виллъ и бурговъ. Судьба ихъ лучше всего даетъ понятіе объ общемъ характерѣ жизни извѣстнаго времени. На ней рельефнѣе выступаютъ главныя особенности, характеризующія ту или другую эпоху историческаго развитія народа. Болѣе воспріимчивая по натурѣ, женщина полнѣе отражаетъ въ своей жизни нравственныя достоинства и недостатки своего времени; на ней всего замѣтнѣе паденіе нравственнаго чувства, въ ней же мы найдемъ и благороднѣйшіе порывы, лучшую сторону человѣческой натуры въ самомъ полномъ ея проявленіи. Однимъ словомъ, своею жизнію женщина всего лучше можетъ представить намъ всѣ степени паденія и возвышенія нравственной стороны извѣстнаго времени. У Сидонія, съ такою полнотою изображающаго жизнь высшаго общества, мы находимъ мало подробностей о положеніи женщины. Даже немногія, мимоходомъ оброненныя

указанія, такъ неопредѣленны и безцвѣтны, что нѣтъ в
можности вывесть какое нибудь положительное и вѣрное
ключеніе. Онъ представляетъ намъ благородную Галло
млянку, занимающуюся рукодѣльемъ во внутренней полов
дома, въ комнатѣ, украшенной картинами библейской исторіи
Въ ея распоряженіи библіотека, наполненная книгами
лигіознаго содержанія. Та часть библіотеки мужа, доступъ
которой не совершенно возбраненъ ей, заключаетъ въ с
избранныя сочиненія древней литературы [2]). Есть указанія
существованія гинекеевъ, женской половины [3]). Нѣтъ п
чинъ думать, что она осуждена на теремное заключеніе:
находимъ ее въ обществѣ мущинъ; но, въ то же время,
присутствіе тамъ почти незамѣтно. Самое молчаніе Сидо
малочисленность или безцвѣтность указаній лучше всего
ворятъ намъ, что она не занимала виднаго мѣста въ об
ствѣ, что ея присутствіе тамъ не считалось необходимос
а развѣ только терпѣлось. Мы собрали почти все, что н
дится въ письмахъ и стихотвореніяхъ Сидонія. Если огра
читься только этимъ, можно вывести заключеніе объ одн
разной, почти исключительно посвященной домашнимъ и
мейнымъ занятіямъ, жизни Галлоримлянки V вѣка. Мо
подумать, что, создавъ себѣ исключительное положеніе, о
тивъ себя тѣснымъ кругомъ семейныхъ обязанностей,
устранила себя отъ вліянія окружавшей ее дѣйствительно
и жила жизнію, существенно отличною отъ жизни мужской
ловины общества, правда, болѣе скучною и монотонною, н
то болѣе серьезною. Къ сожалѣнію, другія современныя
дѣтельства дѣлаютъ этотъ выводъ слишкомъ поспѣшны
Если Сидоній, описывая полуязыческіе нравы современ

[1]) Sid. Carm. XXII.
[2]) Sid. I. II, 9.
[3]) Sid. I. II, 2.

общества, не обратилъ вниманія на положеніе женщины, только необыкновенными порывами прекраснаго или порочнаго увлеченія заставлявшей говорить о себѣ; зато другіе, взглянувшіе на жизнь съ точки зрѣнія христіанской нравственности, дали намъ возможность поближе всмотрѣться въ черты галлоримской матроны V вѣка. Мы не можемъ заподозрить вѣрности изображеній, несмотря на то, что имѣемъ дѣло большею частію съ риторами, для общаго эффекта картины, быть можетъ, пролагавшими тѣни ярче, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности. Рядомъ съ преувеличенными, быть можетъ, изображеніями Сальвіана и Марія Виктора, мы находимъ совершенно согласное въ общихъ чертахъ показаніе Евхаристикона Павлина, искренности и простоты котораго еще никто не подвергалъ сомнѣнію. Незавидное положеніе женщины въ обществѣ, о которомъ мы заключили изъ немногихъ указаній, а главное изъ молчанія Сидонія, подтверждается прямыми свидѣтельствами другихъ современниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ становится несомнѣннымъ, что женщина V вѣка, послушно слѣдуя общему направленію, не ушла и отъ его гибельнаго вліянія. Мелочныя занятія, мелочныя интриги охватили ее со всѣхъ сторонъ и, мало по малу, сдѣлали изъ нея то безцвѣтное, лишенное всякой выразительности, существо, предъ которымъ не остановился Сидоній, съ такою жадностію описывавшій все, что попадалось подъ руку, и на которое указываютъ христіанскіе сатирики только затѣмъ, чтобы полнѣе выставить на свѣтъ нравственную порчу своего времени. Мрачными красками изображаетъ Сальвіанъ Марсельскій жалкое положеніе женщины въ ея семейномъ быту [1]). «Кто изъ знатныхъ и богатыхъ, говоритъ онъ, не погруженъ въ тину разврата, кто сохранилъ супружескую вѣрность и не унизилъ жены до

[1]) Salviani de Gubernatione Dei. Biblioth. Max. Patrum, t. VIII, p. 369.

«положенія служанки? Святость брака уничтожена до такой
«пени, что презрѣннѣе всѣхъ въ глазахъ мужа и въ собст
«номъ жилищѣ кажется та, кого званіе супруги должн
«поставить на первое мѣсто. Скажутъ, что я не вполнѣ с
«ведливъ, потому что матери семействъ сохранили еще
«ва свои, и хозяйка дома пользуется почетомъ и властію
«многія еще сохранили неприкосновенно права госпожи,
«ли одна сберегла права супруги.... Едва ли многимъ ст
«выше благородная матрона надъ своими служанками,
«должна дѣлить съ ними ласки мужа». Не будемъ перево
далѣе. Напрасно Форіель предостерегаетъ насъ отъ изли
довѣрчивости къ этому знаменитому мѣсту Сальвіана [1]).
торская оболочка не можетъ навести сомнѣнія на вѣрн
самой сущности, когда жалобы и упреки марсельскаго
щенника вполнѣ подтверждаются другими свидѣтельств
«Скорѣе влажная ночь скроетъ во мракѣ день, пишетъ М
«Викторъ къ Аббату Салмону, чѣмъ я буду въ состояні
«бѣгломъ очеркѣ изобразить нравы женщинъ» [2]). Опи
страсть къ нарядамъ, плотныя ткани, залитыя золотомъ,
стяныя и шелковыя одежды, драгоцѣнные камни, куплен
цѣною цѣлыхъ помѣстій, кокетство и средства для подде
нія или замѣненія прирожденной красоты, Марій Виктор
даетъ вопросъ: кто же виноватъ въ томъ, что женщина
времени вся поглотилась этими мелочными, не стоющими
интересами, добровольно промѣняла достоинство супр
окруженной ореоломъ нравственной чистоты, на роль за
ной прелестницы? «Не мы ли постыднымъ образомъ, г
«ритъ онъ [3]), подливаемъ масло въ огонь, не на нас

[1]) Fauriel. Histoire de la Gaule Méridionale, 1, 397.

[2]) Claudii Marii Victoris de perversis suae aetatis moribus, ep
ad Salmonem Abbatem. Biblioth. Max. Patrum, t. VIII p. 428.

[3]) Non horum nos causae sumus, nos turpiter istis
Nutrimenta damus flammis: Culpa ne caremus?

«лежитъ главная отвѣтственность? Какъ блестящее зеркало «отражаетъ находящіеся предъ нимъ образы, такъ женщина «послушно слѣдуетъ примѣру мущины. Да и какъ не найти «ей наслажденія въ этомъ образѣ жизни, когда порочная су«пруга нравится безразсудному мужу?» Положимъ, что это сатира, что Марій Викторъ, бывшій долго преподавателемъ риторики въ марсельской школѣ, невольно поддался обычному преувеличенію школьныхъ декламацій; мы найдемъ еще свидѣтельства, заслуживающія полнаго довѣрія и говорящія въ то же время и о незавидномъ положеніи женщины и объ утратѣ ею вмѣстѣ съ значеніемъ и нравственнаго достоинства. Принося покаяніе въ увлеченіяхъ молодости, Павлинъ ставитъ себѣ въ нѣкоторую заслугу, что онъ старался сдерживать свои страсти, что онъ не прибѣгалъ къ насилію и нарушенію правъ другаго, что даже не поддавался многочисленнымъ искушеніямъ со стороны женщинъ свободнаго состоянія, добровольно спѣшившихъ на встрѣчу его желаніямъ, а довольствовался красотами, которыя могъ найти среди домашней прислуги [1]). Согласіе этихъ показаній, къ которымъ можно бы прибавить

Nam velut acceptas referunt specula optima formas
Sic exempla virum uxores accepta sequuntur.
Sed cur infelix in culpa est faemina tantum
Cum placet stolido conjunx vitiosa marito.
Ibid.

[1]) Paulini Eucharisticon Deo. Bibliothèque Latine-française, въ приложеніи къ Авзонію 1 v. p. 360.

Attamen in quantum lasciva licentia cauto
Stricta coërcere potuit moderamine freni,
Congererem graviora meis ne crimina culpis,
Hac mea castigans lege incentiva repressi,
Invitam ne quando ullam iurisve alieni
Appeterem, carumque memor servare pudorem,
Cedere et ingenuis oblatis sponte caverem,
Contentus domus illecebris famulantibus uti.

много другихъ, выбранныхъ преимущественно изъ сочин христіанскихъ писателей, сильно говоритъ о нравствен паденіи женщины. Были, конечно, исключенія. Самый ст обличитель пороковъ своего времени, Сальвіанъ считает обходимымъ сдѣлать эту оговорку [1]); но эти исключенія ко рѣзче оттѣняютъ господствующее направленіе. Не на забывать, что мы имѣемъ въ виду исключительно жизнь шихъ слоевъ общества. Христіанство совершенно изм положеніе женщины, снявъ съ нея тяготѣвшее до тѣхъ вѣчное несовершеннолѣтіе, поставивъ ее не только въ вень съ мущиной, во многихъ отношеніяхъ даже выше. Е и отношенія супруговъ, принадлежавшіе въ понятіяхъ нихъ къ кругу гражданскихъ обязательствъ, для хрис были таинствомъ. Супружеская жизнь имѣла цѣлію не доставленіе гражданъ государству, не одно удовлетворен требностей физической природы человѣка — это был инственный союзъ душъ для взаимнаго усовершенство Единеніе супруговъ не нарушается даже смертію одног нихъ, и церковь разрѣшаетъ вторые браки, только какъ у ку человѣческой слабости. Подъ вліяніемъ христіанскихъ смягчились и измѣнились суровыя постановленія римскаг ва, державшія женщину подъ постоянной опекой. Вслѣ того же вліянія, законъ впервые сталъ смотрѣть, какъ н ступленія, на незаконныя связи мужа и на посѣщеніе л ровъ; тогда какъ до сихъ поръ только женщина должна строго хранить чистоту супружеской жизни. Постепе измѣненіями въ законодательствѣ освобождалась женщи вѣчнаго несовершеннолѣтія и зависимости, вступая в гражданскія права, бывшія до сихъ поръ исключительно надлежностію мущины. Христіанство, возвысивъ женщ

[1]) Loco citato.

ея семейномъ быту, сняло съ нея и юридическое неполноправіе [1]). Но законодательство безсильно измѣнить нравы; оно напрасно будетъ пытаться проникнуть въ частную, домашнюю жизнь человѣка и опредѣлить его свободныя, задушевныя отношенія. Въ этой средѣ оно можетъ дѣйствовать только посредственно и должно отказаться отъ прямаго вторженія въ область, не подлежащую его вѣдѣнію. Тамъ, куда не проникли еще глубоко христіанскія идеи, гдѣ общество въ основаніи еще было языческимъ, женщина оставалась въ томъ незавидномъ положеніи, какое занимала она въ древнемъ мірѣ. Языческое богослуженіе было запрещено закономъ и послѣдніе чтители Юпитера и Аполлона должны были обратиться въ христіанство. Но, отказываясь отъ языческихъ жертвоприношеній, новообращенные не такъ легко отрекались отъ понятій, привычекъ и нравовъ прежняго времени. Послѣдніе, запоздалые ревнители язычества почти всѣ принадлежали или къ самымъ старинным аристократическимъ фамиліямъ Рима и провинцій, у которыхъ древній культъ тѣсно связывался и съ образованіемъ, и съ фамильными преданіями, и съ образомъ жизни, или къ самому низшему, темному классу, гдѣ съ неменьшимъ упорствомъ держались за суевѣрія. Одержавъ довольно легкую побѣду надъ языческой религіей, давно уже утратившей власть надъ избранными умами, потушивъ огонь Весты и вынеся статую побѣды изъ Сената, христіанство должно было вытѣснить язычество изъ его послѣдняго убѣжища, преслѣдовать его остатки въ нравахъ, понятіяхъ и привычкахъ; а здѣсь встрѣчалось сопротивленіе, болѣе упорное. Средніе классы общества уже покорились совершенно христіанскимъ понятіямъ, но на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ

[1]) См. Schmidt. Essai historique sur la société civile et sur sa transformation par le christianisme. 1853. Livre 1. Chap. 11, § 1; l. II, chap. III, § 1; l. III, chap. IV, § 2 et chap. V, § 2.

преобразованіе далеко не было полнымъ. Высшее образованіе и темное невѣжество соединенными силами оспаривали побѣду. Во многихъ мѣстахъ Галліи простой народъ еще приносилъ жертвы, не смотря на строгіе эдикты [1]). Нравы и образъ жизни высшаго сословія были проникнуты языческой стариной. Какъ ни высоко поставила церковь таинство брака, какими ручательствами ни окружило законодательство правъ женщины, въ высшихъ слояхъ общества она стояла на той же степени нравственнаго униженія, какъ и въ послѣднее время республики. Въ своихъ собственныхъ глазахъ, точно такъ какъ и въ понятіяхъ всѣхъ ее окружающихъ, она возвысилась очень мало. До того еще сильны были прежнія понятія, что въ кодексѣ Ѳеодосія рядомъ съ многочисленными постановленіями, имѣющими цѣлію придать браку его христіанское значеніе, мы находимъ юридическое признаніе гражданскаго брака, недостаточнаго и незаконнаго въ глазахъ церкви. Бракъ былъ дѣломъ разсчета, его заключали изъ выгодъ, а не вслѣдствіе взаимной любви и согласія, которыхъ такъ настоятельно требуетъ церковь [2]). Конкубинатъ, не окончательно еще уничтоженный и въ законодательствѣ, крѣпко держался въ нравахъ высшаго сословія. Отсылаемъ читателя къ IV книгѣ Сальвіана, изъ которой видно, какъ легко смотрѣли знатные Галлоримляне на святость супружескихъ обязанностей [3]).

[1]) Въ VI вѣкѣ въ области Трира статуя Діаны еще пользовалась поклоненіемъ. Reperi tamen hic Dianae simulacrum, quod populus hic incredulus quasi Deum adorabat. Gregor. Tur. Hist. Eccles. Francor. VIII, 15. Въ самомъ Римѣ праздновались еще Луперкаліи при императорѣ Антеміи.

[2]) Paulini Eucharisticon Deo.

[3]) Salviani De Gubern. Dei IV Bibl. Max. Patr. VIII, 353. Cui non domus ac familia sua scortum sit?... Nam de concubinis quippiam dici forsitan etiam injustum esse videatur: quia hoc in comparatione supradictorum flagitiorum *quasi genus est castitatis, uxoribus paucis esse contentum, et intra certum conjugum numerum fraenum libidinum*

До тѣхъ поръ, пока еще не совершилось нравственное перевоспитаніе высшаго общества, женщина не могла получить въ немъ мѣста, принадлежавшаго ей и по законамъ послѣднихъ императоровъ, и по ученію церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могла подняться и въ нравственномъ отношеніи. Соображая всѣ обстоятельства, мы не найдемъ преувеличенія въ изображеніяхъ Сальвіана и Марія Виктора, если будемъ относить ихъ не ко всему населенію Галліи, а только къ высшимъ классамъ общества. Зная характеръ этого общества, трудно представить себѣ положеніе женщины иначе, какъ представляютъ его христіанскіе сатирики. Если мы встрѣтимся съ представительницами христіанскаго типа женщины, то должно предупредить заранѣе, что ее окружаютъ люди, уже отрекшіеся отъ языческихъ преданій.

Послѣ этого довольно длиннаго отступленія, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію жизни высшаго общества, разумѣя исключительно мужскую его половину.

День начинался очень рано. Послѣ молитвы дома или въ церкви дѣлали визиты къ сосѣдямъ, кончавшіеся впрочемъ не позже 4 часовъ, т. е., по нашему счету, въ 10 часовъ утра [1]). Люди, занятые дѣломъ, проводили утро въ библіотекѣ. Здѣсь писались тѣ ямбы и округленные эндекасиллабы, которые

continere. Conjugum dixi; quia ad tantam res impudentiam venit, ut ancillas suas multi uxores putent: atque utinam sicut putantur esse quasi conjuges, ita solae haberentur uxores. Illud magis tetrum ac detestabile, quod quidam matrimonia honorata sortiti, alias sibi rursum servilis status conjuges sumunt: deformantes sancti connubii honorem, per degeneris contubernii utilitatem; non erubescentes maritos se fieri ancillarum suarum, praecipitantes fastigia nobilium matrimoniorum, in cubilia obscoena servarum, digni prorsus etiam illarum statu, quarum se putant dignos esse consortio, et caet.

[1]) Hinc nos ad propriam domum vocabas,
Cum mane exieret novum et calescens
Horam sol dabat alteram secundam. Sid. Carm. XXIII, v. 487.

составляли наслажденіе высшаго общества и иногда становились на нѣкоторое время любимыми пѣснями цѣлыхъ провинцій [1]). Здѣсь читались сочиненія древнихъ о сельскомъ хозяйствѣ и архитектурѣ [2]), приготовлялись судебныя рѣчи и письма къ друзьямъ, предназначавшіяся впрочемъ, быть можетъ, болѣе для публики, чѣмъ для лицъ, къ которымъ были адресованы. Въ библіотекѣ подготовлялись застольныя остроты и матеріалы для легкихъ, не смотря на ихъ кажущуюся дѣльность, разговоровъ во время обѣда [3]). Въ вестибулѣ играли въ кости или въ мячъ [4]). Послѣдняя игра была любимымъ упражненіемъ Галлоримлянъ. Ею занимались самые важные люди, и Сидоній рисуетъ намъ живую и оригинальную картину игры въ мячъ въ Ліонѣ, въ день Св. Юста, на разстояніи перелета стрѣлы отъ церкви и въ промежутокъ времени между заутреней и обѣдней. Епископъ Сидоній, любившій эту игру, по собственнымъ его словамъ, столько же, какъ и книги, первый подаетъ примѣръ, а старикъ Филимацій, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ по краснорѣчію адвокатовъ, бывшій совѣтникомъ префекта преторіи, съ юношескою живостію бросаетъ мячъ и падаетъ на бѣгу, стараясь избѣгнуть ударовъ [5]). Эта игра требовала большой ловкости и искусства, и на нее смотрѣли какъ на одно изъ самыхъ полезныхъ гимнастическихъ упражненій. Большія дѣти, увлекавшіяся ею, нарочно выписывали изъ Рима эластическіе, золоченые мячи [6]). Утромъ же посѣщали и

---

[1]) Sid. Epist. I. VIII, 4.
[2]) Epist. VIII, 6.
[3]) Sid. Epist. 11, 9.
[4]) Ibid.
[5]) Epist. V, 17.
[6]) Romana et nuper ab urbe petita
Aurata instrueret nostrum sphaera concita ludum.
Eucharisticon Deo.

купальни [1]). Обѣдъ былъ ранній, въ 5-мъ часу дня: онъ былъ обиленъ, но непродолжителенъ и скорѣй походилъ на завтракъ. За стаканомъ вина сыпались остроты, разсказывались анекдоты; дѣльная мысль допускалась не иначе, какъ въ легкой формѣ, пополамъ съ шуткой [2]). Тамъ, гдѣ изъ столовой былъ выходъ въ портикъ, иногда выходили изъ-за стола, чтобы, лежа въ тѣни, любоваться красотами природы, не теряя изъ виду обѣдающихъ и участвуя въ ихъ разговорахъ [3]). Послѣ обѣда слѣдовалъ непродолжительный сонъ; а тамъ верховой ѣздой и прогулками приготовлялись къ ужину, самому важному дѣйствію ежедневной жизни [4]). Гастрономическія наслажденія имѣли слишкомъ много цѣны въ глазахъ галло-римскаго общества. «Что можетъ тебя задерживать, пишетъ Сидоній къ Тригецію, приглашая его пріѣхать въ Бордо [5]), «затѣмъ ты медлишь? Мнѣ кажется, что земляная улитка съ «своимъ жилищемъ явилась бы сюда скорѣе, чѣмъ ты. А ме«жду тѣмъ, у тебя обильный запасъ всякаго рода великолѣп«ныхъ вещей; только была бы рѣшимость потратиться. Пріѣз«жай отъѣдаться или откармливать насъ, а всего лучше за «тѣмъ и за другимъ. Пріѣзжай съ твоей средиземной провизі«ей, чтобы сразиться и побѣдить этихъ хлѣбосоловъ Медока. «Пусть рыба Адура заставитъ презирать головлей Гаронны, и «толпа презрѣнныхъ раковъ уступитъ мѣсто байонскимъ ло«кустамъ (locusta — langoustes). Ты можешь помѣриться

[1]) Carm. XXIII, vers. 495 et seqq.

[2]) Prandebamus breviter, copiose, senatorium ad morem, quo insitum institutumque, multas epulas paucis paropsidibus apponi. Inter bibendum narratiunculae quorum cognitu hilariremur institueremurque quia eas bifariam orditas laetitia, peritiaque comitabantur. Ep. 11. 9.

[3]) Sid. Epist. 11, 2.

[4]) Excusso torpore meridiano, paulisper equitabamus, quo facilius pectora marcida cibis caenatoriae fami exacueremus. Sid. I. 11, ep. 9.

[5]) Sid. Epist. VIII. 12.

«силами со всѣми въ этомъ родѣ борьбы; но, если захочешь «послѣдовать моему совѣту (а не мѣшаетъ вѣрить опытно- «сти),—ты отстранишь отъ этого состязанія нашего сенатора, «моего хозяина, потому что, попавъ къ нему на ужинъ, ты «вспомнишь пиры Клеопатры и подивишься великолѣпію помѣ- «щенія». Самъ Сидоній безпрестанно выказываетъ свои га- строномическія наклонности. Будучи уже епископомъ, онъ признается своему другу, что, не отказываясь послѣдовать его примѣру, еслибы тому вздумалось поститься черезъ день, онъ, навѣрное, не останется назади, когда дѣло коснется обѣда. Въ этомъ отношеніи, онъ напоминаетъ своего пред- шественника Авзонія, пишущаго трактатъ о сравнительныхъ достоинствахъ устрицъ различныхъ мѣстностей[1]), и еще болѣе на своего послѣдователя Фортуната, котораго такъ баловали лакомствами обитательницы монастыря Радегунды. Не будемъ думать однакоже, что одно только удовлетвореніе потребностямъ и прихотямъ желудка придавало ужину такое значеніе. Пѣ- ніе, импровизація, музыка, пантомины (saltationes), были необходимыми условіями каждаго званаго ужина; а богатый Галлоримлянинъ не любилъ ужинать только въ кругу своего семейства.

Никто лучше Сидонія не можетъ намъ представить кар- тину римскаго вечера. Тутъ онъ въ своей сферѣ и съ любо- вію останавливается на малѣйшихъ подробностяхъ. Самый слогъ его, иногда непріятно поражающій своею несоотвѣт- ственностію съ предметомъ, въ этихъ описаніяхъ удивительно гармонируетъ съ содержаніемъ разсказа. Непринужденная, ничѣмъ не возмущаемая веселость, безпрестанныя остроты, картинныя описанія, игра словъ и мыслей, полное увлеченіе настоящей минутой, — невольно переносятъ воображеніе

[1]) Ausonii Epistola IX ad Paulum Rhetorem.

читателя въ роскошную столовую, среди пирующихъ гостей. Майоріанъ созвалъ въ Арль, центръ управленія Галліи, депутататовъ отъ провинцій и важнѣйшихъ сановниковъ. Нужно было устроить дѣла въ Галліи, гдѣ еще такъ недавно подавлено было возстаніе, и сдѣлать послѣднія распоряженія для экспедиціи въ Африку, чтобы уничтожить самый притонъ Вандаловъ, безнаказанно опустошавшихъ берега Средиземнаго моря. Двойной Арль, Римъ въ маломъ видѣ Галліи, какъ называетъ его Авзоній [1]), Арль, прославленный стихами поэтовъ и прозою императорскихъ эдиктовъ [2]), оживился еще болѣе присутствіемъ императорскаго двора. Вслѣдъ за военными и гражданскими сановниками, собранными для совѣщанія о дѣлахъ государственныхъ, явились блестящіе представители галльской молодежи, поэты, ораторы. Серьезныя конференціи мѣшались съ пирами и зрѣлищами. За ужиномъ во дворцѣ читались импровизаціи и вопросъ о неизвѣстномъ сатирикѣ, стихотвореніе котораго переходило изъ рукъ въ руки, занималъ жителей Арля едвали не также сильно, какъ и толки объ африканской экспедиціи [3]). Избранное общество собралось въ роскошномъ жилищѣ одного изъ богатыхъ гражданъ. Сидоній нѣсколько дней тому назадъ пировалъ на маленькомъ вечерѣ у Майоріана вмѣстѣ съ первыми сановниками Галліи. Не болѣе какъ comes въ это время, онъ возлежалъ послѣдній съ правой стороны полукруглаго ложа, покрытаго пурпуромъ, и принужденъ былъ уступить первыя мѣста болѣе почетнымъ гостямъ, консулу этого года, консулярамъ и префектамъ; но зато нужно было видѣть, какъ бросился къ нему

[1]) Pande, duplex Arelate, tuos blanda hospita portus.
Gallula Roma Arelas...
Auson. edit. Panckoucke 1, 242. Clarae urbes VIII.
[2]) Эдиктъ Гонорія 418 года
[3]) Sidon. Epist. l. I, 11.

на шею консулъ тотчасъ послѣ обѣда, какъ крѣпко пожималъ ему руку префектъ преторіи. Майоріанъ удостоилъ за обѣдомъ перебросится съ нимъ нѣсколькими остротами, и двустишіе, сказанное графомъ Сидоніемъ, возбудило громкія рукоплесканія, покрывъ стыдомъ Пеонія, хотѣвшаго было заподозрить нашего поэта въ сочиненіи сатиры противъ правительства [1]). На вечеръ къ неизвѣстному намъ амфитріону явился Сидоній не въ качествѣ сановника: ужинъ былъ по преимуществу литературный. Прославленые поэты Галліи, вызванные въ Арль Майоріаномъ, собрались за столомъ радушнаго хозяина [2]). Кромѣ Сидонія, здѣсь возлежалъ Домнулъ, родомъ изъ Африки, поселившійся въ Галліи около 440 года и бывшій квесторомъ имперіи, кажется, въ 461 году [3]) Домнулъ занимался философіей [4]); но особенно славился своими стихотвореніями; каламбуромъ, не обличающимъ большаго вкуса, Сидоній даетъ замѣтить, что по гладкости и обдѣлкѣ стиха, Домнулъ стоялъ выше его [5]); а это большая похвала со стороны литератора того времени. Тутъ же были: Севериянъ, риторъ, не уступавшій Квинтиліану [6]), поэтъ, съ одинаковою легкостію писавшій на латинскомъ и греческомъ языкахъ свои возвышенныя стихотворенія [7]), и наконецъ Лампридій, самый знаменитый изъ поэтовъ Галліи, уступавшій, по мнѣнію Сидонія, развѣ одному Леону Парбонскому. Лампридій, ораторъ бордоской школы, былъ особенно друженъ съ Сидоніемъ. Въ его домѣ останавливался владѣлецъ Авитакума, когда пріѣзжалъ

[1]) Ibid. Объ исторіи съ Пеоніемъ см. ниже.
[2]) Sid. Epist. I. VIII, 13.
[3]) Histoire Littér. de France II, 508.
[4]) Sid. Carm. XIV.
[5]) Afer; vaferque Domnulus politius.
Sid. Epist. I IX, 15.
[6]) Sid Carm. IX, v. 313.
[7]) Sid. Epist. I. IX, 15.

въ Бордо. Въ дружеской перепискѣ въ стихахъ и прозѣ они перебрасывались именами Феба и Орфея [1]), и клермонтскій Епископъ оплакалъ смерть Лампридія, удавленнаго въ 479 году собственными рабами въ то самое время, какъ это было предсказано ему африканскими звѣздочетами. Въ письмѣ къ Лупу Сидоній оставилъ подробную характеристику Лампридія, какъ человѣка и писателя [2]). Добрый по натурѣ, бордоскій поэтъ безпрестанно увлекался живостію своего характера. Пустяки могли тотчасъ раздражить его. Непостоянный и легкомысленный въ жизни, онъ былъ постояненъ только въ дружбѣ. Безпечный вслѣдствіе довѣрчивости, онъ не думалъ чтобы кто нибудь вздумалъ сдѣлать ему зло, потому что самъ не былъ способенъ вредить другому. Никогда не говорилъ Лампридій дурнаго о своихъ врагахъ, хотя рѣдкій изъ друзей могъ уйти отъ его, язвительныхъ иногда, насмѣшекъ. Съ перваго раза онъ казался неприступнымъ, хотя былъ очень простъ и привѣтливъ послѣ знакомства. Друзья любили его, не смотря на многочисленные недостатки, и прощали ему его странности. Лампридій писалъ много, хотя еще болѣе оставалось только задуманнымъ, но неисполненнымъ [3]). Сидоній весьма подробно вычисляетъ достоинства своего друга почти во всѣхъ родахъ поэзіи, сравнивая его съ Гораціемъ и Виргиліемъ въ латинскихъ стихотвореніяхъ и съ Алкеемъ въ греческихъ, потому что Лампридій одинаково владѣлъ тѣмъ и другимъ языкомъ. Такъ какъ до насъ не дошло ни одного сочиненія бордоскаго поэта, мы можемъ избавить и себя, и читателя отъ повторенія длиннаго похвальнаго слова Сидонія. Скажемъ только, что Лампридій читалъ прилежно и съ уваженіемъ сочиненія древнихъ, безъ зависти и осужденія произведенія совре-

[1]) Sidon. Epist. I. VIII, 11.
[2]) Ibid.
[3]) Scribebat assidue, quanqam frequentius scripturiret. Sid. I. VIII, 2.

менниковъ и, что особенно замѣчательно, прибавляетъ Сидоній, едва ли уступалъ собственными достоинствами тѣмъ и другимъ. Какъ ораторъ, въ декламаціяхъ противъ тирановъ, онъ могъ напомнить Цицерона. Не смотря на живость характера, онъ жилъ скромно и не увлекался игрою въ мячъ или въ кости. Въ обществѣ былъ Лампридій веселымъ, остроумнымъ собесѣдникомъ. Мы не знаемъ другихъ гостей. Вѣроятно впрочемъ, собраніе было не многочисленное: человѣкъ 7 или 9, едва ли болѣе. День склонялся къ вечеру; виномъ и танцами провожались послѣдніе часы его[1]). Пурпурныя покрывала на ложахъ скоро обагрятся пролитымъ виномъ. Дорогая мебель и ковры выписаны изъ мастерскихъ Азіи; по стѣнамъ картины представляютъ сцены охоты за хищными звѣрями и битвы Пароянъ. Приближается ночь, и дымъ отъ аравійскихъ благовоній стремится къ высокой крышѣ; многочисленныя люстры подымаются къ блестящему потолку. Здѣсь не знаютъ масла и клейкаго жира и толстобокія лампы наполнены бальзамомъ [2]). Огромныя корзины наполнены цвѣтами, пахучія гирлянды украшали столъ и ложа; зеленый плющь и виноградныя лозы вьются по бѣлому полотну; розы обвиваютъ треножники и чаши, и

[1]) Peragat diem cadentem
Dape, poculis, choreis
Genialis apparatus.
Sid. Ep. I. IX, 13

[2]) Arabumque messe pinguis
Pętat alta tecta fumus.
Veniente nocte nec non
Numerosus erigatur
Laquearibus coruscis
Camerae in superna lychnus;
Oleumque nescientes,
Adipesque glutinosos,
Utero tumente fundant
Opobalsamum lucernae.
Ib.

Вѣнчики цвѣтовъ колышутся надъ алебастровыми сосудами [1]). Невольники носятъ кушанья, сгибаясь подъ тяжестію чеканеныхъ блюдъ; въ патерахъ и сципахъ фалернское вино смѣшивается съ нардомъ. Предсѣдатель пира (rex convivii) замедлилъ нѣсколько подачу кушанья и одинъ изъ обѣдающихъ вынулъ новую книгу Петра, государственнаго секретаря при Майоріанѣ. Петръ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени, былъ Меценатомъ галльскихъ Горацієвъ и Виргиліевъ. Онъ пользовался довольно большимъ вѣсомъ при дворѣ Майоріана; по его просьбѣ, напримѣръ, императоръ освободилъ Ліонъ отъ тяготѣвшаго на немъ наказанія за возмущеніе. Зато современные поэты и льстили ему безбожно. «Ступай моя книга, пишетъ Сидоній, посылая ему свой панегирикъ Майоріану, знай, что онъ поддержитъ нашу застѣнчивость; а такому цѣнителю, какъ онъ, пріятно даже и непонравиться» [2]). Сочиненіе Петра было принято съ единодушными похвалами императоромъ, сенатомъ, сословіемъ всадниковъ и народомъ римскимъ, читалось на площадяхъ, въ храмахъ, въ деревняхъ и лагеряхъ. Италія и Галлія встрѣтили его рукоплесканіями и суровые Иберы скоро должны были послѣдовать примѣру Галловъ. Не останавливаясь и въ

---

[1]) Cytisos, crocos, amellos,
Casias, ligustra, calthas
Calathi ferant capaces,
Redolentibusque sertis
Abacum, torosque pingant....
Tripodasque cantharosque
Rosa sutilis coronet....
Iuvat ire per corollas
Alabastra ventilantes.
Ibib.

[2]) I liber, hic nostrum tutatur crede pudorem.
Hoc censore etiam displicuisse placet.
Sidon. Carm. III.

этихъ предѣлахъ, оно должно было перейти далѣе и распространиться во всѣхъ концахъ свѣта. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ Сидоній [1]). Неожиданное появленіе книги среди пирующихъ возбудило общую радость. Четыре поэта: Сидоній, Доминулъ, Лампридій и Северіанъ должны были импровизаціей привѣтствовать книгу Петра, такъ кстати явившуюся въ половинѣ ужина. Условились, что каждое стихотвореніе будетъ написано особымъ метромъ, какой достанется по жребію. Это сдѣлано было, какъ замѣчаетъ Сидоній, pro caritate collegii, чтобы дать менѣе повода къ зависти. До насъ дошло только стихотвореніе Сидонія, изъ котораго мы и заимствовали эти подробности. Это стихотвореніе одно изъ самыхъ лучшихъ нашего писателя, не смотря на то, что здѣсь мы встрѣчаемъ всѣ его недостатки, то же множество неупотребительныхъ словъ и неологизмовъ и ту же изысканность въ выборѣ выраженій, которая такъ затрудняетъ чтеніе произведеній Сидонія, дѣлая часто почти совершенно непонятнымъ самый смыслъ. Эти недостатки выкупаются частію игривостію метра, легкостью стиха, совершенно французскимъ характеромъ этого живаго и одушевленнаго стихотворенія. «Такъ и хочется, пишетъ

---

[1]) Stupuit virum loquentem
Diadematis potestas,
Toga, miles, ordo equester,
Populusque Romularis:
Et adhuc sophos volutant
Fora, templa, rura, castra.
Supera haec, fragorem alumno
Padus, atque civitatum
Dat amor Ligusticarum.
Similis favor resultat
Rhodanitidas per urbes,
Imitabiturque Gallos
Feritas Ibericorum et caet.
Sid. Epist. IX, 13

«Сидоній, предаться танцу, подражая движеніями, одеждой и «голосомъ безумнымъ жрицамъ Вакха. Коринеъ, омываемый «двумя морями пусть высылаетъ киоаристокъ, равно искус«ныхъ въ сценическихъ пѣсняхъ, у которыхъ пальцы поютъ «какъ звонкій голосъ и быстрыми движеніями см..чка потряса«ютъ оживленныя струны. Дайте намъ скважистую трубку, лю«бимую обнаженными Сатирами; дайте флейтистовъ, у кото«рыхъ стоналъ бы инструментъ, надуваемый трясущимися «щеками. Пусть соединятся веселость комедіи съ возвышен«ностію трагедіи, краснорѣчіе и поэзія. Отпразднуемъ въ кру«гу друзей свѣтлый праздникъ просвѣщенія» [1]).

А между тѣмъ, когда шумнымъ пиромъ, подъ звуки застольныхъ пѣсенъ праздновался этотъ праздникъ просвѣщенія въ честь сочиненія Петра, по всей вѣроятности, не лучшаго изъ дошедшихъ до насъ произведеній того же времени, Бургунды уже утвердились подъ самыми стѣнами Ліона, родины Сидонія. Галлія только что стихла послѣ волненія, произведеннаго смертію Авита, и развалины Трира, преданнаго въ руки Франковъ

---

[1]) Celebremus ergo, fratres,
Pia festa litterarum....
Juvat et vago rotatu
Dare fracta membra ludo.
Simulare vel trementes
Pede veste, voce Bacchas.
Bimari remittat urbe
Thymelen, palemque doctas..
Citharistrius Corinthus
Digiti quibus canentes.
Pariter sonante lingua,
Vice pectinis fatigent
Animata fila pulsu.
Date et aera fistulata,
Satyris amica nudis;
Date et ravulos choraulas et caet.
Sid. IX. 13.

Луціемъ, которому хроника даетъ титулъ сенатора, еще дымились. Спасшіеся отъ меча непріятелей, бродили, какъ тѣни, среди труповъ и, вѣроятно, много благородныхъ Галло-римлянокъ доведено было до той крайности, въ какой мы видимъ родственницу Сальвіана, изъ-за куска хлѣба служившую въ Кельнѣ женамъ варваровъ, поселившихся въ ея домѣ [1]). Для защиты имперіи, за орлами Майоріана шли дикія племена, которыхъ имена едва ли не впервые услышали Римляне [2]). Среди пировъ и зрѣлищъ забывалось отчаянное положеніе имперіи. «Галлію наводнили орды варваровъ, говоритъ Саль-«віанъ [3]), неужели вы думаете, что преступленія развращен-«ныхъ Галловъ не тѣже, что и прежде? Въ Испанію перешли «племена Вандаловъ. Чтожъ! измѣнилась участь Испаніи, но «не измѣнилась ея безнравственность. Подъ стѣнами Цирты «и Карѳагена звучитъ оружіе варваровъ; народъ безумствуетъ «въ циркѣ, развратничаетъ въ театрахъ. Однихъ рѣжутъ на «стѣнахъ, другіе распутствуютъ внутри города. Въ городѣ и «за стѣнами сливаются въ одинъ гулъ крики битвы и руко-«плесканія театра, стоны умирающихъ и крики бѣснующихся. «Почти не различишь, слышенъ ли то послѣдній вопль вои-«новъ, гибнущихъ въ злой сѣчѣ, или это реветъ толпа въ «циркѣ.» Зачѣмъ впрочемъ ходить такъ далеко за примѣрами,

---

[1]) Tantae illic inopiae atque egestatis est, ut ei nec residendi, nec abeundi facultas suppetat... Cum jam non serviat conditione servit paupertate. Сальвіанъ Bibl. Max. Patrum, VIII p. 377. I Epistola Salviani.

[2]) . . . . . Bastarna, Suevus
Pannonus, Neurus, Chunnus, Geta, Dacus, Alanus
Bellonothus, Rugus, Burgundio, *Vesus*, *Alitis*,
Bisalta, Ostrogothus, *Procrustes*, Sarmata, Moschus
Post aquilas venere tuas: tibi militat omnis
Caucasus et Scythicae potor Tanaiticus undae.
Sid. Panegyr. Majoriano v. 474—480.

[3]) Salviani de gubernat. Dei. VI. Bibl. Max. Patr. VIII. p. 367.

замѣчаетъ Сальвіанъ и изображаетъ страшную картину Трира, въ четвертый разъ взятаго, разграбленнаго и сожженнаго Франками. «Чтожъ потомъ? говоритъ онъ, немногіе знатные, «пережившіе несчастіе, умоляютъ императора возобновить «циркъ и представленія; въ этомъ видятъ они лучшее сред«ство помочь разрушенному городу. И для кого, для какого «города и какихъ гражданъ требуютъ они театра и цирка? «Для выжженнаго и опустошеннаго города, для гражданъ, ко«торые или перебиты, или въ плѣну, или погибли сами, или «носятъ трауръ по погибшимъ. Хотятъ публичныхъ увеселе«ній; я спрошу: гдѣ же они будутъ даваться? Среди грудъ «пепла, на костяхъ и крови убитыхъ! Рыдаютъ остатки не«счастнаго народа на могилахъ погибшихъ братій, а тутъ тре«буютъ цирка! Черны обгорѣлыя зданія города; а они уже «думаютъ о празднествахъ!» Самый страхъ смерти потерялъ свое дѣйствіе; ludebant, ebriebantur, enecabantur, по энергическому выраженію Сальвіана. «Знали, что̀ грозитъ въ «будущемъ, и не боялись [1]). Таково было грѣховное ослѣп«леніе, что тѣ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, не хотѣли «своей гибели, ничего однакожь не дѣлали, чтобы отвратить «ее. Безпечность и лѣнь, чревоугодіе и пьянство, какое-то «усыпленіе овладѣло всѣми», и это несчастное направленіе было общимъ для всѣхъ возрастовъ [2]).—Нельзя, конечно, принять буквально словъ Сальвіана, но нѣтъ ни малѣйшаго

[1]) Praenoscebatur captivitas, nec formidabatur... Tanta animorum vel tanta potius peccatorum caecitas fuit, ut cum absque dubio nullus perire vellet nullus tamen id ageret ne periret. Totum incuria et segnities, totum negligentia et gula, totum ebrietas et somnilentia possidebant. Salvian. loco citato.

[2]) Nihil scilicet inter pueros differre et senes. Una enim scurillitas, una levitas; simul omnia, luxus, potationes, perditiones, cuncta omnes pariter agebant.

Ibid.

сомнѣнія, что марсельскій священникъ вѣрно понялъ состояніе современнаго общества, не пропустилъ безъ вниманія ни одной черты нравственной физіономіи, точно такъ, какъ въ своемъ безпощадномъ анализѣ политическаго и административнаго положенія Римской имперіи онъ не обошелъ ни одного злоупотребленія, не оставилъ въ тѣни ни одной аномаліи. Мы можемъ даже позабыть на время существованіе знаменитаго сочиненія Сальвіана, написаннаго съ цѣлью оправдать совершавшійся переворотъ съ точки зрѣнія христіанскаго ученія о Провидѣніи. Безпечность галлоримскаго общества, его сатурналіи на развалинахъ Римской имперіи, отсутствіе сознанія грозившей катастрофы, бросается въ глаза всякому, сколько нибудь знакомому съ исторіей и литературой этого времени. Нигдѣ такъ ясно не высказывается это непониманіе своего настоящаго положенія, какъ въ сочиненіяхъ Сидонія. Въ то время, когда идетъ вопросъ о существованіи не только Римской имперіи, но и римской образованности, которая могла безвозвратно погибнуть во мракѣ среднихъ вѣковъ, клермонтскій епископъ тщательно пересматриваетъ свою корреспонденцію, отбираетъ и передѣлываетъ лучшія, по его мнѣнію, письма въ полной увѣренности, что онъ работаетъ для потомства [1]). Почти 20 лѣтъ прошло послѣ того, какъ импровизировалъ онъ свою пѣсню въ честь сочиненія Петра на праздникѣ арльскаго Амфитріона; Сидоній былъ уже нѣсколько лѣтъ епископомъ Оверни; геройская, но безполезная защита Клермона показала ясно, въ какія руки перешла окончательно участь Галліи; уничтожилось наконецъ и номинальное существованіе Римской имперіи: а Сидоній только что воротившійся изъ Ливіи, крѣпостцы на испанской границѣ, куда сосослалъ его Ейрихъ вестготскій въ наказаніе за послѣднюю

[1]) См. Epist. l. VIII, 2—VIII, 5—VIII, 6 и нѣкот. другія.

вспышку римскаго патріотизма и доблести — Сидоній, только что написавшій панегирикъ въ честь готскаго кунинга, вспоминаетъ о своей импровизаціи съ тѣмъ, чтобы послать ее Тонанцію, а главное, чтобы вмѣстѣ съ разсказомъ о томъ, по какому случаю она написана, помѣстить ее въ IX книгу, которою заключилъ онъ собраніе своихъ писемъ, предназначенныхъ передать о немъ память отдаленному потомству [1]). Не удивительно, что въ это безотрадное время находятся люди, которые способны увлечься веселымъ пиромъ, забыть и то, что окружаетъ ихъ въ настоящемъ, и то, чѣмъ грозитъ неумолимое будущее; понятна не только застольная пѣсня Сидонія, но и его четырестишіе о четырехъ рыбахъ, пойманныхъ ночью [2]), и стихотвореніе о полотенцѣ, которымъ отеръ Филимацій лице свое, разгорѣвшееся во время игры въ мячъ [3]), и даже двустишія, которыя читаются сверху внизъ и снизу вверхъ [4])—это увлеченіе настоящей минутой, свойственное живому характеру кельто-романской натуры. Чтобы понять, какъ серьезные, повидимому, люди черезъ десятокъ лѣтъ могутъ собирать и передѣлывать эти ребяческія вещи, которыя должны бы, кажется, исчезнуть изъ памяти вмѣстѣ съ мелочными событіями, ихъ вызвавшими, мало того, собирать ихъ по просьбѣ другихъ и съ мыслію о судѣ потомства, — чтобы понять все это, надо допустить, что обществомъ дѣйствительно овладѣло то необъяснимое для насъ ослѣпленіе, о которомъ говоритъ Сальвіанъ и которое сравниваетъ марсельскій священникъ со сномъ, насылаемымъ раздраженнымъ божествомъ на народы, обреченные гибели.

---

[1]) Tales enim nugas in imo scrinii fundo muribus perforatas, post annos circiter viginti profero in lucem. Epist. I. IX, 13.

[2]) Carm. XXI. De piscibus nocte capitis.

[3]) Sid. I. V, 17.

[4]) Sid. Epist. I. IX. 14.

Мы взглянули на жизнь знатнаго Галлоримлянина въ его виллѣ; приведемъ еще нѣсколько строкъ изъ Евхаристикона Павлина, на который намъ приходилось уже ссылаться нѣсколько разъ. Павлинъ представляетъ намъ свой идеалъ жизни зажиточнаго, но далеко не богатаго помѣщика. «Я желалъ, «говоритъ онъ, только пристойной посредственности, близкой «къ благосостоянію, далекой отъ честолюбивыхъ замысловъ. «Мнѣ хотѣлось, чтобы у меня былъ хорошо убранный домъ «съ просторными комнатами, приспособленными ко всѣмъ вре«менамъ года, роскошный и блестящій столъ, многочисленная «и молодая прислуга, много разнообразной мебели и домаш«нихъ принадлежностей, серебро, дорогое впрочемъ болѣе по «отдѣлкѣ, чѣмъ по вѣсу; чтобы искусные ремесленники и ху«дожники быстро исполняли мои всякаго рода заказы, чтобы «конюшни были наполнены откормленными лошадями и краси«вые экипажи доставляли возможность спокойнаго выѣзда» [1]). Павлину тяжелымъ трудомъ доставалось это благосостояніе; едва нѣсколько дней посвящалъ онъ на отдыхъ и собственнымъ примѣромъ поощрялъ и поддерживалъ усердіе земледѣльцевъ и виноградарей. Первая забота была о томъ, чтобы удовлетворить требованіямъ фиска и тѣмъ обезпечить свое спокойствіе;

---

[1]) Ingenioque
Congrua primo meo mediocria desideranti.
Proxima deliciis et ab ambitione remota,
Ut mihi compta domus spatiosis aedibus esset,
Et diversa anni per tempora jugiter apta,
Mensa opulenta, nitens, plures, juvenesque ministri,
Inque usus varios grata et numerosa supellex,
Argentumque magis pretio quam pondere praestans
Et diversae artis cito jussa explere periti
Artifices, stabula et jumentis plena refertis;
Tunc et carpentis erectio tuta decoris.
(Paulini Eucharisticon Deo).

въ своихъ издержкахъ онъ соблюдалъ строгую экономію [1]); однимъ словомъ, это была скромная жизнь зажиточнаго помѣщика, не болѣе; между тѣмъ мы видимъ требованія не только удобства, но и роскоши. Увеличимъ эти требованія и средства къ ихъ удовлетворенію въ нѣсколько десятковъ разъ, снимемъ съ владѣльца тяжелую необходимость самому подавать первый примѣръ дѣятельности и мы можемъ представить себѣ внѣшнюю обстановку жизни богатаго аристократа V вѣка.

Охота иногда на долго увлекала галлоримскаго вельможу изъ богатой виллы. Любимымъ родомъ была, какъ кажется, охота съ гончими и съ ястребомъ. Красивая лошадь въ богатой сбруѣ, статный конюшій, легкая на бѣгу собака и ястребъ были необходимостію для гальской молодежи [2]). Охотѣ предавались со всѣмъ увлеченіемъ страстной кельтской натуры [3]). Векцій, vir illuster, человѣкъ строго христіанской жизни и нравовъ, не уступалъ никому въ искусствѣ выѣзжать лошадей, дрессировать собакъ и ястребовъ. Онъ запретилъ себѣ употребленіе въ пищу мяса; но не запретилъ охоты, такъ что, пользуясь самимъ удовольствіемъ, доставляемымъ охотой, онъ

---

[1]) Protinus et culturam agris adhibere refectis,
Et fessis celerem properavi impendere curam
Vinetis, comperta mihi ratione novandis.
Et quod praecipue plerisque videtur amarum,
Ultro libens primus fiscalia debita certo
Tempore persolvens, propere mihi fido paravi
Otia, privatae post impendenda quieti....
Sed potius, fateor, sectator deliciarum,
Si qua tamen minimo pretio expensaque parari
Et salvo famae possent constare decore.
Ibid. Bibl. Lat. Franc. Ausone I p. 364.

[2]) Ut mihi pulcher equus phalerisque ornatior esset,
Strator procerus, velox canis et speciosus
Accipiter. Euchar. Deo 358.

[3]) См. Евхаристиконъ Павлина, разсказъ объ отцѣ.

не пользовался добычей [1]). Наммацій, богатый владѣлецъ Сентонжа, предводитель флота, охранявшаго берега Галліи отъ саксонскихъ пиратовъ, проводилъ большую часть времени, преслѣдуя дикихъ козъ, ставя сѣти на кремнистыхъ обрывахъ, устраивая облавы и гоняя зайцевъ въ своемъ олеронскомъ помѣстьѣ [2]). Германъ, начальникъ военной арморіканской границы, бывшій потомъ лучшимъ украшеніемъ галликанской церкви, грозилъ смертію Аматору, епископу Оксерра, старавшемуся отвратить его отъ излишняго увлеченія охотой [3]). Репутація смѣлаго и ловкаго охотника цѣнилась высоко. Авзоній оставилъ намъ комическое описаніе одного изъ записныхъ охотниковъ, который безпрестанно приподымалъ тунику, чтобы показать раны, нанесенныя ему кабаномъ, и заслужить отъ друзей лестное сравненіе съ побѣдителемъ оленскаго вепря [4]). Вѣроятно, такіе оригиналы, какъ братъ Теона, часто попадались и въ V столѣтіи. Не столь важную роль играла рыбная ловля; менѣе тревожная и разнообразная, она меньше привлекала къ себѣ тѣхъ, кому травля и облава доставляли возможность удовлетворять потребность безпокойной дѣятельности.

---

[1]) Itaque occulte, delicateque religiosus, venatu utitur, nec utitur venatione. Sid. IV, 9.

[2]) Sid. Epist. VIII 6.

[3]) Жизнь св. Германа Оксерскаго.

[4]) Exemplum de fratre time, qui veste reducta
Ostentat foedas prope turpia membra lacunas,
Perfossasque nates vicino podice nudat.
Inde ostentator velitat, mirenter ut ipsum
Gedippa, Ursinusque suus, prolesque Jovini,
Taurinusque, ipsum priscis heroibus aequans:
Qualis in Olenio victor Calydonius apro.
Aut Erymantheo pubes fuit Attica monstro.
Ausonii Epist. IV ad Theonem.

Благодаря болтливости Сидонія и его страсти описывать, мы можемъ взглянуть на знатнаго Галла въ дорогѣ. Люди, небогатые или спѣшившіе, ѣздили на почтовыхъ: въ петоритѣ (petoritum), запряженномъ мулами, потому что лошади не привыкли ходить въ этомъ экипажѣ, въ цизіи (cisium), легкой колескѣ, запряженной тройкой, или въ быстрой редѣ (rheda), большею же частію верхомъ, на перемѣнныхъ лошадяхъ или мулахъ [1]). Путешествіе богатаго владѣльца окружалось удобствами. Ѣхалъ ли онъ водою, онъ покоился на мягкомъ ложѣ. Скука дороги разгонялась игрою въ кости, бросаемыя изъ рожка слоновой кости, или пѣснями гребцовъ и матросовъ, сложенными въ честь его. Чтобы нога не коснулась нечаянно нечистой воды, плескавшей въ лодку, на кормѣ устроено было возвышеніе и рѣшетчатый навѣсъ защищалъ отъ перемѣнъ погоды [2]). Описывая свой переѣздъ изъ Ліона въ деревню, Сидоній знакомитъ насъ съ сухопутнымъ путешествіемъ. «Твой посланецъ (tabellarius), пишетъ онъ къ Еводію, просившему у него стиховъ, чтобы вырѣзать ихъ на серебряномъ сосудѣ, который онъ хотѣлъ поднести Рагнагильдѣ, супругѣ Ейриха готскаго [3]), твой посланецъ вручилъ «мнѣ письмо, когда я выѣзжалъ изъ города въ дальнюю де«ревню. Раннимъ утромъ, и то только благодаря твоему пись«му, я вырвался изъ толпы настойчивыхъ провожатыхъ, что«бы хотя въ дорогѣ, верхомъ, заняться исполненіемъ твоего «порученія. На разсвѣтѣ моя прислуга отправилась впередъ, «чтобы поставить палатку, въ 18 миляхъ отъ города. Мѣсто «представляло много удобства для остановки и разгрузки ба«гажа; холодный ручей бѣжалъ съ холма, покрытаго лѣсомъ, «передъ нимъ разстилалося поле, поросшее густою травою;

[1]) Ausonii Epist. VIII et XIV ad Paulum Rhetorem.
[2]) Sidon. Epistol. l. VIII, 12.
[3]) Sid. Epistol. l. IV, 8.

«передъ глазами рѣка, наполненная рыбой, богатая дичью; «наконецъ, недалеко расположенъ былъ новый домъ стараго «пріятеля, радушію котораго трудно положить мѣру, воспользуешься ли ты имъ, или отклонишь его отъ себя. Такимъ образомъ, пославши впередъ прислугу, я занялся твоимъ дѣломъ, чтобы скорѣе отправить назадъ посланнаго. Было уже «около 4 часовъ (10 часовъ по нашему счету). Высоко поднявшееся солнце жгучимъ лучемъ уже уничтожило влажность росистой ночи. Зной и жажда увеличивались и только облака пыли были единственной защитой отъ жара совершенно яснаго неба. Длинная дорога, далеко тянувшаяся передъ глазами по зеленой равнинѣ, заставляла вздыхать о «позднемъ обѣдѣ. Если путешественниковъ еще не страшила «трудность пути, зато уже чувствовалась скука ожиданія «конца странствію». Путевыя замѣтки были въ модѣ. Авзоній, сопровождавшій Валентиніана I-го въ походѣ противъ Аллемановъ, оставилъ намъ довольно картинное описаніе Мозеля. Рутилій Нуманціанъ написалъ въ первой четверти V вѣка свой итинерарій, частоящія записки туриста о путешествіи моремъ изъ Рима въ Галлію. Сюда занесены всѣ замѣчанія, пришедшія въ голову по поводу встрѣчавшихся мѣстностей и предметовъ: мысли, навѣянныя видомъ развалинъ и обломкомъ статуй, замѣтка о добываніи соли, по поводу осмотрѣнныхъ варницъ, разговоръ о замѣчательныхъ лицахъ римской исторіи, носившихъ имя Лепида, злая насмѣшка надъ монахами, сожалѣніе о паденіи язычества—все это, перемѣшанное съ описаніями природы. У Сидонія мы тоже находимъ дорожныя впечатлѣнія во время путешествія на почтовыхъ изъ Ліона въ Римъ въ императорство Антемія. Въ письмѣ къ Геронію [1]) онъ набросалъ легкія замѣтки о переѣздѣ черезъ

[1]) Sid. Epist. l. I, 5.

Альпы по снѣжнымъ тропинкамъ между страшными утесами, историческія и литературныя воспоминанія по поводу различныхъ мѣстностей, описаніе Равенны и равнинъ Этруріи, гдѣ зной дня быстро смѣняется холодомъ ночи и воздухъ зараженъ ядовитыми испареніями, нагнавшими лихорадку на путешественника, наконецъ разсказъ о своемъ прибытіи въ Римъ и праздники по случаю женитьбы Свева Рицимера на дочери Антемія. Честолюбіе овладѣло Сидоніемъ въ Римѣ, и отъискиваніе дороги къ почестямъ отвлекло его отъ подробнаго описанія путешествія; иначе мы имѣли бы, навѣрное, итинерарій, не уступавшій объемомъ Рутиліеву.

Хотите знать, какъ смотрѣли галльскіе аристократы на низшее сословіе, обратитесь къ Сидонію: онъ выскажетъ вамъ свое негодованіе противъ Евтропія, человѣка senatorii seminis, окруженнаго портретами предковъ, одѣтыхъ пурпуромъ, но который, proh pudor, живетъ въ деревнѣ между мужиками, не чувствуя даже потребности перемѣнить этотъ недостойный его образъ жизни [1]). Онъ разскажетъ намъ происшествіе, случившееся съ нимъ на возвратномъ пути изъ Ліона въ Овернь и заставившее его выйти изъ себя и даже позабыть не только то, что онъ епископъ, но, что̀ важнѣе, что онъ распоряжается въ чужой епархіи. И, въ самомъ дѣлѣ, было чѣмъ возмутиться благородному Галлоримлянину, не забывшему и подъ епископской мантіей, что онъ senatorii seminis, и что безмѣрное разстояніе отдѣляетъ его предковъ отъ толпы виллановъ. Кладбище, гдѣ покоились кости дѣда Сидонія, извѣстнаго намъ префекта преторіи, Аполлинарія, давно уже было оставлено. Могильныя насыпи обвалились подъ тяжестію зимнихъ снѣговъ, размылись дождями, и холмистое поле обращалось въ первоначальную равнину. Дернъ почернѣлъ,

[1]) Sid. Epistol. I. I, 6.

новыя глыбы земли навалились на сохранившіеся здѣсь и тамъ остатки могильныхъ возвышеній, и часто, перерывая это поле, утратившее свое прежнее назначеніе, работники святотатственно тревожили покой усопшихъ. Возвращаясь изъ Ліона, Сидоній съ сосѣдняго холма увидѣлъ толпу, рывшую землю на самой могилѣ благороднаго Аполлинарія. Пустить вскачь коня, не разбирая дороги, крикомъ остановить дерзкое предпріятіе, было дѣломъ одной минуты. Захваченные врасплохъ, нечестивцы не знали еще, бѣжать ли имъ, или остаться, какъ уже увидѣли передъ собою раздраженнаго епископа. Гнѣвъ Сидонія не зналъ мѣры и требовалъ немедленнаго удовлетворенія; несчастные рабочіе были подвергнуты мучительнымъ истязаніямъ на самой могилѣ оскорбленнаго ими, быть можетъ безъ всякаго умысла, префекта Галліи. Сидоній говоритъ, что наказаніе было достаточно, чтобы совершенно обезопасить впередъ покой мертвыхъ. Нарушители его, кажется, большею частію не пережили своего преступленія. Когда утихъ страстный порывъ оскорбленной аристократической гордости, безпокойство овладѣло Сидоніемъ. Наказывая святотатство, онъ самъ совершилъ его, на разрытой могилѣ замучивъ виновниковъ. Кромѣ того, онъ самовольно распорядился въ чужой епархіи и могъ имѣть непріятную исторію съ ліонскимъ епископомъ, суду котораго подлежало преступленіе. Не теряя времени, Сидоній съ дороги же написалъ къ нему, подробно разсказывая о случившемся и сознавая свое увлеченіе. Отвѣтъ ліонскаго епископа разсѣялъ скоро его тревогу. Паціентъ, мужъ святой и справедливый, какъ называетъ его Сидоній, и, въ самомъ дѣлѣ, прославленный необыкновенными подвигами милосердія, на этотъ разъ уступилъ аристократическимъ предразсудкамъ. Онъ отвѣчалъ Сидонію полнымъ одобреніемъ его поступка, объявляя, что дерзкіе виновники погибли законно и что съ ними поступлено по обычаю

предковъ [1]). Совѣсть Сидонія была облегчена отъ тягостныхъ сомнѣній и онъ поставилъ надгробный памятникъ Аполлинарію не столько изъ желанія предохранить окрестныхъ жителей отъ раскопокъ на полѣ, гдѣ ничто не показывало существованія кладбища, и отъ страшныхъ послѣдствій, могшихъ сопровождать ненамѣренное святотатство, сколько затѣмъ, чтобы предохранить прахъ знаменитаго сановника отъ оскорбленій со стороны презрѣнныхъ виллановъ. Пышная эпитафія въ стихахъ, вырѣзанная на могильномъ камнѣ, говорила о жизни и заслугахъ Аполлинарія. Изъ нея мы дополнили немногія, дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этомъ первомъ, извѣстномъ намъ, предкѣ Сидонія.

Ничѣмъ лучше не можемъ мы заключить нашъ бѣглый очеркъ жизни богатаго Галлориманина V вѣка, какъ переводомъ письма Сидонія къ Ерифію, гдѣ онъ описываетъ церковный праздникъ въ Ліонѣ. Нигдѣ лучше не рисуется общество и пестрая смѣсь привычекъ и нравовъ, еще не утративщихъ своего свѣтскаго, даже языческаго характера, съ строгими обязанностями христіанской жизни, легкой литературы и живой, остроумной болтовни съ церковными процессіями и молитвами. Мы видѣли литературную пирушку въ Арлѣ, гдѣ только испорченная латынь застольной пѣсни напоминала, что мы присутствуемъ не на одномъ изъ собраній первыхъ временъ Имперіи, и что общество, слушающее ее съ увлеченіемъ, должно жить въ то время, когда эдиктомъ императоровъ запрещено уже было общественное поклоненіе древнимъ божествамъ Греціи и Рима. Теперь, благодаря Сидонію, мы можемъ весьма близко взглянуть на оригинальную картину общества, не только принявшаго христіанство внѣшнимъ образомъ, но уже успѣвшаго горячо полюбить его и въ то же

[1]) Iracundiae meae dedit gloriam, pronuntians more majorum reos tante temeritatis jure caesos videri. Sid. Epist. I. III, 12.

время вполнѣ сохранившаго свои языческія привычки и образованіе, можемъ подслушать разговоръ о музахъ и Аполлонѣ и импровизацію въ промежутокъ времени между заутреней и обѣдней. Превосходный переводъ, сдѣланный Гизо въ его Исторіи французской цивилизаціи [1]), поможетъ намъ вѣрно и по возможности близко передать разсказъ Сидонія,—что̀, какъ мы уже, кажется, замѣтили, дѣло не совсѣмъ легкое.

Сидоній другу Ерифію привѣтъ! [2])

«Ты все таковъ же, мой Ерифій, ни охота, ни городъ, ни «деревенская жизнь не завлекаютъ тебя на столько, чтобы «ты мимоходомъ не вспоминалъ съ любовію о литературѣ... «Посылаю тебѣ требуемое стихотвореніе, которое написалъ «я, поддавшись просьбамъ твоего почтеннаго тестя [3]), кото«рый въ обществѣ ему равныхъ живетъ такъ, что ему легко «и повелѣвать и повиноваться. Чтобы лучше понять это сти«хотвореніе, не стоющее, правда, вниманія, ты желаешь знать «и мѣсто, и причины, его вызвавшія; пеняй на себя, если пре«дисловіе будетъ многословнѣе самого сочиненія. — Мы со«брались у гробницы св. Юста; болѣзнь помѣшала тебѣ быть «съ нами. Еще передъ разсвѣтомъ, совершена была обычная, «ежегодная процессія при огромномъ стеченіи народа обоего «пола. Обширная базилика не могла вмѣстить въ себѣ при«сутствующихъ, не смотря на то, что крипта окружена про«сторными портиками. Монахи и бѣлое духовенство, возно«сившіе попеременно сладкое пѣніе псалмовъ, отслужили за«утреню и мы разошлись въ разныя стороны, не отходя одна«кожъ далеко, чтобы быть наготовѣ къ терціямъ, когда

[1]) Leçon troisième.
[2]) Sidon. Epistol. I. V, 17.
[3]) Филимація.

«священники должны совершить таинство. Недостатокъ просто-
«ра, тѣснящаяся толпа, множество горящихъ свѣчь, испаре-
«нія ночи, еще близкой къ лѣту, хотя нѣсколько и умѣряемой
«первымъ холодомъ осенняго утра—все это дѣлало неснос-
«нымъ положеніе бывшихъ въ церкви. Когда разбрелись
«люди всѣхъ сословій, знатнѣйшіе граждане сошлись у гроб-
«ницы консула Сіагрія, отдѣленной отъ церкви менѣе, чѣмъ
«на перелетъ стрѣлы. Кто помѣстился подъ тѣнью рѣшетки
«изъ высокихъ кольевъ, покрытой вѣтвями уже зрѣлаго ви-
«нограда; кто сѣлъ на могильномъ дернѣ, усѣянномъ пахучи-
«ми цвѣтами. Разговоръ шелъ пріятно, весело, живо; ему
«придавало особенную прелесть то, что тутъ не было ни ма-
«лѣйшаго упоминанія о властяхъ или о податяхъ, ни полсло-
«ва, за которое потомъ можно бы отвѣтить, ни одного чело-
«вѣка, который бы могъ быть заподозрѣнъ. Кто могъ раз-
«сказать хорошо анекдотъ, стоющій вниманія, того слушали
«съ жадностію, хотя веселость слушателей часто прерывала
«разсказъ. Утомленные наконецъ долгимъ отдыхомъ, мы хо-
«тѣли что нибудь дѣлать. Требованія слышатся сообразно съ
«лѣтами; на крики однихъ являются мячи, другимъ подаютъ
«таблейныя доски. Игру въ мячъ началъ я, потому что, тебѣ
«извѣстно, я люблю эту игру не меньше книгъ. Съ другой
«стороны, мой братъ Доминцій, человѣкъ необыкновенно пріят-
«ный и веселый, уже захватилъ кости и, потрясая ими, какъ
«будто сигнальной трубой сзывалъ игроковъ. Мы долго игра-
«ли съ толпой школьниковъ, чтобы здоровымъ упражненіемъ
«расправить члены, утомленные продолжительною неподвиж-
«ностію Самъ славный Филимацій, по слову мантуанскаго
«поэта,

Ausus et ipse manu iuvenum tentare laborem,

«постоянно вмѣшивался въ толпы играющихъ. Онъ ловко
«игралъ въ мячъ, когда былъ помоложе. Теперь напоръ

«бѣгущихъ часто сталкивалъ его съ средины и, выступая на аре-
«ну, онъ не могъ перерѣзать дороги или уклониться отъ летя-
«щаго мимо или падающаго на него шара. Часто, сбитый съ
«ногъ, онъ съ трудомъ подымался послѣ неловкаго паденія
«и первый оставилъ игру, тяжело дыша и съ разгорѣвшимся
«лицемъ. Боль отъ слишкомъ сильнаго упражненія часто чув-
«ствовалась въ раздувшихся фибрахъ печени. Тотчасъ оста-
«новился и я, чтобы, кончивъ игру въ одно время съ нимъ,
«великодушно скрыть замѣшательство усталаго брата. Мы
«снова усѣлись и скоро потъ принудилъ его спросить воды,
«чтобы умыть лице. Воду подали, а вмѣстѣ съ ней полотен-
«це, покрытое шерстью, которое, вымытое отъ вчерашней
«грязи, по случаю колебалось на веревкѣ, прикрѣпленной бло-
«комъ къ растворенным половинкомъ двери привратника.
«Отирая на досугѣ щеки, Филимацій обратился ко мнѣ.— Я
«хотѣлъ бы, чтобы ты продиктовалъ какое нибудь четырести-
«шіе объ этихъ лоскутьяхъ, которые оказали мнѣ услугу.—
«Пожалуй, отвѣчалъ я.—Но чтобы мое имя было помѣщено
«въ стихотвореніи. — Можно и это сдѣлать. — Такъ диктуй
«же, сказалъ онъ. — Знаешь, возразилъ я съ улыбкой, что
«музы могутъ разсердиться, если я вмѣшаюсь въ ихъ хоры
«при столькихъ свидѣтеляхъ! — Онъ отвѣчалъ мнѣ очень жи-
«во и вѣжливо (потому что это человѣкъ необыкновенно пыл-
«кій и неистощимый источникъ находчиваго краснорѣчія): бе-
«регись, господинъ Соллій, чтобы скорѣе не разгнѣвался
«Аполлонъ, если ты съ глазу на глазъ будешь соблазнять его
«питомицъ. — Можешь представить, какія рукоплесканія вы-
«звала эта неожиданная и остроумная выходка. Я не медлилъ
«болѣе и, подозвавъ своего писца, стоявшаго вблизи съ та-
«блетками (pugillares), продиктовалъ слѣдующую эпиграмму:

«Въ другое утро, выходя изъ горячей бани, или когда охота
«увлажить разгорѣвшееся чело, пусть найдетъ прекрасный

«Филимацій снова эту шерстяную тряпку, чтобы въ нее пе-«решла влага также быстро, какъ льется напитокъ въ горло «пьяницы.

«Едва Епифаній вашъ успѣлъ написать это, какъ намъ ска-«зали, что уже время, что епископъ вышелъ изъ своего убѣ-«жища и мы поднялись.—Будь снисходителенъ къ этимъ стиш-«камъ. Что касается до другаго стихотворенія, едва ли не «лучшаго, которое продиктовалъ я недавно—именно посланія «къ человѣку, дурно проводящему хорошіе дни [1]), и которое «отправится завтра, посмотрите его подъ секретомъ и, если «понравится, покровительствуйте его выходу въ свѣтъ, если «нѣтъ, забудьте уничтоженное [2]). Прости».

Мы разсмотрѣли внѣшнюю обстановку жизни высшаго об-щества Галліи и, какъ ни слабъ и поверхностенъ нашъ очеркъ, мы надѣемся, что главныя особенности обозначены на столь-ко, чтобы получить о ней довольно правильное понятіе. Не касаемся политической нравственности и убѣжденій, — дальнѣйшій разсказъ о политической дѣятельности Сидо-нія, о его столкновеніяхъ съ обстоятельствами и различными лицами, стоявшими на первомъ планѣ, лучше всего по-знакомитъ насъ съ ними, обнаруживъ во всей наготѣ пе-чальную дѣйствительность. Излишнимъ было-бы дѣлать общіе выводы, когда факты говорятъ за себя, и въ этомъ случаѣ про-стое изложеніе дѣла будетъ дѣйствительнѣе самой сильной и рѣзкой характеристики. Переводъ письма Сидонія о судѣ надъ Арвандомъ сильнѣе рисуетъ политическую нравственность высшаго общества V вѣка, чѣмъ декламація Сальвіана.

---

[1]) In quendam dies bonos male ferentem.

[2]) У Сидонія весьма часты быстрые переходы отъ ты къ вы. Epi-stol. V. 4, — V, 15, VI, 6, — VI, 7, — VII, 2, — VIII, 14. — IX 9, — Panegyr. Major. V. 564 и въ мн. другихъ.

Разсказъ о праздникѣ Юста въ Ліонѣ можетъ дать намъ нѣкоторое понятіе о религіозномъ состояніи этого общества, уже христіанскаго по вѣрѣ, еще языческаго по образованію и нравамъ. Нигдѣ такъ рельефно, какъ въ епископской жизни самого Сидонія, не выскажется это интересное состояніе, которому подобное встрѣчается развѣ въ XV и XVI вѣкахъ, въ эпоху увлеченія сокровищами классической литературы, впервые открывшимися со всей своей роскошью изумленнымъ глазамъ западно-европейскаго общества. Тѣмъ особенно и можетъ быть интересна біографія клермонтскаго епископа, что въ нее сами собою входятъ всѣ стороны литературной, политической и церковной исторіи его времени. Не только происшествіями своей жизни, своимъ посредственнымъ или непосредственнымъ участіемъ въ важнѣйшихъ событіяхъ, своими многочисленными связями съ замѣчательнѣйшими лицами во всѣхъ отрасляхъ практической или умственной дѣятельности, съ представителями всѣхъ убѣжденій и направленій, знакомитъ насъ Сидоній съ исторіей своего времени. Самъ онъ полнѣйшее выраженіе своего времени; на его характерѣ и жизни отразились всѣ типическія особенности. Опредѣливъ Сидонія, какъ человѣка, какъ политическаго дѣятеля, епископа и литератора, историку останется только обозначить исключенія, отклоненія отъ господствующаго, почти общаго, направленія. Главный типъ, средній человѣкъ высшаго общества Галліи V вѣка, какъ сказалъ бы Кетле, будетъ передъ глазами, со всѣми достоинствами и недостатками, съ страннымъ сочетаніемъ самыхъ противоположныхъ, повидимому, вполнѣ несовмѣстныхъ, а между тѣмъ мирно уживающихся другъ подлѣ друга, убѣжденій, правилъ и привычекъ. Полная біографія Сидонія, составленная съ надлежащею добросовѣстностію, будетъ часто переходить въ исторію Галліи второй половины V вѣка.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію политической дѣятельности Сидонія, начинающейся 455 годомъ, вмѣстѣ съ вступленіемъ на императорскій престолъ его тестя, Авита, намъ должно сдѣлать еще одно отступленіе. До этого времени мы почти ничего не знаемъ о томъ, что дѣлалось съ Сидоніемъ; знаемъ только, что онъ женился на Папіаниллѣ и получилъ въ приданое Авитакумъ, отъ котораго былъ въ восторгѣ. Литературные грѣхи юности погибли безвозвратно, уничтоженные самимъ авторомъ, другой дѣятельности, кажется, и не было. Но къ этому времени относится начало литературной извѣстности Сидонія, его связей со всѣми почти писателями Галліи. Черезъ нѣсколько лѣтъ мы находимъ его уже домашнимъ человѣкомъ въ кружкѣ литературныхъ и ученыхъ знаменитостей. Не лишнимъ, кажется, будетъ сказать нѣсколько словъ о главнѣйшихъ литературныхъ товарищахъ Сидонія, тѣмъ болѣе, что о многихъ изъ нихъ не представится уже случая упоминать, не смотря на то, что мы будемъ пользоваться свѣдѣніями, извлеченными изъ переписки съ ними. Взглянемъ на эту плеяду гальскихъ поэтовъ и ученыхъ. Во II главѣ мы увидимъ политическихъ дѣятелей; а въ III епископъ Сидоній познакомитъ насъ съ своими товарищами по епископству.

Мы имѣли уже случай упоминать о нѣкоторыхъ современныхъ Сидонію литераторахъ. Имена Домнула, Лампридія, Северіана, Феликса уже извѣстны; насъ ждетъ цѣлая толпа другихъ поэтовъ и ораторовъ, за блестящія достоинства которыхъ ручается Сидоній, бывшій съ ними въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Начнемъ съ Ліона, родины Сидонія. Мы находимъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, 7 литераторовъ, о которыхъ съ отличной похвалою отзывается Сидоній, и большая часть которыхъ принадлежала къ высшему обществу. Одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ въ Ліонѣ Валеріанъ, родственникъ Авита,

бывшаго потомъ императоромъ, и Евхерія, ліонскаго епископа. Онъ былъ префектомъ преторіи Галліи еще до неожиданнаго возвышенія своего родственника [1]). Валеріанъ преданъ былъ литературѣ до того, что, вопреки аристократическимъ предразсудкамъ, выдалъ свою дочь за Прагмація, литературной извѣстностію прикрывавшаго свое незнатное, хотя и благородное происхожденіе. Нравы его были безукоризненны. Щедро одаренный дарами природы, поэтъ, историкъ и философъ [2]), онъ имѣлъ единственный недостатокъ, общій впрочемъ большей части свѣтскихъ литераторовъ,—именно такое пристрастіе къ языческой философіи и литературѣ, что на Валеріанѣ лежитъ сильное подозрѣніе въ томъ, былъ ли онъ даже христіаниномъ. Благочестивый Евхерій длиннымъ письмомъ старался отвратить своего родственника отъ свѣтской жизни и языческой философіи; успѣшно или нѣтъ, неизвѣстно [3]); за нимъ слѣдовалъ Ницетій, котораго Сидоній называетъ ortu clarissimus privilegio spectabilis, merito illustris и величайшимъ по благоразумію и искусству изъ своихъ соотечественниковъ [4]). Ницетій былъ адвокатомъ и потомъ совѣтникомъ префекта преторіи. Сидоній разсказываетъ одинъ случай, котораго онъ былъ свидѣтелемъ въ юности, и который въ полномъ свѣтѣ выказалъ общее уваженіе къ Ницетію и высокое мнѣніе объ его ораторскомъ искусствѣ. Это было въ 449 году. Отецъ Сидонія занималъ тогда важное мѣсто префекта преторіи, и Астерій долженъ былъ облечься въ знаки консульскаго достоинства. Сидоній пробрался къ курульному

---

[1])Посылая къ Валеріану панегирикъ Авиту, написанный въ 456 году, Сидоній называетъ его vir praefectorius. См. Carm. VIII

[2]) Carm. VIII, Epist V, 10.

[3]) S. Eucherii Lugdunensis Episcopi epistola peraenetica ad Valerianum cognatum. Bibl. Max. Patr, VI p. 857—862.

[4]) Sid. Ep. l. VIII. 6 ad Nammatium.

креслу, чтобы видѣть церемонію. Не имѣя надобности скрываться, потому что онъ былъ знатнаго рода, онъ, однакожъ, по молодости скромно вмѣшался въ толпу простыхъ гражданъ, поближе къ свитѣ консула. Когда наскоро розданы были подарки [1]) и фасты, всѣ обратились къ извѣстнѣйшимъ адвокатамъ съ просьбою на другое утро произнести похвальную рѣчь новому консулу. Выборъ палъ на Ницетія. Общая просьба и убѣжденія отдѣльныхъ лицъ смутили скромнаго оратора, заставивъ покраснѣть отъ излишней застѣнчивости. Его панегирикъ отличался стройнымъ расположеніемъ, важностію и одушевленіемъ. Онъ говорилъ живо, свободно и строго послѣдовательно. Въ другой разъ отличился Ницетій, когда вышелъ законъ о 30-лѣтней давности (de tricennii praescriptione), по которому всѣ тяжбы должны были оканчиваться въ этотъ срокъ; Ницетій, первый, объяснилъ его и показалъ приложеніе. Онъ былъ глубоко уважаемъ Сидоніемъ, который, уже будучи епископомъ, говорилъ, что одобреніе ліонскаго юриста поощряетъ его къ новой дѣятельности. Изъ ліонскихъ поэтовъ славились Секундинъ, смѣлый и пылкій сатирикъ [2]), не боявшійся громко клеймить нравы варваровъ, уже овладѣвшихъ его родиною; Героній [3]), которому описалъ Сидоній свое путешествіе въ Римъ и свои хлопоты, чтобы найти надежнаго покровителя при дворѣ Антемія; Домицій, бывшій потомъ преподавателемъ грамматики и риторики въ клермонтской школѣ, и наконецъ Петръ, знаменитѣйшій изъ поэтовъ, съ которымъ мы уже нѣсколько познакомились на ужинѣ въ Арлѣ. Кажется, уроженцемъ Ліона былъ и Евтропій, изъ знаменитой фамиліи Сабиновъ, давшей Риму много государственныхъ сановниковъ. Евтропій жилъ въ деревнѣ и занимался философіей

[1]) Itaque, ut primum brevi peracta nec brevis sportula ib.
[2]) Sid. Epist. I. V, 8.
[3]) Epistol. I. I, 5 и 9.

Платона и александрійскихъ неоплатониковъ. Мы имѣемъ письмо Сидонія, въ которомъ онъ упрекаетъ Евтропія въ образѣ жизни, неприличномъ его знатному происхожденію. Уговаривая его выступить на поприще государственной дѣятельности и обѣщая свое содѣйствіе, Сидоній такъ заключаетъ письмо свое [1]): «Если же ты, опутанный приманчивыми сѣ-«тями наслажденій, предпочитаешь, какъ слышно, слѣдовать «ученію Епикура, который, отвергая добродѣтель, полагаетъ «высшее блаженство только въ чувственныхъ наслажденіяхъ, «я свидѣтельствуюсь предками и потомствомъ, что я не при-«частенъ этой винѣ». Евтропій послушался увѣщаній Сидонія и былъ префектомъ преторіи Галліи, когда Римъ уже почти совершенно потерялъ всякую власть надъ этой провинціей. Наконецъ, едва ли не самымъ замѣчательнымъ изъ ліонскихъ ученыхъ былъ Сіагрій, внукъ извѣстнаго консула Афранія Сіагрія. Петиньи старается доказать тождество этого Сіагрія съ знаменитымъ Эгидіемъ [2]), хотя и трудно согласить письма Сидонія съ жизнію правителя Галліи. Мы имѣемъ три письма клермонтскаго епископа къ Сіагрію [3]), и, развѣ допустивъ, что они писаны къ разнымъ лицамъ одного имени, можно отнести къ Эгидію то письмо, о которомъ говоритъ Петиньи. Въ 8 письмѣ VIII книги Сидоній убѣждаетъ Сіагрія оставить Тайонакское помѣстье и деревенскія занятія. «Возвратись къ «отцу, пишетъ онъ, къ отечеству и вѣрнымъ друзьямъ или, «если тебѣ уже такъ нравится жизнь диктатора Цинцинната, «женись прежде на новой Рацилліи, которая бы запрягала тебѣ воловъ». Это пристрастіе къ деревенской жизни и удаленіе отъ политической дѣятельности трудно отнести не только къ

[1]) Sidon I. III, 6 и I, I, 6.

[2]) Etudes sur l histoire, les lois et les institutions de l'époque Mérovingienne v. II p. 173 въ примѣчаніи.

[3]) Sid. Epist. I. II 4 - I. V, 5 и VIII, 8.

Эгидію, даже и къ его сыну, и предположеніе ученыхъ издателей литературной исторіи Франціи, строго отдѣляющихъ этого Сіагрія отъ Эгидія, имѣетъ за собою болѣе вѣроятности. Какъ бы то ни было, Сіагрій, о которомъ говоритъ Сидоній, лице очень замѣчательное. Онъ получилъ превосходное образованіе [1]), знатное происхожденіе открывало ему дорогу къ высшимъ должностямъ государственнымъ, и ораторское искусство могло поставить его на ряду съ знаменитѣйшими изъ современныхъ и древнихъ ораторовъ [2]). Геннадій въ своемъ каталогѣ помѣщаетъ одно сочиненіе «о вѣрѣ» полемическаго содержанія, которое, по всей вѣроятности, было написано Сіагріемъ. Къ общему удивленію, Сіагрій устремилъ свою дѣятельность на изученіе нѣмецкаго языка, сблизился съ Бургундами, овладѣвшими его родиной, старался передать имъ первыя начала общественнаго образованія и приспособить грубый языкъ варваровъ къ выраженію чуждыхъ ему понятій гражданственности. «Ты не можешь себѣ представить, пи«шетъ ему Сидоній [3]), какъ смѣюсь я и многіе другіе, ко«гда мы слышимъ, что въ твоемъ присутствіи варваръ опа«сается варваризма на своемъ родномъ языкѣ. Когда ты «переводишь письма, тебѣ удивляются германскіе старики, со«гбенные лѣтами: тебя избираютъ посредникомъ и судьею въ «дѣлахъ между ними. Ты новый Солонъ Бургундовъ въ объясне«ніи законовъ; ты новый Амфіонъ ихъ. Тебя любятъ, посѣща«ютъ, ищутъ твоего общества, ты забавляешь, тебя выбира«ютъ, тебя зовутъ за совѣтомъ, ты судишь и рядишь и тебя слу«шаютъ. Хотя одинаково грубые и суровые тѣломъ и смыс«ломъ, Бургунды преданы тебѣ, и ты учишь ихъ въ одно и то же «время и ихъ родному языку, и римскимъ чувствамъ». Можетъ

[1]) Sid Epist. I, V, 5.

[2]) Sid. I. VIII, 8. Сидоній сравниваетъ его съ Серраномъ и Камилломъ.

[3]) Epist l. V, 5.

быть, эта неблагодарная дѣятельность и внушила Сіагрію отвращеніе отъ общественной жизни, заставивъ его исключительно предаться хозяйственнымъ занятіемъ въ его Тайонакскомъ помѣстьѣ.

Изъ Ліона перейдемъ въ Нарбонну, одинъ изъ главныхъ и богатѣйшихъ городовъ Галліи, первый въ этой странѣ, принявшій римское имя и видѣвшій въ стѣнахъ своихъ ликторовъ римскаго проконсула [1]). «Кто позабудетъ тебя, говоритъ Авзоній, твои гавани, горы и озера. Твой храмъ изъ паросскаго мрамора размѣрами не внушилъ бы презрѣнія ни древнему Тарквинію, ни Катуллу, ни, наконецъ, тому Цезарю, который воздвигъ златоверхій Капитолій». Въ длинномъ стихотвореніи воспѣлъ Сидоній красоты Нарбонны, славной здоровымъ климатомъ [2]). Тогда Нарбонна была уже въ рукахъ Готовъ, стѣны были разбиты осадными машинами, и развалины свидѣтельствовали объ ея упорномъ сопротивленіи. Въ Нарбоннѣ первое мѣсто занимала фамилія Консенціевъ, въ которой поэтическіе таланты переходили какъ бы по наслѣдству отъ отца къ сыну. Сидоній заплатилъ ей за радушный пріемъ панегирикомъ въ 500 слишкомъ стиховъ, гдѣ не пожалѣлъ самыхъ пышныхъ похвалъ и сравненій, чтобы рѣзче выставить блестящія качества Консенціевъ. Фамилія состояла изъ троихъ членовъ: дѣда, отца и внука, почти равно знаменитыхъ [3]). Старшій Консенцій, человѣкъ высокаго ума, знатнаго рода и рѣдкой красоты, былъ женатъ на дочери Приска Іовина, бывшаго консуломъ въ 367. Въ 170 стихахъ выхваляетъ его Сидоній, какъ философа, оратора, астронома, поэта, геометра и историка. Семь мудрецовъ греческихъ, Гомеръ, Геродотъ,

---

[1]) Auson. Clarae urbes XIII.

[2]) .... potens salubritate. Carm. XXIII. Narbo ad Consentium civem Narbonensem.

[3]) Ibid.

Эвклидъ, Софоклъ, Эврипидъ и Менандръ уступаютъ ему; Аполлонъ останется назади, и самыя музы передъ нимъ показались бы менѣе искусными. Далѣе едвали можно простирать хвалу.' Мы не говоримъ уже о римскихъ поэтахъ и прозаикахъ; съ ними поступаетъ Сидоній еще безцеремоннѣе. Второй Консенцій родился среди музъ и еще въ ранней молодости получилъ превосходное образованіе. Валентиніанъ III замѣтилъ его блестящія способности и скоро облекъ его полною довѣренностію. Знатокъ греческаго языка, Консенцій посланъ былъ для переговоровъ къ Ѳеодосію Младшему, тестю западно-римскаго императора, и Византійцы съ изумленіемъ рукоплескали его изящной аттической рѣчи. Для заключенія и упроченія союзовъ, онъ смѣло проникалъ къ берегамъ Вагала, Везера и Эльбы, въ непроходимыя болота Франковъ, и Сигамбры смотрѣли на него съ уваженіемъ. У вратъ каспійскихъ, въ Бактріи, онъ велъ себя такъ, что въ пышномъ дворцѣ, гдѣ среди сатраповъ возсѣдалъ восточный деспотъ, гордо ставившей себя на ряду съ полубогами, передъ нимъ склонялась лунообразная діадема. Говорятъ, онъ проникалъ въ глубь самой Африки [1]). Послѣ смерти Валентиніана III Консенцій удалился-было на родину, но Авитъ снова вызвалъ его къ государственной дѣятельности и облекъ его въ санъ comitis palatii [2]). Въ частной жизни Консенцій отличался любовію къ театру и конскимъ ристалищамъ, и Сидоній оставилъ намъ подробное описаніе игръ при Валентиніанѣ III, на которыхъ отличился Консенцій. Подобно отцу, второй Консенцій былъ извѣстенъ своими стихотвореніями. Сынъ его, третій Консенцій, далеко превосходилъ, по мнѣнію Сидонія, другихъ своимъ

---

[1]) Сидоній Carm. XXIII. v. 228 — 262. Мы передаемъ въ сокращеніи отзывъ Сидонія.

[2]) Ib. v. 430.

поэтическимъ талантомъ. Живя въ роскошной Октавіанской виллѣ, недалеко отъ Нарбонны, онъ посвящалъ весь досугъ поэзіи. Трудно рѣшить, говоритъ Сидоній, что болѣе обработано: деревня ли владѣльца, или его способности [1]). Какъ доказательство таланта Консенція младшаго, Сидоній приводитъ, что жители Нарбонны и Безьера клали на музыку и пѣли его стихотворенія [2]). Въ семьѣ Консенціевъ Сидоній, бывши въ Нарбоннѣ, встрѣтилъ необыкновенное радушіе. Привѣтливый хозяинъ познакомилъ его съ извѣстнѣйшими гражданами своего города. Утро проходило въ визитахъ или къ епископу Норбонны, или въ богатое жилище Ливія, котораго иные смѣшиваютъ съ извѣстнымъ поэтомъ этого времени, или къ знаменитому юристу Леону, который тогда былъ еще профессоромъ права въ Нарбоннѣ, а потомъ занялъ при Ейрихѣ вестготскомъ то же мѣсто, какъ Кассіодоръ при Теодерихѣ В. Мы будемъ имѣть еще случай сказать нѣсколько словъ о Леонѣ. Въ Нарбоннѣ же былъ и другой извѣстный юристъ, Марцеллинъ, прямотою и строгостію сужденій казавшійся слишкомъ суровымъ для лицъ, не коротко его знавшихъ [3]). Кромѣ того Магнъ, отецъ Проба и Феликса, школьныхъ друзей Сидонія, бывшій консуломъ при Майоріанѣ и извѣстный своими философскими занятіями [4]), и Серранъ, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ своего времени, заставляли Нарбонну гордиться твоими гражданами.

---

[1]) Sid Epis. I. VIII, 4. Difficile discernitur domini plus ne sit cultum rus an ingenium.

[2]) Ibid.

[3]) Marcelline meus, perite legum,
Qui verax nimis, et nimis severus
Asper crederis esse nescienti.
Carm. XX II, v. 465.

[4]) Carm. XIV praef. ad. Polemium.

Въ Бордо, славномъ уже во времена Авзонія своими винами [1]), кромѣ Лампридія, намъ уже извѣстнаго, мы находимъ Полемона, потомка Корнеліевъ и историка Тацита, до того преданнаго философіи, что Сидоній почелъ приличнымъ помѣстить цѣлый курсъ исторіи этой науки съ древнѣйшихъ временъ въ эпиталаму, которая должна была привѣтствовать бракъ Полемона съ Аранеолою, одною изъ богатѣйшихъ невѣстъ Галліи [2]) Тамъ же былъ Рустикъ, другъ Сидонія. Въ Арлѣ, Клермонѣ, Вьеннѣ мы найдемъ также многихъ литераторовъ. Въ Арлѣ, напримѣръ, славился Петроній, извѣстный юристъ; тамъ же жилъ и Домнулъ. Родины и мѣстопребыванія многихъ изъ современныхъ писателей мы совершенно не знаемъ. По умѣнью соединять литературныя занятія съ практическою дѣятельностью, выше всѣхъ стоялъ Тонанцій Ферреолъ. Его отецъ былъ префектомъ Галліи при Гоноріи, мать была дочь консула Афранія Сіагрія, столь же извѣстнаго своимъ поэтическимъ талантомъ, какъ и заслугами государству. Самъ Ферреолъ былъ префектомъ Галліи въ самую критическую для этой страны минуту, во время нашествія Аттилы, и ему частію обязанъ Аэцій тѣмъ, что варвары, поселившіеся въ предѣлахъ Галліи, дружно стали подъ знамена Рима, чтобы отразить напоръ азіатской орды. Въ другой разъ Ферреолъ оказалъ немаловажную услугу имперіи, когда Торизмундъ готскій осадилъ въ 452 году неожиданно Арль. «Свирѣпый «король Готовъ, говоритъ Сидоній, былъ увлеченъ твоими «медовыми рѣчами, твоей важной, остроумной, непривычной «для него бесѣдой, и ты заставилъ однимъ обѣдомъ удалиться «отъ вратъ Арля того, кого не могъ бы принудить къ тому «Аэцій [3]). Ферреолъ былъ женатъ на дочери императора

[1]) Clarae urbes Ausonii XIV.
[2]) Cm. Carm. XIV.
[3]) Sid. Epist. I. VI, p. 12.

Авита. Онъ жилъ обыкновенно въ Тревиданѣ, богатомъ помѣстьѣ на границѣ Руерга или въ прузіанской виллѣ на берегу Гардоны, между Нимомъ и Клермономъ [1]); вмѣстѣ съ двумя другими славными юристами, Таумастомъ и Петроніемъ, былъ отправленъ въ 468 или 469 году въ Римъ для обвиненія въ государственной измѣнѣ префекта Арванда, какъ мы увидимъ дальше. Сынъ его Тонанцій писалъ къ Сидонію, бывшему уже епископомъ, прося у него застольныхъ пѣсенъ [2]). Таковъ былъ литературный кружокъ, среди котораго жилъ Сидоній. Многихъ мы оставили безъ упоминанія, потому что свѣдѣнія о нихъ, доставляемыя Сидоніемъ, слишкомъ скудны, другихъ потому, что будемъ имѣть случай сказать о нихъ нѣсколько словъ послѣ.

Чѣмъ труднѣе становилось время для мирныхъ литературныхъ занятій, чѣмъ яснѣе открывалась глазамъ печальная дѣйствительность и еще болѣе грустная будущность, тѣмъ тѣснѣе держались другъ друга послѣдніе представители

По поводу Тонанція Ферреола сдѣлалъ смѣшной промахъ Филаретъ Шаль въ своихъ Etudes sur le moyen âge p. 124. Разсказывая объ удачномъ поступкѣ Ферреола, онъ выставляетъ его, какъ примѣръ вліянія епископовъ. Ферреолъ изъ префектовъ Галліи обратился у него не только въ епископа, но даже въ святаго. Очевидно, Шаль смѣшалъ его съ Св. Ферреоломъ, замученнымъ въ 304 году около Вьенны. Ферреолъ, о которомъ идетъ рѣчь, никогда не былъ епископомъ и еще менѣе имѣетъ претензій на святость. Можно бы думать, что Шаля ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что Сидоній помѣстилъ письмо къ Ферреолу въ книгѣ, почти исключительно посвященной перепискѣ съ епископами, но для этого нужно предположить, что Филаретъ Шаль читалъ сочиненіе Сидонія, а мы никакъ не можемъ рѣшиться сдѣлать это смѣлое предположеніе, потому что при этомъ останутся совершенно необъяснимыми безпрестанные промахи и ошибки, которыми наполнена статейка Шаля. Изъ разсказа автора этюдовъ видно, что онъ и не подозрѣваетъ, что извѣстіе объ удаленіи Торизмунда отъ стѣнъ Арля принадлежитъ Сидонію.

[1]) Sid. Epist. I. II, 9.

[2]) Sid. Epist. I. IX, 13.

угасавшей образованности. Какъ ни обманчивы ихъ надежды на возможность возрожденія науки и литературы, какъ ни смѣшны ихъ восторженныя похвалы другъ другу сравнительно съ настоящими достоинствами лучшихъ изъ нихъ, отчаянная борьба этихъ послѣднихъ защитниковъ древняго образованія съ приближавшимся варварствомъ среднихъ вѣковъ внушаетъ глубокое участіе. Самыя похвалы, о которыхъ мы столько разъ говорили, кажутся не такъ смѣшны, когда вспомнишь, что, быть можетъ, это крики, которыми ободряютъ другъ друга послѣдніе противники темнаго невѣжества. Нужно было преувеличенной хвалой и сравненіями, очень часто обнаруживающими только полное незнаніе тѣхъ великихъ образцовъ, съ которыми проводится параллель, ободрить упавшихъ духомъ писателей. Только при такомъ самообольщеніи и возможна была еще литературная дѣятельность. Аристократія, родовая и служебная, теряла свое значеніе въ послѣднихъ смутахъ Римской имперіи, среди варваровъ, не обращавшихъ вниманія на портреты предковъ, украшавшихъ жилище знатнаго Галлоримлянина, на происхожденіе его отъ фамилій Сабиновъ или Корнеліевъ. Пытались поддержать по крайней мѣрѣ аристократію образованія, тѣмъ болѣе, что она почти сама собою сливалась съ аристократіей по происхожденію: большая часть литераторовъ принадлежала, какъ мы видѣли, къ высшему сословію. «Современники или потомство, пишетъ Сидоній къ клермонтскому ритору Іоанну [1]), должны увѣковѣчить статуями или «картиной твою память, какъ память втораго Демосѳена или «Цицерона. Воспитанные и образованные тобою питомцы сохранятъ память прошлаго среди непобѣдимаго, но чуждаго народа «(т. е. Вестготовъ), и когда уничтожились различныя почести, по «которымъ можно было различить человѣка высшаго сословія

[1]) Sid. Epist. I. VIII. 2.

«отъ людей низшихъ классовъ, одна только образованность бу«детъ отличительнымъ признакомъ благороднаго происхожде«нія». При дворѣ варварскихъ вождей, раздѣлившихъ между собою Галлію, важнѣйшую роль играли тѣ Галлоримляне, которые могли своими знаніями помочь неопытности и невѣжеству германскихъ конунговъ. Мы видѣли значеніе Сіагрія между Бургундами. Нарбоннскій профессоръ Леонъ дѣлается первымъ министромъ Ейриха готскаго; франкскіе короли окружаютъ себя галлоримскими совѣтниками, и православный епископъ служитъ руководителемъ аріанскому предводителю Бургундовъ. Спасти погибавшую греко римскую образованность, сохранить аристократію образованія, когда грубая матеріальная сила варваровъ задавила всякую другую, сдѣлалось главною цѣлію дружныхъ, хотя и безполезныхъ усилій литераторовъ второй половины V вѣка. Если въ началѣ соединяло ихъ только единство занятій, впослѣдствіи еще тѣснѣе связала ихъ общая опасность. У Сидонія мы встрѣчаемъ многочисленныя доказательства этого дружнаго дѣйствія. Между литераторами, разбросанными по разнымъ городамъ Галліи, во владѣніяхъ Бургундовъ и Готовъ, въ немногихъ провинціяхъ, еще признававшихъ дѣйствительную или номинальную власть Рима, идетъ дѣятельная переписка; пересылаютъ другъ другу новыя сочиненія, переписываютъ творенія древнихъ. Письма составляютъ особый, едва ли не самый важный родъ свѣтской литературы. Если нельзя послать собственнаго табеллярія, пользуются поѣздкой купца, священника, монаха, даже Еврея [1]), чтобы переслать о себѣ извѣстіе литературнымъ друзьямъ, обмѣняться новыми сочиненіями. Переписку не останавливаетъ ни трудность сообщеній, ни подозрительность различныхъ правительствъ, раздѣлившихъ Галлію. Зато

[1]) Сн. Sid. Epist. I. III, 4. Также I. V, 1.—VII, 7,—I. V, 3.—IV, 4.—IV, 7.—VII, 7 и другія.

надобно читать у Сидонія, какъ радовало его письмо или присылка какой-нибудь литературной новости, какъ огорчало его долгое молчаніе нѣкоторыхъ [1]). Разумѣется, въ тотъ періодъ жизни Сидонія, который мы имѣемъ теперь въ виду, т. е. во время его молодости, многихъ изъ затрудненій еще не существовало; они увеличились или вновь возникли вмѣстѣ съ постепеннымъ паденіемъ власти Рима. Тѣмъ дѣятельнѣе шла переписка. Какъ скоро не грозила близкая и неминуемая опасность, безпечность галлоримскаго общества снова увлекала его. Минутное опасеніе за судьбу римской образованности и римскаго владычества замѣнялось несбыточными надеждами на лучшее будущее. «Мы стараемся прежде всего, говоритъ «Марій Викторъ [2]), съ легкомысленными надеждами и съ не«мощными усиліями загладить слѣды сарматскихъ опустоше«ній, вандальскихъ пожаровъ и хищничества быстрыхъ Ала«новъ; очищаемъ виноградники, снимаемъ жатву, поправля«емъ сорванную съ петель дверь и вставляемъ выбитыя ок«на, не заботясь о воздѣлываніи обширнаго поля души и сер«дца, о поднятіи падшаго и плѣненнаго духа». Едва уносилась вдаль гроза варварскаго нашествія, снова начиналась, какъ прежде, беззаботная жизнь галлоримскихъ аристократовъ въ ихъ роскошныхъ виллахъ, среди шумныхъ пировъ, подъ пѣсни современныхъ Горацієвъ и Пиндаровъ. Высшимъ обществомъ овладѣвало какое-то вакхическое веселіе, которымъ старалось оно прогнать отъ себя сознаніе настоящаго положенія, и изъ котораго только на минуту извлекали его страшныя катастрофы, такъ часто случавшіяся въ послѣдній вѣкъ существованія Западной римской имперіи.

[1]) См. письма къ Феликсу и многіе другіе.

[2]) Claudii Marii Victoris epistola, ad Salmonem Abbatem. Bibl. Max. Patrum VIII, p. 427.

ГЛАВА II.

16 Марта 455 года погибъ Валентиніанъ III, и съ нимъ прекратилось мужское потомство Ѳеодосія В. Византійскіе историки объясняютъ это убійство придворною интригой, оскорбленіемъ чести супруги знаменитаго сенатора Петронія Максима, надѣвшаго пурпуръ на другой же день кровавой катастрофы и вслѣдъ затѣмъ женившагося на вдовѣ убитаго. Западные лѣтописцы ближайшую причину видятъ въ общемъ почти негодованіи за убійство Аэція, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ погибшаго подъ мечами придворныхъ и евнуховъ въ самомъ дворцѣ и по приказанію цезаря, нанесшаго первый ударъ [1]). Едва ли это объясненіе не имѣетъ за себя болѣе исторической вѣроятности; по крайней мѣрѣ убійцы Валентиніана III принадлежали къ числу приверженцевъ знаменитаго полководца; а вступленіе на престолъ Максима и его поведеніе относительно семейства Валентиніана не нуждается для своего объясненія въ романической исторіи, очевидно, существовавшей только въ воображеніи византійскихъ лѣтописцевъ, изъ которыхъ многіе, а въ особенности Прокопій, любили объяснять событія мелочной интригой. Петроній Максимъ принадлежалъ къ знатному роду и занималъ высшія должности при Валентиніанѣ: префектъ Италіи, два раза консулъ и

[1]) Aëtium Placidus mactavit samivir amens.
Sid. Panegyr. Avit. v. 359.

наконецъ патрицій, онъ ближе всѣхъ стоялъ къ трону [1]). Бракомъ со вдовой Валентиніана, Евдоксіей, онъ хотѣлъ упрочить свое положеніе, вступивъ въ родство съ фамиліей Θеодосія. Съ тою же цѣлію сынъ Максима женился на старшей дочери погибшаго императора, бывшей невѣстѣ сына Аэція. Въ письмѣ къ Серрану Сидоній приводитъ свидѣтельство Фульгенція, по которому Максимъ на престолѣ часто жалѣлъ о независимой жизни частнаго человѣка [2]). Въ самомъ дѣлѣ, положеніе имперіи было почти безнадежное. Борьба съ Аттилою была послѣднимъ напряженнымъ усиліемъ падающаго государства отстоять свое существованіе. И притомъ, какими силами велась эта борьба! Въ войскѣ, сразившемся на равнинахъ Шампани съ германскими и татарскими полчищами гунскаго завоевателя, римскаго было одно имя, и знаменитый вождь, предводившій защитниками Римской имперіи, самъ былъ Сарматъ или Скиоъ по происхожденію [3]). Стоитъ взглянуть на положеніе Галліи, чтобы убѣдиться въ близости конца Римской имперіи. Не забудемъ, что въ этой странѣ номинальное существованіе римскаго владычества кончилось позже, нежели въ самой Италіи, что здѣсь было болѣе римскаго патріотизма нежели въ самомъ Римѣ. Къ префектурѣ Галлій принадлежали Британія и Испанія. Съ 407 года Британія управлялась своими властями и была фактически независима отъ Рима, хотя и не разрывала сношеній съ областями Западной римской имперіи. Съ 445 года внутреннія усобицы и

[1]) Qui, quanquam in arcem praefectoriam, patriciam consularemque intrepidus ascenderat. Sid. I. II. ep. 13.

[2]) Dicere solebat vir litteratus... Fulgentius, ore se ex ejus frequenter audisse, cum perosus pondus imperii veterem securitatem desideraret, felicem te, Damocles, qui non uno longius prandio regni necessitatem toleravisti Ibid.

[3]) Gaudentius pater, Scythiae provinciae primoris loci. Mater itala, nobilis ac locuples femina. Gregor. Turon. Histor. Franc. II, 8.

борьба съ Саксами начали грозить не только независимости острова, но и римской цивилизаціи и христіанству, давно уже утвердившимся въ этой странѣ. Въ послѣдній разъ въ отчаянной борьбѣ съ дикими германскими завоевателями обратились кельто-римскіе вожди къ Риму. Варвары, писали они къ Аэцію въ 446 г., тѣснятъ насъ къ морю, море отталкиваетъ насъ къ варварамъ, и повсюду встрѣчаетъ насъ гибель. Риму было не до того, чтобы думать о защитѣ отдаленной провинціи, и римская образованность подавлена была въ Британіи дикимъ варварствомъ Саксовъ, и чтители Одина едва не уничтожили совершенно христіанства на этомъ островѣ, разорвавъ надолго сношенія британской церкви съ христіанской Галліей и Италіей. Самая страна обратилась въ пустыню, и звѣриная ловля сдѣлалась главнымъ занятіемъ жителей. Не многимъ лучше была судьба и другаго викаріата, принадлежавшаго къ префектурѣ Галліи, Испаніи. Свевы, Аланы и Вандалы прорвались въ эту страну въ 409 году; римское правительство, слишкомъ слабое, чтобы защищать Испанію собственными средствами, постоянно старалось истреблять варваровъ однихъ другими. Въ войнѣ съ Валліей вестготскимъ истреблены были Аланы; отчаянно рѣзались между собою Вандалы и Свевы, и Вестготы нѣсколько разъ являлись въ Испанію для возстановленія власти Рима. Имперіи мало было впрочемъ пользы отъ истребительныхъ войнъ варваровъ между собою. Вандалы перешли въ Африку; но владѣнія имперіи не увеличились отъ этого въ Испаніи. Власть Рима признавали весьма немногія горныя области сѣверозападной части и часть восточнаго прибрежья, гдѣ впрочемъ римскимъ правителямъ приходилось въ одно и то же время отбиваться отъ варваровъ и подавлять опустошительныя возстанія багодовъ. Попытки возстановить власть Рима въ Испаніи шли изъ Галліи, производились силами этой провинціи. Каково же было положеніе Галліи,

и чѣмъ могла тамъ располагать имперія? Стóитъ бросить взглядъ въ Notitia dignitatum, составленную въ началѣ V вѣка, чтобы убѣдиться, какъ много варварскаго элемента было въ войскахъ имперіи. Нѣтъ почти ни одной провинціи, гдѣ бы не поселены были или не стояли всегдашнимъ постоемъ отряды разноплеменныхъ варваровъ. Сарматская конница вмѣстѣ съ Тайфалами занимала Пуатье; отряды Сарматъ были растянуты отъ Парижа до Хоры (la Cure), между Реймсомъ и Аміеномъ, въ теперешнихъ округахъ Реанне и Веле; ихъ находимъ въ Лангрѣ (въ Бельгійской 2 провинціи); въ Отенѣ (въ Ліонской I провинціи [1]). Мы находимъ въ Галліи отряды салійскихъ Франковъ, Бруктеровъ, Ампсиваріевъ, кромѣ того два пѣхотныхъ и два конныхъ отряда Батавовъ, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть также Франковъ, занявшихъ еще съ половины четвертаго вѣка островъ Батавовъ [2]). Батавы же, или Франки, занимали сверхъ того Нойонъ и Аррасъ во 2 Бельгійской провинціи и Байё (Bayeux) въ Ліонской 2. Свевы стояли гарнизономъ въ Байё и Кутансѣ во 2 Ліонской провинціи, въ Мансѣ въ Ліонской 3 и наконецъ въ самомъ центрѣ Галліи, въ Клермонѣ въ I Аквитаніи [3]). Далматскіе всадники были расположены между Кале и Гравелиномъ и пѣхотный

---

[1]) Praefectus Sarmatarum gentilium et Taifalorum gentilium Pictavis. Praefectus Sarmatarum a Chora Parisios usque... inter Remos et Ambianos... per tractum Rodunensem et Alaunorum... Lingonas и т. д. Notitia dignitatum et administrationum omnium... recensuit Eduardus Boeking. p. 122. Мы пользовались превосходнымъ комментаріемъ издателя. См. Annotatio ad notitiam dignitatum; fasciculus V. p. 1139—1145.

[2]) Salii Seniores... Bructeri... Ampsivarii. Notit. dignit. p. 35. Equites Batavi Seniores... Equites Batavi Juniores. ib. p. 39. Франкскіе леты въ Реннѣ во 2 Ліонской провинціи, ibid. p. 119.

[3]) Praefectus gentilium Suevorum Baiocas et Constantiae... Cenomanos... Arvernos. Notitia dignitatum in part. Occidentis p. 119, 120.

отрядъ въ Авраншѣ [1]). Въ Ваннѣ (департаментъ Морбиганъ) и въ Карге (департаментъ Финистеръ) находились Мавры, кромѣ конныхъ отрядовъ этого народа, расположенныхъ, неизвѣстно въ какомъ мѣстѣ Галліи [2]). Кромѣ этихъ отрядовъ, положительно обозначенныхъ ихъ народными именами, мы можемъ почти утвердительно сказать, что и подъ римскими названіями самихъ легіоновъ скрывались тѣ же варвары. Орозій, разсказывая объ экспедиціи узурпатора Константина въ Испанію, положительно говоритъ, что Гоноріанцы состояли изъ варваровъ, принятыхъ въ число римскихъ союзниковъ [3]). Вѣроятно, такой же составъ былъ и въ легіонахъ, носившихъ имя Jovii, Valentinianenses и т. д. Вся Галлія была такимъ образомъ покрыта сѣтью варварскихъ военныхъ поселеній, и число ихъ росло по мѣрѣ увеличивавшейся слабости Рима. Ближе къ тому времени, которое мы имѣемъ въ виду, т. е. ко второй половинѣ V вѣка, мы видимъ, вмѣсто отдѣльныхъ отрядовъ варваровъ, цѣлыя племена, поселившіяся на земляхъ Римской имперіи въ качествѣ союзниковъ и подъ условіемъ военной службы. Подвигаясь внутрь

[1]) Equites Dalmatae Marcis in Littore Saxonico. Not. Dignit. p. 108. Boeking's Annotatio, Fascic. V p. 837. Praefectus militum Dalmatarum Abrincatis. Notit. dign. p. 107.

[2]) Praefectus militum Maurorum Venetorum Venetis... praefectus militum Maurorum Osismiacorum Osismiis. Not. dign. 107... Equites Mauri Alites ibid. p. 39. Бёкингъ въ комментаріяхъ на Notit. dignit. Orientis дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: Numerosum gentilia nomina aut a militum patria aut a regione, ad cujus praesidium vel ab initio vel κατ' ἐξοχήν destinati fuerunt, aut a militiae denique genere sumpta sunt; neque omnes *Dalmatae*, quorum liber noster mentionem fecit, ex Dalmatia oriundi fuerunt, non magis quam *Mauri* omnes ex Mauritaniis aut Illyriciani ex Illyriis, militiae genus, non patriam militum ea nomina indicant. Fasciculus II. p. 188 n. 20.

[3]) Cum barbaris quibusdam, qui quondam in foedus recepti atque in militiam allecti Honoriaci vocabuntur. Orosii lib. VII. Bibl. Max. Patrum. t. VI. p. 447.

имперіи, Германцы находили тамъ своихъ единоплеменниковъ, ветерановъ римской арміи, и этимъ частію объясняется, какъ успѣхъ самаго завоеванія, такъ и отсутствіе сопротивленія новымъ пришельцамъ со стороны сельскаго населенія, давно привыкшаго принимать къ себѣ германскихъ колонистовъ и вступать съ ними въ родство, не смотря на запрещенія императорскихъ эдиктовъ. Если въ войскахъ имперіи мы находимъ почти исключительно германскихъ и татарскихъ варваровъ, если Аэцій упрочиваетъ власть Рима въ Галліи помощію гунской конницы, а Майоріанъ ведетъ за собой цѣлыя орды почти неизвѣстныхъ племенъ; то въ первой половинѣ V вѣка мы видимъ всѣ пограничныя области Галліи въ рукахъ поселившихся тамъ германскихъ народовъ, и развѣ только самый центръ еще свободенъ отъ ихъ поселеній. «Несчастное время, говоритъ Просперъ Аквитанскій, когда нѣтъ ни одной провинціи безъ варварскихъ поселенцевъ, и ненавистная ересь Арія, утвердившаяся между варварскими народами, распространяясь повсюду, прежде времени присвоиваетъ себѣ имя каѳолическаго ученія». Интересно взглянуть на постепенное размѣщеніе варваровъ въ предѣлахъ Галліи.

Начнемъ съ сѣверо-западной ея оконечности, съ Арморики. Бритты, населявшіе эту часть Галліи и сохранившіе въ большей чистотѣ первобытный кельтскій характеръ, народъ легкомысленный, подвижной, своевольный, охотникъ до новизны, говорливый и увлекающійся [1]), Бритты Арморики, мало подавшіеся вліянію римской образованности и нравовъ, восполь-

---

[1]) Torva, ferox, ventosa, procax, incauta, rebellis,
Inconstans, disparque sibi novitatis amore,
Prodiga verborum, sed non et prodiga facti.
Erricus Monachus

Mobilem et indisciplinatum populum... Vita S. Germani. Gibbon, edit. Buchon. t. I. p. 768. note. 3.

зовались смутами царствованія Гонорія, чтобы выгнать римскихъ чиновниковъ и возстановить свою независимость, къ которой были страстно привязаны. Только два города, Ренъ и Нантъ, сохранили императорскихъ чиновниковъ; вся же страна по кривой линіи отъ Доля до рѣки Ердры управлялась своими вождями, признавшими надъ собою власть верховнаго вождя (Pentiern), какимъ были Конанъ послѣ возстановленія самостоятельности Арморики и сынъ его Саломонъ (Salaun), принявшій имя Флавія, родовое прозваніе римскихъ императоровъ. Бритты признали надъ собою верховную власть Рима (около 421 г.); но изъ народа покореннаго они стали союзниками Римской имперіи [1]), что не мѣшало имъ впрочемъ почти безпрестанно вторгаться въ сосѣднія области римской Галліи. Сильное противодѣйствіе Риму обнаружилось въ Арморикѣ особенно послѣ убійства Саломона. Граллонъ, вождь корнваллійскій, занявшій мѣсто убитаго, былъ постояннымъ врагомъ имперіи. Бритты сражаются съ Гуннами подъ знаменами Аэція, нѣсколько разъ подаютъ помощь римскому правительству; но въ то же время берега Луары постоянно опустошаются ихъ вторженіями. Даже въ качествѣ союзниковъ призываемые въ римскую Галлію, они дѣйствуютъ не лучше враговъ [2]). Не только начатки римской цивилизаціи были подавлены этимъ возвращеніемъ къ прежней національности и независимости, самое христіанство много потерпѣло вслѣдствіе разрыва съ имперіею. Въ V вѣкѣ у Бриттовъ мы находимъ только одного епископа, именно: въ Ваннѣ (Venetum). Въ IX вѣкѣ ихъ обвиняютъ въ томъ, что они сохранили одно только имя христіанъ. Въ этомъ отношеніи Арморика раздѣлила

[1]) Іорнандъ хорошо характеризуетъ этотъ переходъ: quondam milites Romani, tunc vero jam in numero auxiliariorum exquisiti. De rebus Geticis, XII. Edit Panckoucke. p. 330.

[2]) См. Sid. I. III, 9, къ Піотаму.

судьбу Британіи, гдѣ паденіе образованности, возвращеніе къ варварству и запустѣніе страны слѣдовали за отторженіемъ отъ Римской имперіи.

Далѣе къ сѣверу, по прибрежью, утвердились саксонкіе пираты. Еще съ перваго вѣка сѣверо-западное поморье Галліи: Бельгія 2, Ліонская 2 провинціи и устья рѣкъ Сены, Луары и Гаронны подвергались безпрестаннымъ, нападеніямъ. Сѣверный берегъ Галліи получилъ названіе саксонскаго; 6 легіоновъ, отрядъ далматской конницы и двѣ эскадры прикрывали его, по указанію Notitia dignitatum. Легіонъ, помѣщенный въ Бле (Blaye), защищалъ устье Гаронны. Этихъ предосторожностей было недостаточно; къ тому же силы имперіи значительно уменьшились послѣ удаленія изъ Галліи войскъ при Стиликонѣ и послѣ вторженія варваровъ въ 406 году. «Саксамъ, по словамъ Сидонія [1]), было игрушкой бороздить британское море и легкими челнами, обшитыми кожей, разсѣкать лазурныя волны». Въ письмѣ къ Наммацію Сидоній дѣлаетъ характеристику морскихъ разбойниковъ.

«Это самый свирѣпый изъ всѣхъ враговъ, говоритъ онъ: онъ нападаетъ врасплохъ, исчезая, если его нападеніе предвидѣно; онъ оставляетъ въ покоѣ готовыхъ его встрѣтить и поражаетъ безпечныхъ; преслѣдуя врага, онъ настигнетъ его; если самъ бѣжитъ, ускользнетъ отъ погони. Кораблекрушенія изощряютъ его искусство, но не устрашаютъ. Саксы не только хорошо знаютъ борьбу съ моремъ, они сдружились съ нею. Въ бурю среди волнъ и выдавшихся подводныхъ камней, они весело переносятъ опасности въ надеждѣ на добычу. Прежде чѣмъ поднять паруса для возвращенія на родину и вытащить съ чуждаго дна цѣпкіе якоря, у нихъ есть обычай умертвить

[1]) .... cui pulle salum sulcare britannum
Ludus et assuto glaucum mare findere lembo.
Sid Panegyr. Avito. v. 369.

въ жестокихъ и равныхъ для всѣхъ мукахъ десятую часть плѣнниковъ, обычай, тѣмъ болѣе грустный, что основанъ на суевѣріи. Несправедливая смерть толпы, обреченной на гибель, сопровождается безпристрастнымъ жребіемъ. Такими жертвами они исполняютъ обѣты и, не столько очищенные жертвоприношеніемъ, сколько осквернённые святотатствомъ, они думаютъ, совершая несчастное убійство, что поступаютъ религіозно, если болѣе требуютъ съ плѣнника мученій, чѣмъ выкупа» [1]). Въ V вѣкѣ, во время смятеній 407—413 годовъ, Саксы утвердились въ двухъ пунктахъ 2 Ліонской провинціи, въ Байе (Bayocas) и Лизьё (Lexovi) [2]), такъ что въ этихъ городахъ мы уже не находимъ болѣе христіанскихъ церквей. Менѣе сплошныя поселенія Саксовъ были въ областяхъ городовъ Авранша и Кутанса [3]). Здѣсь христіанство и римская цивилизація были пока еще не совсѣмъ уничтожены суровыми поклонниками Одина.

Арморика должна была безпрестанно отбиваться отъ ихъ нападеній и, проникнувъ въ устье Луары, Саксы поднялись вверхъ по рѣкѣ до лѣсистыхъ острововъ, находящихся ниже Анжера, и устроили тамъ главный притонъ для своихъ лодокъ. Названіе саксонскихъ осталось за этими островами до тѣхъ поръ, пока Норманны не утвердились тамъ по примѣру своихъ смѣлыхъ предшественниковъ. Подобно другимъ племенамъ,

---

[1]) Hostis est omni hoste truculentior. Improvisus aggreditur, praevisus elabitur, spernit objectos, sternit incautos; si sequatur, intercipit; si fugiat, evadit. Ad hoc, exercent illos naufragia, non terrent... in medio fluctuum scopulorumque confragrosum spe superventus laeti pereclitantur. Praeterea, priusquam de continenti in patriam vela loxantes hostico mordaces anchoras vado vellant, mos est remeaturis decimum quemque captorum per aequales et cruciarias poenas, plus ob hoc tristi quod superstitioso ritu, necare... religiosum putant caedis infaustae perpetratores, de capite captivo magis exigere tormenta quam pretia. Sid. I. VIII epist. 6.

[2]) Часть нынѣшнихъ департаментовъ Calvados, Eure и Orne.

[3]) Abrincatum и Constantia въ департаментѣ de la Manche.

вторгавшимся въ области Римской имперіи, Саксы вынудили у римскаго правительства уступку захваченныхъ ими владѣній, признавъ зато номинальную зависимость отъ Рима и обязавшись выставлять вспомогательные отряды. Въ битвѣ съ Аттилой Саксы сражались подъ знаменами Аэція, что не препятствовало имъ опустошать попрежнему берега морей и рѣкъ Галліи.

Сѣверо-восточная часть Галліи между Рейномъ и Соммою, т. е. почти вся нижняя или II Германія и сѣверныя части обѣихъ Бельгій были въ рукахъ Франковъ. Въ III вѣкѣ является въ римской исторіи имя Франковъ, хотя народы, составлявшіе эту конфедерацію, были извѣстны Римлянамъ еще со временъ Цезаря и Тацита. Здѣсь не мѣсто входить въ объясненіе причинъ образованія союза Франковъ и въ исторію борьбы ихъ съ Римлянами [1]). Скажемъ только, что южной границей союзныхъ племенъ полагаютъ Герцинскій лѣсъ и теченіе Майна или даже Неккера; Везеръ и Эльба были крайними предѣлами на востокѣ, Фризы отдѣляли ихъ отъ береговъ моря и Рейнъ отъ владѣній Римской имперіи. Бруктеры, Катты, Хамавы, Сигамбры и Салій были главными племенами, составлявшими союзъ Франковъ. Въ постоянной борьбѣ съ Саксами и Аллеманами, Франки съ 253 по 337 годъ безпрестанно тревожатъ прирейнскія области Галліи своими вторженіями. Это не было впрочемъ слѣдствіемъ завоевательнаго стремленія цѣлаго союза. Трудно сказать, былъ ли когда нибудь случай, гды бы дѣйствовали соединеныя силы всей конфедераціи. Вторженіе въ Галлію не было даже дѣломъ

[1]) Относительно этимологіи имени Франковъ и исторіи ихъ вторженій см. Lehuërou, Histoire des institutions Mérovingiennes et Carlingiennes t. I., livre I, chapitres, V, VI, VII и XI. Tanne Fauriel, Histoire de la Gaule Méridionale sous la domination des conquérants germains t, I, chap. IV et V. Pétigny, Etudes sur l'époque Merovingienne.

отдѣльныхъ племенъ, желавшихъ совершенно переселиться на лѣвый берегъ Рейна. Въ области Римской имперіи влекла дружины Франковъ та жажда безпокойной дѣятельности, которою обозначилось разложеніе патріархальнаго быта въ племенахъ германскихъ; явленіе — уже ясно обозначенное въ знаменитомъ сочиненіи Тацита. Племена переселились въ Галлію уже потомъ, когда были сами увлечены общимъ движеніемъ, и по дорогѣ, проложенной смѣлыми дружинниками, стоявшими внѣ племенныхъ національностей. За Рейнъ стремились дружины смѣльчаковъ, добровольныхъ или неволныхъ изгнанниковъ изъ родины, гдѣ имъ не было житья среди узкихъ формъ родоваго быта, тѣ дружины, которыя мы находимъ, начиная съ I вѣка, у всѣхъ германскихъ и скандинавскихъ народовъ и которыя, будучи составлены повсюду изъ одинаковыхъ элементовъ, дали, по мнѣнію нѣкоторыхъ, названіе союзу племенъ отъ Везера до нижняго теченія Рейна [1]). Около столѣтія продолжались безпрерывныя, почти ежегодныя вторженія франкскихъ дружинъ на лѣвый берегъ Рейна; но только послѣ 337 года удалось одному изъ племенъ, именно салійскимъ Франкамъ, утвердиться въ сѣверо-западномъ углу нижней или II-й Германіи, въ Токсандріи, и остаться тамъ по мирному договору съ императоромъ Констанціемъ (342 или 344 года). Съ этого времени никакими силами невозможно было остановить дальнѣйшаго распространенія Франковъ на лѣвомъ берегу Рейна. Три похода предпринималъ Юліанъ, чтобы очистить Галлію отъ германскихъ варваровъ, прорвавшихся

---

[1]) Wrag, wraec,, wrang, warg, frec, franc— слова однозначительныя съ utlagh Англо-Саксовъ, съ forbannitus закона рипуарскихъ Франковъ, съ warengangus лангобардскихъ законовъ имѣютъ общее значеніе exul, pago expulsus, отверженныхъ общества, разбойныхъ, человѣкъ, скитающійся, какъ звѣрь (warg, разбойникъ, волкъ, изгнанникъ). См. Lehuërou. t. II. I, chap. II.

за завѣтный рубежъ Рейна, и однако принужденъ былъ оставить токсандрійскихъ Франковъ.. Ни одна часть Римской имперіи не могла представлять такихъ удобствъ для завоеванія Германцами, какъ сѣверовосточная Галлія. Уже Цезарь нашелъ германскія племена утвердившимися въ Бельгіи. Германское населеніе увеличивалось вслѣдствіе новыхъ переселеній изъ-за Рейна. Такъ при Августѣ Убіи были поселены по римскому берегу рѣки, и съ тѣхъ поръ число германскихъ колонистовъ одинаково увеличивалось и отъ побѣдъ Римлянъ надъ варварами, потому что тысячи плѣнныхъ обращались въ летовъ, и отъ ихъ пораженій, потому что тогда слабое правительство не рѣшалось отказывать варварамъ, просившимъ позволенія поселиться на земляхъ имперіи. Преобладаніе германскаго элемента въ восточной половинѣ Цезаревой Бельгіи доказывается самымъ названіемъ прирейнскихъ провинцій, Germania I sive superior, Germania II sive inferior; не безъ сильной примѣси Германцевъ было населеніе и обѣихъ Бельгій. Не было рѣзкаго различія и въ общественномъ отношеніи между населеніемъ противоположныхъ береговъ Рейна. Римская цивилизація мало проникла въ Германію II и Бельгію II. Здѣсь не было большихъ городовъ, и только римскіе гарнизоны занимали пункты, важные въ стратегическомъ отношеніе. Самое христіанство, утвердившееся въ Британіи и Арморикѣ, сюда еще мало проникло. Жители обоихъ береговъ нижняго Рейна были одинаково язычниками. Переселеніе Франковъ не производило переворота въ судьбахъ сѣверо-восточной части Галліи, не уничтожало христіанства и образованности, какъ завоеваніе языческими Саксами христіанско-римской части Британіи. Послѣ Юліана вторженія Франковъ сдѣлались чаще и приняли большіе размѣры. Въ то время, какъ нѣкоторые изъ Франковъ составляли одну изъ главныхъ опоръ императорской власти, занимая высшія государственныя

должности, наполняя собою арміи участвуя во всѣхъ политическихъ переворотахъ, другіе огнемъ и мечемъ пустошили несчастныя провинціи. Триръ былъ 4 раза взятъ и разграбленъ ими до 440 года [1]). Въ 440 году та же участь постигла Майнцъ и Кёльнъ. Около 445 г. въ землѣ Тонгровъ, во II Германіи, по теченію Мааса, мы находимъ второе поселеніе зарейнскихъ Франковъ, именно Франковъ Клодіона, игравшихъ впослѣдствіи такую важную роль въ судьбахъ Галліи. Въ этомъ году Клодіонъ прошелъ по 2-й Бельгіи до самой Соммы. Побѣды Аэція (428, 447 г.) не могли остановить напора Франковъ, прочно утвердившихся въ Галліи. Съ 448 г. мѣсто Клодіона занялъ Меровигъ, родоначальникъ первой династіи франкскихъ королей. Анналисты VIII и позднѣйшихъ столѣтій, руководясь, по всей вѣроятности, народными пѣснями и преданіями, передали намъ миѳическую исторію Меровига; отъ современниковъ же до насъ дошли точно такія же скудныя извѣстія объ этомъ вождѣ и о постепенномъ поселеніи и утвержденіи Франковъ въ Галліи. Почти все, что мы знаемъ, ограничивается тѣмъ, что въ концѣ царствованія Валентиніана III, кромѣ салійскихъ Франковъ давно уже утвердившихся въ Токсандріи, Франки Клодіона и Меровига занимали берега Мааса и владѣли, кромѣ части II Германіи, сѣверными границами обѣихъ Бельгій. Имперіи оставалось только законнымъ образомъ утвердить актъ завоеванія и принять Франковъ въ число союзныхъ и подчиненныхъ народовъ, уступивъ имъ тѣ земли, которыя она не смогла отстоять отъ нихъ. Въ какихъ отношеніяхъ были одно къ другому два племени Франковъ, утвердившихся на земляхъ имперіи, и какова была участь покоренныхъ, мы не знаемъ.

---

[1]) Въ 399, 413, 420 и 440 годахъ.

Въ I-ой Германіи[1]) утвердились Аллеманы, союзъ различныхъ племенъ (all-men), между которыми преобладаютъ однако Свевы, образовавшійся во II вѣкѣ въ странѣ между верхнимъ Дунаемъ, Рейномъ и Герцинскимъ лѣсомъ, тамъ, гдѣ были Decumates agri Тацита. Галлія и Италія одинаково подвержены были ихъ нападеніемъ. Въ 256 году они проникли до Арля, опустошивъ берега Роны и самую Овернь. Послѣ 270 г. 70 городовъ Галліи были разрушены ими, и многіе не поднялись изъ развалинъ. Въ судьбахъ имперіи они играли почти такую же роль, какъ и Франки. Союзники Рима, они ведутъ съ нимъ ожесточенныя войны. Король Ерокъ (или Крокъ) помогаетъ Константину В. въ 306 г. сдѣлаться цезаремъ. Валентиніанъ I и Граціанъ лично водятъ противъ Аллемановъ легіоны, предавая жестокимъ казнямъ плѣнниковъ. Въ 30 годахъ V вѣка (около 440 г.) св. Северъ, епископъ Трира, проповѣдывалъ Евангеліе въ областяхъ, занятыхъ Аллеманами; но мы не знаемъ, какъ велики были успѣхи его проповѣди.

Варвары, поселившіеся въ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ областяхъ имперіи, были язычники: Саксы между всѣми Германцами были извѣстны своею звѣрскою свирѣпостію, Франки гордились именемъ людей жестокихъ. На долю южной и юговосточной Галліи достались Германцы, уже нѣсколько подчинившіеся вліянію римской цивилизаціи, съ нравами, смягченными христіанствомъ, именно: Бургунды и Вестготы. Той части Галліи, гдѣ крѣпко утверждена была римско-христіанская образованность, суждено было и достаться въ руки не столь дикихъ варваровъ, какъ суровые завоеватели сѣвернаго прибрежья и прирейнскихъ провинцій. Правда, на берегахъ Луары

[1]) Департаменты Haut et Bas-Rhin, Рейнскія провинціи Баваріи и Гессена, и Нассау.

и Роны были колоніи Алановъ, передъ свирѣпостію которыхъ Франки и Саксы могли похвалиться кротостію; но Аланы были немногочисленны и скоро исчезли почти безъ слѣда, истребленные ожесточеннымъ противъ нихъ галлоримскимъ и германскимъ населеніемъ Галліи. Бургунды прибыли къ берегамъ верхняго Рейна, увлеченные стремленіемъ Алановъ, Свевовъ и Вандаловъ. Въ 413 году, въ числѣ 80 тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе, они перешли съ королемъ Гундикаромъ на лѣвый берегъ Рейна въ I Германіи и утвердились между этой рѣкой и Вогезами, получивъ уступку этихъ земель отъ равеннскаго двора. Бургунды явились въ областяхъ Римской имперіи уже христіанами. Правда, они принадлежали къ сектѣ Арія, какъ всѣ германскіе народы, обращенные миссіонерами аріанскихъ преемниковъ Константина В.; но въ характерѣ Бургундовъ было такъ мало фанатической нетерпимости, составлявшей особенность сектаторовъ Арія, въ своемъ поведеніи относительно каѳолическаго населенія Галліи они такъ отличались отъ Вандаловъ и Вестготовъ, что нѣкоторые христіанскіе писатели говорятъ объ ихъ обращеніи къ православію почти въ первое время ихъ поселенія на земляхъ Римской имперіи. Орозій [1]) считаетъ ихъ православными тотчасъ послѣ перехода на лѣвый берегъ Рейна; Сократъ разсказываетъ о чудесномъ обращеніи ихъ въ 435 году. Въ 428 году Бургунды перешли Вогезы и овладѣли Мецемъ (Mettis) и Тулемъ (Tullum); изгнанные Аэціемъ, они возобновили покушеніе на Бельгію около 433 г., въ одно время съ страшнымъ возстаніемъ багодовъ въ этой провинціи. На этотъ разъ Аэцію нужно было двѣ кампаніи, чтобы удержать ихъ. Побѣды Аэція, вмѣстѣ съ сильнымъ урономъ, нанесеннымъ Бургундамъ Гуннами, остановили завоевательное

[1]) Orosii Hist. I. VII.

стремленіе этого народа. Съ этого времени они являются скорѣе вѣрными союзниками имперіи, нежели ея врагами. Въ 443 году Бургунды, давно уже утвердившіеся въ нынѣшней Швейцаріи и Франшъ-Конте (Tractus Sequanicus или Maxima Sequanorum), были приняты въ долину верхней Изеры, въ нынѣшнюю Савойю, и, съ разрѣшенія римскаго правительства, раздѣлили землю съ прежними жителями пенинскихъ или греческихъ Альпъ [1]). Легкость, съ которою исполнилось это поселеніе, много говоритъ въ пользу мягкаго характера Бургундовъ; мы уже упомянули объ отсутствіи религіознаго фанатизма; есть прямыя указанія на ихъ дружескія отношенія къ галлоримскому населенію, среди котораго они утвердились [2]). Владычество Бургундовъ было тяжело для высшаго, образованнаго сословія; низшіе классы скоро свыкались съ этимъ народомъ, болѣе другихъ германскихъ племенъ способнымъ къ мирнымъ занятіямъ осѣдлой жизни [3]). Съ замѣчательною легкостію подчинились Бургунды римскому вліянію, и хотя это частію можетъ объясниться ихъ малочисленностію сравнительно съ окружающимъ ихъ галлоримскимъ населеніемъ, но нѣтъ сомнѣнія, что многое также зависѣло отъ самаго характера этого народа. Галлоримляне въ бургундскихъ законахъ VI столѣтія поставлены юридически наравнѣ съ Бургундами, и свидѣтельства V вѣка не позволяютъ предполагать, чтобы покоренное населеніе было слишкомъ подавлено и унижено этими германскими завоевателями.

---

[1]) См. Lehuërou I. 179 и Fauriel. I. 203.

[2]) Blande, mansuete innocenterque vivunt non quasi cum subjectis Gallis, sed vere cum fratribus Christianis. Oros. Histor. I. VII.

[3]) По свидѣтельству Сократа почти всѣ Бургунды снискивали себѣ пропитаніе столярной и плотничьей работой. Смотри извлеченія изъ его церковной исторіи у Bouquet, t. I.

Одновременно съ Бургундами явились въ Галліи Вестготы подъ предводительствомъ Атаульфа. Въ началѣ 412 года, опустошивъ Тоскану, двинулись Готы въ Галлію. Число ихъ опредѣлить трудно: полагаютъ, что оно не превышало 70 или 80 тысячъ способныхъ носить оружіе или около 200,000, считая женщинъ, дѣтей и стариковъ [1]). Кромѣ Вестготовъ, составлявшихъ главную массу ополченія, подъ знаменами Атаульфа шли варварскіе союзники Рима, перешедшіе къ своимъ единоплеменникамъ послѣ павійской катастрофы, также рабы, бѣжавшіе отъ господъ своихъ послѣ вторичной осады Рима. Отбитые отъ Марсели извѣстнымъ Бонифаціемъ, Готы перешли Рону, прошли первую Нарбоннскую провинцію и утвердились между Пиренеями, моремъ и теченіемъ Гаронны въ провинціи Новемпопуланіи [2]) и въ южныхъ частяхъ 1 и 2 Аквитаніи. Нарбонна, Тулуза и Бордо были заняты ими, и Атаульфъ праздновалъ въ Нарбоннѣ бракъ свой съ дочерью Ѳеодосія В. Плацидіей, отношенія къ которой представляютъ въ исторіи едва ли не первый примѣръ рыцарской привязанности, составлявшей оригинальную особенность средневѣковаго общества. Готамъ на этотъ разъ не удалось, впрочемъ, окончательно утвердиться въ областяхъ южной Франціи. Въ 414 году патрицій Констанцій, соперникъ Атаульфа въ чувствахъ къ Плацидіи, принудилъ готскаго короля оставить захваченныя имъ провинціи и удалиться на ту сторону Пиренеевъ, въ Испанію. Покоряясь необходимости, Готы снова начали скитальческую жизнь. Передъ удаленіемъ въ Испанію, они опустошили страну, которую считали до сихъ поръ мѣстомъ

[1]) Такое вычисленіе Форіеля см. Histoire de la Gaule Méridionale. I, 115.

[2]) Новемпопуланіи заключали въ себѣ нынѣшніе департаменты Landes, Gers, Hautes et Basses Pyrénées и arrondissement de Saint-Girons (Ariège).

окончательнаго утвержденія. Павлинъ разсказываетъ въ своемъ Евхаристиконѣ, чему подвергся Бордо. Чтобы снискать расположеніе завоевателей, Павлинъ согласился занять при дворѣ Аттала, провозглашеннаго снова императоромъ, должность начальника частной казны императора (comes privatae largitionis), не смотря на то, что она существовала только въ воображеніи. Это не спасло его отъ общей участи жителей Бордо. «Когда Готы, говоритъ онъ, хотѣли, по приказанію ко-«роля Атаульфа, отправиться изъ нашего города, въ который «были приняты безо всякаго сопротивленія, они обошлись съ «нами, какъ съ жителями мѣста, взятаго приступомъ, и опу-«стошенный городъ былъ сожженъ. Я былъ тамъ и, не смо-«тря на то, что былъ чиновникомъ императора, власть кото-«раго признавали и они сами, лишился всего имѣнія, вмѣстѣ «съ матерью, раздѣлившею мою участь. Они сдѣлали для насъ «только одно снисхожденіе: могши задержать насъ, какъ плѣн-«никовъ, они позволили безъ всякаго наказанія оставить го-«родъ, вмѣстѣ съ тѣми изъ прислужницъ, которыя раздѣляли «судьбу нашу. Ихъ стыдливость не была оскорблена ника-«кимъ покушеніемъ. Божественная благость, которой я воз-«сылаю непрерывное благодареніе, избавила меня еще отъ «бо̀льшей тревоги; дочь моя, которую я недавно выдалъ за-«мужъ, избавилась, удалившись изъ города, отъ общаго бѣд-«ствія» [1]). Въ другихъ городахъ Готы производили такія же опустошенія. Атаульфъ утвердилъ свою резиденцію въ Барцелонѣ и скоро погибъ (415) вслѣдствіе реакціи со стороны варварской партіи, негодовавшей на подчиненіе своего вождя римскому образу жизни и вліянію Римлянки Плацидіи. Преемники Атаульфа дѣйствовали впрочемъ въ его же духѣ.

---

[1]) Paulini Eucharisticon Deo въ приложеніи къ сочиненіямъ Авзонія, въ изданіи Шаннуа.

Сигерихъ, подвергшій Плацидію жестокимъ оскорбленіямъ, былъ убитъ черезъ 7 дней послѣ вступленія на престолъ за намѣреніе заключить миръ съ имперіей. Слѣдовавшій за нимъ Валлія заключилъ въ 416 году миръ съ равеннскимъ дворомъ, обязавшись воевать съ Аланами и Вандалами и требуя за это земель для поселенія въ Галліи. Въ 418 году воротились Вестготы въ Галлію и на сдѣдующій годъ окончательно утвердились во 2 Аквитаніи, т. е. въ западной части Франціи, между Луарой и Гаронной, также въ Новемпопуланіи и въ сѣверо-западной части I Нарбоннской провинціи. Центромъ управленія сдѣлалась Тулуза, и Вестготы взяли себѣ двѣ трети обработанныхъ земель въ уступленныхъ имъ провинціяхъ. Съ этого времени главною цѣлію готскихъ королей, преемниковъ Валліи (ум. въ 419 г.), было расширеніе своихъ владѣній къ сѣверу до Луары, къ востоку до Роны. Теодерихъ I два раза осаждаетъ Нарбонну (около 435—36 г. и въ 438 г.) и даже самый Арль, центръ администраціи римской Галліи, и Аэцій съ трудомъ можетъ сдерживать это завоевательное стремленіе Готовъ.

Мы упомянули о колоніяхъ Алановъ внутри Галліи: ихъ было двѣ. Въ то время, когда Свевы и Вандалы удалились въ Испанію, одна часть Алановъ подъ предводительствомъ Уттака, послѣдовала за ними; другая съ королемъ Гоаромъ осталась въ южной Галліи и присоединилась къ Вестготамъ. Въ 414 году, когда Атаульфъ принужденъ былъ перевести народъ свой за Пиренеи, Гоаръ, бывшій съ Готами подъ стѣнами Базаса, вдругъ перешелъ на сторону Римлянъ, и съ этихъ поръ Аланы постоянно находятся въ войскахъ имперіи. Вмѣстѣ съ Гуннами, они составляютъ главную силу Аэція въ его войнахъ противъ варваровъ, утвердившихся въ Галліи. Сподвижники Гунновъ, Аланы, не менѣе ихъ были ненавистны для галло римскаго населенія и для Германцевъ Хищничество

и звѣрская жестокость сопровождали ихъ быстрые переходы съ одного конца Галліи на другой. Ненависть къ нимъ увеличивалась еще и отъ того, что изо всѣхъ варваровъ южной Галліи, они одни оставались язычниками. Исторія ихъ поселенія достаточно говоритъ о томъ ужасѣ, который внушали они населенію Галліи. Чтобы сдерживать Бургундовъ и Готовъ, римское правительство рѣшилось поселить Алановъ, до сихъ поръ кочевавшихъ по всей Галліи, въ долинахъ рѣкъ Изеры и Дюрансы, около Валенціи (м. 440—442 г.), между крайними предѣлами бургундскихъ и готскихъ владѣній. Какъ ни опустошена была эта страна во время войнъ похитителей престола, Константина и Іовина, какъ ни малочисленно было населеніе, погибшее въ усобицахъ или разбѣжавшееся, оно возстало однакоже при вѣсти о приближеніи новыхъ поселенцевъ, и Аланы, только послѣ отчаяннаго сопротивленія со стороны жителей, могли утвердиться въ отведенныхъ имъ земляхъ. Еще замѣчательнѣе другое поселеніе Алановъ. Чтобы остановить непріязненныя дѣйствія арморіканскихъ Бриттовъ, Аэцій (440 г.) рѣшился поселить Алановъ въ 3 Ліонской провинціи, на самой почти границѣ независимой Бретани [1]). Жители обратились сначала къ нему, умоляя отмѣнить распоряженіе и, получивъ отказъ, прибѣгли къ св. Герману, епископу Оксерра [2]). Епископъ встрѣтилъ Еохара, вождя Алановъ, уже на пути къ Луарѣ и убѣдилъ его возвратиться въ Валенцію до новаго приказанія. Ничто не показываетъ сильнѣе того вліянія, какое имѣли христіанскіе епископы даже на языческихъ варваровъ. Встрѣча св. Германа съ аланскимъ вождемъ, невольно подчинившимся его приказанію, подтверждаетъ другія легенды о чудесномъ дѣйствіи

[1]) Въ нынѣшнемъ департаментѣ Maine et Loire.
[2]) См. Pétigny Etudes. II, 72.

христіанскагослова на умы дикихъ язычниковъ. Безоружный епископъ, остановившій лошадь Еохара и объявившій, что тотъ не пойдетъ далѣе, не выслушавъ и не исполнивъ его требованія, показался изумленному варвару обладателемъ какого-то таинственнаго, непонятнаго и тѣмъ болѣе страшнаго могущества; грубая физическая сила уступила предъ силою нравственною. Поселеніе Алановъ было отсрочено, но въ 446 г. волненія въ Арморикѣ привели снова на берега Луары хищныя толпы варваровъ. Св. Германъ умеръ въ Равеннѣ, не успѣвъ отстоять Бриттовъ, и Аланы, истребивъ бо́льшую часть населенія, утвердились наконецъ на земляхъ, уступленныхъ имъ правительствомъ. Аланскія колоніи существовали впрочемъ не долго. Во время вторженія Аттилы, король Сангиба предалъ было Орлеанъ въ руки Гунновъ и хотя сражался на поляхъ каталаунскихъ въ центрѣ римскаго войска, но недавняя измѣна заставила Аэція предоставить Алановъ мщенію ожесточеннаго населенія. Арморикскіе Бритты, съ помощію жителей 3 Ліонской провинціи, разрушили (452 г.) ихъ поселенія на берегахъ Луары. Аланы долинъ Изеры и Дюрансы были истреблены соединенными Бургундами и Вестготами, и ихъ земли достались въ руки первыхъ. Самое имя Алановъ навсегда исчезло изъ исторіи Франціи.

Со всѣхъ сторонъ вошли въ Галлію племена Германцевъ; даже океанъ, омывающій западное прибрежье, не защищалъ ея отъ вторженій варваровъ. Тѣ области, которыя еще были свободны отъ ихъ поселеній, безпрестанно видѣли толпы разноплеменныхъ варваровъ, проходившихъ въ качествѣ союзниковъ Рима. Не было почти года безъ новыхъ попытокъ проникнуть далѣе въ глубь страны. Отъ окружности къ центру шли волны варварскаго нашествія, прорвавшаго завѣтный рубежъ Римской имперіи. Не далеко было время, когда не будетъ ни одного мѣста, гдѣ бы не поселились варвары, и имъ

останется рѣшить только вопросъ, какому племени безъ раздѣла владѣть Галліею. Можно сказать, что смертію Валентиніана III закончилась исторія Западной римской имперіи. Если она продолжала сохранять номинальное существованіе, причина этого заключалась въ недостаткѣ сознанія собственныхъ силъ у варваровъ. То, что сказалъ Сидоній о Готахъ, говоря, что имъ нужно не сражаться, а только идти впередъ, чтобы раздвинуть предѣлы своихъ владѣній, можетъ быть одинаково примѣнено ко всѣмъ племенамъ, успѣвшимъ уже стать твердой ногой на почвѣ Галліи. Смертный приговоръ власти Рима произносился уже тѣмъ, что населеніе Галліи не только добровольно принимало чуждыхъ пришельцевъ, но боялось лишь возврата въ непосредственную зависимость отъ Римской имперіи. Изо всѣхъ народовъ, вошедшихъ въ предѣлы Галліи, только Аланы и развѣ еще Саксы встрѣчали сопротивленіе со стороны населенія. Другихъ скорѣе призывали еще свободныя области римской Галліи. Казалось, при такихъ условіяхъ давно должна была уничтожиться всякая власть правительства, изъ Италіи управлявшаго судьбою Галліи, а между тѣмъ, къ удивленію, еще сохранена была самая цѣлость имперіи. Мы видѣли, сколько областей Галліи перешло окончательно въ руки Германцевъ, а между тѣмъ эти области принадлежали Риму не только въ глазахъ Римлянъ, могшихъ принимать за дѣйствительность свои притязанія, но и въ понятіяхъ самихъ варваровъ. Франки кровавыми битвами купили себѣ право поселенія во 2 Германіи и Бельгіи; Вестготы оружіемъ добыли себѣ Новемпопулянію, но ни тѣ, ни другіе не были завоевателями, отторгнувшими отъ Римской имперіи лучшія области: это были воины римскаго правительства, поселившіеся на отведенныхъ имъ земляхъ, для защиты имперіи отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Даже саксонскій пиратъ едва только утверждался въ опустошенной имъ области, какъ добивался чести быть

принятымъ въ число союзниковъ Рима. Всѣ племена, огнемъ и мечемъ опустошавшія области Римской имперіи, прежде окончательнаго въ нихъ утвержденія, обязывались свято чтить величіе римскаго народа (majestatem populi Romani). Вступая врагами на римскую почву, Германцы оставались на ней не иначе, какъ союзниками и защитниками имперіи, выговаривая себѣ формальную уступку захваченныхъ ими земель. Такъ велико было еще чарующее вліяніе Рима, такъ много предполагалось въ немъ силъ, давно уже не существовавшихъ, что самый свирѣпый, самый дерзкій изъ германскихъ народовъ, Вандалы, до тѣхъ поръ не счелъ себя полнымъ владѣтелемъ Африки, пока не обезпечилъ себя особыми договорами [1]). Не даромъ Германцы вѣрили, что преждевременная смерть Аллариха была слѣдствіемъ святотатственнаго покушенія на неприкосновенность Рима [2]). Чтобы варвары могли дѣйствовать свободно, они должны были вполнѣ сознать безсиліе Рима и свое собственное значеніе; а какъ долго не приходило это сознаніе, видно изъ переписки бургундскаго короля съ восточнымъ императоромъ въ VI столѣтіи, изъ той почти дѣтской радости, съ которою принялъ Клодвигъ знаки патриціанскаго достоинства. Когда ясна была политическая безпомощность Римской имперіи, за ней оставалось огромное нравственное и умственное превосходство. Переходя на римскую почву, германскій завоеватель вступалъ въ какой-то невѣдомый міръ

[1]) Въ 435 г. Вандаламъ уступлена была Мавританія, договоромъ 442 г. половина римской Африки и наконецъ въ 476 г. подтверждено императоромъ Зенономъ ихъ право на владѣніе всѣми захваченными уже ими областями.

[2]) Вотъ что говоритъ Іорнандъ. Такъ какъ желаніе Аттилы было идти въ Риму, то его совѣтники отговорили отъ этого, не изъ расположенія къ городу, котораго они были врагами, а представляя ему судьбу Аллариха, короля Вестготовъ, и опасаясь за участь своего царя, потому что Аларихъ не долго прожилъ послѣ взятія Рима, но почти тотчасъ оставилъ этотъ міръ. Jornandes édit. Panckoucke p. 350.

чудесъ, о которомъ прежде онъ слышалъ темные, фантастическіе разсказы; невольный страхъ вселялся въ его душу; ему измѣняла даже прежняя вѣра въ свою богатырскую силу, и долго не понималъ простодушный Германецъ, что онъ полный хозяинъ въ этомъ мірѣ, что его сдерживаютъ его же единоплеменники, въ какомъ-то ослѣпленіи умирающіе въ битвахъ за славу римскаго имени. Понявъ инстинктомъ несостоятельность одной физической, грубой силы, лучшіе люди германскаго племени старались направить ее не на разрушеніе, а на поддержаніе римскаго государства. Такова была благородная мечта Атаульфа вестготскаго. Не разнести по частямъ Римскую имперію, а получить себѣ въ ней мѣсто, во что бы то ни стало, было цѣлію германскихъ племенъ, одно за другимъ стремившихся въ ея предѣлы. Пока они не понимали еще, что имъ суждено играть совершенно новую роль въ судьбахъ западно-римскаго міра, что ихъ поселеніе должно измѣнить весь бытъ и всю исторію; различіе между прежними вспомогательными когортами варваровъ при римскихъ легіонахъ и цѣлыми народами, поселившимися на земляхъ имперіи противъ ея воли, для нихъ еще не выяснилось, и римское правительство мастерски пользовалось ихъ заблужденіемъ, продолжая искусной политикой свое существованіе. Земли, захваченныя Германцами, не отдѣлялись отъ имперіи; напротивъ, самымъ актомъ завоеванія, завоеватели обращались въ подданныхъ Рима. Помогите государству, котораго вы члены, пишетъ Валентиніанъ III къ Вестготамъ, призывая ихъ на защиту Галліи противъ Гунновъ. Искусно ослабляя однихъ другими, возбуждая и поддерживая кровопролитныя войны между варварскими народами, римское правительство успѣваетъ сохранить надъ ними свое вліяніе и пользуется ихъ силами для своихъ цѣлей. Въ умѣ варварскихъ вождей мелькаетъ иногда подозрѣніе въ истинномъ смыслѣ римской политики; но выйти изъ этого очарованнаго круга они

еще не имѣли силы. Нужно было болѣе близкое знакомство съ механизмомъ государственнаго управленія, непосредственное участіе въ политическихъ событіяхъ и извѣстная степень образованности, чтобы понять свое настоящее положеніе; а для этого нужно было довольно много времени. «Атаульфъ, гово«ритъ Орозій, заключилъ искренній миръ съ императоромъ «Гоноріемъ. Онъ посвятилъ для спокойствія имперіи свою «опасную дѣятельность, чтобы, сражаясь съ другими варва«рами, одерживать побѣды для Римлянъ. Точно такими же до«говорами обязали себя короли Алановъ, Вандаловъ и Свевовъ; «они говорили императору Гонорію: храни миръ со всѣми, бери «отъ всѣхъ насъ заложниковъ, пусть гибнемъ мы въ войнахъ «между собою; ты останешься побѣдителемъ» [1]). Разумѣется, такого рода положеніе относительно имперіи не могло остаться надолго. На почвѣ имперіи, среди римскаго населенія, варвары измѣнили вмѣстѣ съ образомъ жизни и свои понятія. Лучшимъ руководителемъ въ дѣлѣ политическаго воспитанія германскихъ завоевателей было новое ихъ положеніе, и, по мѣрѣ того, какъ свыкались они съ новою родиною, съ городскою жизнію усвоивая себѣ вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ и римскія понятія, они начинали дѣйствовать съ бо́льшею самостоятельностію и свободою относительно призрачнаго правительства, находившагося въ Равеннѣ или Римѣ. Какъ могъ Гундобальдъ бургундскій сохранить въ прежней степени уваженіе къ римскому владычеству, когда въ самомъ Римѣ онъ хорошо присмотрѣлся къ дѣйствительному положенію императора Олибрія; когда самъ онъ возвелъ на престолъ Гликерія, понимая, что, кромѣ имени и внѣшнихъ знаковъ императорскаго достоинства, ничего не наслѣдовалъ его избранникъ отъ своего столь же ничтожнаго предшественника. Сознаніе ихъ положенія старались внушить варварамъ

[1]) Oros. Hist. VII.

сами Римляне, ихъ окружавшіе. Изъ личныхъ разсчетовъ или изъ болѣе благородныхъ побужденій старались галлоримскіе совѣтники внушить германскимъ конунгамъ римско-христіанское понятіе о королевской власти, поднять въ ихъ собственныхъ глазахъ вождей дружины на высоту представителей государства и помазанниковъ Божіихъ, и, какъ ни медленно совершалось это преобразованіе, задерживаемое въ своемъ развитіи упорнымъ сопротивленіемъ со стороны поборниковъ германской старины и непонятливостію самихъ королей, мы можемъ однако почти шагъ за шагомъ слѣдить переходъ отъ понятій и быта, принесенныхъ изъ лѣсовъ Германіи, къ началамъ государственной жизни. Вначалѣ принималась, разумѣется, одна внѣшность римской цивилизаціи; прежде всего старались усвоить себѣ матеріальныя выгоды и искали удовлетворенія грубыхъ страстей, могшихъ разыграться на просторѣ; тѣмъ не менѣе уже одно то, что германскіе варвары начинаютъ говорить языкомъ подчиненнаго населенія, что короли ихъ окружаютъ себя дворомъ, составленнымъ по образцу императорскаго, что подражаніе доходитъ даже до принятія не только атрибутовъ императорской власти и титуловъ, но и самаго фамильнаго прозванія потомства Константина, что Бургунды и Готы начинаютъ давать землѣ преимущество передъ золотомъ и серебромъ, что чувствуется наконецъ потребность письменнымъ законодательствомъ опредѣлить взаимныя отношенія и между самими варварами, и между варварами и галлоримскимъ населеніемъ, все это сильно говоритъ за коренное измѣненіе въ положеніи Германцевъ, утвердившихся въ римской Галліи. Для имперіи прямымъ слѣдствіемъ была постепенная утрата прежняго вліянія на варваровъ. Готы Теодериха II или Ейриха не такъ послушно подчинялись желаніямъ римскаго двора, какъ Готы Валліи. Изъ военныхъ поселеній, какими были вначалѣ варварскія колоніи въ римскихъ провинціяхъ, мало по

малу образовались самостоятельныя государства, и Римская имперія уничтожилась сама собою, безъ всякаго сильнаго потрясенія, безъ трагической катастрофы. Власть, сосредоточенная до сихъ поръ въ Римѣ, дробилась между германскими королями, заступившими относительно населенія уступленныхъ имъ провинцій мѣсто римскаго императора. Никто не замѣтилъ отсутствія представителя номинальной цѣлости западно-римскаго міра. Въ самомъ Римѣ сведеніе Ромула-Августула совершилось безъ всякихъ волненій, не принеся никакихъ измѣненій въ общемъ ходѣ дѣлъ. Обратимся къ исторіи Галліи.

Едва получена была въ Галліи вѣсть объ убійствѣ Валентиніана III, какъ варвары спѣшили воспользоваться безнарядьемъ имперіи. Аллеманы и Франки начали наступательное движеніе, Саксы сдѣлали набѣгъ на берега Арморики. Максимъ спѣшилъ вручить верховное начальство надъ войсками Галліи человѣку, который лучше всѣхъ могъ привести въ порядокъ дѣла этой провинціи, отъ спокойствія которой зависѣла главнымъ образомъ безопасность самого римскаго правительства. Начальникомъ пѣшаго и коннаго войска назначенъ былъ Маркъ Мэцилій Авитъ, тесть Сидонія. Авитъ, какъ мы уже знаемъ, принадлежалъ къ одной изъ самыхъ вліятельныхъ аристократическихъ фамилій Оверни. Изъ панегирика, написаннаго его зятемъ, мы можемъ извлечь нѣкоторыя интересныя подробности объ этомъ замѣчательномъ лицѣ. Въ ранней молодости получилъ Авитъ блестящее образованіе, и тотъ, кому судьба назначала со временемъ давать законы имперіи, основательно изучилъ право и исторію Рима. Прежде 421 г. онъ былъ отправленъ къ императору Гонорію, какъ депутатъ Оверни, съ просьбою объ уменьшеніи налоговъ. Патриціи Констанціи, бывшій потомъ соправителемъ Гонорія, замѣтилъ даровитаго юношу, и съ тѣхъ поръ началась служебная

и политическая дѣятельность Авита въ войскахъ Аэція, котораго онъ сдѣлался скоро неразлучнымъ спутникомъ. Сидоній сохранилъ намъ нѣсколько воспоминаній, свидѣтельствующихъ о личной отвагѣ Авита. Еще едва переступивъ изъ дѣтскаго возраста въ юношество, Авитъ уже обнаружилъ замѣчательную смѣлость. Безоружный, встрѣтившись съ голодной волчицею, обломкомъ скалы онъ разсѣкъ ей черепъ; охота, которой предавался онъ съ увлеченіемъ, служила прекрасной подготовкой къ перенесенію трудовъ и опасностей войны. Авитъ сражался подъ знаменами Аэція противъ Ютунговъ въ Норикѣ, въ Бельгіи противъ Бургундовъ и т. д. Когда аланская и гуннская конница Литорія проходила въ 436 году черезъ Овернь, обозначая свой путь пожарами и грабежами, одинъ изъ всадниковъ убилъ слугу Авита. Узнавъ объ этомъ, раздраженный владѣлецъ поспѣшно вооружился и поскакалъ догонять варваровъ, расположившихся лагеремъ недалеко отъ города. Освѣдомившись о виновникѣ убійства, Авитъ вызвалъ его на бой. На гладкомъ полѣ, среди Гунновъ, съ любопытствомъ ожидавшихъ конца дѣла, встрѣтились противники, одинъ, кипящій гнѣвомъ, другой, смущенный страхомъ. Два раза сшибались они; третьимъ ударомъ копье Авита пронзило варвара, и побѣдитель воротился домой, отмстивъ смерть своего кліента [1]). Важныя услуги имперіи оказалъ Авитъ своею дипломатическою ловкостію въ переговорахъ съ варварами. Особенный случай сблизилъ его съ Теодерихомъ I вестготскимъ, преемникомъ Валліи. Суровый внукъ Аллариха нашелъ, по словамъ Сидонія, въ Авитѣ новаго Фабриція. Когда въ битвѣ подъ стѣнами Тулузы войскамъ Литорія было нанесено рѣшительное пораженіе, и Теодерихъ требовалъ уступки земель по самую Рону, Авитъ, назначенный въ это время префектомъ преторіи Галліи, убѣдилъ

[1]) Panegyr. Avito, v. 246—294

готскаго вождя отказаться отъ неумѣренныхъ требованій. «Его письмо, говоритъ Сидоній [1]), усмирило жестокаго короля, и ему стоило только приказать, чтобы получить то, о чемъ напрасно просила имперія». Здѣсь очевидно преувеличеніе, но нѣтъ сомнѣнія, что Авитъ ловко воспользовался своимъ вліяніемъ на готскаго предводителя. Во время гуннскаго нашествія Авитъ же много содѣйствовалъ рѣшимости Вестготовъ стать подъ знамена Аэція, а не ждать Аттилу на границахъ своихъ владѣній, какъ они думали было прежде. Въ концѣ царствованія Валентиніана мы находимъ Авита вдали отъ государственной дѣятельности, исключительно занятаго хозяйственными распоряженіями въ своемъ помѣстьѣ. Сдѣлавшись, по волѣ императора Максима, главою военныхъ силъ Галліи, онъ съ необыкновенною быстротою, не болѣе какъ въ три мѣсяца, усмирилъ непріязненныя дѣйствія Франковъ, Саксовъ и Аллемановъ и вслѣдъ затѣмъ отправился въ Тулузу остановить военныя приготовленія Вестготовъ. Если вѣрить панегирику Сидонія, Готы, готовившіеся къ войнѣ, боялись только того, узнавъ о назначеніи Авита, чтобы имъ не отказано было въ мирѣ [2]). Королемъ Вестготовъ былъ тогда сынъ Теодериха I, погибшаго въ шалонской битвѣ, Теодерихъ II, котораго Авитъ нашивалъ на рукахъ ребенкомъ и которому отецъ, по его же совѣту, далъ римское воспитаніе. Можно было предвидѣть, чѣмъ кончатся переговоры. Одинъ изъ Готовъ, уже остривший мечь и пробовавшій оружіе, готовясь къ битвамъ съ Римлянами, вскричалъ, по словамъ Сидонія, при вѣсти о приближеніи Авита: пропала война теперь: принимайся

---

[1]) Saevum tua pagina regem
Lecta domat, jussisse sat est te quod rogat orbis. Ib.

[2]) Obstupuere duces pariter scythicusque senatus
Et timere suam pacem ne forte negaret. v. 403.

снова за соху [1]). Блестящій пріемъ ждалъ Авита. Самъ король съ братомъ вышелъ на встрѣчу къ римскому дипломату и ввелъ его торжественно въ свою резиденцію. Прежде, впрочемъ, чѣмъ переговоры были кончены, пришла вѣсть о гибели Максима и о разграбленіи Рима Вандалами. Императрица Евдокія, принужденная вступить въ бракъ съ убійцей своего мужа, тайно призвала въ Римъ Вандаловъ. Гензерихъ не замедлилъ воспользоваться случаемъ и, черезъ три мѣсяца послѣ вступленія на престолъ, Максимъ погибъ среди народнаго смятенія, и Римъ 14 сутокъ грабили Вандалы. Тогда, если вѣрить Сидонію, въ Тулузѣ произошла слѣдующая сцена. «Рано утромъ сошлось собраніе по древнему обычаю Готовъ; стали на совѣтѣ многолѣтніе старики, еще бодрые съ виду; лоснятся одежды, грязныя полотняныя рубахи покрываютъ худощавое тѣло. Приподнятая одежда не прикрываетъ голеней, и бѣднымъ ремнемъ привязана подъ колѣномъ обувь изъ лошадиной шкуры. Когда сошлись на совѣтъ старшинъ заслуженные бѣдняки, король просилъ слова, и Авитъ краснорѣчивой рѣчью убѣждалъ къ сохраненію мира. То говоря о самомъ себѣ, то ссылаясь на прежнія отношенія къ имперіи Теодериха I, то наконецъ обращаясь къ юному вождю во имя его дѣтской привязанности, Авитъ заключилъ такъ свое слово: «Если нѣтъ въ тебѣ ни вѣрности, ни уваженія къ памяти отца, иди себѣ, жестокій, и отвергни миръ». Во всемъ собраніи поднялся говоръ и, проклиная битвы, своевольная толпа шумно требуетъ мира». Въ отвѣтѣ Теодерихъ предложилъ условіе, при которомъ можетъ быть согласіе между Готами и Римлянами. Упомянувъ о своемъ римскомъ воспитаніи, полученномъ по совѣту Авита, о вліяніи сочиненій Виргилія на смягченіе скиѳскихъ нравовъ, готскій король продолжалъ:

---

[1]) Ib. v. 411.

«Римъ, я беру въ свидѣтели твое божество, нами чтимое, твоихъ дѣтей, родныхъ намъ по общему происхожденію отъ Марса.... Я сохраню миръ, я хочу загладить грѣхъ моего дѣда, на памяти котораго лежитъ пятномъ взятіе Рима. Если помогутъ мнѣ боги, я заглажу преступность прежняго разоренія Рима, отмстивъ за настоящее, если только ты, знаменитый вождь, примешь имя Августа. Къ чему опускать взоры? Мы не принуждаемъ тебя, но умоляемъ. Я буду другомъ Рима, если ты сдѣлаешься императоромъ. Ты ни у кого не похищаешь престола.... Для Галліи недостаточно, что я не буду вредить ей; пусть принятіе тобою діадемы заставитъ меня помогать ей. Мое дѣло убѣждать тебя, потому что развѣ кто нибудь въ Галліи можетъ тебя принудить. Міръ долженъ повиноваться тебѣ, чтобы не погибнуть» [1]). Король сказалъ и, вмѣстѣ съ братомъ, далъ въ обычныхъ выраженіяхъ клятву въ вѣрности, т. е., другими словами, призналъ за Готовъ императоромъ Авита, не дожидаясь его отвѣта. Смущенный Авитъ оставилъ собраніе, онъ видѣлъ, что, только согласившись на требованіе готскаго короля, можно сохранить миръ съ Вестготами. Вмѣстѣ съ Теодерихомъ, онъ отправился въ Угернумъ, укрѣпленное мѣстечко на берегу Роны, гдѣ нынѣ Бокеръ [2]). Туда собралась гальская аристократія. Авитъ, печальный и заранѣе озабоченный дѣлами имперіи, явился въ собраніе представителей Галліи, радостно привѣтствовавшихъ его именемъ Августа. Старшій изъ присутствующихъ обратился къ избранному Готами императору. «Слишкомъ долго

---

[1]) ....Tibi pareat orbis,
Ne pereat.
Ibid. v. 517.

[2]) Идаціи говоритъ, что провозглашеніе Авита было въ Арлѣ; но Сидонію ближе было знать это, чѣмъ испанскому епископу, писавшему на основаніи слуховъ.

разсказывать, знаменитый вождь, сказалъ онъ, сколько страданій пало на насъ по волѣ жестокой судьбы во время несчастнаго правленія ребенка. На твою долю досталось много горя, когда, оплакивая бѣдствія отечества, ты изнемогалъ отъ напряженныхъ усилій. Для насъ эта жизнь среди бѣдствій, среди похоронъ римскаго міра, была хуже смерти; мы однако, слѣдуя примѣру предковъ, еще чтили безсильные законы, мы считали святымъ долгомъ слѣдовать за старымъ порядкомъ вещей въ его паденіи; мы выносили этотъ призракъ власти. Болѣе по привычкѣ, нежели по праву, мы терпѣливо выносили зависимость отъ дряхлаго народа, исполненнаго пороковъ, и терпѣли эту породу, привыкшую облекаться пурпуромъ. Очень недавно блеснула было возможность Галліи развернуть свои силы, когда Максимъ овладѣлъ трепещущимъ городомъ. Успѣхъ былъ вѣрный, еслибы ты взялся преобразовать государство. Кому не извѣстно, кто изъ насъ взволновалъ села Бельгіи, Арморику и возбудилъ было Готовъ. Наше движеніе смирилось только передъ тобою. Теперь призываетъ тебя верховная власть. Недостойный не занимаетъ престола въ критическія минуты. Происки честолюбцевъ откладываютъ въ сторону, когда обстоятельства сами указываютъ на достойнѣйшихъ. Такъ послѣ бѣдствій Тицина и Требіи, трепещущая республика сама обратилась къ Фабію и избранный Ливій сокрушилъ Карѳагенянина, надменнаго гибелью потомковъ Сципіона. Теперь плѣненный міръ весь заключенъ въ Римѣ, императоръ погибъ, а въ немъ теперь вся имперія. Мы умоляемъ, взойди на престолъ, подыми упавшихъ. Настоящее время не требуетъ у кого-нибудь другой, большей любви къ Риму; не думай, будто ты не въ уровень съ тономъ. Когда знамена Бренна стояли на скалѣ тарпейской, ты знаешь, что вся республика наша заключалась въ Камиллѣ; мститель отечества, онъ покрылъ дымящіяся развалины трупами враговъ. Золото

не доставило тебѣ расположенія центурій; продажныя трибы не собираются подать голоса въ твою пользу за огромныя деньги. Подкупы не содѣйствовали выбору. Ты являешься бѣднымъ; достаточно того, что ты богатъ заслугами. Зачѣмъ медлить уступить желаніямъ родины? Она приказываетъ тебѣ, чтобы ты повелѣвалъ ею. Каждый изъ насъ можетъ сказать: я буду свободенъ, если ты будешь властителемъ». Такъ совершилось, по показанію Сидонія, избраніе Авита. Не смотря на подозрительную правдивость панегириста, на риторическую форму, нельзя не признать въ разсказѣ Сидонія дѣйствительной, исторической основы. Смѣшно представить Теодериха, оплакивающаго грѣхъ Алариха, взявшаго Римъ приступомъ, но Готамъ, во всякомъ случаѣ, выгодно было посадить на римскій престолъ своего претендента, точно такъ, какъ при другихъ обстоятельствахъ, добивались этого Франки, Бургунды, Свевы и т. д. На первомъ планѣ стоялъ эгоистическій разсчетъ; содѣйствіе въ достиженіи престола, очевидно, оказывалось не даромъ. Объ участіи Готовъ въ возвышеніи Авита положительно говорятъ современные лѣтописцы. Съ другой стороны, рѣчь представителя гальской аристократіи въ Угернѣ чрезвычайно вѣрно представляетъ стремленіе Галліи къ освобожденію изъ-подъ зависимости отъ Рима и Италіи. Мы имѣли случай уже замѣтить, съ какимъ упорствомъ хранилось въ теченіе столѣтій это стремленіе къ независимости. Въ послѣднее время Римской имперіи, Галліи трудно было мечтать о возстановленіи своей національности, когда большая часть провинцій занята была германскими варварами, и высшіе классы общества не понимали другой національности, кромѣ римской; но тѣмъ болѣе выступало наружу желаніе отдѣлиться отъ Италіи или, что будетъ вѣрнѣе, перенести въ Галлію управленіе западно-римскимъ міромъ. Власть Рима, не принося никакой пользы провинціямъ, только

налагала на нихъ безпрестанно новыя тяжести. Чѣмъ ничтожнѣе было римское правительство, чѣмъ ограниченнѣе становился кругъ его дѣйствій, тѣмъ болѣе росли его требованія въ тѣхъ областяхъ, которыя еще признавали власть его. Мы видѣли, какъ охотно переходили провинціи въ зависимость отъ варваровъ. Не должно думать, чтобы одно только низшее сословіе желало перемѣны. Мы видимъ сенаторовъ, куріаловъ, самое духовенство, передающихъ города и области имперіи въ руки Германцевъ [1]). И, чѣмъ болѣе утрачивали Германцы свое первоначальное варварство, подчиняясь мало по малу вліянію римской цивилизаціи, тѣмъ легче становился переходъ для жителей провинцій. Восшествіе на престолъ одного изъ самыхъ родовитыхъ людей Галліи и притомъ восшествіе съ помощію самаго сильнаго изъ германскихъ народовъ, утвердившихся въ этой странѣ, представляло самую лучшую комбинацію, удовлетворявшую всѣмъ требованіямъ. Свидѣтельство Идація, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ историческую вѣрность вымышленной Сидоніемъ рѣчи. Авитъ, говоритъ Идацій, былъ провозглашенъ Августомъ отъ гальскаго ополченія и отъ высшаго сословія [2]) ab honoratis, т. е. отъ того сословія, которому было всего больнѣе выносить призрачную власть Рима, раздѣляя съ нимъ все униженіе (per damna sequi), и которое въ то же время не на столько еще загрубѣло подъ гнетомъ, чтобы утратить окончательно всякую мысль о національномъ и личномъ достоинствѣ. Одно только утаилъ панегиристъ Авита; его герой покорился необходимости и облекся пурпуромъ только ради спасенія Галліи. Еслибы до насъ и не дошло прямое свидѣтельство Григорія

---

[1]) Примѣровъ очень много; главные приведены у Lehuërou, Histoire des institutions Mérovingiennes et carolingiennes, t. 1, p. 196.

[2]) Idatii chron. Bibl. Max. Patrum t. VII p. 1235.

Турскаго о честолюбивыхъ происках Авита [1]), и тогда трудно было бы повѣрить наслово Сидонію. Очевидно, возможность, съ помощію преданныхъ ему Готовъ, овладѣть имперіей, соблазнила знатнаго Овернца. Опираясь на силы Теодериха II и на гальскую аристократію, онъ могъ не бояться участи своего предшественника. Черезъ три дня послѣ описаннаго Сидоніемъ собранія, торжественно облекли Авита въ знаки императорскаго достоинства. Сенатъ и народъ римскій признали его главою имперіи, хотя послѣдствія показали, какъ не по сердцу былъ избранникъ Галліи и Вестготовъ для Римлянъ. Наконецъ послѣднее условіе законности, согласіе восточнаго императора Маркіана не замедлило утвердить выборъ Галліи. Въ Римѣ Авитъ принялъ достоинство консула и, въ день празднества по этому случаю, зять императора произнесъ торжественный панегирикъ въ 600 стиховъ, изъ котораго заимствовали мы свѣдѣнія о прежней жизни и объ избраніи Авита.

Панегирикъ Авиту Сидонія можетъ дать намъ понятіе о прочихъ сочиненіяхъ въ этомъ родѣ того же автора. Миѳологія играла важную роль въ произведеніяхъ того времени, тѣмъ болѣе въ стихотвореніяхъ торжественныхъ. Если, описывая виллу Леонція, Сидоній считаетъ необходимымъ вставить разсказъ свой въ миѳологическую рамку и заставляетъ Аполлона съ мелочными подробностями объяснять Бахусу все устройство и расположеніе замка; очень естественно, что онъ собираетъ цѣлый Олимпъ для выслушанія изъ устъ Юпитера исторіи избраннаго императора. Главный признакъ всѣхъ панегириковъ лесть и преувеличеніе, переходящія всякую мѣру. «Фебъ, такъ начинаетъ Сидоній свой панегирикъ, Фебъ, ты наконецъ увидишь себѣ равнаго во вселенной, которую ты

[1]) Avitus enim unus ex senatoribus, et, ut valde manifestum est, civis Arvernus. cum romanum ambisset imperium. Greg. Tur. II, 11.

обтекаешь. Сбереги для неба свое сіяніе; для земли достаточно Авита [1])». Послѣ этого приступа, насъ не удивитъ уже, если Сидоній скажетъ намъ, что, выходя на встрѣчу Авиту, Теодерихъ II раскраснѣлся, какъ дѣвушка, и эта краска на лицѣ краснорѣчиво выпрашивала помилованія у римскаго сановника [2]); если заставитъ готскаго короля произнести приведенную нами рѣчь и выведетъ на сцену свирѣпаго Гота, готовящагося къ битвамъ и пришедшаго въ ужасъ при одной вѣсти о приближеніи безоружнаго Авита. Сцена, какъ мы сказали, происходитъ на Олимпѣ. Юпитеръ возсѣдаетъ въ сонмѣ боговъ и полубоговъ. Является Римъ; онъ влачится медленнымъ шагомъ, склонивъ впередъ лице на согбенной шеѣ; волоса, покрытые прахомъ, а не шлемомъ, падаютъ съ головы, щитъ только замедляетъ его походку; въ рукѣ копье, лишняя тяжесть, а не оружіе, страшное врагамъ. Римъ преклоняетъ колѣна передъ верховнымъ божествомъ. Перечисливъ императоровъ до Траяна, Римъ восклицаетъ: «плѣнникъ, я умоляю дать мнѣ снова такого властителя; но я не знаю, кто можетъ сравниться съ Траяномъ, если только Галлія не вышлетъ случайно человѣка, который превзойдетъ его». Слезы прервали голосъ молящаго Рима и плачь досказалъ остальное. Со всѣхъ сторонъ неба поднялись божества, родственныя Риму. Юпитеръ, чтобы утѣшить несчастнаго, начинаетъ повѣсть о славныхъ качествахъ Авита. Послѣ хвалебнаго описанія Оверни, онъ разсказываетъ Риму всю жизнь избраннаго императора отъ рожденія до провозглашенія въ

---

[1]) Phoebo, peragrato tandem visurus in orbe,
Quum possis per ferre parem, da lumina coelo,
Sufficit hic terris.
Carm. VI. Panegyr. Avito.

[2]) Laetitia erubuit, veniamque rubore poposcit.
Ibid. V. 434

Угернѣ. «Встань, Римъ, древнее племя боговъ, заключаетъ Юпитеръ, отложи постыдную дряхлость; тебя возвратитъ къ молодости великій Цезарь, тебя, котораго состарѣли мальчики» [1]). Едва кончилъ Юпитеръ рѣчь свою, раздались рукоплесканія боговъ, и говоръ пробѣжалъ по собранію. Таково расположеніе и внѣшніе пріемы панегирика. Нужно ли говорить объ его поэтическомъ достоинствѣ? Нѣсколько энергическихъ стиховъ какъ бы случайно замѣшались среди риторической версификаціи. Панегирикъ Авиту важенъ для насъ только, какъ историческій документъ извѣстій, относящихся прямо къ самому Авиту, мы находимъ здѣсь много интересныхъ подробностей, характеризующихъ положеніе современнаго общества и постановку различныхъ партій. Mahlberg Вестготовъ и собраніе въ Угернѣ рисуютъ въ глазахъ читателя эти два непохожія другъ на друга общества, соединенныя пока еще только механическимъ образомъ. Слишкомъ строгую оцѣнку должны будемъ произнести мы, если вздумаемъ приложить къ сочиненію Сидонія требованія художественныя. Уже при первомъ, бѣгломъ чтеніи бросается въ глаза искусственность расположенія; различныя части связаны между собою чисто внѣшнимъ образомъ. Единство главной мысли, очевидно, не входило въ разсчеты автора или, лучше сказать, тутъ была на первомъ планѣ только мысль наговорить, во что бы то ни стало, какъ можно больше лести герою похвальнаго слова. Къ этой цѣли устремлены были всѣ усилія поэта. Для того собранъ былъ и цѣлый Олимпъ, и Фебъ, и голодная волчица съ окрававленной пастью, и тѣни Камилла

---

[1]) Prisca deorum
Roma parens, attolle genas, ac turpe veternum
Depone; en princeps faciet juvenescere major,
Quam pueri fecere senem.
Ibid. 591 v.

и Фабія и т д. Бѣлыми нитками сшиты эти отрывки. Далѣе нужно было ввести въ достаточномъ количествѣ эффекты, и исканіе ихъ помѣшало автору быть послѣдовательнымъ даже въ отдѣльныхъ, эпизодическихъ частяхъ своего произведенія. Возьмемъ, напримѣръ, рѣчь, обращенную къ Авиту старшимъ представителемъ гальской аристократіи. Нечего и говорить, что эта рѣчь вымышлена точно такъ, какъ и рѣчь Рима, обращенная къ Юпитеру. Авторъ попалъ на счастливую мысль вложить въ уста оратора то, что, дѣйствительно, было вѣковымъ желаніемъ гальскаго населенія, объяснить побужденія, дѣйствительно содѣйствовавшія главнымъ образомъ выбору Авита. Основная мысль рѣчи та, что Галлія, до сихъ поръ принужденная раздѣлять участь Рима и негодующая на свою зависимость, умоляетъ Авита дать ей новую жизнь, осуществить ея давнюю мечту. Въ началѣ рѣчи мы находимъ энергическое изображеніе положенія Галліи относительно имперіи. Потомъ, увлекшись эффектными сравненіями, классическими воспоминаніями о Фабіи и Камиллѣ, Сидоній какъ будто позабылъ, что его ораторъ говоритъ за Галлію противъ Рима, и въ концѣ рѣчи Авитъ долженъ принять престолъ для спасенія самого Рима. При чтеніи вниманіе дробится на отдѣльныя картины, въ нихъ на отдѣльные періоды и даже фразы; общее впечатлѣніе сглаживается мелочными частностями.

Панегирикъ Авиту упрочилъ однако литературную репутацію Сидонія. Статуя нашего поэта была поставлена въ портикѣ Траяна, ведущемъ въ библіотеку [1]). Ему предстоялъ прекрасный случай быстро двинуться на поприщѣ почестей. Къ сожалѣнію, увѣреніе Юпитера, что Авитъ воротитъ Римъ къ счастливымъ временамъ его возрастанія, не оправдалось въ дѣйствительности. Авитъ владѣлъ всѣми качествами

[1]) Carmen VIII. Editio panegyrici ad Priscum Valerianum, virum praefectorium. v. 8.

нужнымидля правителя, и въ другое время, по всей вѣроятности, былъ бы однимъ изъ достойныхъ римскихъ императоровъ. Но положеніе дѣлъ было сильнѣе воли и способностей одного человѣка. Прошло полтора года, и Авита уже не было на римскомъ престолѣ. Основываясь на темной фразѣ Григорія Турскаго, позднѣйшіе анналисты, а вслѣдъ за ними и историки, говорятъ о перемѣнѣ, происшедшей въ характерѣ Авита во время его царствованія, обвиняютъ его въ неумѣренности, въ распутствѣ [1]). Фредегерій сочинилъ цѣлую исторію объ оскорбленіи имъ жены трирскаго сенатора изъ мести предавшаго городъ въ руки Франкамъ; онъ забылъ, что Авитъ ни разу не былъ въ Трирѣ во все время своего правленія [2]) Для объясненія паденія Авита, не нужно прибѣгать къ подобнымъ разсказамъ; дѣло ясно само по себѣ, и причина, если ее должно искать уже въ личномъ характерѣ Авита, заключается скорѣе въ его достоинствахъ, чѣмъ въ недостаткахъ. Собственно римская партія непріязненно смотрѣла на Овернца, занявшаго престолъ помощію Вестготовъ. Чтобы сколько нибудь сблизиться съ нею, Авитъ долженъ былъ вручить важную должность начальника войскъ Майоріану, предназначенному на это мѣсто Валентіаномъ III незадолго до гибели послѣдняго. Съ другой стороны предводителемъ варварскихъ союзниковъ, составлявшихъ войска Италіи, былъ Свевъ Рицимеръ, враждебно смотрѣвшій на увеличившееся значеніе Вестготовъ, по приказу или съ согласія Авита, безпощадной войной истреблявшихъ теперь Свевовъ въ Испаніи. Такимъ образомъ, главныя правительственныя лица, на которыхъ должна была опираться власть Авита въ Италіи, были люди противоположныхъ

---

[1]) Avitus.... *luxuriose* agere volens, a senatoribus projectus Greg. Tur. Hist. II, 11.

[2]) Historia Francorum Epitomata per Fredegarium Scholasticum. VII. Rerum Gallic. et Franc. Script. t. II, p. 395.

съ нимъ стремленій. Будь Авитъ ничтожность въ родѣ Аттала, согласись играть жалкую роль Олибрія или Гликерія, онъ удержался бы на престолѣ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока паденіе варварскаго временщика не повело бы и къ перемѣнѣ номинальнаго властителя Рима. На бѣду Авитъ облекся пурпуромъ вовсе не затѣмъ, чтобы быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ какого нибудь Свева. Людямъ его характера не было удачи на тронѣ. Едва онъ отправился въ Галлію для распоряженій о готовившейся экспедиціи въ Африку, какъ римскій сенатъ, повинуясь приказу Рицимера, объявилъ его лишеннымъ престола. Послѣдующія отношенія Майоріана къ предводителю варварскихъ дружинъ показываютъ, что они дѣйствовали заодно. Вѣсть о возстаніи застала Авита въ дурную минуту. Вѣрный союзникъ его, Теодерихъ готскій, былъ по ту сторону Пиринеевъ, и война съ Свевами, бывшая въ самомъ разгарѣ, не позволяла ему спѣшить на помощь императору. Сверхъ того Авитъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Вмѣсто того, чтобы ждать возвращенія Готовъ въ Галліи, гдѣ, среди преданнаго ему населенія, не могла достигнуть его безсильная власть римскаго сената, онъ съ небольшимъ войскомъ перешелъ Альпы, думая быстротою движенія подавить возстаніе. Въ битвѣ 16 окт. 456 г. Авитъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ Рицимеромъ и посвященъ въ епископы Піаченцы, подъ стѣнами которой рѣшилась его участь. Улучивъ время, онъ бѣжалъ съ своими сокровищами въ Галлію, чтобы въ Оверни, въ священномъ убѣжищѣ базилики св. Юліана (въ Бріудѣ) выждать возврата Вестготовъ и болѣе благопріятнаго времени. На дорогѣ онъ умеръ, неизвѣстно, отъ болѣзни или отъ руки преслѣдователя, вѣрнѣе послѣднее. Тѣло его перевезено было въ церковь, избранную имъ убѣжищемъ [1]).

[1]) Sed impiedo in itinere vitae cursu, obiit, delatusque ad Brivatensem vicum ad pedes antedicti martyris est sepultus. Greg. Tur. II, 11.

Такъ не исполнились предсказанія Сидонія. Гальскій императоръ погибъ жалкою смертію зато, что уклонился отъ той роли, которую предназначала ему избравшая его страна, за то, что хотѣлъ властвовать въ Вѣчномъ городѣ Цезаря, когда его настоящее мѣсто было въ Галліи.

Нѣсколько времени послѣ низверженія Авита, западная половина римскаго міра оставалась подъ мнимою властію восточнаго императора Леона. Рицимеръ съ титуломъ патриція управлялъ судьбами Рима до тѣхъ поръ, пока дѣла Галліи и общее желаніе сената и народа не заставили его облечь пурпуромъ Майоріана (въ апрѣлѣ 457 года).

Историкъ послѣдняго времени Римской имперіи съ невольною грустію останавливается на этой благородной личности, достойной лучшаго времени и лучшей участи. Римскій обликъ, напоминающій героевъ Ливія, неожиданно является среди позорныхъ событій, среди измельчавшихъ и выродившихся потомковъ славныхъ поколѣній, заключившихъ нѣкогда, по словамъ поэта, весь міръ въ Вѣчномъ городѣ, является какъ бы за тѣмъ только, чтобы наглядно показать все различіе древнихъ Римлянъ отъ тѣхъ, кто не по праву носилъ еще это имя. Римская рѣчь, давно уже неслыханная, звучитъ въ письмахъ къ сенату, въ рѣчахъ новаго императора. Доблесть славныхъ временъ римскаго оружія является въ самомъ полномъ проявленіи. Казалось, Германикъ явился вновь въ челѣ легіоновъ, въ которыхъ впрочемъ прежняго было одно имя. Не минутныя вспышки, не порывистая храбрость, къ которой еще были способны и Римляне V вѣка, а спокойное, сознательное и стойкое мужество стараго легіонарія было въ характерѣ Майоріана. Сынъ довольно незначительнаго чиновника [1]), хотя и считавшагося въ родствѣ съ важнѣйшими сановниками, Майоріанъ

[1]) Дѣдъ Маоріана по матери былъ начальникомъ милиціи при Ѳеодосіи В. См. Panegyr. Major.

собственными заслугами занялъ въ войскахъ имперіи то блестящее положеніе, которое внушило Аэцію подозрѣніе и заставило знаменитаго полководца отстранить юнаго вождя отъ военной дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ обратило на него вниманіе Валентиніана, назначавшаго его преемникомъ Аэцію. Берега Рейна, Вагала, Роны, Сены и Лауры были свидѣтелями его подвиговъ, онъ поражаетъ Вандаловъ, сдѣлавшихъ обычный набѣгъ со стороны моря, и Аллемановъ, прорвавшихся въ сѣверную Италію. Когда, въ ноябрѣ или декабрѣ 458 года, онъ двинулся въ Галлію съ арміею, составленною изъ ополченій почти всѣхъ варварскихъ народовъ, онъ переносилъ, какъ простой солдатъ, всѣ трудности зимняго перехода черезъ Альпы. Пѣшкомъ, въ полномъ вооруженіи, онъ шелъ впереди воиновъ, копьемъ пробуя дорогу по снѣжнымъ обваламъ, ободряя солдатъ и обѣщая тѣмъ, которые жаловались на нестерпимый холодъ, что онъ согрѣетъ ихъ подъ знойнымъ небомъ Африки [1]). Въ народѣ ходило преданіе, что, готовясь къ экспедиціи въ Африку, Майоріанъ желалъ лично осмотрѣть мѣстность, переодѣтый пробрался въ Карѳагенъ и, когда Гензерихъ показывалъ чужестранцу арсеналъ свой, оружіе зазвучало, никѣмъ не тронутое [2]).. Только онъ могъ такъ быстро подготовить все нужное для предпріятія противъ Вандаловъ. Что Майоріанъ не былъ только закаленнымъ солдатомъ и искуснымъ полководцемъ, доказываютъ его законы, до насъ дошедшіе. Онъ вѣрно понялъ, въ чемъ состояла главная болѣзнь государственнаго организма и вмѣсто того, чтобы, по примѣру предшественниковъ, закрыть глаза и думать только о потребностяхъ настоящей минуты, онъ имѣлъ мужество разоблачить передъ современниками и потомствомъ язвы имперіи и велико-

[1]) См. переходъ черезъ Альпы въ панегирикѣ Майоріану V, 510, 553.

[2]) Легенда записана у Прокопія, de bello Vandalico l. I, 7 ed. 1662. Parisiis, interprete Claudio Maltreto, t I, p. 194.

душную рѣшимость вступить въ борьбу съ злоупотребленіями. Если его благородныя усилія остались безъ результатовъ, отвѣтственность лежитъ не на немъ, а на несчастномъ положеніи, при которомъ неизбѣжная гибель ждала тѣхъ, кто пытался противодѣйствовать общему ходу дѣлъ. Борьба со зломъ была не посиламъ одному человѣку, какъ бы ни крѣпка была его воля, какъ бы ни блестящи были его дорованія, и Майоріанъ палъ очистительной жертвой похоронъ римскаго міра. Но уже одно то, что имя его чисто отъ всѣхъ нареканій, истинныхъ или вымышленныхъ, осталось въ памяти современниковъ и ближайшаго потомства, заставляетъ историка съ любовію остановиться на его дѣятельности.

Галлія возстала, когда въ овернскую базилику св. Юліана привезли бездыханное тѣло послѣдняго гальскаго императора. Особенно сильно было волненіе въ южныхъ и среднихъ провинціяхъ; тамъ не хотѣли и слышать о новомъ правительствѣ, утвердившемся изъ Римѣ. Ожиданіе скораго возвращенія готскаго короля изъ Испаніи придавало смѣлость гальской аристократіи, потому что представляло ей надежную точку опоры для сопротивленія Рицимеру и его послушному орудію, сенату Рима. Оскорбленіе, очевидно, было общимъ какъ для Галлоримлянъ, такъ и для Готовъ. Теодерихъ II могъ еще ближе къ сердцу принять гибель Авита, потому что могъ видѣть въ ней месть Свева Рицимера за пораженіе его соплеменниковъ въ Испаніи. Съ вѣковой борьбой Галліи и Италіи совпадала племенная вражда Готовъ и Свевовъ. Пеоній взволновалъ Нарбоннскую провинцію; въ 1 Ліонской и въ 1 Акитаніи многочисленные друзья и родственники Авита и, во главѣ ихъ, зять погибшаго цезаря, Сидоній, приготовляли месть за смерть знаменитаго Овернца. Возстаніе, вспыхнувшее быстро и почти повсемѣстно, имѣло впрочемъ мало ручательствъ въ успѣхѣ. Ему недоставало главнаго, именно начала, во имя

котораго хотѣли бы дѣйствовать. Придать національный характеръ сопротивленію римскому правительству было невозможно; на сценѣ была извѣстная партія, высшее сословіе, которое поднялось за свою личную обиду, полученную въ лицѣ Авита отъ римскаго сената. Низшіе слои общества, массы народонаселенія, не принимали никакого участія. Время національной борьбы кельтской Галліи съ латинской Италіей миновало; низшіе классы населенія, еще говорившіе діалектами древней до-цезаревской Галліи, не имѣли ничего общаго съ высшимъ сословіемъ, совершенно олатинившимся и подымавшимъ вопросъ о самостоятельности Галліи вовсе не ради возстановленія кельтской національности, а для своихъ сословныхъ интересовъ. Другое дѣло, еслибы вопросъ шелъ объ коренномъ измѣненіи административнаго, а въ особенности фискальнаго управленія; но теперь для низшихъ слоевъ общества, т. е. для большинства населенія, рѣшительно все было равно, кто ни стоитъ во главѣ управленія, уроженецъ ли Оверни, или человѣкъ чисто римской крови; прежній порядокъ вещей оставался безъ всякихъ измѣненій. Низшіе классы общества протестовали посвоему: они уходили къ варварамъ, призывали ихъ въ области Римской имперіи, или подымали страшныя возстанія багодовъ. Національнаго хатактера движеніе не могло имѣть уже и потому, что опиралось главнымъ образомъ на Вестготовъ, прочно утвердившихся въ Аквитаніи Цезаря. Если и было стремленіе къ политической независимости отъ Италіи, то оно существовало только въ кругу аристократическихъ фамилій Галліи, да и тутъ примѣръ Авита показалъ, какъ неудержимо влекло въ Римъ даже людей, стоявшихъ во главѣ этого стремленія. Успѣха нельзя было ждать и потому еще, что, во первыхъ, у возставшихъ не было достаточныхъ матеріальныхъ средствъ для борьбы. Теодерихъ былъ, по всей вѣроятности, еще въ Испаніи, потому

что Готы не сдѣлали никакой попытки защитить Ліонъ, центръ возстанія, противъ Бургундовъ, явившихся привести жителей къ должному повиновенію Майоріану; во вторыхъ, между предводителями не было единства въ дѣйствіяхъ и цѣляхъ. Въ Нарбоннской провинціи во главѣ движенія сталъ человѣкъ новый, Пеоній, изъ фамиліи, никогда не возвышавшейся надъ должностями муниципалитета, и на котораго вначалѣ обращала вниманіе скорѣе извѣстность вотчима, нежели отца. Женитьбой онъ вошелъ въ родство съ фамиліей, далеко его превосходившей знатностію происхожденія, и получилъ за женой богатое приданое. Скупой по природѣ, Пеоній сыпалъ деньгами для своихъ честолюбивыхъ замысловъ и волновалъ народъ, чтобы составить себѣ общественное положеніе. Смуты, произведенныя въ Галліи сверженіемъ и гибелью Авита, дали ему желанный случай дерзостію и рѣшительностію выйти изъ того невиднаго положенія, на которое до сихъ поръ осуждала его незнатность породы. Ставъ во главѣ аристократической молодежи, Пеоній присвоилъ себѣ въ Арлѣ званіе префекта преторіи и нѣсколько времени, пользуясь безнарядьемъ, безпрепятственно исполнялъ эту должность [1]). Въ Нарбоннской провинціи хотѣли доставить

[1]) Erat enim ipse Paeonius populi totus, qui tribunitiis flatibus crebro seditionum pelagus impelleret. Caeterum si requisisses: *qui genus*, *unde domo*? Non eminentius quam municipaliter natus, quem que inter initia cognosci, claritas vatrici magis quam patris fecerit. Identidem tamen per fas nefasque crescere affectans, pecuniaeque per avaritiam parcus, per ambitum prodigus. Cum de capessendo diademate . *conjuratio* Marcelliana *coqueretur*, nobilium juventuti signiferum sese in factione praebuerat, homo adhuc novus in senectute, donec aliquando, propter experimenta felicis audaciae, *natalium ejus obscuritati dedit hiantis interregni rima fulgorem*. Nam vacante aula, turbataque republica solus inventus est, qui ad Gallias administrandas, fascibus prius quam codicellis ausus accingi mensibus multis tribunal illustrium potestatum spectabilis praefectus ascenderet. Sid. I. I. ep. 11.

престолъ Марцелліану. Марцеллiанъ былъ знатный Галлорим-лянинъ, язычникъ по религіи, глубоко уважаемый тайными послѣдователями древняго культа, человѣкъ смѣлый и энергическій и съ замѣчательными нравственными достоинствами. Другъ Аэція, сходившагося съ нимъ частію въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, онъ едва избѣжалъ преслѣдованій Валентиніана III. Выдвинутый впередъ партіей Пеонія, онъ, кажется, скоро понялъ всю шаткость своего положенія и добровольно промѣнялъ невѣрныя надежды на мѣсто правителя Сициліи. Чего хотѣлъ Сидоній, дѣйствовавшій въ 1 Ліонской провинціи, мы не знаемъ. Очевидно, взяться за оружіе заставило его негодованіе на погибель тестя, но трудно опредѣлить, какія были его дальнѣйшая цѣль и его отношенія къ партіи Марцелліана. По нѣкоторымъ выраженіямъ, можно догадываться, что онъ не совсѣмъ желалъ видѣть его на престолѣ. Относительно Пеонія можно сказать утвердительно, что между этими главными двигателями возстанія была довольно сильная непріязнь. Приведенная выше характеристика Пеонія взята нами изъ письма Сидонія. Мы увидимъ скоро, что и послѣ утвержденія власти Майоріана отношенія Сидонія къ самозванцу-префекту были не лучше. При такомъ несогласіи между главными вождями, при неловѣрчивости или равнодушіи со стороны Марцелліана, въ пользу котораго должно было совершиться возстаніе, трудно было ожидать успѣха. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло между смертію Авита и возведеніемъ на престолъ Майоріана, почти вся Галлія отказала въ повиновеніи римскому правительству; но между тѣмъ въ ней еще никто не былъ провозглашенъ императоромъ. Уже одно это обстоятельство доказываетъ, какъ мало было единодушія между вождями. Между тѣмъ Рицимеръ и Майоріанъ приняли свои мѣры: Бургундамъ, которыми управлялъ Гундіохъ, женатый на сестрѣ Рицимера, поручено было привести Галлію въ повиновеніе. Имъ недалеко было идти до Ліона. Городъ былъ

взятъ послѣ попытки къ сопротивленію. Возстаніе потеряло главный центръ свой; легко уже было подавить его разъединенныя усилія. Мы не знаемъ подробностей о взятіи Бургундами Ліона; изъ темныхъ намековъ Сидонія можно заключить только то, что онъ самъ находился въ осажденномъ городѣ и что занятіе его войсками Майоріана не обошлось безъ тяжелыхъ послѣдствій для жителей. Пожары и грабежи опустошили городъ и его окрестности, и гарнизонъ, составленный, по всей вѣроятности, изъ тѣхъ же Бургундовъ, остался въ Ліонѣ, чтобы остановить новыя попытки къ возмущенію [1]). Движеніе въ другихъ провинціяхъ было скоро подавлено, такъ что, когда въ концѣ 458 или въ началѣ 459 года прибылъ въ Галлію самъ Майоріанъ съ многочисленною арміею, ему оставалось только заставить Теодериха II, наконецъ явившагося изъ Испаніи, заключить миръ съ имперіею. Одной побѣды было достаточно, чтобы остановить непріязненныя движенія Готовъ. Поведеніе Майоріана въ Галліи лучше всего показываетъ его привлекательный характеръ и умѣнье кроткими мѣрами не только окончательно успокоить и привести въ повиновеніе страну, только что покоренную орудіемъ, но и заслужить общую привязанность. Главныхъ вождей гальскаго возстанія мы находимъ въ самомъ непродолжительномъ времени въ числѣ лицъ, близкихъ къ императору. Марцелліанъ вѣрно служилъ Майоріану до самой его кончины и потомъ разорвалъ всѣ сношенія съ его убійцами. Даже Пеоній былъ не только прощенъ, но, принужденный сложить съ себя захваченное званіе

[1]) ..... Bove, fruge, colono
Civibus exhausta est... post gaudia, Princeps,
Deleclat meminisse mali; populatibus, igni
Et si concedimus, veniens tamen omnia tecum
Restituis: *fuimus vestri quia causa triumphi*
Ipsa ruina placet.
Paneg. Maior. v. 580.

префекта преторіи, сохранилъ однако свое выгодное положеніе въ обществѣ. Сидоній является скоро также въ числѣ приближенныхъ къ Майоріану и черезъ нѣсколько времени въ стихотворномъ посланіи, которымъ онъ умоляетъ императора сравниться съ Алкидомъ, нѣкогда поразившимъ многоглавое чудовище, и уничтожить тройную подать, бывшую, по всей вѣроятности, наказаніемъ за возмущеніе. Сидоній говоритъ о себѣ уже, какъ о человѣкѣ, пользовавшемся особеннымъ расположеніемъ преемника Авита. «Объ этомъ умоляетъ тебя твой Сидоній, пишетъ онъ; да облекаетъ тебя въ теченіи многихъ лѣтъ сидонскій пурпуръ». Нѣсколько далѣе онъ называетъ себя поэтомъ Майоріана [1]). Объясненія этого явленія должно искать не въ могуществѣ партіи, возставшей было противъ новаго цезаря. Мы видимъ, какъ мало могли сдѣлать даже Вестготы противъ силъ, приведенныхъ Майоріаномъ изъ Италіи. Причина заключается въ мягкомъ характерѣ самого Майоріана, стоявшаго выше мелочной мстительности и устремившаго все вниманіе на исполненіе задуманнаго имъ похода въ Африку, чтобы разрушить тамъ притонъ морскихъ разбойниковъ. Посредникомъ между Майоріаномъ и Сидоніемъ былъ извѣстный намъ Петръ, секретарь императора, испросившій освобожденіе Ліона отъ варварскаго гарнизона. Чтобы загладить свое участіе въ возстаніи, Сидоній взялся вести переговоры о мирѣ съ Теодерихомъ II. Хотя мы и не имѣемъ прямаго свидѣтельства, но, кажется, что къ этому времени должно отнести его путешествіе въ Тулузу ко двору вестготскаго короля, о которомъ оставилъ онъ такое любопытное

---

[1]) Hoc te *Sidonius tuus* precatur.
Sic te *Sidonio* rococta *fuco*
Multos purpura vestiat per annos.
Carm. XIII. v. 25.
Quod si contuleris *tuo poëtae*...
Ibid. v. 32

описаніе. Мы не можемъ удержаться отъ желанія, чтобы не привести, хотя въ сокращеніи, письмо Сидонія о характерѣ и образѣ жизни Теодериха II. Въ томъ преимущественно и заключается историческое значеніе сочиненій клермонтскаго епископа, что въ нихъ отражается со всей полнотой внутренняя исторія его времени, что на каждомъ шагу мы находимъ интересныя подробности, которыхъ напрасно бы стали искать въ сухихъ анналахъ современниковъ [1]). «Ты часто просилъ меня, пишетъ Сидоній къ Агриколѣ, сыну императора Авита[2]), чтобы я письмомъ разсказалъ тебѣ о наружности и образѣ жизни Теодериха, короля Готовъ, такъ какъ народная молва много говоритъ объ его образованности; охотно исполняю твое желаніе, на сколько дозволятъ предѣлы одного письма; мнѣ нравится въ тебѣ искренность такого щекотливаго требованія. Уже тѣмъ интереснѣе узнать этого человѣка, чѣмъ труднѣе взглянуть на него поближе. Богъ и природа щедро осыпали его особу счастливыми дарами». Затѣмъ Сидоній переходитъ къ мелочному описанію наружности Теодериха. Изъ него узнаемъ мы: что голова у готскаго короля была круглая и покрытая кудрявыми волосами, что рѣсницы были такъ длинны, что доходили почти до половины щеки, когда онъ закрывалъ глаза, что густыя брови полукружіемъ осѣняли глаза, уши закрывались длинными волосами, по обычаю народа, ротъ былъ маленькій; что каждый день ему брѣютъ бороду, оставляя только небольшіе щетинистые бакенбарды, и другія анатомическія подробности, отъ которыхъ мы

[1]) Вотъ, напримѣръ, чѣмъ ограничивается хроника, говоря о восшествіи на престолъ Авита: Levatus est Avitus imperator in Gallias et ingressus est Theodoricus, rex Gothorum, Arelato cum fratribus suis in pace (Chronic. Marii, episcopi Aventicensis ad ann. 455. apud Bouquet, II, 12.). Сравните это съ живымъ, хотя и риторическимъ, разсказомъ въ панегирикѣ Авиту.

[2]) Sidon. Epist. I. II, 2.

можемъ уволить себя и читателей [1]). Интересъ начинается съ описанія ежедневныхъ занятій готскаго короля. «На разсвѣтѣ, говоритъ Сидоній, Теодерихъ съ малымъ числомъ спутниковъ посѣщаетъ собраніе своихъ священниковъ (аріанскихъ), которымъ онъ оказываетъ большое уваженіе, хотя, пусть это останется между нами, можно замѣтить, что это дѣлается болѣе по привычкѣ, нежели изъ дѣйствительной набожности. Остальное утро посвящается заботамъ государственнаго управленія. Кругомъ королевскаго сѣдалища стоитъ вооруженная свита. Толпа воиновъ, покрытыхъ звѣриными шкурами, допущена въ собраніе, но помѣщается такъ, что не можетъ безпокоить своимъ говоромъ. Она можетъ шумѣть на свободѣ около дверей, хотя и въ той же залѣ, но за занавѣсами, ея раздѣляющими. Въ глубинѣ залы выслушиваются посольства различныхъ народовъ; король слушаетъ много, но отвѣчаетъ въ коротkихъ словахъ. Если дѣло подлежитъ разсмотрѣнію, онъ откладываетъ его; если ясно, рѣшаетъ тотчасъ. Въ два часа (8 часовъ утра) онъ встаетъ и идетъ осматривать или свои сокровища, или конюшни. Если онъ отправляется на охоту, о которой объявляется заранѣе, онъ считаетъ неприличнымъ для королевскаго достоинства самому нести лукъ. Если же на дорогѣ случайно попадется звѣрь или птица, онъ протягиваетъ назадъ руку и служитель подаетъ ему лукъ съ распущенной впрочемъ тетивой, потому что если Теодерихъ почитаетъ неприличнымъ носить самому лукъ въ футлярѣ, то взять его у слуги уже натянутымъ кажется ему слишкомъ женственнымъ. Взявши, онъ самъ натягиваетъ его... кладетъ стрѣлу и спускаетъ ее. Прежде онъ спрашиваетъ, куда

1) Pilis infra narium antra fruticantibus quotidiana succisio.... Aream dorsi humilior inter excrementa costarum spina discriminat. Corneum femur, internodia poplitum bene mascula; maximus in minia rugosis genibus honor. Crura suris fulta turgentibus. Ibid.

хотятъ, чтобы онъ выстрѣлилъ, и убиваетъ избранную добычу. Въ случаѣ промаха, вина бываетъ скорѣе на сторонѣ назначившаго цѣль, чѣмъ нанесшаго ударъ. Что касается до обѣдовъ, то въ будни они не богаче, чѣмъ у частныхъ людей. Задыхающіеся отъ усталости, слуги не громоздятъ на ломящіеся подъ тяжестію столы груды серебра, грубо обдѣланнаго. Бо́льшимъ вѣсомъ здѣсь отличаются разговоры, потому что обѣдающіе или молчатъ, или говорятъ о чемъ нибудь дѣльномъ. Покрывала на ложахъ и на другой мебели изъ пурпура или изъ тонкаго полотна. Кушанья отличаются болѣе искусствомъ приготовленія, нежели дороговизной припасовъ; сосуды больше блескомъ, нежели вѣсомъ. Сципы и патеры обходятъ кругомъ довольно рѣдко, такъ что чаще приходится желать вина, чѣмъ отказываться отъ него. Что сказать еще? Видимъ здѣсь греческую изящность, гальское изобиліе и итальянскую скорость; публичная торжественность соединяется съ распорядительностію частнаго человѣка и съ царственной важностію. Не буду говорить о праздничныхъ пирахъ, потому что они извѣстны самымъ неизвѣстнымъ людямъ. Возвращаюсь къ начатому. Послѣ обѣда Теодерихъ большею частію вовсе не спитъ, а если ложится, то весьма на короткое время. Если приходитъ фантазія играть, король живо беретъ кости, осматриваетъ ихъ со вниманіемъ, ловко потрясаетъ ими, быстро бросаетъ, весело считаетъ, выжидаетъ съ терпѣніемъ. При счастливыхъ ударахъ онъ молчитъ, при несчастныхъ смѣется, когда ничья, нѣсколько сердится, но всегда умѣетъ владѣть собою. Онъ не охотникъ отыгрываться, хотя ему и не хочется показать, что онъ боится проигрыша. Онъ пренебрегаетъ предлагаемыми ему уступками, и оставляетъ безъ вниманія, если ему въ нихъ отказываютъ. Оставляешь игру безъ принужденія, онъ покидаетъ ее безъ церемоніи. Можно подумать, что въ игрѣ онъ дѣйствуетъ, какъ въ

битвѣ, имѣя въ виду одну побѣду. Въ игрѣ онъ слагаетъ съ себя царственную важность, требуетъ свободы и непринужденности. Скажу, что̀ думаю: онъ какъ будто боится, что его боятся. Ему нравится наконецъ, если сердится побѣжденный противникъ и тогда только онъ убѣжденъ, что его не щадятъ въ игрѣ, когда досада играющаго съ нимъ высказывается совершенно открыто. Странно то, что удовольствіе, которое онъ чувствуетъ отъ подобныхъ пустяковъ, иногда помогаетъ успѣху важныхъ дѣлъ: тутъ неожиданно открывается спасительная гавань для просьбъ, не разъ уже терпѣвшихъ кораблекрушеніе, не смотря на сильное ходатайство. Мнѣ самому, когда приходилось просить чего нибудь, случалось счастливо проигрываться и, теряя партію, я выигрывалъ дѣло».

«Около 9 часа (3 по полудни) снова начинаются заботы правленія, снова являются просители, истцы и отвѣтчики, повсюду шумно ведутся тяжбы; это продолжается до вечера и толпа рѣдѣетъ только, когда объявляютъ, что готовъ уже королевскій ужинъ, она расходится по дворцу къ различнымъ патронамъ до тѣхъ поръ, пока не начнутъ разставлять ночную стражу. Во время ужина изрѣдка допускаются шуты, такъ однакоже, что никому изъ присутствующихъ не приходится бояться ихъ язвительныхъ выходокъ. Здѣсь не услышишь ни гидравлическаго органа, ни хора пѣвцевъ, управляемаго фонаскомъ [1]); нѣтъ ни пѣвцевъ, акомпанирующихъ себѣ игрой на лирѣ, ни флейтистовъ, ни мезохоровъ, ни женщинъ съ тимпаномъ или гуслями; королю нравятся только тѣ пѣсни, которыя столько же возвышаютъ душу, какъ и услаждаютъ слухъ. Когда король встаетъ изъ за стола, ночная стража

[1]) *Phonascus*, vocis exercitator, vocis pronuntiationisque magister et moderator. Forcellini, totius latinitatis lexicon III, 388. *Mesochorus*, qui in medio turbae stans reliquis canendi, vel aliud agendi signum proponit. ib. 66.

размѣщается у сокровищницы, и вооруженные воины занимаютъ всѣ выходы королевскаго дворца, чтобы бодрствовать во все время перваго, крѣпкаго сна».

Какъ нельзя лучше выражается въ письмѣ Сидонія степень общественнаго развитія Вестготовъ. Теодерихъ II получилъ римское образованіе, кругомъ его было, по всей вѣроятности, много Галлоримлянъ, искавшихъ счастія при дворѣ варварскаго короля. Готы заняли лучшія области Галліи, славныя своимъ винодѣліемъ и богатой природой, и однако первое, что бросается въ глаза при чтеніи письма Сидонія, это простота жизни, сдержанность грубыхъ страстей, которыя такъ разыгрались, напримѣръ, у Франковъ, послѣ ихъ поселенія на земляхъ Римской имперіи, или у Вандаловъ въ Африкѣ. Готы уже во многомъ подчинились римскому образу жизни: земля цѣнилась уже ими болѣе, нежели звонкая монета или дорогіе металлы, въ ихъ законахъ упоминается о винодѣліи, о разведеніи оливковыхъ и фиговыхъ деревьевъ, о фруктовыхъ садахъ и т. д. Между варварами были ювелиры и другіе ремесленники. Въ самой редакціи вестготскихъ законовъ видна рука или Римлянина, или человѣка, хорошо знакомаго съ римскимъ законодательствомъ; римская цивилизація, однимъ словомъ, была уже во многомъ усвоена Вестготами и однакоже не успѣла еще оказать того обычнаго вліянія, которое испытываютъ на себѣ племена простаго образа жизни при столкновеніи, особенно близкомъ, съ народами, стоящими на высшей ступени гражданскаго и умственнаго развитія; она не развратила еще коренной германской чистоты нравовъ. Сальвіанъ противопоставляетъ цѣломудріе Готовъ разврату Римлянъ. «Мы дорожимъ, говоритъ онъ [1]), репутаціей соблазнителя, у Готовъ распутство не только преступно, но и опасно». Что это не риторическая

[1]) Salviani de Gubern. Dei, VII.

фигура, доказывается многочисленными постановленіями вестготскаго законодательства относительно похищеній женщинъ и развратной жизни, постановленіями, въ которыхъ вполнѣ сохранена жестокость обычнаго права древнихъ Германцевъ. Доказательство, что не въ однихъ законахъ, но и въ нравахъ сохранилась эта чистота жизни, найдемъ мы въ разсказѣ Павлина объ опустошеніи Готами Бордо [1]). Вторая особенность, ясно обнаруживающаяся изъ письма Сидонія, это—малое развитіе королевской власти, сохраненіе прежнихъ отношеній къ дружинникамъ. Теодерихъ II не много сталъ выше прежнихъ вождей вольной дружины. Мы видимъ, какъ во время переговоровъ съ Авитомъ сходятся на совѣтъ старые бѣдняки въ грязныхъ лохмотьяхъ. Толпа воиновъ, одѣтыхъ въ шкуры, шумитъ въ самой залѣ аудіенцій. Правда, она помѣщена такъ, что не можетъ мѣшать совѣщаніямъ, но она тутъ и въ важныхъ случаяхъ не обойдется безъ прямаго вмѣшательства въ дѣла государственныя. Вестготы въ этомъ случаѣ крѣпко стояли за прежнія отношенія къ королевской власти. Изъ 8 первыхъ вождей вестготскихъ, четверо погибло отъ руки самихъ Готовъ, двое пали въ битвахъ и только двое кончили естественною смертію. «Готы, замѣчаетъ простодушно Григорій Турскій [2]), взяли такую проклятую привычку, что, если имъ не нравится кто нибудь изъ ихъ верховныхъ вождей, они убиваютъ его». Съ другой стороны, въ самомъ Теодерихѣ трудно еще подозрѣвать ясное сознаніе въ перемѣнѣ положенія, въ необходимости расширить свою власть до тѣхъ предѣловъ, которыхъ достигла она по римско-христіанскимъ понятіямъ. Бургунды еще болѣе, чѣмъ Готы, подчинились вліянію римской цивилизаціи и однако въ VI столѣтіи епископъ Авитъ долженъ былъ

---

[1]) Eucharisticon Deo, loco citato.

[2]) Gregor. Turon. Hist. III. 30.

объяснять королю Гундобальду такія, повидимому, простыя понятія. «Ты боишься народа, король, но развѣ не знаешь, что гораздо естественнѣе, чтобы народъ принялъ твою вѣру (дѣло идетъ объ обращеніи Аріанъ Бургундовъ къ православію), нежели тебѣ потворствовать его неразумію. Вѣдь ты глава народа, а не наоборотъ. Когда ты отправляешься на войну, ты, я думаю, идешь впереди дружинъ, а онѣ слѣдуютъ за тобою. Вѣдь ты король, оставь же это неразуміе и выскажи гласно передъ народомъ тѣ вѣрованія, которыя внушаетъ тебѣ сердце» [1]). Борьба королевской власти съ защитниками прежнихъ отношеній дружины къ ея вождю много содѣйствовала ослабленію вестготскаго государства. Вслѣдствіе особой постановки духовенства, она получила нѣсколько отличный характеръ отъ подобной же борьбы, совершавшейся повсюду, гдѣ германскія племена утвердились среди римскаго населенія; но мы не можемъ остановиться на этой особенности и должны воротиться къ Сидонію.

Съ Готами заключенъ былъ миръ и Теодерихъ призналъ по прежнему свою зависимость отъ имперіи. Вѣроятно, успѣшные переговоры приблизили Сидонія къ Майоріану и дали ему право, въ приведенной выше просьбѣ въ стихахъ, называть себя поэтомъ императора. «Если ты, говоритъ Сидоній въ концѣ стихотворенія, избавишь отъ нея (тройной подати) твоего поэта, я передамъ въ вѣчную память потомства твои славные подвиги» [2]). Впрочемъ эта просьба, вѣроятно, была написана уже послѣ панегирика, который произнесъ въ Ліонѣ, еще не успѣвшемъ сгладить слѣды недавняго опустошенія, зять Авита въ честь его преемнику. Сидоній какъ бы забылъ, что на Майоріанѣ частію лежало обвиненіе въ гибели Авита и что противъ него такъ недавно еще дѣйствовалъ самъ авторъ съ

[1]) Gregor. Turonens. Histor. II, 34.
[2]) Carm. XIII. v. 33.

оружіемъ въ рукахъ. Только времена глубокаго нравственнаго паденія могутъ быть свидѣтелями такихъ быстрыхъ превращеній. Самъ Сидоній, очевидно, чувствовалъ неестественность и неловкость своего положенія. Блестящія качества Майоріана не могли вполнѣ оправдывать легкомысленнаго поэта; можно бы удивиться только тому, что самъ Майоріанъ не понялъ неприличія подобнаго панегирика, еслибы извѣстныя эпохи не уничтожали тонкости и деликатности нравственнаго чувства даже въ лучшихъ натурахъ. Въ предисловіи старается Сидоній прикрыть себя примѣрами Виргилія и Горація, особенно послѣдняго. Изъ нѣкоторыхъ стиховъ можно бы даже заключить, что панегирикъ былъ почти вынужденъ [1]), но подобное толкованіе, не вполнѣ оправдывая автора, не можетъ быть принято потому, что мы знаемъ и характеръ Сидонія, которому еще разъ и еще съ меньшимъ оправданіемъ придется произносить свои высокопарныя похвалы, и благородный характеръ Майоріана, который не могъ позволить себѣ довести побѣжденнаго врага до подобнаго униженія. Едва ли можно принять и то объясненіе, по которому Сидоній рѣшился забыть смерть тестя, чтобы этой цѣной облегчить положеніе своей родины. Всѣ эти побужденія придуманы, очевидно, съ цѣлію оправдать Сидонія. Замѣшательство автора видно во многихъ мѣстахъ его панегирика. При изложеніи біографіи Майоріана онъ употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы ни разу не упомянуть имени своего несчастнаго тестя, не сдѣлать намека на его печальную участь, послужившую къ возвышенію Майоріана. Это впрочемъ послѣдняя уступка чувству приличія,

---

[1]) Sic mihi diverso nuper sub Marte cadenti
Iussisse placido, victor, ut essem animo;
Serviat ergo tibi servati lingua poëtae.
Atque meae vitae laus tua sit pretium.

Carm. IV. Praefatio panegyrici dicti Majoriano Aug. vers. 11. et seq.

и, обо[illegible] этотъ подводный камень, Сидоній уже смѣло пускается въ похвальное слово своему побѣдителю. Онъ не забываетъ, что Майоріанъ слушаетъ свой панегирикъ въ стѣнахъ города, бывшаго главнымъ центромъ возстанія, направленнаго противъ его власти, среди развалинъ, бывшихъ слѣдствіемъ бургундскаго завоеванія. «Послѣ радости, государь, говоритъ онъ [1]), пріятно вспомнить о бывшихъ несчастіяхъ; если мы и подверглись опустошеніямъ и потерямъ, твое прибытіе вознаграждаетъ за все. Намъ нравятся самыя наши развалины, потому что мы были причиною твоего тріумфа». Панегирикъ начинается олицетвореніемъ Рима и Африки. Римъ, на этотъ разъ не безсильный, какъ въ первомъ панегирикѣ, возсѣдаетъ въ воинской одеждѣ, въ шлемѣ, украшенномъ крѣпостными зубцами. Къ ногамъ его приносятъ покорныя провинціи дары свои: Индія слоновую кость, Ассирія драгоцѣнные камни, Сабея благовонія, Аттика медъ и т. д. Вдругъ съ плачемъ является Африка, она терзаетъ свои черныя щеки, и колосья, вѣнчающіе ея голову и уже утратившіе частію свое плодородіе, ломаются, склоняясь къ землѣ. «Я прихожу, говоритъ она, третья часть міра, несчастная для счастія одного человѣка. Сынъ рабы, этотъ разбойникъ, послѣ гибели моихъ властителей держитъ мою землю подъ варварскимъ скипетромъ. Разогнавъ благородное сословіе, свирѣпый врагъ ненавидитъ всѣхъ, кромѣ себя самого. О, заснувшая доблесть Лаціума, онъ хвалится тѣмъ, что коварствомъ захватилъ твои стѣны. Ты не хватаешься за копье! Уже плѣненный разъ, ты не жалѣешь обо мнѣ! А всѣ думали, что твоя звѣзда снова высоко поднялась послѣ несчастій, что ты выше упадка. Но пусть исчезнетъ страхъ; тебя ждетъ побѣда, если ты сразишься, какъ бывало послѣ прежнихъ пораженій». Слѣдуетъ обычное

[1]) Paneg. Major. v. 580.

обращеніе къ историческимъ воспоминаніямъ и, разумѣется, пуническія войны занимаютъ въ нихъ видное мѣсто [1]). «Зачѣмъ откладывать войну, продолжаетъ Африка, зачѣмъ страшиться моря? Развѣ нѣтъ у тебя великаго государя, вѣками предназначеннаго для гибели Ливіи, и который третій назовется моимъ именемъ. Эта судьба предназначена твоимъ трудамъ, Майоріанъ». Панегиристъ переходитъ потомъ къ описанію подвиговъ и доблестей Майоріана; но на этотъ разъ похвальное слово новому императору помѣщено весьма эффектно. Сообщивъ нѣсколько свѣдѣній о дѣдѣ и отцѣ своего героя, поэтъ выводитъ на сцену жену Аэція. Подвиги Майоріана и его слава тревожатъ супругу знаменитаго варвара и она вопрошаетъ гадателей о судьбѣ юнаго вождя. Звѣзды предсказываютъ ему престолъ и, встревоженная, она обращается къ мужу съ упреками въ непониманіи грозящей ему опасности. Она описываетъ ему блестящія качества его сподвижника, его искусство въ воинскихъ упражненіяхъ и его мужество. «Скажу короче, говоритъ она, во всѣхъ войнахъ подлѣ тебя не простой солдатъ, а ученикъ, но и это только съ виду; изъза ученика выказывается соперникъ. Онъ завистливо смотритъ на твои побѣды и любитъ побѣжденныхъ тобою. Въ немъ спитъ Александръ В., котораго мучила отцовская слава» [2]). Среди риторическаго разсказа супруги Аэція, среди мелочныхъ подробностей и утомительнаго многословія, является прекрасное изображеніе Франковъ и одушевленное описаніе одного изъ случаевъ войны съ этимъ народомъ. Эти подробности принадлежатъ исторіи и жаль не воспользоваться ими. «Свѣтлорусые волосы Франковъ зачесаны ко лбу такъ, что бѣлѣется обнаженная шея; голубые глаза сверкаютъ водянистымъ

[1]) Me quoque, da veniam quod bellum gessimus olim,
Post Trebiam Cannasque, domas. Ibid. vers. 85.

[2]) Paneg. Major. v. 198.

блескомъ; на гладко выбритыхъ лицахъ вмѣсто бороды видны только тонкіе, хорошо приглаженные усы; узкое и короткое платье стягиваетъ ихъ гигантскіе члены, оставляя открытою ногу выше колѣна; широкимъ поясомъ затянутъ стройный станъ. Имъ легко метнуть на далекое пространство двуострую сѣкиру (фрамею) и узнать напередъ, куда попадетъ ударъ, кружить щитомъ и быстрымъ скачкомъ достигнуть непріятеля, прежде чѣмъ долетитъ брошенное ими же копье. Съ дѣтскихъ лѣтъ они уже созрѣли для страсти къ битвамъ. Подавленные многочисленностію непріятеля или невыгодами занятой позиціи, они уступаютъ смерти, а не страху, и остаются непобѣжденными; ихъ мужество переживаетъ ихъ самихъ» [1]). Вотъ какъ разсказываетъ Сидоній битву съ Франками, послѣ защиты Майоріаномъ Тура отъ набѣга Бриттовъ. «Вы сражались вмѣстѣ, когда Франки Клодіона опустошали равнины Арраса. Здѣсь сходились дороги, стѣсненныя узкимъ ущельемъ. Нѣсколько далѣе, полукругомъ расположено было мѣстечко Гелена [2]); черезъ рѣку въ концѣ длинной дороги переброшенъ былъ узкій бревенчатый мостъ. Ты помѣстился тутъ; Майоріанъ верхомъ сражался подъ самымъ мостомъ. По случаю на холмѣ, близкомъ къ берегу, раздавались свадебныя пѣсни варваровъ. *Скиескими* танцами праздновалась свадьба бѣлокурой невѣсты съ русымъ женихомъ. Майоріанъ, какъ разсказываютъ, побѣдилъ непріятеля: шлемъ звенѣлъ подъ ударами, чешуйчатыя латы выдерживали удары копій до тѣхъ поръ, пока бѣгущій врагъ не обратилъ тыла. Повсюду видны разбросанныя по телѣгамъ блестящія принадлежности варварскаго пиршества; повсюду побѣдитель захватывалъ чаши и блюда, и воины на мокрыхъ головахъ несли сосуды, обвитые

[1]). Panegyr Major. v. 236.

[2]). Vieil Hesdin или, можетъ быть, Lens, какъ думаетъ Августинъ Тьерри. Lettres sur l'histoire de France. VI.

пахучими гирляндами. Снова загорается бой; Беллона сокрушаетъ свѣтильники брака, и побѣдитель хватаетъ колесницу съ новобрачною [1])- Супруга Аэція не можетъ уговорить мужа погубить Майоріана; чтобы ускокоить ея опасенія, его только удаляютъ отъ войска, и будущій императоръ подобно древнему диктатору, ищетъ дѣятельности въ сельскихъ занятіяхъ». Далѣе поэтъ уже отъ своего имени разсказываетъ дальнѣйшую исторію Майоріана, его побѣды надъ Вандалами и Аллеманами. Здѣсь встрѣчаются также подробности, дорогія для историка. Сидоній изображаетъ намъ Вандаловъ, утратившихъ подъ знойнымъ небомъ Африки свою первоначальную энергію. Ихъ лица, отъ невоздержности и пресыщенія, потеряли мужественную свѣжесть; болѣзненная полнота овладѣла ими, и сила, которою славились Вандалы прежде, растрачена была среди оргій; большая часть войска состояла изъ всякаго сброда. «Тучный Вандалъ сидитъ на скамьѣ галеры, ожидая, чтобы невольники собрали добычу и плѣнныхъ». Ярко рисуется перемѣна въ физическомъ и нравственномъ характерѣ Германцевъ, подвергнутыхъ двойному вліянію и климата Африки, разслабляющаго сѣверную натуру, и не менѣе разрушительному дѣйствію разгула и оргій, средства къ которымъ доставляли огромныя богатства, награбленныя въ Африкѣ и во время ежегодныхъ набѣговъ на берега Средиземнаго моря. Подробно разсказаны приготовленія къ африканской экспедиціи, составъ многочисленной арміи, набранной изъ ополченій почти всѣхъ варварскихъ племенъ, какія только извѣстны были Римлянамъ, сооруженіе флота и переходъ черезъ Альпы; все это, разумѣется, перемѣшанное съ миѳологіей и историческими воспоминаніями. Въ концѣ панегирика, послѣ похвалы главному виновнику гибели Авита и бѣдствія Ліона— Рицимеру, которому далеко уступаетъ Силла въ военной

[1]) Ibid. v. 211–230.

распорядительности, Фабій въ талантѣ, Метеллъ въ благочестіи, Аппій Клавдій въ краснорѣчіи, Фульвій въ силѣ и Камиллъ въ искусствѣ [1]), бросивъ мимоходомъ нѣсколько преувеличенныхъ похвалъ Петру, своему Меценату, ліонскій поэтъ переходитъ къ мольбѣ о милости къ своему родному городу. «Такъ какъ ты, говоритъ онъ, обращаясь къ Майоріану, являешься единственной надеждой въ нашемъ несчастіи, мы молимъ помочь намъ, разореннымъ. Проходя побѣдителемъ, взгляни на Ліонъ твой. Удрученный чрезмѣрными бѣдствіями, онъ проситъ у тебя покоя; ты далъ ему миръ, возврати же и бодрость духа. Когда отдохнула, сложивъ ярмо, усталая шея вола, онъ лучше потомъ взрываетъ плугомъ жесткое лоно земли. Ліонъ лишенъ стадъ, запасовъ, колоновъ и гражданъ; онъ не цѣнилъ своего благосостоянія, пока наслаждался имъ; теперь только, послѣ разгрома, онъ понялъ свою потерю». Панегирикъ оканчивается предсказаніемъ будущихъ тріумфовъ Майоріана.

---

[1]).

Dignus cui cederet un
Sylla acie. genio Fabius, pietate Metellus,
Appius eloquio, vi Fulvius, arte Camillus.
Paneg. Major. v. 554.

Довольно трудно сказать утвердительно, къ кому обращена эта похвала. Аббатъ Дюбо (Dubos), а вслѣдъ за нимъ Форіель (Hist. de la Gaule Mérid. l. 269) и другіе относятъ ее къ Эгидію. Неизвѣстно, на чемъ могли они основываться. Совершенное молчаніе Сидонія объ Эгидіи—фактъ весьма замѣчательный. Почти всѣ комментаторы Сидонія относятъ это мѣсто къ Рицимеру и нѣкоторые къ Непоціану, бывшему, по свидѣтельству хроники Идація, префектомъ Галліи въ этомъ году. Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь сравнивается съ героями древняго Рима именно Рицимеръ: такъ выходитъ изъ общаго хода панегирика. Главное побужденіе, по которому нѣкоторые старались отнести это мѣсто къ другимъ лицамъ, именно возмущавшая неестественность похвалы убійцѣ Авита въ устахъ зятя погибшаго, для насъ не существуетъ. Сидоній не только этотъ разъ хвалитъ Рицимера; въ панегирикѣ Антемію, онъ сравниваетъ его съ Марцелломъ и Метелломъ. См. v. 352 et seq. также 499 и слѣд.

Сравнивая этотъ панегирикъ съ другими этого же рода сочиненіями Сидонія, нельзя не сказать, что его планъ задуманъ и исполненъ нѣсколько лучше. Мысль, вывести на сцену супругу Аэція, которая, чтобы погубить Майоріана, разсказываетъ мужу его подвиги, весьма удачна. Съ перваго взгляда какъ будто проглядываетъ одушевленіе и, приступая къ чтенію съ заранѣе принятымъ намѣреніемъ открыть, во что бы то ни стало, поэтическія красоты въ панегирикѣ, легко пожалуй, отмѣтить нѣсколько мѣстъ, на которыхъ можно остановить вниманіе читателя, уже предупрежденнаго въ пользу автора. Обольщеніе не выдерживаетъ впрочемъ вторичнаго чтенія. Панегирикъ—декламація въ полномъ смыслѣ этого слова; увлеченіе подготовлено тяжелымъ трудомъ и искусственность выраженій наводитъ сильное подозрѣніе, чтобы не сказать полную увѣренность въ томъ, что и тѣ, весьма немногіе энергическіе стихи, которые, кажется, прямо вылились изъ подъ пера, вызванные дѣйствительнымъ чувствомъ, и они порожденіе того же риторства, которое загубило всякое истинное одушевленіе. Оскорбительной становится эта холодная, аффектированная декламація, когда вспомнишь, что она обращена къ Майоріану. Можно ли ждать чего нибудь отъ поэзіи этого несчастнаго времени, если она обращается съ тѣми же, разъ навсегда заученными пріемами, съ тѣми же плоскими сравненіями и фразами, лишенными всякой мысли, къ единственному почти человѣку, который могъ бы еще вдохновить поэта. Личность Майоріана такъ и просится въ эпопею или легенду: такъ ярко бросается въ глаза его трагическое положеніе. А между тѣмъ, что же осталось въ литературныхъ и историческихъ памятникахъ этой эпохи? Легенда о посѣщеніи Майоріаномъ Карѳагена, равнодушно и безцвѣтно занесенная позднѣйшимъ Византійцемъ въ его исторію Вандальской войны Юстиніана, едва ли не единственное свидѣтельство, что эта

въ высокой степени поэтическая личность затрогивала нѣсколько народное воображеніе. Панегирикъ Майоріану лучше всего объясняетъ, почему эпическая поэзія была невозможна въ V вѣкѣ. Неожиданныя сближенія, остроумныя замѣчанія и игра словъ, которыя еще могутъ придать цѣну четверостишію или эпиграммѣ, блѣднѣютъ и уничтожаются въ сколько нибудь большемъ и серьезномъ стихотвореніи.

Конецъ 459 года провелъ Майоріанъ въ Арлѣ, носившемъ еще прежнее, оффиціальное имя Константины. Здѣсь, въ знаменитомъ циркѣ, праздновали играми и зрѣлищами прибытіе въ Галлію новаго императора; здѣсь же дѣлались послѣднія приготовленія къ готовившейся экспедиціи противъ Вандаловъ. Любопытное письмо даетъ возможность составить полное понятіе, какъ о характерѣ Майоріана, такъ и объ отношеніяхъ къ нему Сидонія и другихъ аристократовъ Галліи, стоявшихъ во главѣ возстанія, и наконецъ о постановкѣ различныхъ партій. Дѣло требуетъ впрочемъ нѣкоторыхъ объясненій. Прибытіе Майоріана въ Арль привлекло туда, кромѣ государственныхъ сановниковъ, почти всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ литераторовъ Галліи; покровительство литературѣ со временъ Августа сдѣлалось какъ бы оффиціальною обязанностію императоровъ и отъ ея исполненія не уклонялись даже тѣ изъ нихъ, которые менѣе всего могли понимать и цѣнить ученыя и литературныя заслуги. Сидоній долженъ былъ явиться въ Арль вмѣстѣ съ другими, тѣмъ болѣе, что былъ въ то же время и лицемъ правительственнымъ. Между тѣмъ въ городѣ, еще до его прибытія изъ Оверни, ходило по рукахъ сатирическое стихотвореніе, въ которомъ не только выставлялись наружу общественные пороки, но язвительными сарказмами задѣты были многія изъ лицъ неизвѣстныхъ. Правда, неизвѣстный сатирикъ не назвалъ никого по имени, но легко было догадаться по намекамъ, на кого онъ мѣтилъ. Въ Арлѣ только и было

толковъ, что объ авторѣ стихотворенія. Старались разыскать, на кого можно бы излить негодованіе, возбужденное пасквилемъ, и подозрѣніе падало поочередно на извѣстныхъ поэтовъ. Разумѣется, болѣе всѣхъ волновались тѣ, которые принуждены были узнать себя въ лицахъ, выведенныхъ сатирикомъ на сцену. Въ это время пріѣхалъ въ Арль одинъ изъ друзей Сидонія, Катуллинъ, только что вернувшійся изъ Оверни, гдѣ онъ видѣлся съ нашимъ поэтомъ. Ему немедленно прочитали нѣсколько отрывковъ изъ сатиры и просили сказать свое мнѣніе. Показалъ ли Катуллинъ видъ, что ему извѣстно происхожденіе стихотворенія, или, дѣйствительно, онъ зналъ кое что, только онъ разразился смѣхомъ и началъ кричать, что стихи достойны того, чтобы ихъ вырѣзать золотыми буквами на трибунѣ или даже въ самомъ Капитоліи. Въ умѣ Пеонія, на котораго особенно обрушилась злость сатирика, мелькнула мысль повредить Сидонію и онъ объявилъ, что теперь дѣло ясно: Катуллинъ только что воротился изъ Оверни и знаетъ однакоже болѣе, чѣмъ они, безуспѣшно отыскивающіе въ самомъ Арлѣ автора сатиры. Очевидно, она написана Сидоніемъ, который еще прежде сообщилъ ее своему пріятелю. Открытіе, сдѣланное Пеоніемъ, быстро разнеслось по городу, и когда пріѣхалъ ничего не подозрѣвавшій Сидоній и явился на форумѣ послѣ представленія императору, его поразила перемѣна во всѣхъ, кто попадался ему на встрѣчу. Въ то время какъ одни, какъ бы изъ страха унижались передъ нимъ, другіе, чтобы не кланяться, заходили за статуи, прятались за колонами или угрюмо проходили мимо. Изумленный Сидоній не зналъ, что подумать, пока не раскланялся съ нимъ и не завелъ разговора одинъ знакомый, вѣроятно, подосланный его врагами. Видишь, что случилось, сказалъ онъ. Вижу и не знаю что думать, отвѣчалъ нашъ поэтъ. —Тебя ненавидятъ и боятся, какъ сатирика. Сидоній понялъ, въ чемъ дѣло и сдѣлавъ было сгоряча нѣсколько вопросовъ: какъ, почему,

кто донесъ, гдѣ доказательство? одумался и сказалъ съ спокойной улыбкой: ступай, другъ, и, если это не затруднитъ тебя, потрудись спросить ихъ отъ моего имени, развѣ доносчикъ, обвиняющій меня въ сочиненіи сатиры, обвиняетъ также и въ ея распространеніи? не безопаснѣе ли будетъ заблаговременно перестать важничать передо мною? Объявленіе произвело свое дѣйствіе. Поцалуи и пожатія рукъ стали по прежнему встрѣчать Сидонія; только Пеоній на носилкахъ поспѣшилъ убраться домой, обвиняя своихъ сообщниковъ въ малодушіи. Изъ разсказа можно однакоже заключить, что дѣло шло о какой нибудь политической сатирѣ, за которую могъ сильно пострадать авторъ, еслибы случайно открылись улики въ ея сочиненіи. Изъ многихъ мѣстъ писемъ Сидонія видно и то, какъ боялись высказывать какое нибудь неудовольствіе правительственными мѣрами и какъ опасны были доносы. Дѣло съ сатирой не кончилось впрочемъ этимъ. «На другой день, разсказываетъ Сидоній, императоръ пригласилъ насъ къ себѣ ужинать послѣ игръ въ циркѣ. Первый съ лѣвой стороны [1]) возлежалъ Севериан, консулъ этого года, сохранившій свою любезность среди смѣнъ цезарей и волненій имперіи; подлѣ него Магнъ, прежній префектъ преторіи, только что сложившій съ себя консульское достоинство и равно достойный занимать ту и другую должность; за нимъ его племянникъ Камиллъ,

---

[1]) Столъ, около котораго возлежали гости Майоріана, назывался sigma и имѣлъ форму подковы Кругомъ него было поставлено ложе, на которомъ помѣщались обѣдающіе, числомъ не болѣе 7 или 8. Самое почетное мѣсто было на правой оконечности стола (cornu); его занималъ самъ Майоріанъ. Затѣмъ по степени почета слѣдовало лѣвое крыло, гдѣ на этотъ разъ возлегалъ Севериан, консулъ этого года. Мѣсто было тѣмъ почетнѣе, чѣмъ ближе къ лѣвой оконечности. Сидоній, какъ младшій по званію, занялъ послѣднимъ, т. е. ближе всего къ правому концу и подлѣ самого императора См. примѣч. къ Сидонію изд. Grégoire et Collombet. t. I p 123 et seq.

самъ перешедшій черезъ обѣ должности и одинаково украшавшій собою и проконсульство отца и консульство дяди. Далѣе Пеоній и Атеній, испытанный превратностями времени и обстоятельствъ. Подлѣ Атенія возлежалъ Граціанензисъ, человѣкъ, чистый отъ всякаго нареканія и который, если уступалъ Северіану въ почестяхъ, бралъ надъ нимъ перевѣсъ расположеніемъ къ нему императора. Послѣдній возлежалъ съ правой стороны государя. Когда уже кончена была бо́льшая часть ужина, цезарь обратился съ нѣсколькими словами къ консулу и потомъ къ консуляру Магну, къ которому возвращался часто, потому что разговоръ былъ о литературѣ; случайно потомъ онъ обратился къ знаменитому Камиллу. У тебя такой дядя, братъ Камиллъ, что я радуюсь, доставивъ въ его лицѣ одно консульство твоему роду. Камиллъ, который самъ желалъ подобнаго званія, отвѣчалъ во время: не одно, государь, а первое. Отвѣтъ принятъ былъ съ громкими рукоплесканіями, среди которыхъ на минуту позабыли даже о должной почтительности къ цезарю. Послѣ того, не помню о чемъ-то спрошенъ былъ Атеній, такъ что случайно или съ намѣреніемъ, но рѣчь Августа миновала Пеонія, лежавшаго выше Атенія. Перенося съ досадой это униженіе, Пеоній сдѣлалъ еще хуже: онъ отвѣчалъ на вопросъ прежде, чѣмъ успѣлъ вымолвить слово тотъ, къ кому была обращена рѣчь. Августъ разсмѣялся, потому что, сохраняя, вполнѣ свое достоинство, онъ былъ непринужденно веселъ, когда бесѣдовалъ запросто. Этотъ смѣхъ далъ возможность Атенію вполнѣ отмстить за полученное оскорбленіе. Оправился хитрый старикъ и, все еще взволнованный досадой на то, что Пеоній перебилъ его, сказалъ: не дивлюсь, государь, что Пеоній перехватилъ мое мѣсто, когда ему не совѣстно перебивать и твою рѣчь. Широкое поле, примолвилъ Граціанензисъ, откроетъ эта ссора для сатириковъ. Тогда императоръ, обратившись ко мнѣ сказалъ: я слышалъ, графъ

Сидоній [1]), что ты пишешь сатиру. Я также слышалъ, государь, отвѣчалъ я. Пощади насъ, прибавилъ Майоріанъ съ улыбкой. —Я щажу самого себя, удерживаясь отъ противозаконныхъ поступковъ [2]). Что же мы сдѣлаемъ съ тѣми, которые тебя обвиняютъ, сказалъ императоръ, спустя нѣсколько времени. — Кто бы они ни были, государь, пусть обвинятъ меня публично, пусть подвергнусь я заслуженной казни въ случаѣ улики; но, если обвиненіе окажется невѣроятнымъ и недоказаннымъ, я молю, какъ о милости, чтобы ты позволилъ мнѣ въ предѣлахъ законности писать все, что мнѣ вздумается, о моемъ обвинителѣ. Взглянувъ на Пеонія, императоръ, какъ бы въ нерѣшимости, спросилъ у него, совершенно растерявшагося, нравится ли ему условіе? Но когда смущенный Пеоній молчалъ и только румянецъ, покрывшій лице, отвѣчалъ за него: я согласенъ, сказалъ императоръ, если ты тотчасъ изложишь стихами твою просьбу. Пусть будетъ такъ, отвѣчалъ я и оборотился назадъ, какъ бы прося воды, чтобы умыть руки. Помедливъ не болѣе того времени, которое нужно проворной прислугѣ, чтобы обѣжать около полукруглаго ложа, я снова оперся локтемъ на подушку. Что же, сказалъ императоръ, ты обѣщался стихами просить у меня позволенія писать сатиру? —Я умоляю, великій государь, произнесъ я, чтобы ты далъ такое рѣшеніе: кто обвиняетъ меня въ сочиненіи сатиры, пусть докажетъ это или страшится [3]).

---

[1]) *Comes Sidoni.* Ex eo genere comitum, ut opinor, qui honorarii tantum et sine administratione fuerunt, Constantini Aug. Vetere instituto ut docet Eusebius de vita ejus l. IV. nota Sirmondi ad Sidonium. Editio MDCLII. Parisiis p. 24.

[2]) За личную сатиру по римскимъ законамъ наказывали очень строго. Законы XII таблицъ присуждали смерть. Изъ Горація видно, что въ его время наказывали тѣлесно.

[3]) Scribere me satyram qui culpat, maxime princeps,
Hanc rogo decernas, aut probet, aut timeat

Загремѣли рукоплесканія, могу сказать безъ хвастовства, равныя тѣмъ, которыя послѣдовали за отвѣтомъ Камилла; они были вызваны не столько достоинствомъ стиховъ, сколько быстротою импровизаціи. Клянусь Богомъ и благосостояніемъ государства, сказалъ Майоріанъ, я ни какъ не запрещаю тебѣ писать, что хочешь, потому что взводимое на тебя преступленіе никакъ не можетъ быть доказано; къ тому же и несправедливо замѣшивать верховную власть въ частныя ссоры и заподозривать невиннаго и надежнаго благороднаго человѣка въ неизвѣстномъ преступленіи вслѣдствіе извѣстной всѣмъ ненависти къ нему обвинителя. Когда я, почтительно склонивъ голову, благодарилъ за рѣшеніе, у моего оратора побѣднѣли губы, и страхъ заступилъ мѣсто дерзости. Малаго не доставало, чтобы онъ не охолодѣлъ, какъ человѣкъ, приговоренный къ смертной казни. Немного погодя, мы поднялись. Когда, отойдя нѣсколько поодаль отъ императора, мы стали надѣвать хламиды, консулъ бросился мнѣ на шею, префектъ схватилъ меня за руку, и мой благопріятель постыднымъ образомъ унижался, чтобы только возбудить къ себѣ сожалѣніе. Я опасался, чтобы просьбами онъ не возбудилъ противъ меня ненависти, которую не могъ возбудить клеветою. Уступая наконецъ усильнымъ просьбамъ окружившихъ меня вельможъ, я объявилъ ему, что не буду отвѣчать стихами на его козни, если только онъ не возобновитъ ихъ. Теперь я удовлетворенъ тѣмъ, что обвиненіе въ сочиненіи сатиры доставило мнѣ славу, покрывъ стыдомъ его самого. Вообще, я могъ наказать въ Пеонiи не только клеветника, но и распространителя клеветъ. Удовлетвореніе было впрочемъ слишкомъ достаточно; сильные и знатные вельможи со слезами почти умоляли простить виновному и, признаюсь, клевета была мнѣ полезна, потому что кончилась къ моей славѣ [1])».

[1]) Sid. Epist. I. 11.

Экспедиція противъ Вандаловъ кончилась, какъ извѣстно, неудачей. Приготовленія къ ней произведены были въ огромныхъ размѣрахъ и съ необыкновенною дѣятельностію [1]). Многочисленный флотъ собранъ былъ въ гавани Картагены, и Галлія, не смотря на истощеніе силъ безпрестанными налогами, охотно выплачивала денежное пособіе [2]). Въ маѣ 460 года Майоріанъ съ многочисленною арміею, къ которой присоединились сильные отряды Вестготовъ, былъ уже въ Сарагоссѣ, и король Вандаловъ, тщетно просившій мира, опустошеніемъ Мавританіи готовился къ отчаянной защитѣ, когда измѣна предала въ его руки флотъ Римской имперіи [3]). Напряженное усиліе Рима, вызванное послѣднимъ доблестнымъ императоромъ, осталось безъ результатовъ. Скоро не стало и Майоріана. Поспѣшивъ на защиту Италіи отъ Аллемановъ, онъ погибъ 7 августа 461 года недалеко отъ Тортоны. Не трудно угадать, съ какой стороны шелъ ударъ, направленный противъ знаменитаго полководца. Приказавъ Сенату избрать преемникомъ Майоріана ничтожнаго Либія Севера, Рицимеръ показалъ, какихъ качествъ искалъ онъ въ лицѣ, долженствовавшемъ занимать римскій престолъ. Императоръ съ достоинствами Майоріана не могъ ужиться съ свевскимъ предводителемъ;

---

[1]) Interea duplici texis dum littore classem
Inferno superoque mari, cadit omnis in aequor
Silva tibi, nimiumque diu per utrumque recisus,
Appenine, latus, navalique arbore dives,
Non minus in pelagus nemorum quam mittis aquarum.
Sid. Paneg. Major. v. 441.

[2]) Gallia continuis quanquam sit lassa tributis,
Hoc sensu placuisse cupit nec pondera sentit
Quae prodesse probat.
Ibid. v. 446.

[3]) Aliquantes naves, quas sibi ad transitum adversum Vandalos praeparabat de litore Carthaginiensi commoniti Vandali per proditores abripiunt. Idat. Chron Bibl. Max. Part. VII p. 1236.

кто нибудь изъ нихъ долженъ былъ сойти со сцены и если великодушный преемникъ Авита не понималъ или не хотѣлъ понять этого, то опасеніе изощряло проницательность Рицимера, который ясно видѣлъ, какъ понижалось его значеніе по мѣрѣ того, какъ выросталъ въ глазахъ и въ любви народа возведенный имъ на престолъ императоръ.

Павійскій епископъ Эннодій оставилъ потомству трогательную эпитафію Майоріану. «Пирамиды, говоритъ онъ, вѣчной громадой покрываютъ прахъ недостойныхъ властителей; оставь же доблестнымъ ихъ убогую гробницу» [1]). У Сидонія, называвшаго себя поэтомъ Майоріана, мы не найдемъ ни одного стиха, въ которомъ бы высказалось скорбное чувство о преждевременной кончинѣ его вѣнчаннаго покровителя. Не найдя другихъ выраженій, кромѣ пошлыхъ и заученныхъ фигуръ риторства, для прославленія подвиговъ своего героя, онъ не съумѣлъ или не посмѣлъ выразить того впечатлѣнія, которое произвела на него вѣсть о смерти Майоріана. Переворотъ, совершившійся по волѣ Рицимера, не остался однако же безъ вліянія на Сидонія. Во все продолженіе правленія Севера (съ августа 461 по августъ 465 года) и въ промежутокъ времени отъ кончины этого призрачнаго властителя имперіи до прибытія Антемія въ Италію въ 467 г., онъ не принимаетъ никакого участія въ политическихъ событіяхъ; какъ будто печальная участь двухъ послѣднихъ правленій, изъ которыхъ каждое привѣтствовалъ онъ, какъ новую эру возрожденія ветхой имперіи предсказаніями славной и долгой будущности, потрясла въ немъ всю вѣру въ судьбы Рима, внушивъ ему, по крайней мѣрѣ на время, глубокое отвращеніе отъ государственной дѣятельности. До такой степени полно отреченіе

1) Pyramidam indignis nunc prospice mole perenni;
Vilia principibus linque sepulcra piis.
Ennodii epigr. N 135.

отъ всякаго, даже посредственнаго участія въ совершавшихся событіяхъ, что при всемъ стараніи, въ сочиненіяхъ Сидонія невозможно найти ни одного намека на образъ его мыслей о томъ, что происходило кругомъ его. Правда, Сидоній и въ другихъ случаяхъ высказывается весьма осторожно, давая просторъ только, такъ сказать, оффиціальнымъ чувствамъ въ своихъ панегирикахъ. Тѣмъ не менѣе, Сидоній, проговаривавшійся иногда при Авитѣ, Майоріанѣ, Антеміи и даже во время своего епископства и дававшій возможность опредѣлить или угадать его отношенія къ тому или другому событію, его политическія симпатіи или антипатіи, хранитъ упорное молчаніе во все время отъ смерти Майоріана до 467 года Самое имя Севера только разъ встрѣчается во всемъ собраніи писемъ и стихотвореній Сидонія. «Северъ Августъ, говоритъ панегиристъ Антемія [1]), подчинясь общему закону природы, умножилъ собою число боговъ. «Кромѣ этой оффиціальной фразы ничего не находимъ у Сидонія. Какой бы строгій приговоръ ни произнесла исторія надъ Сидоніемъ, какъ дѣятелемъ политическимъ, историкъ не безъ чувства нѣкотораго удовольствія смотритъ на временное его удаленіе со сцены практической и служебной дѣятельности.

Все это время было посвящено Сидоніемъ литературѣ и хозяйственнымъ занятіямъ. Къ этому же времени относятся и его поѣздки въ различныя области Галліи, родъ литературныхъ путешествій, въ продолженіе которыхъ онъ сблизился съ тѣми изъ своихъ ученыхъ собратій, которыхъ до сихъ поръ онъ зналъ только по имени. Такъ въ 461 году, по мнѣнію ученыхъ издателей литературной исторіи Франціи [2]), онъ

[1]) Auferat Augustus naturae lege Severus
Divorum numerum.
Paneg. Anthemio v. 317.

[2]) Hist. Litt. de France II, 433. Поэма Сидонія должна быть написана во всякомъ случаѣ прежде 466 года, т. е прежде, чѣмъ Евриxъ

былъ въ Нарбоннѣ, гдѣ приняла его фамилія Консенціевъ, гдѣ Сидоній познакомился со всѣми сколько нибудь замѣчательными членами мѣстной аристократіи и завязалъ съ ними дружескія сношенія. Время проходило въ визитахъ или въ веселыхъ пирахъ въ домѣ Консенція [1]), и Сидоній въ своей поэмѣ сохранилъ благодарное воспоминаніе о многихъ изъ числа своихъ нарбоннскихъ друзей; имена другихъ онъ долженъ былъ пройти молчаніемъ, потому что они не легко подчинялись метру [2]). Къ этому же времени относится и его первая поѣздка въ Бордо, гдѣ точно также, какъ въ Нарбоннѣ, встрѣтилъ ліонскаго поэта радушный пріемъ со стороны его ученыхъ и аристократическихъ знакомыхъ. Передъ отъѣздомъ въ Бордо Сидоній послалъ туда посланіе къ Таліи, которое должно было предупредить объ его прибытіи [3]). «Скажи Орфею, говоритъ Сидоній своей Музѣ: идетъ Фебъ и, оставивъ почтовыхъ лошадей, уже разсѣкаетъ веслами Гаронну, покрытую парусами; онъ приказываетъ тебѣ, чтобы ты спѣшилъ къ нему

сдѣлался королемъ Готовъ. Леонъ Нарбоннскій, бывшій его министромъ, жилъ еще въ Нарбоннѣ во время пребыванія тамъ Сидонія.

[1]) O dulcis domus, o pii penates,
Quos, res difficilis sibique discors,
Libertas simul excolit pudorque!
O convivia, fabulae, libelli,
Risus, serietas, dicacitates,
Occursus, comitatus unus idem!
Carm. XXIII v. 436.

[2]) Seu quoscumque alios videre fratres
Cordi utrique fuit, quibus vacasse
Laudandum reor occupationem.
Horum nomina cum referre versu
Affectus cupiat, metrum recusat.
Ibid. v. 481.

[3]) Dilectae nimis et peculiari *Phoebus* commonitorium Thaliae. Cм. Sid. l. VIII ep. 11. ad Lupum. Фебомъ, какъ мы уже знаемъ, называлъ Сидонія Лампридій, получившій взаимѣнъ имя Орфея. Ibid.

на встрѣчу, приготовивъ впрочемъ напередъ квартиру. Скажи также Леонцію [1]), сыну благородной Ливіи, скажи ему: Фебъ скоро пріѣдетъ. Повидай потомъ остроумнаго Рустика, у котораго деревенскаго одно только имя [2]). Если ихъ дома уже заняты, ступай скорѣй къ жилищу епископовъ и, облобызавъ руку св. Галлицина [3]), проси пристанища подъ его скромною кровлею. А то, въ случаѣ отказа, мнѣ придется печально идти въ гостинницу, набитую пьяницами, и со вздохомъ зажимать носъ отъ дыма кухни, гдѣ пахнутъ тминомъ красныя колбасы, развѣшанныя на веревкахъ, и испаренія со звенящихъ блюдъ мѣшаются съ дымнымъ запахомъ масла. Тамъ въ праздникъ раздадутся хриплые звуки пѣсенъ и начнутся веселые споры паразитовъ; меня разбудитъ Муза какого нибудь пьянаго посѣтителя, и тогда, о, тогда я сдѣлаюсь болѣе варваромъ, чѣмъ онъ, и пробормочу вамъ стихи, васъ достойные!» До этой крайности не доведенъ былъ впрочемъ Сидоній. Изъ письма къ Тригецію [4]), относящагося къ этому же времени, видно, что онъ жилъ въ домѣ богатаго бордоскаго сенатора, котораго пиры напоминали великолѣпіе и роскошь Клеопатры и который пышностію превосходилъ своихъ согражданъ. Едва ли это не былъ Леонцій, котораго Сидоній въ томъ же письмѣ называетъ безспорно первымъ между Аквитанцами [5]). До вступленія на престолъ Антемія и послѣ

---

[1]) Понцій Леонцій, котораго замокъ, построенный при слiяніи Дордоны съ Гаронной, описанъ Сидоніемъ въ стихотвореніи XXII.

[2]) Смотри письмо Сидонія къ Рустику, I. II ep. 11, гдѣ онъ называетъ его .domino illustris. Эти два мѣста у Сидонія и письмо Рустика къ св. Евхерію Ліонскому, найденное Сирмондомъ, составляютъ все, что мы знаемъ объ этомъ лицѣ.

[3]) Мы знаемъ о существованіи Галлицина только изъ этого указанія Сидонія.

[4]) Sid. Epistol. I. VIII, 12.

[5]) Ecce Leontius meus facile primus Aquitanorum. Ib.

смерти Майоріана посѣтилъ проѣздомъ Сидоній и Ріесъ. Это было знойнымъ лѣтомъ, какъ мы узнаемъ изъ благодарственнаго посланія Сидонія къ Фаусту [1]), заступившему въ 462 г. мѣсто Максима на епископской каѳедрѣ этого города. Не смотря на полуязыческія привычки и легкомысленный характеръ Сидонія, мы находимъ его уже и въ этомъ періодѣ его жизни въ близкихъ отношеніяхъ къ высшему духовенству Галліи. Въ Нарбоннѣ онъ былъ почти постояннымъ посѣтителемъ жилища епископа; въ Бордо Муза Сидонія должна была обратиться къ Галлицину; у Фауста въ Ріесѣ ліонскій поэтъ находитъ помѣщеніе, благословеніе, столъ и ночлегъ [2]). Самые переѣзды изъ одной провинціи въ другую прерывались болѣе или менѣе продолжительными остановками въ деревенскихъ резиденціяхъ галлоримскихъ аристократовъ. Сидоній разсказываетъ въ одномъ письмѣ, что̀ замедлило однажды его возвращеніе изъ Нима въ Овернь [3]). Аполлинарій и Ферреолъ, богатые владѣльцы двухъ сосѣднихъ помѣстьевъ, Вороанга и Прузіана, расположенныхъ по берегамъ Гордона, разставили повсюду сторожевыхъ, какъ скоро услышали о путешествіи Сидонія. «Не только большія дороги, говоритъ онъ, были заняты, не только проселки, но даже тропинки, посѣщаемыя одними пастухами. Мы попались въ засаду, что̀,

---

[1]) Carm. XVI Eucharisticum hd Faustum, Reiensem Episcopum.

[2]) Hospite te, nostros excepit protinus aestus
Pax, domus umbra, latex, benedictio, mensa, cubile.
Ib. v. 80 et seq.

[3]) О мѣстоположеніи этихъ виллъ См. Грегуара и Коломбе изданіе Сидонія Т. I. p. 220. примѣчаніе къ 9 письму II книги. Тамъ приведено изслѣдованіе Аббата Тейссье (Teissier), старавшагося доказать происхожденіе французскихъ королей отъ Ферреола. Prusianum и Boroangus находились въ равнинѣ Alais. Прузіанская вилла Ферреола была на правомъ берегу Гордона на мѣстѣ нынѣшняго Bresis, Вороангусъ Аполлинарія на противоположной сторонѣ рѣки около нынѣшняго Beringueri. Дорога изъ Нима шла недалеко отсюда.

признаюсь, не было намъ очень непріятно, и принуждены были тотчасъ же дать торжественное обѣщаніе, что не будемъ думать о продолженіи нашего пути прежде, чѣмъ пройдетъ недѣля [1])». Нужно читать у Сидонія его подробный разсказъ о томъ, какъ проводилъ онъ время въ роскошныхъ виллахъ Ферреола и Аполлинарія.

Съ другой стороны деревенская жизнь и хозяйственныя распоряженія поглощали все время, остававшееся отъ литературныхъ занятій владѣльца Авитакума. Въ кругу семейства и сосѣднихъ помѣщиковъ [2]), въ дѣятельной перепискѣ съ литераторами Галліи искалъ Сидоній отдыха отъ политической дѣятельности, въ которую бросился было со всѣмъ увлеченіемъ молодости и изъ которой вынесъ только нравственное утомленіе и горькое чувство обманутыхъ надеждъ. Въ овернскомъ помѣстьѣ старался забыть Сидоній и покореніе его родины

[1]) Cм. Sid. I. II, ep. 9.

[2]) Къ этому времени, по всей вѣроятности, относится слѣдующее письмо Сидонія къ Маврузію. «Я слышу, что сборъ винограда соотвѣтствовалъ и твоей заботливости, и общимъ желаніямъ болѣе, чѣмъ можно было ждать отъ неурожайнаго года. И такъ я думаю, что ты останешься еще въ Віалосцѣ, мѣстечкѣ, которое въ прежніе годы носило названіе Марціала по случаю зимовки тамъ легіоновъ Юлія Цезаря. Тамъ у тебя обильные виноградники и помѣстье, обширностію достойное такого владѣльца; разнообразіемъ плодовъ и мѣстности оно, вѣроятно, надолго удержитъ тебя и твое семейство. Если ты вздумаешь, наполнивъ житницы и амбары, провести тамъ передъ каминомъ и въ деревенскомъ спокойствіи (tunicata quiete) снѣжные мѣсяцы Януса и Нумы (Январь и Февраль) до тѣхъ поръ, пока прилетятъ ласточки и аисты; мы съ нашей стороны тоже споро окончимъ въ городѣ не очень-то выгодныя дѣла, которыя насъ тамъ задерживаютъ, и въ то время, какъ ты будешь наслаждаться деревней, мы будемъ наслаждаться твоимъ присутствіемъ . Ты знаешь, что мы не столько дорожимъ помѣстьемъ съ богатымъ доходомъ, сколько пріятностію имѣть добраго сосѣда (vicinus aequalis cum bonis moribus)· Sid. Epist. I. II, 14, Pagus Vialoscensis, по мнѣнію Саварона и Сирмонда, ученыхъ издателей Сидонія, соотвѣтствуетъ мѣстечку Марціалъ (Martial) недалеко отъ Ріома.

Бургундами и вообще положеніе дѣлъ въ Галліи. Мы не можемъ однакоже не остановиться нѣсколько на судьбѣ этой провинціи въ періодъ времени отъ смерти Майоріана до вступленія Антемія. Событія были слишкомъ важны, къ тому же и ліонскій поэтъ недолго остался въ сторонѣ отъ политической дѣятельности. Сидоній вовсе не принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя, разъ потративъ напрасно силы и увѣрившись въ невозможности дѣйствовать сообразно съ своими убѣжденіями, отрекаются навсегда отъ прежней дѣятельности. Вся жизнь его представляетъ безпрестанныя колебанія между яснымъ, повидимому, пониманіемъ безпомощности общественнаго положенія и надеждами на возможность лучшаго будущаго. Тѣ переходы отъ унынія къ обманчивой увѣренности, которые мы имѣли случай замѣтить въ его взглядѣ на современное состояніе литературы, еще рѣзче обнаруживаются въ его пониманіи исторіи своего времени. Какъ будто живой, увлекающійся и легкомысленный характеръ мѣшалъ ему вдуматься въ положеніе современнаго общества и спасалъ его отъ отчаянія, давая возможность убаюкиваться несбыточными надеждами. Близкій свидѣтель событій въ правленіе Авита и Майоріана, Сидоній сохранилъ однако убѣжденіе, что съ перемѣной лица можетъ измѣниться и самое положеніе, какъ будто гибели этихъ двухъ лучшихъ властителей падающаго Рима было недостаточно, чтобы показать все безсиліе личности противъ неудержимаго хода событій. Личности открывался почти безграничный просторъ къ дѣятельности, совпадавшей съ общимъ направленіемъ; паденіе римскаго міра могло быть ускорено частными усиліями, но никакая доблесть и самоотверженіе не могли побѣдить зла. Сидоній не понималъ этого, и какъ скоро во главѣ управленія явилось лице, чистое отъ упрековъ и могшее возбудить симпатію своими нравственными достоинствами, онъ съ новымъ жаромъ бросился въ практическую

дѣятельность, какъ бы желая вознаградить себя за годы принужденнаго бездѣйствія, которое видимо его тяготило. Нуженъ былъ новый опытъ для того, чтобы Сидоній окончательно убѣдился въ безполезности усилій и на епископской каѳедрѣ искалъ общественнаго значенія и дѣятельности, безъ которыхъ не могъ существовать.

Смерть Майоріана произвела сильное потрясеніе, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ людяхъ, кто принималъ еще близко къ сердцу честь имперіи. Марцелліанъ, бывшій правителемъ Сициліи, бросился съ небольшимъ числомъ вѣрныхъ приверженцевъ въ Далмацію, гдѣ образовалъ себѣ независимое владѣніе. Во главѣ управленія Галліею стоялъ Эгидій, возведенный Майоріаномъ въ санъ начальника войскъ этой провинціи. Эгидій, котораго современные анналисты называютъ Римляниномъ, хотя по нѣкоторымъ указаніямъ и по положительному свидѣтельству Приска можно заключить объ его галлоримскомъ происхожденіи, не былъ вовсе человѣкомъ, способнымъ равнодушно выносить наглое господство Свева Рицимера, тѣмъ болѣе, что онъ могъ найти средства для борьбы съ нимъ. Счастливый случай доставилъ ему власть надъ самымъ храбрымъ изъ германскихъ племенъ, утвердившихся въ Галліи, именно надъ Франками. Тамъ по смерти Меровига (457 г.) возникли смуты, кончившіяся тѣмъ, что молодой вождь, заступившій мѣсто родоначальника Меровингской династіи, Хильдерихъ принужденъ былъ бѣжать за Рейнъ въ Тюрингію, а Франки, по словамъ Григорія Турскаго, единодушно избрали королемъ Эгидія [1]). Событіе странное, породившее много нелѣпыхъ объясненій со стороны позднѣйшихъ историковъ Франціи. Исторія Хильдериха, разсказанная благочестивымъ епископомъ

[1]) Denique Franci hoc (Childerico) ejecto, Aegydium sibi.... unanimiter regem adsciscunt. Greg. Turon. Franc. II, 12.

Тура, очевидно, взята изъ народныхъ преданій и пѣсенъ франкскаго племени точно такъ же, какъ и разсказъ о происхожденіи Меровига. Франки, по словамъ саги, занесенной Фредегаріемъ въ его сокращеніе исторіи Григорія Турскаго, изгнали Хильдериха за разгульную жизнь и за посягательство на честь дочерей ихъ. Около шести лѣтъ пробылъ изгнанный вождь въ далекой Тюрингіи при дворѣ короля Базина, въ Греціи или въ Римѣ. Вѣрный дружинникъ подготовилъ ему возможность возврата и, сдѣлавшись снова королемъ Франковъ, Хильдерихъ началъ ожесточенную борьбу съ Эгидіемъ. Вслѣдъ за нимъ явилась въ Галлію и Базина, жена тюрингскаго куннига, и на вопросъ удивленнаго Хильдериха, зачѣмъ совершила она такой далекой путь, сказала: Я знаю твою доблесть и пришла жить съ тобою, потому что, да будетъ тебѣ извѣстно, если бы гдѣ нибудь за моремъ я услышала о человѣкѣ, превосходившемъ тебя мужествомъ, я пошла бы и туда искать его сожительства. Съ радостію приняль ее Хильдерихъ и назвалъ своею женой. Въ первую же ночь брака онъ узналъ участь своего потомства. Базина трижды посылала его къ воротамъ дворца, чтобы посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Въ первый разъ король Франковъ увидѣлъ львовъ, единороговъ и леопардовъ; во второй разъ волковъ и медвѣдей и наконецъ въ третій мелкихъ животныхъ, похожихъ на собакъ, которыя грызлись между собою. Базина истолковала ему пророческій смыслъ этого видѣнія [1]). Такъ народная фантазія миѳическимъ покровомъ облекла происхожденіе Меровингской династіи, и разрозненные отрывки германскихъ сагъ, занесенные въ разсказъ современныхъ анналистовъ, составляютъ почти единственный источникъ для начальной исторіи Франковъ. Избінаре

[1]) Historia Francorum epitamata per Fredegarium Scolasticum XI и XII. У Григорія Турскаго разсказано то же самое преданіе только съ меньшими подробностями, см. I. II, 12.

королемъ Эгидія является событіемъ небывалымъ въ исторіи германскихъ племенъ, хотя не разъ римское правительство своимъ вліяніемъ доставляло власть въ руки своихъ приверженцевъ. Разсказъ Фредегарія, не смотря на явное заимствованіе изъ германской саги или даже на буквальный переводъ ея, можетъ нѣсколько объяснить слишкомъ краткое и сжатое извѣстіе Григорія Турскаго. Віомадъ, по словамъ Фредегарія, этотъ тайный приверженецъ изгнаннаго Хильдериха, выдававшій себя за друга Римлянъ, былъ сдѣланъ королемъ Франковъ въ зависимости впрочемъ отъ римскаго правителя Галліи [1]). Съ принятіемъ этого извѣстія, избраніе Эгидія теряетъ свой исключительный характеръ. Какъ бы то ни было, Франки нѣсколько времени вѣрно служили Эгидію [2]). Между начальникомъ войскъ Галліи и Рицимеромъ началась борьба, сначала интригами, потомъ открытою силою. Оба противника не отличались особенной разборчивостію въ средствахъ вредить другъ другу. Эгидій, Римлянинъ по преимуществу, какъ называютъ его современники, немногимъ уступалъ Рицимеру въ этотъ отношеніи. Онъ располагалъ силами Франковъ, арморикскихъ Бриттовъ и частію Аллемановъ; Бургунды были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Рицимера. Гундіохъ Бургундскій былъ зять свевскаго предводителя и, послѣ открытаго возстанія Эгидія, получилъ отъ Севера званіе начальника римскихъ войскъ въ Галліи. Въ краткихъ извѣстіяхъ современниковъ мы встрѣчаемъ колебаніе и нерѣшительность

[1]) Wiomadus, amicus Childerici, ad Aegidio *subregulus* Francis instituitur, ejusque consilio omnes Francos singulis aureis tributavit. Fredeg. Hist. Franc. Epitom. XI.

[2]) По словамъ Григорія Турскаго, Эгидій 8 лѣтъ былъ королемъ Франковъ. Greg. Tur. II, 12. Изгнаніе Хильдериха можно положить въ 457 г.; смерть Эгидія относится къ концу 464 или къ началу 465 г. Григорій Турскій дѣлаетъ невѣроятное предположеніе, что Эгидій сохранилъ власть надъ Франками и по возвращеніи Хильдериха; этимъ объясняется счетъ его.

общественнаго мнѣнія о характерѣ этой борьбы и ея значеніи для Галліи. Еще въ 461 году Агриппинъ, присланный изъ Италіи на важное мѣсто начальника нарбоннской провинціи, заключилъ по приказу Рицимера тайный договоръ съ Теодерихомъ Вестготскимъ, чтобы вооружить его противъ Эгидія. Въ угоду готскому королю смѣненъ былъ начальникъ римскихъ войскъ въ Испаніи, назначенный еще Майоріаномъ, и его мѣсто занялъ по указанію Теодериха Арборій, одинъ изъ тѣхъ Галлоримлянъ, которые толпились при дворахъ варварскихъ королей [1]). Агриппинъ долженъ былъ сверхъ того впередъ заплатить Готамъ за ихъ содѣйствіе Рицимеру и предать въ ихъ руки Нарбонну, которою они пытались овладѣть такъ часто. Когда Эгидій открывшій умыселъ, обвинилъ Агриппина въ государственной измѣнѣ и представилъ явныя доказательства его сдѣлки съ Теодерихомъ, римскій сенатъ послѣ короткаго изслѣдованія дѣла присудилъ преступника къ смерти. Могущественный варваръ, стоявшій во главѣ управленія, далъ тотчасъ почувствовать сенаторамъ неумѣстность ихъ патріотизма и уличенный, приговоренный къ казни измѣнникъ выслушалъ свое полное оправданіе въ стѣнахъ, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ тѣ же самые судьи произнесли надъ нимъ смертный приговоръ. Авторъ жизнеописанія Св. Лупицина, у котораго сохранилось извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, явно расположенъ къ Агриппину и чудомъ объясняетъ его освобожденіе изъ темницы [2]). Еще яснѣе высказывается эта нерѣшительность общественнаго мнѣнія въ тѣхъ краткихъ извѣстіяхъ, которыя дошли до насъ объ открытой борьбѣ Эгидія съ Рицимеромъ. Въ самомъ дѣлѣ такъ мало было въ политическихъ событіяхъ этого времени общихъ интересовъ, такъ были они

[1]) Nepotianus *Theodorico ordinante*, Arborium accipit successorem. Idat. Chron. Bibl. Patr. VII, 1237.

[2]) См. Fétigny. Etudes sur l'époque Mérovingienne t. II 187.

перепутаны, что каждый составлялъ сужденіе лишь по своимъ личнымъ отношеніямъ къ той или другой враждующей партіи. За что бы ни ратовали оба противника, тотъ и другой мало имѣли въ виду собственно римскую имперію. Если Рицимеръ поднялъ на Эгидія Бургундовъ и Готовъ, воспользовавшихся случаемъ, чтобы расширить предѣлы своихъ владѣній въ Галліи, если Агриппинъ, снова присланный въ Нарбонну, впустилъ Готовъ въ этотъ городъ; то Эгидій въ свою очередь возбуждалъ придунайскихъ Аллемановъ вторгнуться въ верхнюю Италію и даже заключалъ союзъ съ непримиримымъ врагомъ римскаго имени, Гензерихомъ вандальскимъ. Не удивительно, что у того же Григорія Турскаго мы находимъ двѣ легенды, составленныя, очевидно, съ противоположныхъ точекъ воззрѣнія. Послѣ того какъ соединенныя силы Бургундовъ и Готовъ осадили римскаго вождя въ Арлѣ и онъ только отчаянной вылазкой могъ очистить себѣ выходъ, чтобы окольными путями пробраться въ сѣверную Галлію, въ народѣ ходилъ разсказъ о бѣсноватомъ, среди церкви объявившемъ о чудесномъ заступленіи св. Мартина [1]). Съ другой стороны, когда весной 463 года въ битвѣ недалеко отъ Орлеана погибъ Фридрихъ, братъ короля Вестготовъ, и Эгидій, преслѣдуя разбитаго непріятеля, занялъ область Тура и осадилъ остатки готскаго ополченія въ Шиноѣ, Максимъ, ученикъ св. Мартина, спасъ своими молитвами доведенныхъ до крайности осажденныхъ.

---

[1]) Aegidius quoque cum obsideretur ad hostibus, et excluso a se solatio, turbatus impugnaretur, per invocationem beati viri, fugatis hostibus liberatus est. Idque daemoniacus in medio basilicae, ipsa hora qua gestum fuerat, est professus sancti Martini obtentu hoc fuisse concessum. —Ex miraculorum S. Martini libr. primo excerpta c. II. Gregor. Turonens. Histor. Eccles. Franc. editio Guadet et Taranne Paris 1838 t. II p. 406. Болѣе подробный разсказъ объ этомъ находится въ стихотворномъ жизнеописаніи св. Мартина, составленномъ Павлиномъ, см. Bibl. Max. Part. t. VI p. 320.

По словамъ легенды, сохраненной тѣмъ же Григоріемъ Турскимъ, когда готскій гарнизонъ изнемогалъ отъ жажды, Максимъ обратился къ Богу, и обильный дождь надолго обезпечилъ потребности осажденныхъ, принудивъ Эгидія отступить отъ города [1]). Дѣятельность Эгидія получила характеръ національный съ того времени, какъ въ томъ же 463 году возвращеніе изъ Тюрингіи Хильдериха отняло у него самыхъ надежныхъ союзниковъ. Первымъ дѣломъ возвратившагося изъ изгнанія короля была ожесточенная война противъ Эгидія, и римскій полководецъ остался одинъ противъ соединенныхъ усилій всѣхъ варварскихъ народовъ, поселившихся въ областяхъ римской Галліи. Съ этого времени онъ является единственнымъ защитникомъ римской образованности и римскаго имени противъ напора варваровъ; названіе Римлянина, которое почти неразлучно съ его именемъ у современныхъ и позднѣйшихъ анналистовъ, по всей вѣроятности, заслужено было имъ въ эту пору его дѣятельности. Борьба была впрочемъ не по силамъ римскому вождю; онъ изнемогъ въ ней и умеръ въ Суассонѣ въ концѣ 464 или въ началѣ 465 года. Смерть его многіе приписывали отравѣ; воображеніе современниковъ до того было настроено къ тому, чтобы видѣть въ кончинѣ каждаго изъ политическихъ дѣятелей тайное убійство, что даже о Северѣ, этомъ послушнѣйшемъ исполнителѣ воли Рицимера, носились слухи, будто онъ палъ новою жертвою честолюбиваго варвара.

Результаты борьбы Эгидія съ убійцей Авита и Майоріана были самые печальные для Галліи. Со всѣхъ сторонъ вошли варвары въ области, еще свободныя отъ ихъ поселеній. Бургунды, уже владѣвшіе Ліономъ, раздвинули къ сѣверу предѣлы своихъ владѣній. Вестготы овладѣли, благодаря

---

[1]) Ex libro de gloria confessorum excerpta. cap. XXII ibid. t. II p. 582.

предательству Агриппина, Нарбоннской 1 провинціей до самыхъ береговъ Роны. Съ другой стороны все западное прибрежье Галліи, отъ Гаронны до Луары, или вторая Аквитанія, досталось въ ихъ руки [1]). Владѣнія Готовъ и Бургундовъ отдѣлили такимъ образомъ области средней Галліи, еще считавшія себя римскими, отъ Арля, центра римскаго управленія, и отъ провинцій: Нарбоннской 2 и приморскихъ Альповъ. На сѣверовостокѣ Франки Хильдериха, къ которымъ, по всей вѣроятности, присоединилось нѣсколько племенъ или дружинъ, прибывшихъ съ праваго берега Рейна [2]), опустошили сѣверныя части обѣихъ Бельгій и окончательно завладѣли Триромъ и Кельномъ. Въ 3 Ліонской провинціи Адовакръ, предводитель Саксовъ, захватилъ Анжеръ и утвердился въ его области, взявъ заложниковъ съ галлоримскаго населенія [3]). Галлія была истерзана опустошительными войнами; вражда Эгидія съ Рицимеромъ лишала ее не только матеріальной, но даже и нравственной помощи со стороны Рима; мало того, давала право варварамъ разорять ее во имя возстановленія законной власти императора Севера. Къ бѣдствіямъ войны присоединилась еще моровая язва, страшно свирѣпствовавшая въ Галліи [4]). Поэтому населеніе провинцій, еще не покоренныхъ варварами, съ жадностію ухватилось за

---

[1]) Нарбоннская 1 соотвѣтствовала Лангедоку или нынѣшнимъ департаментамъ: Haute—Garonne, Arriègès, за исключеніемъ округа Saint Giron; Aude, Hérault, Gard. Аквитанія II департаментамъ Vienne, Deux Sèvres, Vendée, Charente, Charente Inférieure, Dordogne, Lot et Garonne, Gironde, (прежнія области: Poitou, Aunis, Saintonge, Angoumois, Périgord, Bordelais, Agénois). См. Pétigny Tableau des 17 provinces de la Gaule Romaine. Etudes t II p. 394.

[2]) См. Fauriel Histoire de le Gaule Mérid. t. I. p. 287.

[3]) Adovacrius vero cum Saxonibus Andegavos venit. Quo (Aegidio) defuncto, Adovacrius de Andegavo et aliis locis obsides accepit. Greg. Turon. Hist. Franc. II, 18. Область Анжера — нынѣшній департаментъ Maine et Loire.

[4]) Magna tunc lues populum devastavit Greg. Turon. loco citato.

первую возможность примкнуть къ имперіи. Случай представился довольно скоро. Северъ не долго пережилъ Эгидія, и Рицимеръ, нѣсколько времени управлявшій одинъ имперіею, былъ вынужденъ обратиться къ восточному императору съ просьбою дать властителя западной половинѣ римскаго міра. Довольно долго тянулись переговоры, прежде чѣмъ сошлись въ условіяхъ. Императоръ Леонъ избралъ своимъ соправителемъ Антемія. Отецъ его, Прокопій, былъ патриціемъ и главнымъ начальникомъ войскъ Восточной имперіи и пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность въ войнахъ съ Персами. Дѣдъ, Антемій, былъ префектомъ и консуломъ. Самъ Антемій съ успѣхомъ сражался на Дунаѣ и въ Иллиріи съ Гуннами [1]). Личныя достоинства, образованность или даже ученость, если повѣрить на слово Сидонію, прославляющему близкое знакомство своего героя съ философскими системами древней Греціи, знатность происхожденія обратили на Антемія вниманіе императора Маркіана, отдавшаго за него дочь свою Евфимію [2]). Обращеніе огромной недвижимой собственности на содержаніе церквей и благотворительныхъ заведеній, много говоритъ въ пользу благочестія Антемія, хотя въ Римѣ и обнаружились сомнѣнія въ ортодоксіи новаго императора, котораго заподозрѣвали въ склонности къ манихейской ереси, хотя малочисленные приверженцы язычества даже возлагали на него нѣкоторыя надежды, основываясь на дружбѣ его съ языческимъ философомъ Северомъ [3]). По смерти Маркіана,

[1]) Этотъ эпизодъ изъ военной дѣятельности Антемія очень хорошо изложенъ у Амедея Тьерри въ его статьѣ: Fils et successeurs d'Attila.. Revue des deux Mondes 15 Juillet 1854.

[2]) Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ панегирика Антемію, написаннаго Сидоніемъ.

[3]) См. Gibbon edit. Buchon I, 858. Сомнѣніе высказывается также и въ житіи Св. Епифанія Павійскаго, написанномъ Эннодіемъ см. мѣсто, приведенное издателями Сидонія, Грегуаромъ и Колломбе I, p. 105.

Антемій могъ разсчитывать на престолъ Византіи, если бы Аспаръ, разыгрывавшій на востокѣ роль Рицимера, не предпочелъ облечь пурпуромъ Леона, одного изъ своихъ чиновниковъ. Антемій весьма равнодушно перенесъ потерю надеждъ; но въ видахъ новаго правительства было удалить изъ Константинополя человѣка, по всѣмъ правамъ стоявшаго ближе всѣхъ къ трону Леонъ и Аспаръ охотно взялись доставить Антемію западноримскую имперію. Разумѣется, прежде всего нужно было согласіе Рицимера, который принялъ свои предосторожности, и вынудилъ у Антемія руку его дочери. Съ многочисленной свитой отправился Антемій въ Италію и въ апрѣлѣ 467 года былъ провозглашенъ императоромъ. Его вступленіе на престолъ возбудило общую радость. Тѣсный союзъ обѣихъ имперій, обязательство, данное Леономъ, энергически дѣйствовать противъ Вандаловъ и общими силами привести въ исполненіе неудавшійся планъ Майоріана, нравственныя достоинства самого Антемія, частная жизнь котораго заслуживала полнаго уваженія и въ которомъ предполагалось болѣе твердости, чѣмъ оказалось въ послѣдствіи, все это заставляло ожидать лучшихъ дней для имперіи. Марцелліанъ, до сихъ поръ независимо владѣвшій Далмаціею и господствовавшій своимъ флотомъ на Адріатикѣ, одинъ изъ первыхъ явился принести клятву въ вѣрности новому императору. Галлія ждала отъ него избавленія отъ варваровъ. Вступленіе на престолъ Антемія вызвало и Сидонія изъ его бездѣйствія. Какъ мы уже замѣтили, Сидоній принадлежалъ къ числу лицъ, объяснявшихъ настоящее положеніе дѣлъ личными достоинствами или недостатками главныхъ дѣятелей. Не проникая въ глубь, ихъ мысль скользила, такъ сказать, по поверхности явленій общественной жизни, не давая себѣ труда вдумываться въ ихъ основныя причины, не замѣчая ихъ связи со всѣмъ предшествовавшимъ развитіемъ. Въ первый же годъ правленія Антемія Сидоній уже

явился въ Римъ депутатомъ Оверни. Въ длинномъ письмѣ къ Геронію [1]) онъ описалъ свое путешествіе. Отправившись на почтовыхъ изъ Ліона, Сидоній быстро проѣхалъ черезъ Альпы. Внизъ по Тессино онъ совершилъ переѣздъ въ лодкѣ до впаденія этой рѣки въ По и потомъ мимо устьевъ Адды и Минчіо, остановившись мимоходомъ въ Кремонѣ и въ Брикселлѣ, по всему среднему теченію По, до того мѣста, гдѣ начинается Фламиніева дорага, идущая по восточному берегу Италіи. Какъ видно изъ разсказа Сидонія, казенныя станціи и почта были устроены не только по сухопутнымъ дорогамъ, но и по рѣкамъ [2]). Равенна, любимое мѣстопребываніе Гонорія и Валентиніана III, на нѣсколько времени остановила его вниманіе [3]); далѣе по фламиніевой дорогѣ путешественникъ быстро проѣхалъ до Рима, почти вовсе не останавливаясь въ городахъ, лежавшихъ на пути. Онъ успѣлъ впрочемъ получить лихорадку отъ вредныхъ испареній этрусскаго прибрежья и отъ быстрыхъ переходовъ отъ зноя дня къ холоду ночи. Жажда сильно мучила Сидонія, и онъ съ радостію увидѣлъ передъ собою стѣны Рима. Еще не въѣзжая въ самый городъ, первымъ дѣломъ было посѣтить базилику св. Петра и, только совершивъ поклоненіе мощамъ Апостоловъ, Сидоній отправился въ приготовленную для него гостинницу, чтобы лечь въ постель и отдохнуть отъ продолжительнаго путешествія. Онъ могъ не спѣшить дѣлами, потому что прибылъ въ Римъ въ самое время празднествъ по случаю брака Рицимера съ дочерью Антемія: этимъ бракомъ думали обезпечить внутреннее спокойствіе имперіи. «Посреди радости, общей не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для всѣхъ сословій и партій, такъ пишетъ Сидоній, я завидую

---

[1]) Sidon. Epist. I. I, 5.

[2]) Dum succedenti Aemiliano nautae decedit Venetus remex. ib.

[3]) Въ письмѣ къ Кандидіану (I. I. 8) Сидоній оставилъ характеристику Равенны, въ которой вычурность выраженій доходитъ до нелѣпости.

спокойствію, которымъ наслаждаешься ты по ту сторону Альпъ. Въ эту самую минуту, какъ я пишу къ тебѣ, по всѣмъ театрамъ, рынкамъ, площадямъ, въ преторіи, въ храмахъ и гимназіяхъ раздаются эпиталамы въ фесценнинскихъ стихахъ [1]); ученіе прервано, дѣла отложены въ сторону, въ судахъ безмолвіе, пріемы пословъ отсрочены, происки прекратились и посреди шутовства гистріоновъ на время остановились всѣ дѣла. Уже невѣста выдана, женихъ надѣлъ брачный вѣнецъ и сваха одѣлась въ цикладу [2]); Рицимеръ сложилъ съ себя скромную пенулу [3]), чтобы облечься сенаторской тогой, и однако еще не стихло брачное торжество, потому что новобрачная еще не перешла въ домъ мужа» [4]). Не смотря на обычную осторожность Сидонія, въ его письмахъ проглядываетъ нерасположеніе къ Рицимеру и оскорбленное чувство аристократической гордости при видѣ униженія имперіи и ея представителя, заискивавшаго благосклонности наглаго Свева. «Послѣ свадьбы патриція Рицимера, такъ начинаетъ Сидоній свое второе письмо къ тому же Геронію, то есть, послѣ того, какъ потрачены были сокровища обѣихъ Имперій, возстановилось наконецъ общественное спокойствіе и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ» [5]). Самъ Антемій понималъ свое униженіе и согласился на него только вынужденный необходимостію. «Мы приняли его, говорилъ онъ, нѣсколько лѣтъ спустя, Епифанію Павійскому, мы приняли его въ нашу прославленную предками семью, должно сознаться, къ

---

[1]) Thallassio fescenninus explicaretur. Sid. I. I. 5.

[2]) Широкая и длинная женская одежда, округленная съ низу и обшитая пурпурной каймой или вышитая золотомъ. Ее носили подъ палліумомъ.

[3]) Penula или paenula, круглый плащь римскій изъ плотной шерстяной матеріи, надѣвавшійся въ холодъ или дождь. Пенула была собственно деревенская одежда; она была безъ рукавовъ и уже тоги. Ее надѣвали сверху, просовывая въ отверстіе голову. См. Forcellini Lexicon.

[4]) Sid Epist. l. I. 5.

[5]) Sid l. I. 9.

стыду и государства, и нашего рода. Мы согласились изъ любви къ государству на то, что̀ явно клонилось къ нашему собственному посрамленію. Кто изъ прежнихъ цезарей доходилъ до того, чтобы для блага народа включить собственную дочь въ число даровъ, предназначенныхъ для одѣтаго въ шкуры Гота» [1],?

Въ приведенномъ выше письмѣ къ Геронію разсказываетъ Сидоній свое пребываніе въ Римѣ и отыскиваніе доступа ко двору и къ высшимъ должностямъ. Это письмо такъ любопытно для исторіи нравовъ, что нельзя ограничиться простою передачей главнаго его содержанія: пусть лучше говоритъ самъ Сидоній [2]). «Меня приняли подъ свою сѣнь пенаты Павла, бывшаго прежде префектомъ, мужа столь же почтеннаго по образованію, какъ и по личному характеру; тамъ окружила меня заботливость радушнаго гостепріимства. По истинѣ, трудно найти человѣка, который бы превзошелъ его въ какомъ либо родѣ искусствъ и знаній. Богъ мой! что за искусство въ спорахъ, что за блестящее краснорѣчіе, какая правильность стиха и ловкость въ пальцахъ [3])! Одно только превосходитъ всѣ эти достоинства, это—его рѣдкое сердце, которое лучше даже и этой образованности. Итакъ, прежде всего я старался развѣдать чрезъ него, нѣтъ ли какого средства получить хорошій пріемъ при дворѣ; съ нимъ я обсуживалъ также, кто бы изъ вельможъ лучше другихъ могъ помочь въ исполненіи моихъ надеждъ. По правдѣ сказать, мы медлили не долго, потому что покровителя приходилось выбирать изъ весьма небольшаго числа лицъ. Безъ сомнѣнія, въ сенатѣ было

---

[1]) Смотри мѣсто Эннодія, біографа св. Епифанія Павійскаго, приведенное Грегуаромъ и Коломбе въ изданіи Сидонія. Т. 1. p. 105.

[2]) Sidon. Epist. I. 1. 9.

[3]) Deus bone, quae ille propositionibus aenigmata, sententiis schemata, versibus commata, digitis mechanemata facit. ib.

много членовъ съ огромнымъ богатствомъ, знатнаго рода, почтенныхъ по лѣтамъ, извѣстныхъ опытностію, высоко поставленныхъ по званію и равныхъ по общественному положенію; но все-таки, будь сказано не въ укоръ другимъ, двое знатнѣйшихъ консуляровъ, Геннадій Авіенъ и Цецина Василій, выдавались передъ прочими [1]). Они въ кругу высшихъ сановниковъ, если устранить предводителей войска, были безспорно первыми лицами въ государствѣ послѣ государя. Между ними была однако же разница въ характерѣ, и скорѣе они были похожи другъ на друга по общественному значенію, чѣмъ по склонностямъ. Скажу въ короткихъ словахъ объ этомъ. Авіенъ достигъ консульства счастіемъ: Василій заслугами. Въ Авіенѣ болѣе всего удивляло легкое достиженіе имъ почестей; въ Василіи ихъ многочисленность, хотя онѣ достались ему и поздно. Около обоихъ, если они выходили изъ дому, тѣснилась многочисленная толпа кліентовъ, предшествовавшихъ и окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Но при одинаковой многочисленности, не одинаковы были характеръ и надежды ихъ приверженцевъ. Авіенъ все вліяніе употреблялъ для возвышенія своихъ сыновей, зятьевъ и братьевъ. Постоянно безпокоимый домашними кандидатами, онъ не такъ легко могъ заботиться объ удовлетвореніи требованій постороннихъ искателей. Въ этомъ отношеніи предпочитали Деціанскую фамилію фамиліи Корвиновъ, потому что, сколько блестящій Авіенъ доставлялъ своимъ родственникамъ, столько скромный Василій дѣлалъ для лицъ совершенно чужихъ. Авіенъ сближался со всѣми и очень скоро; но это сближеніе приносило не много

[1]) О Цецинѣ мы ничего не знаемъ. Авіенъ былъ товарищемъ Валентиніана III по консульству въ 450 г. Онъ не участвовалъ, по свидѣтельству Проспера, въ посольствѣ, которое явилось къ Аттилѣ во время вторженія гуннскаго завоевателя въ верхнюю Италію. См. Germain Essai sur Apollinaris Sidonius p. 14. n 3.

пользы. Съ Василіемъ удавалось войтись не многимъ и то не вдругъ; но зато съ выгодой. Тотъ и другой не были неприступны и горды въ обращеніи; но еслибы заискивать у обоихъ, то отъ Авіена можно было скорѣе дождаться короткости, отъ Василія одолженія. Взвѣсивъ основательно всѣ эти соображенія и попытавъ обоихъ, я рѣшился, сохраняя все уваженіе къ старому консуляру, у котораго я продолжалъ бывать довольно часто, примкнуть однако же къ окружающимъ Василія. Между тѣмъ, какъ я старался при помощи этого достойнаго мужа сдѣлать что нибудь для достиженія цѣли оверньской депутаціи, приблизились генварскія календы, когда цезарь во второй разъ долженъ былъ вписать свое имя въ консульскія фасты. Любезный Соллій, сказалъ мнѣ патронъ, я знаю, что ты очень занятъ порученнымъ тебѣ дѣломъ; но мнѣ бы хотѣлось, чтобы въ угоду новому консулу ты вызвалъ свою старую Музу, пусть она хотя не скоро произнесетъ поздравительное стихотвореніе. Я бы постарался устроить принятіе и произнесеніе панегирика и подготовить успѣхъ его. Если ты вѣришь моей опытности, эта бездѣлица можетъ сильно подвинуть впередъ и твое дѣло. Я повиновался; онъ не оставилъ моихъ стиховъ своею благосклонностію и, сильная порука за мою преданность, онъ обдѣлалъ такъ моего консула, что тотъ сдѣлалъ меня префектомъ своего сената.» «Порадуйся, пишетъ Сидоній нѣсколько далѣе; мой панегирикъ имѣлъ если не славу, то по крайнѣ мѣрѣ всю выгоду, какой только можно ждать отъ хорошаго произведенія. Потому, если можно шутки перемѣшивать съ важными вещами, мнѣ хочется, подражая Пиргополиннику Плавта, кончить мое письмо хвастовствомъ въ родѣ Тразонова. Поэтому, такъ какъ я съ Божіею помощію достигъ префектуры, благодаря моему сочиненію, устрой въ уваженіе моего высокаго званія, чтобы общія похвалы и одобреніе превознесли до небесъ мой панегирикъ,

если онъ тебѣ нравится, мое счастіе, если ты имъ недоволенъ. [1])»

Въ этомъ письмѣ весь характеръ Сидонія. Тяжелые уроки, полученные въ правленіе Майоріана и Севера, пропали даромъ. Послѣ довольно продолжительнаго удаленія отъ участія въ политическихъ событіяхъ, онъ является на сцену почти такимъ же, какимъ былъ при первомъ своемъ появленіи. Мы говоримъ *почти* такимъ же, хотя въ его характерѣ выказались теперь черты, какихъ не было прежде или которыя были не такъ замѣтны. Это какая-то особенная искательность, какая-то поспѣшность поскорѣе взять видное мѣсто, пока оно не захвачено другими, и притомъ занять его не въ Галліи а въ самомъ центрѣ государственнаго управленія, какъ можно ближе къ главнымъ дѣятелямъ. Можно подумать, что событія послѣдняго царствованія навели его на мысль, что получить и сохранить значеніе можно только въ Римѣ, тамъ, гдѣ сходились и переплетались главныя нити всѣхъ интригъ, съ послѣдняго времени получившихъ особенно важное вліяніе на судьбы западно-римскаго міра или, что̀ будетъ вѣрнѣе, на судьбы римскаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, два раза удавалось Сидонію составить себѣ завидное положеніе и оба раза оно уничтожалось при смѣнѣ цезарей, такъ что приходилось начинать снова. Притомъ перемѣны происходили быстро и совершенно непредвидѣнно для провинціальныхъ честолюбцевъ; точно какая-то невидимая рука по прихоти разрушала въ одну минуту искусно построенное зданіе, воздвигнутое ихъ трудолюбивой и не всегда согласной съ нравственнымъ достоинствомъ политикой. Поведеніе Сидонія въ Римѣ указываетъ, если не ошибаюсь, на перемѣну его системы. Помѣстившись

---

[1]) Переводъ послѣдней фразы не можетъ передать намековъ на рѣчи дѣйствующихъ лицъ Евнуха Теренція и Хвастливаго воина Плавта.

здѣсь, онъ могъ взглянуть близко на тайныя пружины сложной машины государственной администраціи, могъ видоизмѣнять свой образъ дѣйствій сообразно съ измѣненіями въ силѣ и постановкѣ извѣстныхъ партій, могъ въ бо̀льшихъ размѣрахъ употребить въ дѣло ту же осторожную политику, какой слѣдовалъ онъ при выборѣ патрона. Это была послѣдняя попытка занять въ обществѣ мѣсто, на которое, по его убѣжденію, онъ имѣлъ полное право разсчитывать. И Сидоній принялся за дѣло со всѣмъ увлеченіемъ.

Панегирикъ Антемію, проложившій ему дорогу къ почестямъ, не былъ важенъ самъ по себѣ даже въ мнѣніи самого автора. Панегиристъ первый готовъ смѣяться надъ своимъ произведеніемъ, отъ котораго такимъ образомъ отнимается и послѣднее его достоинство — искренность, хотя бы и обманчивая. Мы не будемъ разсказывать содержаніе панегирика, потому что найдемъ въ немъ тѣ же пріемы, какъ и въ прежнихъ. Самая лесть не отличается особенною находчивостію, не смотря на то, что у панегиристовъ въ этомъ отношеніи болѣе всего встрѣчаемъ оригинальности и изобрѣтательности. Замѣтимъ одно въ панегирикѣ Антемію: явную спѣшность работы и вслѣдствіе того не только отсутствіе обдуманнаго плана (искусной концепціей не отличаются и прежніе панегирики), но, сравнительно, слабѣйшую обработку отдѣльныхъ частей и небрежность исполненія. Происходило ли это единственно отъ недостатка времени, или тутъ замѣшалась излишняя увѣренность въ успѣхѣ, сказать трудно. Вѣроятно, было и то и другое; мы видѣли, какъ легко отзывается авторъ о причинахъ, вызвавшихъ панегирикъ, и о самомъ сочиненіи. Видно, что на первомъ планѣ стояла чисто практическая цѣль.

Неизвѣстно, какое вліяніе имѣло возвышеніе Сидонія на успѣхъ оверньской депутаціи, для облегченія котораго написанъ былъ самый панегирикъ. Во всѣхъ письмахъ изъ Рима

мы не находимъ ни слова объ этомъ; но зато много о самомъ авторѣ. Въ каждомъ письмѣ высказывается довольство Сидонія и самимъ собою, и его положеніемъ. «Попробуй теперь, пишетъ онъ къ Филимацію [1]), изгнать меня изъ сената на основаніи законовъ объ искательствѣ государственныхъ должностей.» Въ томъ же письмѣ, говоря о возвышеніи въ санъ викарія Галліи Гавденція, бывшаго до сихъ поръ простымъ трибуномъ преторіи, онъ радуется, что его другъ далеко оставилъ за собою своихъ безпечныхъ согражданъ. Пусть противъ него раздаются упреки и ропотъ со стороны обойденныхъ; Гавденцій пока недоступенъ другому чувству, кромѣ радости, къ тому же успѣхъ прикрывалъ все. «Такъ, замѣчаетъ Сидоній, теперь уважаютъ человѣка, до сихъ поръ презираемаго, и, изумленные благосклонностію фортуны, они видятъ сидящимъ на трибуналѣ того, на котораго прежде смотрѣли свысока.» Съ тѣхъ поръ какъ, Сидоній занялъ важное мѣсто префекта Рима, онъ съ неудовольствіемъ и сожалѣніемъ смотритъ на молодыхъ Галлоримлянъ, которые предпочитаютъ праздную жизнь по деревнямъ служебной дѣятельности. «Мнѣ кажется, пишетъ Сидоній къ Гавденцію [2]), и, разумѣется, это не относится къ людямъ благонамѣреннымъ, мнѣ кажется, я вижу отсюда горделивую праздность твоихъ завистниковъ и это отвращеніе къ дѣятельности, свойственное лѣнивымъ натурамъ. Я вижу, какъ они, отчаявшись сами возвыситься, философствуютъ за стаканомъ вина, прославляя досуги лицъ не служащихъ, выхваляя ихъ впрочемъ не столько въ видахъ нравственнаго усовершенствованія, сколько изъ любви къ бездѣлью.» Въ письмѣ къ Евтропію [3]) онъ заклинаетъ его оставить деревенскую жизнь и хозяйственныя занятія и искать

[1]) Sid. Epist I. I, 3,
[2]) Sidon. Epist. I. I, 4.
[3]) Sidon. Epist. I. I, 6.

должности. «Людямъ твоего происхожденія нужно заботиться о своей личности никакъ не менѣе, чѣмъ и о своей виллѣ. Подѣломъ будетъ, продолжаетъ Сидоній, когда во время собраній, гдѣ засѣдаютъ и произносятъ приговоры мальчики, надъ тобой, безславнымъ деревенщиной, старикомъ, принужденнымъ почтительно стоять передъ ними, надъ знатнымъ, утратившимъ права свои, произнесетъ приговоръ выслужившійся бѣднякъ, когда ты съ горькимъ чувствомъ увидишь, что тѣ, для кого слишкомъ много чести идти за нами далеко обогнали тебя.» Въ письмѣ къ Сіагрію [1]), которое, по всей вѣроятности, относится къ этому же времени, еще болѣе выясняется мысль Сидонія. «Если ты отречешься, говоритъ онъ, отъ другихъ родовъ благородныхъ занятій и тебя будетъ поджигать только желаніе увеличить твое матеріальное благосостояніе, напрасно ты будешь гордиться твоимъ происхожденіемъ отъ предковъ, носившихъ трабею, считать въ твоемъ родѣ курульныя кресла, золоченыя носилки и пурпурные фасты; удаленіе отъ дѣлъ неминуемо поведетъ къ тому, что тебя менѣе будетъ отличать цензоръ, чѣмъ угнетать цензъ [2]).»

Одна и та же мысль проходитъ во всѣхъ этихъ письмахъ: сознаніе, что постепенно утрачивается прежнее значеніе аристократіи, что представители древнихъ и знатныхъ родовъ одинъ за другимъ сходятъ со сцены, уступая мѣсто людямъ новымъ, выдвинутымъ впередъ событіями, глубоко взволновавшими современное общество. На этотъ разъ Сидонію казалось, что причина заключается въ малодушіи гальской знатной молодежи, что люди родовитые виноваты сами, если высшія должности, принадлежащія имъ по всѣмъ правамъ, замѣщаются лицами безродными. И вотъ, занявши самъ третье

[1]) Sid. Epist. I. VIII, 8.

[2]) Is profecto inveniere quem debeat sic industrium quod latentem, non tam honorare censor quam census onerare. Ibid.

мѣсто въ имперіи, онъ съ жаромъ старается открыть имъ глаза. Одному онъ рисуетъ картину униженія потомка знаменитыхъ предковъ предъ безроднымъ выскочкой, другому доказываетъ, что удаленіе отъ государственной дѣятельности ради увеличенія матеріальнаго благосостоянія подорветъ самое это благосостояніе, оставивъ непредусмотрительнаго владѣльца беззащитнымъ противъ притѣсненій фиска; всѣмъ онъ обѣщаетъ дѣятельное содѣйствіе для занятія мѣстъ, приличныхъ людямъ senatorii seminis. Самъ онъ вполнѣ увлеченъ своимъ новымъ положеніемъ. Своимъ вліяніемъ онъ доставилъ Экдицію, сыну Авита, мѣсто начальника войскъ въ Галліи и обѣщаніе Антемія сдѣлать его со временемъ патриціемъ [1]). Однимъ письмомъ онъ отшучивается отъ насмѣшливыхъ поздравленій своихъ гальскихъ друзей, поздравленій, вѣроятно, вызванныхъ неумѣренною радостію Сидонія послѣ первой удачи [2]); въ другомъ высказываетъ свои опасенія, чтобы римскій народъ не встрѣтилъ его воплями въ циркѣ, если не подоспѣютъ во время корабли съ хлѣбомъ и подымется цѣна на съѣстные припасы [3]). Съ живостію, свойственною его

[1]) Обѣщаніе Антемія было исполнено Непотомъ. См. Sidon. I. V, 16 къ Папіаниллѣ, которую онъ поздравляетъ съ новымъ возвышеніемъ ея брата.

[2]) Morari me Romae congratularis; id tamen quasi facete, et fatigationum salibus admixtis. Ais enim gaudere te quod aliquando necessarius tuus videam solem, quem utique raro bibitor Araricus inspexerim. Nebulas ergo mihi meorum Lugdunensium exprobras, et diem quereris nobis matutina caligine obstructum vix meridiano fervore reserari. Sid. I. I, 8 ad Candidianum.

[3]) Vereor autem ne famem populi romani theatralis caveae fragor insonet, et infortunio meo publica deputetur esuries. Sane hunc ipsum e vestigio ad portum mittere paro, quia comperi naves quinque Brundusio profectas cum speciebus tritici ac mellis ostia Tiberina tetigisse, quarum onera expectationi plebis, si quid strenue gerit, raptim faciet offerri, commendaturus se mihi, me populo. Sid. I. I, 10 ad Campanium.

характеру, онъ повѣрилъ, что есть еще возможность составить себѣ прочное положеніе и поддержать славу знаменитыхъ предковъ. Въ этомъ случаѣ онъ служитъ представителемъ убѣжденій значительной части гальской аристократіи съ тою только разницею, что большинство начинало искать счастія уже не въ Римѣ, а при дворахъ варварскихъ королей, подѣлившихъ между собою лучшія области Римской имперіи. Аристократъ въ душѣ, Сидоній упорно преслѣдовалъ мысль о поддержаніи чести и значенія знатныхъ родовъ. Когда уничтожится надежда достигнуть этого участіемъ въ администраціи, онъ будетъ надѣяться, что образованіе разграничитъ высшее сословіе отъ низшаго и послужитъ отличительнымъ признакомъ благороднаго происхожденія; наконецъ, подобно многимъ изъ своихъ товарищей, онъ будетъ искать на епископской каѳедрѣ того значенія, котораго онъ не могъ получить гражданскою дѣятельностію.

Какъ ни былъ, впрочемъ, склоненъ Сидоній къ увлеченію, на этотъ разъ оно не могло продолжаться. Положеніе имперіи было слишкомъ безнадежно. Въ Галліи римское правительство могло еще разсчитывать только на Бургундовъ, если не на помощь ихъ, по крайней мѣрѣ на бездѣйствіе. Причина расположенія Бургундовъ заключалась, вопервыхъ, въ родствѣ Рицимера съ сыновьями Гундіоха, вовторыхъ, въ раздѣленіи бургундскихъ владѣній между 4 королями. Совсѣмъ другая постановка была со стороны Вестготовъ. Кровавый переворотъ произошелъ въ семьѣ королей; Теодерихъ II погибъ отъ руки брата, а вступленіе на престолъ Ейриха грозило бѣдой римскимъ провинціямъ Галліи, потому что съ перемѣной правительства коренным образомъ изиѣнялись и самыя отношенія къ имперіи. Надъ партіей умѣренной, подчинившейся до нѣкоторой степени римскому вліянію и отличавшейся религіозною терпимостію, брала верхъ сторона враждебная Риму,

фанатически преданная аріанству. Мы знаемъ изъ отзывовъ Сидонія характеръ погибшаго короля Готовъ и, не смотря на риторическое преувеличеніе панегириста, не можемъ отвергнуть вліянія римскаго воспитанія на измѣненіе образа мыслей предводителя Вестготовъ. Отношенія Теодериха II къ имперіи являются сильнымъ подтвержденіемъ словъ Сидонія. Нельзя сказать, чтобы готскій король упускалъ случай увеличить свои владѣнія насчетъ Рима, но его дѣйствія слишкомъ осторожны и перѣшительны: полнаго, окончательнаго разрыва съ имперіею не было во все время правленія Теодериха. Съ другой стороны въ немъ нисколько не было духа прозелитизма, и аріанское духовенство могло не безъ нѣкотораго основанія заподозрить его въ равнодушіи къ интересамъ и распространенію аріанской ереси. Таковъ же былъ и Фредерихъ, братъ его, убитый въ сраженіи съ Эгидіемъ около Орлеана; его поведеніе относительно православнаго духовенства показываетъ самую полную терпимость, если не тайное отреченіе отъ ереси. Ейрихъ, напротивъ, былъ фанатическимъ приверженцемъ Аріева ученія, и изъ первыхъ же его поступковъ обнаружилась его ненависть къ каоолическому исповѣданію. «Не знаешь, пишетъ Сидоній, вождь ли онъ народа, или начальникъ секты». Вражда его къ имперіи была хорошо извѣстна и ждала только случая высказаться въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ. Римское правительство спѣшило по этому приготовить отпоръ вестготскому завоевателю, несмотря на то, что миръ еще не былъ нарушенъ. Разумѣется, имперія не имѣла возможности дѣйствовать собственными силами и могла только противопоставить однихъ варваровъ другимъ. Ріохамъ или Ріотимъ, вождь арморикскихъ Бриттовъ, по просьбѣ римскаго правительства, занялъ съ 12,000 войска лѣвый берегъ Луары. Его присутствіе въ сѣверозападной части I Аквитаніи должно было сдерживать Вестготовъ.

первое нападеніе которыхъ неминуемо обратилось бы на эту провинцію. Но въ то самое время, какъ Антемій старался устроить оборонительную линію противъ завоевательныхъ стремленій Ейриха, измѣна со стороны главнаго представителя императорской власти въ Галліи едва было не предала въ руки Готовъ послѣдніе остатки римскихъ владѣній. Вотъ что писалъ въ 469 году Сидоній изъ Рима къ Винцентію [1]).

«Меня огорчаетъ несчастіе Арванда; не хочу скрывать этого. Самая большая похвала Антемію то, что въ его правленіе можно безъ страха и открыто любить даже государственныхъ преступниковъ. Я былъ другомъ этого человѣка, быть можетъ, болѣе, чѣмъ заслуживали легкомысліе и измѣнчивость его характера. Доказательство этому ненависть, которую я недавно возбудилъ противъ себя по его дѣлу и которая при моей безпечности едва не погубила меня. Если я сохранилъ къ нему дружбу, я обязанъ этимъ только самому себѣ; онъ же по натурѣ не былъ способенъ къ постоянству; говорю это откровенно, а не изъ желанія очернить его. Презирая совѣты вѣрныхъ друзей, онъ во всемъ былъ игрушкою счастія и удивительно вовсе не то, что онъ погибъ наконецъ, а то, что онъ могъ держаться такъ долго. Сколько разъ самъ онъ хвалился своими частыми неудачами, сколько разъ мы, изъ привязанности къ нему, сожалѣли о безразсудствѣ, которое рано или поздно должно было погубить его. Мы не могли называть еще счастливымъ человѣка, у котораго въ жизни были частыя удачи. Но ты просишь, чтобы я разсказалъ тебѣ по порядку объ его управленіи. Со всѣмъ уваженіемъ къ пріязни, которую должно сохранять даже и къ несчастному другу, я вкратцѣ изложу все дѣло».

---

[1]) Sidon. Epistol. I. I, 7.

«Въ первое свое управленіе префектурой Арвандъ пріобрѣлъ себѣ общее уваженіе; во второй разъ онъ позволилъ себѣ возмутительныя притѣсненія [1]). Обремененный долгами, онъ соперничалъ съ своими преемниками и въ страхѣ предъ кредиторами. Онъ смѣялся надъ словами другихъ, старался обо всемъ вывѣдать, презиралъ услуги, подозрительно смотрѣлъ на тѣхъ, кто являлся къ нему рѣдко, скучалъ тѣми, кто посѣщалъ его часто и наконецъ, возбудивъ противъ себя общественную ненависть, онъ былъ взятъ подъ стражу, прежде чѣмъ сложилъ съ себя должность, и отправленъ въ Римъ. Здѣсь онъ хвастался, что благополучно совершилъ переѣздъ по бурному морю около береговъ Этруріи, какъ будто самыя стихіи были отъ него въ зависимости и совѣсть была чиста отъ упрековъ. Въ Капитоліи онъ жилъ на порукахъ у Флавія Азеллы, министра финансовъ, который уважалъ еще въ немъ только что отнятое званіе префекта преторіи [2]). Между тѣмъ депутаты Галліи: Тонанцій Ферреолъ, бывшій самъ префектомъ преторіи и внукъ по матери консула Афранія Сіагрія, Таумастъ и Петроній, люди, одаренные рѣдкою опытностію и краснорѣчіемъ, которыхъ должно считать лучшимъ украшеніемъ нашей родины, явились вслѣдъ за Арвандомъ, чтобы обвинить его отъ имени страны, представивъ свои вѣрющія граматы. Между другими документами, которые должны были подкрѣплять обвиненіе, они привезли перехваченныя письма, о которыхъ арестованный секретарь Арванда показалъ, что онъ писалъ ихъ подъ диктовку господина. Одно письмо назначалось, какъ видно, къ королю Готовъ; въ немъ отговаривали его отъ заключенія мира съ *греческимъ* императоромъ,

---

[1]) Praefecturam primam gubernavit cum magna popularitate, consequentemque cum maxima populatione.

[2]) Qui adhuc in eo *semifumantem* praefecturae nuper extortae *dignitatem* venerabatur.

указывали на необходимость нападенія на Бриттовъ, расположившихся по берегамъ Луары, убѣждали Готовъ раздѣлить съ Бургундами всю Галлію jure gentium; были и другія, подобныя же нелѣпости, которыя могли возбудить свирѣпаго короля и смутить Цезаря. Юристы горячо толковали это письмо, какъ доказательство преступленія въ оскорбленіи величества».

«Отъ меня и Авксанія, достойнѣйшаго мужа, не могло укрыться все это. Мы почитали дѣломъ безчестнымъ, жестокимъ и малодушнымъ, измѣнить дружбѣ къ Арванду во время такого несчастія. Мы передали ему, когда онъ еще не боялся ничего подобнаго, всѣ козни, которыя съ необыкновеннымъ искусствомъ старались держать въ тайнѣ до самаго суда его ожесточенные и неумолимые враги съ тѣмъ, чтобы неосторожный противникъ, отвергавшій совѣты друзей и безразсудно надѣявшійся на самого себя, запутался въ скорыхъ отвѣтахъ. Мы сказали ему, что, по нашему мнѣнію и по мнѣнію тайныхъ благопріятелей, должно было сдѣлать для безопасности, убѣждали, чтобы онъ воздержался отъ всевозможныхъ, даже, повидимому, самыхъ пустыхъ и незначущихъ признаній. Запирательство могло бы затруднить противниковъ тѣмъ болѣе, чѣмъ увѣреннѣе они были въ легкости уличенія. Еще не выслушавъ, онъ разразился уже бранью. Подите, сказалъ онъ, выродившіеся и недостойные потомки знаменитыхъ предковъ, подите съ вашей глупой трусостію. Если вы ничего не понимаете, такъ оставьте мнѣ заботу объ этомъ дѣлѣ. Для Арванда достаточно его совѣсти; не знаю, допущу ли я еще адвокатовъ защищать меня и противъ обвиненій въ лихоимствѣ. Печально оставили мы его, волнуемые не столько чувствомъ обиды, сколько сожалѣніемъ; развѣ медикъ можетъ сердиться, если сходитъ съ ума безнадежный больной. Между тѣмъ обвиняемый нашъ расхаживалъ въ бѣлой тогѣ

по Капитолію; то утѣшался коварными привѣтствіями, то охотно, какъ въ прежнее время, выслушивалъ пустыя ласкательства, то разсматривалъ ткани и драгоцѣнные камни, перебирая въ лавкахъ дорогіе товары, перецѣнивая, развертывая ихъ, какъ бы собираясь купить, и въ то же время толкуя много о законахъ, о современныхъ обстоятельствахъ, о сенатѣ и цезарѣ, жалуясь, что они не отмстятъ за него обвинителямъ, а хотятъ прежде произвести слѣдствіе. Прошло нѣсколько дней, и весь сенатъ собрался въ залу засѣданій. Я узналъ объ этомъ впослѣдствіи, потому что въ это время уѣзжалъ изъ города. Арвандъ явился въ курію еще нѣсколько прежде, выстриженный и убранный; его обвинители въ полутраурѣ и скромно ожидали вѣстника отъ децемвировъ. Этимъ трауромъ и небрежной одеждой они искусно перехватили себѣ то сожалѣніе, которое обыкновенно чувствуется къ обвиненному. Вызвали и ввели обѣ партіи; по обычаю онѣ стали другъ противъ друга. Передъ началомъ суда, лицамъ, занимавшимъ должность префектовъ, дано было позволеніе сѣсть. Арвандъ съ какимъ-то несчастнымъ безстыдствомъ бросился впередъ, чтобы усѣсться почти среди самихъ судей. Фереолъ, не разлучаясь съ товарищами, скромно и медленно опустился на скамью, такъ что всѣмъ было видно, что онъ болѣе помнитъ о своемъ положеніи депутата, нежели о званіи сенатора; такое поведеніе доставило ему впослѣдствіи много похвалъ и уваженія. Между тѣмъ опоздавшіе сановники наконецъ собрались; обѣ стороны встали и депутаты начали обвиненія. Представивъ сначала грамату отъ провинціи, они предъявили вслѣдъ за тѣмъ и письмо, о которомъ было упомянуто выше. Во время самаго чтенія, еще не дождавшись вопроса, Арвандъ объявилъ, что онъ самъ диктовалъ письмо. Депутаты стали доказывать, хотя, по несчастію, это было уже ясно. Арвандъ, какъ бы помѣшанный и не подозрѣвая всей опасности,

двукратнымъ или трекратнымъ повтореніемъ признанія окончательно погубилъ себя. Обвинители продолжаютъ обвиненіе, судьи провозглашаютъ, что подсудимый самъ призналъ себя виновнымъ въ оскорбленіи величества, и смертный приговоръ подтверждается тысячью текстовъ закона».

«Тутъ только, говорятъ, поблѣднѣлъ онъ, терзаемый раскаяніемъ въ необдуманности словъ своихъ.... Тотчасъ лишенный привилегій двойной префектуры, которую онъ занималъ непрерывно въ теченіе 5 лѣтъ, возвращенный въ плебейское состояніе, онъ былъ отведенъ въ общественную тюрьму. Всего печальнѣе, по словамъ очевидцевъ, было то, что, явившись передъ судей разодѣтый и убранный, когда обвинители были въ траурѣ, онъ уходилъ осужденный, несчастный, но не возбуждая состраданія. Кто же въ самомъ дѣлѣ могъ сожалѣть о человѣкѣ, который даже и въ подземелье темницы шелъ надушенный и тщательно одѣтый? На 14 дней было отложено произнесеніе приговора; осужденный на смерть, онъ былъ отосланъ на островъ змѣи Епидаврійской [1]). Тамъ, измѣнившись въ лицѣ до того, что возбуждалъ сожалѣніе даже враговъ своихъ, удаленный по волѣ судьбы со сцены земныхъ дѣйствій [2]), онъ долженъ влачить теперь жизнь, на основаніи стараго Тиберіева закона, впродолженіе тридцати дней послѣ произнесенія приговора, ожидая съ ужасомъ каждую минуту жезѣзныхъ крючьевъ и гемоній, и петли суроваго палача [3]). Что касается до насъ, сколько можемъ, присутствующіе

---

[1]) In insulam conjectus est serpentis Epidaurii. Островъ на Тибрѣ, гдѣ былъ храмъ Эскулапа.

[2]) Et a rebus humanis veluti *vomitu fortunae nauseantis exputus.*

[3]) Ex vetere senatus consulto Tiberiano. По закону Тиберія, между приговоромъ и его исполненіемъ должно было пройти 10 дней; Ѳеодосій прибавилъ еще 20 дней. Gemoniae scalae gemoniae, gradus gemonii, мѣсто, отнуда свергали преступниковъ или гдѣ выставлялись ихъ трупы. Гемоніи были около храма Юноны Аргосской. См. Forcellini II. 352.

и отсутствующіе, мы возносимъ обѣты, мы удвоиваемъ мольбы и просьбы, чтобы, остановивъ ударъ уже обнаженнаго меча, милосердіе Августа наказало ссылкой или конфискаціей имѣнія этого человѣка, уже полумертваго. Для него, долженъ ли онъ ожидать смертной казни или подвергнуться ей, прискорбнѣе особенно то, что послѣ всего позора онъ можетъ еще бояться чего нибудь больше, чѣмъ продолженія жизни. Прости».

Остановимся нѣсколько на этомъ письмѣ. Нигдѣ не высказывается такъ ясно безотрадное состояніе политической нравственности этого несчастнаго времени. Симпатія Сидонія къ преступнику, его дружба съ нимъ даже послѣ улики въ измѣнѣ, слишкомъ очевидны. Во всемъ письмѣ ни разу не сказался не только римскій, даже провинціальный патріотизмъ. Сидоній говоритъ о нелѣпости плановъ Арванда, ни слова объ ихъ преступности. Съ другой стороны нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что поступокъ Арванда былъ измѣной не только относительно Рима, но и относительно интересовъ тѣхъ провинцій Галліи, которыя еще признавали власть Рима. Какъ же согласить кажущуюся преданность Сидонія Антемію, его увлеченіе Римомъ, наконецъ его любовь къ Оверни, которой грозило бѣдой исполненіе замысловъ Арванда, съ дружбой и состраданіемъ къ признанному и явному предателю? Мы видѣли уже, какъ измѣнчивы были политическія убѣжденія Сидонія, какъ потеряло смыслъ стремленіе Галліи къ самостоятельности, какъ шатко было общественное мнѣніе во время борьбы Эгидія съ Рицимеромъ. Скажемъ разъ на всегда: въ это несчастное время не было и не могло быть твердыхъ политическихъ убѣжденій. Всѣ живыя начала были изжиты, общественныя отношенія измѣнились и интересы перепутались такъ, что у самыхъ добросовѣстныхъ и благородныхъ политическихъ дѣятелей почва исчезала подъ ногами. Лучшіе изъ

нихъ, искренно желавшіе возврата прежнихъ временъ Римской имперіи, тѣ, у которыхъ идеалъ общественнаго устройства былъ далеко назади, должны были тѣмъ не менѣе дѣйствовать совершенно несообразно съ духомъ того государственнаго быта, къ которому они хотѣли поворотить исторію, и, что особенно замѣчательно, сами не сознавали этой несообразности. Дѣятельность Майоріана, Эгидія носитъ на себѣ печать этой непослѣдовательности съ тѣми началами, которыя они хотѣли возвратить къ жизни. А между тѣмъ тотъ и другой далеко не принадлежали къ числу обыкновенныхъ государственныхъ лицъ своего времени; оба носили въ себѣ, повидимому, твердыя, прочно установившіяся убѣжденія и великодушную рѣшимость пожертвовать всѣмъ для исполненія своихъ замысловъ. Трагическая судьба этихъ послѣднихъ представителей старой римской доблести не позволяетъ на минуту усомниться въ ихъ искренности. Если Майоріанъ и Эгидій во многихъ случаяхъ шли какъ бы ощупью, не имѣя возможности согласить своихъ дѣйствій съ тѣми началами, во имя которыхъ хотѣли бы дѣйствовать, чтожь оставалось дѣлать людямъ, не имѣвшимъ ни прочности ихъ убѣжденій, ни римскаго закала ихъ характера? Самыя основныя понятія потеряли свой смыслъ, слова точно также не выражали настоящаго понятія, какъ надпись на ассигнаціяхъ, въ минуту финансоваго кризиса, ихъ номинальной цѣнности. Среди совершавшагося или уже частію совершившагося разложенія Римской имперіи, въ вихрѣ событій, не бывалыхъ въ исторіи и слѣдовавшихъ одно за другимъ съ быстротою, не дававшею времени для ихъ обсужденія, личности оставался безграничный просторъ. Съ нея спали всѣ общепринятыя нормы, дававшія извѣстное направленіе дѣятельности. Каждый могъ дать отчетъ лишь своей совѣсти, но и она большею частію оставалась безмолвнымъ совѣтникомъ относительно политической дѣятельности.

Не забудемъ, что если утратился или исказился смыслъ многихъ основныхъ понятій, зато изострилась способность софистическихъ толкованій, способность примирять между собою, повидимому, никакъ несогласимыя вещи. За невозможностію имѣть прямое значеніе, многія понятія получили условный смыслъ. Вотъ отчего историку такъ трудно произнести сужденіе о нравственномъ значеніи того или другаго поступка. До нѣкоторой степени онъ самъ становится въ положеніе людей того времени и съ трудомъ можетъ опознаться среди перепутанныхъ интересовъ, почти не имѣя возможности уловить въ этой безконечно разнообразной и безпрестанно измѣняющей свой видъ массѣ событій какое нибудь общее направленіе: такъ много личныхъ, неподчиняющихся общимъ нормамъ стремленій находитъ онъ. Мы не говоримъ объ Арвандѣ; изъ письма Сидонія ясно видно, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло и какія побужденія заставили его рѣшиться на этотъ поступокъ. Очевидно, это представитель той худшей части галлоримской аристократіи и вообще всего галлоримскаго общества, которая все болѣе и болѣе занимаетъ сцену по мѣрѣ того, какъ ищутъ убѣжища въ церкви или создаютъ себѣ въ горныхъ укрѣпленіяхъ свое особенное существованіе лучшіе члены этого общества. Въ Пеоніи мы познакомились уже съ образчикомъ людей такого рода. Желаніе выйти изъ затруднительнаго положенія подало Арванду мысль объ измѣнѣ Риму; а время казалось ему вполнѣ благопріятнымъ. Антемій внушалъ уваженіе и сдерживалъ варваровъ преимущественно тѣмъ, что былъ въ союзѣ съ Восточной имперіей, въ которой предполагалось гораздо болѣе силъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Неудачная экспедиція въ Африку противъ Вандаловъ, для которой Византійская имперія собрала огромныя средства, разрушила это обольщеніе. Поколебалась также и другая опора власти Антемія—его согласіе съ Рицимеромъ, для

котораго онъ пожертвовалъ своею аристократическою гордостію. Между могущественнымъ варваромъ, управлявшимъ судьбами имперіи, и Антеміемъ, униженнымъ и второстепенною ролью, которую заставляли играть его, и безполезною жертвою, принесенною имъ для упроченія своей власти, завязалась глухая, тайная борьба, которая неминуемо должна была разразиться открытой враждой; а здѣсь было ясно, на чьей сторонѣ останется перевѣсъ. Уже тотчасъ послѣ дѣла Арванда раздоръ между Антеміемъ, который, какъ Византіецъ, не пользовался любовію даже и чисто римской партіи [1]), и Рицимеромъ, дошелъ до того, что послѣдній удалился въ Миланъ къ войскамъ, и только посредничество епископа Епифанія на нѣсколько времени успѣло возстановить по крайней мѣрѣ видимое, хотя и ненадежное согласіе. Рицимеръ, по всей вѣроятности, скорѣй благопріятствовалъ, чѣмъ противодѣйствовалъ попыткамъ въ родѣ Арвандовой. Существованіе Римской имперіи даже въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ она была послѣ Валентиніана III, замѣтно тяготило Рицимера. Нѣсколько разъ онъ пытался управлять Италіей одинъ, и каждый разъ принужденъ былъ уступить общественному мнѣнію, требовавшему для Италіи особаго властителя. Объ Галліи едва ли заботился варварскій предводитель; по его приказу, предалъ Агриппинъ Нарбонну въ руки Теодериха II и мы не находимъ ни малѣйшей попытки возвратить Риму захваченную Готами провинцію. Успѣхъ Готовъ скорѣй могъ обратиться въ пользу Рицимеру, доказавъ невозможность существованія Римской имперіи въ тогдашнемъ ея положеніи. Можетъ быть даже, Арвандъ дѣйствовалъ,

---

[1]) Антемій не разъ называется Грекомъ у современныхъ римскихъ писателей. См. у Сидонія I. I, 7. Въ житіи Епифанія, написанномъ Эннодіемъ, мы находимъ даже названіе *Græculus*, такъ рано высказалось непріязненное чувство Рима къ Византіи. См. изд. Grég. et Coll. I, 112.

расчитывая на это равнодушіе Рицимера къ судьбѣ Галліи, если даже не на его тайное одобреніе. Примѣръ Агриппина былъ у него передъ глазами, и едва ли не этимъ можно объяснить его непонятную самоувѣренность, обнаруженную передъ самымъ судомъ. Интриги Рицимера, его тайныя сношенія съ варварами не подлежатъ сомнѣнію. Что же касается до Сидонія, его поведеніе относительно Арванда можетъ отчасти объясниться увлеченіемъ дружбы къ обвиненному. Къ этому присоединялось отсутствіе твердыхъ политическихъ убѣжденій, непониманіе опасности, грозившей Оверни въ случаѣ успѣха замысловъ Арванда, а главное, его легкомысленный характеръ ритора. На время Сидоній весь былъ увлеченъ римскими интригами и какъ бы позабылъ положеніе Галліи. Въ его письмахъ, относящихся къ этому періоду его жизни, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ, обнаруживавшихъ участіе въ дѣлахъ Галліи, ни слова, напримѣръ, о томъ дѣлѣ, за которымъ собственно пріѣхалъ онъ въ Италію. Такое объясненіе кажется намъ самымъ естественнымъ. Допустить полное отсутствіе даже провинціальнаго патріотизма въ Сидоніи невозможно. Вся послѣдующая его дѣятельность служитъ доказательствомъ противнаго. Временная забывчивость, увлеченіе минутой, чувствомъ пріязни и сожалѣнія, все это, какъ нельзя лучше, о гласуется съ характеромъ Сидонія, который, какъ и большая часть его современниковъ, не любилъ задумываться надъ причинами и далекими слѣдствіями событій. Стòило измѣниться не общему ходу дѣлъ, а личнымъ отношеніямъ Сидонія къ той или другой партіи, и онъ заговоритъ совершенно другимъ языкомъ и, что̀ всего страннѣе, самъ не замѣтитъ этого, не возьметъ на себя труда или примирить свой настоящій образъ мыслей и дѣйствій съ прежнимъ, или по крайней мѣрѣ объяснить причину происшедшей перемѣны. Чтобы пробудить въ душѣ Сидонія любовь къ провинціи, замѣнившей ему

родину, достаточно было, чтобы исчезли его надежды на возможность составить себѣ прочное положеніе въ Римѣ и удержаться среди враждующихъ партій. Этого ждать было не долго. Потерялъ ли Сидоній вѣру въ Антемія, узнавши его покороче, или ссора Рицимера съ его безсильнымъ тестемъ наконецъ раскрыла ему глаза относительно значенія варварскаго предводителя войскъ; только скоро послѣ дѣла Арванда мы находимъ Сидонія уже въ Оверни и находимъ далеко не въ томъ настроеніи духа, въ какомъ видѣли его въ Римѣ. Кажется, онъ окончательно убѣдился и въ томъ, что ему лично нечего ждать отъ римскаго правительства, и въ томъ, что каждой провинціи пришло время думать о спасеніи только своими собственными средствами. Это не значило впрочемъ, что Сидоній вернулся изъ Рима врагомъ его. Напротивъ, въ центрѣ Галліи, со всѣхъ сторонъ угрожаемомъ варварами, онъ несравненно болѣе Римлянинъ, чѣмъ въ самомъ Римѣ: въ Оверни онъ обнаружилъ римскій патріотизмъ, котораго не замѣтно и слѣдовъ во все время суда надъ предателемъ Арвандомъ.

Аквитанія I долѣе другихъ провинцій Галліи сохранила преданность Риму; по крайней мѣрѣ таковы были чувства большинства аристократическихъ фамилій. Юговосточная часть ея, гористыя области Геводана, Оверни, Руерга и частію Лимузена упорнѣе прочихъ провинцій отстаивали свою независимость противъ Вестготовъ, стремившихся овладѣть всею страной до Луары и Роны. Въ долинахъ Алльe, Тарна и Авейрона, на гранитныхъ холмахъ Лимузена или среди базальтовыхъ скалъ Оверньской возвышенности, гдѣ почва еще теперь хранитъ на каждомъ шагу слѣды вулканическихъ изверженій, формы быта мѣнялись медленѣе, чѣмъ на открытыхъ равнинахъ. До сихъ поръ населеніе Оверни не отличается большою воспріимчивостію: новыя идеи проникаютъ въ его сознаніе съ такимъ же трудомъ, какъ и новыя усовершенствованія въ

земледѣліи и промышленности [1]). Маленькая соха, которою слегка бороздитъ землю овернскій пахарь по примѣру своихъ предковъ V вѣка [2]), возбуждала сильное негодованіе Артура Юнга. Въ V вѣкѣ населеніе первой Аквитаніи еще говорило кельтскими или гальскими нарѣчіями. Есть свидѣтельства, что даже высшее сословіе не вполнѣ позабыло народный языкъ кельтской Галліи, или, что латынь сдѣлалась разговорнымъ языкомъ для бо́льшей части мѣстной аристократіи не прежде конца IV или начала V вѣка. «Тебѣ обязаны, пишетъ Сидоній къ Экдицію [3]), что благородное сословіе, оставивъ грубую кельтскую рѣчь, привыкло къ стилю ораторовъ и поэтическимъ метрамъ». Здоровое, сильное населеніе горной возвышенности еще не поддалось разрушительному вліянію римскихъ нравовъ и сохранило мужественную энергію: отсюда выходили лучшіе воины имперіи [4]). Сильный холодный вѣтеръ дуетъ въ многочисленныхъ горныхъ ущельяхъ и ураганы не рѣдко заносятъ снѣгомъ цѣлыя селенія въ узкихъ долинахъ [5]); зима, не смотря на южное положеніе страны,

---

[1]) S'il est en France un peuple immuable, un peuple qui ne varie point, c'est sans doute le peuple auvergnat... Les gens de la Limagne, disait d'Ormesson, un des intendants de l'Auvergne, sont laborieux, mais pesants, grossiers et sans industrie; en sorte qu'ils tirent rarement quelque profit de leur travail, aussi sont ils tous pauvres. — France pittoresque ou discription pittoresque, topographique et statistique des départaments et colonies de la France. Par A. Hugo. Paris 1835 t. I. 233.

[2]) Primo qui (ager) proscissus aratro
Semina tarda sitit.
Sid. Paneg. Avito v. 141.

[3]) Sid. Epistolarum III, 3.

[4]) Spes unica rerum
Hunc, Arverne, colas, nulli pede cedis in armis,
Quos vis, vincis equo.
Sid. Paneg. Avito v. 148.

[5]) Направленіе вѣтра измѣняется по направленію долинъ. Господствующій вѣтеръ въ сѣверной части Оверни (dép. Puy de Dome) сѣверозa-

отличается суровостію. Произведенія земли такъ же грубы, какъ и нравы низшихъ классовъ населенія [1]). Съ другой стороны Аквитанія и Овернь, вторая родина Сидонія, отличаются живописностію и плодородіемъ почвы. «Около города, говоритъ Сидоній въ панегирикѣ Авиту, разстилается плодоносное поле; едва успѣлъ плугъ взрѣзать землю, какъ она уже требуетъ сѣмянъ, какъ бы жалуясь на медленность, и не утомляя рабочихъ воловъ, открываетъ черный слой тука [2]).» Въ письмѣ къ Апру Сидоній подробнѣе останавливается на описаніи Оверни. «Я умолчу, говоритъ онъ [3]), объ особенныхъ пріятностяхъ нашей страны, умолчу объ обширной равнинѣ, по которой ходятъ волны жатвы, волны, среди которыхъ тѣмъ меньше опасности кораблекрушенія для владѣльца, чѣмъ дальше онѣ разливаются. Овернь удобна для путешественника, плодоносна для земледѣльца, пріятна для охотника [4]); хребты горъ

надный. Зимніе ураганы носятъ въ Оверни особое мѣстное названіе *écirs*. Самые опасные *les écirs neigeux*. Крайніе предѣлы измѣнчивости температуры—15° и + 30° стоградуснаго термометра.

[1]) Даже теперь въ деревняхъ и мелкихъ городахъ Оверни обыкновенную пищу жителей составляетъ хлѣбъ изъ ржаной муки съ отрубями. Имъ запасаются на нѣсколько мѣсяцевъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пекутъ только два или три раза въ годъ. Онъ липокъ, тяжелъ и скоро подвергается плѣсени. Иногда приходится рубить его топоромъ. Сельское населеніе Оверни проводитъ зимніе мѣсяцы въ хлѣвахъ вмѣстѣ со скотомъ. Тамъ ставитъ постели, а въ домѣ только готовитъ обѣдъ и ужинъ. Нравы сельскаго сословія отличаются, по единогласному отзыву, цѣломудріемъ и простотою. Фабричной промышленности почти не существуетъ. Самое земледѣліе находится на очень низкой степени

[2]) Далѣе Сидоній относительно плодородія почвы даетъ Оверни преимущество предъ Египтомъ и Ливіей, передъ Фригіей, Апуліей, и Калабріей. Loco citato.

[3]) Sidon Epist. l IV, 21.

[4]) Даже въ настоящее время Овернь славится изобиліемъ дичи; въ горахъ не перевелись еще кабаны, волки и лисицы. Въ 1787 г. убили рысь въ окрестностяхъ Сенъ Флура (S Flour). Пастбища на горахъ, о которыхъ говоритъ Сидоній, и теперь составляютъ особенность Оверни.

опоясанные пастбищами, склоны покрытые виноградниками, виллы расположенныя на равнинахъ, замки на утесахъ, густые лѣса, обработанныя поля, ручьи въ долинахъ, рѣки, текущія въ глубокихъ обрывахъ,—все это придаетъ ей такую прелесть, что многіе чужеземцы, увидѣвъ ее, забывали свою родину». Дѣйствительно, даже послѣ тѣхъ опустошеній, которымъ подверглась Овернь во время борьбы съ Вестготами, долина Аллье возбуждала восторгъ и удивленіе пришельцевъ. «Какъ хотѣлось бы мнѣ, говорилъ въ 531 году Хильдебертъ франкскій [1]), взглянуть собственными глазами на леманъ Оверни, который такъ славится по разсказамъ своею пріятностію». Благодаря своему положенію, Овернь ушла и отъ варварскихъ военныхъ поселеній, встрѣчающихся въ ней весьма рѣдко, и отъ опустошительныхъ войнъ и набѣговъ непріятелей. Движеніе варваровъ проходило стороной, а вмѣстѣ съ нимъ миновали Овернь и не менѣе тяжелые для провинцій переходы римскихъ войскъ, состоящихъ также изъ варваровъ. Грабежи, произведенные конницею Литорія въ 436 году, являются самымъ значительнымъ, едва ли не единственнымъ опустошеніемъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Оттого-то въ Оверни находимъ мы такъ много богатыхъ виллъ въ то время, какъ въ самой Италіи цѣлыя области были опустошены и покрыты развалинами. Вслѣдствіе этого исключительнаго положенія населеніе Оверни и другихъ гористыхъ частей I-ой Аквитаніи съ меньшимъ равнодушіемъ должно было смотрѣть на возможность варварскаго завоеванія. То, что было дѣломъ обыкновеннымъ для другихъ провинцій, здѣсь было новостію. Была еще и другая особенность. Населеніе Оверни вмѣстѣ съ

Скотоводство точно такъ же, какъ и земледѣліе, не много подвинулось впередъ со времени Сидонія.

[1]) Greg. Turon. Historia Eccles. Francorum. I. III c. 9. Смотри также главу 11 той же книги.

кельтскимъ нарѣчіемъ сохранило также и многія особенности древнихъ гальскихъ учрежденій. Нигдѣ, за исключеніемъ развѣ Арморики, мѣстная аристократія не сохранила бо́льшаго значенія, чѣмъ въ I Аквитаніи. Роды, носившіе классическія имена Авитовъ и Ферреоловъ, гордившіеся званіемъ патриціевъ и курульскими креслами предковъ, сильно напоминали относительно низшаго класса предводителей клановъ. Историческое движеніе древнихъ гальскихъ учрежденій, представляющее собою переходъ отъ теократической монархіи къ владычеству демоса, остановилось въ горахъ Геводана, Руерга и Оверни на аристократическомъ образѣ правленія, и нѣкоторые роды успѣли сохранить свое значеніе до VI и, можетъ быть, до слѣдующихъ вѣковъ. Римское вліяніе не такъ глубоко проникло въ нравы населенія, чтобы разложить эти патріархальныя отношенія и замѣнить ихъ юридическими опредѣленіями римскаго права; римское вліяніе, какъ мы видѣли, успѣло вполнѣ овладѣть и высшимъ сословіемъ только въ послѣднее время существованія Римской имперіи. Аристократія Оверни по своимъ нравственнымъ качествамъ далеко не походила на высшее сословіе другихъ провинцій. Существенную разницу въ нравахъ можно замѣтить, напримѣръ, между богатыми владѣльцами Аквитаніи I и Аквитаніи II, хотя эти области и не отдѣлялись другъ отъ друга естественными границами. Нравственною крѣпостію, мужественной энергіей отличаются аристократы I Аквитаніи, еще не растратившіе силъ среди оргій римскаго образа жизни. Овернскій владѣлецъ былъ близокъ къ своимъ кліентамъ по натурѣ и привычкамъ, если не по образованію. Поэтому, когда въ другихъ областяхъ римской Галліи низшія сословія призываютъ варваровъ, чтобы избавиться отъ двойнаго притѣсненія фиска и мѣстной аристократіи, въ I Аквитаніи, по крайней мѣрѣ въ юговосточной ея части, владѣльцы могли разсчитывать на дружную помощь со стороны

земледѣльческаго класса. Нужно имѣть постоянно въ виду эту особенную постановку высшихъ и низшихъ классовъ общества, чтобы понять упорную борьбу Оверни съ Вестготами.

Какіе же интересы могли быть у высшаго сословія, пользовавшагося такимъ исключительнымъ вліяніемъ? Прежде всего замѣтимъ, что высшее сословіе, такъ поздно отрекшееся отъ кельтскаго языка и сохранившее нравственную крѣпость, въ половинѣ V вѣка уже приняло со всѣмъ увлеченіемъ и римское образованіе, и римскій образъ жизни. Не говоримъ уже о томъ, что христіанство во всей чистотѣ православнаго ученія было усвоено населеніемъ Оверни и другихъ частей Аквитаніи со всѣмъ усердіемъ простыхъ, неиспорченныхъ натуръ, и мысль, подвергнуться владычеству еретиковъ Вестготовъ, внушала общій ужасъ. Легкости, подвижности южнаго характера точно также мало было въ населеніи юговосточной части I Аквитаніи, какъ и особенностей южнаго климата въ горахъ Руерга и Оверни, не смотря на ихъ географическое положеніе [1]). Подражаніе римскому образу жизни заставляло аквитанскихъ аристократовъ строить свои виллы и дома совершенно по образцу италіанскихъ, не смотря на суровость зимы. Такимъ образомъ преданность православію и римской цивилизаціи были крѣпкою связью, присоединявшею высшее сословіе I Аквитаніи къ Риму, потому попытки Агриппина, Арванда и другихъ предать Галлію въ руки аріанскихъ варваровъ возбуждали почти общее негодованіе въ высшихъ слояхъ общества, не находя сочувствія и въ низшихъ классахъ. Тѣмъ съ бо́льшею бдительностію слѣдила за подобнаго рода интригами мѣстная аристократія, чѣмъ безпомощнѣе становилось положеніе страны и чѣмъ ближе грозила опасность.

Въ описываемое время I Аквитанія съ трехъ сторонъ окружена была варварскими владѣніями и только сѣверною частію,

[1]) См. выше отзывъ д'Ормессона о характерѣ жителей Оверни.

берегомъ Луары, примыкала къ областямъ, еще числившимся подъ непосредственною властію Рима. Мы говоримъ числившимся, потому что едва ли можетъ быть рѣчь о дѣйствительной власти римскаго правительства въ III и IV Ліонскихъ провинціяхъ. Правда, послѣ смерти Эгидія прекратился разрывъ съ имперіею и мы находимъ здѣсь какого-то Павла, который, предводительствуя римскими и франкскими ополченіями, старался вытѣснить Саксовъ Адовакра изъ Анжера; но все, что можно извлечь изъ темнаго и перепутаннаго разсказа Григорія Турскаго [1]) объ этихъ событіяхъ, доказываетъ только полное паденіе римскаго владычества и переходъ дѣйствительной власти въ руки Хильдериха франкскаго, который послѣ кончины Павла былъ, какъ кажется, облеченъ отъ имперіи званіемъ начальника войскъ въ этой части Галліи. Особеннаго римскаго правителя мы не находимъ и житіе Женевьевы, подверженное письмомъ епископа Ремигія къ Хлодвигу, сыну Хильдериха, доказываетъ только важное значеніе этого предводителя. И такъ съ сѣвера, отъ Саксовъ анжерскихъ и Франковъ Хильдериха, нечего было ждать помощи I-ой Аквитаніи; довольно того, что она была пока безопасна отъ ихъ непріязненныхъ дѣйствій.

Съ востока прилегали къ ней владѣнія Бургундовъ, Lugdunensis Germania, какъ говоритъ Сидоній [2]). Здѣсь по смерти Гундіоха четыре сына его: Хильперихъ, Годегизель, Годомаръ, и Гундобальдъ раздѣлили между собою отцовскія земли. Уже самое

---

[1]) Britanni de Biturica a Gothis expulsi sunt, multis apud Dolensem vicum peremtis. Paulus vero comes cum Romanis ac Francis, Gothis bella intulit, et praedas egit. Veniente vero Adovacrio Andegavis. Childericus rex sequenti die advenit, interemtoque Paulo comite civitatem obtinuit. Magno ea die incendio domus ecclesiae concremata est. Greg. Tur. Hist II, 18. См. объясненіе этого мѣста у Pétigny II, 231 et sequent. Объясненіе Фориэля менѣе удовлетворительно.

[2]) Sidon. Epist. I. V. 7.

раздѣленіе власти между нѣсколькими королями дѣлало сосѣдство Бургундовъ не такъ опаснымъ для I Аквитаніи; но были и особенныя причины, заставлявшія бургундскихъ королей сохранять дружескія отношенія къ римскимъ областямъ. Это было, во первыхъ, родство ихъ съ Рицимеромъ, во вторыхъ, вражда между ними самими, кончившаяся трагическою гибелью почти всѣхъ ихъ. Младшій, Гундобальдъ, удалился въ Италію къ Рицимеру, своему дядѣ по матери, а Хильперихъ усилившійся насчетъ братьевъ, старался не раздражать римское правительство, чтобы не дать ему повода помогать Гундобальду. Это положеніе тетрарховъ бургундскихъ, какъ называетъ ихъ Сидоній, было выгодно для Аквитаніи. На время обезпечивалась не только безопасность восточной границы, но и нѣкоторая, правда, весьма подозрительная и своекорыстная помощь со стороны Хильпериха. Не имѣя силъ сами овладѣть плодоносной провинціей, Бургунды враждебно смотрѣли однако же на завоевательное стремленіе Готовъ.

Главная опасность грозила I Аквитаніи съ юга и особенно съ запада. Если юговосточная ея половина по гористому положенію была не такъ доступна для непріятеля, то плоскія равнины сѣверозападной ея части, примыкавшей къ Луарѣ, представляли мало средствъ для защиты. Очевидно, съ этой стороны должно было ждать нападенія и, дѣйствительно, почти тотчасъ послѣ суда надъ Арвандомъ, Ейрихъ спѣшилъ привести въ исполненіе планъ измѣнника. Съ многочисленнымъ войскомъ онъ двинулся въ Берри, разбилъ Бриттовъ Ріотама, слабые остатки которыхъ искали спасенія во владѣніяхъ Бургундовъ, и хотя Павелъ, этотъ послѣдній предводитель римскихъ войскъ въ сѣверной Галліи, сдѣлалъ нѣкоторое движеніе, чтобы остановить успѣхи Готовъ, онъ не могъ воспрепятствовать Ейриху завладѣть частію западной половины I Аквитаніи.

Въ такомъ положеніи засталъ Овернь Сидоній, воротившись изъ Рима; на мѣстѣ онъ понялъ всю опасность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожность средствъ для защиты. Покровитель и другъ Арванда, онъ увидѣлъ, какой бѣдой грозило для общественныхъ интересовъ Аквитаніи исполненіе его замысловъ. Ближайшая опасность предстояла впрочемъ не со стороны открыто враждебныхъ дѣйствій Вестготовъ. Ейрихъ нѣкоторое время дѣйствовалъ нерѣшительно, какъ бы не довѣряя своимъ силамъ и опасаясь окончательно раздражить имперію. Гораздо важнѣе были происки сильной партіи, желавшей окончательно предать въ руки варваровъ всю Галлію. Сюда принадлежали тѣ Галлоримляне знатнаго и не знатнаго происхожденія, которые пользовались смутами имперіи для своихъ корыстныхъ разсчетовъ.

Подробную, хотя и риторическую характеристику ихъ оставилъ Сидоній въ письмѣ къ Таумасту. «Это тѣ люди, говоритъ онъ, которые полагаютъ твердыя надежды на перевороты и особенно любятъ времена смутъ; подлые и безсовѣстные, львы въ преторіи и зайцы въ лагерѣ, они боятся и мира, потому что тогда потеряютъ свое значеніе, и войны, потому что придется сражаться» [1]). Во главѣ этой партіи стоялъ Серонатъ, достойный преемникъ Арванда въ званіи префекта преторіи. Далеко оставивъ за собою своего предшественника относительно корыстолюбія и произвола, онъ превосходилъ его и дерзостію. Представитель римскаго правительства, онъ и не думалъ скрывать своихъ переговоровъ съ Вестготами. «Знайте, такъ начинаетъ Сидоній изображеніе Сероната въ письмѣ къ Экдицію, знайте, что теперь съ каждымъ днемъ ясно обнаруживаются долго сдерживаемыя наклонности его свирѣпой натуры; онъ открыто завидуетъ, онъ притворяется

---

[1]) Sidon. Epistol. l. V, 7.

подлымъ образомъ, гордится, какъ рабъ, приказываетъ, какъ господинъ, произноситъ приговоры, какъ судья, клевещетъ, какъ варваръ. Постоянно вооруженный изъ трусости, голодный по скупости, страшный по корыстолюбію и жестокій изъ тщеславія, онъ безпрестанно или наказываетъ за воровство, или самъ совершаетъ его. Открыто и со смѣхомъ онъ толкуетъ о битвахъ съ мирными гражданами, о литературѣ съ варварами [1]). Хвастливо и при всѣхъ диктуетъ письма, онъ, которому едва ли знакомы первыя основанія грамотности, и безстыдно исправляетъ ихъ. Онъ даетъ приказы въ засѣданіяхъ и молчитъ во время совѣщаній, кощунствуетъ въ церкви и проповѣдуетъ за обѣдомъ; произноситъ приговоры въ спальнѣ и спитъ на трибуналѣ. Ежедневно онъ наполняетъ лѣса бѣглецами и виллы пришельцами, церкви преступниками и тюрьмы лицами духовнаго званія; превозноситъ похвалами Готовъ и ругается надъ Римлянами, издѣвается надъ префектами и заискиваетъ у сборщиковъ податей. Оставляя съ пренебреженіемъ кодексъ Ѳеодосія и предлагая законы Теодериха, онъ повсюду ищетъ старыхъ преступленій и новыхъ налоговъ» [2]). Мы привели самое письмо, потому что, изображая Сероната, оно не безполезно и для уясненія самаго характера Сидонія. Изысканность и вычурность выраженій, значительно ослабленная переводомъ, каламбуры и игра словъ рѣзко противорѣчатъ печальному

---

[1]) Ructat inter cives pugnas, inter barbaros litteras. Barbarus здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, значитъ miles, потому что собственно римскихъ гражданъ давно уже не было въ римскомъ войскѣ. Въ другомъ письмѣ Сидоній, указывая Кандидіану на странности равеннской жизни, между прочимъ, какъ примѣръ извращенія обыкновеннаго порядка вещей, приводитъ: *Student litteris foederati.* Это кажется ему такимъ необыкновеннымъ, какъ и то, что въ Равеннѣ aquae stant, turres fluunt, naves sedent, sitiunt vivi, natant sepulti и проч. въ этомъ же родѣ. См. книгу 1, письмо 8.

[2]) Sid. Epist. I. II, 1.

заключенію письма къ Эдиціо, находившемуся еще въ Римѣ, при дворѣ Антемія. «Кончи скорѣй дѣла, которыя могутъ тебя задерживать, кончи, во что бы то ни стало. Тебя ждетъ гибнущая свобода твоихъ трепещущихъ согражданъ. Съ отчаяніемъ или надеждами, но здѣсь рѣшились дѣйствовать только при твоемъ посредничествѣ или подъ твоимъ начальствомъ. Если отъ имперіи нечего ждать ни помощи, ни защиты, если Антемій, какъ слышно, утратилъ всякую власть, наша аристократія рѣшилась, судя по твоему совѣту, или оставить родину или постричься.»

Въ письмѣ къ Паннихію, гражданину Буржа [1]), Сидоній изображаетъ общій ужасъ, возбужденный въ провинціи вѣстью о приближеніи Сероната. «Ты знаешь, пишетъ онъ, или если, какъ мнѣ сдается, тебѣ еще неизвѣстно это, узнай изъ моего письма, что Серонатъ возвращается изъ Тулузы. Евантій уже явился въ Клаузенцію, расчищая узкія дороги и не оставляя на нихъ даже упавшихъ листьевъ. Чуть попадется какая нибудь яма, онъ съ трепетомъ принимается самъ заравнивать ее землею. Онъ идетъ впереди отъ самой долины Тарна, указывая дорогу своему звѣрю, подобно той рыбкѣ (musculus), которая отыскиваетъ для огромныхъ китовъ путь среди отмѣлей и подводныхъ камней. Серонатъ, столь же скорый къ раздражительности, какъ тяжелый на подъемъ, приближается уже къ помертвѣвшимъ отъ страха жителямъ Геводана, подобно дракону, едва выползшему изъ своего логовища. Неслыханными податями онъ удручаетъ разбѣжавшихся и оставившихъ города жителей, не позволяя несчастнымъ даже и тогда возвращаться въ ихъ жилища, когда они нѣсколько разъ, вмѣсто одного, выплатили ежегодную повинность. Вѣрный знакъ его приближенія то, что, куда бы онъ ни направлялся,

[1]) Sid. Epist. I. V, 13.

повсюду влекутся толпы узниковъ, влачащихъ оковы [1]); онъ утѣшается ихъ горемъ, питается ихъ голодомъ и считаетъ за особенное удовольствіе прежде наругаться надъ тѣми, которыхъ онъ современемъ накажетъ и осудитъ. Онъ приказываетъ мущинамъ отращивать волосы и стрижетъ женщинъ. Если ему случается помиловать, что бываетъ очень рѣдко, онъ дѣлаетъ это иногда изъ корыстолюбія, иногда изъ тщеславія, никогда изъ состраданія... Поэтому, такъ какъ это несчастіе близится (Богъ да сохранитъ насъ отъ его коварства!), прими благоразумныя мѣры противъ бѣды; мировыми сдѣлками обезпечь себя противъ тяжбъ съ кляузниками, если онѣ имѣются въ виду, запасись квитанціями въ уплатѣ податей; пусть этотъ злодѣй не найдетъ случая повредить честнымъ людямъ, ни величаться предъ ними».

Мы не знаемъ, какъ поступалъ Серонатъ въ Оверни. Изъ письма Сидонія, относящагося впрочемъ уже къ позднѣйшему времени, мы узнаемъ только, что Серонатъ явнымъ образомъ предавалъ провинціи Готамъ, что римское правительство не обращало или не хотѣло обращать вниманія на преступные замыслы и что овернская аристократія рѣшилась захватить измѣнника и представила его въ Римъ вмѣстѣ съ ясными уликами въ преступленіи. Это было смѣлымъ подвигомъ, потому что если и нѣтъ прямыхъ указаній, то изъ общаго хода дѣлъ ясно, что Рицимеръ, окончательно поссорившійся съ своимъ тестемъ, былъ далеко не противъ подобныхъ попытокъ. Серонатъ былъ схваченъ и судимъ въ концѣ 471 года; даже и послѣ полнаго уличенія преступника римскій сенатъ не вдругъ рѣшился осудить его на смерть и произнесъ приговоръ только послѣ продолжительнаго колебанія [2]). Осужденіе Сероната было послѣднимъ дѣломъ Антемія, имѣющимъ отношеніе къ

[1]) Vincti trahuntur vincula trahentes.

[1]) Sid. Epistol. I. VII, 7.

судьбѣ римской Галліи. Тайной сдѣлкой съ византійскимъ дворомъ рѣшился Рицимеръ избавиться отъ своего тестя; участь Аспара, погибшаго въ Константинополѣ, заставляла его опасаться за свою безопасность. Кліентъ Гензериха вандальскаго, Олибрій, недостойный членъ знаменитой фамиліи Аниціевъ, прославленной въ лѣтописяхъ христіанства, рѣшился, съ согласія Леона, принять власть изъ рукъ Рицимера. Антемій не могъ бороться долго: 11 іюля 472 года Римъ былъ взятъ приступомъ войсками, еще носившими имя римскихъ легіоновъ, и Антемій погибъ у алтаря базилики Св. Петра. Четвертый властитель Рима облекался пурпуромъ по волѣ наглаго Свева и трое сошли въ могилу потому, что не хотѣли или не могли выносить униженія своего достоинства передъ прихотью и произволомъ дерзкаго варвара. То, что сказалъ Орозій о жалкой судьбѣ Аттала, можетъ быть примѣнено и къ преемникамъ Петронія Максима съ тою только разницею, что Авитъ, Майоріанъ и даже Антемій были достойны лучшей участи.

Съ скорбнымъ чувствомъ проходитъ мыслію историкъ послѣднее время Римской имперіи и разсказываетъ ея паденіе. Колоссальное зданіе, воздвигнутое вѣками, рушится не столько отъ напора внѣшнихъ враговъ, сколько подъ бременемъ собственной своей тяжести. Начала разрушенія обнаружились въ государственномъ организмѣ Рима еще прежде, чѣмъ монархическія учрежденія замѣнили собою древній образъ правленія, и преемники Августа могли только продлить на нѣсколько столѣтій существованіе Рима и успѣть совершить въ это время свое великое дѣло распространенія римской цивилизаціи между безчисленными народами, признававшими надъ собою власть вѣчнаго города, подѣлиться съ ними богатыми результатами многотрудной жизни римскаго народа. Такова была всемірно-историческая задача Римской имперіи и, совершивъ

ее, она должна была очистить мѣсто для новыхъ народовъ, ею же вызванныхъ къ исторической жизни. Мы присутствуемъ при послѣдней агоніи дряхлаго Рима цезарей, разсказывая безпристрастно его тяжелыя, предсмертныя минуты, его старчески болѣзненное истощеніе, но не забудемъ, что ни одинъ результатъ его 12-вѣковой дѣятельности не умираетъ вмѣстѣ съ нимъ. Напротивъ, и это составляетъ свѣтлую сторону картины, на которой успокоивается взволнованный духъ историка, напротивъ, одновременно съ разложеніемъ стараго порядка вещей видно ясно начало созиданія новаго. Взгляните на вождей германскихъ дружинъ, проникнувшихъ въ самое сердце имперіи,—ихъ главное стремленіе основать свою власть на тѣхъ же самыхъ началахъ, которыми держалось разрушенное ими государство; идею монархической власти, какъ она выработалась въ римско-христіанскихъ понятіяхъ, стараются внушить имъ окружающіе ихъ совѣтники, особенно епископы. Едва нѣсколько окрѣпла монархическая власть въ новыхъ европейскихъ государствахъ, какъ уже тотчасъ съ любовію обращается къ преданіямъ и учрежденіямъ Римской имперіи, въ нихъ ищетъ уроковъ для своей неопытности, ихъ стремится возвратить къ жизни. Нужно ли говорить о томъ, что древняя наука и римское право пережили также паденіе имперіи? Подъ своими развалинами павшій Римъ не скрылъ ни одного изъ великихъ результатовъ своей дѣятельности. Вотъ почему историкъ безъ смущенія и страха развертываетъ печальную лѣтопись его послѣдняго времени. Въ самомъ V вѣкѣ онъ находитъ людей, которые безъ боязни и съ надеждой на лучшее будущее смотрѣли на совершавшееся вокругъ нихъ разрушеніе. Никто ближе бл. Августина не видалъ разгрома имперіи; онъ умеръ въ городѣ Африки, осажденномъ аріанскими Вандалами, пришедшими съ береговъ Балтійскаго моря, и никто однако же полнѣе гиппонскаго

епископа не оправдалъ законности и необходимости совершавшагося переворота. Мысль, просвѣтлѣнная христіанствомъ, безтрепетно созерцала страшную картину паденія имперіи; она знала, что великіе результаты ея жизни не исчезнутъ вмѣстѣ съ нею, а будутъ усвоены новыми, разрушившими ее, народами, которые вполнѣ осуществятъ тѣ идеалы, къ коимъ стремились люди древняго міра. Оттого-то христіанская церковь съ надеждой смотрѣла на приближающихся варваровъ; видя въ нихъ совершителей воли Божественнаго промысла, она заботилась только о томъ, чтобы, просвѣтивъ ихъ истинною религіей, сдѣлать ихъ достойными высокаго назначенія быть обновителями древняго міра.

Участіе въ сверженіи Сероната было послѣднимъ дѣломъ гражданской дѣятельности Сидонія. Въ концѣ 471 г. мы находимъ его уже епископомъ Оверни [1]).

Такъ кончилъ свое политическое поприще зять Авита. Петиньи въ своемъ превосходномъ трудѣ посвятилъ краснорѣчивую страницу для опредѣленія его политическаго характера. «Сидоній, говоритъ онъ [2]), есть полное выраженіе лучшей части высшаго сословія V вѣка, благонамѣренныхъ людей этого времени, какъ мы можемъ назвать ихъ. Эта образованная, изящная, остроумная аристократія, соединяющая съ христіанскими добродѣтелями всю тонкость древняго образованія, привлекаетъ своими любезными качествами, интересуетъ своими несчастіями; но ей недоставало нравственной энергіи, безъ которой нѣтъ спасенія ни для отдѣльныхъ лицъ, ни для народовъ; страхъ уничтожилъ доблести, эгоизмъ изсушилъ сердце. Тогда обнаружилось то, что всегда является въ годины общественнаго разложенія. Когда исчезла вѣра изъ политическаго

---

[1]) Germain. Essai p. 19.

[2]) Pétigny Etudes II, 209.

міра, и покорность совершившимся событіямъ сдѣлалась единственнымъ правиломъ долга, когда ненасытное исканіе богатствъ возбуждало низкое честолюбіе и подавляло великодушныя чувства, когда борьба частныхъ интересовъ заступила мѣсто патріотическихъ порывовъ, лучшими людьми овладѣло глубокое отвращеніе къ дѣятельности, глубокое уныніе. Одни, и сюда принадлежали люди съ высокой душой и благороднѣйшимъ сердцемъ, одни удаляются со сцены общественной дѣятельности, уединяются и заключаются въ святилищѣ частныхъ и семейныхъ добродѣтелей; другіе думаютъ уменьшить зло дурнаго управленія, принявъ участіе въ его дѣйствіяхъ и, поддавшись обаянію лести со стороны лицъ, облеченныхъ властію, которые имѣютъ въ нихъ нужду, чтобы прикрыться защитой ихъ нравственныхъ достоинствъ, они, лишенные возможности дѣйствовать для блага, невольнымъ сообщничествомъ лишаютъ себя даже и права протестовать противъ зла». Къ людямъ послѣдней категоріи относитъ Петиньи и Сидонія. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, признать этотъ отзывъ вполнѣ справедливымъ и смѣемъ думать, что наше мнѣніе о характерѣ политической дѣятельности Сидонія, если и будетъ строже, зато болѣе согласно съ печальной дѣйствительностію.

Свою политическую дѣятельность началъ ліонскій литераторъ безъ ясныхъ и установившихся убѣжденій, которыя бы могли заранѣе опредѣлить характеръ этой дѣятельности. Не будемъ ставить въ особую вину Сидонію того, что было общею болѣзнію времени. Лишенные твердой точки опоры, политическіе дѣятели были увлекаемы вихремъ событій, дѣйствовали безъ опредѣленнаго плана, подчиняясь самымъ противоположнымъ вліяніямъ, не задумываясь, не осмысливая и не повѣряя предъ судомъ политической совѣсти своихъ дѣйствій. Разумѣется, это не относится ни къ тѣмъ изъ нихъ, которые сходили со сцены, убѣдившись въ невозможности дѣйствовать

добросовѣстно, ни къ тѣмъ, которые гибли въ борьбѣ съ общимъ порядкомъ. Только полное устраненіе отъ общественной дѣятельности или трагическая, по большей части безполезная гибель могли спасти людей отъ нареканія и упрековъ въ политической безнравственности. Не будемъ же строго судить Сидонія за отсутствіе твердыхъ убѣжденій; но не будемъ также и выставлять, на перекоръ дѣйствительному его характеру, его участіе въ событіяхъ какимъ-то великодушнымъ подвигомъ самоотверженія. Его воспріимчивая, но поверхностная натура, сбитая съ пути риторическимъ воспитаніемъ и діалектикой, не была вовсе способна къ сосредоточенію мысли, къ ясному и сколько нибудь глубокому пониманію и общественнаго положенія, и своихъ отношеній къ современной дѣйствительности. Риторомъ вы ступилъ онъ на политическое поприще, риторомъ и сошелъ съ него. Даже въ послѣдній, повидимому, болѣе серьезный и сознательный періодъ его жизни, въ немъ ни разу не сказалась потребность оглядѣть пройденный путь, постараться согласить какъ нибудь свои безпрестанные переходы отъ одного мнѣнія къ другому и частыя перемѣны партій. Собирая и издавая въ свѣтъ свои письма, выбирая изъ нихъ только лучшія и тщательно выправляя слогъ, онъ ни разу не былъ пораженъ несообразностью и непослѣдовательностью своихъ поступковъ. Риторическое письмо, гдѣ онъ оплакиваетъ горькую участь предателя Арванда, помѣщено только что не рядомъ съ неменѣе риторическимъ описаніемъ Сероната, гдѣ Сидоній является ожесточеннымъ противникомъ тѣхъ самыхъ замысловъ, которые извинялъ онъ, годъ тому назадъ. Описывая характеръ Пеонія и обвиняя его, какъ виновника смутъ, взволновавшихъ Галлію по смерти Авита, онъ какъ бы забываетъ, что самъ былъ главнымъ двигателемъ возстанія. Не говоримъ уже о панегирикахъ. Мало того, что Сидоній не имѣлъ политическихъ убѣжденій, едва ли онъ

сознавалъ ихъ необходимость для лицъ государственныхъ. Только временное удаленіе отъ дѣлъ послѣ гибели Майоріана останавливаетъ нѣсколько историка отъ обвиненія Сидонія въ отсутствіи всякой политической нравственности.

Какъ человѣкъ, Сидоній внушаетъ къ себѣ много участія. Въ его семейной жизни, въ его отношеніяхъ къ многочисленнымъ друзьямъ и товарищамъ дѣтства, къ постороннимъ лицамъ, входившимъ съ нимъ въ болѣе или менѣе близкія сношенія, выказывается лучшая сторона его характера, его добрая натура. Стоитъ прочитать письма Сидонія къ Феликсу, къ Авиту, тѣ, въ которыхъ онъ говоритъ о женѣ и дочеряхъ, чтобы убѣдиться въ возможности полнаго сохраненія семейныхъ и частныхъ добродѣтелей при неменѣе полномъ отсутствіи нравственности политической.

Крѣпости вовсе не было въ характерѣ Сидонія. Въ рядахъ духовенства встрѣтился онъ съ своимъ школьнымъ товарищемъ и другомъ, Магномъ Феликсомъ; но какая разница была между ними! Одинъ пришелъ въ убѣжище, открытое церковію для всѣхъ, кто могъ имѣть въ немъ нужду, утомленный, разбитый практической дѣятельностію; онъ горячо искалъ удовлетворенія во всѣхъ сферахъ, но потерялъ только вѣру и въ политику, и въ науку, и въ самое слово и потому смолкъ навсегда въ тѣсной кельѣ монастыря. Другой, не отказавшійся ни отъ прежняго легкомыслія, ни отъ притязаній на литературную извѣстность, ни отъ риторства, ни отъ аристократическихъ предразсудковъ, искалъ въ церкви только того значенія, котораго не могъ пріобрѣсти прочнымъ образомъ при дворѣ трехъ цезарей. Неожиданно явился Сидоній на епископской каѳедрѣ; но его появленію не предшествовалъ внутренній переворотъ, нравственный кризисъ. Не смотря на безпрестанную измѣнчивость своихъ поступковъ, Сидоній остался вѣренъ себѣ и въ литературной, и въ политической, и въ церковной

дѣятельности. Тяжелые опыты, которыхъ было слишкомъ достаточно, чтобы сломить самую крѣпкую волю и задавить самыя вѣрныя надежды, прошли какъ-то мимо, не оставивъ слѣдовъ на его легкомысленномъ характерѣ, и онъ также бодро и самодовольно вышелъ на новое поприще, какъ выступалъ нѣкогда на политическую дорогу. Зато, если новая дѣятельность оказалась важнѣе и плодотворнѣе прежней, заслуга не самого Сидонія, а того учрежденія, которое, покрывая своей защитой всѣхъ и каждаго, умѣло въ то же время употребить во благо и направить къ высокой цѣли самыя разнообразныя способности тѣхъ, кто становился въ ряды его служителей.

ГЛАВА III.

Проходя мыслію грустную исторію разложенія древняго государственнаго быта и цивилизаціи, нельзя не поразиться тою рѣзкой противоположностію, которая замѣтна между духовнымъ и свѣтскимъ обществомъ. Передъ нами открывается какъ бы новый міръ, богатый жизненными силами, залогами долгой и славной будущности. На каждомъ шагу историкъ этого тяжелаго времени встрѣчаетъ въ организаціи церкви, въ дѣятельности ея членовъ прочность и силу, отсутствіе которыхъ такъ бросается въ глаза въ политической и умственной дѣятельности свѣтскаго общества. Мы видѣли, какъ слабо было политическое единство въ Западной римской имперіи, не говоря уже объ единствѣ всего римскаго міра, какъ одна

за другой отпадали отъ нея провинціи, начиная свое отдѣльное существованіе, какъ замерло чувство римскаго патріотизма и не всегда выказывался патріотизмъ даже мѣстный, провинціальный; не то находимъ мы въ церкви. Для единенія вѣрованій не существовало политическихъ границъ. Разсматривая исторію церковнаго управленія Галліи, мы почти не замѣчаемъ раздѣла этой страны между нѣсколькими правительствами. Въ теченіи V вѣка было 25 соборовъ, и въ 475 году, въ самое смутное для Галліи время, въ Арль съѣхалось 44 епископа, чтобы разсмотрѣть и осудить ученіе священника Люцида касательно предопредѣленія. Можно сказать, что, чѣмъ яснѣе обнаруживалось стремленіе къ политическому разъединенію, тѣмъ болѣе держались за церковное единство [1]). Въ письмахъ Сидонія мы находимъ многочисленныя доказательства, какъ непрерывны были сношенія между духовными лицами самыхъ отдаленныхъ частей Галліи. Еще разительнѣе представляется общеніе Галліи съ другими частями христіанско-римскаго міра. Не говоримъ уже о сношеніяхъ гальской церкви съ Италіею; замѣтимъ только одно характеристическое обстоятельство. Аріанскіе короли Вестготовъ и Бургундовъ, когда ихъ не увлекала фанатическая нетерпимость, не только не мѣшали обычному ходу церковнаго управленія, мало того, являлись блюстителями его правильности и при дѣйствительномъ или кажущемся уклоненіи отъ каноновъ спѣшили предупредить объ этомъ римскаго епископа, начинавшаго уже получать нѣкоторое, по крайней мѣрѣ нравственное, вліяніе на дѣла западной церкви. Такъ Фридерихъ, братъ Теодериха II готскаго, пишетъ къ римскому епископу о неправильномъ посвященіи Гермеса въ епископы Нарбонны (въ 461

[1]) Ut. .. populos Galliarum, quos limes Gothicae sortis incluserit, teneamus ex fide, etsi non tenemus ex foedere. Sidon. l. VII, ep. 6 in fine.

году) и вызываетъ обсужденіе этого дѣла на соборѣ въ Римѣ [1]). Подобный же случай находимъ и въ исторіи королей бургундскихъ [2]). Такимъ образомъ, церковь съумѣла обратить въ защитниковъ церковнаго единства даже тѣхъ, кому, повидимому, всего выгоднѣе было его уничтоженіе. Блаженный Августинъ въ Африкѣ, блаженный Іеронимъ въ Палестинѣ и Павлинъ въ Нолѣ (въ Италіи) дѣятельно переписывались съ епископами Галліи. Къ нимъ обращались со всѣхъ сторонъ духовныя и свѣтскія лица съ просьбами о разрѣшеніи нѣкоторыхъ недоумѣній и спорныхъ пунктовъ, ихъ извѣщали о появленіи ложныхъ мнѣній и о мѣрахъ, принятыхъ для ихъ уничтоженія. Благочестивые путешественники или нарочные посланцы переносили письма и богословскіе трактаты съ одного конца христіанскаго міра на другой. Въ концѣ IV вѣка (около 396 или 397 г.) священникъ южной Галліи, Вигиланцій, два раза носившій къ Павлину нолянскому письма отъ его друга Сульпиція Севера, отправляется въ Виѳлеемъ, чтобы вручить блаженному Іерониму панегирикъ императору Ѳеодосію, только что написанный епископомъ Нолы. Отсюда онъ совершаетъ путешествіе по Египту и, принявъ потомъ участіе въ спорахъ палестинской церкви, несетъ въ Италію трактатъ Іеронима о монашеской жизни. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ возвращенія Вигиланція въ Галлію и, увлеченный своимъ дерзкимъ, самонадѣяннымъ характеромъ, обнаружившимся уже частію во время пребыванія его на Востокѣ, онъ началъ рас-

---

[1]) Дѣло Гермеса изложено въ примѣчаніи Грегуара и Колломбе къ Аполлинарію Сидонію, t. II pp. 253 и 254. Въ письмѣ Папы Иларія къ Леонтію, епископу Арля, Фридерихъ называется сыномъ.

[2]) Гундіохъ бургундскій жаловался въ 463 г. папѣ Иларію на то, что Мамертъ вьенскій неправильно посвятилъ епископа города Дьѣ. Дѣло было разсмотрѣно на соборѣ галльскихъ епископовъ въ томъ же году или въ началѣ 464-го. Quantum enim *filii nostri*, viri illustris, magistri militum Gunduici sermone est indicatum, пишетъ Иларій къ Леонтію.

пространять свои возраженія противъ ученія церкви, опровергать почитаніе святыхъ мощей, безбрачіе и монашескую жизнь, путешествія ко св. мѣстамъ и т. д. Священникъ Рипарій, жившій отъ него недалеко, спѣшилъ немедленно увѣдомить блаженнаго Іеронима о появленіи новой ереси. Около 407 года, по просьбѣ Іеронима, тотъ же Рипарій, вмѣстѣ съ другимъ священникомъ, Дезидеріемъ, посылаетъ въ Палестину и самыя сочиненія Вигиланція, на которыя виѳлеемскій отшельникъ пишетъ подробное опроверженіе [1]). Не будемъ говорить о знаменитомъ спорѣ Пелагія съ блаженнымъ Августиномъ о свободной волѣ человѣка и о благодати. Здѣсь дѣятельное участіе приняли епископы Галліи, и Испанецъ Орозій, ученикъ святителя африканской церкви, явился на соборѣ въ Палестинѣ, чтобы лично обвинить Бретона Пелагія. Приведемъ лучше другой примѣръ. Аподемъ, отправляясь въ Палестину, несетъ въ Виѳлеемъ два посланія изъ Галліи. Въ одномъ изъ нихъ, Гедибія, благородная Галлоримлянка изъ Байё, предлагаетъ на разрѣшеніе блаженному Іерониму 12 вопросовъ: о способахъ нравственнаго совершенствованія, о поведеніи вдовы, не имѣющей дѣтей, о соглашеніи между собою нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія и т. д. Въ другомъ, Алгазія, съ противоположнаго конца Галліи, изъ Кагора, проситъ рѣшенія на 11 вопросовъ относительно различныхъ мѣстъ Евангелія и посланій Ап. Павла. Въ 407 году Іеронимъ отвѣчаетъ на эти письма, указывая Гедибіи на свое толкованіе Евангелія отъ Матѳея, отсылая Алгазію къ кагорскому священнику Алету за болѣе подробными объясненіями. Замѣчательно обстоятельство, что блаженный Іеронимъ едва ли былъ въ непосредствен-

[1]) См. Neander, Allgemeine Geschichte der Christlichen Religion und Kirche, II Band, 1 Abtheil. 317, 2 Abth. 591 и 721. Извлеченіе изъ письма блаж. Іеронима, гдѣ обозначены главные пункты ереси Вигиланція у Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte t. I, 401, въ примѣчаніи.

ныхъ сношеніяхъ съ самимъ Алетомъ и зналъ его только по слухамъ [1]). Можно сказать утвердительно, что въ это время всѣ, сколько нибудь замѣчательные, дѣятели гальской церкви были хорошо извѣстны на Востокѣ и въ Африкѣ, не говоря уже объ Италіи, и наоборотъ. Каждое новое твореніе становилось тотчасъ общимъ достояніемъ всего христіанскаго міра, и ни одинъ высокій подвигъ христіанской жизни, совершавшійся въ самомъ отдаленномъ краю, не проходилъ незамѣченнымъ, но каждый возбуждалъ сочувствіе и удивленіе во всей церкви. Трогательные примѣры встрѣчаемъ мы въ исторіи подвижниковъ того времени. Такъ, по разсказу житія Женевьевы парижской, написаннаго вскорѣ послѣ ея кончи-

---

[1]) Приведемъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми обращались къ Іерониму, Августину и Павлину изъ Галліи. Священникъ Аманд, бывшій въ послѣдствіи епископомъ бордосскимъ, писалъ къ бл. Іерониму около 394 года, проси у него объясненій на слѣдующія мѣста Св. Писанія. 1) Евангелія отъ Матеея VI, 34. 2) Къ Коринеянамъ I посланіе, глава VI, 18, и 3) Того же посланія гл. XII, 25 и 26. Кромѣ того просилъ совѣта относительно одного вопроса церковнаго управленія (Hier. ep. ad Amandum). Священникъ Дезидерій, тотъ самый, который вмѣстѣ съ Рипаріемъ послалъ бл. Іерониму сочиненія Вигиланція, пишетъ къ Павлину нолянскому, проси объяснить ему смыслъ благословенія Іакова передъ его кончиной. Отвѣтъ Павлина относится къ 406 году. Около 411 года, монахъ Рустикъ обращается къ блаженному Іерониму съ вопросами о правилахъ монастырской жизни (Hieron. ep. 95). Дарданъ, префектъ Галліи, предлагаетъ бл. Августину два вопроса, на которые гиппонскій епископъ отвѣчалъ цѣлыми трактатами (см. письмо 187 и Retraction. II с. 49.), и вопросъ бл. Іерониму о томъ, гдѣ находится земля обѣтованная. Къ нему же адресовано письмо Іеронима о музыкальныхъ инструментахъ у Евреевъ, вызванное его же запросомъ. — Пустынники Минервій и Александръ просили у бл. Іеронима объясненія на 1 Посланіе къ Коринѳ. гл. XV, 51 (см. ep. ad Minerv.). Можно бы привести множество примѣровъ той быстроты, съ какою распространялись богословскія сочиненія; укажемъ на житіе Мартина турскаго, написанное Сульпиціемъ Severомъ и почти тотчасъ же сдѣлавшееся извѣстнымъ во всѣхъ концахъ христіанскаго міра.

ны [1]), Св. Симеонъ Столпникъ въ своемъ уединеніи зналъ о чудной жизни парижской дѣвы и просилъ у нея молитвенной помощи. Легенда, наравнѣ съ многочисленными документами, является неоспоримымъ свидѣтельствомъ самаго полнаго единенія церкви среди не менѣе полнаго политическаго разъединенія.

Такое же различіе находимъ мы и между церковными и гражданскими учрежденіями этого времени. Эдикты Константина В. и его преемниковъ щедро одѣлили христіанское духовенство правами и преимуществами всякаго рода; какъ будто Римская имперія хотѣла вознаградить церковь за нѣсколько столѣтій фанатическаго преслѣдованія. Духовенство по законамъ пользовалось освобожденіемъ отъ многихъ повинностей и налоговъ, правомъ собственнаго суда въ бо́льшей части случаевъ, наконецъ огромнымъ вліяніемъ на дѣла самаго гражданскаго и суѣбнаго управленія. Кто не знаетъ, какое важное значеніе имѣлъ епископъ въ томъ городѣ, гдѣ находилась его каѳедра? Не говоримъ уже о богатыхъ владѣніяхъ духовенства. Эдиктомъ 321 года разрѣшилъ Константинъ В. духовенству принимать вклады всякаго рода для церкви и владѣть землями; не прошло пятидесяти лѣтъ, какъ десятая часть имѣній во всѣхъ провинціяхъ находилась уже въ его рукахъ; такъ велико было усердіе жертвователей [2]). Не въ этомъ впрочемъ заключалось дѣйствительное могущество церкви и духовенства, а въ той организаціи, которая выработалась еще въ то время, когда епископы принимали мученическій вѣнецъ

[1]) Vies des Pères, des Martyrs et des autres principaux saints, trad. par l'abbé Godescard. 1794. I. 71. Здѣсь жизнь Женевьевы изложена на основаніи ея біографіи, написанной 18 лѣтъ послѣ ея кончины и потомъ на основаніи нѣсколько позднѣйшаго житія, помѣщеннаго въ знаменитыхъ Acta Sanctorum Болланда.

[2]) См. Planck, Geschichte der christlich-kirchlichen Gesellschafts-Verfassung. t. I. p. 281.

отъ римскихъ магистратовъ, и тысячи вѣрующихъ гибли по приказу языческихъ цезарей. Главная сила церкви заключалась въ крѣпкомъ единеніи всѣхъ ея членовъ въ то время, когда политическій эгоизмъ, своекорыстные интересы отдѣльныхъ лицъ и сословій уничтожали всѣ связи свѣтскаго общества. Достаточно самаго бѣглаго взгляда на учрежденія духовной власти, чтобы убѣдиться, какъ велико, а главное, какъ благотворно было значеніе церкви въ послѣднее время Римской имперіи. Можно смѣло сказать, что Церковь была единственнымъ живымъ учрежденіемъ среди обветшалыхъ формъ государственнаго устройства, отъ которыхъ давно уже отлетѣлъ духъ жизни. Первое, что бросается въ глаза, это— тѣсная связь между духовенствомъ и остальными членами христіанскаго общества. Ряды духовенства открыты для достойныхъ лицъ всѣхъ сословій точно также, какъ церковное убѣжище (asylum) для всѣхъ гонимыхъ и утѣсненныхъ. Въ избраніи епископа или священника принимаетъ участіе вся христіанская община, или, лучше сказать, избраніе зависитъ прямо отъ нея; духовная же или свѣтская высшая власть только утверждаетъ или отвергаетъ этотъ выборъ [1]). Изъ безчисленныхъ примѣровъ приведемъ одинъ, относящійся къ церковной исторіи Галліи этого времени. Гермесъ, архидіаконъ нарбоннской церкви, былъ посвященъ въ епископы Безьера; духовенство и граждане этого города по какимъ-то причинамъ не согласились принять его, и Гермесъ жилъ, не имѣя каѳедры до тѣхъ поръ, пока, послѣ смерти Рустика въ 451 г., жители Нарбонны не избрали его своимъ пастыремъ. Мы будемъ имѣть еще случай не разъ указать на избраніе

[1]) Лучше всего выразилось это признаніе необходимости участія всей общины въ избраніи епископа въ слѣдующихъ словахъ письма Льва, папы римскаго: Qui praefuturus est omnibus, ab omnibus eligatur. См. Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte I, 335, n. i.

епископовъ. Далѣе, мы видимъ частыя собранія епископовъ. Въ Галліи было 13 соборовъ въ IV и 25 въ V вѣкахъ и нѣтъ сомнѣнія, что многихъ мы еще не знаемъ. По правиламъ, епископы каждой церковной провинціи должны были собираться, если не два раза, то по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ. На соборѣ 441 г. было постановлено не расходиться, не назначивъ времени и мѣста будущаго собранія [1]). Относительно Галліи замѣтимъ одно обстоятельство, необходимо условливавшее частые съѣзды епископовъ: въ этой странѣ ни одинъ городъ не сдѣлался центромъ церковнаго управленія для всей Галліи, ни одинъ епископъ не получилъ правъ примаса. Нельзя сказать впрочемъ, чтобы не было стремленія къ сосредоточенію церковнаго управленія; но вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ первенство не могло быть присвоено ни однимъ изъ епископовъ. Вьенна, Арль, впослѣдствіи времени Реймсъ предъявляли одинъ за другимъ свои права или, лучше сказать, притязанія на старѣйшинство своихъ епископскихъ каѳедръ передъ другими. Не только не было примаса для всей Галліи; но даже еще не были опредѣлены съ точностію предѣлы церковныхъ провинцій и права митрополитовъ переходили иногда отъ епископа одного города къ епископу другаго [2]). Въ описываемое нами время шла борьба между Арлемъ и Вьенной и кончилась въ пользу перваго. Благодаря вліянію римскаго епископа, Арль сдѣлался центромъ церковнаго управленія для 5 провинцій: Вьеннской, Ліонской, двухъ Нарбонскихъ и

---

[1]) Въ письмѣ къ Леонтію арльскому папа Иларій требуетъ, чтобы съѣзды епископовъ были ежегодно. См. примѣчанія Грегуара и Коллонбе къ Ап. Сидонію, II, 254.

[2]) См., напримѣръ, споры ученыхъ объ утратѣ марсельскимъ епископомъ правъ митрополита 2 Нарбонской провинціи, по поводу темнаго мѣста въ 7 письмѣ VII книги Сидонія. Изданіе Сидонія Грегуара и Коллонбе, въ примѣчаніяхъ, т. II стр. 257 и слѣд.

Альповъ; митрополитъ же Вьенны сохранилъ права свои только надъ 4 епископскими каѳедрами [1]). Нельзя не замѣтить по этому случаю, какъ рано и какъ искусно начали проводить римскіе епископы свои стремленія къ полученію рѣшительнаго вліянія и власти въ западной половинѣ христіанскаго міра. Необыкновенно ловко умѣютъ они воспользоваться каждымъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти авторитетъ повсюду, чтобы заложить, гдѣ только можно, въ началѣ невидимыя основанія, на которыхъ современемъ должно было воздвигнуться зданіе папской власти. Въ это время вопросъ могъ быть, очевидно, только о нравственномъ вліяніи, не болѣе. Самая степень этого вліянія измѣнялась сообразно съ временными и мѣстными обстоятельствами. Дѣйствительную власть имѣлъ римскій епископъ только надъ 10, непосредсвенно ему подчиненными, итальянскими провинціями [2]).

Правда, эдиктами Валентиніана и Граціана и потомъ Валентиніана III онъ признанъ былъ главою церквей Западной имперіи, правда и то, что самая теорія верховной власти римскаго первосвященника, какъ преемника Св. Петра, начинала уже высказываться римскими епископами; тѣмъ не менѣе ихъ притязанія признавались положительно только въ западной Иллиріи. Въ Африкѣ, на соборахъ 407 и 418 годовъ постановлено было отлучать отъ церкви священниковъ и другихъ членовъ духовенства, которые вздумали бы перенести дѣло на судъ римскаго епископа. Въ Галліи римскій епископъ пользовался спорами о первенствѣ и, оказывая всѣми силами содѣйствіе арлскому епископу, онъ достигъ того, что сей послѣдній призналъ себя викаріемъ римскаго престола въ Галліи.

---

[1]) Именно надъ епископами Валенціи, Тарентезы, Женевы и Гренобля.

[2]) Ecclesiae suburbicarae перечислены у Гизелера t. I, стр. 345, прим. b.

Впрочемъ далѣе нѣкотораго нравственнаго вліянія не простирались успѣхи римскаго епископа [1]). Самый Арль былъ центромъ управленія только для пяти юго-восточныхъ провинцій; остальныя же были отъ него независимы. Такимъ образомъ отсутствіе централизаціи необходимо заставляло рѣшать всѣ дѣла, относившіяся до всей Галліи, на соборахъ епископовъ. Здѣсь, вмѣстѣ съ вопросами, касавшимися точнѣйшаго опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ христіанскаго ученія, обсуживались вопросы церковнаго управленія, споры относительно нѣкоторыхъ обрядовъ и частные случаи уклоненія отъ каноновъ. На соборахъ же епископовъ утверждались и приводились въ исполненіе нѣкоторыя постановленія, принадлежащія собственно къ области гражданскаго права или законовъ государственнаго благоустройства. Чѣмъ болѣе слабѣла свѣтская власть, тѣмъ болѣе расширялся кругъ дѣятельности членовъ церкви, и въ минуту паденія Западной римской имперіи епископы явились единственными хранителями римскаго права точно такъ, какъ они же были единственными представителями римской образованности [2]).

Чтобы вполнѣ понять всю противоположность духовнаго и свѣтскаго общества и все превосходство перваго, нужно обратиться къ умственной дѣятельности того и другаго, сравнить между собою памятники духовной и свѣтской литературъ.

---

[1]) Въ дѣлѣ о посвященіи вьеннскимъ митрополитомъ епископа въ Дьѣ папа Иларій дѣйствовалъ весьма осторожно. Не смотря на приговоръ римскаго епископа, Дьѣ постоянно оставался подъ юрисдикціею Вьенны.

[2]) 6-й канонъ Анкирскаго собора относится къ опредѣленію гражданскихъ отношеній супруговъ. 10-мъ канономъ Вазонскаго собора опредѣляется участь и состояніе незаконнорожденныхъ и подкидышей, 13-мъ Оранжскаго собора постановлено оказывать помощь сумасшедшимъ, 7 канономъ того же собора обезпечиваются права вольноотпущенныхъ. См. Revillout. De l'Arianisme des peuples germaniques qui ont envahi l'empire romain. p. 134 въ прим.

Характеръ послѣдней намъ уже извѣстенъ нѣсколько; кромѣ общаго понятія, которое мы имѣемъ, мы довольно близко присмотрѣлись къ произведеніямъ самаго славнаго изъ свѣтскихъ писателей этого времени. На всей свѣтской литературѣ лежитъ клеймо умственнаго безплодія [1]), и самые талантливые изъ ея дѣятелей не находятъ въ себѣ достаточныхъ силъ для сколько нибудь значительнаго и серьезнаго труда. Безсиліе мысли и пустота или мелочность внутренняго содержанія служатъ отличительнымъ признакомъ современной свѣтской литературы, и ея самодовольное притязаніе на родственное сходство съ цвѣтущими временами древней образованности только рѣзче выставляетъ на свѣтъ ея глубокое паденіе. Не то видимъ въ литературѣ духовной. Тѣмъ замѣтнѣе различіе въ содержаніи, чѣмъ полнѣе сходство относительно внѣшней формы; принятіе духовными писателями искусственнаго, риторическаго способа выраженія свѣтской литературы, очевидно, должно было стѣснять правильное, свободное развитіе ихъ мысли. Уже простое перечисленіе тѣхъ вопросовъ, которые занимали умы духовенства Галліи V вѣка, можетъ дать довольно ясное понятіе о характерѣ умственной дѣятельности членовъ церкви. Разумѣется, главною и ближайшею ея цѣлію прежде всего было точнѣйшее опредѣленіе нѣкоторыхъ пунктовъ ученія церкви и опроверженіе ложныхъ толкованій и ересей, которыя возникали въ это время. Въ этомъ отношеніи уже одна борьба съ аріанствомъ, принесеннымъ въ Галлію германскими завоевателями, должна была держать умы православнаго духовенства въ постоянномъ напряженіи. Сражаясь съ послѣдователями Арія, епископы Галліи не только старались защитить

[1]) Namque virtutes artium istarum seculis potius priscis seculorum rector ingenuit: quae per aetatem mundi jam *senescentis*, *lassatis veluti seminibus emedullatae* parum aliquid hoc tempore in quibuscumque, atque id in paucis mirandum ac memorabile ostentant. Sid. l. VIII, 6.

свою паству отъ еретическихъ заблужденій; можно сказать, что въ этой борьбѣ они являлись не просто поборниками чистоты христіанскаго ученія, но и защитниками самого христіанства. Вмѣстѣ съ тѣмъ они отстаивали и всю будущность европейской цивилизаціи, развитіе которой условливалось христіанствомъ. Кромѣ того, церкви въ V вѣкѣ приходилось бороться съ тѣми заблужденіями, которыя возникали между членами христіанскаго общества. Такъ въ 450 г. папа Левъ римскій посылаетъ въ Галлію свое письмо къ Флавіану противъ ереси Евтихія вмѣстѣ съ посланіемъ Св. Кирилла Александрійскаго противъ Несторія, и 44 епископа Галліи сходятся на соборъ, чтобы торжественно осудить заблужденія Евтихія и Діоскора. Въ знаменитомъ спорѣ бл. Августина съ Пелагіемъ епископы Галліи приняли дѣятельное участіе: двое изъ нихъ обвинили Пелагія въ ереси на соборѣ въ Діосполѣ, (415 г.) а потомъ на соборѣ африканскихъ епископовъ (418). Въ 429 г. Германъ Оксеррскій вмѣстѣ съ Лупомъ, епископомъ Труа, отправились въ Британію, чтобы опровергнуть ученіе Пелагія на самой его родинѣ. Въ 446 г. тотъ же Германъ въ сопровожденіи Севера Трирскаго предпринялъ съ тою же цѣлію вторичное путешествіе въ Британію. Около 426 г. опроверженъ и осужденъ былъ въ Галліи Лепорій, который къ мнѣніямъ Пелагія примѣшивалъ еще заблужденія ереси Евіонитовъ [1]).

Споръ Пелагія рѣшенъ былъ собственно не въ самой Галліи, а на соборахъ восточныхъ епископовъ, въ Африкѣ и въ Италіи; зато такъ-называемое полупелагіанство волновало почти исключительно эту страну. Полупелагіанство, старавшееся примирить мнѣнія Пелагія съ противоположнымъ уче-

[1]) Neander, 11 Band, 3 Abth. 1249. Бенедиктинцы Св. Мавра полагаютъ осужденіе Лепорія прежде 419 г. См. Hist. littér. de France, II p. 168.

ніемъ епископа Гиппоны, получило начало въ монастыряхъ южной Галліи и, хотя въ его опроверженіи принялъ дѣятельное участіе великій учитель африканской церкви, однако, и въ особенности послѣ кончины блаж. Августина, главными дѣятелями оставались гальскіе епископы и первое мѣсто между защитниками Августина занималъ Просперъ Аквитанскій. Здѣсь не мѣсто входить въ изложеніе этого спора; скажемъ только, что онъ былъ тѣмъ продолжительнѣе, что въ числѣ такъ называемыхъ полупелагіанъ находились люди, славившіеся строгостію своей жизни, знаніемъ и добродѣтелями и занимавшіе высокое положеніе въ гальской церкви. Такъ основателемъ этой системы почитаютъ [1]) Кассіана, строителя знаменитаго монастыря Св. Виктора въ Марселѣ, гдѣ какъ говорятъ, собралось скоро до 5,000 монаховъ. Кассіанъ, отличавшійся подвигами воздержанія, началъ свое монастырское поприще въ Виелеемской обители и потомъ, проведя болѣе 17 лѣтъ въ самыхъ отдаленныхъ пустыняхъ Ѳиваиды, нѣкоторое время находился въ числѣ лицъ, близкихъ къ Св. Іоанну Златоусту, посвятившему его въ діаконы. Его сочиненія о правилахъ монастырской жизни и о подвигахъ пустынножителей доставили ему громкую извѣстность въ Галліи. Поборникомъ же полупелагіанства былъ и знаменитой Фаустъ Ріезскій, которымъ гордилось гальское духовенство [2]). Къ тому же приверженцы этого мнѣнія, отвергая нѣкоторыя положенія бл. Августина, принимали главные пункты его ученія и съ негодованіемъ отвергали всякое общеніе съ послѣдователями Пелагія. Самое имя полупелагіанъ дано было имъ уже гораздо позже. Не удивительно поэтому, что, не смотря на жаркую полемику съ обѣихъ сторонъ, вызвавшую большое

[1]) Начерт. Ц. Ист. изд. отъ Комис. Д. Учил. 1823 г. стр. 458.

[2]) Къ числу же полупелагіанъ принадлежали Винцентій Леринскій и Евхерій, не менѣе Кассіана и Фауста пользовавшіеся общимъ уваженіемъ.

число сочиненій, дѣло оставалось нерѣшеннымъ до самаго 529 года, когда на соборѣ въ Оранжѣ осуждены были мнѣнія полупелагіанцевъ, хотя въ то же время не всѣ положенія ихъ противниковъ были признаны справедливыми. Въ V же вѣкѣ на многочисленныхъ соборахъ перевѣсъ чаще оставался, благодаря особенно личному вліянію Фауста, на его сторонѣ. Мы упоминали уже объ ереси Вигиланція, опровергнутой блаженнымъ Іеронимомъ; назовемъ еще одинъ споръ, сильно занимавшій умы Галліи въ V вѣкѣ, именно споръ о томъ, тѣлесна или безтѣлесна душа человѣка. И здѣсь представителями противоположныхъ мнѣній явились люди, пользовавшіеся огромною извѣстностію: съ одной стороны Фаустъ Ріезскій, съ другой Мамертъ Клавдіанъ, намъ уже нѣсколько знакомый.

Не говоримъ о другихъ вопросахъ меньшей важности. Такимъ образомъ уже этого, далеко не полнаго перечисленія главныхъ пунктовъ, на которые обращена была умственная дѣятельность членовъ гальской церкви V вѣка, достаточно, чтобы показать всю ея важность. Въ борьбѣ съ заблужденіями и ересями крѣпла мысль духовныхъ писателей, но этой борьбой не ограничивалась ихъ дѣятельность. Можно указать въ V вѣкѣ на множество христіанскихъ поэтовъ. Такъ Просперъ Аквитанскій избралъ содержаніемъ своей поэмы защиту ученія бл. Августина противъ полупелагіанъ; такъ многіе облекали въ гекзаметръ свои толкованія на Св. Писаніе или свои сѣтованія объ упадкѣ современной нравственности; мы находимъ множество гимновъ, благочестивыхъ надписей и эпитафій [1]). Житія Святыхъ, прославленныхъ подвигами бла-

[1]) Кромѣ большой поэмы Проспера Аквитанскаго, De ingratis contra Pelagianos, ему же принадлежатъ De providentia divina opusculum; in obtrectatorem Augustine episcopi; Item in eundem; Epitaphium Nestorianae et Pelagianae haereseon. Сатиру Маріи Виктора противъ современныхъ нравовъ мы уже нѣсколько знаемъ, равно какъ и Евхаристикономъ

гочестія, составляли большой отдѣлъ церковной литературы и начинали уже понемногу вытѣснять изъ обращенія между читающимъ классомъ произведенія древнихъ, языческихъ писателей [1]). Не говоримъ о письмахъ и посланіяхъ, которыми безпрестанно пересылались епископы и другіе члены духовенства и которые также становились общимъ достояніемъ [2]). Все это прямо относится къ дѣятельности церковной; но духовенство занималось и тѣмъ, надъ чѣмъ должны бы, кажется, трудиться по преимуществу литераторы свѣтскіе. Достаточно назвать Сальвіана Марсельскаго, оставившаго такой полный анализъ административнаго и нравственнаго состоянія современной Галліи, Геннадія, также марсельскаго священника, который составилъ каталогъ знаменитыхъ писателей IV и V вѣковъ и на отзывахъ котораго главнымъ образомъ основывается сужденіе позднѣйшихъ историковъ литературы [3]). Такимъ образомъ въ то время, когда свѣтская литература добровольно осудила себя на безплодную и мелочную дѣятельность, духовенство приняло подъ свою защиту и остатки свѣт-

---

Павлина. Марію же Виктору приписываемый толкованіе на книгу Бытія въ гекзаметрахъ. Въ письмахъ Сидонія мы находимъ многочисленныя указанія на произведенія христіанскихъ поэтовъ этого времени.

[1]) Изъ житій святыхъ, относящихся къ V вѣку, самыя замѣчательныя, безспорно, житіе Германа Оксеррскаго, написанное Консенціемъ, священникомъ, жизнь Мартина Турскаго, написанная Сульпиціемъ Severомъ, и его три діалога о подвигахъ восточныхъ монаховъ и Мартина Турскаго. Павлинъ изъ Перигора написалъ VI книгъ жизни Мартина въ стихахъ и посвятилъ ихъ Перпетую, епископу Тура.

[2]) Кромѣ писемъ Сидонія, къ литературнымъ памятникамъ V вѣка относятся двѣ книги писемъ Руриція, лиможскаго епископа (въ 1 книгѣ 18, во второй 64 письма). Bibl. Max, Patr. v. VIII; 16 писемъ Девидерія, вагорскаго епископа, и 20 писемъ къ нему отъ разныхъ лицъ. Ibid. Письмо Фауста Ріезскаго; 9 писемъ Сальвіана Марсельскаго; письма Лупа, Ремигія и другихъ членовъ галльской церкви.

[3]) Замѣтимъ еще хронику Проспера Аквитанскаго.

ской науки. Свѣтскія школы падали или пустѣли; въ монастыряхъ южной Галліи получали образованіе люди, сдѣлавшіеся главными двигателями умственной жизни этого времени. Дѣятельность знаменитыхъ обителей, Лериской и св. Виктора, могла бы быть превосходнымъ содержаніемъ для историко-литературной монографіи. Разрывъ съ древнимъ образованіемъ еще не совершился; напротивъ, духовные писатели усвоили себѣ всѣ средства древней науки и пользовались ими съ бо̀льшимъ искусствомъ, чѣмъ самые свѣтскіе литераторы. Нельзя не привести характеристическаго, хотя и проникнутаго ритορствомъ, отрывка изъ письма Сидонія къ знаменитому Фаусту, по поводу одного изъ потерянныхъ его сочиненій [1]). Въ немъ довольно картинно изображается отношеніе древней философіи къ умственной дѣятельности церковныхъ писателей. «Богатый этими дарами духа и образованія, пишетъ Сидоній [2]), ты обручился, по совѣту Второзаконія, съ прекрасной супругой. Еще въ юности, ты увидѣлъ ее между рядами непріятелей и плѣнился ею во время самаго боя. Тебя не могли отразить окружающіе ее враги и ты вынесъ ее на рукахъ побѣдоноснаго желанія; я разумѣю философію, которая, силою исторгнутая изъ числа нечестивыхъ знаній, оставивъ убранство суетнаго вѣроученія и гордость мірской науки [3]), сбросивъ складки ветхой одежды, т. е. покровы печальной діалектики, скрывающіе развращенные и лживые нравы, просвѣтлѣнная, соединилась съ тобою въ мистическихъ объятіяхъ.

---

[1]) Ст. Hist. Litt. de France II. 616.

[2]) Sidon Epistol. I. IX, 9 ad Faustum.

[3]) Raso capillo superfluae religionis. Для объясненія приведенъ мѣста изъ Второзаконія, на которыя указываетъ Сидоній: и узриши въ плѣнѣ жену добру обличіемъ, и возлюбиши ю, и поймеши ю себѣ въ жену. И введеши ю внутрь въ домъ твой, и да обріеши главу ея, и да обрѣжеши ногти ея. И да совлечеши ризы плѣнныя ея съ нея: и да сядетъ въ дому твоемъ.... и по семъ внидеши къ ней. Второзак. XXI, 11—13.

Отъ юности ты сдѣлалъ изъ нея твою спутницу, твою неразлучную подругу. Вмѣстѣ вы упражнялись на городскихъ палестрахъ, вмѣстѣ изнуряли плоть въ далекихъ пустыняхъ; съ тобою она была въ Атенеѣ, съ тобою въ монастырѣ, съ тобой она отреклась отъ мірскихъ знаній и устремилася къ изученію высшей науки. Теперь, когда она соединилась съ тобою, всякій, кто возстанетъ противъ тебя, поймётъ, что онъ борется съ Платономъ церкви Христовой [1]).» Припомнимъ отзывъ того же Сидонія о Мамертѣ Клавдіанѣ. Можно сказать, что въ рядахъ гальскаго духовенства находились ученѣйшіе люди того времени, и это естественно, потому что въ церкви искали убѣжища самые серьезные умы изъ числа свѣтскихъ писателей, тѣ, которые, не довольствуясь поверхностнымъ образованіемъ, изучили глубоко древнюю науку и убѣдились въ ея несостоятельности. Бо́льшая часть епископовъ V вѣка славилась своими знаніями; всѣ, безъ исключенія, принадлежали къ числу послѣднихъ защитниковъ древняго образованія противъ приближавшагося варварства первыхъ временъ средневѣковой исторіи.

Говоря объ умственной дѣятельности членовъ гальскаго духовенства V вѣка, гдѣ первое мѣсто занимали богословскіе споры, нельзя не упомянуть о томъ духѣ, которымъ проникнуты были эти споры, объ истинно христіанскомъ милосердіи къ заблуждавшимся. Самая борьба съ лжеучителями велась исключительно оружіемъ мысли, и духовенство съ негодованіемъ возставало противъ преслѣдованія еретиковъ [2]). Тро-

[1]) Sidon. l. IX, ep. 9 ad Faustum.

[2]) Исключеніе представляетъ Просперъ Аквитанскій, поэма котораго противъ пелагіанъ написана съ крайнимъ ожесточеніемъ. Пелагій, котораго нравственнымъ качествамъ и строгости жизни отдавалъ такую полную справедливость бл. Августинъ въ самомъ увлеченіи спора, называется у Проспера не только anguis, но даже bestia; Полупелагіане, къ числу которыхъ принадлежали такіе люди, какъ Кассіанъ и Винцентій Лоринскій, величаются эпитетами insanae ferae, vana irae, morbi flatus и т. д.

гательный примѣръ этого отвращенія отъ насильственныхъ мѣръ находимъ мы въ житіи Мартина Турскаго. Когда, увлеченные излишнею ревностію, многіе епископы требовали у похитителя престола, Максима, осужденія и казни Присцилліана и его послѣдователей, Мартинъ, бывшій уже епископомъ, отказался имѣть общеніе съ тѣми, которые требовали смерти заблуждавшихся. Почти въ то же время другой знаменитый учитель церкви, св. Амвросій Медіоланскій отказался по той же причинѣ дать Максиму лобзаніе мира. Уступивъ не столько просьбамъ Максима, сколько его обѣщанію помиловать осужденныхъ, Мартинъ согласился наконецъ служить вмѣстѣ съ Итаціемъ, главнымъ изъ преслѣдователей присцилліанистовъ, но тотчасъ раскаялся въ своей уступчивости. По словамъ легенды, записанной современнымъ біографомъ Мартина Турскаго, Сульпиціемъ Северомъ, ангелъ явился Мартину на дорогѣ изъ Трира, чтобы поднять упавшій духъ епископа; но съ этой поры, по собственному признанію, Мартинъ уже не съ прежнею легкостію исцѣлялъ бѣсноватыхъ и считалъ это Божіимъ наказаніемъ за то, что имѣлъ общеніе съ людьми, требовавшими крови [1]). Вотъ что говоритъ Евагрій, ученикъ Мартина, доказывая необходимость путемъ убѣжденія разрушать возраженія даже язычниковъ противъ истинъ христіанской религіи. «Многіе думаютъ, пишетъ онъ въ предисловіи къ своему діалогу между философомъ Аполлоніемъ и христіаниномъ Закхеемъ [2]), многіе думаютъ, что скорѣй должно презирать, чѣмъ опровергать всѣ возраженія язычниковъ; такъ они суетны и чужды истинной мудрости; но я думаю, что въ

---

[1]) Sulpicii Severi dialogus III, 15 Bibl. Max. Patr. VI, 370. Sedecim postea vixit annos, nullum synodum adiit, ab omnibus episcoporum conventibus se removit, прибавляетъ біографъ Мартина.

[2]) См. мѣсто, приведенное Гизо въ его Histoire de la civilisation en France, VI leçon.

такомъ презрѣніи есть много безполезной гордости.... Если мы приблизимъ свѣтильникъ къ очамъ слѣпыхъ, и они не увидятъ свѣта, по крайней мѣрѣ пусть почувствуютъ теплоту его». Трудно полнѣе и лучше представить дѣйствіе христіанскаго милосердія и любви даже относительно тѣхъ, кто рѣшительно отвергалъ Евангельское ученіе. При такой терпимости и желаніи доказать и сдѣлать доступною для пониманія каждаго истину христіанской религіи, ясно, какъ велика и плодотворна была умственная дѣятельность членовъ церкви, и на какой недосягаемой высотѣ стояла она надъ пустою, лишенною внутренняго содержанія свѣтскою литературою.

Мы старались показать въ общихъ чертахъ рѣзкую противоположность духовнаго и свѣтскаго обществъ; нужно ли говорить о томъ различіи, которое замѣчается между нравами того и другаго, различіи, тѣмъ болѣе разительномъ, что нравы свѣтскаго общества, особенно высшихъ классовъ, еще были проникнуты привычками языческаго образа жизни. Полное нравственное преобразованіе совершалось въ тѣхъ, кто принималъ христіанство не однимъ внѣшнимъ образомъ. «Я спрашиваю, восклицаетъ язычникъ Рутилій Нуманціанъ, оплакивая потерю одного изъ лучшихъ друзей своихъ, который во цвѣтѣ лѣтъ, богатый и знатный, наслждавшійся счастливымъ супружествомъ, отрекся отъ всего, чтобы, принявъ христіанство, бѣжать въ далекую пустыню, — я спрашиваю теперь: эта секта не производитъ ли болѣе гибельнаго дѣйствія, чѣмъ отрава Цирцеи; тогда перемѣна происходила въ одномъ тѣлѣ, теперь измѣняется самая душа человѣка [1]). »Да, христіанство чудеснымъ образомъ измѣняло самую душу, и въ

[1]) Nunc, rogo, deterior Circaeis secta venenis?
Tunc mutabantur corpora, nunc animi.
Rutilii Numantiani Itinerarium I. I, v. 526. Ebit. Panconcke, Bibliothèque Latine francaise.

исторіи церкви мы найдемъ не одинъ примѣръ, какъ отъ разгульной, богатой жизни быстро переходилъ человѣкъ, котораго коснулось вѣяніе божественнаго ученія, къ самымъ труднымъ подвигамъ пустынножительства, подобно другу Рутилія, одного изъ послѣднихъ языческихъ писателей Галліи [1]).

Среди этого-то общества, въ ряду знаменитѣйшихъ епископовъ Галліи, занялъ каѳедру Сидоній послѣ долговременной политической и литературной дѣятельности. Насъ не будетъ удивлять быстрота перехода и избранія. Такія примѣры встрѣчаются безпрестанно въ исторіи церкви этого времени. Въ избраніи епископа принимала дѣятельное участіе вся христіанская община, и потому здѣсь представлялись самые разнообразные случаи. Часто какъ бы внезапное вдохновеніе останавливало выборъ на достойнѣйшемъ. Кто не знаетъ, какъ былъ избранъ св. Амвросій Медіоланскій? Вотъ что̀ разсказываетъ Григорій Турскій объ избраніи одного изъ предшественниковъ Сидонія на епископскую каѳедру Оверни [2]). Послѣ смерти Венеранда стали выбирать ему преемника; между гражданами образовались партіи и большое смятеніе было въ народѣ. «Когда въ воскресенье собрались на совѣщаніе епископы, одна неизвѣстная женщина, посвятившая себя Богу, смѣло вошла къ нимъ и сказала: Выслушайте меня, служители Божіи! Вы знаете, что нѣтъ Божія благословенія на тѣхъ, кого до сихъ поръ предлагаютъ для священства.

---

[1]) Современное сказаніе говоритъ, что Аттила былъ такъ пораженъ святостію жизни Луна, епископа Труа, что послѣ Шалонской битвы просилъ его проводить Гунновъ до самаго Рейна, вѣря, что присутствіе такого святаго мужа спасетъ ихъ отъ бѣдствій. См. жизнь Луна. 24 іюля у Godescard. Припомнимъ встрѣчу Германа Оксерскаго съ вождемъ Алановъ. О томъ, какъ измѣняется жизнь человѣка, возложившаго на себя церковныя обязанности, можетъ дать понятіе разсказъ Сидонія объ его посѣщеніи Максима. См. l. IV, 24.

[2]) Gregor. Turon. Histor. II, 13. Венерандъ умеръ 24 дек. 423 г.

Сегодня Господь самъ изберетъ себѣ служителя. Итакъ перестаньте смущать и возбуждать къ раздору народъ; вооружитесь терпѣніемъ, потому что Богъ укажетъ того, кто будетъ управлять этою церковью.» Епископы еще дивились этимъ словамъ, когда внезапно вошелъ Рустикъ, священникъ изъ самого Клермона: онъ былъ указанъ видѣніемъ женщинѣ. Увидѣвъ его, она сказала: «вотъ избранный Богомъ, вотъ кого Господь назначилъ быть вашимъ епископомъ; пусть посвятятъ его.» При этихъ словахъ, весь народъ, отложивъ всѣ другія намѣренія, провозгласилъ Рустика достойнымъ. Еще замѣчательнѣе избраніе Германа Оксеррскаго. Начальникъ военной границы, онъ не только не думалъ вступить когда нибудь въ духовное званіе, но даже не разъ грозилъ смертію Аматору, епископу Оксерра, который вооружался противъ его увлеченія звѣриной ловлей и разрушалъ охотничьи трофеи, воздвигаемые Германомъ, по старому обычаю, въ заповѣдныхъ дубравахъ. Въ видѣніи возвѣщено было Аматору, что онъ долженъ скоро умереть и, что Германъ будетъ ему наслѣдовать. Немедленно Аматоръ отправился въ Отенъ къ префекту преторіи, чтобы испросить его согласія на переходъ Германа въ духовенство, и, возвратившись въ Оксерръ, собралъ народъ и къ общему изумленію почти насильно посвятилъ Германа въ священники, объявивъ, что назначаетъ его своимъ преемникомъ. Германъ, какъ извѣстно, былъ лучшимъ украшеніемъ гальской церкви [1]). Въ письмахъ Сидонія находимъ мы не менѣе любопытные случаи нѣсколько другаго рода. Сидоній разсказываетъ намъ [2]), какъ въ Шалонѣ по смерти епископа Павла начались выборы, а вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Godescar. Vies des Saints. 31 Juillet. Германъ родился 380 г. умеръ 448г. Жизнь его написана Константіемъ, священникомъ ліонскимъ, по просьбѣ Паціента, епископа того же города.

[2]) Sidon. I. IV, ep 25.

и происки претендентовъ. Одинъ выставлялъ на видъ свое знатное происхожденіе, другой, новый Апицій, опирался на многочисленныхъ паразитовъ; наконецъ третій тайной сдѣлкой обязался насчетъ доходовъ церкви вознаградить усердіе своихъ приверженцовъ. Паціентъ, благочестивый епископъ Ліона, и Евфроній Отенскій, видя эти происки, и съ согласія другихъ епископовъ, неожиданно посвятили Іоанна, бывшаго архидіакономъ шалонской церкви. Въ другомъ письмѣ [1]) Сидоній подробно описываетъ избраніе въ Буржѣ, при которомъ онъ самъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Претендентовъ было такъ много, что въ день выбора они едва могли помѣститься на двухъ скамьяхъ. Жители Буржа обратились къ Сидонію съ просьбою, чтобы онъ указалъ имъ на достойнѣйшаго и онъ избралъ имъ Симплиція. — Мы привели нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, какъ въ Галліи еще не установились формы избранія, и какія разнообразныя побужденія могли имѣть вліяніе на выборъ.

Относительно Сидонія замѣтимъ, что онъ, не смотря на свою свѣтскую жизнь, отличался семейными добродѣтелями и искреннею набожностію и что гальское духовенство давно уже знало его съ этой стороны [2]). Для жителей Оверни, которымъ грозило вестготское завоеваніе, очень важно было имѣть епископомъ самаго богатаго и знатнаго владѣльца провинціи, сильнаго связями при дворѣ и въ высшемъ сословіи.

---

[1]) Sidon. l. VII, 9.

[2]) Мы говорили уже о его близкихъ сношеніяхъ со многими епископами. Мамертъ Клавдіанъ посвятилъ ему свое сочиненіе: De statu Animae. Praefectorio, Patricio, doctissimo et optimo viro, Solli Sidonio Claudianus salutem..... Proinde consilium tuum asserito et defensitato: quoniam si in his secus aliquid ego conscriptionis periclitabor, tu editionis.. Vale et vige bonis viris, *veteris reparator eloquentiae*.. Въ самой книгѣ Клавдіанъ называетъ Сидонія *frater amantissime*. См. Bibl. Patr. t. VI, 1045.

Собственно объ избраніи мы ничего не знаемъ,. Григорій Турскій, который не забываетъ вносить въ свою исторію всѣ замѣчательныя событія церкви, говоритъ только, что Сидоній занялъ епископскую каѳедру послѣ кончины Епархія, и указываетъ преимущественно на его высокое положеніе въ обществѣ и на знатность происхожденія [1]) и тѣмъ самымъ даетъ замѣтить, какія соображенія могли руководить жителей Оверни при избраніи его своимъ пастыремъ. Не должно забывать, что эта провинція находилась въ опасности, что ей нуженъ былъ не только глава собственно церковнаго управленія, но и дѣятель политическій. Борьба съ Вестготами Оверни и другихъ еще сохранившихъ независимость областей I Аквитаніи не была только защитой римской провинціи противъ германскихъ завоевателей, а борьбой православнаго населенія съ готскими послѣдователями нечестивой ереси Арія. При такомъ характерѣ войны, естественными вождями становились епископы, которые въ это время и безъ того имѣли значеніе политическое. Вотъ почему, во время избранія епископа въ Буржѣ, митрополіи I Аквитаніи, Сидоній говоритъ, объясняя народу трудность избрать ему пастыря, который бы удовлетворилъ общимъ требованіямъ: «Если я выберу кого нибудь изъ монаховъ; будь онъ подобенъ Павлу, Антонію, Иларіону

[1]) Quo (Eparchio) migrante, Sidonius ex praefecto (Romae) substituitur, vir secundum saeculi dignitatem nobilissimus, et de primis Galliarum senatoribus ita, ut filiam sibi Aviti imperatoris in matrimonio sociaret. Greg. Tur. Hist. I. II, 21. Самый годъ избранія Сидонія неопредѣленъ съ точностію. Послѣдніе издатели Григорія Турскаго годомъ смерти Епархія, а слѣдовательно, и избранія Сидонія полагаютъ 473. Въ нѣкоторыхъ рукописныхъ каталогахъ, между Епархіемъ и Сидоніемъ помѣщаются еще два неизвѣстные епископа. Издатели литературной исторіи Франціи относятъ избраніе Сидонія къ концу 471 года (Hist. litt. de France II, 554). Съ ними согласенъ и Жерменъ, приводящій и вычисленія, на которыхъ основывается это предположеніе. См. Essai historique sur Apollinarius Sidonius p. 19. n. 3.

и Макарію, тотчасъ я услышу шумный ропотъ толпы пигмеевъ, которые будутъ жаловаться и скажутъ: избранный имѣетъ всѣ достоинства игумена, а не епископа: онъ болѣе способенъ предстательствовать о душахъ передъ небеснымъ Судіею, чѣмъ защищать тѣло отъ судей земли» [1]). Въ письмахъ Сидонія мы находимъ безпрестанно указанія на практическую дѣятельность епископовъ [2]). Населеніе провинцій постоянно старалось о томъ, чтобы его епископъ принадлежалъ къ числу мѣстной аристократіи, потому что въ это несчастное время, при отсутствіи всякаго другаго обезпеченія, онъ являлся единственнымъ защитникомъ интересовъ населенія, единственнымъ блюстителемъ права и общественной безопасности, точно также какъ и естественнымъ покровителемъ просвѣщенія; и все условливалось его личнымъ вліяніемъ. Обстоятельства требовали отъ епископа, кромѣ христіанскихъ добродѣтелей, достаточнаго ученаго образованія, а главное, политическаго смысла. И чѣмъ смутнѣе становились дѣла Галліи, тѣмъ болѣе расло политическое значеніе епископовъ. Оттого-то мы видимъ, что нѣкоторыя фамиліи пріобрѣли въ извѣстныхъ провинціяхъ почти исключительное предпочтеніе передъ другими относительно занятія церковныхъ должностей. Такъ, напримѣръ, Григорій, епископъ Тура, изъ 18 своихъ предшественниковъ только съ 5-ю не состоялъ въ родствѣ [3]). Въ Сидоніи же соединялись всѣ условія, чтобы, въ предстоящей борьбѣ съ Готами, онъ могъ стать во главѣ православнаго населенія Оверни.

---

[1]) Sidon l. VII, 9, Concio

[2]) Cm. Sid. Epistolarum I. III, 5; I. IV, 6; I. V, 1; I. VI, 3, 4, 10; I. VII. 4. 10; I. VIII. 13 и мн. др.

[3]) Praeter quinque episcopos reliqui omnes qui sacerdotium Turonicum susceperunt, parentum nostrorum prosapiae sunt conjuncti. Greg. Turon. Hist l. V, 50.

Паніанилла была еще жива, когда ея мужъ былъ возведенъ на епископскую каѳедру Оверни. Безбрачіе не сдѣлалось еще необходимымъ условіемъ для занятія высшихъ должностей въ церкви. Требовалось только, чтобы избранный замѣнилъ братской любовью супружескія отношенія, и въ исторіи церкви этого времени мы находимъ много тому примѣровъ. Германъ Оксеррскій жилъ съ Евстахіей, своей супругой, какъ братъ съ сестрою [1]); Иларій былъ женатъ, когда въ 353 году его посвятили въ епископы Пуату [2]). Безспорно, самый замѣчательный примѣръ мы встрѣчаемъ въ жизни Павлина, ученика Авзонія и прославленнаго епископа Нолы. Терезія, какъ мы знаемъ изъ переписки Авзонія съ бывшимъ его воспитанникомъ, много содѣйствовала рѣшимости своего супруга посвятить себя исключительно подвигамъ христіанской жизни и вмѣстѣ съ нимъ отреклась отъ міра, чтобы сопровождать его въ Кампанію къ гробницѣ св. Феликса. Всѣ письма Павлина проникнуты нѣжной привязанностью къ неразлучной спутницѣ его жизни; значительная часть ихъ написана отъ имени обоихъ [3]). Съ другой стороны, блаж. Августинъ и другіе знаменитые члены церкви адресовали свои посланія Павлину и его святой сестрѣ Терезіи [4]). Эти отношенія лучше всего показываютъ, до какой нравственной высоты подняло христіанство

---

[1]) Godescard, Vies des Saints. VI, 493.

[2]) Ibid. t. I.

[3]) Severo fratri *Paulinus et Therasia peccatores.* Bibl. Max. Patr. VI p. 166. — Meropius *Paulinus et Therasia*, Sancto et Amando fratribus. ib. 207. ep 26. Си. также письма 31, 34, ib. Domino fratri Augustino *Paulinus et Therasia peccatores*, ep. 41, ib. p. 235, также письма 42, 44, 45. Письмо къ Романіану N 46.

[4]) Бл. Августинъ надписываетъ свои посланія: Dominis laudabilibus in Christo sanctissimis fratribus *Paulino et Therasiae.* Си Письма 42, 80, 95.

Укажемъ на письмо Сальвіана Марсельскаго къ Иматію и Квіетѣ, родителямъ его жены. Это письмо, написанное имъ отъ имени жены и дочери,

бракъ, бывшій только гражданскимъ обязательствомъ въ понятіяхъ древнихъ. Средневѣковая легенда въ варварскихъ стихахъ разсказываетъ чудо, совершившееся при погребеніи Ретиція, епископа Отена [1]). Супруга Ретиція, отличавшаяся христіанскими добродѣтелями, умерла черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ избранія его епископомъ, и когда, послѣ смерти самого Ретиція, открыли гробъ ея, чтобы вмѣстѣ съ нею положить тѣло того, съ кѣмъ дѣлила она земную жизнь, рука умершей приподнялась, какъ бы привѣтствуя желаннаго гостя [2]).

въ которомъ онъ извѣщаетъ ихъ о принятомъ намѣреніи жить братски съ супругой, рѣзко противорѣчитъ тономъ другимъ сочиненіямъ Сальвіана: такъ много въ немъ нѣжнаго чувства. См. Bibl. Max. Patr. VIII, 378 и слѣд. стран.

[1]) Ретицій участвовалъ на соборѣ въ Арлѣ 314 года противъ ереси донатистовъ.

[2]) Epigrammata vet. Patr. Monast. S. Galli. Auctoris incerti in laudibus Domini. Bibl. Max. Patr. v. XXVII, p. 527.

Conjugium memini summa pietate fideque,
Lex divina tamen meritum cumulabat amoris.
Et votum ambobus, socium praecedere morte,
Moerorique pio curam mandare sepulcri.
Sed prior uxorem decieti pagina legit.
Tunc vir sollicitus largo jubet ore cavari,
Post mortem fiunt quae membris hospita saxa:
Sesciperet veniens, aeternaque foedera jungens,
Ut quos viventes tenuisset lectulus idem,
Post praecepta Dei, bustum commune levaret.
Sensit vota sui conjunx praesaga mariti,
Magnaque temporibus tribuit miracu'a castis.
Nam cum defunctis jungantur brachia membris
Et repetita manus constringat vincula trunco,
Ne quibus humanae complentur munera vitae,
Accidat informis fluitatio dissociatis.
Immensum dictu, quo tempore vita peracta est,
Jungendus sociae prospecta sede maritus.
Postquam morte viri reserata est janua lacti
Horrendumque larem jam lux ingrata retexit.
Deprensa est laevam protendens foemina palmam
Invitans socium gestu viventis amoris.

Супруги лицъ, избранныхъ епископами, обыкновенно посвящались въ діакониссы, если желали посвятить себя церковной дѣятельности и заслуживали того строгостію жизни [1]). Папіанилла, которую Сидоній называетъ въ письмахъ доброй женою и еще лучшей сестрою, жила еще по крайней мѣрѣ три года послѣ избранія его епископомъ Оверни [2]). Росція, дочь клермонтскаго епископа, воспитывалась подъ его надзоромъ у ея бабки по матери [3]).

Въ самое тяжелое время занялъ Сидоній епископскую каѳедру Оверни. Передъ завоевательнымъ стремленіемъ Готовъ одушевленныхъ фанатическимъ прозелитизмомъ, I Аквитанія оставалась совершенно беззащитной, не смѣя ждать ни откуда помощи. Въ Италіи мѣсто Олибрія, умершаго 28 октября 472 года, занялъ Гликерій (5 марта 473), по волѣ Гундобальда Бургундскаго, который какъ бы наслѣдовалъ власть Рицимера, своего дяди по матери. Гундобальдъ могъ бы еще сколько нибудь помочь центральнымъ провинціямъ Галліи, разумѣется, не изъ желанія сохранить Риму эти области, а изъ своекорыстныхъ побужденій бургундскаго конунга, въ глазахъ котораго Вестготы хотѣли завладѣть одною изъ лучшихъ земель Галліи, давно уже возбуждавшею въ Бургундахъ то же самое желаніе. Гундобальдъ не имѣлъ впрочемъ политической ловкости своего предшественника; онъ не съумѣлъ внушить къ себѣ довольно уваженія даже въ тѣхъ войскахъ, которыя находились подъ его непосредственнымъ начальствомъ. Гликерій, его созданіе, не получилъ признанія отъ восточной имперіи; а это признаніе составляло главное основаніе законности императорской власти, потому что, не смотря на раздѣ-

[1]) Cм. Neander II Band, I Abth. 337.

[2]) Licet sis uxor bona, soror quoque optima es. Sid. l V, 16. Письмо относится къ концу 474 года.

[3]) Ibid. in fine.

леніе, обѣ половины составляли одно политическое цѣлое. Византійскій императоръ Левъ провозгласилъ своимъ товарищемъ Юлія Непота, племянника знаменитаго Марцелліана, въ пользу котораго возстала было южная Галлія послѣ смерти Авита. Юлій Непотъ, наслѣдовавшій послѣ дяди независимое владѣніе въ Далмаціи, явился съ флотомъ передъ Равенной; Гликерій не могъ сопротивляться и бѣжалъ сначала въ Римъ, а оттуда въ Остію, гдѣ и былъ захваченъ. Ничтожностію онъ могъ напомнить Аттала, и ему также сохранена была жизнь побѣдителемъ. 4 іюня 474 г. Непотъ былъ провозглашенъ императоромъ въ Римѣ. Очевидно, что при такихъ быстрыхъ перемѣнахъ, происходившихъ въ Италіи, Аквитаніи I нечего было ждать съ этой стороны помощи, хотя восшествіе на престолъ Непота было встрѣчено съ радостію жителями провинцій. Отъ него точно также, какъ прежде отъ Антемія, ожидали очень многаго. Паденіе Гликерія, а вмѣстѣ съ нимъ и власти Гундобальда, ближайшимъ слѣдствіемъ имѣло то, что лишило Аквитанію и послѣднихъ защитниковъ, еще сдерживавшихъ стремленіе Готовъ. Гундобальду ничего не оставалось дѣлать въ Италіи и онъ явился въ отцовское наслѣдіе, чтобы начать кровавый споръ съ Хилперихомъ, до сихъ поръ пользовавшимся особеннымъ авторитетомъ между сыновьями Гундіоха [1]). Въ междоусобной войнѣ тетрархамъ бургундскимъ невозможно было думать о защитѣ Оверни и Аквитаніи; ихъ дружины, охранявшія главные города этой провинціи, должны были возвратиться домой, чтобы примкнуть къ тому или другому вождю. Усобицы между сыновьями Гундіоха имѣли еще одно печальное слѣдствіе для Аквитаніи. Многіе изъ аристократовъ Аквитаніи I имѣли богатыя владѣнія въ провинціяхъ, доста-

---

[1]) Сидоній называетъ Хильперика magister militum victoriosissimus vir. Sid. l. V, 6.

вшихся Бургундамъ: нѣкоторые были при дворѣ и въ службѣ Хильпериха или жили въ городахъ, признававшихъ его власть. Такимъ образомъ война между бургундскими королями и обыкновенныя слѣдствія ея, опустошенія, подрывали матеріальное благосостояніе аристократіи именно въ то время, когда она должна была собрать всѣ свои силы для борьбы съ Готами. Многіе, кромѣ того, были замѣшаны въ распрю бургундскихъ королей или возбуждали противъ себя подозрительность и ненависть той или другой стороны. Въ письмахъ Сидонія есть любопытныя указанія на тежелое положеніе знатныхъ галло-римскихъ владѣльцевъ въ предѣлахъ бургундскихъ королевствъ во время этой борьбы между Гундобальдомъ и Хильперихомъ. Клермонтскій епископъ долженъ былъ ѣздить въ Вьенну, воспользовавшись осеннимъ временемъ, когда Оверни нечего было бояться вторженія Вестготовъ. Аполлинарій, одно изъ самыхъ значительныхъ лицъ Галліи, богатый владѣлецъ Вьеннской провинціи, сынъ Таумаста [1]), вмѣстѣ съ Ферреоломъ и Петроніемъ обвинявшаго Арванда передъ римскимъ сенатомъ, и, слѣдовательно, жаркій поборникъ римской власти въ Галліи, былъ обвиненъ передъ Хильперихомъ въ томъ, будто возстаніе въ Везонѣ въ пользу Гундобальда произошло вслѣдствіе его происковъ [2]). Сидоній открылъ обвинителей.—Это были

[1]) Таумастъ жилъ около нынѣшняго S. Paul-Trois Chateaux (Drôme). Вѣроятно, это тотъ самый Аполлинарій, о которомъ мы упоминали во 2 главѣ. См. стр. 190 пр. 94.

[2]) Tuo praecipue machinatu oppidum Vasionense partibus *novi principis* applicari, l. V, 6. Сирмондъ, издатель Сидонія, не сомнѣвается, чтобы этотъ новый властитель не былъ римскій императоръ. Петитъ дополняетъ догадку Сирмонда и видитъ въ везонскомъ дѣлѣ возстаніе въ пользу Юлія Непота, подавленное Хильперихомъ. Etudes, II, 284. Предположеніе Фориэля, относящаго этотъ темный намекъ Сидонія къ Гундобальду навлекшему изъ Италіи, едва ли не имѣетъ на своей сторонѣ болѣе вѣроятности. Fauriel, Histoire de la Gaule méridionale I, 320.

Галлороманяне, которые изъ корыстныхъ цѣлей примкнули къ варварскимъ королямъ и сравнительно съ которыми, по замѣчанію клермонтскаго епископа, сами варвары отличались кротостію [1]). Характеръ Хильперика, и безъ того подозрительный, въ это время особенно благопріятствовалъ коварнымъ внушеніямъ. Къ счастію, его супруга, которую Сидоній сравниваетъ то съ Танаквилою, то съ Агриппиной, подругой Германика, своимъ вліяніемъ спасла Аполлинарія отъ непріятностей, разсѣявъ опасенія Хильперика [2]). Она отличалась преданностію къ православію и воспитала въ тѣхъ же чувствахъ дѣтей своихъ. Послѣ побѣды Гундобальда, она погибла мучительной смертію; изо всего семейства побѣдитель пощадилъ только двухъ дочерей ея, изъ которыхъ старшая, Хрона, заключилась въ монастырѣ, вторая же, Клотильда, много содѣйствовала крещенію Хлодвига, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательному торжеству православія надъ аріанствомъ въ Галліи [3]). Такимъ образомъ переворотъ, совершившійся въ Италіи и отозвавшійся въ Галліи, не только оставилъ Аквитанію безъ защиты противъ Готовъ со стороны имперіи или Бургундовъ; но и лишилъ ее части собственныхъ силъ, запутавъ многихъ ея владѣльцевъ въ борьбу бургундскихъ тетрарховъ.

До сихъ поръ въ германскихъ племенахъ, явившихся въ

---

[1]) Quos se jamquum perpeti inter clementiores barbaros Gallia gemit. Sid. l. V, 7.

[2]) Temperat Lucumonem nostrum Tanaquil sua.... cujus studio scire vos par est, nihil interim quieti fratrum communium apud animum communis patroni juniorum Cibyratarum venena nocuisse, neque quidquam, Deo propitiante, nocirura; si modo, quandiu praesens potestas Lugdunensem Germaniam regit, nostrum suumque Germanicum praesens Agrippina moderetur. Ibid.

[3]) Igitur Gundobaldus.... uxorem ejus (Chilperici), ligato ad collum lapide, aquis immersit. Hujus duas filias exsilio condemnavit, quarum senior, mutata veste Chrona; junior Chrotechildis vocabatur. Greg. Tur. Hist. II, 28.

Галлію уже аріанами, мы не замѣчали фанатизма. Бургунды и Вестготы въ своихъ отношеніяхъ къ православному населенію, среди котораго они размѣстились, дѣйствовали далеко не такъ, какъ Вандалы въ Африкѣ или впослѣдствіи Лангобарды въ Италіи. Нѣтъ сомнѣнія, что одна изъ главныхъ причинъ заключалась въ самой ихъ постановкѣ относительно имперіи, съ вынужденнаго или добровольнаго согласія, которой они утвердились на ея земляхъ, какъ союзники и подданные Рима. Начать преслѣдованія значило разорвать эти отношенія, а мы видѣли, какое глубокое уваженіе вселялъ Римъ въ варваровъ въ самую эпоху своего паденія. Были и другія причины. Бургунды, напримѣръ, по самому народному характеру, были неспособны къ фанатической нетерпимости. Не безъ вліянія оставалась и малочисленность варваровъ сравнительно съ окружавшимъ ихъ галлоримскихъ населеніемъ. Замѣтимъ еще одно обстоятельство, нѣсколько объясняющее отсутствіе враждебныхъ столкновеній: это постоянная зависимость, подчиненное положеніе аріанскаго духовенства относительно свѣтской власти. Аріане хотѣли устроить свое духовенство совершенно по образцу православнаго. Одновременно мы находимъ у нихъ и собранія еретическихъ епископовъ и даже стремленіе къ централизаціи церковнаго управленія, къ патріархату [1]). Одного недоставало аріанскому духовенству, чтобы походить въ своемъ устройствѣ на православное; но этотъ недостатокъ былъ главнымъ и условливалъ скорое паденіе самаго ученія. Аріанское духовенство не могло существовать безъ поддержки со стороны свѣтской власти. Странное явленіе представляетъ собою аріанизмъ, принятый умами юныхъ германскихъ народовъ. При первомъ близкомъ сопоставленіи двухъ противоположныхъ вѣрованій было ясно, которое изъ нихъ ближе

[1]) Такъ въ Африкѣ епископъ Карѳагена присвоивалъ себѣ первенство и нѣкоторую власть надъ другими еретическими епископами.

подходило къ ихъ натурѣ, за кѣмъ должна была окончательно остаться побѣда. Борьба была тяжела для аріанскаго духовенства еслибы даже оно и выходило на состязаніе съ тѣми же силами, какъ и православное. Но у него къ тому же не было и достаточнаго образованія, чтобы съ успѣхомъ противиться православнымъ епископамъ, опиравшимся на вѣковыя преданія церкви, защищавшимъ догматы, переданные Божественнымъ Учителемъ. Аріане могли прибѣгать къ однимъ софизмамъ діалектики, но и діалектика требовала нѣкотораго образованія. Уже одно то, что бо́льшая часть споровъ аріанскихъ епископовъ съ православными вызвана была желаніемъ германскихъ королей и происходила подъ предсѣдательствомъ свѣтскихъ чиновниковъ [1]), указываетъ ясно, какъ не по силамъ чувствовали себѣ аріане эти состязанія. Православные епископы, напротивъ, съ жаромъ искали ихъ. Пропаганда Аріева ученія могла совершаться только посредствомъ матеріальной силы, путемъ преслѣдованій, т. е. только тогда когда вожди германскихъ народовъ, вслѣдствіе фанатизма или политическихъ разсчетовъ, начинали заботиться о распространеніи ереси. У Вестготовъ это стремленіе впервые внесено Ейрихомъ. Въ его предшественникахъ не замѣтно и тѣни фанатической нетерпимости, напротивъ, мы видимъ многочисленныя доказательства ихъ расположенія къ провославному духовенству.

Аріанскіе епископы и священники, прибывшіе съ Готами въ Галлію, очевидно, не могли быть руководителями германскихъ королей въ трудномъ дѣлѣ ихъ политическаго воспитанія. Эту заботу взяло на себя православное духовенство, которое вмѣстѣ съ древней наукой хранило и богатое содержаніе государственнаго и частнаго право Римлянъ. Прибавимъ къ этому

[1]) Укажемъ на поведеніе Гундобальда Бургундскаго и Леовигильда Вестготскаго.

глубокое уваженіе, которое внушало къ себѣ духовенство германскимъ вождямъ нравственными своими достоинствами. Даже Ейрихъ, самый упорный гонитель православія, не могъ защититься отъ невольнаго чувства почтенія; отношенія готскаго короля къ Епифанію Павійскому, о которыхъ мы упомянемъ ниже, лучше всего доказываютъ это. Оріентъ, епископъ Оша (Auch), былъ однимъ изъ довѣренныхъ лицъ при Теодерихѣ I и пользовался своимъ вліяніемъ для уменьшенія неизбѣжныхъ послѣдствій варварскаго поселенія на земляхъ имперіи [1]). Мы видѣли, какъ дѣйствовалъ Фридерихъ, братъ Теодериха II, относительно православнаго духовенства. Такое поведеніе готскихъ королей заставляло многихъ современниковъ предполагать въ нихъ по крайней мѣрѣ равнодушіе къ ереси [2]), если не тайное расположеніе къ ученію церкви. Все измѣнилось съ той поры, какъ Ейрихъ занялъ мѣсто убитаго Теодериха II.

Ейрихъ способностями далеко превосходилъ своихъ предшественниковъ; полную справедливость въ этомъ отношеніи отдаетъ ему Сидоній въ томъ самомъ письмѣ, которымъ онъ извѣщаетъ Василія изскаго о фанатизмѣ готскаго короля и о гибельныхъ слѣдствіяхъ его гоненій. Никогда Вестготское государство не достигало такого могущества, какъ въ продолжительное правленіе Ейриха. Матеріальныя силы Вестготовъ были увеличены прибытіемъ съ востока новыхъ дружинъ. Остготы, поселившіеся между Савой и Дунаемъ послѣ паденія гуннскаго могущества, не могли долѣе выносить безпрестанныхъ войнъ съ оружающими ихъ германскими племенами, недавними союзниками въ борьбѣ съ преемниками Аттилы.

---

[1]) См. Revillout. De l'arianisme des peuples germaniques p. 131.

[2]) Смотри приведенный выше отзывъ Сидонія о Теодерихѣ II на 164 страницѣ. Этимъ не могутъ объясниться и благосклонные отзывы Сальвіана Марсельскаго о Вестготахъ.

Въ то время, когда бо́льшая часть ихъ съ Теодемиромъ ударила на византійскую имперію, чтобы оружіемъ добыть себѣ болѣе спокойныя мѣста для поселенія, другіе, подъ начальствомъ Видемира, съ тою же цѣлію бросились въ Италію, гдѣ еще управлялъ ничтожный Гликерій. Остготскій вождь умеръ дорогой, но его сынъ того же имени продолжалъ начатое предпріятіе и, уступивъ убѣжденіямъ, а главное, деньгамъ Гликерія, перешелъ въ Галлію, гдѣ его дружины слились съ родственнымъ племенемъ Вестготовъ, значительно увеличивъ ихъ силы [1]).

Прежде, чѣмъ вступить въ послѣдній, рѣшительный споръ съ имперіею, Ейрихъ испробовалъ силу своего оружія въ Испаніи противъ Свевовъ (468 и 469 гг.). Кассіодоръ говоритъ объ его значеніи въ германскомъ мірѣ, о вліяніи готскаго вождя на королей другихъ племенъ: Варновъ, Геруловъ, Турниговъ. То же самое еще съ большими подробностями засвидѣтельствовано Сидоніемъ [2]). Ейрихъ во многомъ могъ напомнить Теодериха Остготскаго. Онъ вовсе не былъ врагомъ римской цивилизаціи; напротивъ, вся его дѣятельность носитъ на себѣ замѣтныя слѣды римскаго вліянія. Ко времени Ейриха относится редакція вестготскихъ законовъ, въ которой сказалось такъ много римскаго; главнымъ министромъ готскаго короля является въ числѣ другихъ галлоримскихъ совѣтниковъ знаменитый литераторъ того времени, Леонъ Нарбоннскій, пользовавшійся большимъ вліяніемъ. Преслѣдованіе православія было дѣломъ политическаго разсчета, слѣдствіемъ ошибочной системы, которая, вмѣсто того, чтобы упрочить существованіе вестготскаго государства, главнымъ образомъ содѣйствовала его паденію. При современномъ разложеніи національно-

[1]) Іорнандъ, изд. Панвуна стр. 396. Gallias tendit, eoque cum parentibus jungens Wesegothis, unum corpus efficitur.

[2]) Смотри 9 письмо VIII книги Сидонія, приведенное ниже.

стей ничто не препятствовало слiянiю германскихъ поселенцевъ въ одинъ народъ съ окружавшимъ его населенiемъ, еслибы Ейрихъ, затронувъ единственные живые интересы Галло-римлянъ, именно религiозныя убѣжденiя, не положилъ къ этому неодолимой преграды. Въ Галлiи, какъ впослѣдствiи въ Италiи, въ борьбѣ православiя съ арiанствомъ впервые выразилось сознанiе противоположности между туземнымъ населенiемъ и варварскими пришельцами. Въ обѣихъ странахъ паденiе арiанскихъ государствъ было слѣдствiемъ ошибочной системы ихъ властителей; только та роль, которую въ Италiи выполнилъ Юстинiанъ В., въ Галлiи выпала на долю Хлодвига франкскаго [1]). Заблужденiю Ейриха содѣйствовалъ, быть можетъ, примѣръ Вандаловъ, воздвигшихъ страшное гоненiе на православное духовенство въ Африкѣ. Готскiй король со всѣмъ увлеченiемъ страсти преслѣдовалъ исполненiе своихъ замысловъ: его фанатизмъ не только вполнѣ увлекъ Готовъ, онъ сообщился даже Бургундамъ, менѣе всѣхъ германскихъ народовъ способнымъ къ роли гонителей. Это влiянiе на возбужденiе въ Бургундахъ чуждой и несвойственной имъ нетерпимости какъ нельзя лучше выразилось въ названiи *готскаго закона*, подъ которымъ было извѣстно арiанство въ областяхъ, занятыхъ Бургундами [2]). Чѣмъ далѣе расширялъ насчетъ имперiи Ейрихъ предѣлы своихъ владѣнiй, тѣмъ яснѣе высказывались его враждебныя намѣренiя относительно православiя, тѣмъ далѣе заходилъ онъ въ своемъ преслѣдованiи. Въ первые же два года послѣ избранiя Сидонiя епископомъ, вся первая

[1]) Значенiе религiознаго различiя между туземнымъ населенiемъ Италiи и германскими завоевателями этой страны и его влiянiе на образованiе новой италiянской народности съ особенною ясностiю раскрыто въ сочиненiи г. Кудрявцева: Судьбы Италiи отъ паденiя Западно-римской имперiи до возстановленiя ея Карломъ В.

[2]) *Gothica lex*. Смотри мѣсто изъ житiя Сигизмунда, приведенное Revillout, sur e, arianisme des peuples germaniques p. 67 n. 7.

Аквитанія, за исключеніемъ Берри и Оверни была, въ рукахъ Вестготовъ, и равнины Берри ждала та же участь, когда даже гористыя области Руэрга и Геводана покорились безъ сопротивленія. Когда въ 472 или 473 г. жители Буржа обратились къ Сидонію съ просьбою избрать имъ пастыря, клермонтскій епископъ принужденъ былъ просить епископовъ другихъ провинцій пріѣхать въ этотъ городъ, потому что епископы областей I Аквитаніи были подъ властію Ейриха, а одинъ онъ не могъ совершить посвященія [1]). Уже это запрещеніе сношеній принадлежитъ къ числу мѣръ, направленныхъ противъ православія. Прежде, не смотря на политическое раздѣленіе, границы церковныхъ провинцій оставались, какъ онѣ были до сихъ поръ, и духовенство съѣзжалось на свои соборы, не смотря на военныя дѣйствія. Аріане такъ были ободрены рѣшимостію Ейриха содѣйствовать всѣми силами ереси, что не только начали подымать голову въ тѣхъ городахъ, гдѣ прежде, составляя незамѣтное меньшинство, они боялись чѣмъ нибудь обнаружить свое присутствіе [2]); они являлись иногда вызывать на состязаніе православныхъ епископовъ. Готъ Модагарій началъ было распространять аріанскія заблужденія въ Провансѣ, но былъ опровергнутъ Василіемъ, эзскимъ

[1]) Мы имѣемъ письмо Сидонія къ Агрецію, митрополиту 4 Ліонской или Сеннонской провинціи. Сидоній прямо говоритъ: nec te, quanquam Senoniae caput es, inter haec dubia subtraxeris intentionibus medendis Aquitanorum; quia minimum refert, quod nobis est in habitatione divisa provincia, quando in religione causa conjungitur. His accedit, quod de urbibus Aquitanicae primae solum oppidum Arvernum romanis reliquum partibus bella fecerunt. Quapropter in constituende praefatae civitatis antistite, provincialium collegarum deficimur numero, nisi metropolitanorum reficiamur assensu I. VII, 5. Смотри такое письмо къ Евронію, епископу Отена, I. VII, 8, котораго такое просилъ Сидоній пріѣхать въ Бурнъ.

[2]) Такъ Въ Бурнѣ при избраніи епископа аріане очень интриговали. См. Sid. I. VII, 8.

епископомъ [1]). Вообще, споры съ православными были не по силамъ аріанскому духовенству; гораздо дѣйствительнѣе могли быть мѣры другаго рода. Вотъ какъ описываетъ Сидоній печальное положеніе православныхъ церквей въ готскихъ владѣніяхъ. «Узнайте скорѣй тайную болѣзнь православнаго общества, пишетъ онъ къ Василію эзскому [2]), и поспѣшите оказать явную помощь. Въ Бордо, Перигё, Родезѣ, Лиможѣ, Геводанѣ, Озъ (Eause), Базасѣ, Комминжѣ, Ошѣ и во многихъ другихъ городахъ, гдѣ смерть похитила епископовъ, не назначаютъ новыхъ на мѣсто умершихъ, чтобы чрезъ нихъ не могло получать посвященія низшее духовенство, и духовное разореніе такимъ образомъ далеко распространяется. Безпрестанно новыя утраты пастырей, такъ что это положеніе могло бы возбудить жалость не только въ современныхъ еретикахъ, но даже въ ересенальникахъ первыхъ временъ: до того тяжело отчаяніе народа, смертію лишеннаго епископовъ и у котораго отнимаютъ самую вѣру. Въ опустошенныхъ діоцезахъ и приходахъ видно полное отсутствіе попеченія. Видимъ обвалившіеся верхи церквей, разломанныя двери и входъ въ базилику, заросшій колючимъ кустарникомъ. Увы! стада не только отдыхаютъ въ полуразрушенныхъ входахъ: они щиплютъ зеленую траву на мѣстѣ самыхъ алтарей. Не только опустѣли сельскіе приходы; въ самыхъ городахъ собранія въ церквахъ становятся рѣдкими. Что же остается утѣшительнаго вѣрующимъ, когда гибнетъ не только церковное благочиніе, но и самая память о немъ? Выбыло духовное лицо, и, если рукоположеніе не даетъ ему преемника, въ этой церкви умираетъ самое священство, а не только священникъ. Чего можно

[1]) Qui viderim Modaharium civem Gothum Arianae haereseos jacula vibrantem, quo tu spiritualium testimoniorum mucrone confoderis. Sid. l. VII, 6.

[2]) Sid. Epist. ibid.

надѣяться тамъ, гдѣ со смертію одного человѣка какъ бы выми-раетъ и вѣра? Посмотрите ближе на гибель членовъ высшаго духовенства, и вы вполнѣ поймете, что, сколько похищено смертію епископовъ, въ столькихъ же городахъ потрясена самая вѣра». Только что Сидоній успѣлъ посвятить Симплидія епископомъ Буржа, какъ уже Симплицій, вмѣстѣ съ Крокомъ, епископомъ Нима, былъ силою исторгнутъ изъ среды своей паствы и отправленъ въ ссылку [1]). Преслѣдованіе православныхъ было слѣдствіемъ личнаго увлеченія Ейриха. «Признаюсь, пишетъ Сидоній къ тому же Василію [2]), не смотря на ужасъ, внушаемый могуществомъ короля Готовъ, я не столько боюсь за римскія стѣны, сколько за христіанскія учрежденія. Говорятъ, самое имя православія до того ненавистно ему, что сомнѣваешься, не болѣе ли онъ начальникъ ереси, нежели вождь народа.»

Страшная гроза готова была разразиться надъ Овернью, послѣдней провинціей на всемъ пространствѣ между океаномъ, Пиринеями, Роной и Луарой, которая еще признавала власть Рима. Врагъ со всѣхъ почти сторонъ обложилъ ее, а у нея не было никакихъ средствъ къ защитѣ кромѣ отчаяннаго мужества сельскаго и городскаго населенія. Если бы дѣло шло объ одной политической зависимости отъ Вестготовъ, Овернь, вѣроятно, послѣдовала бы примѣру другихъ провинцій, безъ сопротивленія покорившихся варварамъ; но тутъ грозило торжество готскаго закона надъ православіемъ, и борьба получила религіозное значеніе. Люди, у которыхъ при другихъ обстоятельствахъ не замѣтно было и слѣдовъ римскаго патріотизма, являются передъ нами съ характеромъ, достойнымъ старыхъ временъ римской доблести. На первомъ планѣ сталъ епископъ

---

[1]) Sidon. l. VII, 6.
[2]) Ibid.

Оверни, прежній риторъ временъ упадка, политическій дѣятель безъ всякихъ политическихъ убѣжденій, теперь какъ бы переродившійся подъ вліяніемъ новаго своего положенія. Трудно узнать Сидонія въ этомъ новомъ лицѣ, выступившемъ на сцену, и только вкоренившееся риторство еще обнаруживаетъ въ его письмахъ прежняго литератора.

Борьба Оверни съ Вестготами — событіе, тѣмъ болѣе замѣчательное, что подобнаго мы не находимъ въ исторіи послѣдняго времени римской имперіи. Мы указали уже на причины, объясняющія это исключительное явленіе. Это были: во-первыхъ, религіозный характеръ борьбы православнаго населенія противъ фанатическихъ послѣдователей Аріевой ереси; во-вторыхъ, особенное положеніе самой Оверни, гдѣ населеніе еще сохранило мужественную энергію и гдѣ отношенія низшаго и высшаго классовъ общества были далеко не таковы, какъ въ другихъ областяхъ имперіи. Къ сожалѣнію, до насъ дошло довольно мало свѣдѣній о войнѣ съ Готами. За исключеніемъ Сидонія, развѣ одинъ Григорій Турскій можетъ сообщить намъ нѣсколько любопытныхъ указаній; но главнымъ и, можно сказать, единственнымъ источникомъ остаются письма клермонтскаго епископа. До насъ дошли они не всѣ и притомъ не вполнѣ въ ихъ первоначальномъ видѣ. При изданіи ихъ Сидоній имѣлъ цѣль преимущественно литературную и этой цѣли жертвовалъ всѣмъ остальнымъ. Кромѣ указаній самого автора на позднѣйшее исправленіе слога, кромѣ просьбъ его, обращенныхъ къ литературнымъ друзьямъ о томъ же самомъ [1]), лучшее доказательство находимъ мы въ размѣщеніи самыхъ писемъ. Чтобы не наскучить читателю однообразіемъ содержанія, Сидоній нарочно перемѣшалъ письма, какъ признается

---

[1]) Sidon. l. I, 1; I. VIII, 1. 16; IX, 3, 11. Участіе Петронія и Констанція въ исправленіи слога признано самимъ авторомъ.

самъ онъ [1]). Такимъ образомъ въ нихъ нѣтъ ни хронологическаго порядка, ни распредѣленія по внутреннему содержанію или даже по лицамъ, къ которымъ они были адресованы, а этимъ сильно затрудняется возможность ими пользоваться.

Прямымъ слѣдствіемъ этого является до сихъ поръ не установившаяся хронологія писемъ Сидонія и возможность относить одно и то же письмо къ различному времени, тѣмъ болѣе, что въ нихъ мы находимъ полнѣйшее отсутствіе числовыхъ указаній. Что изданы не всѣ письма, объ этомъ говоритъ самъ Сидоній [2]). Во-первыхъ, многія письма не вошли въ собраніе переписки, потому что этого не хотѣлъ самъ авторъ; во-вторыхъ, даже въ тѣхъ, которыя дошли до насъ, необходимо допустить позднѣйшую передѣлку, прибавку или опущеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, не смотря на то, что біографы клермонтскаго епископа стараются доказать противное [3]). Сидоній объясняетъ ограниченное число изданныхъ писемъ тѣмъ, что, не думая прежде объ изданіи, онъ не собиралъ и не берегъ своей переписки [4]). Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыхъ писемъ и, по всей вѣроятности, самыхъ интересныхъ для насъ, онъ самъ не захотѣлъ сообщить публикѣ. Не забудемъ, что изданіе переписки Сидонія относится уже къ тому времени, когда Овернь была въ рукахъ Готовъ, и клермонтскій епископъ вытерпѣлъ ссылку въ Ливію. Аріанскіе властители подозрительно смотрѣли

---

[1]) Nec faciet materia, ut immensa, fastidium, quia cum singulae causae singulis ferme epistolis finiantur; cito cognitis in quae oculum intenderis, ante legere cessabis, quam lecturire desistas. Sid. I. VII, 18.

[2]) Ibid.

[3]) Germain. Essai historique sur Apoll. Sidon. p. 75. Того же мнѣнія и издатели литературной исторіи Франціи см. т. II стр. 544 и, какъ кажется, новѣйшіе издатели Сидонія, Грегуаръ и Колломбе.

[4]) Quae ob hoc in manus pauca venerunt, quia mihi nihil de libelli hujusce conscriptione meditanti hactenus incunctata nequeunt inveniri. Sid. I. VII, 18.

на сношенія между собою православныхъ епископовъ, и неосторожное слово могло повести за собою большія непріятности. Если и въ прежнее время Сидоній былъ очень остороженъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ письмахъ, которыя назначались для изданія, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ уничтожить теперь все, что могло возбудить неудовольствіе или подозрительность завоевателей. Этимъ же объясняются и позднѣйшія измѣненія въ дошедшихъ до насъ письмахъ. До такой степени изданіе переписки было дѣломъ исключительно литературнымъ, что цѣлыя письма написаны лишь за тѣмъ, чтобы помѣстить ихъ въ этомъ сборникѣ. Таково письмо къ Тонанцію Ферреолу, сочиненное съ цѣлію показать уваженіе автора къ знаменитому сановнику Галліи и для того помѣщенное въ VII книгѣ, почти исключительно занятой перепиской съ епископами [1]). Таково 15 письмо IX книги, написанное для того, чтобы успокоить Геласія, обижавшагося отсутствіемъ своего имени въ сборникѣ [2]). Слѣды частныхъ измѣненій замѣтны во многихъ письмахъ [3]).

Такимъ образомъ и единственный источникъ для исторіи борьбы Оверни съ Готами является намъ далеко не въ совершенно удовлетворительномъ видѣ, а отсутствіе хронологическихъ указаній дѣлаетъ нѣкоторыя письма почти безполезными. Постараемся собрать изъ отрывочныхъ, но дающихъ однако же много матеріаловъ, показаній Сидонія сколько нибудь полное изображеніе этого въ высшей степени замѣчательнаго эпизода изъ исторіи паденія Римской имперіи.

---

[1]) Sidon. Epist. l. VII, 12.

[2]) Probas, neque deprecor, me deliquisse; deliqui quippe, qui nec dum nomine tuo ullas operi meo litteras junxerim.

[3]) Такъ въ письмѣ къ Винценгію о судѣ надъ Арвандомъ (I. I, 7) слова: metu creditorum successuros sibi optimates aemulabatur, нами вставлена прибавкой, сдѣланной при изданіи писемъ.

Борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ: она началась, вѣроятно, въ самый же годъ избранія Сидонія епископомъ и кончилась не побѣдой Ейриха, а постыдной уступкой Оверни со стороны римскаго правительства. Упорной защитѣ благопріятствовала гористая мѣстность провинціи и крѣпкое положеніе самаго города. Нѣсколько разъ Ейрихъ долженъ былъ выводить свои ополченія изъ Оверни, чтобы потомъ ударить на нее съ новыми силами. Овладѣть Овернью, во чтобы то ни стало, было необходимо Ейриху, чтобы дать естественныя границы готскому государству. Сидоній понималъ планы Ейриха. Вотъ что писалъ онъ въ 472 или 473 г. къ Мамерту, епископу Вьенны: «Носится слухъ, что Готы двинулись въ римскія земли. Несчастные Овернцы, мы всегдашніе ворота для этихъ вторженій. Потому-то на насъ и обращена вся ненависть непріятеля, что въ насъ только, съ Божіею помощію, они и находятъ единственную преграду своему стремленію расширить свои владѣнія отъ океана до Роны и Луары. Окрестныя страны уже давно поглощены наглымъ нападеніемъ со стороны грознаго государства» [1]). Ежегодныя вторженія Ейриха производились лѣтомъ; они сопровождались опустошеніемъ страны, сожженіемъ жатвы, уводомъ стадъ и разореніемъ селеній [2]). Только глубокая осень или зима заставляла Готовъ отступать и доставляла Овернцамъ нѣсколько мѣсяцевъ отдыха, чтобы приготовиться къ новой борьбѣ [3]). Подъ знаменами вестготскаго вождя неволей шли жители I Аквитаніи, принужденные сражаться противъ своихъ соотечественниковъ, геройская защита которыхъ возбуждала полное въ нихъ сочувствіе. Мы имѣемъ любопытное письмо Сидонія, которое

[1]) Sidon. Epist. VII, 1.

[2]) Sidon. Epist. VI, 12.

[3]) Cum primus aestas decessit autumno, et Arvernorum timor potuti aliquantisper ratione temporis temperari, Viennam veni. V. 6.

хорошо изображаетъ печальное положеніе Аквитанцевъ, по несчастію или изъ малодушія поставленныхъ въ необходимость жертвовать жизнію за дѣло, имъ ненавистное. «Если рѣдко доходятъ до тебя наши письма, пишетъ Сидоній къ Кальминію, съ которымъ, какъ видно, онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ, причиной тому не наша гордость, но слишкомъ великое могущество другаго [1]). Не спрашивай меня болѣе объ этомъ, потому что ваши собственныя опасенія могутъ объяснить вамъ мое вынужденное необходимостію молчаніе. Объ одномъ только я могу сожалѣть открыто, именно о томъ, что, отдѣленные другъ отъ друга столкновеніями враждующихъ партій, мы не можемъ насладиться взаимнымъ свиданіемъ. Ты являешься безпокойнымъ взорамъ отечества только тогда, какъ страшная воля чужеземца заставляетъ васъ прикрываться латами, а насъ укрѣпленіями. Тебя приводятъ сюда плѣнникомъ и ты принужденъ со слезами на глазахъ опаражнивать твой колчанъ стрѣлъ. Мы однако же не винимъ тебя, потому что твои желанія направлены не туда, куда стрѣлы. Такъ какъ по временамъ, если не вслѣдствіе прочныхъ договоръ, то по крайней мѣрѣ вслѣдствіе ненадежныхъ перемирій, намъ блеститъ надежда освобожденія, мы упрашиваемъ тебя, чтобы ты чаще бесѣдовалъ съ нами въ письмахъ. Я знаю, что осажденные граждане хранятъ къ тебѣ дружбу, которая забываетъ, какъ ненавистна въ тебѣ роль осаждающаго» [2]). Это письмо дышетъ грустію и лучше всего показываетъ, какимъ тяжелымъ испытаніямъ подвергалось и безъ того ослабѣвшее нравственное чувство людей этого времени. Здѣсь дѣло шло не объ однѣхъ политическихъ симпатіяхъ, подавленныхъ желѣзною волею Ейриха; на первомъ планѣ стояли интересы религіозные. Вся борьба носитъ на себѣ этотъ характеръ.

---

[1]) Sed aliena *impotentia* fecit. Impotentia вмѣсто nimia potentia.

[2]) Sidon. Epist. V, 12.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ, Вьенна, бывшая подъ властію Бургундовъ, была постигнута разнаго рода бѣдствіями: въ землетрясеніяхъ рушились зданія, страшные пожары свирѣпствовали въ городѣ и стада оленей, гонимыя изъ лѣсовъ таинственнымъ страхомъ, являлись среди изумленнаго населенія города [1]). Паническій страхъ овладѣлъ жителями; знатные и простой народъ толпами покидали городъ. Тогда Мамертъ, благочестивый епископъ Вьенны, установилъ такъ называемыя Rogationes — общественныя моленія, сопровождаемыя постомъ и церковными процессіями. Эти моленія, укротившія гнѣвъ Божій, поразившій Вьенну, ввелъ въ своемъ городѣ клермонтскій епископъ въ виду грозившей опасности со стороны Вестготовъ. Моленія продолжались три дня. Чтеніемъ ветхозавѣтныхъ пророковъ приготовлялся народъ къ покаянію; утѣшительныя слова Евангелія и Апостольскихъ посланій слѣдовали затѣмъ и книги Товія, Юдиѳи и Есѳири, прочитываемыя вполнѣ, ободряли его упавшій духъ картиной страданій еврейскаго народа, не разъ избавляемаго чудесной помощію свыше. «Я приглашаю тебя, пишетъ Сидоній къ Апру, богатому владѣльцу Оверни, жившему въ горныхъ укрѣпленіяхъ [2]), я приглашаю тебя на это торжество, гдѣ смиренно склоняется чело, въ это собраніе, гдѣ распростерты на молитвѣ граждане».

Клермонтскій епископъ во все время борьбы съ Ейрихомъ оказался достойнымъ вождемъ православнаго населенія и обнаружилъ не только замѣчательную дѣятельность, но и небывалую въ немъ твердость духа. Героическій порывъ какъ бы увлекъ и поднялъ его въ уровень съ совершавшимися событіями. Новое его положеніе дало возможность въ бо́льшихъ размѣрахъ приложить къ общему благу тѣ добрыя качества

[1]) Sidon. Epist. VII, 1.
[2]) Sidon Epist. V. 14.

его сердца, которыя прежде раскрывались только въ тѣсномъ кругу семейныхъ и дружескихъ отношеній. Можно бы подумать, что какимъ-то чудомъ измѣнились самыя основанія его характера: такъ много энергіи и самоотверженія выказалъ онъ въ этой борьбѣ забытой и оставленной всѣми провинціи съ самымъ могущественнымъ изъ германскихъ народовъ, съ даровитымъ вождемъ, умѣвшимъ занять первое мѣсто между другими варварскими предводителями. Здѣсь нужно впрочемъ обратить вниманіе на человѣка, стоявшаго весьма близко къ Сидонію и имѣвшаго на него огромное вліяніе. Если клермонтскій епископъ во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ стоитъ на первомъ планѣ, если при преобладаніи религіозныхъ интересовъ на него смотрѣли, какъ на естественнаго вождя поборниковъ православія, то душою защиты былъ Экдицій, сынъ императора Авита, братъ Папіаниллы, супруги Сидонія. Чѣмъ ближе присматриваемся мы къ этой замѣчательной личности, нѣсколько заслоненной краснорѣчивымъ епископомъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что ему главнымъ образомъ принадлежитъ честь геройскаго сопротивленія, что въ немъ искалъ опоры и самъ Сидоній, когда изнемогалъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ его духъ, не закаленный еще въ школѣ несчастій. Во всей дѣятельности Экдиція мы находимъ то, что было такою рѣдкостію въ это смутное время, именно цѣльность характера, полное отсутствіе легкомысленной измѣнчивости въ образѣ дѣйствій и въ убѣжденіяхъ, которою особенно отличаются политическіе дѣятели этой эпохи. Отъ начала до конца остался Экдицій вѣренъ самому себѣ, ни разу не измѣнивъ первоначальному направленію, не сдѣлавъ ни одного ложнаго шага. По натурѣ человѣкъ по преимуществу практическій въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова, Экдицій составлялъ и въ этомъ отношеніи рѣзкую противоположность съ большинствомъ своихъ современниковъ, у которыхъ практическое

направленіе почти всегда совпадало съ политической безнравственностію и переходило въ своекорыстное стремленіе, не останавливавшееся передъ выборомъ средствъ.

Сынъ или, какъ думаютъ нѣкоторые [1]), пасынокъ Авита, Экдицій принадлежалъ къ числу богатѣйшихъ владѣльцевъ Оверни; въ самомъ городѣ у него былъ огромный домъ [2]), а средства, которыя извлекъ онъ изъ своихъ помѣстій во время борьбы, лучше всего доказываютъ его огромное состояніе. Первая молодость прошла въ гимнастическихъ упражненіяхъ, псовой и ястребиной охотѣ. Блестящее воспитаніе, какое давали Экдицію, собрало въ Оверни ученыхъ людей этого времени, и Сидоній говоритъ о томъ вліяніи, какое имѣлъ Экдицій на аристократическую молодежь своей родины, заставивъ ее полюбить латинскую рѣчь и замѣнить ею кельтскіе діалекты, до сихъ поръ бывшіе разговорнымъ языкомъ даже высшаго общества. «Ты нѣкогда заставилъ сдѣлаться Римлянами тѣхъ, которыхъ ты же потомъ не допустилъ обратиться въ варваровъ», пишетъ къ нему клермонтскій епископъ, говоря объ его заслугахъ отечеству [3]). Мы знаемъ характеръ тогдашняго воспитанія, и тѣмъ болѣе растетъ наше уваженіе къ Экдицію, что на немъ не замѣтно ни малѣйшаго слѣда господствующаго направленія. Риторство, разъѣдавшее самыя лучшія натуры, не оказало своего обычнаго вліянія надъ умомъ Экдиція. До насъ не дошли подробности о дальнѣйшей дѣятельности сына Авита до той поры, когда событія въ Оверни не вызвали его на сцену. Знаемъ только, что, посвятивъ себя военному поприщу, онъ былъ назначенъ при Антеміи

---

[1]) Histoire litt. de France II, 578

[2]) Refertis capacissimae domus atriis. Sid. I. III, 3.

[3]) ..... quod quos olim Latinos fieri exegeras. barbaros deinceps esse vetuisti. Kidon. I. III, 3.

начальникомъ войскъ въ Италіи и ему обѣщано было достоинство Патриція, уступавшее значеніемъ только консульству [1]). Во время заговора Сероната Сидоній, по просьбѣ овернской аристократіи, вызывалъ его изъ Италіи, гдѣ разрывъ Антемія съ Рицимеромъ обнаружилъ ясно безсиліе законной власти передъ наглымъ произволомъ варварскаго временщика. Экдицій явился въ Овернь уже тогда, когда Готы осаждали главный городъ этой провинціи, хотя мы и не знаемъ, должно ли отнести его появленіе къ послѣдней осадѣ Клермона (474 г.) или къ одной изъ предыдущихъ. Послѣднее кажется болѣе вѣроятнымъ; защита Оверни безъ Экдиція, по крайней мѣрѣ по нашему убѣжденію, дѣло слишкомъ загадочное. Прибытіе Экдиція въ осажденный городъ напоминаетъ подвиги средневѣковаго рыцарства, гдѣ личная отвага совершала чудеса. По счастію на этотъ разъ письмо Сидонія не только передаетъ всѣ подробности подвига, но и довольно хорошо изображаетъ радость жителей при видѣ любимаго вождя, такъ неожиданно явившагося среди нихъ. Мы думаемъ, что это же самое письмо можетъ нѣсколько показать, какъ велико должно было быть вліяніе Экдиція на воодушевленіе защитниковъ Оверни. Разскажемъ, на основаніи отзывовъ очевидца, какъ было дѣло [2]). Жители города собрались на полуразрушенныхъ стѣнахъ, когда разнеслась вѣсть, что на обширной равнинѣ, разстилавшейся у подножія горы, на которой построена крѣпость, происходитъ жаркая схватка. Люди всѣхъ сословій, пола и возрастовъ толпились на укрѣпленіяхъ, смотря на необыкновенное событіе, совершавшееся предъ ихъ глазами, которому, какъ справедливо замѣтилъ клермонтскій епископъ, съ трудомъ можетъ повѣрить потомство. Съ 18 всадниками пробирался

[1]) Sidon. V, 16.
[2]) Sidon. epistol. l. III, 3.

Экдицій къ осажденнымъ [2]), когда увидѣлъ, что равнина между нимъ и городомъ занята многочисленнымъ непріятелемъ. Съ отчаянною рѣшимостію бросился Экдицій въ средину враговъ, чтобы открыть себѣ оружіемъ путь въ Клермонъ. Готы были поражены неожиданностію и дерзостію нападенія. Имя Экдиція, раздававшееся среди сѣчи, еще болѣе увеличило ихъ ужасъ. Растерявшіеся вожди позабыли, какъ велики ихъ собственныя силы, не видали, какъ ничтожно число спутниковъ Экдиція. Въ паническомъ страхѣ спѣшили Вестготы къ вершинѣ довольно утесистаго холма, чтобы тамъ подъ защитою мѣстности выдержать нападеніе. Только немногіе, увлеченные отвагой, остались назади и погибли подъ мечемъ галлоримскаго героя. Экдицій съ своею дружиною остался одинъ на всей равнинѣ, гдѣ Готы не посмѣли держаться. Ни одинъ изъ его спутниковъ не палъ въ битвѣ и, спѣша воспользоваться временемъ, побѣдитель съ торжествомъ въѣхалъ въ ворота Клермона. Здѣсь, продолжаетъ Сидоній, мнѣ легче вообразить, чѣмъ выразить словомъ, сколько привѣтствій, рукоплесканій, слезъ и радости встрѣтило твое безпрепятственное возвращеніе въ городъ. Надобно было видѣть атріи твоего обширнаго дома, наполненные зрителями твоего славнаго тріумфа. Подъ поцѣлуями однихъ изчезала пыль, тебя покрывавшая; другіе брали удила, покрытыя пѣной и кровью; третьи переворачивали конскія сѣдла, смоченныя потомъ; тѣ разстегивали завязки гибкихъ пластинокъ твоего шлема; эти занимались развязываніемъ узловъ на твоихъ поножахъ (ocreae);

---

[2]) У Григорія Турскаго разсказъ объ осадѣ Клермона, очевидно, пріобрѣлъ уже характеръ легенды. Такъ Экдиція сопровождаютъ только 10 человѣкъ, Greg. Tur. Hist. II, 24. Этому характеру легенды довольно рѣзко противорѣчитъ сухой и сжатый тонъ разсказа. Quem Ecdicium mirae velocitatis fuisse, multi commemorant. Nam quidam vice multitudinem Gothorum cum decem viris fugasse perscribitur.

одни считаютъ зубцы мечей, притупившихся въ сѣчѣ, другіе трепещущими пальцами измѣряютъ отверстія, проколотыя и прорубленныя на твоихъ латахъ. Здѣсь, хотя многіе съ радостными тѣлодвиженіями сжимали въ объятіяхъ твоихъ спутниковъ, но бо́льшій порывъ народнаго ликованія обращался къ тебѣ и, не смотря на то, что тебя окружала безоружная толпа, ты и вооруженный не скоро бы изъ нея вырвался. Съ чрезвычайною вѣжливостію ты выслушивалъ даже пошлости поздравителей и, стараясь освободиться отъ горячихъ объятій тѣснившей тебя толпы, ты былъ доведенъ до того, благодушный истолкователь любви народной, что долженъ былъ благодарить особенно тѣхъ, кто свободнѣе наносилъ тебѣ оскорбленія».

Эдиціи былъ достоинъ этой восторженной привязанности своихъ согражданъ; съ его появленіемъ война съ Готами приняла другой оборотъ. Овернскій вождь собралъ, по всей вѣроятности, изъ своихъ же колоновъ родъ небольшой арміи [1]) и содержалъ ее на свой счетъ. Съ этой дружиной онъ не только защищалъ городъ, но переносилъ военныя дѣйствія на открытое поле, останавливая вторженія варваровъ, отплачивая съ лихвою за ихъ опустошенія. Неожиданными нападеніями онъ держалъ непріятеля въ постоянной тревогѣ и не разъ готскіе отряды гибли въ отдѣльныхъ схваткахъ съ Эдиціемъ. Борьба энергически ведена была съ обѣихъ сторонъ. Ейрихъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы сломить упорное сопротивленіе Оверни. Легкое завоеваніе другихъ областей I Аквитаніи, даже Руерга и Геводана, которые по своей гористой мѣстности представляли возможность защиты, только возбуждало его, во что бы то ни стало, овладѣть этимъ послѣднимъ оплотомъ

---

[1]) Tacso deinceps collegisse te privatis virbus publici exercitus speciem Sid. Epist. III, 3.

галлоримской народности и самаго православія, какъ ему казалось. Къ тому же неудача могла имѣть вредное вліяніе на исполненіе его задушевныхъ плановъ. Чѣмъ долѣе продолжалось сопротивленіе, тѣмъ опаснѣе могло сдѣлаться положеніе самихъ Вестготовъ. Населеніе I Аквитаніи, покорившееся имъ только потому, что не нашло себѣ твердой точки опоры и было застигнуто врасплохъ, очевидно, не могло равнодушно смотрѣть на пораженіе ненавистныхъ аріанъ. Оно волновалось, выжидая благопріятной минуты для возстанія, и Ейрихъ все далѣе заходилъ въ насильственныхъ мѣрахъ, чтобы сдерживать тайное недоброжелательство своихъ новыхъ подданныхъ. Каждое лѣто дружины Вестготовъ входили съ разныхъ сторонъ въ Овернь. Не имѣя возможности вести правильную осаду, отражаемые на приступахъ къ городу, защищенному сколько же выгоднымъ мѣстоположеніемъ, какъ и укрѣпленіями, они стояли лагеремъ подъ его стѣнами до тѣхъ поръ, пока наступавшая зима, особенно суровая въ этой провинціи, не принуждала ихъ расходиться по домамъ. Тогда защитники Оверни исправляли поврежденія въ стѣнахъ, запасались съѣстными припасами и, усиливъ по возможности средства защиты, готовились къ отраженію. Въ это же время дѣлались попытки, если не получить какую-нибудь матеріяльную помощь со стороны имперіи, то по крайней мѣрѣ воспользоваться ея посредничествомъ, чтобы заключить миръ съ ожесточеннымъ врагомъ. Такъ, еще при самомъ началѣ борьбы, Сидоній писалъ къ своему родственнику Авиту, который, какъ видно изъ письма, занималъ довольно высокое мѣсто въ администраціи и пожертвованіемъ значительнаго имѣнія возлѣ самыхъ предмѣстій Клермона доказалъ свою преданность Овернской церкви [1]). Клермонтскій епископъ умолялъ Авита употребить

[1]) Sidon. I. III, 1. ad Avitum.

все вліяніе, чтобы остановить готское вторженіе [1]). Мы не знаемъ послѣдствій этого письма; но изъ того, что война продолжалась, можемъ уже заключить, что переговоры, если они и были, не имѣли никакого успѣха.

Наступилъ 474 годъ. Изнуренная провинція съ трепетомъ ждала новаго вторженія, и Вестготы не замедлили своимъ прибытіемъ. На этотъ разъ къ ужасамъ осады присоединился еще голодъ, открывшійся въ городѣ [2]). Только страхъ подпасть власти аріанскаго фанатика, озлобленнаго неудачами, могъ удержать жителей Оверни отъ малодушной сдачи, и они еще разъ напрягли свои силы для послѣдней борьбы. Экдицій съ своей дружиной безпрерывно дѣлалъ смѣлыя вылазки и наконецъ нанесъ Готамъ такое пораженіе въ открытомъ полѣ, что они рѣшились отступить прежде, чѣмъ наступила зима. Похоронивъ наскоро часть своихъ убитыхъ, они, чтобы скрыть свою потерю или чтобы лишить торжествующаго непріятеля возможности по длиннымъ волосамъ отличить Готовъ отъ Римлянъ, отрѣзали трупамъ головы, оставивъ обезображенные остатки на самомъ полѣ сраженія. Впрочемъ, когда наступилъ день, Вестготы устыдились своего малодушія и рѣшились предать землѣ тѣла своихъ товарищей. Погребеніе производилось наскоро. Не одѣвали покойниковъ, не совершали надъ ними

---

[1]) Quod cujus meriti esse possit, quippe si vestra crebro illud praesentia invisat, vel Gothis credite, qui saepenumero etiam Septimaniam suam fastidiunt, vel refundunt, modo invidiosi hujus anguli etiam desolata proprietate potiantur. Sed fas est, praesule Deo, vobis inter eos et rempublicam mediis, animo quietiora concipere. Quia, etsi illi veterum finium limitibus effractis, omni vel virtute vel mole possessionis turbidae, metas in Rhodanum Ligerimque proterminant, vestra tamen auctoritas pro dignitate sententiae, sic partem utramque moderabitur, ut et nostra discat, quid debeat negare cum petitur, et poscere adversa desinat, cum negatur. l. III. 1.

[2]). Sid. I. VII, 7. Greg. Turon. I. II, 24.

обычныхъ обрядовъ. Экдицій не далъ времени кончить даже и эту печальную церемонію. Тогда упавшіе духомъ варвары, не рѣшаясь вступить въ новую битву, начали свое безпорядочное отступленіе. На телѣгахъ, покрытыхъ кровью, навалены были грудами трупы тѣхъ, кому не успѣли еще Готы отдать послѣдняго долга. Преслѣдуемые овернскими отрядами, Готы останавливались на минуту только тогда, когда имъ попадалась на дорогѣ какая нибудь хижина. Они бросали туда тѣла убитыхъ и сжигали ихъ вмѣстѣ съ жильемъ, заступавшимъ мѣсто погребальнаго костра [1]).

Это была послѣдняя попытка Ейриха оружіемъ покорить упорную провинцію. Овернцамъ дорого досталась побѣда. Уже во время осады, жители Клермона вытерпѣли всѣ бѣдствія [2]); теперь имъ оставалась впереди цѣлая зима и за нею въ будущемъ новое вторженіе, а разоренная страна, покрытая развалинами, отказывала своимъ защитникамъ въ средствахъ существованія. Все, что могло подвергнуться уничтоженію, тѣмъ или другимъ способомъ, было разрушено и опустошено Готами, стѣны падали въ развалинахъ и наконецъ между гражданами начались раздоры. Въ то время, какъ одни хотѣли защищаться до послѣдней крайности, другіе, истомленные осадой, настаивали на невозможности сопротивленія и требовали сдачи. Тогда во всемъ блескѣ выказались нравственныя достоинства главныхъ вождей, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось и то значеніе, какое имѣла борьба Оверни съ Готами для всей Галліи. Сидоній, безъ вѣдома Папіанниллы, почти тайсь

[1]) Sidon. Epist. l. III, 3.

[2]) Hoccine meruerunt inopia, flamma, ferrum, pestilentia, pingues ceadibus gladii, et macri jejuniis praeliatores? Propter hujus tamen inclytae pacis expectationem, avulsas muralibus rimis herbas in cibum traximus; crebro per ignorantiam venenatis graminibus infecti, quae indiscretis foliis succisque viridantia, saepe manus fame concolor legit. Sidon. l. VII, 7.

отъ нея, продалъ серебряную домашнюю посуду и роздалъ вырученныя деньги бѣднымъ [1]). Экдицій разослалъ своихъ слугъ по окрестностямъ, куда разбрелись несчастные жители Клермона; онъ велѣлъ собирать неимущихъ и привозить ихъ въ его жилище. Тамъ насчетъ доблестнаго вождя кормилось во все продолженіе голоднаго времени болѣе 4000 человѣкъ обоего пола, и потомъ точно тѣмъ же порядкомъ ихъ развезли по домамъ. Зато, по разсказу почти современной легенды, въ одну ночь небесный голосъ произнесъ ему слѣдующія слова: Экдицій! за это дѣло ты и твое потомство не будете нуждаться во вѣки въ хлѣбѣ; ибо ты повиновался словамъ Моимъ и, насыщая бѣдныхъ, утолилъ Мой голодъ [2]). Не одни овернскіе вожди старались уменьшить тяжесть послѣдствій варварскаго нашествія. Овернь, очевидно, защищала не одну свою самостоятельность, а была представительницею самыхъ дорогихъ интересовъ для всей нѣкогда римской Галліи; она отстаивала православіе противъ фанатическаго преслѣдованія со стороны готскаго короля. Зато теперь симпатіи населенія другихъ областей, особенно духовенства, выказались съ полной силой. Со всѣхъ сторонъ въ опустошенную Овернь тянулись обозы съ съѣстными припасами. Мы знаемъ изъ благодарственнаго посланія Сидонія къ ліонскому епископу Паціенту о томъ, какъ много оказалъ помощи этотъ благочестивый святитель. Огромные запасы хлѣба были отправлены по Ронѣ и Саонѣ въ города, наиболѣе нуждавшіеся въ средствахъ существованія.

---

[1]) Nesciente conjuge, vasa argentea auferebat a domo, et pauperibus erogabat. Greg. Turon. Histor. eccles. Franc. I. II, 22.

[2]) Nam invalescente fame, misit pueros suos cum equis et plaustris per vicinas sibi civitates, ut eos qui hac inopia vexabantur sibi adducerent. At illi euntes, cunctos pauperes quotquot invenire potuerunt, adduxere ad domum ejus. Ibique eos per omne tempus sterilitatis pascens, ab interitu famis exemit. Fuereque, ut multi ajunt, amplius quam quatuor millia promiscui sexus. Greg. Turon. I. II, 24.

Черезъ руки ліонскаго же епископа, пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ въ областяхъ, занятыхъ Бургундами, шли, вѣроятно, и вспоможенія отъ другихъ епископовъ. Сидоній, истощивъ въ письмѣ всѣ выраженія благодарности, называетъ Паціента не только добрымъ отцемъ, но и урожайнымъ годомъ [1]). До насъ, какъ мы уже замѣтили, дошли далеко не всѣ письма Сидонія. По всей вѣроятности, при полномъ ихъ изданіи мы нашли бы доказательства участія и другихъ членовъ духовенства въ вспоможеніи Оверни.

Изъ Ліона же пришла Оверни и другаго рода помощь, быть можетъ, еще болѣе необходимая. Клермонъ, по словамъ Сидонія, почти столько же обезлюдѣлъ отъ внутреннихъ раздоровъ, какъ и отъ варварскихъ нашествій [2]); только что вынесенныя бѣдствія разрушили единодушіе гражданъ, составлявшее до сихъ поръ главную силу Оверни. Умирить враждебныя партіи не могъ ни Экдицій, ни самъ Сидоній. Тогда, по вызову послѣдняго, въ Клермонъ явился ліонскій священникъ Констанцій, лицо замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. Констанцій происходилъ изъ знатнаго рода [3]) и, неизвѣстно какимъ путемъ, доведенъ былъ до того, что отказался отъ свѣта. По собственному желанію, онъ остался священникомъ ліонской церкви. Объ его высокомъ образованіи сохранились многочисленныя свидѣтельства; нѣкоторые даже полагаютъ, что Констанцій былъ преподавателемъ риторики въ Ліонѣ [4]). Принадлежа къ лучшимъ поэтамъ своего времени, онъ былъ

---

[1]) Inter haec temporum malla, bonus sacerdos, bonus pater, bonus annus es, quibus operae pretium fuit, fieri famem suam periculo, si aliter esse non poterat tua largitas experimento. Sid.. I. VI, 12.

[2]) Inveneris civitatem non minus civica simultate, quam barbarica incursione vacuatam. Sid. I. III, 2.

[3]) Persona... nobilitate sublimis Sid. ibid.

[4]) Histoire litt. de France II, 543.

однако же серьезнѣе своего клермонтскаго друга. По крайней мѣрѣ единственное упоминаніе объ его поэтическомъ талантѣ мы находимъ въ описаніи освященія церкви въ Ліонѣ. Благочестивый Паціентъ, не пожалѣвшій сокровищъ для построенія храма [1]), хотѣлъ придать его освященію всевозможную торжественность. Празднество продолжалось 8 дней, и знаменитый Фаустъ Ріезскій, уступивъ просьбамъ собравшихся епископовъ, произнесъ слово, увлекшее его слушателей [2]). Констанцій, вмѣстѣ съ Секундиномъ и Сидоніемъ, долженъ былъ поэтическими надписями украсить стѣны базилики. Къ сожалѣнію, Сидоній, посылая Гесперію тройные трохеи, написанные имъ по этому случаю, отказался въ одномъ и томъ же письмѣ помѣстить и стихотворенія Констанція. «Для новобрачной всего невыгоднѣе, если спутница превосходитъ ее красотою», замѣчаетъ Сидоній [3]). Но если для насъ потеряны поэтическія произведенія Констанція, то ліонскій священникъ оставилъ потомству другой трудъ, принадлежащій къ важнымъ историческимъ памятникамъ этой эпохи. Мы разумѣемъ житіе Св. Германа Оксеррскаго, написанное Констанціемъ по просьбѣ Паціента Ліонскаго и его брата Цензурія, епископа Оксерра, черезъ сорокъ лѣтъ по смерти самого Германа. Это житіе считалось образцовымъ литературнымъ произведеніемъ и Геликъ, монахъ IX вѣка, переложилъ его въ стихи, по обычаю своего времени. Констанцію же приписываютъ нѣкоторые и житіе Юста Ліонскаго: Съ клермонтскимъ епископомъ Констанцій находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; по его просьбѣ Сидоній издалъ первыя 7 книгъ своей переписки, подвергнувъ

---

[1]) См. описаніе этой церкви у Сидонія I. II, 10.

[2]) Pariter erectis sensibus, auribusque curvatis audiebamus. Sid. I. IX, 3.

[3]) Nam sicuti novam nuptam nihil minus quam pulchrior pronuba decet; et sicuti, si vestiatur albo quisque fiscus, fit nigrior и т. д. Sidon. I. II. 10.

ихъ прежде пересмотру Констанція; ему же предоставлена была честь изданія 8 книги, собранной по настоянію Петронія, знаменитаго арльскаго юриста [1]). Вообще въ дошедшихъ до насъ письмахъ высказывается глубокое уваженіе Сидонія къ талантамъ и нравственнымъ качествамъ ліонскаго священника. Въ 474 г. Констанцій, не смотря на преклонныя лѣта и слабость здоровья [2]), поспѣшилъ явиться въ Клермонъ, чтобы своимъ вліяніемъ примирить враждующихъ гражданъ. Его не остановила ни суровость зимы, ни трудность переѣзда по дорогамъ, заваленнымъ снѣжными обвалами или сдѣлавшимся почти непроходимыми по случаю разлившихся водъ. Въ Клермонѣ, въ виду окрестностей, покрытыхъ костями и трупами погибшихъ въ битвѣ и оставшихся безъ погребенія, среди зданій, обвалившихся или полуобгорѣлыхъ, Констанцій плакалъ надъ опустошеніемъ страны и умолялъ народъ забыть свои раздоры и прежде всего думать о возможномъ возстановленіи средствъ къ защитѣ. Кругомъ него тѣснились люди всѣхъ сословій и возрастовъ, и съ каждымъ ліонскій проповѣдникъ умѣлъ говорить языкомъ, ему понятнымъ. «Совѣтуя всѣмъ примириться между собою, пишетъ къ нему Сидоній [3]), ты возвратилъ имъ согласіе, гражданъ отечеству. По твоему убѣжденію граждане снова сошлись не только въ чувствахъ, но и въ одномъ и томъ же городѣ; наши стѣны обязаны тебѣ возвращеніемъ въ нихъ народа, народъ возвращеніемъ согласія».

Такимъ образомъ, послѣ страшныхъ несчастій, постигшихъ Овернь, у нея не было недостатка въ метеріальной и

---

[1]) Sidon. Epist I VIII, 16.

[2]) Quod persona aetate gravis, infirmitate fragilis. Sid. III, ep. 2.

[3]) Pacem omnibus suadens, caritatem illis, illos patriae reddidisti. Quibus tuo monitu non minus in unum consilium, quam in unum oppidum revertentibus, muri tibi debent plebem reductam, plebs reducta concordiam. Sidon. Epist. I. III, 2.

нравственной помощи со стороны другихъ провинцій. Блеснула было надежда и на помощь отъ имперіи. Въ концѣ осени 474 года въ Арль прибылъ квесторъ Лициніанъ, посланный Юліемъ Непотомъ въ Галлію, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы на мѣстѣ изслѣдовать положеніе дѣлъ и вступить, если можно, въ переговоры съ Готами. Прибытіе Лициніана ободрило жителей Оверни тѣмъ болѣе, что посланный императора привезъ Экдицію дипломъ на званіе патриція, обѣщанное ему еще Антеміемъ [1]). Сидоній спѣшилъ извѣстить Папіаниллу, оставившую, какъ кажется, по его совѣту городъ на время осады, о новой почести, которою, хотя и поздно, награждались заслуги Экдиція [2]). Въ то же время клермонтскій епископъ писалъ въ Арль или Нарбонну къ своему школьному товарищу и другу Феликсу. Этимъ письмомъ, назначавшимся, какъ видно изъ его тона и похвалъ Лициніану, не для одного Феликса, Сидоній умолялъ дать скорѣй извѣстіе о томъ, справедливы ли слухи, дошедшіе до Оверни, и какого рода было порученіе, данное Непотомъ квестору [3]). Изъ этого письма, написаннаго зимою 474 года, видно, что Сидоній не надѣялся много на недавнее пораженіе Готовъ и ждалъ новаго вторженія. «Извѣстите скорѣе, пишетъ онъ, справедливы ли слухи, чтобы тѣ, которыхъ ни снѣжные дни, ни безлунныя и бурныя ночи не могутъ принудить оставить охраненіе стѣнъ, могли хотя не много отдохнуть отъ продолжительнаго напряженія. Правда, врагъ удаляется на зимнія квартиры; но разъ вкоренившійся въ сердца страхъ развѣ только забывается на нѣсколько времени, но не оставляетъ насъ. Утѣшьте насъ добрымъ извѣстіемъ, потому что наше дѣло ближе къ вамъ, нежели наша родина» [4]).

---

[1]) Sidon. Epist. l. V, 16.

[2]) Celerrime, si cogites ejus aetatem, si merita, tardissime. Ibid.

[3]) Sidon Epist. III, 7.

[4]) Ibid.

Готскій король, видя невозможность сломить геройское сопротивленіе Оверни, рѣшился принять другія мѣры. Не смотря на свои огромныя силы и ежегодныя вторженія, онъ не могъ принудить эту провинцію измѣнить Риму; онъ хотѣлъ теперь, чтобы самъ Римъ отступился отъ Оверни, такъ великодушно переносившей всякаго рода бѣдствія, защищая номинальную власть римскаго правительства. Вмѣсто того, чтобы грозить новой осадой Клермону, онъ началъ готовиться къ нападенію на приморскія области между Роной и Альпами. Вѣсть объ этихъ приготовленіяхъ распространила ужасъ между жителями провинцій Нарбоннской 2 и приморскихъ Альповъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ встревожила и самого Юлія Непота. Здѣсь былъ центръ римскаго управленія Галліею и самые богатые торговые города; кромѣ того эти провинціи прилегали къ самой Италіи и открывали въ нее дорогу. Имперія не имѣла достаточныхъ силъ для отпора Ейриху, а на сопротивленіе со стороны самого населенія надѣяться было невозможно. Среднее и высшее сословія утратили всю энергію, были заняты единственно матеріальными, своекорыстными интересами; низшее было задавлено притѣсненіями фиска и мѣстной аристократіи. Вмѣсто того, чтобы, подобно оверискимъ колонамъ, вооружиться на защиту провинцій подъ предводительствомъ своихъ владѣльцевъ, оно, вѣроятно, скорѣе стало бы доброжелательствовать германскимъ завоевателямъ. Римскому правительству оставалось выбирать одно изъ двухъ: или защищать оружіемъ ближайшія провинціи Галліи противъ страшнаго врага, или выдать ему на жертву отдаленную область, не во время оказывавшую чудеса патріотизма и вѣрности. Непотъ избралъ послѣднее. Оверянь была отрѣзана отъ Италіи и римскихъ провинцій южной Галліи владѣніями Бургундовъ и Вестготовъ, и до сихъ поръ только соперничество этихъ варварскихъ народовъ спасало ее отъ завоеванія. Съ точки зрѣнія

эгоистической и близорукой политики, ея уступка не наносила чувствительнаго ущерба интересамъ римскаго правительства, по крайней мѣрѣ интересамъ матеріальнымъ, тогда какъ вторженіе Готовъ въ южную часть Вьеннской провинціи и во 2 Нарбонскую грозило бѣдой самой Италіи. Переговоры съ Ейрихомъ поручены были четыремъ епископамъ южной Галліи: Леонтію Арльскому, Греку Марсельскому, Василію Эзскому и Фаусту Ріезскому; въ нихъ принималъ участіе и квесторъ Лициніанъ, довѣренное лицо Непота. Главнымъ условіемъ мира ставилъ Ейрихъ уступку Оверни, и римскіе уполномоченные согласились на это постыдное для чести римскаго правительства требованіе.

Сидоній получилъ извѣстіе о началѣ переговоровъ и объ участіи въ нихъ епископовъ южной Галліи; онъ спѣшилъ сообщить одному изъ уполномоченныхъ, Василію Эзскому, записку о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Галліи. Въ письмѣ къ нему, онъ разсматриваетъ вопросъ съ точки зрѣнія религіозныхъ интересовъ и указываетъ на положеніе православнаго духовенства въ областяхъ, занятыхъ еще прежде Вестготами. Описавъ въ рѣзкихъ чертахъ фанатическое преслѣдованіе Ейриха и уже обнаружившіяся гибельныя слѣдствія гоненій, клермонтскій епископъ такъ заключаетъ свое посланіе: «Вы обсуживаете условія договора между обоими государствами: поставьте же непремѣннымъ условіемъ дружбы и согласія, чтобы было разрѣшено посвященіе епископовъ и чтобы тѣ области, которыя войдутъ въ составъ готскихъ владѣній, остались за нами по вѣрѣ, если уже онѣ не могутъ остаться подъ одною съ нами властію» [1]). Этотъ важный

[1]) Sidon. l, VII, 6. Tu sacratissimorum pontificum Leontii, Fausti, Graeci, urbe, ordine, caritate medius inveniris; per vos mala foederum currunt, per vos regni utriusque pacta conditionesque portantur. Agite

историческій документъ написанъ довольно спокойнымъ тономъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Сидоній изображаетъ печальное состояніе православныхъ церквей въ готскихъ владѣніяхъ. Очевидно, клермонтскій епископъ и не предчувствовалъ, чѣмъ могутъ кончиться переговоры. Назначеніе епископовъ главными уполномоченными окончательно успокоивало его. Дѣло, которое защищала Овернь въ отчаянной борьбѣ съ Готами, было общимъ дѣломъ для православнаго населенія всей Галліи, естественными вождями котораго были епископы. Изо всего видно, что Сидоній надѣялся на то, что даже области I Аквитаніи, еще прежде захваченныя Готами, будутъ уступлены Ейриху только на условіяхъ, обезпечивавшихъ судьбу православнаго населенія.

Громовымъ ударомъ для Оверни была вѣсть о томъ, какою цѣною купленъ былъ миръ съ Ейрихомъ. Отчаяніе и негодованіе овладѣло великодушными защитниками этой провинціи, когда они узнали, что Римъ уступилъ ее Готамъ и уступилъ безъ всякихъ условій. Сидоній написалъ рѣзкое письмо къ Греку, епископу Марсели, въ которомъ, едва ли не въ первый разъ въ жизни, заговорилъ языкомъ, исполненнымъ высокаго краснорѣчія. Мы приведемъ почти вполнѣ это посланіе, проникнутое благороднымъ негодованіемъ [1]).

«Вотъ опять Аманцій, обыкновенный переносчикъ моихъ бездѣлокъ, возвращается въ свою Марсель [2]). Черезъ него я передалъ бы вамъ мою веселую болтовню, если бы былъ въ

---

quatenus haec sit amicitia, concordia principalis, ut, Episcopali ordinatione permissa, *populos Galliarum, quos limes Gothicae sortis inclusserit tencamus ex fide, etsi non tenemus ex foedere.*

[1]) Sidon. Epist. l. VII, 7.

[2]) См. письма Сидонія Грену, I. VI, 8; VII, 11; IX, 4. Исторія Аманція забавно разсказана Сидоніемъ во 2 письмѣ VII книги

состояніи шутить въ то время, когда душа моя удручена горемъ. Такова теперь судьба нашего несчастнаго уголка, котораго участь, по словамъ молвы, завиднѣе во время войны, нежели во время мира. Цѣною нашего рабства куплена безопасность другихъ провинцій. О горе! рабство Овернцевъ, которые, если заглянуть въ прошлое, нѣкогда смѣли называть себя братьями Латиновъ и гордились происхожденіемъ отъ троянской крови [1]). Если я напомню послѣднія событія, Овернцы собственными силами остановили успѣхи оружія общаго врага. Имъ, заключеннымъ въ городскихъ стѣнахъ, не только не страшно было могущество Готовъ; не разъ распространяли они ужасъ въ самомъ лагерѣ осаждающихъ. Въ битвахъ съ сосѣдями каждый былъ въ одно время и вождемъ и простымъ воиномъ. Теперь вся выгода отъ этихъ сраженій досталась вамъ, вся тяжесть несчастія пала на нихъ. Они изъ любви къ государству не побоялись предать законамъ Сероната, замышлявшаго передать провинціи въ руки Готовъ, Сероната, котораго правительство насилу рѣшилось казнить даже и послѣ его улики и осужденія. Этого ли заслужили мы, перенося голодъ, пожары, битву и язву, бойцы, изнуренные постомъ, но насытившіе мечи свои кровію враговъ? Для этого ли знаменитаго мира кормились мы травами, сорванными въ разщелинахъ стѣнъ и часто, обманутые сходствомъ листьевъ и сока, собирали на пищу исхудалыми отъ голода руками ядовитыя растенія? За эту-то, столько разъ и такимъ образомъ испытанную нашу преданность, насъ выдаютъ, какъ я слышалъ. Постыдитесь, прошу васъ, постыдитесь этого мира,

---

[1]) Это притязаніе Овернцевъ на происхожденіе отъ Троянъ засвидѣтельствовано Луканомъ:

Arvernique ausi Latio se fingere fratres,
Sanguine ab Iliaco populi.
Pharsal. 1, 427.

который не принесетъ ни пользы, ни славы. Вы ведете переговоры; вы первый, даже въ отсутствіе цезаря, не только пересматриваете уже заключенные договоры, но и заключаете новые. Я прошу васъ, простите мнѣ рѣзкую правду; горе вызываетъ эти дерзкія слова. Вы мало заботитесь объ общемъ благѣ и, сходясь на совѣщанія, стараетесь не столько о томъ, какъ отвратить общественныя опасности, сколько о вашихъ частныхъ выгодахъ. Когда кончатся эти обманы? Не долго и нашимъ предкамъ гордиться этимъ именемъ; у нихъ начинаетъ уже прекращаться потомство. Во что бы то ни стало, уничтожьте этотъ постыдный договоръ. Если необходимо, мы съ радостію еще разъ выдержимъ осаду, еще разъ сразимся и вытерпимъ голодъ. Но если предательски будутъ выданы тѣ, кого не могли одолѣть силой, ясно, что этотъ жестокій и безчестный поступокъ придуманъ вами».

«Зачѣмъ давать волю печали? Простите несчастнымъ и не ставьте имъ въ вину ихъ отчаянія. Другія уступленныя области ждутъ себѣ только порабощенія, Оверньцы казни. Если вы не можете помочь нашему отчаянному положенію, по крайней мѣрѣ, мы умоляемъ васъ, сдѣлайте такъ, чтобы не погибли окончательно тѣ, у которыхъ должна умереть свобода. Готовьте зе́мли для изгнанниковъ, выкупъ для плѣнныхъ, запасы для переселенцевъ. Если наши стѣны должны уже отвориться врагамъ, да не затворятся ваши передъ пришельцами».

Протестъ Сидонія остался безъ слѣдствій. Страхъ готскаго нашествія на области, до сихъ поръ какъ-то избѣгавшія варварскихъ опустошеній, слишкомъ овладѣлъ римскими уполномоченными и участь Оверни была рѣшена окончательно. Мы не знаемъ, какъ совершилось занятіе ея Готами. Экдицій спасся во владѣнія Бургундовъ, гдѣ, при дворѣ варварскихъ властителей, встрѣтили его съ полнымъ радушіемъ. Напрасно Юлій Непотъ вызывалъ его въ Италію, чтобы вручить начальство

надъ войсками. Знаменитый вождь отказался служить тому, кто молодушно предалъ врагамъ вѣрную провинцію, не щадившую крови для защиты его власти [1]). Онъ не уступилъ также и убѣжденіямъ Сидонія, который черезъ нѣсколько времени вызывалъ его возвратиться въ Овернь [2]). Съ этихъ поръ изъ исторіи исчезаетъ безъ слѣда имя послѣдняго доблестнаго Римлянина, перваго христіанскаго рыцаря новой Европы. По всей вѣроятности, Экдицій кончилъ свою жизнь въ подвигахъ христіанскаго благочестія, которое составляло такую же неотъемлемую принадлежность его благороднаго характера, какъ и никогда неизмѣнявшее ему мужество.

Не токова была судьба другаго вождя героическаго населенія Оверни, Сидонія. Онъ не могъ, безъ полнаго забвенія своихъ пастырскихъ обязанностей, оставить Клермонъ и рѣшился ждать распоряженія Ейриха. Къ тому же во всякомъ случаѣ, оставаясь въ Оверни, онъ подвергался меньшимъ опасностямъ, нежели доблестный его сподвижникъ. Званіе епископа защищало отъ ярости даже и со стороны еретическаго короля Готовъ. Участь Сидонія рѣшена была скоро. Онъ сосланъ

---

[1]) Іорнандъ, у котораго находимъ это извѣстіе, называетъ овернскаго вождя Деціемъ. Euricus cernens Arvernam occupat civitatem, ubi tunc praeerat Decius nobilissimus senator. et dudum Avitli imperatoris..... filius..... Hujus ergo filius Decius diu certans cum Vesogothis, nec valens antestare, relicta patria, maximeque urbe Arvernate hoste, ad tutiora se loca collegit. *Quod audiens Nepos imperator, praecepit Decio relictis Galliis ad se venire in locum ejus Oreste magistro militum ordinato.* Iornandis, De rebus Geticis. Edit. Panckoucke p. 362. Отказъ Экдиція виденъ изъ назначенія Ореста тотчасъ послѣ предложенія Непота.

[2]) Sidon. Epist. I. III 3. Igitur, si quid nostratium precatibus acquescis, actutum in patriam receptui canere festina, et assiduitatem tuam periculosae regum familiaritati celer exime, quorum consuetudinem spectatissimus quisque flammarum, naturae bene comparat, quae sicut paululum a se remota illuminant, ita satis sibi admota comburunt.

былъ подъ строгій присмотръ въ Ливію, крѣпость около испанской границы. Воротившись, онъ не засталъ уже и Западной римской имперіи.

Уже въ тотъ же годъ обнаружилось все безсиліе власти Юлія Непота. Угрожаемый снова Ейрихомъ, онъ отправилъ къ нему Епифанія Павійскаго, и въ переговорахъ съ готскимъ королемъ всего лучше выказались и значеніе православнаго духовенства, и ничтожность свѣтской власти римскаго правительства. Непотъ долженъ былъ признать полную самостоятельность готскаго государства и заключить миръ съ Ейрихомъ, какъ равный съ равнымъ. До сихъ поръ, во время самыхъ ожесточенныхъ войнъ, варвары признавали свое зависимое положеніе относительно имперіи. Но и согласившись на предложенія Епифанія, Ейрихъ не могъ удержаться, чтобы не высказать поднаго презрѣнія къ особѣ Юлія Непота. «Я исполняю твою просьбу, уважаемый святитель, потому что въ моихъ глазахъ болѣе значитъ личность самого посла, чѣмъ вся власть пославшаго», сказалъ онъ павійскому епископу [1]).

28 Августа 475 г. Непотъ долженъ уже былъ оставить Италію. Ровно черезъ годъ, того же числа, въ Піаченцѣ отрубили голову Оресту, главному виновнику его сверженія и послѣдній римскій императоръ, Ромулъ-Августулъ, былъ сведенъ съ престола возмутившимися воинами Одоакра, не произведя своимъ паденіемъ никакого измѣненія въ событіяхъ, совершавшихся въ предѣлахъ нѣкогда бывшей Западной римской имперіи.

Южныя области Галліи, для спасенія которыхъ пожертвовали Непотъ и его малодушные галлоримскіе совѣтники единственной провинціей, еще сохранявшей преданность Риму,

[1]) Facio, venerande papa, quae poscis quia grandior apud me est legati persona quam potentia destinantis. См. Pétigny, Etudes sur l'époque mérovingienne t. II, 301, въ примѣчаніи.

были захвачены Ейрихомъ безъ всякаго сопротивленія. Въ то же время, весь пиренейскій полуостровъ, за исключеніемъ города и области Картагены, управлявшихся собственными магистратами, и гористыхъ областей Галиціи и Бискаи, призналъ его власть. Вестготы заняла первое мѣсто между всѣми германскими народами, утвердившимися въ Галліи. Казалось, имъ суждено было утвердить на прочныхъ основаніяхъ могущественое государство.

Положеніе Сидонія въ бѣдномъ замкѣ близъ Каркассона [1]) было весьма непріятное. Клермонтскій епископъ чувствовалъ къ варварамъ отвращеніе и ненависть, соединенныя еще съ большимъ страхомъ. Это чувство происходило столько же изъ аристократической гордости родовитаго Галлоримлянина, сколько и изъ сознанія своего умственнаго превосходства; но болѣе всего оскорбляла Сидонія грубость нравовъ и привычекъ германскихъ варваровъ. Человѣку, возросшему среди изысканнаго и утонченнаго образа жизни высшаго круга, Бургунды и Готы, явившіеся въ Галлію, казались дикарями, каждый поступокъ которыхъ непріятно дѣйствовалъ на его избалованные нервы. Это враждебное чувство было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе становилась роль варваровъ въ судьбахъ Римской имперіи и чѣмъ опаснѣе было его высказывать. Очень хорошо изображается впечатлѣніе, производимое варварами на изысканныхъ Галлоримлянъ, въ слѣдующемъ небольшомъ стихотвореніи Сидонія, написанномъ послѣ взятія Бургундами Ліона въ началѣ правленія Майоріана или, быть можетъ, въ то время, когда бургундскіе гарнизоны стояли по городамъ I Аквитаніи, защищая ее отъ замысловъ Ейриха. «Какъ! ты требуешь, пишетъ Сидоній

[1]) Въ 12 миляхъ отъ Каркассона, по дорогѣ въ Нарбонну. Авторы Исторіи Лангедока полагаютъ, что Ливія или Ливіана, куда сосланъ былъ Сидоній, находилась на мѣстѣ, называемомъ теперь Compendu. См. примѣч Грегуара и Колломбе къ Сидонію II p. 363.

къ Катуллину, просившему у него эпиталамы [1]), чтобы я сложилъ стихъ въ честь фесценинской Діаны, я, среди толпы косматыхъ варваровъ и вынося звуки германскаго нарѣчія; я принужденный съ пріятной улыбкой расхваливать пѣсню, которую поетъ объѣвшійся Бургундъ, намазывая волосы тухлымъ масломъ. Хочешь, я скажу тебѣ, отчего невозможна поэма? Моя муза отвергла шестистопный стихъ съ тѣхъ поръ, какъ видитъ патроновъ ростомъ въ 7 футовъ. Счастливы глаза твои и уши, я скажу даже, счастливо твое обоняніе: десять Бургундовъ не оскорбляютъ его каждое утро отрыжкой лука и проклятаго чесноку [2]). Гиганты, которыхъ едва помѣститъ въ себѣ кухня Алкиноя, не ломятся на самомъ разсвѣтѣ къ тебѣ въ комнату, какъ будто ты дряхлый родственникъ ихъ отца или мужъ ихъ кормилицы.—Но уже моя муза замолкла, пошаливъ этими немногими эндекасиллабами, она боится, что ихъ сочтутъ за сатиру». Страхъ передъ варварами безпрестанно обнаруживается въ Сидоніи [3]). Можно представить, каково было его положеніе, когда каждую ночь, едва закрывалъ онъ глаза, возлѣ самой спальни раздавался вѣчный споръ и брань двухъ готскихъ старухъ, самыхъ сварливыхъ, пьяныхъ и отвратительныхъ, какихъ только можно вообразить, по замѣчанію несчастнаго епископа [4]). Скучно и однообразно

---

[1]) Carm. XII, ad v. c. Catulinum, quod propter hostilitatem barbarorum epitalamium scribere non valeret.

[2]) Felicemque libet vocare nasum,
Cui non allia sorbidaeque caepae
Ructant mane novo decem apparatus.

[3]) Passim. См. особенно 8 письмо V книги къ Секундину, ліонскому поэту, написавшему сатиру противъ бургундскихъ властителей (tyrannopolitanorum).. Nec difficulter applicor etiam tuta metuentibus, говоритъ Сидоній въ письмѣ къ Аполлинарію. I VI, 6.

[4]) Vix dabatur luminibus inflexis parvula quies; ndm fragor illico, quem movebant vicinantes impluvio cubiculi mei duae quaepiam Gethides anus quibus nihil unquam litigiosius, bibacius, vomacius erit. Sidon. I VIII, 3.

тянулись для него дни изгнанія. Сидоній искалъ развлеченія въ литературныхъ занятіяхъ и перевелъ по просьбѣ министра Ейриха, Леона Нарбоннскаго, жизнь Аполлонія Тіанскаго [1]). Дружескія отношенія Сидонія съ нарбоннскимъ юристомъ начались еще гораздо прежде; теперь Леонъ употребилъ свое вліяніе на готскаго короля, чтобы облегчить участь изгнанника.

Неизвѣстно когда и по какому случаю, знаменитый галльскій поэтъ и ученый обратилъ на себя вниманіе варварскаго предводителя, вѣроятно, однако же не прежде того времени, когда Агриппинъ предалъ Нарбонну въ руки Теодериха II. Мы знаемъ только, что относительно Ейриха, Леонъ занималъ то же положеніе, какое Кассіодоръ при дворѣ Теодериха В. остготскаго; его значеніе увеличилось особенно съ тѣхъ поръ, какъ Ейрихъ не только сдѣлался самостоятельнымъ владѣтелемъ; но, овладѣвъ всею южною Галліею и утвердившись въ Арлѣ, занялъ первое мѣсто между другими германскими вождями, еще чувствовавшими свое подчиненное положеніе относительно имперіи. Леонъ каждый день былъ призываемъ въ совѣтъ могущественнаго короля; во всѣхъ подробностяхъ ему извѣстны были государственныя тайны, переговоры съ близкими и дальними народами, военные планы, однимъ словомъ, вся дипломатическая и административная система новаго правительства [2]).

[1]) Apollonii Pythagorici vitam, non ut Nicomachus senio e Philostrati, sed ut Tascius Victorianus e Nicomachi schedio exscripsit, quia jusserat, misi. Ibid. Никомахъ и Викторіанъ были, какъ кажется, ученые, занимавшіеся свѣреніемъ и исправленіемъ рукописныхъ текстовъ. По словамъ Сирмонда, до насъ дошли экземпляры Тита Ливія, свѣренные ими. Сирмондъ полагаетъ, что жизнь Аполлонія была только переписана Сидоніемъ; но мнѣніе большинства и слова самого Сидонія заставляютъ думать, что это былъ переводъ. См. Hist. litt. de France II 567.

[2]) Quotidie namque per potentissimi consilia regis, totius sollicitus orbis, pariter ejus negotia, et jura, foedera et bella, loca, spatia, merita cognoscis. Unde quis justius sese ad ista succinxerit, quam ille quem constat gentium motus, legationum varietates, facta ducum, pacta regnantum, tota denique publicarum rerum secreta didicisse. Sidon. I. IV. 22.

Потомокъ Фронтона, славнаго учителя Марка Аврелія, нарбонскій юристъ изящной латинской рѣчью писалъ для Ейриха дипломатическія бумаги, которыми готскій король грозилъ заморскимъ народамъ, т. е. Восточной имперіи или, можетъ быть, Вандаламъ, или заключалъ мирный договоръ съ побѣжденными Франками. Черезъ его же руки шли и оффиціальныя сношенія Ейриха съ его галлоримскими подданными. Готскій король, по словамъ Сидонія, въ одно время и сдерживалъ силою оружія покоренные народы, и старался законами сдержать само оружіе, т. е. Готовъ [1]).

При дворѣ, среди германскихъ дружинниковъ, Леонъ сохранилъ и свой римскій образъ жизни, и преданность къ православію; въ этомъ новое сходство его съ Кассіодоромъ. Важное свидѣтельство о его вліяніи представляетъ Эннодій, разсказывая посольство Епифанія Павійскаго и его переговоры съ завоевателемъ, грозившимъ въ конецъ уничтожить римское владычество въ Галліи. Леонъ, по словамъ Эннодія, приготовилъ самый лестный пріемъ епископу Павіи, заранѣе расположивъ въ его пользу Ейриха; его же содѣйствіемъ много объясняется и самый успѣхъ возложеннаго на Епифанія порученія [2]). И теперь по его же ходатайству возвращенъ былъ Сидоній изъ ссылки въ Ливію. Объ этомъ говоритъ положительно клермонтскій епископъ, посылая своему другу переведенную для него жизнь Аполлонія Тіанскаго [3]). Въ характерѣ этого загадочнаго лица видитъ Сидоній сходство съ

[1]) Sepone pauxillulum conclamatissimas declamationes, quas oris regii vice confi'is, quibus ipse rex inclytus modo corda terrificat gentium transmarinarum, modo de superiore cum barbaris ad Vachalim tremen-tibus foedus victor innodat, modo per promotae limitem sortis, ut populos sub armis, sic frenat arma sub legibus. Sidon. I. VIII, 3.

[2]) См. Histoire litt. de France t. II p. 629.

[3]) Nam dum me tenuit inclusum mora moenium Livianorum, cujus incommodi finem post opem Christi tibi debeo... Sidon. l. VIII, 3.

Леономъ, за исключеніемъ только различія въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Этимъ сравненіемъ думаетъ онъ сказать самую большую похвалу министру Ейриха, забывая строгій приговоръ церкви надъ ученіемъ и образомъ жизни Аполлонія Тіанскаго [1]).

Оставивъ Ливію, клермонтскій епископъ не былъ однако же возвращенъ къ своей паствѣ. Подъ предлогомъ нужныхъ объясненій его задерживали въ Бордо, гдѣ жилъ тогда Ейрихъ, не допускавшій его къ себѣ, но и не позволявшій возвратиться въ Овернь.

Въ письмѣ къ Фаусту Ріезскому жаловался Сидоній на свое печальное положеніе и на подозрительность готскаго правительства. «Ваше краснорѣчіе, писалъ къ нему Сидоній [2]), не измѣнилось точно также, какъ и ваша доброта. Я съ удовольствіемъ получилъ письмо ваше, потому что оно краснорѣчивое, выраженіе вашего ко мнѣ расположенія, потому что оно ничемъ не вынуждено. Впрочемъ въ настоящее время, попросивъ и получа заранѣе прощеніе, я выскажу мое мнѣніе, что при отдаленіи насъ другъ отъ друга, при сообщеніяхъ, затрудненныхъ подозрительностію возмущенныхъ народовъ, для насъ безопаснѣе и лучше отказаться отъ дѣятельной переписки и, оставивъ на время обмѣнъ писемъ, осудить себя на молчаніе. Какъ ни тяжело, ни грустно для людей, соединенныхъ тѣсною дружбою, это рѣшеніе, оно вызвано не произвольною прихотью, а важными и хорошо извѣстными причинами разнаго рода. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что посланецъ не можетъ пробраться безъ допроса мимо стражи, стоящей по большимъ дорогамъ. Если онъ, какъ ни въ

---

[1]) Lege virum, *fidei catholicae pace praefata*, in plurimis similem tui. Далѣе Сидоній подробно объясняетъ, въ чемъ заключается это сходство. Ibid.

[2]) Sidon. I. IX, 3. ad. Faustum.

чемъ невинный, и не подвергается опасности, тѣмъ не менѣе его встрѣчаетъ много затрудненій: усердный допрашиватель старается вывѣдать всѣ тайны посланнаго. Если по случаю онъ растеряется въ отвѣтахъ на предложенные ему вопросы, тогда думаютъ, что ему приказано на словахъ передать то, чего не могли отыскать въ бумагахъ. Посланный подвергается оскорбленіямъ, а пославшій становится лицемъ заподозрѣннымъ [1]). Особенно это бываетъ теперь, когда договоры, заключенные прежде между народами-соперниками, становятся сомнительными по случаю нѣкоторыхъ спорныхъ

[1]) Любопытно, какими предосторожностями должны были окружать свою дѣятельность представители высшихъ интересовъ въ смутное время паденія Западной римской имперіи. У Сидонія мы находимъ упоминанія о такъ называемыхъ *litterae formatae* (напр. I. VI, 8; VII, 2 и др.). Такого рода письма были въ употребленіи еще въ первые вѣка христіанской церкви. Въ послѣднее время римской имперіи они снова, какъ кажется, сдѣлались необходимостію, особенно когда переписка между православными епископами затруднялась вслѣдствіе подозрительности варварскихъ, аріанскихъ властителей. Epistola formata удостовѣряла, что податель дѣйствительно принадлежитъ къ извѣстной церкви и, слѣдовательно, человѣкъ надежный. Противъ поддѣлки принимались слѣдующія предосторожности. На верху письма ставились 4 начальныя греческія буквы наименованія лицъ и Св. Петра, т. е. *П. Т. А. П.* Буквы въ греческомъ языкѣ имѣли числовое значеніе. Сума 4-хъ буквъ вмѣстѣ съ буквою А., взятою отъ заключительнаго аминь, равнялась 660. Сверхъ того числовое значеніе первой буквы имени лица пишущаго, второй буквы имени того, къ кому адресовано письмо, третьей буквы изъ имени лица, о которомъ идетъ рѣчь и четвертой имени города, откуда отправлено письмо, составляло въ сложности извѣстную сумму, которая и приписывалась въ письмѣ, скрѣпленномъ подписью епископа и его печатью. Ключъ къ разгадкѣ значенія числа строго держался въ тайнѣ епископами. Черезъ надежныхъ посланцевъ, снабженныхъ такими письмами, православные епископы могли сноситься между собою во время самыхъ страшныхъ гоненій со стороны фанатическихъ послѣдователей Арія. (См. примѣч. Грегуара и Колломбе къ соч. Сидонія. т. II стр. 146).

Еще любопытнѣе существованіе особенной литературной школы и особеннаго латинскаго языка, понятнаго лишь для немногихъ, *J. Quicherat* въ замѣчательномъ изслѣдованіи, помѣщенномъ во II томѣ Bibliothéque

условій [1]); кромѣ того душа моя истерзана домашними огорченіями. Изгнанникъ изъ родины, я удаленъ сюда подъ видомъ

---

de l' école de chartes (Fragments inédits de littérature latine p. 130—143) приводитъ чрезвычайно интересные факты по поводу изданныхъ Анжело Маи въ 1833 году сочиненій подложнаго Виргилія (*Epistolæ de octo partibus sermonis* и *Eptomae*). Не подлежитъ никакому сомнѣнію существованіе особой школы или литературнаго общества, члены котораго подъ заимствованными или вымышленными именами (*Homerus*, *Cicero*, *Horatius*, *Bientius*, *Glengus Maceronto* и т. д.) старались среди варваровъ сохранить нѣкоторыя преданія римской литературы и значеніе литераторовъ. Школа имѣла условный языкъ, условное письмо и способъ выраженія, понятные только для адептовъ. Такъ изъ epitomae видно, что сверхъ обыкновенной латини было еще 10 языковъ: *Semedia*, *numeria*, *metrofia*, *lumbrosa*, *sincolla*, *belsabia*, *bresina militana*, *spela*, *polema*, (137 пр. 5). Фраза Spes *Romanorumperiit* писалась по условіямъ *scinderationis phonorum* такъ: *rr. ss. pp. mm. nl. ee. oo. ae. ii.* (138). Объясненіе причинъ, вызвавшихъ этотъ способъ, приводимое Лже-Виргиліемъ, указываетъ по замѣчанію Quicherat на три главныя причины конечной гибели римской литературы: на чрезмѣрную изысканность выраженія, принимаемую за высшее достоинство, на утрату вкуса и на страхъ передъ варварами. Лже-Виргилій, по собственному показанію, былъ родомъ изъ Галліи и христіанинъ. Анжело Маи, издавшій его сочиненія, нашелъ и указаніе на его мѣстопребываніе въ эпитетѣ *Tolosanus*. Онъ относитъ Лже-Виргилія ко времени внуковъ Хлодвига. I. *Quicherat*, сближая его съ неизвѣстнымъ поэтомъ, къ которому Эннодій написалъ стихотвореніе: De quodam stulto qui Virgilius dicebatur, съ загадочнымъ Виргиліемъ, историкомъ и поэтомъ, на котораго ссылается сокращеніе церковной исторіи Григорія Турскаго, говоря о происхожденіи Франковъ, основываясь на нѣкоторыхъ указаніяхъ, извлеченныхъ изъ самыхъ сочиненій Лже-Виргилія, и т. д. полагаетъ, что онъ былъ современникомъ Эйриха Вестготскаго, а слѣдовательно, и Аполлинарія Сидонія.

[1]) Plusque in hoc tempore, quo aemulantum invicem sese pridem foedera statuta regnorum denuo per conditiones discordiosas ancipitia reddantur. Фориель (Histoire de la Gaule méridionale 1, 339) полагаетъ, что эти слова относятся къ несогласіямъ, возникшимъ между Вестготами и Непотомъ тотчасъ послѣ уступленія Оверни и превращеннымъ Епифаніемъ Павійскимъ. Съ этимъ согласиться довольно трудно. Сидоній пробылъ около года въ Лиріи и писалъ къ Фаусту уже изъ Бордо. Зимой 474 г. Овернь еще держалась, а 28 августа слѣдующаго года Непотъ уже

исполненія обязанности или, что будетъ вѣрнѣе, вслѣдствіе необходимости и подвергаюсь всякаго рода непріятностямъ. Здѣсь я терплю всѣ лишенія чужестранца, тамъ всѣ бѣдствія изгнанника» [1]).

Письмо къ Лампридію, написанное въ это же время, служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ тяготился Сидоній неизвѣстностію своей участи. Онъ рѣшился наконецъ, во что бы то ни стало, выйти изъ этого сомнительнаго положенія, хотя бы даже цѣною нравственнаго униженія. Твердости воли, стойкости характера не было вовсе въ натурѣ клермонтскаго епископа. Неизмѣннымъ оставалась одна преданность православію и добродѣтели частнаго человѣка и пастыря. Какъ скоро лице духовное смѣнялось политическимъ дѣятелемъ, передъ нами является тотъ же Сидоній, съ которымъ познакомились мы, разсказывая исторію Авита, Майоріана и Антемія, неисправимый риторъ, человѣкъ безъ крѣпкихъ убѣжденій, безъ надежной точки опоры. Поступокъ Сидонія, о которомъ идетъ теперь рѣчь, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія, что главнымъ двигателемъ героическаго сопротивленія Оверни противъ Готовъ былъ Экдицій, своимъ присутствіемъ и личнымъ вліяніемъ поддерживавшій слабую волю клермонтскаго епископа. Сидоній видѣлъ, что Ейрихъ считаетъ его непримиримымъ врагомъ готскаго владычества и боится отпустить въ Овернь, чтобы не подать повода къ новому возстанію,

оставилъ Италію. Письмо клермонтскаго епископа написано, слѣдовательно, послѣ переговоровъ Епифанія. Гораздо вѣроятнѣе отнести слова Сидонія къ Бургундамъ, съ которыми Готы, по его же извѣстію, находились въ это время въ войнѣ.

Hic Burgundio septipes frequenter.

Flexo poplite supplicat quietem, говоритъ Сидоній въ панегирикѣ Ейриху. (1. VIII ep. 9). Съ Франками Готы находились также въ непріязненныхъ отношеніяхъ. См. тамъ же и приведенное выше 3 письмо VIII книги.

[1]) Quia patior hic incommoda peregrini, illic damna proscripti I. IX, 3.

къ которому могли бы примкнуть и другія провинціи, озлобленныя фанатизмомъ завоевателя.

Ейрихъ имѣлъ полное право опасаться тайнаго и явнаго недоброжелательства со стороны галлоримскаго населенія, тѣмъ болѣе, что его отношенія къ Бургундамъ и, какъ кажется, также и къ Франкамъ запутались и едва ли не перешли въ непріязненныя дѣйствія. Тайные переговоры Галлоримлянъ съ византійскимъ императоромъ Зенономъ въ 477 г. доказывали, что въ Галліи не совсѣмъ еще умерли надежды на освобожденіе [1]). Осторожное поведеніе Ейриха относительно Оверни, довольно рѣзко противорѣчившее его крутому и рѣшительному характеру, выказываетъ его опасенія и стараніе ослабить ненависть и ужасъ, возбужденные его завоеваніемъ. Сидоній, потерявши терпѣніе и не будучи въ силахъ выносить долѣе своей почетной ссылки, хотѣлъ показать, что не только вполнѣ примиряется съ новымъ положеніемъ дѣлъ, но что онъ даже увлеченъ могуществомъ и славою новаго властителя. Лучшимъ средствомъ обнаружить эту перемѣну въ убѣжденіяхъ показался ему панегирикъ. Такимъ образомъ еще разъ выходилъ Сидоній на прежнюю дорогу. Чтобы показать вполнѣ все значеніе прежнихъ панегириковъ, ему недоставало только написать хвалебное слово ожесточенному врагу его второй родины, варвару, въ конецъ уничтожившему римское владычество въ Галліи, неумолимому гонителю православія, и онъ не остановился передъ этимъ [2]). Адресовать панегирикъ самому

---

[1]) См. Fauriel t. I p. 343.

[2]) Рагнагильдѣ, супругѣ Ейриха, Сидоній еще прежде написалъ небольшое стихотвореніе, впрочемъ не отъ своего имени. Еводій, одинъ изъ знатныхъ Галлоримлянъ, находившихся въ службѣ у готскаго короля, хотѣлъ поднести королевѣ серебряный сосудъ для умыванья, сдѣланный въ формѣ раковины, и просилъ своего друга написать 12 стиховъ, которые могли бы быть вырѣзаны по 6 съ каждой стороны сосуда. Вотъ

Ейриху было не совсѣмъ прилично, тѣмъ болѣе, что это новое произведеніе должно было казаться искреннымъ и безкорыстнымъ выраженіемъ настоящаго образа мыслей автора и его взгляда на современное положеніе дѣлъ. Сидоній помѣстилъ похвалу Ейриху въ посланіе къ Лампридію. Стихотвореніе такъ замѣчательно, что мы не можемъ опустить его. Оно важно столькоже для исторіи готскаго государства, какъ и для опредѣленія характера самого автора. Приведемъ его вполнѣ [1]).

«Зачѣмъ ты вызываешь меня воспѣть теперь Цирру [2]) или Каменъ Гіантійскихъ или ученыя струи Геликона, брызнувшія изъ подъ копыта быстраго Пегаса? Честь нашей поэзіи, Лампридій, зачѣмъ требуешь у меня пѣсни, какъ будто я похитилъ дельфійскія принадлежности делосскаго бога, какъ будто, новый Аполлонъ, я владѣю священной завѣсой, треножникомъ, лирой, колчаномъ, стрѣлами и грифонами, какъ будто меня вѣнчаетъ двойной вѣнокъ зеленаго плюща и винограда».

«*Титиръ*, ты уже получилъ твое поле; ты ходишь подъ сѣнію миртъ и платановъ; ты ударяешь въ барбитонъ и, соглашая

стихотвореніе Сидонія. „Пусть раковина, на которой Тритонъ плачитъ по волнамъ Цитерею, уступитъ этой при первомъ сравненіи. Умолкнемъ, склонись немного съ высоты твоего величія и прими, великая покровительница, этотъ малый даръ. Удостой принять Еводія въ число твоихъ кліентовъ. Возвышая его, ты сама возвеличишься. Ты дочь, невѣстка и жена королей; да будетъ же у тебя и сынъ, который бы царствовалъ и вмѣстѣ съ отцомъ и послѣ отца. Счастлива влага, заключенная здѣсь въ свѣтломъ металлѣ: лицъ твоей госпожи еще свѣтлѣе, потому что когда королева удостоиваетъ склонить въ тебя лице свое, его бѣлизна отражается на серебрѣ». Сидоній имѣлъ настоящее понятіе о степени развитія и вкусахъ готской царицы. Тѣмъ болѣе оцѣнитъ то, на чемъ вырѣзана надпись, чѣмъ самую надпись, пишетъ онъ, посылая стихи Еводію. Plus charta vestra quam nostra scriptura laudabitur, I. IV, 8.

[1]) Sidon. Epistol. VIII, 9 ad Lampridium.

[2]) Городъ въ Фокидѣ, посвященный Аполлону.

твой голосъ съ звуками струнъ, поешь твои дивныя пѣсни».

«Я нахожусь здѣсь, вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, и только разъ видѣлъ властителя; онъ не имѣетъ для меня свободнаго времени, потому что покорный міръ также ждетъ отъ него отвѣта».

«Здѣсь виденъ Саксонъ съ голубыми глазами. Привыкшій къ морю, онъ страшится земли. Ножницы не только подстригли его волоса на маковкѣ, онѣ совершенно ихъ срѣзали, и гладко выстриженная голова кажется короче въ то время, какъ лицо стало какъ бы длиннѣе».

«Здѣсь старый Сигамбръ, остриженный послѣ нанесеннаго тебѣ пораженія, ты закидываешь назадъ вновь опущенныя пряди волосъ».

«Здѣсь бродитъ Герулъ съ зеленоватыми щеками; онъ обитаетъ у крайнихъ предѣловъ Океана и цвѣтъ его лица напоминаетъ морскія травы».

«Здѣсь Бургундъ, ростомъ въ семь футовъ, безпрестанно преклоняя колѣна, молитъ о мирѣ».

«Остготъ получаетъ новую силу, имѣя такихъ покровителей. Онъ тѣснитъ сосѣднихъ Гунновъ и гордится тамъ здѣсь одержанными побѣдами».

«Здѣсь и ты, Римлянинъ, ищешь спасенія; онъ проситъ у тебя защиты, Ейрихъ, противъ ордъ скиѳскихъ степей, когда большая медвѣдица грозитъ смутами. Онъ молитъ, чтобы Гаронна, сильная пребываніемъ на ея берегахъ Марса, защитила ослабѣвшій Тибръ [1]). Самый Аррикъ Парѳянинъ проситъ,

[1]) Hinc, Romane, tibi petis salutem,
Et contra Scythicae plagae catervas,
Si quos Parrhasis ursa fert tumultus,
Eorice, tuae manus rogantur,
Ut Martem validus per inquilinum
Defenset tenuem Garumna Tibrim. ibid.

чтобы ему позволено было царствовать въ чертогахъ Сузы, хотя бы подъ условіемъ платежа дани. Зная, что въ странахъ, принадлежащихъ къ Босфору, дѣлаются огромныя военныя приготовленія, онъ не надѣется на берегахъ Евфрата защитить Персію, смущенную однимъ звономъ оружія. Онъ, который воображалъ себя родственникомъ небесныхъ свѣтилъ и гордился однимъ происхожденіемъ съ Аполлономъ, онъ прибѣгаетъ теперь къ мольбамъ и оказывается простымъ смертнымъ».

«Среди всего этого, мои дни тянутся въ безполезныхъ отсрочкахъ. *Титиръ*, перестань возбуждать мою музу; я удивляюсь, но не завидую твоей славѣ, я, который, не получая ничего и напрасно тратя мольбы, сдѣлался *Мелибеемъ* [1]).»

Нельзя было болѣе польстить Ейриху. Готскій Августъ не могъ заподозрить галльскаго Виргилія въ римскомъ патріотизмѣ, и наградой панегиристу было позволеніе воротиться въ Овернь и вступить въ безпрепятственное отправленіе своей должности. Черезъ нѣсколько времени Леонъ Нарбоннскій, вѣроятно, по приказу или по крайней мѣрѣ съ согласія Ейриха, обратился къ Сидонію съ вызовомъ написать исторію готскаго завоевателя. Должно сказать къ чести клермонтскаго епископа, что панегерикъ Ейриху стоилъ ему тяжелаго усилія надъ собою. Въ письмѣ къ Лампридію проглядываетъ сознаніе того, какъ странно должна была звучать хвалебная пѣснь въ устахъ защитника Оверни, какимъ позоромъ покрывался авторъ, покупая, цѣною подобнаго униженія, милость готскаго

---

[1]) Sed tu, o Tityre, parce provocare;
Nam non invideo magisque miror,
Qui, dum nil mereor, precesque frustra
Impendo, Meliboeus esse coepi.

завоевателя [1]). Сидоній рѣшительно отказалъ Леону Нарбоннскому. Его письмо поэтому случаю проникнуто скорбнымъ чувствомъ; для насъ оно кажется какъ бы продолженіемъ упомянутаго письма къ Лампридію. Говоря о трудностяхъ, неминуемо встрѣчающихъ лицо духовнаго званія, которое вздумало бы заняться изложеніемъ современной исторіи, о ненависти, которую навлекаетъ оно на себя, высказывая свои убѣжденія, о твердой рѣшимости совершенно отказаться отъ литературы, Сидоній какъ бы намекаетъ на непріятное для него впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ панегирикомъ [2]). Клермонтскій епископъ сравниваетъ своего нарбоннскаго друга съ Тацитомъ, убѣждавшимъ Плинія написать исторію своего времени; онъ совѣтуетъ ему послѣдовать примѣру знаменитаго историка и самому взяться за трудъ, для исполненія котораго у него такъ много условій [3]).

Возвратившись въ Овернь, Сидоній нашелъ тамъ намѣстникомъ Ейриха Викторія, одного изъ галлоримскихъ сторонниковъ готскаго короля. Уже одно замѣщеніе такого важнаго поста не Готомъ, а Галлоримлянниномъ, и притомъ православнымъ,

---

[1]) En carmen quod recenseas otiabundus, nostrumque sudorem ac pulverem spectans, veluti jam coronatus auriga de podio. De reliquo, non est quod suspiceris par me officii genus repetiturum, etiamsi delectere praesenti, nisi prius ipse destiterim vaticinare magis damna quam carmina. Въ другомъ мѣстѣ того же письма Сидоній, говоря Лампридію о печальномъ своемъ положеніи, о глубокомъ унынін, имъ овладѣвшемъ, дѣлаетъ весьма граціозное сравненіе. Quod si quopiam casu ineptias, istas, quas, inter animi supplicia conscripsimus, nutu indulgentiore sus ceperis, persuadebis mihi.... similes etiam chordae lyricae violentius tensae, quae quoplus torta, plus musica est. Sidon. I. VIII, 9.

[2]) См. Sidon I. IV, 22.

[3]) Ibid. idque ab exemplo nunc melius aggrederis, quia et ego Plinio, ut discipulus, assurgo, et tu vetusto genere narrandi jure Cornelium antevenis, *qui seculo nostro si revivisceret, teque qualis in litteris, et quantus habeare conspicaretur, modo verius Tacitus esset.* ibid.

доказываетъ, съ какою осторожностію обращался Еврихъ съ провинціей, такъ отчаянно боровшейся за свою независимость. Викторій является представителемъ той части галломирской аристократіи, которая искренно примкнула къ германскимъ предводителямъ. Правитель Оверни далеко не отличался нравственными достоинствами. Григорій Турскій, который называетъ его дукомъ всей Септиманіи, оставилъ намъ нѣсколько воспоминаній о его продолжительномъ управленіи провинціей [1]). Изъ разсказа турскаго епископа, бывшаго родомъ изъ самой Оверни, можно вывести самое невыгодное заключеніе о Викторіи. Страстный любитель женщинъ, онъ довелъ Овернцевъ до того, что они рѣшились было убить его. Какъ доказательство самаго наглаго своеволія, можетъ служить его поступокъ съ овернскимъ сенаторомъ Евхеріемъ, о которомъ мы имѣемъ самый лестный отзывъ Сидонія [2]). Оклеветавъ его по личной ненависти и заключивъ въ оковы, Викторій, не имѣя, вѣроятно, данныхъ для его осужденія, рѣшился просто убить его. Ночью онъ приказалъ извлечь Евхерія изъ темницы, положить его связаннаго подлѣ ветхой стѣны и обрушить ее на несчастнаго [3]). Вооруживъ противъ себя

---

[1]) Gregor. Turon. Historia eccles. Franc. II, 20. Eorichus autem Gothorum rex, Victorium ducem super septem civitates praeposuit. Григорій Турскій полагаетъ продолжительность управленія Викторія въ 9 лѣтъ. fuit autem Arvernis annis novem. Но потомъ самъ же прибавляетъ: post cujus excessum regnavit Eorichus annos quatuor, чѣмъ и уничтожаетъ вѣроятность своего показанія. Еврихъ умеръ въ 484 г. Оверь покорилась ему въ концѣ 474 или въ началѣ 475 года. Если Викторій бѣжалъ за 4 года до смерти Еврика, то онъ не могъ долѣе 6 лѣтъ управлять Овернію.

[2]) Sidon. Epist. I. III, 8, но нѣкоторымъ выраженіямъ можно догадываться, что Евхерій принималъ самое дѣятельное участіе въ защитѣ Оверни.

[3]) Gregor. Turon. Hist. II, 20.

общую ненависть населенія и возбудивъ, какъ кажется, неудовольствіе самого Ейриха, Викторій бѣжалъ въ Римъ и тамъ былъ побитъ каменьями за наглые и насильственные поступки съ женщинами. Послѣ этого свидѣтельства Григорія Турскаго насъ могъ бы удивить совершенно противоположный отзывъ Сидонія, еслибы мы не знали случая, которымъ онъ вызванъ. При всѣхъ своихъ нравственныхъ недостаткахъ, Викторій имѣлъ одно важное достоинство: онъ былъ искренно преданъ православію. Въ то время, когда во владѣніяхъ Ейриха въ развалинахъ падали православныя церкви или оставались безъ священниковъ, Викторій, по словамъ того же Григорія Турскаго, соорудилъ въ Оверни двѣ базилики, одну во имя Св. Лаврентія, другую во имя Св. Германа. Когда въ Оверни умеръ Авраамъ, уроженецъ Персіи, бѣжавшій изъ родины отъ преслѣдованій Варана и Издигерда II, Викторій, оказывавшій глубокое уваженіе къ смиренному иноку и присутствовавшій при его послѣднихъ минутахъ, принялъ на свой счетъ издержки погребенія, и Сидоній, написавшій эпитафію Аврааму, не упустилъ случая съ похвалою отозваться о новомъ правителѣ Оверни [1]).

Дальнѣйшая дѣятельность Сидонія исключительно посвящена исполненію пастырскихъ обязанностей, и, безспорно, это лучшая сторона его жизни. Время было тяжкое для православнаго населенія и если мы обратимъ вниманіе на то, что дѣлалось въ другихъ областяхъ готскаго государства, мы вполнѣ

[1]) Sidon. Epist. l. VII, 17. Къ Волузіану; письмо Сидонія любопытно для опредѣленія отношеній между монашествующими и епископами. Авраамъ былъ основателемъ монастыря въ Оверни, и, послѣ его смерти, Сидоній поручаетъ Волузіану ввести между братіею правило обителей Лериновской и гриньинской (statuta Lirinensium Partum vel Grinincensium). О Викторіи въ этомъ письмѣ говоритъ Сидоній, quem jure seculari patronum, jure ecclesiastico filium, excolo ut cliens, ut pater diligo, qui satis docuit, quae sibi aut qualis erga famulos Christi cura ferveret.

поймемъ, почему Сидоній, выхваляя ревность къ церкви Викторія, какъ бы забывалъ о возмутительномъ произволѣ управленія ввѣренной ему провинціи. Преслѣдованіе Ейриха было въ полномъ разгарѣ, и теперь, когда Готамъ ни откуда не грозила опасность, они могли дать волю своей фанатической нетерпимости. Знаменитый Фаустъ Ріезскій былъ отправленъ съ ссылку.

Уроженецъ Британіи, хотя съ молодости поселившійся окончательно въ Галліи, Фаустъ сохранилъ въ своемъ характерѣ упрямую настойчивость своихъ соплеменниковъ [1]). Заключившись въ монастырѣ Лериномъ, онъ пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность строгостію жизни и христіанскимъ краснорѣчіемъ. Уже въ 447 году онъ получилъ самое лестное доказательство уваженія со стороны знаменитѣйшаго изъ членовъ галльской церкви. Иларій Арльскій на собраніи епископовъ принудилъ Фауста, бывшаго тогда простымъ игуменомъ и священникомъ, занять мѣсто между собою и Ѳеодоромъ Фрежюскимъ, къ эпархіи котораго принадлежала Леринская обитель. Въ началѣ 462 года Фаустъ былъ избранъ епископомъ Ріеза и занялъ высокое положеніе между галльскимъ духовенствомъ. Въ виду грозившей опасности со стороны аріанства, онъ обнаружилъ замѣчательную смѣлость и дѣятельность. Онъ ратовалъ противъ ереси проповѣдями, такъ увлекавшими его слушателей, письмами, расходившимися повсюду, толкованіемъ богослужебныхъ гимновъ и наконецъ небольшими сочиненіями, направленными противъ главныхъ пунктовъ ученія Арія и Македонія [2]). Это былъ опаснѣйшій врагъ аріанства, потому что

---

[1]) О Фаустѣ см. большую статью въ литературной исторіи Франціи, изданной Бенедиктинцами конгрегаціи св. Маура т. II.

[2]) Legi ejus et adversus Arianos et Macedonianos parvum libellum Gennad. c. 85.

ни одинъ изъ современныхъ епископовъ Галліи не пользовался бо́льшею извѣстностію, какъ богословъ. Не даромъ Сидоній называетъ его Платономъ Христовой Церкви. У клермонтскаго же епископа мы находимъ весьма интересный разсказъ, дающій понятіе о томъ, какъ смотрѣли современники на творенія ріезскаго епископа. Ріохатъ, священникъ и монахъ, Бретонъ по происхожденію, возвращался изъ Ріеза на родину. Два или три мѣсяца онъ пробылъ въ Оверни, потому что смуты, волновавшія сѣверную Галлію, не позволяли ему продолжать путешествія. Ласково принятый овернскимъ епископомъ, онъ много говорилъ съ нимъ о Фаустѣ, показывалъ ему полученные подарки и т. д. Едва только отправился Ріохатъ изъ Оверни, какъ кто-то увѣдомилъ Сидонія, что британскій монахъ скрылъ отъ него самое драгоцѣнное пріобрѣтеніе, что онъ везетъ въ Британію новое сочиненіе Фауста, еще неизвѣстное галльскимъ епископамъ. Сидоній тотчасъ пустился въ погоню, остановилъ Ріохата и принудилъ его немедленно показать утаенное сочиненіе. Прочитавъ его съ увлеченіемъ, онъ спѣшилъ продиктовать проворнымъ писцамъ важнѣйшія мѣста. Епископъ и монахъ плакали, читая и перечитывая сочиненіе знаменитаго учителя, и Сидоній съ торжествомъ воротился въ Оверн, везя съ собою духовную добычу, какъ называетъ онъ пріобрѣтенныя извлеченія изъ книги Фауста [1]). Въ 481 г. Ейрихъ сослалъ въ заточеніе упорнаго противника. Мѣстомъ ссылки престарѣлаго, почти уже столѣтняго [2]) защитника православія

---

[1]) Spoliis onustum caritatis et spiritualis compotem praedae me domum retuli. Sidon. Epist. I. IX, 9.

[2]) Cujus ita dictis vita factisque dupliciter inclaruit, ut quando quidem tuos annos jam dextra numeraverit.... decedas. ibid. Римляне считали до ста по пальцамъ лѣвой руки, сотни и тысячи по пальцамъ правой руки. Фаустъ родился въ концѣ IV вѣка, умеръ, какъ полагаютъ, не ранѣе 490 г. См. Hist. litt. de France. t. II p. 590.

были, какъ кажется, горы Лимузена. Сохранившіяся письма Фауста къ Феликсу и Рурицію показываютъ, какою заботливостію и попеченіемъ окружали многочисленные почитатели маститаго старца во все время его изгнанія, продолжавшагося до самой смерти Ейриха (484 г.) [1]).

Не на одного Фауста обрушилось преслѣдованіе готскаго фанатика. Валерій Антибскій, Граціанъ Тулузскій, Девтерій, епископъ Ницы, Леонтій, епископъ Фрежюса, и другіе епископы 2 Нарбоннской провинціи погибли во время гоненій [2]). Тѣмъ знаменательнѣе умѣренность Ейриха относительно Оверни и вообще I Аквитаніи. Въ то время, когда, по словамъ Сидонія, въ другихъ мѣстахъ съ трудомъ осмѣливались исправлять поврежденія въ церквахъ уже существовавшихъ, Елафій строилъ въ горахъ Руерга новую базилику и, такъ какъ Родезъ, главный городъ этого діоцеза, оставался безъ епископа, Сидоній, не смотря на осеннее время и на трудность горныхъ дорогъ, ѣхалъ совершить торжественное освященіе [3]). Какъ будто страшныя битвы прежнихъ вторженій глубоко врѣзались въ память готскаго короля, и Экдицій даже въ изгнаніи былъ геніемъ хранителемъ своей родины, сдерживая фанатическіе порывы Ейриха.

Самымъ любопытнымъ памятникомъ епископской дѣятельности Сидонія безспорно является его переписка съ главнѣйшими членами галльской церкви. Къ сожалѣнію, мы не можемъ

---

[1]) См. письма Фауста въ VIII томѣ Bibl. Maxim. Patrum.

[2]) См. Revillout p. 143. Григорій Турскій говоритъ слѣдующее: Hujus tempore et Evarix, rex Gothorum.... gravem in Galliis super Chistianos intulit persecutionem. Truncabat passim perversitati suae non consentientes, clericos carceribus subigebat. Sacerdotes vero, alios dabat exsilio, alios gladio truncabat.... Maxime tuus Novempopulanae, geminaeque Germaniae (Aquitaniae) urbes, ab hac tempestate depopulatae sunt. Greg. Turon. II, 25.

[3]) Sidon. Epist. IV, 15.

остановиться на ней подробно и должны ограничиться самыми характеристическими чертами. Замѣтимъ прежде всего, что, по своему исключительно литературному воспитанію, клермонтскій епископъ не былъ совершенно подготовленъ къ богословской дѣятельности. Онъ самъ хорошо сознавалъ недостаточность своего теологическаго образованія и, хотя ревностно предался изученію св. Писанія послѣ своего избранія въ епископы; но мы видѣли, какое направленіе должна была принять его дѣятельность почти въ самомъ ея началѣ. Борьба съ Готами не могла оставлять много времени для мирныхъ занятій. Неудивительно, что Сидоній не могъ принимать участія въ богословскихъ разсужденіяхъ своего времени, что, напримѣръ, въ извѣстномъ спорѣ Фауста Ріезскаго съ Мамертомъ Клавдіаномъ онъ обнаружилъ полное непониманіе важности дѣла и писалъ обоимъ противникамъ письма, одинаково наполненныя риторическими похвалами, въ которыхъ трудно доискаться самаго смысла [1]). Неудивительны и самые промахи Сидонія, не разъ встрѣчающіеся въ его сочиненіяхъ [2]). Повторимъ, самъ Сидоній чувствовалъ недостаточность своего знанія и не скрывалъ этого. Если, не смотря на это, знаменитѣйшіе по глубокой учености и святости жизни епископы Галліи такъ высоко цѣнили его пастырскую дѣятельность и такъ много ожидали отъ нея, значитъ, его заслуги церкви заключались преимущественно въ практической сторонѣ этой дѣятельности и въ нравственномъ вліяніи клермонтскаго епископа. Замѣтимъ еще особенность Сидонія. Сдѣлавшись епископомъ, онъ рѣшился отказаться отъ литературныхъ занятій и исключительно посвятить себя трудамъ, непосредственно относящимся къ его

---

[1]) См. высокопарныя похвалы Фаусту и Клавдіану по поводу ихъ сочиненій.

[2]) См. напр. Carm. XVI, v. 18, гдѣ Сидоній перемѣшалъ событія Ветхозавѣтной исторіи.

новому званію. Нѣсколько разъ повторяетъ Сидоній, что онъ прощается навсегда съ свѣтской поэзіей и намѣренъ воспѣвать только подвиги первыхъ проповѣдниковъ христіанства въ Галліи, однако же прежнія привычки брали верхъ [1]). Риторскія замашки видны безпрестанно въ его перепискѣ съ духовными лицами. Въ благодарственномъ письмѣ къ Паціенту Ліонскому онъ сравниваетъ благочестиваго епископа съ Триптолемомъ и только потомъ думаетъ поправить ошибку, приведя примѣръ Іосифа, спасшаго Египетъ отъ голода [2]). Не разъ совершенно неожиданно, почти вслѣдъ за высказаннымъ намѣреніемъ отречься отъ свѣтской поэзіи, является классическая цитата изъ Виргилія или Горація [3]). Риторство сдишкомъ вкоренилось въ натуру Сидонія и отъ него не легко было отдѣлаться; близкое же знакомство съ классическою литературою, даже нѣкоторое тщеславіе и гордость этимъ знакомствомъ было почти общею принадлежностію духовныхъ лицъ того времени, даже тѣхъ, кому нельзя, какъ Сидонію, сдѣлать упрека въ легкомыслін [4]).

Пересматривая переписку Сидонія, относящуюся къ послѣднему періоду его дѣятельности, нельзя не остановиться съ

---

[1]) См. 13 и 15 письма IX книги. Въ заключительномъ письмѣ IX книги Сидоній говоритъ:

Denique ad quodvis epigramma posthac
Non ferar pronus, teneroque metro
Vel gravi, nullum cito cogar exhinc
Promere carmen.
Persecutorum nisi questiones
Forsitan dicam meritosque coelum
Martyres mortis pretio parasse
Praemia vitae.

[2]) Sidon. Epist. VI, 12.

[3]) См. заключеніе IX книги его писемъ, оконченное ссылкой на Горація.

[4]) Въ нашемъ изложеніи мы не разъ приводили примѣры, особенно въ I главѣ.

удовольствіемъ на тѣхъ письмахъ, гдѣ онъ, отложивъ литературныя притязанія, говоритъ о дѣлахъ, въ которыхъ по своему званію онъ могъ или долженъ былъ принимать участіе. Въ нихъ высказывается все важное значеніе епископа въ это время. Сюда относятся, во первыхъ, многія письма, которыми клермонтскій епископъ ходатайствуетъ передъ своими товарищами о помощи своимъ кліентамъ въ судебныхъ дѣлахъ [1]). Видно, какое вліяніе имѣлъ голосъ епископа передъ гражданскимъ трибуналомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, повсюду рядомъ съ феодальнымъ графомъ мы найдемъ епископа, какъ представителя преданій римскаго права. Сюда же относятся и тѣ письма, которыми Сидоній вмѣшивается въ частную и семейную жизнь членовъ своей паствы. Въ письмахъ такого рода вполнѣ высказывается превосходное сердце клермонтскаго епископа. Укажемъ, напримѣръ, на письмо, которымъ Сидоній испрашиваетъ прощеніе виновному, но раскаявшемуся сыну у справедливо раздраженнаго отца, или ходатайствуетъ за несостоятельнаго должника передъ его великодушнымъ кредиторомъ [2]). Послѣднее письмо особенно интересно для характеристики нравовъ, и только значительный объемъ его заставляетъ насъ отказаться отъ его перевода. Укажемъ еще письмо по поводу одной дѣвушки, похищенной колономъ друга Сидонія [3]).

Въ другомъ отношеніи важны письма епископа Оверни къ Лупу. Епископъ Труа давно уже зналъ и любилъ Сидонія. Теперь, услышавъ объ его избраніи, онъ спѣшилъ привѣтствовать новаго собрата. Подобно Фаусту Ріезскому, Лупъ началъ свое поприще въ обители Леринской, давшей такъ много прославленныхъ членовъ галльской церкви [4]). Онъ покинулъ

[1]) См. напр. I. V, 1, 6; I. VI, 3, 4, 5.

[2]) Sidon. Epist. I. IV, 24.

[3]) Sidon. I. V, 19.

[4]) О жизни Лупа смотри у Бенедиктинцевъ во 2 томѣ Литературной исторіи Франціи.

монастырь только затѣмъ, чтобы продать и раздать бѣднымъ свое имѣніе. Избранный въ епископы, онъ сохранилъ всю строгость монастырской жизни, принималъ пищу разъ въ два или три дня, изъ двухъ ночей одну проводилъ на молитвѣ, носилъ власяницу и спалъ на голой доскѣ. Въ 429 г. Лупъ вмѣстѣ съ Германомъ Оксерскимъ посѣтилъ Британію, чтобы сразиться тамъ съ приверженцами Пелагія, и мы уже упоминали, какъ поразилъ онъ Атиллу святостію своей жизни. Потомокъ знатнаго рода, епископъ Труа лучше другихъ могъ понимать, какъ глубоко вкореняется гордыня въ сердце человѣка. Въ письмѣ къ Сидонію, онъ прежде всего спѣшилъ напомнить зятю Авита о необходимости совершенно отречься отъ суетнаго тщеславія, несовмѣстимаго съ христіанскимъ смиреніемъ, котораго требуетъ церковь отъ своихъ служителей. Строгія напоминанія соединяются въ письмѣ Лупа съ выраженіями трогательной привязанности: «Мужайся, мой старый другъ, мой юный братъ, пишетъ онъ къ Сидонію [1]); послѣднее названіе уничтожаетъ собою всѣ предшествовавшія, и я готовъ забыть все, относящее къ нашей прежней дружбѣ, потому что новыя узы, налагаемыя на тебя твоимъ званіемъ, соединятъ насъ и тѣснѣе и крѣпче». Зато и письма Сидонія къ епископу Труа рѣзко выдаются изо всей его переписки, Передъ знаменитымъ учителемъ обнажаетъ Сидоній язвы души своей, съ нимъ говоритъ онъ съ полнымъ сознаніемъ своей духовной немощи и, забывая риторическіе пріемы, достигаетъ иногда до полной красоты выраженія [2]).

Въ другихъ мѣстахъ мы привели уже письма Сидонія къ Василію Эзскому, Греку Марсельскому, Фаусту. Они могутъ

---

[1]) Письмо Лупа къ Сидонію помѣщено вполнѣ въ изданіи сочиненій клермонтскаго епископа Грегуара и Коллombe. См. Notice sur Sidonius, par M. Péricaud, bibliothécaire de la ville de Lyon p. XXIV.

[2]) Особенно замѣчательно 1 письмо VI книги.

дать нѣкоторое понятіе объ этомъ въ высшей степени любопытномъ памятникѣ этого времени.

Извѣстіе о кончинѣ клермонтскаго епископа находимъ мы у Григорія Турскаго. Благочестивый историкъ франкской церкви свидѣтельствуетъ объ увлекательномъ краснорѣчіи Сидонія [1]), о которомъ мы имѣемъ впрочемъ показанія и самихъ современниковъ [2]). Изъ легенды, приведенной нѣсколько далѣе епископомъ Тура, мы видимъ, что послѣдніе годы жизни Сидонія прошли въ тяжкихъ испытаніяхъ. Если на него и не обращалось прямо преслѣдованіе Ейриха и его преемника, во всякомъ случаѣ клермонтскій епископъ не могъ пользоваться расположеніемъ готскихъ властителей: защита Оверни была еще свѣжа въ памяти. Сидоній тяжелыми страданіями искупалъ легкомысленныя увлеченія своей жизни.

Разскажемъ самое сказаніе, записанное Григоріемъ Турскимъ. Оно хорошо изображаетъ и самое положеніе Сидонія и то, какъ смотрѣло на него овернское населеніе. Два священника изъ самой Оверни возстали, по словамъ легенды, противъ своего епископа и лишили его почти всякаго значенія въ дѣлахъ церковныхъ. Ободренный безнаказанностію и кротостію Сидонія, одинъ изъ нихъ простеръ свою дерзость до того, что рѣшился силою извлечь епископа изъ самой базилики. Злая смерть Арія постигла нечестивца почти передъ самымъ исполненіемъ его замысла, и его сообщникъ смирился на время. Скоро Сидоній занемогъ лихорадкою и, чувствуя приближеніе кончины, просилъ, чтобы, по обычаю первоначальной церкви, его перенесли въ базилику. Толпы народа, мужчинъ, женщинъ, даже дѣтей, съ рыданіями окружали отходящаго

---

[3]) Gregor. Turon. Histor. I. II, 22.

[4]) См. отзывы Мамерта Клавдіана, Рурикія Лиможскаго, Авита Вьенскаго.

епископа. «Пастырь добрый, говорили они съ плачемъ, зачѣмъ удаляешься отъ насъ, зачѣмъ оставляешь насъ сиротами»? Окруженный такими выраженіями любви народной, умирающій сказалъ: не бойся, народъ мой, живъ братъ мой Апрункулъ, онъ будетъ твоимъ святителемъ». Не понявъ значенія сказаннаго, народъ думалъ, что Сидоній произнесъ эти слова подъ наитіемъ вдохновенія свыше, хотя никто не зналъ, что такъ скоро исполнится предсказаніе епископа.

Послѣ смерти Сидонія, продолжаетъ легенда, нечестивый священникъ, остававшійся въ живыхъ, захватилъ всю власть въ церкви, и началъ распоряжаться, какъ будто онъ былъ уже епископомъ. Въ своей гордынѣ онъ дерзалъ произносить богохульныя слова: Господь призналъ меня правымъ передъ Сидоніемъ, и вотъ Онъ передалъ мнѣ власть его. Наступило Воскресеніе, и торжествующій врагъ Сидонія собралъ знатнѣйшихъ гражданъ Оверни на богатое пиршество въ жилищѣ епископовъ. Тамъ, занявъ первое мѣсто, онъ величался передъ присутствующими, когда служитель, разносившій вино, обратился къ нему съ рѣчью и разсказалъ свое таинственное видѣніе прошлой ночи. Ему казалось, что онъ присутствуетъ въ судилищѣ, гдѣ передъ престоломъ Всевышняго стоялъ Сидоній вмѣстѣ съ ожесточеннымъ врагомъ своимъ, недавно погибшимъ такъ неожиданно. Среди безчисленнаго стеченія народа и святителей въ бѣлыхъ одеждахъ произнесено было осужденіе нечестивцу, и трепещущій служитель былъ вызванъ къ престолу и получилъ повелѣніе подъ страхомъ смерти объявить остававшемуся въ живыхъ гонителю Сидонія, что и онъ также зовется на судъ съ оскорбленнымъ имъ епископомъ. Едва кончилъ служитель разсказъ свой, какъ священникъ, выронивъ чашу съ виномъ, палъ мертвый среди пораженныхъ ужасомъ гостей. «Такъ совершилось божественное осужденіе, заключаетъ легенда, да никто не усомнится, что

вмѣстѣ наслѣдовали адскія мученія тѣ, которые вмѣстѣ безаконно возставали противъ своего святаго епископа» [1]).

Въ этомъ сказаніи вполнѣ высказалось настоящее значеніе епископства Сидонія. Населеніе Оверни не знало или забыло о чуждой для него дѣятельности ліонскаго литератора, о его раболѣпномъ преклоненіи передъ каждой побѣдой политическихъ партій, о его панегирикѣ готскому аріанину; оно хранило въ благодарномъ воспоминаніи его увлекательное и, можетъ быть, безъискуственное краснорѣчіе, его геройскую защиту усыновившей его провинціи, его всегдашнее состраданіе къ несчастнымъ, и Сидоній остался въ народной памяти, окруженный ореоломъ высокой христіанской добродѣтели. Исторія, безпристрастный судія государственныхъ дѣятелей, не можетъ скрыть отъ потомства темныхъ сторонъ въ жизни клермонтскаго епископа и произноситъ судъ на основаніи его же собственныхъ показаній. Тѣмъ не менѣе, при самомъ строгомъ приговорѣ надъ литературною и политическою дѣятельностію Сидонія, историкъ не можетъ не задуматься невольно надъ простодушнымъ разсказомъ народной легенды. Его мнѣніе о характерѣ клермонтскаго епископа останется въ полной силѣ, но яснѣе представится ему великое значеніе христіанской церкви въ это несчастное время. Она подымала на недосягаемую для нихъ высоту нравственнаго очищенія растерявшихся политическихъ дѣятелей; она снимала съ нихъ двойное клеймо политическаго безвѣрія и бездушнаго риторства, если только они не успѣли еще растратить добрыхъ качествъ своей натуры и сохранили семейныя и частныя добродѣтели.

Сидоній пережилъ Ейриха и умеръ въ субботу 21 августа 488 или 489 года [2]). Въ исторіи сохранилось нѣсколько

[1]) Gregor. Turon Hist. II, 23.

[2]) Жерменъ полагаетъ кончину Сидонія въ 489 г. Г. Перино, согласно съ мнѣніемъ Бенедиктинцевъ конгрегаціи Св. Мавра, относитъ ее къ 488 г. въ 58 году его жизни и 18 его епископства.

воспоминаній о судьбѣ его ближайшихъ потомковъ. Сидоній съ особенною заботливостію занимался воспитаніемъ своего единственнаго сына, Аполлинарія. Уже будучи епископомъ, онъ читалъ съ нимъ Теренція и Менандра [1]), ему хотѣлъ передать онъ и свое высокое положеніе въ обществѣ и свое знаніе римской литературы. Много надеждъ возлагалъ на него клермонтскій епископъ [2]). Аполлинарій не наслѣдовалъ непріязненнаго чувства къ варварамъ, такъ часто высказываемаго отцомъ его; онъ искренно примкнулъ къ германскимъ вождямъ. Уже тѣсной дружбой съ Викторіемъ, съ которымъ вмѣстѣ бѣжалъ онъ въ Италію и едва не подвергся одинаковой съ нимъ участи, онъ достаточно показалъ, что примиряется съ современнымъ положеніемъ дѣлъ на родинѣ [3]), и если было время, что готское правительство заподозрило-было его въ тайномъ недоброжелательствѣ, то эти сомнѣнія уничтожились очень скоро. Въ битвѣ при Вугле, гдѣ окончательно было подорвано владычество Вестготовъ въ Галліи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшена была судьба аріанства, Аполлинарій, предводительствуя овернскими ополченіями, храбро бился подъ знаменами сына Ейриха [4]). Аполлинарій, подобно отцу, умеръ епископомъ Оверни, но онъ дарами закупилъ благосклонность одного изъ сыновей Хлодвига, по жребію подѣлившихъ между собою города Галліи, и этимъ путемъ достигъ епископской каѳедры [5]). Отъ внука съ ужасомъ и отвращеніемъ отрекся бы Сидоній, легкомысленный, малодушный, но искренній приверженецъ римской старины, послѣдній боецъ за спасеніе римской образованности. Аркадій, сынъ Аполлинарія, былъ однимъ

[1]) Sid. I. IV, 11.
[2]) Sidon. Espist. I. V, 12.
[3]) Pétigny II, 418.
[4]) Greg. Turon. Hist. II, 37.
[5]) Gregor. Turon, Hist. III, 2.

изъ тѣхъ презрѣнныхъ Галлоримлянъ, которыхъ такими рѣзкими чертами изобразилъ его дѣдъ, говоря объ обвинителяхъ другаго Аполлинарія. Римскаго сохранилось въ немъ одно имя, да изворотливая ловкость, съ какою онъ пользовался грубыми страстями варваровъ для своихъ личныхъ выгодъ. Онъ былъ причиною страшнаго опустошенія своей родины [1]) и однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ кровавой враждѣ сыновей Хлодвига. Когда Клотарь и Хильдебертъ замыслили погубить малолѣтнихъ сыновей своего брата, Хлодомира, чтобы воспользоваться его наслѣдіемъ, Аркадій явился къ Клотильдѣ, у которой обманомъ похитили ея внуковъ. Онъ предложилъ ей на выборъ смерть или постриженіе ея питомцевъ и далъ кровавое истолкованіе отвѣту забывшейся отъ ужаса и негодованія королевы [2]). Такъ на самомъ потомствѣ Сидонія обнаружился неизбѣжный переходъ къ варварству, начало котораго видѣли мы еще при жизни клермонтскаго епископа. Дѣдъ еще хранилъ обманчивыя надежды на возможность существованія, если не Римской имперіи, то по крайней мѣрѣ римской образованности и тѣсно соединенныхъ съ нею формъ быта; онъ самъ былъ блестящимъ представителемъ литературныхъ и общественныхъ преданій падающаго Рима. Внукъ развѣ только личной отвагой уступалъ франкскимъ дружинникамъ; грубостью побужденій, отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ началъ и холодной жестокостью онъ могъ спорить съ каждымъ изъ нихъ.

[1]) Gregor. Turon. Hist. III, 9 и 10.
[2]) Gregor. Turon. Hist. III, 18.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ СОЧИНЕНІЮ: „К. С. АПОЛЛИНАРІЙ СИДОНІЙ"

Когда уже было отпечатано нами это сочиненіе, намъ удалось найти въ бумагахъ покойнаго С. В. Ешевскаго нѣсколько дополненій и замѣтокъ къ нему, столь любопытныхъ, что мы рѣшились помѣстить ихъ здѣсь.

Это—мѣста, выпущенныя или измѣненныя университетской цензурой, которой должны были подвергаться по тогдашнимъ правиламъ диссертаціи, представляемыя для полученія ученыхъ степеней. Такъ какъ въ „Аполлинаріи Сидоніи" автору приходилось иногда касаться церковныхъ вопросовъ, то, кромѣ профессора словеснаго факультета, С. П. Шевырева, Московскій Университетъ назначилъ цензоромъ его сочиненія еще профессора богословія, протоіерея П. М. Терновскаго. Читатель, уже по одному содержанію приводимыхъ мѣстъ, замѣтитъ, что̀ именно принадлежитъ тутъ каждому изъ упомянутыхъ цензоровъ. А. Т.

1) *Страница 63, строка 27.*

Къ словамъ: „средняго сословія" должно прибавить: „составляющаго главную силу государства."

2) *Стр. 65, строка 26.*

Послѣ словъ: „аристократію Галліи" слѣдовало: „Какъ нѣкогда враждебная сила волшебницы, говоритъ Сальвіанъ, обращала людей въ животныхъ, точно такъ всѣ, поселившіеся на земляхъ знатныхъ, измѣнялись какъ бы дѣйствіемъ напитка Цирцеи". Это мѣсто ничто иное, какъ переводъ тутъ не приведенной латинской цитаты, которой цензура не тронула.

3) *Стр. 78, строка 26.*

Послѣ словъ: „супружеской жизни" выпущено: „Церковь, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, старается умѣрить ревность мужа, который захотѣлъ бы разорвать бракъ, чтобы посвятить себя подвигамъ жизни пустынника. Она напоминаетъ ему, что на немъ лежитъ отвѣтственность не только за самого себя, но и за спасеніе жены, оставивъ которую, онъ подвергаетъ искушенію. Церковь нѣкоторое врѣмя безусловно запрещаетъ вторые браки, разрѣшивъ ихъ потомъ".

4) *Стр. 80, строка 18.*

Вмѣсто: „а не вслѣдствіе взаимной любви и согласія“, въ подлинникѣ было: „а не вслѣдствіе взаимнаго влеченія“.

Это не стилистическое измѣненіе. Оно было мотивировано тѣмъ, что „Церковь не требуетъ взаимнаго влеченія, а только того, чтобы бракъ былъ о Господѣ“.

5) *Стр. 122, строка 17.*

Къ словамъ: „византійскихъ лѣтописцевъ“ должно прибавить: „привыкшихъ сводить все къ мелочной интригѣ, которая играла такую важную роль въ судьбахъ Восточной имперіи“.

6) *Стр. 132.*

Въ примѣчаніи слова *vrag* и проч. сравнивались въ оригиналѣ также и „съ Варягами русскихъ лѣтописей“.

7) *Стр. 157, строка 16.*

Послѣ словъ: „церковнымъ богослуженіемъ“ въ подлинникѣ находилось: „Разсказавъ славныя времена республики, Римъ переходитъ къ имперіи. „Увы, говоритъ онъ, права народа и сената уничтожены; то, чего я стра„шился, совершилось. Я теперь весь заключенъ въ цезаря, существую „только имъ“. С. В. Ешевскій замѣчаетъ, что въ этомъ мѣстѣ были выпущены и, стоявшія въ примѣчаніи, подлинныя слова, чрезвычайно замѣчательныя въ филологическомъ отношеніи.

8) *Стр. 191, строка 29.*

Выпущено слѣдующее мѣсто: „Въ тогдашнее время, какъ всегда бываетъ въ подобныя эпохи господства произвола и матерьяльной силы, нельзя было гласно выражать свое мнѣніе, особенно такое, гдѣ слышался протестъ противъ существующаго порядка вещей. И чѣмъ свободнѣе являлись худшія стороны человѣческой натуры, чѣмъ непринужденнѣе разыгрывались своекорыстныя побужденія, чѣмъ больше значенія получали слѣпая случайность и наглая сила, тѣмъ дальше уходило вглубь честное негодованіе противъ позорной дѣйствительности; оно невсегда осмѣливалось излиться даже передъ людьми близкими. Господство произвола и матерьяльной силы до нѣкоторой степени развращаетъ даже тѣхъ, кто отрицаетъ его законность. Люди одинаковыхъ убѣжденій лишаются иногда способности вполнѣ понимать другъ друга, потому что лишены возможности обмѣна мыслей.... Странное и грустное время, когда молчаніе, добровольное удаленіе лучшихъ людей отъ практической

дѣятельности служатъ единственнымъ протестомъ и когда ихъ участіе въ этой дѣятельности доказываетъ ослабленіе до нѣкоторой степени ихъ политической нравственности.

9) *Стр. 192, строка 21.*

Послѣ словъ: „служебной дѣятельности“ должно прибавить: „Какъ ни велика была его способность примиряться съ современною дѣйствительностью и наклонность видѣть въ существованіи извѣстнаго факта достаточное ручательство въ его законности, нельзя допустить въ немъ полной политической безнравственности“.

10) *Стр. 213, строка 15*

Послѣ словъ; „хотя бы и обманчивая“ въ подлинникѣ находилось: „Передъ нами какъ будто авгуръ, который не можетъ и не хочетъ скрыть улыбки во время самаго исполненія своихъ жреческихъ обязанностей“. Этотъ выпускъ мотивированъ тѣмъ, что „сравненіе неприлично, потому что Сидоній въ послѣдствіи былъ епископомъ“.

11) *Стр. 213, строка 19.*

Послѣ слова: „изобрѣтательности“ выпущено: „Такая же миѳологическая подкладка, безъ которой не могло обойтись ни одно торжественное стихотвореніе, и олицетвореніе Энотріи, Тибра, Рима. Авроры или Восточной имперіи; такое же напыщенное описаніе жизни Антемія, почти съ тѣми же избитыми классическими сравненіями.“... „О ты, Янусъ, говоритъ Сидоній въ началѣ панегирика, не смущайся внезапнымъ блескомъ, исходящимъ отъ цезаря,—не думай, что измѣнились самыя основы вещей. Ничего новаго не произошло въ природѣ. Это солнце такое всходитъ съ востока“. Нѣчто подобное было уже въ началѣ панегирика Авита. Солнце перемѣнило только имя по волѣ Рицимера. Могли бы показаться болѣе оригинальными эти слова Сидонія, разсказывающаго о странныхъ явленіяхъ въ природѣ въ годъ рожденія Антемія. „Каждый разъ, когда Люцина разрѣшаетъ подобное рожденіе, измѣняется обычный порядокъ вещей и новость явленій служитъ предзнаменованіемъ будущаго царствованія; такъ природа предвѣщаетъ пришествіе благотворныхъ божествъ“; но и тутъ Сидонію принадлежитъ одно выраженіе мысли, въ разныхъ видахъ повторявшееся едвали не во всѣхъ панегирикахъ. — Все это выпущено, какъ „пошлости“, къ которымъ цензоръ замѣтилъ „особое расположеніе у автора“.

12) *Стр. 222, послѣдн. строка.*

Послѣ слова: „опасности“ выпущено: „и поздно увѣрившись, что можно быть виновнымъ въ оскорбленіи величества и не надѣвая пурпура“.

13) *Стр. 225, строка 3.*

Послѣ слова: „назади“ находилась фраза: „Консерваторы и легитимисты, говоря языкомъ нашего времени“.

14) *Стр. 228, строка 21.*

Послѣ слова: „противнаго“ слѣдуетъ вставить: „Мѣстный патріотизмъ былъ уже и потому, что затрогивались самые интересы, именно матерьяльные“.

15) *Стр. 229, строка 7.*

За словами: „предводителя войскъ“ слѣдовало: „и безсиліи законной власти передъ матерьяльною силой, находившеюся въ рукахъ у Свевскаго вождя“.

16) *Стр. 234, строка 14.*

Къ словамъ: „общій ужасъ“ было прибавлено: „Отношеніе владѣльцевъ юго-восточной части I Аквитаніи къ ихъ кліентамъ могли бы напомнить Вандею и Бретань во время французской революціи. Можно было сказать впередъ, что низшее населеніе окажетъ дружную помощь мѣстной аристократіи въ Оверни въ то время, какъ повсюду возстанія багодовъ обращались преимущественно противъ богатыхъ владѣльцевъ“.

17) *Стр. 244, строка 24.*

За словомъ: „дѣятельности“ слѣдовало: „Людямъ этого времени, какъ мы имѣли случай замѣтить, неоткуда было взять прочныхъ убѣжденій“

18) *Стр. 245, строка 9*

Послѣ слова: „самоотверженія“ должно прибавить: „Чтобы принимать къ извѣстной системѣ, не раздѣляя ея убѣжденій, а только затѣмъ, чтобы ослабить ея гибельное вліяніе, для этого нужна, быть можетъ, большая крѣпость воли, нежели для совершеннаго отстраненія отъ всевозможной общественной дѣятельности. Сидоній не могъ сдѣлать этого, уже и потому, что его воспріимчивая и т. д.“

19) *Стр. 246, строка 28.*

За словами: „трехъ цезарей“ слѣдовало: „Онъ кончилъ жизнь епископомъ, потому что Церковь была послѣднимъ убѣжищемъ, куда стекались и тѣ, которые извѣдали тяжелымъ опытомъ суетность свѣта и невозможность борьбы съ общимъ порядкомъ и потому навсегда отрекались отъ міра, и тѣ, которые искали только безопасности и сохраненія своего общественнаго значенія. Въ минуту общаго разрушенія одна Церковь принимала подъ свою защиту все, что искало спасенія отъ грозившей гибели

Повсюду она устраиваетъ убѣжища для гонимыхъ и сама обращается въ обширное убѣжище, гдѣ, какъ и въ церковныхъ притвахъ, могъ найти защиту всякій, кто въ ней нуждался."

Кромѣ этихъ дополненій, интересны слѣдующія замѣчанія С. В. Ешевскаго, по поводу „Аполлинарія Сидонія."

1) „Страницы 241 — 243 написаны авторомъ по настоятельному требованію С. П. Шевырева, чтобы ослабить общее впечатлѣніе" предшествующаго изложенія.

2) Вмѣсто „баптистеріумъ" вездѣ поставлено „водоемъ"; вмѣсто „христіанская доктрина"—„христіанское ученіе"; вмѣсто „впечатлительный"—„воспріимчивый".

3) „Въ III главѣ не было значительныхъ выпусковъ по двумъ причинамъ: а) III глава оканчивалась въ то время, когда было остановлено печатаніе II-й. Автору было объявлено, что его диссертація не можетъ быть напечатана, если въ изложеніи епископской дѣятельности Сидонія будутъ тѣ же темныя стороны, какъ и въ описаніи его политической и литературной дѣятельности. Вслѣдствіе этого авторъ долженъ былъ самъ уничтожить большой и одинъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ книги, именно анализъ переписки Сидонія съ епископами, обрѣзать и почти уничтожить разсказъ о богословскихъ спорахъ и ученыхъ вопросахъ, занимавшихъ чиновъ Церкви того времени, сгладить всѣ сколько-нибудь рѣзкіе приговоры. б) Эта испещренная самимъ авторомъ глава не подверглась большимъ цензурнымъ испещреніямъ, потому что въ февралѣ(1855 г.) С. П. Шевыревъ рѣшился, наконецъ, пропустить II главу, объявивъ, что теперь, по прошествіи юбилейныхъ заботъ, онъ нѣсколько иначе смотритъ на книгу."

ЖЕНЩИНА ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА

ВЪ

ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

Много вѣковъ тому назадъ, въ западной, уже христіанской Европѣ, мыслящихъ людей серьезно занималъ вопросъ: человѣкъ ли женщина? Были различныя мнѣнія, и духовенство, на одномъ изъ своихъ соборовъ, рѣшилось, наконецъ, привести этотъ вопросъ къ окончательному разрѣшенію. И на соборѣ не обошлось безъ споровъ, пока, наконецъ, одинъ богословъ не разрѣшилъ всѣхъ сомнѣній. Онъ указалъ, что въ Евангеліи Іисусъ Христосъ называется сыномъ человѣческимъ, но на землѣ Онъ сынъ только Дѣвы Маріи, женщины. Слѣдовательно женщина человѣкъ, ибо иначе рожденнаго отъ нея нельзя было бы назвать сыномъ человѣческимъ. Противъ этого возражать было нечего; соборъ духовенства торжественно призналъ женщину человѣкомъ, и съ тѣхъ поръ вопросъ казался окончательно рѣшеннымъ. Намъ случилось, впрочемъ, въ библіотекѣ Московскаго университета встрѣтить два курьезныя сочиненія, доказывающія, что сомнѣнія относительно человѣческой природы женщинъ долго сохранялись не въ однихъ темныхъ классахъ народа, въ пословицахъ и поговоркахъ котораго иногда слышится утвержденіе, что не человѣкъ женщина. Одно изъ нихъ, изданное въ 1690 г. на ученомъ латинскомъ языкѣ, носитъ короткое, нѣсколько суровое и энергическое заглавіе: *Женщина не человѣкъ* и уже самымъ заглавіемъ рѣшительно высказываетъ свою цѣль и направленіе. Другое, напечатанное несравненно позже, всего 110 лѣтъ тому назадъ, именно въ 1753 г. и на языкѣ доступномъ не однимъ записнымъ ученымъ, имѣетъ болѣе мягкое, скорѣе

заискивающее заглавіе, именно: *Любопытное доказательство, что женщины не принадлежатъ къ человѣческому роду*. Нужно ли говорить, что авторы обоихъ сочиненій, хотя и скрывшіе свои фамиліи, были ученые Нѣмцы? Это можно было бы угадать, не зная языка, на которомъ писаны сочиненія, и не зная, что мѣстомъ печати были Франкфуртъ и Лейпцигъ.

Всѣмъ извѣстно, каково положеніе женщины на Востокѣ. Судьба женщины, въ главныхъ чертахъ, осталась тамъ и теперь та же, что́ была за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова. Положеніе восточной женщины какъ нельзя лучше и полнѣе выразилось въ практическомъ совѣтѣ, который даютъ мужьямъ мусульманскіе мудрецы, опираясь, разумѣется, и на Коранъ, и на жизненный опытъ и преданія. «Если ты находишся въ крайне затруднительномъ положеніи, говорятъ мужу восточные наставники, и не знаешь, что́ дѣлать, собери друзей своихъ, угости ихъ, изложи имъ все дѣло и поступи, какъ они тебѣ посовѣтуютъ. Если нѣтъ у тебя друзей, посовѣтуйся съ первымъ встрѣчнымъ и исполни его совѣтъ. Но если въ эту минуту около тебя нѣтъ ни друзей, ни мущины, съ которымъ ты могъ бы посовѣтоваться, тогда изложи обстоятельно все дѣло твоей женѣ, попроси ея совѣта, выслушай терпѣливо все, что́ она тебѣ скажетъ, и сдѣлай совершенно наоборотъ тому что́ она тебѣ посовѣтуетъ.» Для подтвержденія этого мудраго правила восточные мудрецы приводятъ и разсказъ изъ временъ Темучина, блистательно его подтверждающій.

Какую роль играла женщина въ Греціи и Римѣ? Здѣсь на первомъ планѣ стояло не лицо, а государство, и уже этимъ заранѣе опредѣляются судьба и положеніе женщины. Въ жизни государственной женщина очевидно не могла стоять наравнѣ съ мущиной и никогда не стояла. Женщина въ древнихъ

государствахъ не причислялась къ свободнымъ, полноправнымъ гражданамъ. Только свободные, сильные люди могли быть гражданами. Все слабое и беззащитное отодвигалось далеко на второй планъ. Женщины, дѣти, рабочіе классы, рабы составляли какъ бы низшую породу, неспособную и недостойную пользоваться одинаковыми правами съ существами высшей породы. Глубоко ошибаются тѣ мечтатели, которые въ республикахъ древняго міра видятъ полное торжество человѣческой свободы. Свобода была, но это свобода избраннаго меньшинства, покупаемая цѣною униженія и рабства огромнаго большинства. Величайшій мыслитель древности, Аристотель, во многомъ стоявшій выше общихъ предразсудковъ своего времени и народа, горячо вооружался противъ смѣшенія женщинъ съ рабами; между тѣми и другими онъ видитъ существенную разницу, и, однако, тотъ же Аристотель признаетъ, что если женщина и имѣетъ волю, то это воля безъ права, что если женщина и способна къ добродѣтели, то эта добродѣтель не можетъ никакъ равняться съ добродѣтелью свободнаго гражданина и немногимъ только отличается отъ той добродѣтели, къ которой способенъ и рабъ. Другой великій мыслитель древности, Платонъ, также не много далѣе ушелъ впередъ въ своемъ воззрѣніи на женщину. Въ своей идеальной республикѣ онъ вполнѣ высказалъ свое низкое понятіе о женщинѣ. Женщина въ древности имѣла значеніе не сама по себѣ, а только по отношенію къ государству, которое не могло существовать безъ нея. «Мы ищемъ, говоритъ Сократъ своему сыну, мы ищемъ между женщинами такихъ, отъ которыхъ мы можемъ имѣть хорошихъ дѣтей, и на такихъ только мы женимся». Только эта государственная потребность заставляла смотрѣть на бракъ, какъ на необходимое, святое учрежденіе. «Еслибы природа позволила намъ обойтись безъ женщинъ, говорилъ въ Римѣ народу цензоръ Метеллъ

Нумидій, мы избавились бы отъ весьма докучныхъ товарищей». Тотъ же Метеллъ говорилъ народу, что бракъ есть пожертвованіе личнымъ удовольствіемъ государственному долгу. Понятно, что при такихъ воззрѣніяхъ, судьба подруги, жены древняго гражданина не могла быть очень завидною. Въ свободной, блестящей Греціи, въ центрѣ древней цивилизаціи, въ Аѳинахъ, жена свободнаго Аѳинянина не получала никакого образованія, не существовала для общества, не видала мущинъ, кромѣ своего мужа и ближайшихъ родственниковъ, и жила въ особомъ отдѣленіи, часто охраняемомъ молосскими псами, прикованными на цѣпяхъ у входа въ женскую половину. Но и для мужа она была необходима для того только, чтобъ имѣть дѣтей. «Есть ли кто-нибудь, спрашиваетъ Сократъ Критобула, съ кѣмъ бы ты говорилъ меньше, чѣмъ съ твоею женой?» — «Никого, отвѣчаетъ Критобулъ, *а если* и найдутся, то такихъ людей очень мало.» Тѣмъ чувствамъ, которымъ свободный Грекъ не находилъ удовлетворенія въ своемъ семейномъ кругу, онъ искалъ удовлетворенія въ тонко образованномъ, изящномъ обществѣ свободныхъ или, лучше сказать, вольныхъ женщинъ, не связанныхъ семейными узами. Тамъ онъ и любилъ, потому что любить свою жену было для него совершенною невозможностью. Онъ не самъ часто и выбиралъ ее, онъ не всегда и видалъ ее до свадьбы и ужь никакъ ни разу не говорилъ съ нею до этого времени, хотя рѣдко говорилъ съ нею и послѣ. Любовь Грека обращалась совсѣмъ къ другимъ женщинамъ; но если мы употребляемъ здѣсь слово *любовь*, то только по невозможности пріискать какое-нибудь другое слово для обозначенія тѣхъ отношеній, которыми наслаждался Грекъ внѣ семейнаго круга. То значеніе, которое имѣетъ слово любовь у новыхъ народовъ, совершенно не существовало для древнихъ Грековъ и Римлянъ, и Боже избави общество отъ любви въ томъ только смыслѣ, въ какомъ

понимали ее древніе Греки, въ какомъ воспѣвали ее греческіе поэты.

Въ Римѣ, повидимому, положеніе женщины и въ семьѣ, и въ обществѣ было лучше, чѣмъ въ Греціи. Въ древнемъ Римѣ мы находимъ болѣе къ ней уваженія; но это потому, что государственныя понятія были сильнѣе и крѣпче въ Римѣ, чѣмъ въ какомъ-нибудь изъ государствъ древняго міра, и, уважая женщину, Римлянинъ только уважалъ ея государственное значеніе, не болѣе. Напротивъ, ни въ одномъ изъ государствъ древняго міра положеніе женщины не было такъ безжалостно опредѣлено строгими юридическими постановленіями, нигдѣ государство не налагало такъ свою тяжелую руку на личность женщины. Какъ дочь, свободная Римлянка находилась съ минуты своего рожденія въ полной власти своего отца. Онъ могъ оттолкнуть ее ногою, когда тотчасъ послѣ рожденія ее клали къ ногамъ его, и тогда она выбрасывалась, какъ дитя незаконнорожденное. Отецъ въ древнемъ Римѣ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми, не говоря уже о правѣ продавать дѣтей въ рабство. Какъ безжалостно пользовались иногда древніе Римляне этимъ правомъ, мы не разъ видимъ въ исторіи. Если отецъ не освобождалъ дочери или же не передавалъ ея, по римскому выраженію, въ *руки мужа*, онъ сохранялъ всегда надъ нею это суровое право. Выдавая ее замужъ безъ передачи своей власти мужу, онъ сохранялъ за собою право расторгнуть этотъ бракъ по своему произволу и во всякое время принудить ее оставить мужа и возвратиться въ отцовскій домъ. Въ бракѣ, въ первое время Рима, женщина сохраняла то же самое подчиненное и вѣчно зависимое положеніе. Древній бракъ Римлянъ былъ бракъ строгій, неразрушимый. Мужъ пріобрѣталъ жену въ свои руки или бракомъ съ извѣстными торжественными религіозными обрядами, или покупкой, или наконецъ сожительствомъ съ нею извѣстное

время, при соблюденіи извѣстныхъ условій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ жена переходила изъ-подъ власти отца подъ власть мужа, въ его руки, какъ выражались Римляне. Она становилась по закону дочерью своего мужа, и онъ получалъ надъ нею отцовскія права, между прочимъ и право убить ее, посовѣтовавшись только съ родными. Какъ дочь своего мужа, римская женщина въ строгомъ бракѣ была по закону какъ бы сестрою своимъ собственнымъ дѣтямъ, и потому по смерти мужа получала изъ наслѣдства только равную часть съ ними. Въ Римѣ высоко чтилось государственное значеніе женщины, но женщина, какъ женщина, не имѣла значенія. До какой степени въ Римѣ мужъ былъ господиномъ своей жены, видно изъ того, что онъ могъ уступить свою жену другому, не спрашивая даже ея согласія. Строгій Катонъ, замѣтивъ, что жена его, Марція, сильно нравится его другу, Гортензію, великодушно передалъ ее ему, а послѣ смерти Гортензія взялъ ее опять къ себѣ. Съ другой стороны, Августъ, которому нравилась беременная жена Друза, заставилъ мужа уступить ее себѣ. Когда въ Римѣ пало государственное значеніе женщины, она, правда, получила болѣе свободы, но зато потеряла всякое уваженіе. Строгія формы древняго брака стали обходиться въ послѣднее время республики. Явились разводы, совершенно неизвѣстные въ первое время римской исторіи, и оба пола воспользовались свободой только для удовлетворенія самымъ низкимъ страстямъ и разсчетамъ. Когда бракъ потерялъ свое прежнее, государственное и религіозное, значеніе, онъ сдѣлался простою и иногда пустою формальностью. Когда одному Римлянину предложили вопросъ, отчего онъ разводится съ своею женой, которая хороша, и умна, и богата, онъ отвѣчалъ, показывая на свой башмакъ: «Посмотрите, онъ новъ и красивъ, и однако никто не знаетъ, гдѣ онъ мнѣ жметъ». Сенека говоритъ, что въ его время Римлянки считали годы не

по консуламъ, а по мужьямъ. Позднѣе, блаж. Іеронимъ разсказываетъ, что онъ былъ на похоронахъ одной римской дамы, перемѣнившей 17 мужей. Получивъ больше свободы съ уничтоженіемъ строгихъ формъ древняго брака, римская женщина не сдѣлалась лучше ни въ глазахъ Римлянъ, ни даже въ своихъ собственныхъ глазахъ. «Женщина есть безстыдное животное, говоритъ философъ Сенека, и если не заняться много ея воспитаніемъ, не дать ей много знанія, я вижу въ ней только дикую тварь, неспособную сдерживать свои страсти». А Сенека обладалъ прекрасною и горячо его любившею подругой, которая не задумалась раздѣлить съ нимъ самую смерть. Высказывая этотъ безпощадный приговоръ надъ женщиной, онъ высказывалъ не свой личный взглядъ, не свое только убѣжденіе, купленное печальнымъ опытомъ, а общее, господствующее мнѣніе своихъ современниковъ. Трудно найти болѣе грустную картину женскаго униженія и женской безнравственности, какъ та, которую мы видимъ въ послѣднее время римской республики и римской имперіи. Достаточно прогуляться по семейнымъ комнатамъ остатковъ римскихъ домовъ въ Помпеѣ, чтобы понять, какъ низко стояла женщина въ древнемъ языческомъ мірѣ.

Христіанство первое подняло женщину изъ ея униженнаго, безправнаго положенія. Наравнѣ съ мущиной оно призвало ее къ вѣчному спасенію, наравнѣ съ мущиной оно указало ей ея обязанности, возложило на того и на другаго одинаковый долгъ, обѣщая обоимъ одинаковую награду. Потому лучшія женщины всецѣло отдались новой религіи, и въ тѣ тяжелые вѣка, когда христіанство преслѣдовалось повсюду, женщины не разъ подавали примѣръ мущинамъ въ геройскомъ, безропотномъ перенесеніи страшныхъ мученій и постоянно были образцами милосердія и утѣшенія. Въ самые первые вѣка христіанства въ мрачныхъ переходахъ катакомбъ любимымъ изображеніемъ, къ ко-

тором устремлялись съ мольбой взоры гонимыхъ, было изображеніе женщины—Дѣвы Маріи.

Въ христіанствѣ бракъ не былъ гражданскимъ договоромъ, союзомъ для исполненія обязанности относительно государства, то есть для доставленія гражданъ государству, чѣмъ былъ онъ въ понятіяхъ древняго міра. По христіанскимъ понятіямъ бракъ есть болѣе союзъ душъ, чѣмъ союзъ только тѣлесный; его цѣль служеніе Богу, и онъ продолжается за предѣлами этого міра. Бракъ для христіанина прежде всего таинство и знаменуетъ союзъ Христа съ церковью. Прежде всего въ христіанствѣ бракъ свободенъ, тогда какъ въ древности бракъ былъ государственною обязанностью, за неисполненіе которой законъ наказывалъ. Христіанство не только не предписываетъ брака, напротивъ оно высоко ставитъ безбрачіе. Христіанскій бракъ налагаетъ обязанности одинаково на жену и на мужа, тогда какъ языческая древность знала только обязанности жены, оставляя полную свободу мужу. Христіанство не признаетъ исключительнаго положенія мущины. «У насъ, говоритъ блаж. Іеронимъ, то, что̀ запрещается женамъ, не позволяется и мущинамъ, и одинакова обязанность всѣхъ въ исполненіи одного и того же долга.» Въ христіанствѣ жена не раба, а подруга мужа, и въ твореніяхъ отцовъ церкви первыхъ вѣковъ мы находимъ безпрестанныя указанія на высокое значеніе женщины, особенно въ брачномъ союзѣ. Приведу одно мѣсто изъ сочиненій Астерія, епископа Амасійскаго. «Жена членъ твоего тѣла, твоя помощь, твоя опора въ жизненныхъ испытаніяхъ; она ходитъ за тобой въ болѣзни, она утѣшаетъ тебя въ огорченіи, она ангелъ-хранитель у твоего очага, она хранитель твоего имущества. Она терпитъ, она наслаждается вмѣстѣ съ тобою. Она сберегаетъ твое богатство, если ты его имѣешь; она умѣетъ воспользоваться самыми слабыми средствами, если ты

бѣденъ. Искусно и бодро она противится всякимъ напастямъ. Благодаря союзу, соединяющему ее съ тобою, она выноситъ на себѣ тяжесть воспитанія дѣтей. Когда постигнетъ тебя несчастіе, ты пораженъ; ложные друзья, которыхъ преданность соотвѣтствуетъ твоему положенію, исчезаютъ; слуги тебя покидаютъ. Одна остается жена, какъ членъ твоего болящаго тѣла, какъ слуга человѣческихъ болѣзней и заботъ, которыхъ онѣ требуютъ. Она отираетъ твои слезы, она перевязываетъ твои раны, она наконецъ провожаетъ тебя въ темницу.» Смерть не расторгаетъ брака, и христіанскія легенды часто говорятъ о той связи, которая продолжала существовать между разлученными смертью супругами. Когда по смерти епископа Ретиція открыли гробъ давно умершей жены его, чтобы вмѣстѣ съ нею положить тѣло ея мужа, рука мертвой приподнялась, какъ бы привѣтствуя желаннаго гостя. Такъ разсказываетъ одна средневѣковая легенда.

Христіанство высоко поставило женщину и какъ женщину вообще, и какъ жену и мать въ особенности. Но идеалъ, заявленный христіанствомъ, съ трудомъ проникалъ въ жизнь древнихъ народовъ. Весь складъ жизни этихъ народовъ основывался на сознаніи низшей натуры женщины, на непризнаніи одинаковости правъ ея съ мущиною, на презрѣніи или неуваженіи къ ней. Христіанство своимъ вліяніемъ могло только постепенно смягчить жесткія юридическія опредѣленія, подъ которыми стояла женщина въ древнемъ мірѣ, облегчить и улучшить ея юридическое, гражданское положеніе. Съ какимъ трудомъ проникали въ жизнь христіанскія понятія, лучше всего видно изъ законовъ о разводѣ. Христіанство признавало неразрывность брака, и однакоже христіанскіе римскіе императоры не могли запретить разводы, столь обычные въ древнемъ мірѣ. Константинъ Великій допустилъ разводъ только въ трехъ случаяхъ. Это показалось слишкомъ

стѣснительнымъ, и императоръ Гонорій ввелъ новыя облегченія для разводовъ. Ѳеодосій Младшій допустилъ разводъ просто по взаимному соглашенію, и разводъ перешелъ въ законодательство Юстиніана. Церковь въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей громко протестовала противъ такого потворства остаткамъ языческихъ воззрѣній, и Іоаннъ Златоустый открыто проповѣдывалъ: «Не говорите мнѣ о законахъ, которые повелѣваютъ разводъ. Богъ будетъ судить васъ не по человѣческимъ законамъ, а по Своимъ.» Чтобы дать христіанству полную побѣду, нужны были новые народы, не зараженные, не испорченные вѣковымъ тлѣніемъ, и христіанская церковь въ страшное время разложенія и паденія Римской имперіи привѣтствуетъ разрушающихъ ее варваровъ, привѣтствуетъ гибель имперіи, какъ зарю возрожденія къ новой жизни.

Христіанство высоко поставило идеалъ женщины. У германскихъ варваровъ, разнесшихъ по частямъ Западную Римскую имперію, женщина высоко стояла въ самой дѣйствительности, въ жизни этихъ народовъ. Мы знакомимся близко съ бытомъ германскихъ народовъ, когда они заняли области Западной Римской имперіи. Ихъ національныя учрежденія, ихъ воззрѣнія, ихъ бытъ выразились тогда вполнѣ въ ихъ законахъ, получившихъ на римской почвѣ первую письменную редакцію. Ихъ дѣйствія, образъ ихъ жизни занесены въ разсказы современныхъ лѣтописцевъ, изъ которыхъ Григорій, епископъ Тура, занимаетъ первое мѣсто. Но и относительно той эпохи, когда Германцы еще не ступали на римскую почву, когда они жили еще въ необозримыхъ лѣсахъ Германіи и хранили свой бытъ внѣ всякаго чуждаго вліянія, мы не лишены нѣкоторыхъ указаній. Два знаменитые римскіе писателя, Цезарь и Тацитъ, оставили намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о Германцахъ этого перваго времени, и эти свѣдѣнія дополняются

значительнымъ числомъ народныхъ преданій и сагъ, записанныхъ уже въ позднѣйшее время. По этимъ извѣстіямъ мы можемъ составить себѣ понятіе о Германцахъ древнѣйшей эпохи. И у Германцевъ, какъ у древнѣйшихъ Римлянъ, на первомъ планѣ стояли родъ и семья, но родъ и семья у Германцевъ имѣли не совсѣмъ то значеніе, какъ у Римлянъ. Никогда у Германцевъ женщина не была безотвѣтною рабой мущины, вещью, принадлежавшею отцу или мужу. Въ самую древнюю эпоху у Германцевъ мы видимъ уваженіе къ женщинѣ. Прежде всего женщина была вѣрною подругой мужа, и бракъ у Германцевъ не имѣлъ единственною цѣлью доставленіе гражданъ государству, какъ въ Римѣ. Правда, у Германцевъ мы встрѣчаемъ иногда многоженство, но по нѣскольку женъ имѣли только вожди, и то преимущественно изъ политическихъ разсчетовъ, для скрѣпленія союзовъ между племенами. Общимъ правиломъ было единобрачіе, и притомъ свято хранившееся. «У Германцевъ, говоритъ Тацитъ, женщина можетъ имѣть только одного мужа, какъ имѣетъ только одно тѣло и одну жизнь.» По смерти мужа жена нерѣдко убивала себя на его могилѣ. Это мы видимъ въ Скандинавіи, это же видимъ мы и въ преданіяхъ древнѣйшей Германіи. Въ *Пѣсни о Нибелунгахъ* Брунгильда убиваетъ себя послѣ смерти Сигфрида. Случаи нарушенія супружеской вѣрности почти не встрѣчались, а если и встрѣчались, то наказывались страшнымъ образомъ. Мужъ имѣлъ надъ женой не власть, какъ Римлянинъ, а право и обязанность защиты и опеки. Жена всюду являлась подлѣ мужа, дѣля съ нимъ всѣ труды и опасности. Въ разсказахъ Римлянъ о первыхъ вторженіяхъ Германцевъ, мы не разъ находимъ извѣстія о германскихъ женщинахъ, бросающихся въ самый пылъ сѣчи, чтобъ ободрить и воодушевить мужей своихъ, извѣстія о германскихъ женахъ, не желавшихъ пережить мужей своихъ и налагавшихъ на себя руки послѣ ихъ

гибели. Но Германецъ не ограничивался только тѣмъ, что видѣлъ въ женщинѣ вѣрную подругу, надежнаго и достойнаго товарища своей тревожной, исполненной опасностями жизни. Въ женской натурѣ Германецъ видѣлъ что-то божественное. «Германцы, говоритъ Тацитъ, видѣли въ женщинахъ что-то святое и пророческое.» Они просили у нихъ совѣтовъ, они слушали ихъ замѣчанія; нѣкоторыя женщины, напримѣръ Аурінія и въ особенности Веледа, пользовались у древнихъ Германцевъ громаднымъ значеніемъ. Пророчица Веледа, изъ племени Бруктеровъ, играла огромную роль въ борьбѣ Германцевъ съ Римлянами при Веспасіанѣ. Къ ней обращались вожди за совѣтами, къ ней отсылали они трофеи, отбитые у Римлянъ. Женщины занимали нѣкоторыя жреческія должности. Въ той жизни, которую велъ Германецъ въ своей древнѣйшей родинѣ, среди вѣковыхъ лѣсовъ, въ постоянной борьбѣ съ дикою природой и не менѣе дикими врагами, мы, разумѣется, не найдемъ въ женщинѣ особенной мягкости и нѣжности. И для женщины, какъ и для мущины, первымъ необходимымъ качествомъ была желѣзная сила и ничѣмъ несокрушимое мужество. Оттого героини древнихъ германскихъ преданій прежде всего поражаютъ насъ своею мужескою силой. Вооруженныя небесныя дѣвы, Валькиріи, участвуютъ въ каждой битвѣ и уносятъ въ Валгалу души павшихъ героевъ; но въ битвахъ принимали участіе не всегда только однѣ небесныя дѣвы. Есть много указаній, что и земныя не разъ мѣрились силою съ героями. Даже любовь была немыслима безъ силы. Вспомнимъ, что въ сказаніяхъ о Сигурдѣ, прекрасная Брунгильда рѣшилась сдѣлаться женою того, кто побѣдитъ ее въ открытомъ бою. Вспомнимъ разсказъ *Пѣсни о Нибелунгахъ* о первомъ актѣ брака Брунгильды съ бургундскимъ королемъ Гунтеромъ. Но это преклоненіе передъ физическою силой не лишало германскую женщину свойствъ, особенно до-

рогихъ и привлекательныхъ въ женщинѣ. Эта мужественная, сильная и смѣлая германская женщина въ тысячу разъ привлекательнѣе изнѣженныхъ женщинъ Востока или Греціи и Рима. Германская женщина была надежною воспитательницей свободныхъ сыновъ своей родины, она близко принимала къ сердцу все, что было дорого для ея свободныхъ согражданъ; оттого-то она не разъ являлась руководительницей этихъ согражданъ, оттого къ ней обращались за совѣтомъ въ самыя опасныя, критическія минуты. Жесткія, неженственныя черты въ ея характерѣ были наложены на нее самымъ ея положеніемъ, суровою природой и еще болѣе суровыми обстоятельствами, среди которыхъ жила она, но въ ней мы впервые признаемъ женщину въ ея настоящемъ благородномъ значеніи, съ ея настоящими правами и ея настоящими обязанностями. Въ женщинѣ Германецъ предполагалъ что-то высшее, какое-то второе зрѣніе, способность иногда видѣть дальше мущины, способность сообщенія съ высшимъ міромъ, недоступнымъ мущинѣ; оттого-то къ женщинамъ и обращались за совѣтомъ Германцы въ особенно важныхъ случаяхъ.

Болѣе четырехъ столѣтій провели Германцы въ постоянныхъ столкновеніяхъ и сношеніяхъ съ Римомъ, прежде чѣмъ утвердились окончательно въ областяхъ Западной Римской имперіи. Эти столкновенія и сношенія, войны, вторженія, торговля, служба въ римскихъ войскахъ, устройство римскихъ колоній въ областяхъ собственной Германіи и наконецъ поселенія,—все это очевидно не могло остаться безъ вліянія на измѣненіе положенія женщины, на измѣненіе отношеній Германцевъ къ женщинѣ и ихъ воззрѣній на нее. Съ другой стороны, тѣ же самыя обстоятельства должны были подѣйствовать и на самихъ женщинъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ поселенія Германцевъ на римской почвѣ, мы уже не находимъ у нихъ той первоначальной чистоты и строгости отношеній,

на которыя указывалъ Тацитъ своимъ соотечественникамъ. Среди тревожной, боевой жизни, часто увлекавшей Германцевъ на долгое время вдаль отъ ихъ семействъ, святость ихъ прежнихъ воззрѣній на бракъ и вообще на женщину должна была, по крайней мѣрѣ, значительно измѣниться. Мудрено ли, что послѣ утвержденія Германцевъ на римской почвѣ, мы уже не находимъ у нихъ той чистоты нравовъ, той святости и строгости брачнаго союза. Для тѣхъ, кто стоялъ въ главѣ германскихъ дружинъ, для королей и вождей, соблазнъ былъ особенно силенъ, и лучшимъ примѣромъ, до какой степени низко пало значеніе брачныхъ союзовъ въ варварской аристократіи, могутъ служить браки франкскихъ королей, хотя со временъ Хлодвига и Франки, и ихъ короли были уже христіане и бо́льшая часть королей отличалась преданностью или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе невольнымъ уваженіемъ къ церкви и духовенству. Франкскіе короли избѣгали христіанскихъ браковъ, освящаемыхъ церковью; зато ихъ браки германскимъ обычаемъ, *солидомъ* и *денаріемъ* (золотою и серебряною монетами), заключались и расторгались иногда съ изумительною быстротой, часто смѣняясь одни другими. Иногда франкскіе короли-христіане не довольствовались одною женой и въ различныхъ своихъ помѣстьяхъ имѣли по женѣ. До какой степени пало прежнее національное германское значеніе брака и какъ мало привилось христіанское значеніе, всего лучше видно изъ слѣдующаго случая. Сынъ Хлодвига, Клотарь I, имѣлъ своею женой женщину низкаго происхожденія, но добрую и кроткую Ингонду. Онъ очень любилъ ее и жилъ съ нею въ полномъ согласіи. Однажды она обратилась къ нему съ слѣдующею просьбой. «У меня есть сестра Арегонда, я прошу выдать ее замужъ за хорошаго и богатаго человѣка, чтобы мнѣ не было за нее совѣстно.» Эта просьба подстрекнула любопытство Клотаря. Онъ отправился въ то помѣстье, гдѣ жила

Арегонда, призвалъ ее къ себѣ, нашелъ, что она моложе его жены и также хороша собою и, не думая долго, тотчасъ же далъ ей титулъ своей супруги. Черезъ нѣсколько дней, воротясь къ Ингондѣ, онъ добродушно сказалъ ей: «Я исполнилъ твою просьбу и нашелъ мужа для сестры твоей. Я искалъ для нея хорошаго и богатаго человѣка и не нашелъ лучше себя. Я на ней женился и надѣюсь, что это понравится тебѣ.» Ингонда отвѣчала: «Пусть господинъ мой дѣлаетъ, что̀ ему угодно, только пусть раба его не потеряетъ его прежней милости.» И обѣ сестры остались женами короля. Подобныхъ примѣровъ можно бы было привести много. И король, и знатные Германцы неохотно вступали въ христіанскій церковный бракъ, стѣснительный для нихъ по своей строгости, и предпочитали старо-германскія формы брака, попирая ногами ихъ прежнее значеніе и содержаніе. Римскія женщины зависящаго отъ нихъ населенія представляли имъ еще болѣе средствъ для удовлетворенія разгулу ихъ дикихъ страстей. Но и германскія женщины послѣ завоеванія не всегда сохраняли прежнюю чистоту своихъ нравовъ. Измѣнившееся положеніе, свобода и богатство, ихъ теперь окружавшее и дотолѣ имъ неизвѣстное, давали просторъ разыгрываться худшимъ сторонамъ женской натуры, правда, суровой и жесткой, но чистой и сдержанной въ прежней жизни въ лѣсахъ Германіи. Прежде всего на большей свободѣ съ большею силой выказались тѣ страсти, которыя всегда были въ характерѣ германской женщины, напримѣръ, мстительность. Месть у древнихъ Германцевъ была не только правомъ, но и священною обязанностью, неисполненіе которой покрывало стыдомъ неисполнившаго. Насъ не удивитъ поэтому, что Клотильда, супруга Хлодвига, которой отецъ, мать и братья были жестоко погублены ея дядей, что Клотильда, христіанка, отправляясь изъ Бургундіи для вступленія въ бракъ съ Хлодвигомъ, не можетъ сдержать

порывовъ своей мстительности и, приближаясь къ границамъ Франкскаго королевства, умоляетъ своихъ спутниковъ-Франковъ опустошить области Бургундіи; насъ можетъ, однако же, удивить, что та же Клотильда не только христіанка, но и монахиня, признанная потомъ святою, черезъ 50 лѣтъ послѣ ужаснаго истребленія ея семьи, призываетъ къ мести своихъ сыновей, и притомъ не противъ убійцы, давно уже сошедшаго въ могилу, а противъ его молодаго сына, ни въ чемъ не виноватаго, ревностнаго христіанина и по смерти также признаннаго святымъ. Я не буду останавливать вашего вниманія на долгой, ожесточенной борьбѣ двухъ германскихъ женщинъ, Брунегильды и Фредегонды, которая стоила столько крови и преступленій, которая заняла самое видное мѣсто въ исторіи Меровинговъ. Только у германскихъ женщинъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, имѣвшихъ свободу и огромныя средства для удовлетворенія своихъ страстей, могли онѣ разыграться съ такою чудовищною энергіей и силой. Брунегильда поразила даже Германцевъ своею сосредоточенною, упорною страстью. До позднѣйшаго времени она осталась въ памяти Германцевъ, какъ существо демоническое, владѣвшее нечеловѣческою силой и могуществомъ. Въ Бельгіи ей приписываютъ сооруженіе римскихъ шоссе, которыя въ средніе вѣка казались дѣломъ не человѣческихъ рукъ. Не мало разсказовъ о Фредегондѣ сохранилось у Григорія Турскаго, ея современника, близко ее знавшаго, разсказовъ, вполнѣ характеризующихъ ея страстную натуру, ничѣмъ не сдерживаемую, ни передъ чѣмъ не останавливавшуюся. Достаточно указать на ея поступокъ съ своею собственною, когда-то горячо любимою дочерью, Ригонтой. Разсорившись съ нею, она предложила ей взять часть имѣнія и жить отдѣльно, на свободѣ. Уведя ее во внутреннія комнаты, она открыла огромный сундукъ и начала вынимать золото и драгоцѣнныя

вещи. Потомъ, притворившись усталою, предложила ей самой вынуть, что ей понравится, и когда та, ставъ на колѣни, наклонилась надъ сундукомъ и начала выбирать вещи, Фредегонда опустила ей на шею тяжелую крышу, сѣла на нее и сжала съ такою силой, что глаза несчастной Ригонты выкатились изъ орбитъ и только отчаянные вопли служанки спасли ее отъ смерти.

Если мстительность и жестокость не были чертами новыми въ характерѣ германской женщины и только съ большею силой развились на свободѣ и произволѣ, зато послѣ долгихъ и близкихъ сношеній съ Римомъ и вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, германская женщина во многомъ утратила свою женственную стыдливость и чистоту; на римской почвѣ, подъ римскимъ вліяніемъ она часто отдавалась чувственнымъ увлеченіямъ, отъ которыхъ не всегда могло сдержать ее и христіанство. Извѣстно, какую глубоко-безнравственную жизнь вела бо́льшая часть дочерей Карла Великаго. Я могъ бы указать, какъ на примѣръ быстраго и полнаго паденія женскихъ нравовъ, на исторію монастыря, основаннаго около Пуатье св. Радегундою, гдѣ черезъ много лѣтъ послѣ смерти основательницы разыгрались чудовищныя и безобразныя сцены.

Такимъ образомъ, измѣненіе обстоятельствъ, продолжительныя и частыя сношенія съ римскимъ міромъ, наконецъ поселеніе Германцевъ на римской почвѣ произвели существенное измѣненіе въ судьбѣ германской женщины и частью въ ней самой. Съ одной стороны, много утратилось изъ прежняго уваженія къ женщинѣ, изъ какого-то благоговѣнія передъ нею; съ другой стороны, сама женщина часто отрекалась отъ того, что́ составляло ея силу и прелесть въ старое время, отъ своей строгой чистоты и непорочности, и часто отдавалась влеченію худшихъ страстей своихъ. Но, несмотря на эти измѣненія, было бы вполнѣ несправедливо сказать, что Гер-

манцы на римской почвѣ совершенно отреклись отъ своихъ прежнихъ національныхъ воззрѣній на женщину и что среди римскаго міра германская женщина вполнѣ утратила свой прежній характеръ. Напротивъ, и уваженіе къ женщинѣ, и ея нравственное значеніе сохранялись среди господства анархіи и произвола, слѣдовавшихъ за поселеніемъ Германцевъ въ областяхъ Западной Римской имперіи. И то и другое было внесено Германцами въ жизнь новыхъ народовъ, и то и другое составляетъ ихъ великую историческую заслугу. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ высоко еще стояла женщина въ понятіяхъ германскаго племени и послѣ его поселенія на земляхъ имперіи, могутъ служить германскіе національные законы, записанные уже послѣ этого поселенія. Какъ ни много измѣнились нравы Германцевъ, какъ ни велико было вліяніе христіанства и Рима, въ германскихъ законахъ мы видимъ, до какой степени крѣпко держались еще Германцы за свои національныя учрежденія. У Вестготовъ, болѣе другихъ племенъ подчинившихся римскому вліянію, почти буквально перенесшихъ въ свои законы постановленія римскаго права, мы находимъ однакожь сохраненными древнія постановленія относительно женщинъ, и, что особенно замѣчательно, почти только относительно женщинъ и сохранились въ законахъ этого племени чисто національныя воззрѣнія. Такъ всѣ законы Вестготовъ о похищеніи и насиліи женщины отличаются древнегерманскою, неумолимою строгостью, равно какъ и законы о безнравственности; и намъ понятенъ отзывъ священника Сальвіана, противополагавшаго нравственную чистоту еретиковъ-Готовъ безнравственности римскаго міра. Въ случаѣ похищенія женщины, похититель, если еще не воспользовался похищеніемъ, платилъ похищенной половину своего состоянія. Въ противномъ случаѣ, получивъ 200 ударовъ кнутомъ, обращался въ рабство, и самъ и все имущество его дѣлались собственностью

похищенной. Похищенная женщина никогда уже не могла выйти замужъ за своего похитителя; иначе оба наказываются смертью. Убить похитителя можно было безнаказанно. Если братъ содѣйствовалъ похищенію своей сестры, онъ подвергался такому же наказанію, какъ и похититель. Также строги были законы противъ насилія; еще строже противъ соблазна и безнравственной жизни. Женихъ или мужъ обольщенной женщины могли безнаказанно убить соблазнителя; отецъ, братъ, дядя, поймавъ его, имѣли право обратить его въ рабы. Ту же строгость мы находимъ у Бургундовъ, также сильно подчинившихся римскому вліянію. Въ законахъ Бургундовъ мы встрѣчаемъ, къ нашему удивленію, иногда такія постановленія, которыя существовали еще въ самую древнѣйшую эпоху исторической жизни Германцевъ. Такъ жена, измѣнившая мужу, по законамъ Бургундовъ, тонула въ грязи.

Въ законахъ Германцевъ есть указанія на плату, которая давалась за жену: у нѣкоторыхъ племенъ для этой платы было даже особое имя. Но у Германцевъ мужъ покупалъ не право собственности надъ женою, какъ въ древнемъ Римѣ, а право защиты и покровительства, принадлежавшее отцу или ближайшему родственнику жены. Браки у Франковъ, чище другихъ племенъ сохранившихъ свои особенности и записавшихъ свои законы при первомъ почти шагѣ на римскую почву, еще до обращенія своего въ христіанство, заключались посредствомъ символической передачи золотой и серебряной монеты отцу или ближайшему родственнику невѣсты, въ знакъ пріобрѣтенія права защиты. Не жена приносила приданое мужу, а мужъ давалъ ей приданое. Онъ же давалъ ей и такъ-называемый утренній подарокъ (Morgengabe), становившійся ея собственностью и переходившій послѣ ея смерти къ ея наслѣдникамъ. Развода не было у древнихъ Германцевъ, пока они жили въ лѣсахъ своей родины. Послѣ ихъ

утвержденія въ областяхъ Римской имперіи разводъ появляется; но только весьма у немногихъ племенъ существовалъ разводъ безъ особенно важной причины. У Бургундовъ мужъ можетъ развестись съ женою только въ трехъ случаяхъ: въ случаѣ измѣны, за колдовство и за поруганіе могилы. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, если мужъ захочетъ расторгнуть бракъ онъ, пожалуй, можетъ это сдѣлать, но тогда онъ долженъ уйти изъ своего дома, оставляя его и все имущество въ собственность женѣ. Въ законахъ Франковъ нѣтъ ни слова о разводахъ, хотя и извѣстно, что разводы были и у нихъ, именно по взаимному соглашенію жены и мужа.

Особенно любопытны постановленія франкскихъ законовъ относительно убійства или оскорбленій, наносимыхъ женщинѣ. У Франковъ, какъ и у другихъ Германцевъ, преступленія наказывались или личною местью со стороны обиженнаго и его рода, или же денежнымъ вознагражденіемъ (wergeld). Мы имѣемъ эти цифры денежныхъ вознагражденій за каждое преступленіе, и изъ сравненія ихъ между собою можемъ заключать, какую важность имѣло то или другое преступленіе въ глазахъ Франковъ. Должно сказать, что золото имѣло огромную цѣну въ глазахъ Германцевъ. Для его пріобрѣтенія или сохраненія Германецъ не задумывался рисковать жизнью. Всѣ эпическія сказанія древняго періода наполнены разсказами объ этой страсти къ *красному* золоту. Оцѣнка преступленій производилась по извѣстной, закономъ установленной таксѣ, и притомъ на золото, именно на солиды. Новѣйшимъ изслѣдованіямъ удалось опредѣлить нынѣшнюю цѣнность этихъ золотыхъ монетъ. Цѣнность солида равнялась 90 нынѣшнимъ франкамъ или 22½ нашихъ рублей. Убійство свободнаго Франка оцѣнивалось въ 200 солидовъ (4500 р.), и это, можно сказать, нормальная, основная цѣна, къ которой сводятся всѣ остальныя. Сравнивая съ нею денежную плату за убійство и

оскорбленіе женщины, мы можемъ легко оцѣнить важность того или другаго преступленія по взгляду самихъ Германцевъ. Цѣна за убійство дѣвочки до 12 лѣтъ или женщины, уже перешедшей за возрастъ, когда можно имѣть дѣтей, та же самая, что́ и за убійство свободнаго Франка, то-есть 200 солидовъ (4500 р.); но за убійство женщины отъ 12 до 60 лѣтъ платилась тройная цѣна, то-есть 600 солидовъ (13.500 р.); за убійство же беременной женщины платилась цѣна самая высокая, какую мы только находимъ въ германскихъ законахъ, именно 700 солидовъ (15.750 р.), если вмѣстѣ съ убитою погибаетъ и ея младенецъ. Любопытны также цѣны за увѣчья или оскорбленія женщины. Если женщинѣ нанесенъ былъ ударъ, вслѣдствіе котораго она выкинула мертваго младенца, то оскорбитель платилъ цѣну тройную противъ цѣны за убійство свободнаго Франка, 600 солидовъ (13.500 р.). За оскорбленіе женщины постыдными словами или прозвищами, безъ представленія доказательствъ, что она заслужила эти названія, положена довольно высокая цѣна, и интересно то, что эта плата или равна или иногда даже значительно выше, чѣмъ плата за оскорбленіе дѣломъ. Такъ за пожатіе пальца или кисти руки свободной женщины положено 15 солидовъ (337½ р.), за пожатіе руки 30 солидовъ (675 р.), за пожатіе руки выше локтя 35 солидовъ (787½ р.), за обниманье груди 45 солидовъ (1012½ р.), тогда какъ за названіе ея обиднымъ прозваніемъ положено 45 или даже 187½ сол. (1.012½ или 4.301 р.). Эти высокія цѣны, съ одной стороны, доказываютъ, какъ необходимо было защищать женщину отъ оскорбленія варваровъ, потерявшихъ во время войнъ и сношеній съ Римомъ и на римской почвѣ значительную часть того уваженія къ женщинѣ, которымъ они отличались въ древнѣйшую эпоху и на своей первоначальной родинѣ; но, съ другой стороны, эти же высокія цѣны доказываютъ, что

въ массѣ германскаго племени еще не уничтожилось уваженіе къ женщинѣ, что принимались всѣ мѣры къ ея защитѣ, и что ея оскорбленіе считалось тяжкимъ преступленіемъ.

Но, рядомъ съ столь ясными доказательствами глубокаго уваженія къ женщинѣ, встрѣчаются нерѣдко случаи полнаго неуваженія и даже презрѣнія къ ней; рядомъ съ явленіями, показывающими, какъ высоко еще было нравственное значеніе женщины, случаи полнѣйшаго ея паденія и неуваженія къ самой себѣ. Такая разнородная смѣсь самыхъ противоположныхъ явленій и стремленій и составляетъ характеристическую особенность первыхъ вѣковъ средневѣковой исторіи. Это было какое-то броженіе еще неустановившихся, неопредѣлившихся элементовъ, чрезвычайно разнородныхъ между собой, не перемѣшанныхъ, борющихся одинъ съ другимъ. Карлъ Великій хотѣлъ дать единство западно-христіанскому міру, всю жизнь посвятилъ этой великой цѣли и, повидимому, съ полнымъ успѣхомъ. Его громадная имперія, въ которую сплотилъ онъ разрозненныя части нѣкогда бывшей Западной Римской имперіи, простиралась отъ Сѣвернаго моря и Ельбы до Эбро въ Испаніи, отъ атлантическаго Океана до Калабріи въ южной Италіи. Но Карлъ Великій хотѣлъ не одного только внѣшняго единства, но и единства внутренняго, и къ этой цѣли устремлялъ всѣ усилія своего геніальнаго ума, своей неустанной дѣятельности. Дѣло было выше силъ одного человѣка, какъ бы великъ онъ ни былъ. Въ 814 году умеръ Карлъ Великій, и тотчасъ послѣ его смерти началось новое броженіе, обособленіе разнородныхъ частей, историческая кристаллизація, если можно такъ выразиться. Искусственное единство, имъ созданное, уступило мѣсто великому разнообразію. Вмѣсто громадной имперіи явился міръ феодальныхъ владѣльцевъ. Имперія Карла Великаго заключала въ своихъ предѣлахъ нынѣшнюю Францію, Германію, почти всю Италію, часть Испа-

ніи. Черезъ 29 лѣтъ вмѣсто нея было уже три независимыя другъ отъ друга королевства; черезъ 45 лѣтъ послѣ этого, королевствъ было уже не три, а семь; но разложеніе на этомъ не остановилось. Въ концѣ IX вѣка въ одной Франціи было уже 26 отдѣльныхъ владѣній, другъ отъ друга независящихъ, то враждебныхъ одно другому, то заключающихъ другъ съ другомъ союзы. Въ концѣ X вѣка этихъ независимыхъ владѣній во Франціи было 55. Верховная власть монарха, такъ высоко поставленная Карломъ Великимъ, понизилась до полнѣйшаго ничтожества. Король Франціи владѣлъ всего нѣсколькими городами, за стѣнами которыхъ онъ не былъ безопасенъ. Въ областяхъ южной Франціи часто не знали, кто царствуетъ во Франціи и не заботились справиться объ этомъ.

Обособленіе, кристаллизація не остановились на этомъ образованіи множества отдѣльныхъ государствъ; они проникали повсюду, все дальше и дальше, до самыхъ низшихъ слоевъ общества. Недостаточно было, напримѣръ, что Франція распалась на множество отдѣльныхъ владѣній. Внутри каждаго государства отдѣльные слои общества, сословія, классы, званія, занятія, ремесла, отдѣлялись другъ отъ друга, замыкались въ самихъ себѣ, жили своею особою жизнью, имѣли свои исключительныя права и обязанности, свои нравы, свою, такъ сказать, физіономію, съ чертами весьма рѣзко опредѣленными. Феодальный владѣлецъ Испаніи стоялъ ближе къ феодальному владѣльцу далекой Англіи, чѣмъ къ горожанину, жившему почти подлѣ его замка. Для купца Франціи былъ близокъ купецъ Германіи или Италіи, но неизмѣримое разстояніе отдѣляло его и отъ гордаго барона, и отъ униженнаго, загнаннаго крестьянина, жившихъ съ нимъ рядомъ. Все замыкалось, все какъ бы приростало къ своему мѣсту. Страна покрылась тяжелыми, массивными укрѣпленіями, отъ которыхъ не могли далеко отойти ихъ обитатели. Не къ дорогамъ, не къ есте-

ственнымъ или искусственнымъ путямъ сообщенія жмутся, тѣснятся населенія, а идутъ вдаль отъ нихъ, на высокія скалы и холмы, за искусственные рвы и валы. Укрѣпленъ замокъ феодальнаго барона, грозною крѣпостью смотритъ монастырь, высокою стѣной и башнями окруженъ торговый или промышленный городъ, и его дома, за недостаткомъ пространства между стѣнами, поднимаются высоко кверху многочисленными этажами. Въ старыхъ городахъ западной Европы и теперь еще можно видѣть дома въ три или даже два окна на улицу, зато въ семь или восемь этажей. Не ограждено только жилище крестьянина, но зато крестьянинъ и жмется къ стѣнамъ замка своего господина, зато онъ и не можетъ ручаться за завтрашній день.

Феодализмъ совершенно отдѣлилъ классъ поземельныхъ собственниковъ отъ всѣхъ остальныхъ сословій. Феодальный владѣлецъ не могъ смотрѣть иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго презрѣнія на всякаго, кто не имѣлъ чести и счастія принадлежать къ его сословію. Средневѣковые нутюмы или обычное право, средневѣковая литература исполнены рѣзкими выраженіями этого презрѣнія. Но, отдѣлившись отъ всѣхъ остальныхъ сословій, разорвавъ связи съ ними, феодальный владѣлецъ по необходимости долженъ былъ замкнуться за высокими стѣнами своего замка. Покидая его на время, онъ какъ бы на себѣ уносилъ свои укрѣпленія, одѣвая себя и своего коня въ желѣзную одежду, столь тяжелую, что тогдашній воинъ, сбитый съ коня, не могъ уже пошевелиться въ ней и подняться съ земли. Феодальные замки были разсѣяны иногда далеко другъ отъ друга, сообщенія между ними были трудны и опасны, и эта замкнутость, оторванность отъ остальнаго міра не остались безъ сильнаго вліянія на судьбу женъ и дочерей феодальныхъ владѣльцевъ и, должно сознаться, это вліяніе было далеко не безъ пользы. Семейная жизнь

много отъ этого выиграла. Въ феодальную эпоху мы не видимъ той распущенности въ нравахъ высшаго сословія, тѣхъ безобразныхъ, безнравственныхъ явленій, на которыя мы указывали, говоря о женщинѣ въ предшествовавшую эпоху. Феодальной женщинѣ не было того простора, той свободы, которою пользовались женщины прежняго времени, и пользовались часто съ такой неразборчивостью.

Въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ феодальнаго замка, выходъ изъ котораго не всегда бывалъ безопасенъ, семья, то-есть мужъ, жена и дѣти, жили какъ бы отдѣльно отъ остальнаго міра, тѣсно и близко другъ къ другу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, выходя изъ-за стѣнъ своего замка, феодальный владѣлецъ велъ иногда самую дикую, безпорядочную жизнь, отдавался влеченію худшихъ страстей своихъ, но самое его положеніе заставляло его скоро возвращаться за стѣны замка, а безпрестанныя войны и опасности держали его иногда какъ бы взаперти долгое время, и онъ, волей или неволей, оставался въ семьѣ. Въ отсутствіе мужа, жена феодальнаго владѣльца занимала его мѣсто, и мы часто видимъ супругъ феодальныхъ владѣльцевъ, отбивающихъ нападеніе враговъ на ихъ замки, во время отсутствія мужей, и выдерживающихъ долгія и трудныя осады.

Все это поднимало значеніе женщины и въ то же время сдерживало ее. Стѣснивъ, запереръ женщину въ тѣсномъ помѣщеніи укрѣпленнаго замка, феодализмъ не унизилъ ее, а напротивъ поднялъ, хотя это поднятіе и было куплено цѣной отказа отъ многихъ законныхъ наслажденій, цѣной скучной, монотонной и въ то же время далеко не покойной жизни. А жизнь въ феодальномъ замкѣ не отличалась разнообразіемъ и удовольствіями. Приведемъ одно мѣсто изъ стариннаго рыцарскаго романа *Garin le Loherain*, гдѣ превосходно изображается эта томительная скука, которая овладѣвала

иногда обитателями замка. Рѣчь идетъ о Бегонѣ, герцогѣ Гіени, одномъ изъ могущественнѣйшихъ феодальныхъ владѣльцевъ. Вотъ какъ начинается разсказъ: «Бегонъ былъ однажды въ своемъ замкѣ Беленѣ. Подлѣ него была жена его, прекрасная Беатриса, улыбавшаяся его ласкамъ; тутъ же были два его малые сына, игравшіе съ другими дѣтьми. Герцогъ Бегонъ смотритъ на нихъ и вздыхаетъ. Беатриса говоритъ ему: «Сильный герцогъ, отчего вы печальны? Вы «имѣете въ вашихъ сундукахъ много золота и мѣховъ, вы имѣете соколовъ, боевыхъ коней, муловъ и иноходцевъ, и вы «побѣдили враговъ вашихъ. Всѣ ваши вассалы готовы идти, «чтобы служить вамъ.»—Бегонъ отвѣчаетъ:—«Дама, все, что «вы сказали, правда, кромѣ одного: ни золото, ни мѣха, ни «кони не составляютъ еще богатства: богатство—это родня и «друзья. Сердце человѣка стоитъ золота всей страны... Вотъ «уже семь лѣтъ, какъ я не видалъ моего брата. Оттого я печа«ленъ и боленъ. Хочу съѣздить къ нему. Къ тому же мнѣ гово«рили, что въ Пуелльскомъ лѣсу есть кабанъ такой, что ни«кто никогда не видывалъ подобнаго. Я убью его и голову «отвезу къ брату.» Напрасно Беатриса убѣждаетъ его не ѣздить, напоминая, что этотъ лѣсъ во владѣніяхъ заклятаго врага его, напрасно говоритъ, что сердце шепчетъ ей, что онъ не вернется. Бегонъ уѣзжаетъ и гибнетъ.

Романъ, изъ котораго мы привели эту выписку, относится еще къ первому времени феодализма, когда жизнь въ замкахъ дѣйствительно была особенно однообразна и тяжела. Потомъ явилось учрежденіе, внесшее много разнообразія и жизни въ эту тяжелую монотонность. Это учрежденіе — рыцарство. Не будемъ говорить о первыхъ началахъ рыцарства, не будемъ касаться и вопроса объ его происхожденіи. Это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ только, что церковь имѣла сильное вліяніе на происхожденіе рыцарства. Ей было

важно чѣмъ-нибудь сдержать и укротить необузданныя, иногда дикія, силы феодальнаго дворянства, и этого она думала достигнуть помощью рыцарства. Главною, первою обязанностью рыцаря была защита религіи и всего слабаго и угнетеннаго. Вліяніе церкви сказалось многими обрядами въ рыцарствѣ. Но если церковь имѣла вліяніе на первое начало рыцарства, то, конечно, въ ея виды не входило направленіе, которое потомъ въ своемъ развитіи приняло рыцарство. Подъ именемъ защиты слабыхъ церковь, конечно, всего менѣе думала о служеніи прекрасному полу и, однакоже, это служеніе сдѣлалось первою обязанностью рыцарей. Если служеніе Богу и церкви, составлявшее вначалѣ главную цѣль и обязанность рыцаря, и не выработалось въ особое, строго опредѣленное ученіе, то служеніе прекрасному полу получило самую широкую и подробную разработку. *Богъ и дамы*—таковъ былъ обычный военный кликъ рыцарей; но ученіе о Богѣ они предоставляли богословамъ, тогда какъ ученіе о дамахъ и о своихъ обязанностяхъ относительно ихъ они разработали съ полнотою и тщательностью. Служеніе дамамъ стало первою, почти главною обязанностью рыцарей, и во имя его они были готовы на все. Когда Венгерцы произвели одно изъ своихъ страшныхъ вторженій въ области западной Европы, выступившее противъ нихъ феодальное рыцарское ополченіе, видя, что враги дѣйствуютъ вопреки всѣмъ принятымъ въ западной Европѣ обычаямъ, сражаются не по правиламъ, дѣйствуютъ пиками, бьютъ во что попало, стрѣляютъ издали изъ огромныхъ луковъ,—феодально-рыцарское ополченіе отправило къ нимъ предложеніе, *во имя дамъ*, сражаться болѣе приличнымъ, рыцарскимъ образомъ. Разумѣется, дикіе Венгры не обратили вниманія на эту учтивую просьбу, по своему въ прахъ разбили рыцарей и многихъ изъ нихъ забрали въ плѣнъ, самымъ недостойнымъ образомъ забрасывая имъ арканы на шею и стаскивая съ лошадей.

Я имѣлъ уже случай оговориться въ первой бесѣдѣ, что слово любовь не во всѣ времена и не у всѣхъ народовъ имѣетъ одно и то же значеніе. Рыцарь любилъ свою даму; но эта рыцарская любовь была нѣчто особенное, своеобразное, не имѣющее почти ничего общаго съ тѣмъ чувствомъ, которое мы теперь обозначаемъ этимъ словомъ. Ученіе о рыцарской любви было въ ту эпоху выработано съ замѣчательною полнотою и подробностью. Являлись цѣлыя сочиненія, спеціально посвященныя разработкѣ этого важнаго предмета. Самое замѣчательное изъ нихъ написано въ XIV вѣкѣ Италіянцемъ Барберини, подъ заглавіемъ *Руководство къ любви* или *Ученіе любви*. Возникавшіе спорные вопросы или недоумѣнія разрѣшались особыми судами, носившими названіе *Судовъ любви*, имѣвшими свои статуты, законы и т. п. Безъ любви рыцарь немыслимъ, какъ бы старъ онъ ни былъ. Изъ любви проистекаютъ всѣ обязанности, иногда, повидимому, вовсе не имѣющія ни малѣйшаго къ ней отношенія. Храбрый старикъ, маршалъ Каринтійскій, называется въ австрійской хроникѣ *очень влюбленнымъ*, и дѣйствительно, передъ началомъ одной битвы онъ уговариваетъ своихъ воиновъ храбро сражаться *изъ любви*, за тѣмъ, прибавляетъ онъ, «чтобы дамы говорили о насъ, чтобъ онѣ рѣшили, кто изъ насъ самый храбрый». Жуанвиль, также уже почти старикъ, восклицаетъ во время самой горячей схватки съ Сарацинами въ Египтѣ: «мы поговоримъ объ этомъ въ комнатахъ дамъ».

Въ любви рыцарской эпохи было нѣсколько степеней, которыя одну за другою необходимо долженъ былъ пройти любящій. Полюбить просто, какъ это дѣлалось прежде, какъ это дѣлалось послѣ и дѣлается теперь, было невозможно. Мы приведемъ одно мѣсто изъ провансальскаго поэта, гдѣ подробно и точно говорится о правильномъ ходѣ любви, какъ

ее понимали въ рыцарской Европѣ. Предупреждаю, что переводъ мой не можетъ отличаться полною точностью. Даже новый французскій языкъ не имѣетъ словъ для перевода многихъ словъ, техническихъ въ этомъ отношеніи, и долженъ одно провансальское слово переводить двумя или тремя, или перифразой. Тѣмъ менѣе можно требовать полной точности перевода на языкъ русскій. «Есть четыре степени любви», говоритъ провансальскій трубадуръ: «первая степень есть степень колеблющагося, вторая степень—молящаго, третья степень — выслушиваемаго и четвертая степень — друга. Кто хотѣлъ бы любить даму и часто ее видѣть, но не смѣетъ говорить о любви, тотъ робкій колеблющійся. Но если дама дѣлаетъ ему честь и удостоитъ его ободрить, такъ что онъ осмѣлится сказать ей о своемъ страданіи, тогда его, по справедливости, можно назвать молящимъ. И если, говоря и моля, онъ поведетъ дѣло такъ хорошо, что она удержитъ его и дастъ ему ленту, перчатки или поясъ, то онъ уже поднялся до степени выслушиваемаго. Если же, наконецъ, дамѣ угодно поцѣлуемъ дать свою любовь вѣрному выслушиваемому, она дѣлаетъ изъ него друга.» Такова метафизика рыцарской любви. Но чтобы сколько-нибудь понять ее, надобно принять въ соображеніе еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Между супругами рыцарская любовь невозможна и немыслима, хотя мужъ можетъ страстно любить свою жену, а жена своего мужа. Они будутъ любить другъ друга просто, но не порыцарски. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ. Приведемъ подлинныя доказательства. Вотъ что говоритъ Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ въ своемъ сочиненіи *О служеніи дамамъ*: «Я ѣхалъ къ моей женѣ, которую я люблю, какъ только человѣкъ можетъ любить, хотя я и избралъ моею дамой любви другую особу.» Это еще не вполнѣ опредѣленно и ясно. Но слѣдующее рѣшеніе суда

любви, бывшаго подъ предсѣдательствомъ знаменитой Елеоноры Пуатье, по поводу одного интереснаго случая, окончательно выяснить все дѣло. Одинъ рыцарь любилъ даму, которая не могла отвѣчать ему, потому что уже любила другаго рыцаря. Не желая однакоже отнять у него всякую надежду, она обѣщала ему признать его своимъ рыцаремъ, когда потеряетъ того, котораго любила. Черезъ нѣсколько времени она вышла замужъ за любимаго ею рыцаря. Тогда первый тотчасъ явился и потребовалъ исполненія обѣщаннаго. Удивленная дама объявила ему, что ей странно такое требованіе, потому что она не только не потеряла любимаго рыцаря, но и сдѣлалась его женою. Рыцарь перенесъ дѣло въ судъ любви. Тамъ выслушали обѣ стороны, и предсѣдательница суда, Елеонора, приговорила даму исполнить свое слово, потому что она дѣйствительно потеряла своего рыцаря, выйдя за него замужъ, такъ какъ между мужемъ и женой рыцарской любви быть не можетъ. Бѣдная дама любила просто и искренно. Ей доказали, что между любовью въ обыкновенномъ смыслѣ и любовью рыцарскою не можетъ быть ничего общаго. Мы находимъ еще слѣдующее мѣсто въ рыцарской поэзіи того времени, дополняющее и объясняющее этотъ приговоръ суда любви. «Мужъ сдѣлаетъ нѣчто противное чести, если онъ будетъ любить свою жену, какъ рыцарь любитъ свою даму, потому что этимъ нисколько не увеличивается достоинство ни того, ни другой, и изъ этого не выйдетъ ничего больше того, что̀ уже есть по праву.»

Приведемъ нѣсколько образчиковъ вопросовъ, поднимавшихся на судахъ любви. «Кто лучше изъ двухъ любящихъ: тотъ ли, кто умеръ съ печали, что не видалъ свою возлюбленную, или же тотъ, кто умеръ отъ радости, увидавъ свою возлюбленную? Что̀ лучше: пить, пѣть и смѣяться, или же плакать, страдать и любить? Что̀ лучше: любовь ли, которая вновь за-

горается, или любовь, которая возгарается?» Единственный сколько-нибудь еще практическій вопросъ, предложенный на разрѣшеніе судовъ любви, какой только удалось намъ найти, слѣдующій: «одинъ мужъ имѣетъ милую, прекрасную жену, другой безобразную и противную, и оба страшно ревнуютъ. Который изъ нихъ болѣе сумашедшій?» Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ послѣ поэтическаго состязанія двухъ трубадуровъ, поддерживавшихъ различныя мнѣнія, и я очень сожалѣю, что не могу привести его.

Избравъ себѣ даму, что́ дѣлалось большею частью не по сердечному влеченію, а вслѣдствіе другихъ соображеній, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимала знатность или громкая репутація дамы, рыцарь старался достигнуть степени выслушиваемаго. Тогда, получивъ отъ дамы какой-нибудь знакъ, ленту, поясъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, и привязавъ его къ своему шлему, онъ старался прославить ея имя своими подвигами и заслужить послѣднюю степень, друга. Въ средніе вѣка мы встрѣчаемъ множество самыхъ странныхъ, невѣроятныхъ предпріятій и подвиговъ, вызванныхъ желаніемъ возвеличить свою даму и заслужить лестное званіе ея друга. Блестящая сатира Сервантеса, Донъ-Кихотъ Ламанчскій, не всегда грѣшитъ противъ дѣйствительности, не всегда выдумываетъ и преувеличиваетъ стремленія и затѣи своего героя. Обыкновенно рѣдко довольствовались турнирами, одиночными боями, но часто придумывали невѣроятныя задачи съ единственною цѣлью прославленія своей дамы. Эти фантастическіе и иногда опасные подвиги для прославленія дамъ особенно усилились въ XIII вѣкѣ. Тотъ самый Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ, который такъ горячо любилъ свою жену и однакоже имѣлъ сверхъ того даму любви, придумалъ для прославленія послѣдней слѣдующее. Онъ далъ обѣтъ проѣхать изъ Венеціи въ Богемію, одѣтый дамой Венерой, разумѣется, сверхъ латъ,

съ двумя оруженосцами и двумя менестрелями. По дорогѣ онъ долженъ былъ вызывать на бой всякаго встрѣтившагося ему рыцаря, на слѣдующихъ условіяхъ: всякій, кто переломитъ копье съ дамой Венерой, получитъ таинственное кольцо, которое имѣетъ свойство дѣлать еще прекраснѣе ту, которой оно будетъ подарено. Кто побѣдитъ Ульриха, получитъ всѣхъ лошадей, которыхъ онъ при себѣ имѣетъ. Кто будетъ побѣжденъ, тотъ долженъ поклониться на всѣ четыре стороны свѣта, въ честь дамы Ульриха. На бѣду тревизанскій подеста или начальникъ города былъ мало знакомъ съ рыцарскими понятіями и обычаями, и остановилъ Ульриха, когда тотъ проѣзжалъ черезъ городъ въ своемъ фантастическомъ нарядѣ, такъ что венеціянскія дамы должны были выручать его.

Любопытенъ подвигъ, описанный въ подлинникѣ, на французскомъ языкѣ, сохранившемся въ отдѣленіи рукописей туринской библіотеки и носящемъ названіе: *О трехъ рыцаряхъ и о сорочкѣ* (chanise). Былъ объявленъ большой турниръ. Жену знатнаго владѣльца молили о любви три рыцаря, но она не рѣшалась, кого изъ нихъ выбрать. Наконецъ, передъ самымъ турниромъ, она придумала вѣрное средство испытать силу ихъ любви. Призвавъ самаго вѣрнаго изъ своихъ конюшихъ, она вынула изъ шкафа свою сорочку и посылала ее тайно по очереди къ каждому изъ рыцарей, молившихъ ее о любви, съ слѣдующимъ предложеніемъ: кто дѣйствительно ее любитъ, какъ увѣряетъ, пусть тотъ сразится на турнирѣ, одѣтый въ эту сорочку и не имѣя на себѣ другаго вооруженія, кромѣ шлема, желѣзныхъ поножей, щита и меча. Кто согласится и выдержитъ испытаніе, тотъ и будетъ ея рыцаремъ и другомъ. Первый, къ которому обратился конюшій, согласился-было на испытаніе, но, при видѣ закованныхъ съ головы до ногъ въ желѣзо противниковъ, потерялъ духъ и, возвративъ конюшему присланное, отказался отъ чести быть рыцаремъ

гордой дамы. Другой прямо отказался. Только третій, дѣйствительно пылавшій рыцарскою любовью, принялъ предложеніе, и въ этомъ неслыханномъ вооруженіи сразился на турнирѣ. Весь изрубленный и исколотый, онъ остался побѣдителемъ, и общему удивленію не было границъ, когда, унося его въ гостинницу, увидѣли, что подъ залитою кровью сорочкой не было латъ. Только и было рѣчи, что объ этомъ невѣроятномъ подвигѣ. Когда дамѣ разсказали объ этомъ чудномъ побѣдителѣ, она поспѣшила извѣстить почти умирающаго рыцаря, что она отдаетъ ему свое сердце, и эта вѣсть много помогла его выздоровленію. Но дѣло этимъ еще не кончилось. Мужъ этой дамы давалъ послѣ турнира великолѣпный пиръ для всего рыцарства. Тогда рыцарь, совершившій такой подвигъ въ честь своей дамы, хотѣлъ въ свою очередь испытать и ее. Онъ послалъ ей съ своимъ оруженосцемъ залитую кровью и изрубленную сорочку, прося надѣть ея сверхъ платья и оставаться въ ней во все время пира. Дама не колебалась ни минуты, и во время пира явилась въ этой одеждѣ, къ общему изумленію присутствующихъ и къ смущенію совершенно растерявшагося мужа, который, какъ говоритъ авторъ поэмы, внушалъ состраданіе всѣмъ гостямъ, потому что никто не сомнѣвался, что онъ сталъ совершеннымъ идіотомъ. Авторъ заключаетъ свою поэму вопросомъ: чей подвигъ удивительнѣе, подвигъ ли рыцаря или его дамы? Случай дѣйствительно невѣроятный, и издатель поэмы, извѣстный Sainte Palaye, не безъ нѣкотораго основанія думаетъ, что это происшествіе, вѣроятно, вымышленное.

Если рыцарь рядомъ подвиговъ показалъ своей дамѣ глубину и искренность своего чувства, она рѣшалась признать его своимъ другомъ. Это дѣлалось съ большою торжественностью. Это былъ какъ бы сколокъ съ той присяги, которую вассалъ давалъ своему сюзерену. На колѣнахъ передъ дамою, рыцарь

клалъ свои руки въ ея руки и клялся, что отнынѣ онъ весь отдается ей, что будетъ служить ей вѣрно до самаго гроба и защищать ее противъ всѣхъ отъ всякаго зла и обиды. Дама, съ своей стороны, объявляла, что принимаетъ его службу, увѣряла въ своей привязанности, вручала ему какой-нибудь знакъ, обыкновенно кольцо, и подымала его съ колѣнъ, давая ему поцѣлуй. Этотъ поцѣлуй всегда бывалъ первый, а во многихъ случаяхъ и послѣдній, который давали другъ другу дама и ея рыцарь. Одинъ изъ рыцарскихъ романовъ даетъ очень граціозное названіе этому поцѣлую, которымъ знаменовалось принятіе рыцаря въ званіе друга. Онъ называетъ его: *половина да, половина нѣтъ*. И дѣйствительно, если любовь въ обыкновенномъ смыслѣ и любовь рыцарская были далеко не одно и то же, то бывали же случаи, когда та и другая соединялись въ одномъ чувствѣ, особенно при тѣхъ близкихъ, интимныхъ отношеніяхъ, которыя обыкновенно или, по крайней мѣрѣ, очень часто существовали между дамой и ея рыцаремъ.

Чтобъ еще яснѣе показать, что никакъ не должно смѣшивать любовь обыкновенную и любовь рыцарскую, приведемъ еще примѣръ изъ знаменитаго рыцарскаго романа *Герардъ Руссильйонскій*. Герардъ Руссильйонскій рыцарски любитъ одну даму. Эта дама должна выйти замужъ за императора (?) Карла Мартела. Тогда Герардъ женится на сестрѣ ея. Обѣ свадьбы совершаются одновременно. На другой день нужно разстаться. Герардъ отводитъ въ сторону новую императрицу, съ нею двухъ графовъ и свою молодую жену. Здѣсь на прощаньи императрица обращаетъ къ Герарду такую рѣчь: «Будьте моими свидѣтелями, вы, графы Жервасъ и Бертеле, и ты также, моя милая сестра, повѣренная всѣхъ моихъ мыслей, и ты особенно, Іисусъ Искупитель, знайте всѣ, что я отдаю мою любовь герцогу Герарду съ этимъ кольцомъ и съ

этимъ блестящимъ цвѣткомъ изъ моего ожерелья. Я люблю его болѣе, чѣмъ люблю моего супруга, и не могу, при его отъѣздѣ, удержать моихъ слезъ.»

Послѣ этого понятна искренность слѣдующаго мѣста изъ пѣсни трубадуровъ, излагающаго теорію рыцарской любви. «Это уже не любовь, которая стремится къ дѣйствительности, которая перестаетъ быть поклоненіемъ одного чувства и мысли. Сердце не дается по обязанности. Для друга довольно, если онъ имѣетъ отъ своей дамы кольцо или шнуръ. Онъ можетъ считать тогда себя равнымъ королю Кастиліи. Если онъ получитъ отъ нея какую-нибудь драгоцѣнность и при случаѣ поцѣлуй, этого много, даже слишкомъ много для истинной любви.»

Такимъ образомъ, женщина стала въ глазахъ рыцаря на недосягаемую таинственную высоту, и это не могло не имѣть сильнаго вліянія на возвышеніе ея общественнаго значенія. Мистическое поклоненіе женщинѣ было не въ одномъ только рыцарствѣ; оно перешло и въ другіе классы общества. Достаточно указать на то поклоненіе, которое воздавалъ знаменитый Дантъ 11-лѣтней Беатрисѣ Porsinaria, случайно имъ видѣнной, которую онъ сдѣлалъ безсмертною въ своей дивной поэмѣ.

Рыцарство, родившееся въ феодализмѣ, значительно измѣнило его. Оно внесло жизнь и движеніе въ неподвижныя, какъ бы окаменѣлыя формы феодальнаго быта. Движеніе было необходимымъ условіемъ рыцарства, какъ замкнутость, прикрѣпленность, были характеристическими чертами феодальнаго быта. Рыцарство частью смягчило, частью уничтожило исключительность феодализма. Если рыцарь избиралъ обыкновенно дамой своего сердца самую знаменитую и гордую даму, зато дама вовсе не обязана была избирать своимъ рыцаремъ только равнаго ей по богатству и знатности. На-

противъ, обычаи рыцарской любви поощряли ее давать свою благосклонность рыцарю, стоявшему далеко ниже ея въ общественномъ отношеніи, потому именно, что рыцарская любовь и должна была поднимать, возвышать рыцаря, пока онъ не достигнетъ до уровня своей дамы. Мы имѣли уже случай замѣтить, что рыцарство не всегда совпадало съ сословіемъ феодальныхъ владѣльцевъ. Въ южной Франціи и особенно въ Италіи рыцарями безпрестанно становились лица изъ торговаго или городскаго сословія.

Самый характеръ высшаго общества и положеніе въ немъ женщины, подъ вліяніемъ рыцарства, значительно измѣнились въ послѣднее время сравнительно съ первыми вѣками феодальной эпохи. Въ первое время мы видимъ простую, иногда бѣдную, во всякомъ случаѣ однообразную, монотонную и потому скучную жизнь въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ феодальныхъ замковъ. Въ жизни королей, высшихъ представителей благороднаго сословія, мы находимъ ту же сжатость и, почти можно сказать, ту же бѣдность. Мы имѣемъ счетъ прихода и расхода короля Филиппа-Августа за 1202 и 1203 годы, и изъ нихъ можемъ познакомиться съ подробностями домашней, частной жизни королевскаго семейства. Королевскій дворъ и королевская прислуга были крайне немногочисленны. Король, королева и ихъ дѣти, мѣняли платья только три раза въ годъ: въ праздникъ Св. Андрея, въ Рождество и въ праздникъ Богородицы въ августѣ. Убранство и меблировка дворца были также самыя незатѣйливыя. Стѣны комнатъ были увѣшаны оружіемъ и только рѣдко коврами. Длинный деревянный столъ и такія же скамьи стояли въ главной залѣ, гдѣ бывали обѣды и празднества. Полы были изъ каменныхъ плитъ и усыпались лѣтомъ душистыми травами, зимою соломой. Филиппъ-Августъ подарилъ парижскому госпиталю солому, которую ежедневно выметали изъ дворца. Внутреннія, семейныя или

женскія, комнаты королевскаго дворца были тѣсны и просты. Въ нихъ было обыкновенно по одному небольшому окну, въ которое, вмѣсто стеколъ, вставлялась рама, заклеенная промасленною бумагой или роговыми пластинками, пропускавшими слабый свѣтъ. Мебель этихъ комнатъ состояла изъ огромной постели, въ родѣ тѣхъ, какія еще до сихъ поръ встрѣчаются въ Италіи, и изъ длиннаго сундука, гдѣ хранилось платье и драгоцѣнности, и который замѣнялъ въ то же время наши диваны и кресла. Если къ этому мы прибавимъ налой для молитвы, внутри котораго было помѣщеніе для книгъ, мы будемъ имѣть всю мебель королевиной комнаты, замѣнявшей для нея наши спальни, уборныя и гостиныя, потому что тутъ же производились и пріемы визитовъ и посѣщеній. Если такъ неприхотлива была жизнь королей, то жизнь феодальныхъ владѣльцевъ и бароновъ не могла быть лучше и комфортнѣе. Въ нѣкоторыхъ знатныхъ жилищахъ были и библіотеки, но большая изъ этихъ аристократическихъ библіотекъ того времени состояла, какъ намъ извѣстно, изъ 12 большихъ томовъ въ листъ. Здѣсь были слѣдующія книги: Библія, житія святыхъ, путешествіе въ Іерусалимъ, одно юридическое сочиненіе и нѣсколько романовъ: *Тристанъ*, *Ожье Датчанинъ*, *Лисица* и *Герардъ Неверскій*.

Мало-по-малу утомительно скучное, однообразное теченіе жизни высшаго, благороднаго сословія уступило мѣсто движенію, оживленію. Простыя, суровыя и бѣдныя формы жизни уступали мѣсто разнообразію и богатству. Движеніе, пробудившееся съ такою силой въ жизни высшаго сословія западной христіанской Европы, необходимо вело къ торговлѣ, къ обмѣну произведеній разныхъ странъ, къ изобрѣтеніямъ и нововведеніямъ всякаго рода, и было бы въ высшей степени интересно прослѣдить за измѣненіями въ частной домашней жизни вслѣдствіе этого движенія и общенія, бывшихъ чужды-

ми первому феодальному обществу. Для примѣра укажемъ на то волненіе, которое произведено было въ средѣ женскаго высшаго общества великимъ открытіемъ искусства вязать чулки. До тѣхъ поръ дамы шили себѣ эту необходимую принадлежность изъ сукна или толстой холстины, и чулки никакъ не могли плотно обтягивать ногу. Восторгъ былъ неописанный, когда вдругъ явились вязаные чулки, и первые изъ нихъ покупались чуть-чуть не на вѣсъ золота. Важное открытіе, какъ и слѣдовало ожидать, хранилось долго въ глубочайшей тайнѣ и только съ теченіемъ времени сдѣлалось общеизвѣстнымъ. Нравы и образъ жизни высшаго сословія, его внѣшняя, матерьяльная обстановка въ XIV и XV столѣтіяхъ, не говоря уже о XVI, не имѣютъ ничего общаго съ жизнью этого общества, въ XI, XII и даже XIII вѣкахъ. Мы имѣемъ два драгоцѣнныя сочиненія того времени, которыя позволяютъ намъ близко познакомиться съ подробностями жизни этихъ вѣковъ, не говоря уже о томъ, что во многихъ музеяхъ, напримѣръ для Франціи въ Луврскомъ и въ Musée des Thermes, собрано все, что̀ уцѣлѣло отъ внѣшней обстановки тогдашней жизни. Первое изъ этихъ сочиненій принадлежитъ одному анжуйскому владѣльцу, Жофруа-де-Латуръ Ландри. Онъ былъ уже старъ въ 1371 году, и, имѣя взрослыхъ дочерей, хотѣлъ дать имъ наставленіе къ жизни, предостереженіе противъ искушеній и соблазновъ, въ которыхъ онъ самъ былъ такъ опытенъ во время своей молодости. Сочиненіе Латуръ Ландри касается всѣхъ мелочныхъ подробностей женской жизни, и заботливый отецъ, не довольствуясь тѣмъ, что даетъ своимъ дочерямъ наставленіе, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, приводитъ разсказы изъ своей собственной жизни, или изъ видѣннаго и слышаннаго имъ, чтобъ еще лучше подтвердить каждое правило и нагляднѣе изобразить печальныя послѣдствія его несоблюденія. Если сочиненіе Латуръ Ландри

даетъ намъ богатый матерьялъ для изученія вообще жизни всего высшаго сословія, то сочиненіе Элеоноры Пуатье, виконтессы Фюрнъ, переноситъ насъ въ придворную жизнь самаго блестящаго двора западной Европы, именно двора герцога бургундскаго и частью двора французскаго. Латуръ Ландри имѣетъ въ виду общія нравственныя и житейскія правила. Для Элеоноры Пуатье на первомъ планѣ стоитъ придворный этикетъ, придворныя церемоніи, строгое соблюденіе придворныхъ приличій и обычаевъ. Время, къ которому относится сочиненіе Элеоноры Пуатье, обнимаетъ почти столѣтіе, отъ начала царствованія Карла VI до начала царствованія Карла VIII (1380—1480). Самое заглавіе сочиненія указываетъ на его главную цѣль: оно называется *Les honneurs de la cour*. Авторъ съ необычайною точностью и подробностью описываетъ всѣ мелочи придворной жизни, всѣ споры и столкновенія, возникавшія между различными притязаніями и соперничествами, съ необыкновенною тщательностью перечисляетъ всѣ мелочи придворныхъ событій, браковъ, родинъ, крестинъ, съѣздовъ государей, посѣщеній, пріемовъ и т. д.

Перейдемъ къ женщинамъ городскихъ сословій. Исторія городовъ въ западной Европѣ въ средніе вѣка распадается на два періода, въ которые положеніе городовъ было совершенно различно. Первый періодъ начинается съ послѣдняго времени Западной римской имперіи и оканчивается X вѣкомъ. Это время постепеннаго паденія городовъ, постепеннаго подавленія и уничтоженія городскихъ правъ и значенія городской жизни. Второй періодъ, начинаясь XI вѣкомъ, представляетъ возникновеніе городовъ изъ ихъ подавленнаго, униженнаго состоянія, постепенное усиленіе ихъ богатства и значенія, возвышеніе городскаго сословія не только до свободы и независимости, но и до огромнаго государственнаго зна-

ченія. Города, въ началѣ средневѣковой исторіи почти собственность и добыча свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ своимъ развитіемъ приводятъ къ ослабленію и уничтоженію феодальнаго быта, къ совершенному упраздненію политическихъ формъ средневѣковой жизни.

Города въ послѣднее время Западной римской имперіи потеряли свое государственное, политическое значеніе, были подавлены произвольными налогами и, однако, несмотря на это, сохраняли еще до нѣкоторой степени свое внутреннее самоуправленіе. Во главѣ городскаго населенія стоялъ епископъ, котораго значеніе все болѣе и болѣе возрастало по мѣрѣ того, какъ падало значеніе центральной власти, какъ понижался и терялъ свою самостоятельность западный римскій императоръ, бывшій игрушкою въ рукахъ варварскихъ временщиковъ, возводившихъ и низводившихъ его по своему произволу. Гибель Римской имперіи и окончательное утвержденіе варваровъ въ областяхъ ея, несмотря на всѣ ужасы варварскихъ нашествій и опустошеній, на первое время, не только не понизили еще болѣе положеніе городовъ, но даже улучшили его. Съ окончательнымъ паденіемъ центральной власти, съ паденіемъ Западной имперіи, города освободились отъ невыносимой тяжести падавшихъ на нихъ государственныхъ налоговъ. Представители городскаго населенія, епископы, получили огромное вліяніе на варварскихъ королей и дружинниковъ, незнакомыхъ со сложнымъ механизмомъ государственнаго управленія, нуждавшихся въ опытныхъ руководителяхъ и въ то же время имѣвшихъ инстинктивное уваженіе къ римской цивилизаціи и къ самому Риму, нѣсколько разъ ими взятому и разграбленному. И короли, и германскіе дружинники, въ первое время и не жили въ городахъ. Они избѣгали ихъ; они чувствовали себя болѣе на свободѣ въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ ничто не стѣсняло ихъ, гдѣ они могли жить такъ, какъ

жили на своей суровой и бѣдной родинѣ. Но, если первое время варварскихъ нашествій отозвалось благопріятно на жизни городовъ, то, съ теченіемъ времени, положеніе ихъ становилось все хуже и хуже. Съ постепеннымъ ослабленіемъ королевской власти и развитіемъ феодализма самые епископы, до сихъ поръ естественные и могучіе защитники и представители городскаго населенія, значительно измѣнили свои отношенія къ нему и въ то время, какъ низшее духовенство было подавлено почти столько же, какъ сельское населеніе, высшее примкнуло къ феодальному сословію и само стало въ ряды феодаловъ. Можно указать на множество епископовъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ свѣтскихъ феодаловъ, также принимавшихъ участіе въ битвахъ, не иначе выѣзжавшихъ изъ своего жилища, какъ въ вооруженіи и со сворами охотничьихъ собакъ. Города утратили всякую самостоятельность, всякое самоуправленіе. Они сдѣлались собственностью духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ; часто одинъ и тотъ же городъ былъ раздѣленъ между нѣсколькими владѣльцами, въ числѣ которыхъ всегда былъ епископъ, а иногда соборный капитулъ или игуменъ, аббатъ какого-нибудь монастыря. Феодальные владѣльцы стремились сгладить всякое различіе между горожанами и виланами или сельскимъ населеніемъ, совершенно уже подавленнымъ. Городскіе чиновники, избиравшіеся прежде самими горожанами, теперь назначались тѣмъ или другимъ феодальнымъ владѣльцемъ. Они носили часто прежнее имя, но не имѣли уже и тѣни прежняго значенія. Выборное начало въ городахъ, прежде столь сильное, было совершенно отмѣнено. Бездна феодальныхъ повинностей всякаго рода была наложена на горожанъ. Движимое и недвижимое имущество, торговля и ремесла, наконецъ, пользованіе землею, водою и воздухомъ,—все было обложено податями и повинностями всякаго рода. Горожанинъ платилъ подать, проходя черезъ городскія

ворота, проходя черезъ мостъ, проѣзжая по дорогѣ изъ земель одного феодальнаго владѣльца въ земли другаго. Онъ платилъ при продажѣ, платилъ при покупкѣ, платилъ когда хотѣлъ строиться, платилъ когда женился, платилъ когда получалъ наслѣдство послѣ отца. Онъ не могъ свободно и безъ платы молоть свою муку, печь свой хлѣбъ. Однимъ словомъ, до X вѣка положеніе городовъ постепенно ухудшалось, постепенно они болѣе и болѣе подпадали гнету могущественныхъ феодаловъ. Тамъ и здѣсь обнаруживались попытки отстоять сколько-нибудь свою свободу, отбиться отъ постоянно увеличивавшейся тяжести; но эти попытки подавлялись, и подавлялись иногда страшнымъ образомъ.

Въ слѣдующемъ столѣтіи положеніе городовъ стало значительно измѣняться къ лучшему, а въ XII вѣкѣ мы находимъ города уже свободными и могущественными, въ нѣкоторыхъ странахъ стоящими наравнѣ съ феодальною аристократіей, въ другихъ даже подавившими и почти уничтожившими эту аристократію. Мы не можемъ останавливаться здѣсь на причинахъ и поводахъ, которые повели къ такому-коренному измѣненію въ жизни городовъ и которые были чрезвычайно разнообразны и многосложны. Города умѣли воспользоваться и борьбою папъ съ императорами, и крестовыми походами, и естественнымъ стремленіемъ королей увеличить свою власть насчетъ своевольныхъ и могущественныхъ феодаловъ. Самая громадность тяжести, наложенной на городъ феодализмомъ, заставляла городское населеніе употреблять всѣ усилія для освобожденія отъ тяжкаго ига. Города покупали себѣ на вѣсъ золота права и привилегіи у феодальныхъ владѣльцевъ, спѣшившихъ отправиться на далекій Востокъ; открытымъ возстаніемъ и оружіемъ добывали себѣ эти права и вольности, заключали союзы съ королями, естественными противниками феодализма, союзы со всѣми врагами тѣхъ феодальныхъ вла-

дѣльцевъ, отъ которыхъ зависѣли. Если городамъ не удавалось купить вольностей у своихъ владѣльцевъ, они не жалѣли золота, чтобы купить себѣ помощь противъ этихъ владѣльцевъ со стороны ихъ враговъ. Борьба городовъ съ феодальными владѣльцами была самая разнообразная, иногда крайне ожесточенная и упорная, и повела къ результатамъ не одинаковымъ въ разныхъ странахъ, потому что не одинаковы были условія, при которыхъ она происходила. Всюду города освободились отъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ, но освобожденіе это совершилось и не въ одно время, и не въ одинаковой степени. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Италіи, въ южной Франціи, частью въ нынѣшней Голландіи и Бельгіи города не только освободились отъ власти надъ ними феодаловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожили власть феодальной аристократіи и въ деревняхъ, заставили феодаловъ переселиться въ городъ, стать горожанами. Въ другихъ странахъ города стали совершенно свободны, но феодалы царствовали за стѣнами городовъ. Иногда города пріобрѣтали полную независимость и власть надъ окрестною страной, становились могущественными и богатыми республиками. Иногда они не имѣли полной свободы и въ своихъ собственныхъ стѣнахъ и сохраняли еще нѣкоторую зависимость отъ могущественныхъ владѣльцевъ, своихъ сосѣдей. Всюду, вмѣстѣ съ освобожденіемъ, идетъ укрѣпленіе городовъ. Въ борьбѣ съ феодалами и для борьбы съ ними города обносились высокими стѣнами, узкія улицы на ночь запирались на каждомъ перекресткѣ тяжелыми желѣзными цѣпями. Среди города строилась высокая башня (beffroi), гдѣ висѣлъ городской колоколъ, созывавшій жителей на защиту въ виду опасности, откуда день и ночь сторожъ смотрѣлъ на окрестности, не завидитъ ли онъ приближающагося врага. Жители городовъ должны были вооружаться, составлять ополченія. Въ минуту опасности купецъ откладывалъ

въ сторону свои счеты, вѣсы и аршинъ, запиралъ лавку, ремесленникъ бросалъ инструменты, и горожане спѣшили на стѣны, чтобъ отбить врага, или же выходили въ окрестныя поля мѣриться силами съ гордыми, закованными въ желѣзо феодалами и рыцарями, которые часто гибнутъ въ битвѣ.

Прежде всего освободились города Италіи, благодаря ожесточенной борьбѣ папъ съ императорами. Они же и достигли высшей степени могущества, сдѣлавшись сильными и богатыми республиками, не разъ мѣрившимися силами съ королями и императорами. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Италіи, гдѣ феодализмъ былъ слабъ, напримѣръ въ Тосканѣ и Лигуріи, освобожденіе городовъ совершилось легко и скоро. Въ другихъ борьба была тяжела и упорна, особенно къ Ломбардіи и королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Феодальное дворянство должно было въ нѣкоторыхъ областяхъ покинуть свои разоренные замки, переселиться въ города и образовать городскую аристократію, слившись съ горожанами. Приморскіе города Италіи, пользуясь крестовыми походами, снаряжали огромные флоты, заводили торговлю и колоніи на Востокѣ и стали могущественными республиками. Италіянскіе города давали своимъ городскимъ чиновникамъ гордое имя консуловъ. То же мы видимъ и въ освободившихся городахъ южной Франціи. Число консуловъ было различно въ разныхъ городахъ; они выбирались народомъ и управляли съ помощію городскихъ совѣтовъ. Города сносятся съ феодальными владѣльцами, какъ равные съ равными. Городская аристократія часто принимаетъ рыцарское достоинство. Гордые члены городскаго управленія въ Тулузѣ называютъ себя *баронами Тулузы*. Въ Перигорѣ члены городскаго совѣта даютъ себѣ официальный титулъ: *граждане, сеньоры Перигора*. Въ нѣкоторыхъ городахъ южной Франціи вмѣсто консуловъ, стоявшихъ во главѣ городскаго управленія, встрѣчаемъ *podestà*. Въ иныхъ, напри-

мѣръ въ Авиньйонѣ, во главѣ городскаго управленія стоятъ два подесты и два консула. Если на югѣ формы городскаго управленія до нѣкоторой степени напоминали древнее римское государственное устройство и возникли изъ сохранившихся остатковъ и воспоминаній изъ римскаго городскаго управленія, то на сѣверѣ западной Европы и источникъ, изъ котораго образовалось самостоятельное городское управленіе, и формы, въ которыя оно облеклось, были совершенно другіе. На сѣверѣ города носили названіе *коммюнъ;* они возникли изъ тѣхъ союзовъ и товариществъ, которые были въ нравахъ древнѣйшаго населенія Франціи и Германіи, и которые у Германцевъ носили названіе *гильдъ*, гильдій. Люди, занимавшіеся однимъ ремесломъ, однимъ промысломъ, составляли между собой гильду, братство, обязанное помогать своимъ членамъ, защищать ихъ общими силами. Эти братства соединялись между собой, и это повело къ освобожденію городовъ, а самые города получили названіе коммюнъ или общинъ. Иногда законы городовъ носятъ названіе законовъ дружбы или законовъ мира. Коммюны или городскія общины особенно развились и достигли могущества въ нынѣшнихъ Бельгіи и Голландіи, по Рейну, въ сѣверной Германіи. Иногда нѣсколько городовъ заключали между собою братскій союзъ, дѣйствовали вмѣстѣ общими силами. Такова была знаменитая Ганза въ сѣверной Германіи, могущественный союзъ городовъ, къ которому принадлежалъ одно время и нашъ великій Новгородъ,— союзъ, который не разъ велъ счастливыя войны съ сосѣдними королями и герцогами.

Городское населеніе дѣлилось на разные классы. Почти во всѣхъ большихъ городахъ прежде всего мы находимъ три главные класса. Къ первому принадлежали люди благороднаго происхожденія. Положеніе ихъ въ разныхъ городахъ было весьма различно. Въ нѣкоторыхъ городахъ (напримѣръ, въ

Сіеннѣ, въ Генуѣ) благородные не допускались ни къ одной городской должности. Въ другихъ было совершенно наоборотъ. Въ городахъ провинціи Дофине, консулами въ теченіе многихъ столѣтій могли быть только благородные. Меры города Бордо также большею частью избирались изъ лицъ благороднаго происхожденія. Ко второму классу принадлежали купцы или же горожане, живущіе своими доходами. Этотъ классъ иногда называли высшимъ сословіемъ народа. Наконецъ, къ третьему относились ремесленники и мелочные торговцы. Сверхъ того, жители городовъ дѣлились по занятіямъ или ремесламъ на корпораціи, ремесла или цехи. Число этихъ раздѣленій было очень разнообразно. Во Флоренціи было 7 великихъ ремеслъ, въ Перонне 12 цеховъ, въ Страсбургѣ 22 трибы, изъ которыхъ 2 были для благородныхъ и 20 для остальныхъ гражданъ.

Во Франціи городское сословіе скоро сѣлалось, вмѣстѣ съ духовенствомъ и дворянствомъ, необходимымъ членомъ собранія государственныхъ чиновъ, подъ именемъ третьяго сословія. Въ числѣ горожанъ короли Франціи находили самыхъ ловкихъ и самыхъ вѣрныхъ исполнителей своей воли. Филиппъ-Августъ, Лудовикъ Святой, Филиппъ Красивый окружали себя лицами изъ городскаго сословія, совѣтовались съ ними, давали имъ непосредственное участіе въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Св. Лудовикъ, во время своего втораго крестоваго похода, умеръ на рукахъ жены одного горожанина, сына суконнаго фабриканта, сдѣлавшагося однимъ изъ ближайшихъ къ нему придворныхъ чиновниковъ. Въ числѣ государственныхъ людей, управлявшихъ судьбою Франціи, мы найдемъ множество лицъ изъ третьяго сословія, т. е. изъ горожанъ. Еще тѣснѣе сблизился съ горожанами король Лудовикъ XI, заклятой врагъ феодальной аристократіи. Онъ любилъ общество горожанъ и предпочиталъ его обществу лицъ

благороднаго происхожденія. Возвратясь въ Парижъ разъ вечеромъ послѣ битвы, онъ ужиналъ не во дворцѣ, а среди своихъ пріятелей-горожанъ. Часто онъ посѣщаетъ того или другаго изъ нихъ, пируетъ у нихъ запросто, по домашнему. Богатство городскаго сословія скоро далеко оставило за собой богатство феодальныхъ, благородныхъ владѣльцевъ. Напрасно, по настоянію высокомѣрныхъ дворянъ, короли Франціи рядомъ указовъ стараются ограничить роскошь средняго сословія; напрасно запрещаютъ они лицамъ неблагороднаго происхожденія употреблять дорогіе мѣха, золото, серебро и драгоцѣнные камни на ихъ уборахъ и одеждахъ; напрасно они запрещаютъ горожанамъ ѣзду въ экипажахъ и опредѣляютъ, выше какой цѣны не должна смѣть шить себѣ платье женщина неблагороднаго происхожденія. Всѣ эти мѣры оказываются совершенно безполезными. Въ концѣ XIII вѣка ко двору короля французскаго явился по дѣлу одинъ купецъ изъ Валансьена, и, такъ какъ стулья и скамейки предлагались только лицамъ духовнаго и благороднаго сословія, онъ снялъ съ себя дорогой плащъ, вышитый золотомъ и жемчугомъ, сложилъ его и усѣлся на немъ. Когда онъ уходилъ, королевскій служитель, видя плащъ забытымъ на полу, поднялъ его и подалъ купцу, который гордо отвѣчалъ, что не имѣетъ привычки уносить съ собою скамеекъ, и оставилъ плащъ служителю. Въ XIV столѣтіи на роскошныхъ пирахъ у другаго купца изъ того же города сходилась вся высшая французская аристократія, герцоги и графы и короли Богемскій и Наварскій, бывшіе тогда во Франціи, а одинъ изъ епископовъ служилъ за дворецкаго. Лица средняго сословія нарочно выказывали свое богатство и роскошь, чтобы сбить спѣсь съ феодальной аристократіи. Когда Филиппъ Красивый съ королевой Анной посѣтилъ города Брюгге и Гентъ, горожане встрѣчали и угощали ихъ такъ роскошно, что растерявшаяся королева сказала:

«Я думала, что здѣсь я одна царица, а ихъ здѣсь я вижу болѣе шестисотъ». Любопытно читать исполненныя зависти и негодованія замѣчанія одной аристократки, удостоившей посѣтить жену одного изъ своихъ знакомыхъ парижскихъ купцовъ, только-что разрѣшившуюся отъ бремени. Она была поражена роскошью дома, меблировки, дорогихъ кипрскихъ ковровъ, покрывавшихъ стѣны, коврами на полахъ, великолѣпіемъ спальни родильницы, наконецъ ея богатымъ костюмомъ, уборкой постели, и т. д., и вынесла изъ своего посѣщенія самое злобное чувство, тѣмъ болѣе, что вся эта роскошь, какъ она замѣчаетъ, была даже не у жены какого-нибудь оптоваго торговца, негоціанта или банкира, а у жены простаго купца, который готовъ продать товару на 4 копѣйки. Она желаетъ, чтобы король прижалъ какъ можно болѣе этихъ купцовъ, чтобъ ихъ жены не осмѣливались жить, какъ могутъ жить только королевы Франціи. Это было во второй половинѣ XIV вѣка.

Богатство высшихъ классовъ горожанъ, между которыми было значительное число лицъ благороднаго происхожденія, переселившихся въ города и вступившихъ въ городское сословіе, а также зажиточный и образованный классъ юристовъ и ученыхъ, болѣе всего выразилось великолѣпными постройками. Ратуша и башня, на которой висѣлъ городской колоколъ, составляли роскошь каждаго города. Многія изъ ратушъ представляютъ самые великолѣпные образцы средневѣковой архитектуры. То же великолѣпіе мы видимъ и въ частныхъ домахъ богатѣйшихъ гражданъ. Но всего болѣе это великолѣпіе отразилось на постройкѣ и убранствѣ церквей. Кромѣ великолѣпныхъ соборовъ и церквей, построенныхъ на деньги всего городскаго населенія, богатѣйшіе граждане ставили себѣ въ особенную честь и заслугу сооружать цѣлыя церкви на свой счетъ или, по крайней мѣрѣ, строить уже въ существова-

вшихъ церквахъ особые придѣлы и часовни, гдѣ бы постоянно совершалась обѣдня за упокой членовъ ихъ фамиліи. Подобные придѣлы встрѣчаются во многихъ церквахъ. Городская аристократія дѣлала большіе взносы въ церкви, чтобъ имѣть у себя особый ключъ отъ дверей и входить въ храмъ, когда вздумается, или чтобъ имѣть особую дверь, или же, если домъ былъ подлѣ церкви, окно въ церковь, чрезъ которое можно было бы слушать обѣдню, не выходя изъ дому.

Говоря о женщинѣ городскаго сословія, я хотѣлъ бы прежде всего сообщить подробности о ея костюмѣ, по богатству иногда не уступавшемъ одеждамъ и уборамъ женщинъ высшаго сословія, а иногда и королевскаго семейства; я хотѣлъ бы также остановиться на устройствѣ и уборкѣ домовъ, но, вопервыхъ, это заняло бы много мѣста, вовторыхъ, я долженъ признаться, что моя попытка передать порусски подробности женскаго туалета и домашняго устройства показалась мнѣ слишкомъ трудною. Съ внутреннею, семейною жизнью зажиточнаго горожанина эпохи рыцарства и феодализма можно ознакомиться изъ любопытнаго памятника, въ которомъ ярко рисуется домашняя и семейная жизнь зажиточной горожанки. Это—сочиненіе неизвѣстнаго горожанина начала XV столѣтія, носящее заглавіе: *Парижскій хозяинъ*, нѣчто въ родѣ нашего *Домостроя*, написаннаго извѣстнымъ священникомъ Сильвестромъ, въ царствованіе Іоанна Грознаго. Горожанинъ, написавшій это сочиненіе, женился на пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ и очень любилъ ее. Жена просила его, въ случаѣ, если она сдѣлаетъ какую-нибудь ошибку или неловкость, не дѣлать ей замѣчаній и выговоровъ передъ гостями или даже передъ служителями, а, оставшись наединѣ, дать ей наставленіе. Съ цѣлью познакомить молодую жену съ хозяйственными и нравственными обязанностями и заботами написалъ горожанинъ свое сочиненіе. Оно состоитъ изъ двухъ частей. Въ

первой содержатся всѣ нравственныя правила; во второй всѣ наставленія относительно хозяйства и управленія домомъ. Очень часто онъ не ограничивается только правиломъ, а по поводу того или другаго правила, въ подтвержденіе его, онъ разсказываетъ случаи или изъ своей жизни, или изъ жизни своихъ знакомыхъ, и эти-то разсказы особенно любопытны.

Прочитывая *Парижскаго хозяина*, написаннаго неизвѣстнымъ горожаниномъ для своей молодой жены, чувствуешь себя какъ-то свободно, легко. И чувства, и разсчеты, и побужденія здѣсь человѣческія, всѣмъ доступныя, всѣмъ понятныя. Со многими можно не соглашаться, многое кажется странно или смѣшно, но вездѣ виденъ живой человѣкъ, родной намъ, близкій намъ по своей природѣ. Я не могу привести многихъ наставленій и правилъ, потому что люди того времени говорили языкомъ слишкомъ прямымъ и откровеннымъ, какимъ давно уже отвыкли говорить мы въ обществѣ; но эта безцеремонность, эта грубая простота не оскорбляетъ, не отталкиваетъ. Она тѣмъ цѣннѣе дѣлаетъ ту доброту, ту деликатность, которая часто обнаруживается за этою грубою оболочкой. Парижскій горожанинъ предписываетъ своей женѣ строгую разсчетливость и осмотрительность, строгость относительно прислуги. Онъ говоритъ, что обѣдъ для прислуги долженъ быть сытный, но что его должно тотчасъ убирать со стола, какъ скоро начнутся разговоры. Онъ приводитъ пословицу: «какъ скоро слуга начнетъ проповѣдывать за столомъ, а лошадь прогуливаться въ рѣкѣ, выводи поскорѣе вонъ обоихъ: они уже были тамъ довольно»; совѣтуетъ хозяйкѣ не дозволять прислугѣ браниться между собою и употреблять грубыя и неприличныя выраженія. Въ то же время онъ говоритъ ей: если кто-нибудь изъ вашей прислуги сдѣлается боленъ, справедливость требуетъ, чтобы вы сами, оставивъ всѣ другія занятія, позаботились объ его леченіи. Какъ далеко это

отъ того оскорбительнаго пренебреженія, съ какимъ феодалъ и рыцарь смотрѣлъ на всѣхъ, кто не принадлежалъ къ его сословію, особенно же на крестьянъ, «рабовъ тѣломъ», какъ выражалось феодальное право, *вилановъ*—слово, обозначавшее прежде крестьянина, но потомъ получившее значеніе всего низкаго и подлаго! Оттого-то, съ одной стороны, города и среднее, третье сословіе, съ другой феодализмъ и рыцарство представляли два отдѣльные міра, не имѣвшіе между собою ничего общаго, кромѣ взаимной вражды и ненависти. Оттого-то въ городахъ и явилась та остроумная, ядовитая сатира, которая осмѣяла и втоптала въ грязь всѣ рыцарскіе идеалы, которая подкопала и подорвала всѣ основы этого ненавистнаго ей быта.

Не касаясь подробностей, приведемъ для обращика одно изъ правилъ, даваемыхъ горожаниномъ, и относящійся къ этому правилу объяснительный разсказъ. Правило слѣдующее: если мужъ проситъ свою жену о чемъ-нибудь и она не понимаетъ, почему и зачѣмъ онъ проситъ, то она должна прежде всего исполнить просьбу, а уже потомъ, если хочетъ, разспросить о причинахъ, ее вызывавшихъ. Въ объясненіе горожанинъ приводитъ слѣдующій разсказъ, который передадимъ въ сокращеніи. Бальи города Турне обѣдалъ разъ очень весело съ нѣсколькими женатыми людьми и послѣ обѣда предложилъ имъ еще разъ пообѣдать также хорошо на слѣдующихъ условіяхъ: все общество поѣдетъ поочереди къ каждому изъ женатыхъ и каждый мужъ попроситъ свою жену пересчитать за нимъ до четырехъ. Тотъ, жена котораго пересчитаетъ безъ разспросовъ и возраженій, ничего не платитъ за обѣдъ; тотъ, чья жена сдѣлаетъ вопросъ или замѣчаніе, платитъ свою долю. Вздумано, сдѣлано. Пріѣзжаютъ къ первому, у котораго была весьма достойная супруга. «Марія, говоритъ ей мужъ, сдѣлай милость, повтори за мной, что я бу-

ду говорить.» — «Съ удовольствіемъ, мой другъ.» — «Одинъ.» — «Одинъ.» — «И два.» — «И два.» — «И три.» — «И семь, и двѣнадцать, и четырнадцать: смѣяться что ли вы надо мной вздумали?» Поѣхали ко второму, у котораго жена любила разыгрывать знатную барыню. «Агнеско, повтори за мной: разъ....» — «Два,» отвѣчала презрительно Агнеско, и мужъ проигралъ. Съ такимъ же успѣхомъ былъ и дальнѣйшій объѣздъ. Правда, горожанинъ даетъ чувствовать, что тѣ изъ бившихся объ закладъ, которые были женаты на хорошо воспитанныхъ, выиграли пари и остались очень довольны, но онъ что-то не называетъ ихъ по именамъ и не говоритъ даже сколько ихъ было, тогда какъ всѣ проигрыши разсказаны очень обстоятельно. Вѣрно только то, что обѣдъ состоялся, и почти всѣ мужья за него заплатили.

Перейдемъ къ низшимъ классамъ. Паденіе Римской имперіи на первыхъ порахъ значительно облегчило ихъ участь. Анархія ослабила на время тяжелый гнетъ, падавшій на земледѣльческое сословіе. Германцы, хотя и имѣли рабовъ, однако смотрѣли на нихъ далеко не такъ, какъ Римляне. Рабъ у Германцевъ былъ не рабочимъ скотомъ, какъ у Римлянъ, а слугою, младшимъ членомъ семьи. Оттого, послѣ завоеванія римскихъ областей Германцами, рабы почти исчезаютъ и уступаютъ мѣсто крѣпостному сословію, во всякомъ случаѣ представляющему высшую ступень сравнительно съ рабствомъ.

Облегченіе было впрочемъ очень ненадолго. Безпрестанныя войны, вторженія Сарациновъ и Норманновъ во Францію и Италію, Венгровъ въ Германію, загоняли низшее сословіе къ стѣнамъ укрѣпленныхъ замковъ, и развивающійся феодализмъ своею тяжестью налегъ на него. Все земледѣльческое сословіе обратилось въ крѣпостныхъ, принадлежавшихъ или королямъ, или баронамъ, или епископамъ и монастырямъ. Положеніе крѣпостныхъ ухудшалось постепенно, пока не до-

ило до состоянія полной беззащитности и безправности. Крестьянинъ былъ прикрѣпленъ навѣки къ землѣ, для него не было спасенія даже въ бѣгствѣ, потому что обычное право того времени обращало въ крѣпостнаго всякаго, кто прожилъ на чужой землѣ извѣстное время, а своей земли у земледѣльческаго сословія не было. Тяжелыя повинности всякаго рода падали на низшее сословіе, и значительная часть ихъ была не только тяжела, но вмѣстѣ съ тѣмъ унизительна, оскорбительна. Ни въ домѣ, ни въ семьѣ крестьянина не было ничего завѣтнаго и святаго, чего бы не могла коснуться рука феодальнаго владѣльца. Не будемъ останавливаться на массѣ безнравственныхъ, возмущающихъ всякое человѣческое чувство привилегій феодальныхъ владѣльцевъ относительно подчиненнаго имъ крѣпостнаго населенія. Упомянемъ только о повинностяхъ относительно брака, и притомъ ограничимся однимъ упоминаніемъ, не говоря ни слова болѣе. Когда крѣпостной одного владѣльца женился на крѣпостной женщинѣ другаго, дѣти дѣлились поровну между владѣльцами. Крестьяне или впадали въ какое-то скотское, безчувственное состояніе, или же иногда искали выхода въ страшныхъ возстаніяхъ, каковы были возстанія pastoureaux, жакерія во Франціи, крестьянскія войны въ Германіи. Для женщинъ не было даже и такого выхода. Деревни, какъ я уже замѣчалъ, жались къ стѣнамъ феодальныхъ замковъ, а въ этихъ замкахъ жили толпы безсемейныхъ удальцовъ, составлявшихъ дружину барона и не меньше его съ презрѣніемъ смотрѣвшихъ на безправныхъ, беззащитныхъ виллановъ. Можно представить себѣ естественныя слѣдствія такого сосѣдства. Для крѣпостнаго сословія не было утѣшенія и въ религіи. Крѣпостное сословіе говорило или испорченнымъ латинскимъ языкомъ, изъ котораго образовались новѣйшіе романскіе языки, или же мѣстными нарѣчіями, не имѣвшими ничего общаго съ языкомъ латин-

скимъ. Между тѣмъ богослуженіе, чтеніе священныхъ книгъ и проповѣдь были на языкѣ латинскомъ, значитъ, какъ бы не существовали для простаго народа, тогда какъ только вѣра и могла бы сколько-нибудь поддержать его въ этой невыносимой жизни. Душа искала вѣрованій, а церковь оставалась мертва и безмолвна передъ этимъ немолчнымъ кликомъ души. Въ началѣ народъ еще пытался осмыслить непонятное ему богослуженіе пѣніемъ во время службы духовныхъ пѣсенъ на народномъ языкѣ, установленіемъ разныхъ религіозныхъ церемоній, правда, иногда чрезвычайно странныхъ, какъ, напримѣръ, процессія осла и т. п. Скоро все это было запрещено, и церковь совершенно замкнулась для простаго народа, стала для него чѣмъ-то совершенно непонятнымъ, не имѣющимъ смысла и значенія. Оставленный церковью, какъ бы забытый ею, если только дѣло не шло о сборѣ церковныхъ податей, простой народъ создалъ себѣ свой особый міръ религіозныхъ вѣрованій. Здѣсь сталкивались отрывки христіанскихъ вѣрованій съ темными остатками языческой старины, смѣшивались, переплетались, дополняли одни другіе. Все окружающее населилось цѣлымъ міромъ сверхъестественныхъ существъ, близко стоявшихъ къ человѣку, принимавшихъ въ немъ теплое участіе, жившихъ одною съ нимъ жизнью; самая хижина поселянина не только просѣщается, но и обитаема разными демоническими существами. Это frоll въ Швейцаріи, kobold, nix въ Германіи, follet, gobin, lutin во Франціи, puck, robin goud, robin goud fellow въ Англіи.

Замѣчательно, что въ XIII-мъ вѣкѣ, когда положеніе крѣпостныхъ достигло до ужаснаго положенія, доводившаго ихъ до отчаянія, въ ихъ вѣрованіяхъ пріобрѣтаетъ громадное значеніе сатана; до этого времени договоры съ дьяволомъ встрѣчаются очень рѣдко, послѣ о нихъ слышно на каждомъ шагу. Съ этого времени начинаются шабаши, куда тысячами схо-

дится народъ изъ окрестныхъ мѣстностей, гдѣ совершается пародія на обѣдню, гдѣ воздается поклоненіе злому духу, гдѣ ему молятся и приносятъ жертву. Съ этого же времени развивается колдовство и чернокнижіе, достигшія крайнихъ предѣловъ въ послѣдствіи, пріобрѣтшія власть и надъ высшими сословіями. И женщина играла во всемъ этомъ первую роль, заслоняя собою совершенно мущину. Одинъ изъ духовныхъ судей колдовства, Шпренгеръ (писавшій раньше 1500 года), замѣчаетъ: «Надобно говорить *ересь колдуній*, а не колдуновъ; послѣдніе мало значатъ.» Другой спеціалистъ въ этомъ дѣлѣ, жившій при Лудовикѣ XIII, выражается еще рѣзче: «На одного колдуна приходится 10.000 колдуній.» Съ XIII же вѣка начинается ожесточенное преслѣдованіе колдовства и чародѣйства. Фанатическіе, невѣжественные монахи, тупоумные, забитые схоластическою наукой ученые то-и-дѣло производятъ процессы надъ чернокнижіемъ и безжалостно жгутъ тѣхъ, на кого падаетъ подозрѣніе. Еслибы до насъ не дошли подлинные акты, еслибы мы не имѣли подъ руками руководствъ для производства подобныхъ процессовъ и горделивыхъ повѣствованій самихъ судей объ ихъ подвигахъ, было бы невозможно вѣрить возможности подобныхъ явленій. Не говоримъ уже объ Испаніи, классической странѣ костровъ инквизиціи. Въ Трирѣ сожигаютъ слишкомъ 7.000 колдуній и чародѣекъ, въ Тулузѣ также огромное число. Въ Женевѣ въ три мѣсяца 1513 года сожигаютъ 500 человѣкъ. Въ небольшихъ епископствахъ Вюрцбургѣ и Бамбергѣ, гдѣ верховная власть находилась въ рукахъ духовнаго лица, сожигаютъ въ первомъ почти заразъ 800 человѣкъ, во второмъ 1.500. Даже лѣта не спасаютъ отъ страшнаго наказанія: сожигаютъ, по обвиненію въ колдовствѣ, виновныхъ 11 лѣтъ, 15 и 17-ти лѣтъ. Одинъ изъ свѣтскихъ судей, осудившій во время своей судебной дѣятельности въ Лотарингіи болѣе 800 человѣкъ,

горделиво говоритъ: «Мой судъ былъ такъ хорошъ, что шестнадцать изъ захваченныхъ и представленныхъ къ суду не дожлались его и удавились». Лучшую рекомендацію справедливости и основательности суда трудно придумать, и показаніе пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе важности, что идетъ отъ самого судьи, пользовавшагося притомъ огромною репутаціей. А сколько тысячъ несчастныхъ погибло въ душныхъ тюрьмахъ, въ страшныхъ in pace! Всѣ эти мѣры, однако, не привели ни къ чему. Колдовство не прекратилось; скажемъ болѣе: колдунья, безпощадно преслѣдуемая, часто сожигаемая, только пріобрѣла большее значеніе, только выросла въ глазахъ народа. Между прочимъ, она сдѣлалась почти единственнымъ врачомъ не только простаго народа, но и высшихъ сословій. И это понятно. Медицина находилась въ рукахъ, если можно такъ выразиться, невѣжественныхъ ученыхъ. Медикъ не зналъ болѣзней внутреннихъ, потому что трупоразъятіе считалось величайшимъ грѣхомъ; онъ не зналъ, по той же причинѣ, и строенія человѣческаго тѣла. Чтобы произвести хирургическую операцію, нерѣдко обращались къ палачу. Колдуньи являлись поэтому опасными соперницами ученыхъ врачей: онѣ знали цѣлебную силу травъ. Знаменитый медикъ XVI столѣтія, Парацельсъ, сжегъ въ 1527 году всѣ свои медицинскія книги и объявилъ, что все, что онъ дѣйствительно знаетъ въ медицинѣ, онъ узналъ отъ колдуній.

Колдовство, чернокнижіе, продажа себя дьяволу и союзъ съ нимъ были только необходимыми слѣдствіями того отчаяннаго положенія, до котораго было доведено низшее, крѣпостное сословіе, и первую роль во всемъ этомъ, какъ мы уже сказали, играетъ женщина; подъ тяжестью гнета, подъ которымъ изнывало низшее сословіе, она или замирала въ рабствѣ, или же становилась злобною, страшною колдуньей. Но и въ эту мрачную эпоху тяжелой средневѣковой исторіи мы на-

ходимъ примѣры, когда изъ этого задавленнаго заботою и униженнаго крѣпостнаго сословія является женщина во всемъ обаяніи дѣвственной чистоты и прелести, и въ то же время съ могучею, несокрушимою силой, имѣвшею огромное вліяніе на всю жизнь современнаго общества, на самый ходъ историческихъ событій. Достаточно указать на Орлеанскую дѣву, эту крестьянку изъ Домъ-Реми, которою спасена Франція. *)

*) Статья о женщинѣ въ средніе вѣка на Западѣ составляла содержаніе трехъ публичныхъ лекцій, читанныхъ покойнымъ профессоромъ въ Моск. Академіи Коммерческихъ Наукъ. Она была напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1865 годъ. А. Т.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА XVIII ВѢКА.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

О

Н. И. НОВИКОВѢ.

Въ сборникѣ, издаваемомъ студентами Петербурскаго университета, помѣщено нѣсколько новыхъ подробностей о Н. И. Новиковѣ (вып. I, Библ. зам. по русск. лит.). Въ 19 № *Русскаго Вѣстника* напечатана статья М. Н. Лонгинова о дѣятельности Новикова и Шварца [1]), и на основаніи матеріяловъ, обнародованныхъ здѣсь въ первый разъ, представлены довольно полныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ образованіи, составѣ и средствахъ Дружескаго Общества и Типографической Компаніи. Присоединенныя къ отрывочнымъ извѣстіямъ, уже прежде помѣщеннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а также въ *Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, Словарѣ достопамятныхъ людей* Бантыша-Каменскаго и въ другихъ сочиненіяхъ, новыя статьи значительно облегчаютъ возможность современемъ представить полное изображеніе дѣйствій и значенія того круга людей, между которыми первое мѣсто занималъ Н. И. Новиковъ, и хотя немного приподнять покровъ таинственности, наброшенный на ихъ общество, какъ самими членами, такъ особенно временемъ и обстоятельствами. Разумѣется, для подобнаго изоб-

[1]) По поводу этой статьи Лонгинова и были написаны эти замѣчанія Ешевскаго о Новиковѣ, помѣщенныя въ *Русск. Вѣстн.* 1857 года, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ статьѣ *Новикова и Шварца*“. А Т.

раженія пока не пришла еще пора. Прежде всего чувствуется сильный недостатокъ въ матеріялахъ, въ данныхъ, которыя далеко еще не собраны и не приведены въ извѣстность. Много любопытныхъ подробностей могутъ открыться въ послѣдствіи; нѣкоторые документы неизвѣстны даже и тѣмъ изъ знатоковъ, кто съ особеннымъ вниманіемъ изучаетъ литературныя явленія XVIII вѣка; наконецъ, значительная часть уже имѣющихся подъ руками матеріяловъ не изслѣдована надлежащимъ образомъ. Г. Лонгиновъ, оканчивая свою интересную статью о Новиковѣ, имѣлъ полное право обратиться къ своимъ читателямъ съ слѣдующею просьбой: «они окажутъ услугу исторіи нашего просвѣщенія и нашей гражданственности, если, имѣя какіе бы то ни было документы, касающіеся Новикова и его общества, опубликуютъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Пора перестать изъ всего дѣлать тайну и губить мало-по-малу остатки преданій и актовъ, объясняющихъ намъ прошедшее». Пока по крайней мѣрѣ бо́льшая часть матеріяловъ, находящихся въ рукахъ частныхъ лицъ, которыя иногда не подозрѣваютъ всей ихъ важности, не будетъ приведена во всеобщее свѣдѣніе, до тѣхъ поръ нельзя оцѣнить литературнаго и практическаго вліянія Новиковскаго общества. Къ матеріяламъ такого рода принадлежатъ: 1) Самые документы, прямо или косвенно относящіеся къ Новикову и его товарищамъ, письма и т. п. 2) Свѣдѣнія о масонскихъ ложахъ въ обѣихъ столицахъ и во многихъ губернскихъ и даже уѣздныхъ городахъ. Тѣсная связь Новикова съ масонами не подлежитъ сомнѣнію, хотя начало ложъ многими годами предшествовало началу его литературной дѣятельности. Изъ записокъ Ивана Владиміровича Лопухина видно, что довольно задолго до преслѣдованій, обрушившихся на Новикова, въ Ярославлѣ существовала ложа подъ покровительствомъ губернатора Алексѣя Петровича Мельгунова. На печати, прикладывавшейся къ бу-

магамъ казанской ложи *Восходящаго солнца*, обозначено время ея основанія, 1776 годъ. Распространенію ложъ содѣйствовало много то, что правительство не считало ихъ противными общественному порядку. Лопухина очень удивилъ допросный пунктъ, предложенный кн. Прозоровскимъ: гдѣ собирались члены и зачѣмъ скрывались отъ полиціи? Собранія не только не были ни для кого тайной, но для праздничныхъ засѣданій сама полиція присылала команду, чтобы соблюдать порядокъ при разъѣздѣ. Свѣдѣній о провинціальныхъ ложахъ можно найти довольно много въ устныхъ преданіяхъ, не говоря уже о томъ, что часто встрѣчаются самыя бумаги ложъ, хотя преимущественно обрядоваго содержанія. 3) Библіографическія указанія о книгахъ, изданныхъ или непосредственно самимъ Дружескимъ Обществомъ и Типографическою Компаніей или подъ ихъ вліяніемъ. Правда, бо́льшая часть сочиненій приведена у Сопикова, но этого весьма недостаточно. Сопиковъ представляетъ одно заглавіе съ обозначеніемъ мѣста и времени печатанія, и только въ немногихъ случаяхъ дѣлаетъ извлеченіе изъ самыхъ книгъ (напримѣръ Духовный рыцарь). Важно отдѣлить книги, изданныя подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Новиковскаго общества отъ всѣхъ остальныхъ, сгруппировать первыя по родамъ, обозначить переводныя и оригинальныя, показать общее ихъ направленіе и взаимную связь, а также и происхожденіе замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ. Иногда простой и даже поверхностный пересмотръ можетъ повести къ довольно любопытнымъ объясненіямъ. Возьмемъ для примѣра одну изъ книгъ, отобранныхъ у Новикова въ 1786 году, которой заглавіе невѣрно приведено въ статьѣ г. Лонгинова: *Карманная книжка для В... К... и для тѣхъ, которые и не принадлежатъ къ числу оныхъ, съ присовокупленіемъ*: 1) *изъ высочайшей философіи для размышленія, и* 2) *поучительныхъ изреченій, раздѣленныхъ на три сте-*

нени. Въ Москвѣ, въ Университетской типографіи у Н. Новикова, 1783 года. Сравнимъ ее съ книгой, вышедшею изъ той же типографіи, три года спустя, именно въ самый годъ осмотра книжной лавки Новикова: *Книга премудрости и добродѣтели или состояніе человѣческой жизни. Индѣйское нравоученіе. Съ англійскаго на нѣмецкій, а съ нѣмецкаго на россійскій языкъ переведенное* В. П. (Василіемъ Подшиваловымъ). *Москва, въ Университетской типографіи у Н. Новикова,* 1786 года, 3 части, и—мы убѣдимся въ полномъ сходствѣ цѣлыхъ страницъ въ обѣихъ книгахъ. Достаточно сличить 72—76 страницы первой съ 35—37 первой части втораго сочиненія. Этимъ сближеніемъ объясняется способъ составленія *Карманной книжки.* У букинистовъ среди разнаго хлама попадается иногда маленькая брошюрка, всего въ 16 страницъ, подъ заглавіемъ: *Catéchisme moral pour les vrais F. M.* (Francs-Maçons). 5790. Это ничто иное, какъ переводъ масонскаго катихизиса, составленнаго И. В. Лопухинымъ и помѣщеннаго черезъ годъ (5791) въ оригиналѣ при его же сочиненіи *Духовный рыцарь, или ищущій премудрости.* Переводъ появился въ Россіи прежде оригинала. Лопухинъ напечаталъ его по французски въ типографіи компаніи, отдалъ знакомому книгопродавцу и выдалъ за новую книгу, полученную изъ чужихъ краевъ. Истина относительно происхожденія Catéchisme moral была извѣстна, по словамъ Лопухина, троимъ изъ его короткихъ друзей. Библіографическія замѣчанія могутъ представить нѣсколько указаній на судьбы различныхъ ложъ. Московское общество Новикова подвергалось стѣсненіямъ уже съ 1786 года. Въ апрѣлѣ 1792 г. Новиковъ былъ взятъ и отвезенъ въ Шлиссельбургъ, а князь Трубецкой, И. Тургеневъ и И. Лопухинъ были допрошены княземъ Прозоровскимъ по особеннымъ пунктамъ, присланъ-

нымъ изъ С.-Петербурга, и были наказаны ссылкой въ ихъ деревни. Между тѣмъ въ продолженіи этого времени нѣмецкія ложи въ самомъ Петербургѣ дѣйствуютъ свободно, по крайней мѣрѣ печатаютъ свои книги, выставляя открыто годъ и мѣсто печатанія. Такъ напечатаны: *Freymaurerlieder zum Gebrauch einiger g. u. v. Logen. St. Petersburg.* 1789. 48 стр. мал. форм., и *Freymaurerlieder zum Gebrauch der E. Loge Verschwiegenheit in St. Petersburg.* 1792. 96 стр. м. ф. Въ послѣднемъ сборникѣ, заключительная кантата оканчивается хоромъ въ честь императрицы:

Ertöne Freude in heil'gen Chören,
Ertöne laut voll Liebe und Dank!
Heil Dir, Catharina! die wir verehren,
Dein Ruhm sey unser Lobgesang.

Чрезвычайно важны указанія на провинціяльную литературу, находившуюся подъ вліяніемъ Новиковскаго общества. Собираніе матеріяловъ на самыхъ мѣстахъ тѣмъ болѣе необходимо, что у Сопикова, очевидно, не внесены въ каталогъ нѣкоторыя изъ провинціяльныхъ изданій, въ настоящее время еще болѣе рѣдкія, чѣмъ книги, конфискованныя въ 1786 году въ лавкѣ Новикова.

4) Кромѣ печатныхъ книгъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, существуетъ цѣлая рукописная литература, еще почти не тронутая изслѣдователями. Мистическія рукописи XVIII и начала XIX столѣтія исчезаютъ изъ оборота еще скорѣе, чѣмъ печатныя книги. Не обращая на себя вниманія любителей и торговцевъ памятниками древней русской письменности, мистическія сочиненія отталкиваютъ отъ себя странными названіями, мало-понятнымъ языкомъ, формулами, и безъ сожалѣнія истребляются владѣльцами. Между тѣмъ рукописная литература — необходимое основаніе печатной; въ первой очень

часто встрѣчаются произведенія, не успѣвшія или не могшія сдѣлаться достояніемъ послѣдней, и въ томъ числѣ нѣкоторыя весьма любопытныя. Не говоримъ о переписываніи уже съ печатнаго или о такихъ рукописяхъ, какъ *Гермеса Трисмегиста познаніе естества и открывающагося въ немъ великаго Бога, въ 17 книгахъ содержащееся* и проч; *сочинено Алевофиломъ*, или: *Совершенное понятіе о Гермесовой философіи, или сокращеніе умозрительности и дѣятельности камня философскаго* и т. д. Гораздо важнѣе переводы и извлеченія изъ нѣмецкихъ и англійскихъ мистиковъ и теософовъ. Болѣе всего встрѣчаются переводы изъ Якова Бема, его комментатора Пордеджа (Pordage), изъ Тайлера. Въ рукописныхъ же сборникахъ попадаются нерѣдко пѣсни, пѣвшіяся въ собраніяхъ мистиковъ, стихотворенія, а также и сочиненія такого рода, какъ *Матеріялы для каменьщиковъ*. (*Введеніе. Часть I. Орденъ. Что онъ былъ? что есть? что быть можетъ? Часть II. Работа надъ дикимъ камнемъ. Часть III. Успокоеніе.*) Полный обзоръ рукописной и печатной литературы мистическаго содержанія необходимъ для составленія сколько нибудь яснаго понятія о характерѣ дѣятельности и средствъ Новиковскаго общества, и г. Лонгиновъ, обращаясь къ читателямъ съ просьбой о доставленіи матеріяловъ, кажется, напрасно не обозначилъ точнѣе, какого рода матеріялы онъ желалъ бы имѣть въ рукахъ. Разумѣется, всего приличнѣе было бы помѣщать библіографическія указанія, по необходимости отрывочныя, въ особомъ сборникѣ или журналѣ русской библіографіи, котораго недостатокъ начинаетъ сильно чувствоваться въ наше время 1).

1) Библіографическіе поиски могутъ повести къ открытію новыхъ литературныхъ данныхъ. Не знаю, извѣстенъ ли библіографамъ слѣдующій сборникъ, относящійся впрочемъ уже къ позднѣйшему времени. *Нутинез*

Статья г. Лонгинова «Новиковъ и Шварцъ» представляетъ очень много интереса по новымъ свѣдѣніямъ, въ ней заключающимся. Къ сожалѣнію, авторъ не воспользовался нѣкоторыми матеріялами, и оттого въ его сочиненіи замѣтна неполнота и встрѣчаются нѣкоторыя недоразумѣнія. Въ началѣ статьи онъ говоритъ, что рѣшился сгруппировать имѣющіеся у него неизданные документы съ публикованными уже матеріялами, и что потому въ предлагаемой статьѣ найдется много такого, что́ уже было напечатано. (Р. В. № 19. стр. 540.) Авторъ надѣется, что такая перепечатка не будетъ излишнею. Разумѣется нѣтъ; но онъ воспользовался не всѣмъ, что́ было на-

---

et cantiques pour la R. ☐ *des Amis Réunis à l'O. de St.-Pétersbourg à Jérusalem l'an 5810* (1810) *de L. V. L.* Съ нотами, 56 стран. Здѣсь мы находимъ три французскія пѣсни брата Пушкина. Приведемъ ихъ.

№ 1. Paroles du F.·. Pouschkin. Musique du F.·. Boieldieu.

Amitié sain'e et fraternelle,
Présent des Cieux (Dieux), viens nous unir,
Oui, pour toi le maçon fidèle
Chérit la vie et sait mourir.

Dans cet azile du vrai bonheur,
Séjour tranquil de la candeur,
De l'indigence séchons les p'eurs,
La bienfaisance touche les coeurs.
C'est l'imposture qu'il faut haïr,
L'amitié pure est plaisir.

№ 3. Paroles du F.·. Pouschkin Musique du F.·. Cavos.

Servir, adorer sa Patrie,
C'est devoir d'un bon maçon,
Sans la vertu, sans la raison
Pour lui nul plaisir dans la vie.

Zéle ardènt pour son souverain,
Son bienfaiteur, son père tendre,
Lui fait répéter ce refrain:
Vive à jamais, vive Alexandre.

печатано. Такъ, говоря объ отношеніяхъ Новикова къ Карамзину, онъ могъ бы представить хотя извлеченія изъ двухъ писемъ Новикова къ знаменитому исторіографу, тѣмъ болѣе, что въ этихъ письмахъ довольно ясно выражается взглядъ Новикова на нѣкоторые предметы, между прочимъ на современные успѣхи наукъ математическихъ и естественныхъ. Г. Лонгиновъ ограничился однимъ упоминаніемъ о существованіи переписки. Для полнаго знакомства съ отношеніями Н. И. Новикова къ Карамзину чрезвычайно важенъ еще одинъ документъ. Въ немъ заключаются и нѣкоторыя объясненія о дѣйствіяхъ Новиковскаго общества и о главнѣйшихъ противъ него обвиненіяхъ. Эти объясненія совершенно согласны съ разска-

---

De notre maitre Vénérable
Nous suivons les doctes leçons;
Dans ses discours, dans ses chansons
La sagesse parait aimable.

Zèle ardent pour son souverain
Régne toujours dans son coeur,
Heureux, il chante son refrain:
Vive à jamais, vive Alexandre.

L'on dit souvent qu'on ne voit guères
Dans ce siècle de vrais amis.
Parmi nous lorsqu'on est admis,
Le coeur est bien sûr du contraire.

Gloire à jamais au souverain
Pour le bien qu'il aime à répandre.
Chantons toujours notre refrain:
Vivons, mourons pour Alexandre.

Третье стихотвореніе брата Пушкина составляетъ заключеніе № 2. Paroles du F.·. Dalmas, musique du F.·. Cavos. Это pour la santé du V.·.

De cette loge respectable
Où la vertu fait son séjour,
Vive à jamais le Vénérable.
Il a des droits à notre amour.

зомъ друга Новикова, И. В. Лопухина. Мы говоримъ о запискѣ, составленной Н. М. Карамзинымъ 20 дек. 1818 года для того, чтобы напомнить о печальномъ состояніи семейства Новикова. Приведемъ ее вполнѣ для тѣхъ, кому она еще неизвѣстна.

«Г. Новиковъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ своимъ отличнымъ авторскимъ дарованіемъ: безъ воспитанія, безъ ученія, писалъ остроумно, пріятно и съ цѣлію нравственною; издалъ многія полезныя творенія, напр. *Древнюю Россійскую Вивліоѳику, Дѣтское Чтеніе*, разныя экономическія, учебныя книги. Екатерина II одобряла труды Новикова, и въ журналѣ его (*Живописецъ*) напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера ея. Около 1785 г. онъ вошелъ въ связь по масонству съ берлинскими теософами и сдѣлался въ Москвѣ начальникомъ такъ-называемыхъ *мартинистовъ*, которые были (или суть) ничто иное, какъ *христіанскіе мистики*: толковали природу и человѣка, искали таинственнаго смысла въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, хвалились древними преданіями, унижали школьную мудрость и пр., но требовали истинныхъ христіянскихъ добродѣтелей отъ учениковъ своихъ, не вмѣшивались въ политику и ставили въ законъ вѣрность къ государю. Ихъ общество подъ именемъ *масонства* распространилось не только въ двухъ столицахъ, но и въ губерніяхъ; открывались *ложи*; выходили книги масонскія, мистическія, исполненныя загад-

---

Parmi nous dans ce jour prospère
Tout bon maçon doit être admis
Et que chacun dise à son frère:
Vivent les amis réunis.

F. Pouschkin одно ли лицо съ В. Л. Пушкинымъ, котораго французское стихотвореніе недавно помѣщено въ «Сборникѣ» петербургскихъ студентовъ, предоставляемъ рѣшить библіографамъ.

ками. Въ то же время Новиковъ и друзья его на свое иждивеніе воспитывали бѣдныхъ молодыхъ людей, учили ихъ въ школахъ, въ университетахъ, вообще употребляли не малыя суммы на благотвореніе.

«Императрица, опасаясь вредныхъ тайныхъ замысловъ его общества, видѣла его успѣхи съ неудовольствіемъ: сперва только шутила надъ заблужденіемъ умовъ и писала комедіи, чтобъ осмѣивать оное, послѣ запретила *ложи*, но зная, что масоны не перестаютъ *работать*, тайно собираются въ домахъ, проповѣдуютъ, обращаютъ, внутренно досадовала и велѣла московскому градоначальнику наблюдать за ними. Три обстоятельства умножили ея подозрѣніе:

«1) Одинъ изъ мартинистовъ или теософическихъ мистиковъ, славный архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ С. Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ тогдашнимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ его добромъ о нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что масоны или мартинисты желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя.

«2) Новиковъ, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ. Удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову г. Походяшинъ, масонъ, который имѣлъ тысячъ шестьдесятъ дохода и, по любви къ благодѣяніямъ, въ сей годъ разорился.

«3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими теософами, хотя и не политическую, въ то время, когда нашъ дворъ былъ въ явной непріязни съ берлинскимъ.

«Сіи случаи, французская революція и излишнія опасенія московскаго градоначальника рѣшили судьбу Новикова. Его взяли въ Тайную Канцелярію, допрашивали и заключили въ Шлюссельбургской крѣпости, не уличеннаго дѣйствительно ни въ какомъ государственномъ преступленіи, но сильно по-

дозрѣваемаго въ намѣреніяхъ, вредныхъ для благоустройства гражданскихъ обществъ. Главное имѣніе Новикова состояло въ книгахъ: ихъ конфисковали и большую часть сожгли (то-есть всѣ мистическія).

«Были тайные допросы и другимъ главнымъ московскимъ мистикамъ; двухъ изъ нихъ сослали въ ихъ деревни, третьяго (И. В. Лопухина), который отвѣчалъ смѣлѣе своихъ товарищей, оставили въ Москвѣ на свободѣ. Императоръ Павелъ въ самый первый день своего восшествія на престолъ освободилъ Новикова, сидѣвшаго около 4-хъ лѣтъ въ душной темницѣ, призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ, обѣщалъ ему свою милость, какъ невинному страдальцу, и приказалъ возвратить конфискованное имѣніе, то-есть остальныя, несожженныя книги.

«Заключимъ: Новиковъ, какъ гражданинъ, полезною своею дѣятельностію заслуживалъ общественную признательность; Новиковъ, какъ теософическій мечтатель, по крайней мѣрѣ не заслуживалъ темницы: онъ былъ жертвою подозрѣнія, извинительнаго, но несправедливаго. Бѣдность и несчастіе его дѣтей подаютъ случай государю милосердому вознаградить въ нихъ усопшаго страдальца, который уже не можетъ принести ему благодарности въ здѣшнемъ свѣтѣ, но можетъ принести ее Всевышнему. С. Петербургъ. 10-го декабря 1818 года.»

Разсказъ И. В. Лопухина съ нѣкоторыми измѣненіями вполнѣ подтверждаетъ записку Н. М. Карамзина. Всѣхъ вопросовъ, предложенныхъ Лопухину кн. Прозоровскимъ, было 18. Вотъ что говоритъ онъ объ нихъ: «Во всѣхъ вопросахъ важнѣйшее было... о связяхъ съ оною ближайшею къ престолу особою и еще поважнѣе два пункта: 1) Для чего общество наше было въ связи съ герцогомъ брауншвейгскимъ, и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка? 2) Для чего имѣли мы сношенія съ берлинскими членами подобнаго общества, въ

то время, когда мы знали, что между россійскимъ и прусскимъ дворами была холодность.» «Прочіе вопросы сочинены были... только для расширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ.» Отвѣта своего на первый вопросъ Лопухинъ не приводитъ, говоря только слѣдующее: «Написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе конечно участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы.» Объ отношеніяхъ къ герцогу брауншвейгскому Лопухинъ отозвался: «что оныя ни въ чемъ иномъ состояли, какъ въ церемоніяльныхъ къ нему отзывахъ, по обрядамъ извѣстнаго масонства, въ коемъ былъ онъ тогда Титулярнымъ начальникомъ нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ; а что̀ касается до содержанія переписки съ нимъ, то я объ ней только то помню, что нечего помнить.» На 3-й вопросъ отвѣтъ былъ тотъ, что въ перепискѣ съ берлинскими членами никогда не было ни слова о политикѣ и что самая переписка была прекращена при извѣстіи о холодности между русскимъ и прусскимъ дворами.

Знакомство съ записками Н. В. Лопухина было бы полезно г. Лонгинову для повѣрки извѣстій, полученныхъ имъ изъ другихъ источниковъ. Такъ на стр. 572, основываясь на словарѣ Бантыша-Каменскаго, г. Лонгиновъ разсказываетъ, что Новикова послѣ ареста въ Москвѣ *привезли въ Петербургъ, и черезъ три недѣли онъ былъ на пятнадцать лѣтъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.* Лопухинъ говоритъ иное: «Новиковъ содержался *недѣли три въ Москвѣ*, и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлюссельбургъ. Его везли на Ярославль и на Тихвинъ. Приставу отъ ин. Прозоровскаго предписано было съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому-де, что въ немъ была нѣкогда

масонская ложа и подъ покровительствомъ бывшаго тамъ генералъ-губернатора, Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго тогда и съ ложею уже нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ не было. Я описываю подробности сіи для того, чтобы представить, какъ дѣйствовали. Можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались. *Въ Петербургѣ Новиковъ ни на часъ привезенъ не былъ*, а извѣстный Шишковскій ѣздилъ допрашивать его въ Шлюссельбургъ».

Вообще изъ записокъ Лопухина можно извлечь многое для объясненія дѣятельности Новиковскаго общества, а главное познакомиться съ направленіемъ и духомъ его членовъ, между которыми авторъ *Записокъ* занималъ видное мѣсто. Основательная біографія Ивана Владиміровича Лопухина была бы важнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи русской гражданственности.

Говоря объ основаніи Дружескаго ученаго общества, г. Лонгиновъ нѣсколько разъ упоминаетъ о Петрѣ Алексѣевичѣ Татищевѣ. Представимъ одно дополнительное свѣдѣніе. Въ 1785 въ Дессау вышла книга съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Freymaurer-Bibliothek; drittes Stück, Dessau, 1785. Auf Kosten der Verlagskasse für Gelehrte und Künstler, und zu finden in der Buchhandlung der Gelehrten*; 256 нумеровъ и 16 нумер. страницъ. Она посвящена *Dem Hochwohlgebornen Herrn Peter Alexewitsch von Tatischtschev, Obermeister der Loge zu den drey Fahnen in Moskau*. Одно изъ безчисленныхъ произведеній тогдашней мистико-масонской литературы, книга эта мало можетъ интересовать насъ своимъ содержаніемъ. Замѣтимъ только, что во II отдѣленіи ея помѣщено Beschreibung eines mystischen Gemäldes aus dem Sophienkloster in Kiew. S. 61—64. Для насъ важно только посвященіе ея Татищеву, открывающее его положеніе въ масонскомъ московскомъ обществѣ и

нѣсколько строкъ отъ издателя въ этомъ посвященіи, написанныхъ въ Берлинѣ 1 декабря 1784 г. Эти строки касаются Новиковскаго общества и показываютъ его сношенія съ берлинскими масонами.

Приводимъ ихъ въ подлинникѣ: «Sie, hochgeschätzter *Ordensbruder*, haben mit ausgezeichneten Beeiferungen im November 1782 die Stiftung einer Gesellschaft gelehrter Freunde in Moskau befördert, deren edle Absicht auf Verfeinerung der Sitten und Ausbreituug der Wissenschaften gerichtet ist. Dies verkündiget das mir mitgetheilte damalige Einladungs-Programm. Müssige Stunden auf eine lehrreiche und angenehme Art anzuwenden, wovon Scipio der Afrikanische ein Muster darstellt; Männer und Freunde, verschieden an Alter, an Lebensart, an Geschäften und Glücksgütern, gemeinschaftlich zum allgemeinen Wohl zu verbinden; unentwickelte Naturtalente anzufeuern; Kenntnisse in den Alterthümern, in der Natur, die den klugen, nicht selbstsüchtigen Forschern so viele verborgene Schätze aufschliesst, zu erweitern; in besondern philologischen Pflanzschulen für den Unterhalt und Unterricht hülfloser Jünglinge zu sorgen; daraus künftige Nationallehrer zu ziehen; und zu solchem Zweck sie sur Gottesfurcht und Nächstenliebe zeitig zu bilden, überhaupt aber den Geist des Vaterlandes nach und nach durch wohlgewählte Lehrbücher aufzuklären; wer kann hier die Vortrefflichkeit und Gemeinnützlichkeit solchen Instituts verkennen! Der fruchtbare Segen müsse dreyfach auf diesen Wohlthäten der Menschen ruhen, und mancher deutsche Staat, der weit mindere Hindernisse zu überwinden, und weit mehrere Vorbereitungsmitteln in Händen hat, möge daran ein Beyspiel zur Nachahmung nehmen.

«Aus Gesellschaften dieser Art, worin mit aufrichtiger, unverlarvter Theilnehmung die jüngern Mitglieder aus den Lehren und Erfahrungen der ältern ihren Lebenswandel formen können, und wo nicht bloss der Gelehrte, sondern auch der rechtschaffene Weltbürger spricht; aus solchen, sag'ich, können auch für den Orden thätige Menschenfreunde hervorkeimen. Diese Zöglinge der Weisheit schwören einst zu seiner Gesetzesfahne, und waffnen sich wider die Anfälle des Unglaubens» [1]).

---

[1]) Высокоуважаемый братъ по ордену! Вы съ такою замѣчательною ревностію содѣйствовали въ ноябрѣ 1782 года основанію въ Москвѣ общества ученыхъ друзей, имѣющаго своею высокою цѣлію облагороженіе нравовъ и распространеніе знаній. Я узналъ объ этомъ изъ пригласительной программы, написанной по сему случаю, которая сообщена также мнѣ. Если (какъ говоритъ программа) цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы найти пріятное и поучительное занятіе для праздныхъ часовъ, по образцу, показанному Сципіономъ Аѳриканскимъ; соединить ради общей пользы въ одинъ союзъ людей, обыкновенно раздѣленныхъ возрастами, образомъ жизни, различными занятіями и самыми средствами для жизни; не давать заглохнуть природнымъ дарованіямъ, но поощрять ихъ къ дѣятельности, къ знакомству съ древностями, съ природою, хранящей въ нѣдрахъ своихъ такъ много сокровищъ для всякаго благоразумнаго изслѣдователя, который приступаетъ къ ней съ чистою мыслію; для безпріютныхъ молодыхъ людей завести особыя филологическія семинаріи, гдѣ бы они, сверхъ образованія, могли получить и самое содержаніе, и имѣя цѣлію приготовить изъ нихъ будущихъ воспитателей народа, заранѣе направить ихъ умы къ общеполезной дѣятельности и воспитывать въ сердцахъ ихъ любовь къ Богу и ближнему; наконецъ, вообще способствовать, посредствомъ хорошаго выбора книгъ для чтенія, просвѣщенію народнаго духа въ своемъ отечествѣ: кто въ такомъ случаѣ станетъ отрицать превосходство и общеполезность подобнаго учрежденія! Благословеніе небесъ да низойдетъ тринды на этихъ благодѣтелей человѣчества, и пусть они послушатъ примѣромъ для многихъ нѣмецкихъ государствъ, которымъ предстоитъ гораздо меньше препятствій для той же самой цѣли, между тѣмъ какъ они располагаютъ несравненно большимъ количествомъ приготовительныхъ средствъ для ея достиженія.—Подобныя общества, гдѣ молодые сочлены,

Мы знаемъ, въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ, предметы, на которые устремлялась внѣшняя дѣятельность Новиковскаго общества. Это была: частная благотворительность, устройство больницъ, аптекъ, заведеніе школъ и типографій, изданіе и распространеніе учебниковъ и книгъ духовнаго содержанія, покровительство литературнымъ трудамъ, образованіе наставниковъ и т. п. Гораздо труднѣе составить себѣ ясное понятіе о самой основѣ, изъ которой вытекла благотворительная дѣятельность общества, то-есть о сущности философскихъ и нравственно-религіозныхъ убѣжденій, во имя которыхъ соединялись и дѣйствовали его члены. Были ли это тѣ же самыя убѣжденія и вѣрованія, какія мы находимъ у западноевропейскихъ, преимущественно германскихъ обществъ, съ которыми находилось въ частыхъ сношеніяхъ московское, или оно, заимствуя внѣшнюю оболочку мысли и часто самую мысль отъ западныхъ собратій, расходилось однакоже въ нѣкоторыхъ пунктахъ? Рѣшить этотъ вопросъ при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній невозможно. Трудно даже въ общихъ чертахъ обозначить догму мистическихъ убѣжденій московскаго и другихъ русскихъ обществъ. Справедливо замѣчаетъ г. Лонгиновъ (стр. 570), что подозрѣніями правительство много способствовало «существованію какой-то тайны иносказаній, облекавшихъ, по самому ихъ основанію и существу, ученіе и труды мистиковъ и теософовъ. Кромѣ того должно сказать, что далеко не всѣ масонскія ложи остава-

---

отъ которыхъ требуется лишь добровольное, искреннее участіе въ нихъ, нечувствительно запасаются правилами на цѣлую жизнь, пользуясь только уроками и опытами старшихъ, и гдѣ не только ученый, но и всякій благонамѣренный человѣкъ имѣетъ право возвысить свой голосъ, такія общества, говорю я, могутъ образовать дѣятельныхъ споспѣшниковъ, въ качествѣ друзей человѣчества, и для самаго ордена. Современемъ эти питомцы мудрости такіе присягнутъ знамени орденскихъ законовъ и возстанутъ противъ невѣрія!

лись вѣрны своему первоначальному направленію. Пустое любопытство и мода завлекли въ европейскія ложи множество людей, діаметрально противоположныхъ религіозному и нравственному направленію братства; когда число такихъ посвященныхъ увеличилось, то конечно направленіе многихъ ложъ было извращено, и хотя онѣ не признавались за истинныя людьми, которые остались вѣрны своимъ началамъ, хотя въ испорченныхъ ложахъ были члены, едва познакомившіеся съ ученіемъ, но члены эти возвѣщали себя безъ всякаго права истинными масонами, подавая собою примѣры, невыгодные для этого учрежденія въ глазахъ людей, незнакомыхъ близко съ дѣломъ».

Этою оболочкой тайны и иносказаній объясняются странныя и несправедливыя обвиненія, сыпавшіяся на общество и въ западной Европѣ, и у насъ. Насмѣшки, которыми преслѣдовала масоновъ Екатерина II и въ разговорахъ, и въ особо для этой цѣли написанныхъ сочиненіяхъ, весьма понятны. Ея по-преимуществу разсудочному уму свойственнѣе было скорѣе увлечься ученіями энциклопедистовъ, нежели неопредѣленными, таинственными стремленіями мистиковъ. Но если и она не могла или не хотѣла отдѣлить высоко-нравственныхъ тенденцій Новикова съ товарищами отъ ихъ теософскихъ и мистическихъ мечтаній и отъ странныхъ обрядовыхъ формъ, то въ глазахъ полуобразованнаго или совершенно необразованнаго большинства внѣшняя обстановка и странные обряды масонскихъ ложъ получали нелѣпое и ненавистное толкованіе и подавали поводъ къ самымъ несправедливымъ обвиненіямъ. Самые дикіе слухи принимались иногда съ полной довѣрчивостію. Полный сводъ такихъ обвиненій представляется въ длинномъ стихотвореніи: *Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ*. Приведемъ нѣсколько отрывковъ:

Проявились недавно въ Руссіи франкъ-масоны
И творятъ почти явно демонски законы,
Нудятся коварно плесть различны манеры,
Чтобъ къ антихристу привесть отъ Христовы вѣры.

Вотъ обряды принятія въ общество:

Къ начальнику своего общества привозятъ,
Потомъ въ темны отъ него покои завозятъ,
Гдѣ хотяй въ сей сектѣ быть терпитъ разны страсти,
Отъ которыхъ, говорятъ, есть не безъ напасти.
Выбѣгаютъ отвсюду, рвутъ тѣло щипцами,
Дробятъ его всѣ уды шпаги и ножами.
Встаютъ мертвы изъ гробовъ, зубами скрежещутъ,
Мурины, видя сей ловъ, всѣ руками плещутъ.
А изъ сего собору въ яму весьма темну
Приводятъ ихъ, въ камору ужь подземну,
Гдѣ солнечнаго свѣта не видно ни мало;
Вся трауромъ одѣта, какъ мертвымъ пристало.
Тамъ свѣчи зажженныя страха умножаютъ,
Въ гробѣ положенныя кости представляютъ.
Встая изъ гроба, кости берутъ ножъ рукою
И стаканъ полонъ злости пріемлютъ другою,
Проколовъ сердце, мертвецъ стаканъ представляетъ,
Наполня кровью, какъ жрецъ до дна выпиваетъ,

и проч. въ этомъ же родѣ. Описавши испытанія, которымъ подвергался желавшій поступить въ общество, авторъ опредѣляетъ и самое значеніе франкъ-масона.

Что же значитъ такое масонъ по-французски?
Не иное что другое, вольный каменьщикъ по-русски.
Каменьщикомъ зваться вамъ масоны прилично;
Вы беззаконія храмъ мазали отлично,
Любодѣйства Вавилонъ, градъ всякія скверны,
Въ коемъ антихристу тронъ, яко рабы вѣрны,
Устроете и въ немъ берете надежду
Всякія утѣхи въ немъ получить одежду.

Затѣмъ, описавъ собранія и пиры масоновъ, въ которыхъ уча-

ствуютъ мущины и дамы, и которые оканчиваются гнусною оргіей, авторъ грозитъ беззаконникамъ казнію въ вѣчности:

Православныхъ христіанъ мнити всѣхъ прельстити,
Чрезъ коварство поймавъ, въ бѣсу уловити,
Не возможетъ колико обрѣстися вами,
Идите, мѣсто пространно наполните сами.
Хорошее мѣсто тамъ, и первыя ложи
Отведены будутъ вамъ, о масонскія рожи.
Играйте комедію теперь пока живы,
Играть вамъ трагедію вѣчно несчастливы...

Въ заключеніе авторъ указываетъ на невозможность или крайнюю опасность выхода изъ масонства. Въ обществѣ остается портретъ каждаго члена, и черезъ него отступникъ подвергается неизбѣжной гибели:

Многіе тому примѣры, говорятъ, бывали,
Которые отъ сея вѣры отстать помелали,
Но изъ оныхъ никого въ живыхъ нѣтъ на свѣтѣ;
Вить стоитъ смерть въ его живомъ портретѣ,
Который лишь поранитъ пулей изъ пистолета,
Въ тотъ часъ увянетъ и лишится свѣта.

Это стихотвореніе относится къ самому первому появленію у насъ масонскихъ ложъ, точно такъ же, какъ и другое сатирическое, подъ заглавіемъ: *Псалма на обличеніе франкъ-масоновъ*, начинающееся такъ:

Полны лжи ваши законы
Оказались, франкъ-масоны;
Въ томъ тайность ваша есть
Счетъ шестьсотъ шестьдесятъ шесть; и т. д.

Въ сборникѣ, изъ котораго заимствованы эти оба стихотворенія, непосредственно за окончаніемъ втораго, тою же рукой сдѣлана замѣтка, что они переписаны 12 ноября 1765 г. съ присланнаго отъ полковника Тобольскаго пѣхотнаго полка,

Григорія Андр. Безпалова. Слѣдовательно это было за 9 лѣтъ до принятія Н. Новикова въ Великую Провинціяльную Ложу или въ Общество Елагинской системы.

Должно сознаться, что не только обрядовая внѣшность собраній, но и самая форма изложенія мистическихъ ученій подавали поводъ къ подозрѣніямъ и толкованіямъ всякаго рода. Во многихъ сочиненіяхъ, выходившихъ подъ покровительствомъ Новиковскаго общества, мистическія формулы совершенно почти скрываютъ мысль сочинителей, дѣлаютъ ее какою-то неразрѣшимою загадкой. Мы можемъ отчасти понимать нравственное направленіе, но самое ученіе догмы остается до сихъ поръ очень неопредѣленнымъ. Г. Лонгиновъ указываетъ на сочиненіе Лопухина: *Духовный Рыцарь, или ищущій премудрости.* «Изъ него, говоритъ онъ, можно заключить, что ученіе Новикова и его друзей, хотя и сохранило многое изъ обрядовъ и основаній масонства и мартинизма, но отдѣлило отъ себя все то, что̀ унижало и извращало это ученіе въ обыкновенныхъ ложахъ» (стр. 582). Выводъ, можетъ-быть, вѣренъ, но указаніе, смѣемъ думать, произвольно. Въ *Духовномъ Рыцарѣ* менѣе, чѣмъ во многихъ другихъ сочиненіяхъ, выходившихъ изъ типографій Новиковскаго общества, можно видѣть характеристическія особенности его ученія. Несравненно болѣе данныхъ для опредѣленія направленія и духа ученія представляютъ, напримѣръ, уже одни письма Новикова къ Карамзину. *Духовный Рыцарь* написанъ Лопухинымъ, по его словамъ, для того, чтобы представить главные пункты *герметической* науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка, и начала самопознанія и глубокой морали. Должно сознаться, это изложеніе герметической науки немного прибавляетъ къ нашимъ о ней свѣдѣніямъ. Изъ него видно только, что общество, органомъ котораго былъ въ этомъ случаѣ Лопухинъ, вполнѣ раздѣляло теософическія и ее-

ургическія мечтанія западныхъ мистиковъ. Несравненно важнѣе общія правила, которыя долженъ подписать и клятвенно обѣщаться исполнять каждый *Духовный Рыцарь* при своемъ поступленіи. Вотъ они:

«1) Примѣрное упражненіе въ страхѣ Божіемъ и тщательное исполненіе заповѣдей евангельскихъ.

«2) Непоколебимая вѣрность и покорность къ своему государю, съ особливою обязанностію охранять престолъ его, не только по долгу общей вѣрноподданнымъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства; и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу властей державныхъ.

«3) Рачительное и вѣрное исполненіе уставовъ и обрядовъ своея религіи. NB. Изъ христіанскихъ токмо религій могутъ быть приняты въ *общество рыцарей, ищущихъ премудрости.*

«4)Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ правительствѣ начальствамъ и примѣрное наблюденіе законовъ государственныхъ.

«5) Совокупными силами и каждому особо, сколько можно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности равенства; и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми.

«6) Стараться вообще распространять благонравіе и дѣлами, и словами, и произведеніями разума, по силамъ и способностямъ своимъ.

«7) Еслибы при всей благонаиѣренности учрежденія *рыцарей, ищущихъ премудрости,* верховной монаршей волѣ по какимъ-либо причинамъ заблагоразсудилось запретить ихъ со-

бранія, то повиноваться оному повелѣнію безропотно и безъ малѣйшаго нарушенія его.» (*Дух. Рыц.* стр. 3 и 4.)

Извѣстенъ поводъ къ составленію катихизиса, приложеннаго къ *Духовному Рыцарю*. Желаніе защитить себя отъ различныхъ обвиненій, показать нравственную чистоту ученія и оградить отъ упрековъ въ совершенномъ согласіи со всѣми обществами, прикрывавшимися однимъ и тѣмъ же именемъ масоновъ, было постоянною заботой Новиковскаго общества. *Катихизисъ* былъ однимъ изъ средствъ, ведущихъ къ этой цѣли. Но онъ слишкомъ кратокъ, мораль его слишкомъ обща, и изъ него еще нельзя составить себѣ отчетливаго понятія о самой сущности убѣжденій друзей Новикова. Несравненно полнѣе раскрывается она въ другихъ переводныхъ или оригинальныхъ сочиненіяхъ, распространявшихся членами Типографической Компаніи. Изъ первыхъ укажемъ, какъ на особенно важныя, на *Пастырское посланіе къ истиннымъ и справедливымъ свободнымъ каменьщикамъ древней системы*... Оно было, кажется, напечатано въ 90 годахъ, хотя мы и не могли отыскать его у Сопикова. Въ рукописяхъ же появляется уже съ 1785 года. Изъ оригинальныхъ укажемъ на сочиненіе Лопухина: *Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели, съ присовокупленіемъ краткаго изображенія качествъ и должностей истиннаго христіанина. Спб. 1798* (второе изданіе: Спб. 1802, перев. на французскій, латинскій и нѣмецкій языки). Не имѣя подъ руками печатнаго изданія, приведемъ нѣкоторыя мѣста по рукописи, принадлежавшей одному изъ друзей Новикова.

Въ IV статьѣ: *о церкви антихристовой*, Лопухинъ указываетъ на ея главнѣйшихъ членовъ. Сюда принадлежатъ «духовные сластолюбцы, прилежащіе къ тайнымъ наукамъ

не по любви къ истинѣ, не для удовлетворенія самолюбію своему, въ число которыхъ должно полагать любопытствомъ, корыстію и себялюбіемъ прилѣпленныхъ къ познаніямъ, къ златодѣланію и къ продолженію грѣховной своей жизни, къ упражненіямъ въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи, тайной медицины, и въ магнетизмѣ оном, который можетъ учиниться лучшимъ разсадникомъ и приготовленіемъ для какомагіи. Изъ числа духовныхъ сихъ сластолюбцевъ также бываютъ учредители сектъ, основанныхъ на ложномъ свѣтѣ естественнаго разума и бродящихъ по буквамъ, имѣющимъ видъ таинственности, подобно явившейся недавно въ Англіи подъ именемъ новой церкви іерусалимской. Также отъ сего ядовитаго корня произошли многія вѣтви ложнаго масонства». Вооружаясь противъ упражненій въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи и т. п., Лопухинъ и его товарищи не думали однакоже отказываться отъ занятія этими науками; они лишь воображали, что упражняются не въ буквахъ только, но въ самой сущности. Въ этомъ же сочиненіи Лопухинъ придаетъ огромное значеніе *истинной* химіи для высшаго просвѣтленія человѣка. Какъ мало впрочемъ могла эта химія имѣть притязаній на званіе *истинной*, это ясно для каждаго, прочитавшаго хотя одно изъ мистическихъ сочиненій, выходившихъ изъ типографій Общества, или письма Новикова къ Карамзину. Химія и вообще познаніе природы у мистиковъ не имѣли ничего общаго съ современнымъ состояніемъ наукъ естественныхъ и были чужды всякимъ строго научнымъ основаніямъ.

Въ V статьѣ: *о знакахъ истиннаго ордена церкви Божіей и истинныхъ членовъ главы ихъ Іисуса Христа*, Лопухинъ, пересматривая одинъ за другимъ всѣ признаки, которые могли бы служить отличительною особенностію ордена, какъ-то: вѣру, силу молитвы, постъ и т. д., останавливается на одномъ, по его мнѣнію, исключительномъ источ-

никѣ всей дѣятельности истинныхъ членовъ. Этотъ признакъ: любовь. «Николи же отпадающая любовь сія, не ищущая своихъ, есть вѣрный знакъ возрожденія... Любовь есть душа новаго возрождающагося внутренняго тѣла, по мѣрѣ возраста его являющаяся. Тѣло же сіе можетъ соблюдаться и возрастать только въ совлекающемся ветхаго, наружнаго человѣка. Къ таинственному умерщвленію сего грѣховнаго человѣка, коренное средство есть глубокое самоотверженіе, которому наконецъ пособіемъ духа любви долженствуетъ послѣдовать отверженіе, такъ сказать, самаго онаго самоотверженія... Собственность есть гнѣздо грѣха, магнитъ, привлекающій родившаго ее, и главное его орудіе.» Послѣднія слова прямо указываютъ на вліяніе сочиненій Сенъ-Мартена. За любовью слѣдуютъ другіе отличительные признаки: «Познаніе свѣта тайныя философіи, открывающаго первое то вещество, нетлѣнную ту персть, изъ коея все сотворено, вѣдѣніе сокровеннѣйшаго дѣйствія вся сотворшія и творящія силы въ самомъ первомъ ея облаченіи семъ (вегикулѣ) и различныхъ его откровеній и рожденій въ твореніи, или обладаніе камнемъ мудрыхъ, составляетъ прямое качество истиннаго каменьщика и члена *сокровеннаго* училища мудрыхъ.» Здѣсь то же ученіе Сенъ-Мартена и германскихъ мистиковъ, и въ письмѣ Новикова къ Карамзину мы встрѣчаемся съ восторженною похвалою Порледжу, а слѣдовательно и Якову Бему, и такимъ образомъ опять теряемъ возможность опредѣлить отличіе вѣрованій Новиковскаго общества отъ общихъ вѣрованій всѣхъ мистическихъ обществъ Европы. Были ли впрочемъ приведены въ строгую систему мистическія убѣжденія общества?.. По самому свойству ихъ, едвали было это возможно. Самая цѣль общества оставляла полный просторъ всѣмъ болѣе или менѣе спиритуалистическимъ стремленіямъ, не исключая ни одного изъ нихъ. Она сама могла быть понимаема и дѣйствительно была

понимаема различно членами одного и того же общества. Извлекаемъ изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго одному изъ провинціальныхъ послѣдователей Новикова, слѣдующее разсужденіе о цѣляхъ ордена.

«Мнѣнія разныхъ братій о высшей цѣли ордена столь разнообразны, что описать оныя во всѣхъ оттѣнкахъ ихъ такъ же трудно, какъ многоразличную зелень полей, луговъ и лѣсовъ, когда весенній вѣтръ навѣваетъ на нихъ тѣни облаковъ, или какъ мнѣнія людей о высочайшемъ благѣ. Нѣкоторые думаютъ, что цѣль сія состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать людей добродѣтельнѣе, посредствомъ ожиданій, напрягающихъ и возвышающихъ душу, посредствомъ братской помощи и общественной радости, и мало-по-малу соединить добрыхъ людей болѣе и болѣе всеобщимъ союзомъ, который бы не только укрѣплялъ каждаго особенно, но служилъ бы и къ тому, чтобы соединенными силами, даже и тѣхъ, кои безъ энтузіастическихъ видовъ не взяли бы въ томъ участія, дѣлать въ мірѣ добра болѣе того, что бы они могли сдѣлать порознь.

«Другіе думаютъ, что сіе конечно составляетъ одну цѣль, и ту, при которой большая часть братій остается; да сія же внутренняя работа есть и необходимое средство къ полученію бо́льшаго; но сіе большее есть глубокое испытаніе натуры вещей и черезъ то пріобрѣтаемая сила и власть къ исправленію людей, врачебная наука, обновленіе тѣла, превращеніе металловъ и правленіе невидимаго божественнаго царства. Что сіи идеи не недавно вошли въ голову братьямъ, показываетъ Локковъ фрагментъ...

«Нѣкоторые думаютъ, что сіе есть, конечно, то богатство, которое приходитъ къ намъ съ премудростію; но что цѣль есть собственно она сама, соединеніе съ божествомъ, которое само по себѣ есть вожделѣннѣйшее счастіе, и котораго слѣдствіемъ будетъ познаніе и власть въ тѣлесной натурѣ,

сообщеніе съ духами, всеобщій языкъ и внутренній міръ добродѣтели.

«Другіе напротивъ того сильнѣе стоятъ въ томъ, что какъ сообщеніе съ вышнею натурою открываетъ нижнюю, такъ и ученія нижнія есть часть средствъ, доводящихъ насъ до сего собщенія съ вышнею.

«Иные почитаютъ всю высокую цѣль за мечту и невозможность и думаютъ, что распространеніе человѣколюбія, нравственности и общественности, радостное мудрое наслажденіе жизнію и спокойное ожиданіе смерти, есть истинная, удобная къ достиженію цѣль. Мораль и религія стараются произвесть сіе средствами важными, а орденъ подъ завѣсою удовольственныхъ занятій.

«Но вообще мнѣнія братій различаются въ томъ, что одни почитаютъ сію цѣль *преданіемъ уже пріобрѣтенной мудрости,* и сообщеніе съ сими высокими, истинными главами ордена даромъ Привидѣнія, для пріятія коего конечно надлежитъ имъ работать. Другіе же принимаютъ цѣль ордена *за не совершившееся еще намѣреніе*, но къ совершенію коего ведетъ работа по предписанію ордена, и которое, можетъ-быть, весьма рѣдко здѣсь на землѣ и познается, но нѣкогда, когда настанетъ время зрѣлости, возсіяетъ во всемъ своемъ блестящемъ пространствѣ.

«Хотя бы и не могло быть во всемъ томъ ничего истиннаго, мы между тѣмъ отличаемъ степень, къ которой Провидѣніе опредѣлило здѣсь каждаго брата особенно, отъ той высшей степени, до которой можетъ достигнуть истинный каменьщикъ, исполнившій образъ въ дѣлѣ и истинѣ. Отличаемъ отъ обѣихъ всеобщую цѣль ордена и отличаемъ цѣль ордена *въ разсужденіи нынѣшняго времени* отъ той цѣли, которую онъ имѣетъ, яко учрежденіе пребывающее. Отличаемъ нако-

нецъ ограниченнѣйшую цѣль трехъ Іоанновскихъ степеней отъ цѣли цѣлаго ордена.

«Какая есть высочайшая цѣль, до которой человѣчество здѣсь достигнуть можетъ, сего кажется опредѣлить и нельзя и не нужно. Самое блистательнѣйшее не кажется невозможнымъ; но публично говорить о томъ не кстати. Кто не пойметъ меня, тому покажусь я смѣшнымъ.

«Довольно, что всѣ вообще признаютъ цѣлію приближеніе человѣка къ нѣкоторому образу совершенства, не говоря, есть ли то состояніе первозданной славы и невинности, или преобразованіе Христа, или тысящелѣтнее царство, или глубокая добромысленная, радостная мудрость; въ семъ ли мірѣ то совершается, или уже по ту сторону гроба. Каждый стремись къ совершенству, какъ онъ только умѣетъ, ибо иначе быть сему не можно, по любезнѣйшему образцу своего воображенія.. *Мудрѣйшій не смѣется ни надъ однимъ изъ нихъ, хотя иногда и всѣ заставляютъ его улыбаться*; ибо въ мозгу человѣческомъ ко всякому нѣчто примѣшалось.» (*Матеріялы для каменьщиковъ*. Такъ взоръ мой ищетъ Аркана, дабы имъ нѣкогда достигнуть до чистѣйшаго злата. Востокъ. Часть 1-я. *Орденъ. Что онъ былъ? что̀ есть? что̀ быть можетъ*? Слова, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты въ подлинникѣ).

Странныя метафизическія положенія Сенъ-Мартена, книга котораго вышла въ русскомъ переводѣ въ 1785 году изъ типографіи Лопухина, вѣроятно подходившія близко своимъ содержаніемъ къ убѣжденіямъ Новиковскаго общества или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчившія имъ, встрѣтили систематическое опроверженіе со стороны цѣлаго общества провинціальныхъ любителей наукъ. (См. *Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливымъ обществомъ одного губернскаго города*. Въ Тулѣ, 1790 г.

Свѣдѣнія о ней въ статьѣ г. Лонгинова, *Современникъ*, 1857 г., № 4: *Библіографическія Записки*.) Появленіе книги Лопухина *о внутренней церкви*, по показанію его собственныхъ записокъ, было встрѣчено сильнымъ неудовольствіемъ. «Нѣкоторые изъ духовныхъ, говоритъ Лопухинъ, намѣревались было воздвигнуть на эту книгу гоненіе, но время не благопріятствовало имъ въ этомъ.» Дѣйствительно книга Лопухина появилась въ печати уже въ царствованіе Павла Петровича, который въ первый же день своего правленія повелѣлъ освободить Н. И. Новикова изъ заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости. Самъ авторъ, хотя не пользовался уже прежнимъ расположеніемъ государя, но не былъ однакоже въ явной немилости, а напротивъ получилъ при удаленіи отъ двора мѣсто сенатора въ Москвѣ. Но какъ просвѣщенные члены Тульскаго общества были правы, отстаивая истинную науку противъ фантастическихъ и произвольныхъ мечтаній Сенъ-Мартена и его послѣдователей, точно также и духовенство должно было исполниться негодованіемъ противъ сочиненій, порожденныхъ тѣмъ направленіемъ, котораго органомъ явился И. В. Лопухинъ въ книгѣ *о внутренней церкви*, возбудившей такое горячее сочувствіе въ Эккартсгаузенѣ и Штилингѣ. Митрополитъ Платонъ громко высказалъ свое высокое мнѣніе о Новиковѣ. Извѣстно также расположеніе его къ И. В. Лопухину, и однако самъ Лопухинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что митрополитъ Платонъ «очень въ разговорахъ возставалъ противъ ихъ общества». Нравственныя качества Новикова, Лопухина и другихъ членовъ Дружескаго общества и Типографической Компаніи, ихъ глубокое религіозное настроеніе были достаточными ручательствами въ томъ, что они не зайдутъ слишкомъ далеко въ своемъ направленіи; но тѣмъ не менѣе духовенство наше не могло не смотрѣть до нѣкоторой степени непріязненно на распространеніе мистическихъ

сочиненій, хотя и не подвергало ихъ такому безусловному осужденію, какъ труды французскихъ энциклопедистовъ.

Воейковъ въ извѣстномъ стихотвореніи, *Домъ сумашедшихъ*, говоря о Невзоровѣ, воспитанникѣ Лопухина, переводчикѣ на французскій языкъ сочиненія *О внутренней церкви* и ревностномъ послѣдователѣ Новиковской школы, съ нѣкоторымъ, хотя и преувеличеннымъ, основаніемъ, могъ отозваться о немъ слѣдующимъ образомъ, причемъ, разумѣется, имѣлся въ виду не столько самъ издатель *Друга Юношества*, сколько мистическая школа, къ которой принадлежалъ онъ:

Я взглянулъ: Максимъ Невзоровъ
Угломъ пишетъ на стѣнѣ:
«Еслибъ такъ, какъ на Вольтера
«Былъ на мой журналъ расходъ,
«Пострадалабъ горько вѣра:
«Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ.

Мистическая наука (*истинная* химія, *высшая* мудрость, тайная философія и т. п.) была лишена духа дѣйствительной науки. Но нельзя не признать за мистическими обществами XVIII вѣка благотворнаго вліянія на современную имъ дѣйствительность. Было, безъ сомнѣнія, много злоупотребленій, какъ было много ложныхъ братій; но дѣятельность лучшихъ представителей этого направленія проникнута тѣмъ чувствомъ любви, которое ставитъ Лопухинъ исключительнымъ признакомъ каждаго истиннаго члена ордена. Въ наше время дѣятельной любви къ ближнему и къ человѣчеству не нужно скрываться и облекать себя въ странныя формы. Масонскія общества стали вопіющимъ анахронизмомъ или обратились въ пустую форму, лишенную всякаго внутренняго содержанія. Несовсѣмъ таково было ихъ значеніе въ прошломъ вѣкѣ.

XVIII столѣтіе, какъ бы ни велико было его значеніе въ исторіи европейскаго развитія, едвали не было самою тяже-

лою порой для народовъ Европы. За немногими исключеніями, никогда, быть-можетъ, главныя массы народонаселенія не были въ такомъ полномъ униженіи и невѣжествѣ. Достаточно указать на позорную исторію германскихъ государствъ въ первой половинѣ этого столѣтія, на положеніе низшихъ классовъ во Франціи въ правленіе великолѣпнаго Лудовика XIV, Регента и Лудовика XV, на упадокъ общественной нравственности, на прекращеніе того великаго религіознаго одушевленія, которое, проникая во всѣ слои общества въ XVI и частію въ XVII вѣкахъ, было живительнымъ и движущимъ началомъ европейской исторіи. Самые жизненные вопросы или смолкли, не находя отзыва, или измельчали и потеряли свое значеніе. Даже наука первой половины XVIII столѣтія не имѣетъ того величаваго характера, который отличалъ ее прежде. Только со второй половины этого вѣка начинаютъ появляться проблески свѣта, обѣщавшіе европейскимъ народамъ иное, болѣе утѣшительное будущее. Два направленія, рѣзко противоположныя и враждебныя, дѣйствуютъ для одной и той же цѣли, дружно работаютъ для созданія новаго общества, которое однакоже не оправдало вполнѣ ожиданій ни того, ни другаго. Ученіе энциклопедистовъ и мистицизмъ дѣлятъ между собою, хотя далеко не въ равной степени, участіе въ возбужденіи нравственныхъ и умственныхъ силъ общества XVIII вѣка.

Въ русской литературѣ замѣтно также сильное вліяніе этихъ двухъ направленій, и мистическое едвали не оставило болѣе глубокихъ слѣдовъ. Во всякомъ случаѣ оно благотворно дѣйствовало на общественную жизнь. Русское общество первой половины XVIII столѣтія меньше всего могло похвалиться развитіемъ нравственной стороны личности, мягкостію и человѣчностію отношеній, пониманіемъ и признаніемъ правъ человѣческаго достоинства. Да и откуда было взять ему все это? Ближайшее прошедшее было не таково, чтобы изъ него

можно было вынести благотворныя преданія, внѣшнимъ же подражаніемъ Западу трудно было восполнить ихъ недостатокъ. Политическіе перевороты, со смерти Петра I до вступленія на престолъ Екатерины II, не могли воспитать въ немъ чувства законности. Эти перевороты открывали только широкій просторъ случайности и произволу, развивали въ общественныхъ дѣятеляхъ предпріимчивость, презрѣніе къ опасности и жажду грубыхъ, матеріяльныхъ наслажденій. Лучшіе люди первой половины XVIII вѣка развиты преимущественно умомъ, и притомъ его практическою стороной. Въ своей тревожной жизни, они закалили въ себѣ волю, изострили ловкую изворотливость, но едвали успѣли выработать прочныя нравственныя убѣжденія. Въ жизни высшаго общества, рядомъ съ заимствованными, поверхностными формами европейской свѣтскости, сохранялась грубая основа прежняго быта. У писателей иностранцевъ, въ запискахъ русскихъ современниковъ, въ правительственныхъ актахъ встрѣчаются извѣстія о явленіяхъ, странно ладившихъ съ внѣшнимъ лоскомъ цивилизаціи. Варварство публичныхъ казней шло рука объ руку съ деспотизмомъ и грубостію семейной жизни. Общественныя удовольствія удовлетворяли прежде всего грубымъ наклонностямъ. Самая наука мало смягчала нравы. Припомнимъ, какая жестокость замѣтна въ характерѣ лучшаго ея представителя, Ломоносова. На первомъ планѣ повсюду стояла по преимуществу физическая, матеріяльная сторона человѣческой природы, въ явный ущербъ духовному и нравственному развитію. Если высшее общество представляло такъ мало гуманныхъ началъ, чего же можно требовать отъ низшихъ классовъ? Бо́льшая часть народонаселенія мало почувствовала выгоду отъ сближенія съ образованнымъ міромъ. Европейски-устроенное управленіе давало себя чувствовать низшему классу развѣ лишнею тяжестію. Сельское населеніе, окончательно

прикрѣпленное къ землѣ ревизіями, переставъ жить болѣе или менѣе общею жизнію съ остальными сословіями, навремя устранено было отъ всякаго участія въ развитіи, замкнулось и закоснѣло въ неподвижныхъ формахъ быта, куда не проникало европейское образованіе и гдѣ однакоже мало было слѣдовъ образованія русскаго. Городскаго сословія не существовало. Въ бытѣ мелкаго и средняго дворянства встрѣчались всѣ степени перехода, отъ исключительнаго господства понятій и нравовъ *Домостроя* до безсмысленнаго соединенія тѣхъ же понятій, съ примѣсью подражанія французскимъ и нѣмецкимъ пріемамъ и модамъ.

Для такого общества, гдѣ самая наука принималась только въ ея служебномъ, практическомъ примѣненіи, вліяніе мистицизма должно было принести огромную пользу. Для мистиковъ въ полномъ смыслѣ предстояла работа *надъ дикимъ камнемъ*, какъ выражались масоны. Своею заманчивою таинственностію мистицизмъ скорѣе могъ привлечь къ себѣ, чѣмъ разсудочное скептическое направленіе или строгое воздержаніе науки. Обѣщая такъ много, давая просторъ самымъ исключительнымъ ожиданіямъ, мистицизмъ затрогивалъ всѣ струны человѣческаго сердца, давалъ удовлетвореніе самымъ разнообразнымъ и противоположнымъ требованіямъ, обѣщалъ отвѣты на всѣ вопросы, и въ то же время ставилъ высоко *внутренняго человѣка* надъ существомъ животнымъ. Сильно дѣйствуя на воображеніе, давая повозможности пищу пытливости ума, всѣ свои силы устремлялъ онъ однакоже на развитіе сердца. Оттого-то у насъ и было велико его нравственное вліяніе.

«Мы работаемъ, говорили мистики на своемъ фигурномъ языкѣ—мы работаемъ въ трехъ преддверіяхъ и притворѣ.

«Надпись перваго преддверія есть: *познай самого себя.*

«Надпись втораго: *убѣгай зла.*

«Надпись третьяго: *стремись къ добру*.

«Въ тѣнистомъ переходѣ притвора: *ищи въ самомъ себѣ истину*.» (Матер. для Кам.)

Такія требованія едвали предчувствовались русскимъ обществомъ половины XVIII столѣтія.

Исторія общественнаго развитія въ Россіи прошлаго вѣка еще едва тронута изслѣдователями. Болѣе полная разработка матеріаловъ одна можетъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ мистическое направленіе могло способствовать смягченію нравовъ и распространенію просвѣщенія; но уже одна самоотверженная дѣятельность Н. И. Новикова служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ значительно было вліяніе этого направленія. Кто знаетъ, до какой степени вліяніемъ членовъ мистическихъ обществъ можетъ объясниться гуманный характеръ правленій Екатерины II и Александра I? Пока извѣстно лишь то, что многіе изъ государственныхъ дѣятелей, пользовавшихся значеніемъ въ царствованіе послѣдняго, образовались подъ сильнымъ вліяніемъ того направленія, котораго благороднѣйшимъ представителемъ былъ Н. И. Новиковъ.

Намъ случалось пересматривать довольно много печатныхъ сочиненій мистическаго содержанія, выходившихъ изъ русскихъ типографій во второй половинѣ XVIII столѣтія, и еще большее число рукописныхъ сборниковъ... Разъ пробужденная любознательность требовала тогда себѣ удовлетворенія, быть-можетъ, съ большею настойчивостію, чѣмъ въ наше время, и жадно бросалась на всякую умственную пищу. Безчисленное множество иностранныхъ сочиненій всякаго рода переводилось, печаталось и переписывалось людьми всякаго званія. Все, что было сколько-нибудь замѣчательнаго въ числѣ произведеній современной французской или нѣмецкой литературы, можно смѣло искать въ русскомъ переводѣ. Болотовъ, переводящій какое-то нѣмецкое сочиненіе, въ лагерѣ, наканунѣ

битвы, и притомъ безъ всякой мысли объ изданіи, можетъ служить лучшимъ обращикомъ этихъ любознательныхъ людей прошлаго столѣтія. Число мистическихъ сочиненій, бывшихъ тогда въ оборотѣ, было поэтому весьма значительно. Часто встрѣчались намъ переводы изъ германскихъ мистиковъ, напримѣръ Бёма, сдѣланные рукою еще весьма неопытною въ этомъ дѣлѣ. Бо́льшая часть рукописей переписана чрезвычайно тщательно, многія съ особенною любовію. Признаемся, мы всегда смотрѣли на нихъ не безъ нѣкотораго сочувствія. Непонятныя формулы, странный образъ наложенія, злоупотребленіе мнимыми химическими и физическими свѣдѣніями, произвольныя толкованія текстовъ Св. Писанія и смѣшная формальность и вычурность масонскихъ выраженій не отталкивали отъ нихъ, напротивъ, сходили на второй планъ, несмотря на то, что занимали самое видное мѣсто. Вниманіе прежде всего останавливалось на нравственномъ смыслѣ и значеніи мистическихъ сочиненій; на томъ, что въ нихъ узкое и исключительное національное чувство теряется въ горячей любви, обнимающей все человѣчество; на то, что въ вѣкъ, гдѣ первое мѣсто занимали эгоистическія стремленія и давалось слишкомъ много простора случайному счастію и дерзкому произволу, двигателемъ всякой общественной и частной дѣятельности ставится любовь; на то, что источникомъ всякаго знанія почитается самопознаніе. Пѣсни, употреблявшіяся въ собраніяхъ русскихъ мистиковъ, въ большей чистотѣ представляютъ основу ихъ нравственнаго стремленія, потому что свободнѣе отъ странной примѣси обрядности и метафизическихъ толкованій. Намъ нѣтъ нужды различать, какія изъ нихъ были написаны самими членами общества и собственно для его потребностей, и какія взяты извнѣ и только приспособлены обществами для ихъ цѣлей. Вотъ пѣснь при открытіи ложи ученической.

От нас, злодѣи, удалйтесь,
Которы ближняго тѣснят;
Во храмѣ нашем не являйтесь,
Которы правду не хранят;
Тѣснит кто бѣдных завсегда,
Тому затворен входъ сюда!

Во двери, крѣпко заключенны,
Премудрые вступают къ нам,
Единой честью провожденны;
Невинность их ведет въ нашъ храмъ;
Когда изъ храма вонъ грядут,
Съ собою спокойность понесут.

Оставьте гордость и богатство,
Оставьте пышность и чины!
Они устроят вам препятство,
Им двери въ храмъ затворены;
Здѣсь то едино веселит,
Что добродѣтель нам сулит.

Вотъ отрывокъ изъ пѣсни товарищества: *Ликуйте, братья, путь свершая:*

Строитель мудрый всей вселенной,
Во братски души впечатлѣнный,
Ведетъ насъ въ радостный эдем.
Чтобъ жизнь во благѣ провождати,
Онъ самъ благоволилъ нам дати
Блистающу звѣзду вождем.

Сей блескъ для насъ не уменьшится,
Доволь весь путь нашъ не свершится
И правда тьмы не разженетъ.
По жизни нашей скоротечной,
Найдено благо будетъ вѣчно,
И свѣтъ умножится чрезъ свѣтъ.

Слѣдующая пѣсня, неизвѣстно, при какихъ случаяхъ употреблявшаяся въ собраніяхъ обществъ, весьма часто встрѣчается и въ рукописныхъ сборникахъ, и переписанная отдѣльно:

Премудрость въ даръ себя приносить
Не любопытству, но труду.
Кто вѣритъ, ищетъ, терпитъ, проситъ,
Трудится въ свою чреду,
Тотъ самъ найдетъ къ тому дорогу,
Получитъ вдунь благодать,
Строптивымъ не угодно Богу
Своихъ сокровищъ подавать.

Кто сирененъ, искрененъ, послушенъ,
Обращетъ свѣтъ на всѣхъ стезяхъ;
Но умъ не можетъ двоедушенъ
Устроенъ быть въ своихъ путяхъ;
Премудрости онъ не обманетъ,
Лишь нравъ умномитъ предъ собой,
Въ пути спотинется и не встанетъ;
Всякъ долженъ свѣтъ принесть съ собой.

Самой премудрости угодно
Лишь только тѣхъ впускать въ свой храмъ,
Въ комъ сердце чисто и свободно
Отъ всякихъ узъ, безвѣстныхъ тамъ.
Невольникъ всякъ неблагороденъ,
Его отринетъ страмъ у вратъ;
Коль сердцемъ чистъ ты и свободенъ,
Спокоенъ будь, любезный братъ.

Нельзя не поблагодарить г-на Лонгинова за его прекрасную статью о Новиковѣ и Шварцѣ. Пусть только не останавливается онъ въ своихъ историко-литературныхъ поискахъ. Матеріяла впереди остается еще очень много, и онъ ждетъ изслѣдователей. Ошибки и промахи неизбѣжны точно также, какъ неизбѣжны повторенія уже извѣстнаго; но чѣмъ болѣе будутъ приводиться въ ясность общественные и литературные факты, тѣмъ легче будетъ исправлять ошибки и избѣгать повтореній. Выскажемъ одно желаніе. Благотворная дѣятельность Н. И. Новикова въ пользу русскаго просвѣщенія, вытекавшая изъ его мистически-религіознаго настроенія, находитъ людей, которые стараются раскрыть во всей полно-

тѣ ея значеніе. Желательно было бы, чтобы была раскрыта дѣятельность другихъ лицъ, которыя, прикрываясь тѣмъ же настроеніемъ, стремились однакоже совершенно къ противоположнымъ цѣлямъ, оставили по себѣ иного рода воспоминаніе. За полною біографіей Н. И. Новикова, намъ хотѣлось бы имѣть біографію Магницкаго. Пора собирать о ней преданія, потому что они исчезаютъ, а безъ свидѣтельствъ очевидцевъ трудно многому повѣрить. Если не ошибаемся, г. Лонгиновъ, указавшій въ примѣчаніи источникъ, откуда почерпнулъ онъ неизданные документы для біографіи Новикова, могъ бы въ немъ же найти и указанія, необходимыя для оцѣнки дѣятельности Магницкаго.

МОСКОВСКІЕ МАСОНЫ

ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ ПРОШЕДШАГО СТОЛѢТІЯ:

(1780 — 1789)

I [1]).

Едвали можно съ точностію опредѣлить время появленія въ Россіи первыхъ масонскихъ ложъ. Самое раннее указаніе на нихъ, въ русскихъ источникахъ, мы находимъ въ масонской пѣсни, о которой извѣстно, что она пѣлась въ ложахъ уже въ царствованіе Елисаветы, и которая помѣщена въ сборникѣ масонскихъ пѣсенъ, напечатанномъ безъ означенія года и мѣста печати въ первой четверти XIX вѣка.

По немъ (по Петрѣ Великомъ) свѣтомъ озаренный
Кейтъ въ Россіянамъ прибѣгъ;
И усердьемъ воспаленный
Огнь священный здѣсь возжегъ.
Храмъ премудрости поставилъ,
Мысли и сердца исправилъ
И насъ въ братствѣ утвердилъ.
Кейтъ былъ образъ той денницы,
Свѣтлый коея восходъ
Свѣтозарныя царицы
Возвѣщаетъ въ міръ приходъ и т. д. [2])

Кейтъ прямо называется основателемъ масонства въ Россіи въ одномъ изъ неизданныхъ документовъ русскаго ма-

[1]) Эти двѣ статьи о московскихъ масонахъ помѣщены въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1864 годъ. А. Т.

[2]) Пѣсня LIII, стр. 66. Подъ нею сдѣлано примѣчаніе, что она пѣта въ Россіи въ ложахъ, въ царствованіе Елисаветы.

сонства, который будетъ приведенъ ниже. Въ сочиненіи Георга Клосса *Geschichte der Freimaurerei in England, Irland und Schottland aus ächten Urkunden dargestellt* (1685 — 1784), *nebst einer Abhandlung über die Ancient Masons*. Leipzig. Otto Klemmo,—на стр. 145, находимъ, что въ 1741 въ торжественномъ собраніи англійскихъ ложъ James Keith, Excellenz, Russischer General, былъ назначенъ провинціальнымъ гроссмейстеромъ для всей Россіи.

Мы не должны впрочемъ въ нашихъ предположеніяхъ относительно начала масонства въ Россіи заходить слишкомъ далеко. Въ самой Германіи масонство получило, если не начало, то особенно сильное развитіе не ранѣе 1739 года, сколько можно судить по нѣкоторымъ извѣстіямъ.

Въ запискахъ Державина есть указаніе на существованіе въ Москвѣ масоновъ въ 1762 году. Онъ говоритъ о своей теткѣ Блудовой, «считающей появившихся тогда въ Москвѣ масоновъ отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно, за нѣсколько тысячъ верстъ, непріятелей своихъ умерщвляютъ, и тому подобныя бредни, а Шувалова (Ивана Ивановича) признавали за ихъ главнаго начальника» [1]). Подобныя обвиненія собраны въ длинномъ стихотвореніи *Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ*, относящемся къ тому же времени, какъ и *Псаломъ на обличеніе франкъ-масоновъ* (псаломъ этотъ былъ переписанъ, въ принадлежавшей мнѣ рукописи, 12 ноября 1765 и, должно думать, сочиненъ едвали многими годами раньше) [2]).

---

[1]) Записки Державина. *Русская Бесѣда* 1859 г. I.

[2]) См. "Нѣсколько замѣчаній о Новиковѣ.„

Бо́льшая часть масонскихъ ложъ въ Россіи была основана въ семидесятыхъ годахъ. Такъ казанская ложа Восходящаго Солнца, по надписи на ея печати, основана была въ 1776 г. На серебряной медали московской ложи Озириса время ея основанія обозначено: 1776 года, марта 2. На такой же медали ложи Латона читаемъ: «учредилась 1775 года, декабря 2 дня.» Къ концу семидесятыхъ годовъ (въ 1779 году или немного раньше) основана въ Москвѣ ложа Трехъ Знаменъ. Къ этому же времени (и никакъ не позже 1780 года) относится основаніе ложи Горусъ въ Петербургѣ. Дошедшія до насъ рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ мастеромъ стула, высокопочтеннымъ братомъ Панаевымъ, относятся къ 1780 году, и первая произнесена 15 августа 1780 г. [1]) Ярославскую ложу, находившуюся, по словамъ Лопухина, подъ покровительствомъ губернатора Алексѣя Петровича Мельгунова, нужно отнести къ этому же времени; а немногими годами прежде основана великая провинціальная ложа или общество Елагинской системы, находившееся въ Петербургѣ. Въ упомянутомъ сочиненіи Георга Клосса мы находимъ указаніе, что въ собраніи 84 англійскихъ ложъ, происходившемъ 28 февраля 1772 года, великій секретарь извѣстилъ, что гроссмейстеру угодно было утвердить его превосходительство Ивана Елагина, сенатора, тайнаго совѣтника и члена кабинета ея величества

---

[1]) Мы имѣемъ четыре рѣчи брата Панаева. Въ рукописи онѣ озаглавлены: *Рѣчи, говоренныя въ почетной ложѣ Горусъ мастеромъ стула братомъ Панаевымъ въ 5780 и 5781 годахъ на востокѣ С. Н. К. Т. П. Т. Р. Е. Р. Г.* 1-я *рѣчь о препятствіи, которое полагаютъ пороки къ достиженію истиннаго просвѣщенія* (произнесена 15 августа 1780). 2-я *рѣчь о согласіи* (произнесена 12 сент. 1780). 3-я *рѣчь о любви къ истинѣ* (21 ноября 1780). 4-я *рѣчь о познаніи себя черезъ разсматриваніе натуры* (произнесена въ мастерской ложѣ 14 дек. 1780 г.) Наша рукопись, очевидно, не содержитъ многихъ рѣчей.

императрицы россійской [1]). Тамъ же подъ 1771 годомъ находимъ мы извѣстіе о ложѣ La parfaite Union въ Петербургѣ, а подъ 1774 годомъ о ложахъ № 1 (zu den neun Musen), № 2 (Muse Urania), № 3 (Bellona) также въ Петербургѣ [2]). О многихъ ложахъ мы имѣемъ только самыя темныя извѣстія. Такъ мы ничего не знаемъ объ обществѣ или ложѣ Солтыковской системы, основателемъ которой былъ гофратъ Нитшке и о которой единственное извѣстіе мы находимъ въ третьей части *Der Signatstern oder die enthüllten sämmtlichen sieben Grade der mistischen Freimaurerei nebst dem Orden der Ritter des Lichts*, Berlin, 1804, гдѣ, кажется, она причисляется къ самымъ раннимъ въ Россіи и гдѣ характеръ ея обозначается названіемъ теософско-герметической. Еще смутнѣе извѣстіе о Capitulum Canonicorum Regularium, основанномъ въ Петербургѣ, по извѣстію, помѣщенному въ той же книгѣ лордомъ Вильямсомъ, и потомъ перенесенномъ въ Висмаръ и Кенигсбергъ. Это общество было, кажется, исключительно для иностранцевъ въ Россіи, судя по фамиліямъ оставшихся въ Петербургѣ членовъ [3]).

---

[1]) Georg Kloss. *Geschichte der Freimaurerei*, s. 197.

[2]) Ibidem s. 208.

[3]) 20 марта 1770 г. оставались въ Петербургѣ только 4 члена этого общества: 1) Alexander i. e. Grien, 2) Eustachius a Scarabeo i. e. Schröter, 3) Sergius a Luna i. e. Schulze, 4) Alexius i. e. Hochmuth, sonst Missack genannt. *Der Signatstern*, III, 222. Въ *Freimaurer-Lexicon*, изданномъ въ Берлинѣ въ 1818 году извѣстнымъ масономъ Gädicke, встрѣчаемъ подъ словомъ *Russland* слѣдующее отрывочное указаніе: Bereits im Jahre 1731 ernannte der Grossmeister Lord Lovel in London den Capitan Ioh. Philips zum Provincialgrossmeister in Russland, s.420. Но если и признать справедливость этого извѣстія, то необходимо предположить, что ложи, надъ которыми начальствовалъ этотъ провинціальный великій мастеръ, состояли исключительно изъ иностранцевъ. Русскія извѣстія основателемъ русскаго масонства признаютъ только Кейта.

Существованіе въ Россіи іоанновскихъ и шотландскихъ ложъ въ семидесятыхъ годахъ не подвержено сомнѣнію, но ихъ связь одна съ другою, ихъ отношенія къ ложамъ другихъ странъ и вообще къ ордену намъ не совсѣмъ ясны. Что касается отношеній къ ордену, то, на основаніи вновь открытыхъ документовъ, можно заключить, что русскія ложи этого времени не пользовались самостоятельностію, а находились въ зависимости и подчиненіи отъ ложъ-матерей въ другихъ государствахъ, въ Англіи, Германіи и Швеціи. Что различныя ложи въ Россіи не составляли одного, сколько нибудь стройнаго цѣлаго и дѣйствовали отдѣльно одна отъ другой, видно изъ того, что въ одно и то же время онѣ являются въ зависимости однѣ отъ англійскихъ, другія отъ германскихъ, третьи отъ шведскихъ ложъ. Мы увидимъ даже попытки нѣкоторыхъ братій войти въ офиціяльныя зависимыя отношенія къ французскимъ ложамъ. Намъ извѣстенъ патентъ, выданный Фердинандомъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ и Люнебургскимъ въ 1779 году Петру Алексѣевичу Татищеву на основаніе въ Москвѣ ложи Трехъ Знаменъ (zu den drei Fahnen) и на званіе мастера этой ложи. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ иногда и Русскихъ, играющихъ важную роль въ ложахъ другихъ государствъ Европы. Такъ, когда герцогъ Шартрскій сдѣлался великимъ магистромъ Великаго Востока Франціи и во французскихъ ложахъ начались тѣ перемѣны, которыя дали имъ въ послѣдствіи такое важное значеніе, мы встрѣчаемъ въ числѣ трехъ членовъ коммиссіи, назначенной въ собраніи 27 декабря 1773 г. для ревизіи и новой редакціи постановленій о высшихъ степеняхъ, графа Строгонова [1]). Въ концѣ семидесятыхъ годовъ бо́льшая часть русскихъ ложъ находилась въ зависимости отъ Швеціи.

[1]) *Histoire de la fondation du Grand Orient en France.* Paris, 1812. Это изданіе чрезвычайно важно по множеству любопытныхъ документовъ.

Всѣ эти отношенія были извѣстны до сихъ поръ только по отрывочнымъ указаніямъ и намекамъ. Открытіе офиціяльной и полуофиціяльной переписки московскихъ масоновъ доставляетъ возможность ближе познакомиться съ устройствомъ и дѣятельностію русскихъ ложъ, получившихъ скоро самостоятельное значеніе. Переписка эта находится въ числѣ рукописей, принадлежавшихъ одному изъ послѣднихъ начальниковъ масонскаго ордена въ Россіи, и списана его рукой съ оригиналовъ. Рукопись, заключающая въ себѣ эту переписку, in 4°, переплетена и имѣетъ 98 страницъ. Всѣхъ писемъ и офиціяльныхъ сообщеній 31. Первое письмо помѣчено 25 февраля 1780 г., послѣднія относятся къ 1789 г. Въ числѣ писемъ мы находимъ 6 отъ Николая Ивановича Новикова, 12 отъ князя Николая Никитича Трубецкаго, 6 отъ неизвѣстнаго намъ брата, подписывавшагося орденскимъ именемъ *Pinnatus* [1]), 2 офиціяльныя сообщенія отъ директоріи, 3 копіи съ писемъ, поступившихъ въ директорію, и съ ея отвѣта, одно письмо, подписанное орденскимъ именемъ Петръ *Eques a Catrana* (Вельяминовъ) и одно отъ неизвѣстнаго, не заключающее въ себѣ впрочемъ ничего, кромѣ темныхъ толкованій масонскихъ знаковъ и литеръ, напримѣръ, I. B. M. B. или C. Ѣ. T. Всѣ они, за исключеніемъ этого письма, относятся къ устройству ордена и дѣламъ его и, какъ видно изъ ихъ содержанія, были облечены величайшею тайной. Они неизвѣстны были и самимъ братьямъ, за исключеніемъ начальниковъ, и этимъ объясняется, почему до сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на эту переписку. Бо́льшая часть писемъ подпи-

---

На оборотѣ надпись: "Cet ouvrage ne sera délivré qu'aux Loges et aux Membres de l'Association Maçonnique„.

[1]) Два изъ этихъ писемъ подписаны неполнымъ именемъ, а только буквою *P.*, но по тону и содержанію ихъ эти письма принадлежатъ очевидно тому же лицу, какъ и письма, подписанныя именемъ Pinnatus.

сана или начальными буквами фамилій, или же орденскими именами, напримѣръ *Eq. ab Ancora; Eq. ab Aquilla Boreale* и т. д., и мы не могли бы опредѣлить, кому принадлежатъ эти письма, еслибы въ одномъ письмѣ Новикова (отъ 14 февраля 1783 года) не находили орденскихъ именъ главнѣйшихъ начальниковъ московскихъ ложъ и еслибы лицо, переписывавшее эти письма, не надписало надъ многими фамилію писавшихъ. Тѣмъ не менѣе, остается неизвѣстнымъ, кому принадлежатъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, какъ напримѣръ самое первое изъ нихъ. Трудно также догадаться, кто скрывался подъ орденскимъ именемъ *Pinnatus*. Точно также остается неизвѣстнымъ и то лицо, къ кому писаны почти всѣ эти письма. Знаемъ, что это лицо называлось Алексѣй Андреевичъ, знаемъ также и орденское его имя, *Eques a bona spe*, но этимъ пока и должны ограничиться.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Письма, находящіяся въ нашей рукописи, переписаны съ оригиналовъ въ Петербургѣ. Кромѣ перваго письма отъ неизвѣстнаго (къ князю Николаю Никитичу Трубецкому, какъ видно изъ слѣдующаго за нимъ письма князя Трубецкаго, служащаго очевидно на него отвѣтомъ) и письма петербургскаго брата Митусова, всѣ принадлежатъ московскимъ братьямъ и идутъ изъ Москвы. Кромѣ того, самое письмо брата Митусова переписано въ рукописи не съ оригинала, а съ копіи, присланной въ петербургскую префектуру изъ московской директоріи. Въ рукописи письма расположены въ хронологической послѣдовательности. Можно думать, что эта переписка дошла до насъ не вполнѣ. Она обрывается 1781 годомъ и въ ней, кромѣ того, есть пробѣлы. Не говоря уже о томъ, что при ней нѣтъ приложеній, о которыхъ говорится во многихъ письмахъ (что впрочемъ весьма понятно, ибо эти приложенія поступали въ архивъ петербургской префектуры, тогда какъ письма оставались у лица, къ

которому они были адресованы), въ ней недостаетъ, очевидно, и нѣкоторыхъ писемъ. Такъ въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ (1781 года, письмо 29, считая по порядку ихъ расположенія въ рукописи) находимъ списокъ членовъ московской провинціальной ложи и членовъ капитула, а орденскія имена большей части ихъ неизвѣстны. Очевидно, что утратились письма, сообщавшія эти имена. Что они были, это несомнѣнно. Въ письмахъ московскихъ чиновниковъ ордена къ петербургскимъ собратьямъ мы не разъ встрѣчаемъ требованіе выслать имена и девизы петербургскихъ членовъ, а Николай Ивановичъ Новиковъ при самомъ устройствѣ провинціальнаго капитула и директоріи въ Москвѣ спѣшитъ сообщить въ Петербургъ орденскія имена тогдашнихъ членовъ. (Письмо отъ 14 февраля 1783 года.) Переписка московскихъ масоновъ, кромѣ того, что она весьма важна сама по себѣ, драгоцѣнна для насъ еще въ томъ отношеніи, что даетъ намъ возможность понять настоящее значеніе многихъ важныхъ документовъ, которые и прежде были у насъ подъ руками, но которыхъ смыслъ оставался для насъ не ясенъ. Пользуясь этою перепиской и нѣкоторыми другими документами, постараемся сгруппировать нѣсколько интересныхъ матеріяловъ для исторіи русскаго масонства, матеріяловъ остававшихся до сихъ поръ совершенно неизвѣстными.

Но прежде, чѣмъ обратимся къ перепискѣ московскихъ масоновъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о предшествовавшихъ отношеніяхъ русскихъ ложъ къ Германіи и Швеціи. Предупреждаемъ читателя, что вопросъ объ этихъ отношеніяхъ представляетъ не мало трудностей и при рѣшеніи его весьма нерѣдко приходится довольствоваться одними предположеніями, что ведетъ къ неизбѣжнымъ ошибкамъ. Эти отношенія впрочемъ значительно выясняются, какъ изъ самой тайной пере-

писки, такъ особенно изъ тѣхъ документовъ, которые мы постараемся около нея сгруппировать.

Начнемъ съ Германіи. Состояніе масонскихъ ложъ въ Германіи описано въ изданной въ Москвѣ переводной книгѣ: *Должности братьевъ З.* (лато) *Р.* (озоваго) *К.* (реста) *древнія системы, говоренныя Хризофирономъ въ собраніяхъ юніоратскихъ съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ рѣчей другихъ братьевъ*. Москва. Въ типографіи Н. Лопухина. Съ указнаго дозволенія. 1784. Нѣмецкій оригиналъ вышелъ въ 1782 году безъ означенія мѣста печати [1]). Сдѣлаемъ выписку изъ этого очень рѣдкаго изданія.

«Въ теченіе лѣтъ сорока Германія такъ наполнилась ложами и свободными каменщиками, что напечатана цѣлая уже книга, содержащая въ себѣ названія сихъ ложъ. Извѣстно, что онѣ раздѣляются на двѣ главныя отрасли, изъ которыхъ одна называлась донынѣ *Стриктъ Обсерванцъ*, начальникомъ же своимъ избрала достойнаго Герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, а другая называется по имени учредителя своего, какого-то фонъ-Циннендорфъ, который есть врачъ въ Берлинѣ и бывшій, но за нѣсколько лѣтъ изверженный изъ *Стриктъ Обсерванцъ* тамошнею ложею *Трехъ Глобусовъ*, членъ.

»Еще третья, но гораздо малочисленная вѣтвь происходитъ отъ ложи *Royale Jork de l'Amitié*, въ Берлинѣ, получившая первоначальное бытіе отъ вышеупомянутой ложи *Трехъ Глобусовъ*, и которая потомъ отторгнулась отъ оной, испросивъ себѣ патентъ изъ Лондона. Достойно примѣчанія, что ложа *Трехъ Глобусовъ*, посредствомъ Циннендорфа и ложи

---

1) *Die Pflichten der G. und R. C. alten Systems in Juniorats-Versammlungen*, abgehandelt von Chrisophiron nebst einigen beigefügten Reden anderer Brüder. 1782. in. 8, 232 стр.

Royale York de l'Amitié, учинилась, противу воли своей, плодоноснымъ источникомъ многихъ каменщическихъ ложъ въ Германіи и внѣ оныя. Число прочихъ въ Германіи ложъ, не принадлежащихъ къ симъ тремъ отраслямъ, весьма не велико.

«Всѣ сіи три отрасли имѣютъ такъ называемыя три англійскія степени общія, съ тѣмъ токмо различіемъ, что въ каждой изъ системъ сихъ нѣкоторыя постороннія обстоятельства самопроизвольно перемѣнены суть. Но такъ-именуемыя высшія степени ихъ, въ которыхъ всѣ онѣ *ищутъ истинныхъ высшихъ познаній и истинныхъ таинствъ*, однакожь никогда и вѣчно безъ помощи нашей *отыскать* не могутъ, различаются существенно.

«Соединенныя подъ начальствомъ герцога Фердинанда ложи думали найти таинства въ истребленномъ орденѣ Т. Г. [1]), понеже онѣ знали изъ древнихъ извѣстій, что сей, такъ какъ и многіе другіе рыцарскіе ордены, учрежденъ былъ потаеннымъ вспоможеніемъ нашимъ и имѣлъ истинныя познанія нашего высокосвятаго ордена. И сего ради старѣйшихъ и способнѣйшихъ братьевъ дѣлали они по древнему и нынѣ еще существующему обряду Т. Г., но въ послѣдствіи увидѣвъ, что надежда ихъ къ дальнему пріобрѣтенію путемъ симъ была напрасна, и что по причинѣ движеній, происшедшихъ за нѣсколько лѣтъ отъ сей игрушки тѣнями въ Швеціи, положеніе ихъ становилось во многихъ областяхъ нѣсколько опасно, многія изъ сихъ ложъ, въ особливости тѣ, въ которыхъ истинный орденъ пустилъ уже корень свой, отбросили сію игрушку, и весьма благополучны отъ сего находятся. Однакожъ множество вышесказанныхъ ложъ продолжаетъ еще рыцарскую свою игру, не взирая, что и *достойный ихъ начальникъ* давно отъ ордена Т. Г. отрекся.

---

[1]) Templiérовъ.

«Такъ-называемые *Циннендорфцы*, въ высокихъ своихъ степеняхъ, которыя основатель ихъ скропалъ изъ подложныхъ извѣстій о нѣкоторыхъ нашихъ обрядахъ, сообщенныхъ ему однимъ Шведомъ, примѣшавъ къ тому и собственныя свои прибавленія, пребываютъ всегда въ ожиданіи, не взирая, что шестнадцать или семнадцать уже лѣтъ обнадеживаютъ ихъ, что наконецъ достигнутъ они истиннаго свѣта.

«Малочисленнѣйшая вѣтвь ложи Royale York работаетъ во всемъ согласно съ изобрѣтенною во Франціи многостепенною системой, украшая братьевъ своихъ множествомъ титловъ, степеней, лентъ и игрушекъ, которыхъ пустыми именами не намѣренъ я наполнять бумагу.

«Толико то разноцвѣтное свободное каменщичество въ Германіи, сколь скоро преступаетъ оно за первыя три степени. Толико то безчисленное множество каменщиковъ въ преддверіи храма, которые, подобно созидавшимъ башню Вавилонскую, лѣтъ уже болѣе сорока работаютъ въ великомъ замѣшательствѣ, по неправильнымъ чертежамъ, которые сами они сдѣлали, и работаютъ напрасно; исключая изъ сего малое число ложъ, которыя съ нѣкотораго времени получили отъ насъ *истинный, справедливый чертежъ ордена* [1]).

Съ ложами, бывшими подъ начальствомъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, и находились въ связи русскіе, по крайней мѣрѣ, московскіе масоны, что̀ доказывается упомянутымъ нами дипломомъ, выданнымъ въ 1779 г. герцогомъ Петру Татищеву. Что ложа Трехъ Знаменъ существовала въ Москвѣ и послѣ того какъ Россія сдѣлалась особою, самостоятельною провинціей, видно изъ тѣхъ неизданныхъ документовъ, которые мы приведемъ ниже. Здѣсь укажемъ только на посвященіе Петру Алексѣевичу Татищеву *Freymaurer Bib-*

[1]) *Должности братьевъ З. Р. К.* стр 45—50.

liotek, вышедшей въ Дессау въ 1785 г. Въ посвященіи [1]), написанномъ въ Берлинѣ 1-го декабря 1784 г., Петръ Алексѣевичъ Татищевъ титулуется совершенно согласно съ дипломомъ: Obermeister der Loge zu den drey Fahnen zu Moscau.

Если есть основаніе думать, что московскіе масоны находились издавна въ сношеніяхъ съ германскими ложами и въ зависимости отъ нихъ, то положительно извѣстно, что петербургскіе стояли въ зависимости отъ Швеціи. Въ нашихъ рукахъ есть любопытный документъ, относящійся, правда, къ позднѣйшему времени, но заключающій въ себѣ нѣкоторыя указанія на отношенія русскихъ ложъ къ Швеціи. Въ первой четверти XIX вѣка братъ Wiebel, нѣмецкій масонъ, о которомъ къ сожалѣнію намъ не удалось отыскать свѣдѣній, долженъ былъ сопровождать короля въ Россію [2]). Германскіе ма-

---

[1]) Это посвященіе приведено въ статьѣ: „Нѣсколько замѣчаній о Новиковѣ".

[2]) Когда С.В. Ешевскій писалъ вторую статью о масонахъ, онъ уже обылъ эти свѣдѣнія, которыя и приложилъ къ своимъ статьямъ въ видѣ дополненія. Вотъ они.

Вибель, придворный докторъ короля прусскаго, ревностный масонъ, членъ der Grossen Landes-Loge in Deutschland, былъ довѣреннымъ лицомъ у Фридриха-Вильгельма III. Когда въ 1822 году бывшій прусскій министръ графъ Гаугвицъ, нѣкогда одинъ изъ самыхъ ревностныхъ масоновъ, подалъ императорамъ Александру и Францу и королю прусскому, во время Веронскаго конгресса, свою записку объ опасностяхъ, грозившихъ государству со стороны масонскихъ ложъ и о необходимости ихъ уничтоженія,—записку, имѣвшую слѣдствіемъ закрытіе масонскихъ ложъ въ Россіи и Австріи,—прусскіе масоны, по словамъ Freiherr Glöden, находились въ ужасѣ, ожидая того же со стороны Пруссіи. Фридрихъ-Вильгельмъ III призвалъ къ себѣ Вибеля и поручилъ ему успокоить прусскихъ братій и увѣрить ихъ въ неизмѣнности своей защиты и покровительства, до тѣхъ поръ пока они останутся въ должныхъ границахъ. Гёдень былъ свидѣтелемъ того страха, который овладѣлъ берлинскими братьями при извѣстіи о событіяхъ въ Веронѣ, и радости, когда они получили извѣстіе отъ Вибеля,

соны хотѣли воспользоваться поѣздкой въ Россію своего сочлена и поручили ему собрать свѣдѣнія о положеніи масонства въ этой странѣ. Съ этою цѣлью составлена была: *Instruction für den Hochw. Br. Wiebel auf seiner bevorstehender Reise nach Russland*. Въ этой инструкціи излагаются прежде всего тѣ извѣстія о русскомъ масонствѣ, которыя имѣлись въ Германіи за послѣднее время, и вслѣдъ за тѣмъ предлагаются вопросы, на которые нѣмецкому масонству хотѣлось бы получить отвѣты посредствомъ Вибеля. Мы имѣемъ какъ самую инструкцію, такъ и отвѣты на французскомъ языкѣ относительно каждаго вопроса Вибеля. Эти отвѣты помѣчены 4-го іюля 1818 года и писаны однимъ изъ верховныхъ начальниковъ русскаго масонства. Для насъ особенно важенъ отвѣтъ на первый вопросъ инструкціи: «Кѣмъ и когда основанъ петербургскій капитулъ Феникса (zum Phenix)»? Вотъ что̀ читаемъ въ отвѣтѣ:

«Капитулъ Фениксъ первоначально былъ основанъ королемъ шведскимъ (Карломъ XIII), какъ это доказывается подлиннымъ патентомъ, имѣющимся у насъ въ архивахъ подъ слѣдующимъ титуломъ: *Инструкція для директоріи, учрежденной въ Санктъ-Петербургѣ*, данномъ въ Стокгольмѣ 9-го мая 1780 года. Въ концѣ находятся подписи короля и графа Билке (Bielke). Акты и конституціи были привезены княземъ Александромъ Куракинымъ (посланникомъ русскимъ въ Вѣнѣ и въ Парижѣ). Покойный князь Гавріилъ Гагаринъ былъ назначенъ префектомъ и національнымъ великимъ мастеромъ (должности, *никогда не раздѣляемыя*, какъ это видно изъ 9-го артикула инструкціи), и самъ капи-

---

что имъ нечего бояться. Любопытная записка графа Гаугвица посвященная королевѣ прусской Августѣ, напечатана въ III выпускѣ, того тайнаго изданія Freimaurer Denkschrift, которое начало выходить въ прошломъ году, и о которомъ мы уже говорили.

тулъ былъ извѣстенъ братьямъ масонамъ подъ именемъ національной Великой Ложи (по 1-му артикулу той же инструкціи). Капитулъ былъ основанъ за два года до директоріи, т.-е. въ 1778 г., и былъ въ полной зависимости отъ Швеціи, зависимости тѣмъ болѣе тягостной для русскихъ братій, что она не вознаграждалась *знаніями* (les lumières), которыхъ петербургскій капитулъ ожидалъ всегда *напрасно* и которыми вѣроятно Швеція не владѣла болѣе, потому что самъ ея глава былъ обманутъ однимъ мошенникомъ (frippon), котораго исторія слишкомъ извѣстна, чтобъ болѣе о ней не распространяться. Когда на Вильгемсбадскомъ конгрессѣ Россія, въ уваженіе своего обширнаго пространства и большаго числа ложъ, усердно въ ней работающихъ (по системѣ Stricte Observance), признана была 8-ю провинціей, Москва и въ особенности мать-ложа Трехъ Знаменъ сдѣлались центромъ провинціальной директоріи. Акты, принятые ими для трехъ степеней Св. Іоанна, составляютъ среднее между системой Stricte Observance и системой шведскою. Вскорѣ потомъ князь Гагаринъ, не безъ нѣкоторыхъ затрудненій, покорился новому порядку вещей, присоединился въ 1783 году къ 8-й провинціи съ большею частью ложъ, отъ него зависѣвшихъ, и сдѣлался управляющимъ мастеромъ матери-ложи Феникса въ Москвѣ.

«Одна изъ ложъ (Коронованнаго Пеликана), не хотѣвшихъ отдѣлиться отъ Швеціи, въ которой братъ Беберъ (Bober) былъ членомъ, продолжала работать до тѣхъ поръ, пока всѣ масонскія работы въ Россіи не прекратились по приказу императрицы Екатерины. Эту самую ложу хотѣли возобновить въ 1809 г. нѣсколько братій и т. д.»

Отношеніе русскаго масонства къ Швеціи выясняется нѣсколько изъ тайной переписки московскихъ масоновъ, съ которою мы желаемъ познакомить читателей.

Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать одно важное указаніе на

событіе, принадлежащее къ тому же времени какъ и переписка, но на которое мы въ ней не находимъ ни малѣйшаго указанія, хотя, какъ увидимъ, оно имѣло, повидимому, огромное значеніе для русскаго масонства и хотя переписка, бывшая тайной для самыхъ масоновъ, за исключеніемъ верховныхъ начальниковъ, конечно, могла бы говорить о немъ. Это молчаніе фактъ весьма замѣчательный, если только не предположить, что тѣ письма, гдѣ говорилось о немъ, или были уничтожены, или же не были переписаны.

Говоря объ арестѣ Новикова и о слѣдствіи надъ нимъ и московскими масонами, И. В. Лопухинъ прибавляетъ, что «подозрѣвали существовавшую будто бы связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы», и потомъ, говоря о вопросахъ, предложенныхъ ему княземъ Прозоровскимъ, замѣчаетъ, что въ нихъ «все мѣтилось на подозрѣніе связей съ той ближайшею къ престолу особой». Записка Карамзина императору Александру объясняетъ прямо, въ чемъ состояло это подозрѣніе. Вотъ что говоритъ Карамзинъ: «Одинъ изъ мартинистовъ или теософистскихъ масоновъ, славный архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ С. Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ тогдашнимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ его добромъ о нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что масоны или мартинисты желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя.»

Въ дѣлѣ о Новиковѣ и его товарищахъ, изданномъ недавно г. Тихонравовымъ въ V томѣ *Лѣтописей русской литературы и древности*, находимъ мы слѣдующій вопросный пунктъ, предложенный княземъ Прозоровскимъ захваченнымъ масонамъ: «4) Какимъ образомъ вы и товарищи сборища вашего заботились въ сѣти сборища вашего уловить *извѣстную особу*, о коей имѣли вы съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ

и переписку? То открыть вамъ, для чего вы такія вредныя предпріятія имѣли и чему изъ того быть надѣялись, гдѣ объяснить о всѣхъ товарищахъ, въ семъ дѣлѣ съ вами соучаствующихъ и помогающихъ?» (стр. 48) На этотъ пунктъ князь Николай Трубецкой отвѣчалъ: «Покойный профессоръ Шварцъ предлагалъ намъ, чтобъ извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ, въ Россіи. А я предъ Богомъ скажу, что предполагая, что сія особа принята въ чужихъ краяхъ въ масоны, согласовался на оное изъ единаго того, чтобъ имѣть покровителя въ оной. Но чтобъ я старался уловить оную особу, то предъ престоломъ Божіимъ клянусь, что не имѣвъ того въ намѣреніи и слѣдовательно ни соучастниковъ, ни помощниковъ, имѣть въ ономъ не могъ» (стр. 49). И. В. Лопухинъ, сознаваясь, что по любви его къ упражненіямъ въ познаніяхъ «естественно было желать, чтобъ и другіе въ томъ же упражнялись» и что «неестественно бы мнѣ было не желать того же столь важной и драгоцѣнной особѣ», прибавляетъ: «но я только что желалъ, подвига же къ тому и совѣщанія о семъ никакого не дѣлалъ; я очень мало и смутно о семъ и знаю. Новиковъ со мною мало о семъ говаривалъ». Далѣе онъ говоритъ опредѣленнѣе. «Съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ я никогда переписки не имѣлъ, а слышалъ я еще отъ Шварца, что онъ къ нему писалъ (когда заводилось здѣсь то благотворительное рыцарство), что здѣсь не намѣрены учреждать великимъ мастеромъ никого изъ иностранныхъ, и изъ здѣшнихъ, развѣ ту особу, ежели когда-нибудь она то приметъ на себя. *Однакоже я знаю, что особѣ сей никогда то предлагаемо не было, и она никакъ не участвовала*»... «Въ объясненіе вышесказаннаго о великомъ мастерѣ еще прибавлю, что у насъ не было онаго учреждено, а управляла директорія, составленная изъ первыхъ чиновниковъ провинціальной ложи» (стр. 62). Въ отвѣтъ на 16 во-

просный пунктъ И. В. Лопухинъ еще разъ возвращается къ этимъ отношеніямъ къ извѣстной особѣ и показываетъ: «Также и посредства, кромѣ Баженова, никакого не зная, повторяю еще, что весьма темное и отрывистое имѣлъ свѣдѣніе объ отношеніяхъ ихъ къ извѣстной особѣ, а о началѣ оныхъ никакого. Немного разъ говоря съ Новиковымъ, почти каждый говорилъ о неудобностяхъ таковыхъ отношеній по крайнемъ разсмотрѣніи, чисты ли и безкорыстны они; въ семъ смыслѣ, относительно къ Новикову, говаривали мы и съ княземъ Трубецкимъ и съ Тургеневымъ, которые согласны всегда были съ выше объявленнымъ понятіемъ. Мы говаривали такъ, что стараніе сдѣлаться пріятными той особѣ, хотя въ томъ видѣ, чтобы когда-нибудь благоволеніе ея обращать на обогащеніе себя и прочее, уже мерзки и гнусны въ отношеніи къ чистой добродѣтели, а видъ сей, по свойственнымъ человѣчеству пристрастіямъ, можетъ тайно, иногда и самому себѣ несвѣдомымъ образомъ, сокрываться подъ личиною мнимаго доброжелательства. И ежели бы случилось привлечь благоволеніе той особы, то всегдашнее играніе собственнолюбія и страстей человѣческихъ могло бы породить въ насъ желаніе скорѣе той особѣ быть въ возможности, благоволеніемъ оныя, существенно пользовать насъ, а одна мысль таковаго желанія есть адская и ужасная для сердца христіанъ и вѣрноподданныхъ. Самъ Новиковъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, и сколько мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, уклонился отъ таковыхъ исканій, относительно къ извѣстной оной особѣ» (стр. 77).

Бригадиръ Тургеневъ при допросѣ, относительно 4 вопроснаго пункта, показалъ: «4-е. Я, почитая масонство очень хорошимъ дѣломъ, желалъ бы, чтобы всѣ, а особливо великія особы, его защищали и утверждали; и моя забота о сей особѣ, здѣсь упоминаемой, состояла только въ мысляхъ, а отнюдь не на дѣлѣ. Слыша же отъ Баженова, что великая сія особа при-

вязана къ масонству, говорилъ объ этомъ и съ нимъ, и съ Новиковымъ. Съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ о перепискѣ по сему я не вѣдалъ и не вѣдаю. Я уже объявилъ, что вреднаго въ семъ дѣлѣ предпріятія я въ душѣ моей не имѣлъ; и въ томъ, для чего мы о семъ и говорить, и думать осмѣливались, признаю себя виноватымъ. О томъ, что Баженовъ говорилъ съ важною тою особой, вѣдалъ я, Новиковъ, Гамалѣя, Трубецкіе, такъ равно и всѣ сіи мои товарищи. По сему съ Баженовымъ и говорить не хотѣли, и Новикову отсовѣтовали, и потомъ о семъ мы отъ Новикова и Баженова ничего не слыхали» (стр. 86).

Переговоры Баженова, а также пересылка къ *извѣстной особѣ* мистическихъ масонскихъ книгъ не подлежатъ сомнѣнію. Подробности объ этомъ предметѣ желающіе найдутъ въ изданіи г. Тихонравова. Въ огромномъ количествѣ масонскихъ бумагъ и сочиненій XVIII столѣтія, просмотрѣнныхъ нами, намъ не удалось найти указаній на эти отношенія масоновъ къ «ближайшей къ престолу особѣ». Единственнымъ намекомъ можетъ служить масонская пѣсня, помѣщенная въ указанномъ нами печатномъ сборникѣ. Въ ней поется слѣдующее о Панинѣ:

О, старецъ братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль славно, Панинъ, ты успѣлъ!
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ.
Вѣнчанна, мира красотою
Плѣнивъ невинной простотою,
И что есть смертный вразумилъ.
Власть нынну съ службою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ.
Не мни, что рабствомъ утѣсненный
Тебя ласкаетъ слабый льстецъ;
Масоновъ ревность то вѣщаетъ
И опытъ непорочныхъ сердецъ.

Въ поворѣ, дружбы удаленный,
Союзовъ братскихъ отчужденный;
Послѣдуя стезѣ твоей
И въ нашъ вступивши храмъ священный
Колико пріобрѣвъ друзей [1]).

Весьма важное указаніе находимъ мы въ перепискѣ между собою нѣмецкихъ масоновъ. Въ третьей части упомянутаго выше сочиненія *Der Signatstern* (стр. 312) мы находимъ *Auszug aus des Prior Cl. Correspondance mit dem Minister Wurmb, O. d.fr. a Sepulcro*. Въ письмѣ изъ Гиммена (Gimmen), 2 января 1778 г., читаемъ слѣдующее: «Der König von Schweden hat bei seiner Anwesenheit zu Petersburg unternommen, den Grossfürst zu initiiren». Такимъ образомъ, видимъ, что мысль привлечь Павла Петровича въ орденъ принадлежала Густаву III во время его посѣщенія Петербурга въ 1777 г.

Обратимся теперь къ перепискѣ московскихъ масоновъ. Первыя два письма 1780 г. не представляютъ никакого интереса, но третье, отъ князя Николая Никитича Трубецкаго, весьма важно, и съ него начинается переписка объ устройствѣ масонства въ Россіи. Къ сожалѣнію, и оно, и слѣдующее за нимъ письмо князя Трубецкаго къ Алексѣю Андреевичу безъ даты. Изъ слѣдующаго за нимъ письма Николая Ивановича Новикова къ тому же лицу мы можемъ, однакоже, заключить, что письма князя Трубецкаго писаны раньше ноября 1782 г., потому что Новиковъ отвѣчаетъ на письмо Алексѣя Андреевича отъ 25 ноября 1782 г., письмо, вызванное очевидно предшествовавшими письмами князя Трубецкаго. Вотъ что́ пишетъ князь Трубецкой въ первомъ своемъ письмѣ къ Алексѣю Андреевичу (3-е письмо рукописи). Выписываемъ то, что̀ считаемъ особенно важнымъ.

[1]) Пѣснь LIII, стр. 68.

«Что касается до внѣшняго или іероглифическаго масонства, то мы видя, что несмотря ва всѣ обѣщанія Швеціи и на всѣ старанія К. Г. Пет. она намъ ничего не сообщаетъ, и что письма, которыя оттуда пишутъ, наполнены политическихъ учтивствъ и больше ничѣмъ, при томъ зная, что самовластный поступокъ г. Зюдерманландскаго въ сооруженіи 9-й пров. и въ приписаніи къ ней Россіи и большей части Европы вооружилъ весь орденъ противъ него, притомъ стыдясь покоренія россійскаго братства братству шведскому, и зная, что самое сіе покореніе, а наипаче требованіе безумныхъ шведскихъ брр., когда-нибудь могутъ великій ударъ въ Россіи ордену сдѣлать; при томъ получа достовѣрное извѣстіе, что въ орденѣ собирается конвентъ, состоящій изъ депутатовъ всѣхъ разсѣянныхъ капитулій и провинцій, чабы неустройства, вкравшіяся въ орденѣ, истребить, не согласіе брр. прекратить,—мы разсудили, что не можетъ быть удобнѣе случая освободить россійское братство отъ всякаго подчиненства, какъ оной. И съ симъ намѣреніемъ, соединя прежде воедино партіи бывшія, въ Москвѣ, мы послали депутацію въ орденъ, чтобы на конвентѣ намъ имѣть своихъ депутатовъ и дѣйствовать на ономъ, не яко подчиненному братству кому-либо то ни было; но яко корпусу брр.; притомъ изъяснялись, что Россія столь обширна, что имѣетъ право требовать и просить у ордена для самой себя провинціи; мы притомъ зная, что въ орденѣ великое уваженіе имѣютъ къ герцогу Брауншвейгскому, интересовали и его въ наше требованіе; депутаты наши ѣздили, и отъ одного капителя переѣзжая до другаго, наконецъ, столь счастливо успѣли, что позволено намъ было имѣть депутатовъ на конвентѣ и свои требованія на ономъ изъяснять; мы, получа это извѣстіе, уполномочили своими депутатами самого герцога Брауншвейгскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника и тайнаго секретаря Шварца, и съ прописаніемъ всѣхъ на-

нихъ требованій послали письменное представленіе на конвентъ; между тѣмъ депутаты, посланные нами, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, привезли къ намъ изо всѣхъ капителей и архивъ ордена все то, что до внѣшняго и іероглифическаго ордена принадлежитъ, такъ что всѣхъ системъ работу мы теперь у себя имѣемъ, и еще, что̀ недостаетъ, то получаемъ почти на всякой почтѣ, такъ что, соединясь съ капителями всѣхъ системъ внѣшняго ордена, мы сдѣлались такъ какъ средоточіемъ, въ которое все то, что̀ капители всѣхъ партій имѣютъ, стекается; и наша архива богатѣе становится, нежели во всей Европѣ, ибо тамъ капители разныхъ системъ другъ отъ друга таятся и другъ другу ничего не даютъ, а мы, бывъ съ ними со всѣми въ связи, и не объявляясь ничьей партіи, но признавая всѣхъ ихъ за истинныхъ брр., токмо стремящихся разными путями къ той же и единственной цѣли ордена, все то отъ всѣхъ ихъ получили и получаемъ, что̀ они только имѣютъ, а, наконецъ, мы столько счастливы были, что на конвентѣ, который кончился въ прошедшемъ мѣсяцѣ, Россія прокламирована VIII провинціей и независящею ни отъ кого, вотъ люб. бр. успѣхи наши въ разсужденіи внѣшняго ордена. Мы провинція, мы независимы ни отъ кого, и мы все то у себя имѣемъ, что̀ только внѣшній орденъ когда-либо у себя имѣлъ или имѣетъ; и за то отвѣчать можно, что Швеція того у себя не имѣетъ, что̀ имѣетъ Россія; много трудовъ намъ стоило получить провинцію, ибо Голландія и Польша той же провинціи просили; но Богъ благословилъ наши работы и мы, побѣдя всѣ препятствія, единогласно признаны и прокламированы VIII провинціей; окончивъ такимъ образомъ первое отдѣленіе моего письма, приступаю къ другому, наиважнѣйшему для меня, то-есть касающемуся до внутренняго ордена....»

Въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ, также безъ даты, князь

Н. Трубецкой сообщаетъ новыя подробности объ устройствѣ въ Россіи VIII провинціи ордена. Это письмо приводимъ вполнѣ:

«Люб. и высокопоч. б. Ал. Ан.

«Благодарю васъ за дружеское ваше письмо и притомъ, зная всегдашнюю вашу привязанность къ истинному ордену, поздравляю васъ съ открытіемъ или, лучше сказать, съ утвержденіемъ Россіи въ восьмую провинцію, на что мы уже и рѣшеніе автантическимъ образомъ получили; а чтобы вамъ дать извѣстіе, какъ расположенъ теперь орденъ, то скажу вамъ, что вопервыхъ намѣреніе возстановить орденъ Тем. совершенно уничтожено; но намѣреніе ихъ въ содѣйствіи блага исправленія человѣческаго оставлено; и принятіе въ кавалеры, яко въ число таковыхъ людей, которые рѣшились жертвовать всѣмъ своимъ временнымъ благомъ для пользы и просвѣщенія человѣковъ оставлено; также и правленіе ордена оставлено на томъ порядкѣ, какъ было прежде; почему и утверждены нижеслѣдующимъ образомъ провинціи:

I. Нижняя Германія, которая прежде VII почиталась.

II. Овернія.

III. Окситанія.

IV. Италія и къ ней префектура Шамбери.

V. Бургонія.

VI. Вышняя Германія.

VII. Австрія.—Къ ней: ложи [1]) вѣнская, венгерская, трансильванская префектура, прагская, учрежденная въ Галиціи, Лодомиріи, Ломбардіи Австрійская и Фландрія Австрійская.

---

[1]) Мы замѣнимъ словами масонскіе знаки. Въ письмахъ слова: ложа, орденъ, директорія замѣняются знаками: продолговатый четвероугольникъ, кругъ съ точкой посрединѣ, андреевскій крестъ съ четырьмя точками между концами.

VIII. Вся Россія.

IX. Осталась вакантною, дабы дать Швеціи средство раскаяться и присоединиться къ ордену.

«Сверхъ того, учрежденъ генеральнымъ мастеромъ всѣхъ провинцій его выс. бр. Фердинандъ герцогъ Брауншвейгскій и Люнебургскій.

«Три степени Св. Кам. утверждены по актамъ древнимъ; которыя суть тѣ, которыми мы работаемъ; токмо не полныя, послѣдующихъ три признаны, яко степени управляющія.

«Вотъ почт. бр. краткое начертаніе учиненнаго въ конвентѣ; мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы тѣхъ брр. петербургскихъ, которые преданы ордену, о положеніи оном предувѣдомили, дабы они были спокойны и не отдавались бы въ обманъ; ибо сказываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ колеблются и не знаютъ, что имъ дѣлать; мы же, получа для Россіи всѣ выгоды, которыя внѣшній орденъ дать ей можетъ, какъ скоро учредимъ все, что ей нужно для твердаго основанія провинціи, то петербургскимъ брр. дадимъ знать овтантически о учрежденіи нашемъ; но какъ сего скоро исполнить нельзя, то желали бы мы, чтобы они до того времени были спокойны, работали бы въ тишинѣ, и увѣрились бы, что тѣ, которымъ теперь поручилъ орденъ учрежденіе провинціи, бывъ русскіе и честные люди, обманывать ихъ не станутъ, и не для своей пользы или своихъ выгодъ трудятся, но для истинной пользы отечества, когда же они захотятъ еще и прежде присоединены быть къ истинному ордену, то стоитъ имъ только на имя національнаго комитета въ Москвѣ написать письмо и вступить въ связь съ онымъ, яко съ тѣмъ мѣстомъ, которое для открытія провинціальнаго капитела орденомъ въ Россіи управляетъ; а письмо сіе я берусь, ежели имъ угодно, въ комитетъ доставить.

«Что же до васъ принадлежитъ, то я именемъ начальству-

ющихъ брр. и всѣхъ вообще соединенныхъ могу васъ увѣрить, что они васъ всѣ любятъ, почитаютъ, и все то, что въ ихъ силѣ есть, то все для васъ сдѣлаютъ. и уже считаютъ васъ отнынѣ соединеннымъ неразрывнымъ узломъ дружбы со всѣми ими и проч.»

К. Н. Т.

Въ письмѣ Николая Ивановича Новикова, отъ 14 февр. 1783 г. къ тому же петербургскому брату, въ отвѣтъ на письмо послѣдняго отъ 25 ноября 1782 г., мы находимъ нѣкоторыя новыя подробности о признаніи Россіи особою провинціей ордена и о средствахъ, употребленныхъ московскими братьями для достиженія этой цѣли. Письмо Новикова чрезвычайно интересно; но на этотъ разъ мы извлечемъ изъ него только то, что относится до признанія Россіи самостоятельною провинціей ордена. Говоря о внутреннемъ устройствѣ масонства въ Россіи, мы воспользуемся другою его частью.

«И такъ приступая къ исполненію вашего желанія, для лучшей точности въ отвѣтѣ и ясности, я извлекъ изъ письма вашего слѣдующіе три пункта:

1) Вы желаете получить объясненіе о настоящемъ положеніи орденскихъ дѣлъ.

2) Вы желаете имѣть свѣдѣніе о именахъ брр., составляющихъ національный комитетъ VIII провинціи ордена, и

3) Спрашиваете вы, какъ далеко и съ кѣмъ именно изъ Не... брр. о. поручаетъ вамъ національный комитетъ вступать въ содѣйствія и кто особливо нуженъ изъ тамошнихъ брр. національному комитету. На всѣ сіи требованія, весьма справедливыя сами по себѣ, хотя бы я и усерднѣйше желалъ сообщить вамъ, высокоп. бр. о., достаточныя, ясныя и убѣдительныя объясненія; но на сей разъ буду довольствоваться только тѣмъ, что можно ввѣрить обыкновенной почтѣ,

и что̀ позволятъ сообщить краткость времени и собственныя мои познанія.

«На 1) извѣстныя вамъ, высокоп. бр. о., обязательства Пе .. брр. со Шведскимъ капитулемъ, требованная онымъ строгая подчиненность, врученіе всей довѣренности иностранному брату (коего не весьма чистое поведеніе давно уже многимъ было подозрительно), и нѣкоторыя не искреннія, но частію хитрыя и неточныя обѣщанія, частію скрытный и свой особенный предметъ показующія поступки, столь показались многимъ изъ Москов. брр. несоразмѣрными тѣмъ понятіямъ, которыя имѣли объ о., что ревность ихъ къ о. не только была тѣмъ воспящена, но и устрашена: ибо видѣли они тѣсное соединеніе съ такимъ капитуломъ, который по честолюбивымъ своимъ замысламъ желалъ только на счетъ величества отечества нашего возвыситься въ достоинство провинціи о., учиня въ награжденіе, да и то безъ согласія цѣлаго о., вѣчно зависимымъ отъ себя пріоратумъ такое государство, которое справедливѣе бы себѣ сіе право на счетъ шведскаго капитула присвоить долженствовало. Притомъ же щедро и вездѣ разсѣиваемыя понятія о малыхъ капитулахъ, о великихъ капитулахъ, о просвѣщенныхъ капитулахъ, о иллюминованныхъ капитулахъ, о брр. фіолетовой ленты, о магистрахъ храма, о клерикатѣ, о призываніи духовъ и проч. и проч., всѣ сіи великія познанія и высокія понятія большею частію только весьма забавны и подобны забавамъ дѣтей пугающихъ Геркулесовымъ вооруженіемъ, почему и показались они сказаннымъ М. братьямъ не только что странными, но и чуждыми истиннаго о.; а нѣкоторыя церемоніи и обряды, употребляемые въ сихъ блистательныхъ капитулахъ, несмотря на прекрасную и привлекательную личину, показались имъ совершенно ложными и подѣльными (не взирая ни на благовонное куреніе, которое не заглушало, однакожь, нечистаго запаха, и который

имѣющіе тонкое обоняніе чувствовать могли; ни на священныя молитвы, которыми дерзали прикрывать пагубныя намѣренія), ибо думали они (какъ то и дѣйствительно послѣ того удостовѣрились самымъ дѣломъ), что о—скія обязательства, не взирая на долженствующую быть въ о. подчиненность въ разсужденіи познаній, всегда, однакожь, долженствуетъ она оставаться братскою зависимостію, а не рабскою, что капитель малой или великой, иллюминованной или совсѣмъ просвѣщенной, долженствуетъ быть великимъ или просвѣщеннымъ, не по числу 81 бр., и не по великолѣпнымъ обрядамъ, но по архивѣ какую онъ имѣетъ, по искусству въ о—скихъ познаніяхъ членовъ, которые его составляютъ, и по связямъ съ кѣмъ оныя имѣютъ.

«Что фіолетовая лента можетъ служить только знакомъ отличныхъ познаній, а не существомъ оныхъ. Что магистеры храма, кажется, долженствовали бы лучше сидѣть при гробѣ I., нежели при М., что призываніе духовъ, не что̀ иное есть какъ мерзость Ваалова, или такъ-называемая како-магія, проклинаемая на многихъ мѣстахъ Св. Писанія и пр. и пр.

«Всѣ сіи обстоятельства, а наипаче совѣты, объясненія, наставленія, откровенность и чистосердечіе, ревность и пламенное желаніе доставить благо нашему отечеству, чуждая всякаго корыстолюбія братская любовь нашего любезнѣйшаго бр. о. Ивана Григорьевича Шварца; и также подлинные о—скіе документы въ рукахъ его находившіеся, дали имъ узрѣть о. въ истинномъ его красотою своею все превосходящемъ видѣ; а наконецъ, по не заслуженному ихъ счастію, удостоились они превышающаго и самыя величайшія награжденія о. объятія и благословленія, они обоняютъ уже небесный и чистый и натуру человѣческую оживляющій запахъ о. позволили уже имъ утолять жажду ихъ къ познаніямъ изъ источника Эдемскаго, изобильно и непрестанно протекающаго

отъ начала вѣковъ во всѣ четыре конца вселенныя. При толикомъ счастіи, позавидуютъ ли они бѣднымъ и чернымъ познаніямъ шведскимъ? Да не будѣтъ сего во вѣки! До сего счастія достигли московскіе брр. слѣдующимъ порядкомъ: 1) Они учредили въ Москвѣ сіентифическую тайную, такъ-называемую ложу Гармонію. Въ бытность въ Москвѣ В. П. Б. о. К. Г. П. Г. пригласили его къ себѣ въ члены; показали ему предметъ своихъ исканій, то-есть соединеніе съ о.; объявили ему свое сомнѣніе о Шведахъ: онъ на все согласился, сдѣлался почетнымъ членомъ ложи Гармоніи, одобрилъ предметъ исканій и съ тѣмъ разстался, отъѣзжая въ П. былъ основательными доказательствами убѣжденъ о честности намѣреній, какъ помянутаго бр. о. Шварца, такъ и всѣхъ соединившихся брр. Между тѣмъ, соединенные брр. рѣшились отправить бр. о. Шварца и съ нимъ бр. о. Петра Петровича Татищева для достиженія къ цѣли своихъ желаній. Они отправились и не токмо что исполнили, но и превзошли желаніе московскихъ соединившихся брр. По возвращеніи же ихъ, они отправили полномочіе на генеральный конвентъ. Между тѣмъ в. п. бр. о. Гагаринъ прибылъ въ Москву. Со стороны московскихъ брр. все употреблено было, но ни въ чемъ у него не успѣли. Наконецъ конвентъ кончился, Россія возвышена въ достоинство VIII провинціи, и нынѣ уже учредился провинціальный капитель и директорія: изъ сего в. п. бр. о. изволите усмотрѣть, что московскіе брр. столько были успѣшны въ исканіяхъ своихъ на генеральномъ конвентѣ, что пріобрѣли въ о. мѣсто, котораго и самъ шведскій капитель законнымъ образомъ еще не имѣетъ; и столько учинилися блаженными, что въ отечествѣ нашемъ существуютъ уже спасительныя, истинныя и единственныя познанія древнѣйшаго, единаго и святѣйшаго о. Боже всемогущій! призри и посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя!»

Таковы извѣстія, доставляемыя перепиской объ отдѣленіи русскаго масонства отъ шведскихъ ложъ и пріобрѣтеніи имъ самостоятельности. Мы постараемся дополнить эти свѣдѣнія другими матеріялами, частію идущими изъ того же источника, откуда и переписка, частію принадлежащими мнѣ. Смыслъ многихъ изъ нихъ открывается только теперь, благодаря перепискѣ, и мы можемъ почти шагъ за шагомъ прослѣдить первые шаги русскаго масонства, освободившагося отъ невыгодной зависимости.

Къ 1781—1784 годамъ относится самая блестящая пора московскаго масонства, и къ этому времени относится и бо́льшая часть находящихся у насъ матеріяловъ.

Профессоръ Московскаго Университета Иванъ Григорьевичъ Шварцъ и Петръ Петровичъ Татищевъ, сынъ столь извѣстнаго Петра Алексѣевича Татищева, отправились за границу по порученію московскихъ братій въ 1781 году, 22 октября. Въ Брауншвейгѣ Шварцъ представилъ герцогу свою кредитивную грамоту отъ московскихъ братій и подалъ ему слѣдующее представленіе. Мы имѣемъ это представленіе, равно какъ и протоколъ созванной герцогомъ по его поводу конференціи, въ переводѣ съ нѣмецкаго въ официальной, подписью и печатью засвидѣтельствованной копіи.

«Свѣтлѣйшій Герцогъ,

«Милостивый государь,

«Высокодостойнѣйшій в. мастеръ всѣхъ соединенныхъ шотландскихъ ложъ!

«Какъ московскія братья высокаго ордена, вступившія въ тѣснѣйшую связь съ такъ-называемою ложею Гармоніи, которыхъ имена и свѣтскіе чины ваша свѣтлость всемилостивѣйше усмотрѣть изволите изъ данной мнѣ отъ нихъ кредитивной грамоты, особенно же предсѣдательствующіе въ оной

главные мастера Петръ Алексѣевичъ Татищевъ и Николай Ивановичъ Новиковъ возложили на меня изустно донести вашей свѣтлости обстоятельно о положеніи масонства въ Россіи и узнать ваши мысли о томъ, дабы оныя впредь взять себѣ за правило въ своихъ поступкахъ относительно къ *масонству*, то осмѣлился я чрезъ настоящее представленіе всеподданнѣйше предложить вашей свѣтлости письменно главные пункты возложенной на меня коммиссіи.

«1. Всеподданнѣйше донести вашей свѣтлости, что орденъ Тампліеровъ существуетъ уже въ Москвѣ съ 1776 г., куда онъ перенесенъ чрезъ извѣстнаго барона Беннинкса; что братья, кои скоро усумнились о законности Беннинксова основанія, посредствомъ ложи Трехъ Глобусовъ, взяли свое прибѣжище къ вашей свѣтлости, яко къ видимому великому мастеру всѣхъ старыхъ шотландскихъ ложъ съ просьбою о милостивѣйшемъ признаніи состоящихъ уже въ высокомъ орденѣ братій, которую просьбу чрезъ сіе повторяю я преданнѣйше.

«2. Что какъ помянутыя братья знаютъ вашу свѣтлость, яко высочайшаго орденскаго начальника всѣхъ соединенныхъ старыхъ шотландскихъ ложъ; то они вступили въ союзъ съ митавскою старою шотландскою ложей, яко состоящею равнымъ образомъ подъ высочайшимъ вашимъ вѣдѣніемъ, который союзъ намѣрены они продолжать потому наипаче, что онъ, по положенію Курляндіи, много способствуетъ къ всеобщей связи и корреспонденціи.

«3. Чтобы ваша свѣтлость всемилостивѣйше изволили русскимъ братьямъ высокаго ордена впредь содѣйствовать въ общихъ дѣлахъ орденскихъ. Помянутые братья осмѣливаются увѣрить, что высокій орденъ въ Россіи столько же полезенъ быть можетъ, сколько и гдѣ индѣ.

«4. Въ случаѣ, что генеральный конвентъ ордена воспослѣдуетъ, чтобы Россіи всемилостивѣйше доставить одну или двѣ

изъ неоткрытыхъ еще провинцій. Безъ сего м—ство въ Россіи никогда не можетъ сдѣлать всей той пользы, какую бы оно произвести могло отъ открытія въ ней провинціи. Курляндія могла бы тогда составить часть русскихъ провинцій.

«Вашей свѣтлости и проч. преданнѣйше-послушнѣйшій

І. Г. Шварцъ.»

Въ Брауншвейгѣ.
22-го окт. 1781 г.

Въ тотъ же день у герцога была конференці я по поводу представленія профессора Шварца, и вотъ протоколъ этой конференціи:

«Въ присутствіи его свѣтлости. высоко-достойн. в. мастера всѣхъ соединенныхъ шотландскихъ ложъ, Фердинанда, герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго и пр.,

Бр. профессора Шварца,

Бр. тайнаго совѣтника Кортума,

Бр. статскаго совѣтника Шварца,

Бр. совѣтника посольства Гилле[1]),

[1]) Мы имѣемъ печатный списокъ депутатовъ генеральнаго конвента ефанъ-масоновъ въ Вильгельмсбадѣ (отъ 16-го іюля по 1-е сентября 1782). Списокъ засвидѣтельствованъ печатью ордена и подписью начальника архива и хранителя печати: Бр. Fridericus Eq. ab urna. Въ этомъ спискѣ изъ членовъ конференціи находимъ двухъ: Шварца и Кортума.

Schwartz Conseiller d'Etat de S. M. le Roi de Danemarc etc. in. o. Fr. *Fridericus Eq. ab. urna*, Secretaire Général, Garde de Sceaux et Archives de l'o. faisant les fonctions de Sécretaire Général du Convent pour la langue Allemande, muni des Pleinspouvoirs du Tresorier Général de la Province Fr. Eq. a mergite (de Rhetz), ainsi que des Prefectures de Brunswic, Hannovre, de Konigsberg, dans la I. de même que du Grand Prieuré de Bataves de la VI et de toute la VIII Province (Россія). Le Rev. Fr. *de Kertum*, Conseiller privé de S. M. le Roi de Pologne, in o. Fr. *Ernestus Eq. a Foute Irriquo*, muni des Pleinspouvoirs du Très Rev. Fr. Doien de la province Eq. a Gladio ancipiti (Comte de Brühe). Оба были депутатами отъ первой провинціи, Нижней Германіи до Балтійскаго моря.

«Въ Брауншвейгѣ, въ герцогскомъ замкѣ 22-го окт. 1781 г. происходило слѣдующее:

«Въ назначенной отъ его высокодостоинства, свѣтлѣйшаго герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, сегодняшней конференціи, высокодостойный брр. профессоръ Шварцъ, именемъ московскихъ въ тѣснѣйшую связь вступившихъ внутренняго ордена братій такъ-называемой ложи Гармоніи, которыхъ имена и свѣтскіе чины его высокодостойной свѣтлости поднесены уже въ кредитивной грамотѣ и въ особливости именемъ предсѣдательствующихъ въ оной главныхъ мастеровъ Петра Алексѣевича Татищева и Николая Ивановича Новикова, подалъ приложенное при семъ представленіе (промеморію, записку). Соотвѣтственно содержанію онаго его высокодостоинство свѣтлѣйшій герцогъ соизволилъ дать слѣдующія рѣшенія:

«На 1) что его свѣтлость находящихся въ Москвѣ братьевъ внутренняго ордена, какъ прежде, такъ и впредь признаетъ таковыми.

«На 2) его высокодостоинство, свѣтлѣйшій герцогъ, не только принялъ сіе столь лестное для него прошеніе, но купно обязался нынѣ московскимъ брр. внутренняго ордена всегда сообщать обо всемъ, что впредь въ орденѣ случится, по силѣ существующаго уже между ими и курляндскими братьями союза или прямо въ Москву или представляемымъ образомъ черезъ Митаву.

«На 3) сіе безъ всякаго прекословія пріемлется и допускается.

«На 4) какъ сіе принадлежащее до наступающаго генеральнаго конвента ордена: то его высокодостоинство, свѣтлѣйшій герцогъ обѣщаетъ высокою своею рекомендаціей поддержать въ ономъ требованіе московскихъ братьевъ внутренняго ордена, а между тѣмъ его свѣтлость предлагаетъ, не соблаговолятъ ли тамошнія высокодостойные братья внутренняго ордена

въ особенности уполномочить двухъ братьевъ на генеральный конвентъ ордена для вящшаго споспѣшествованія въ исполненіи ихъ требованій.

«Чѣмъ и заключена была сія конференція.

«На подлинномъ подписано тако:

«Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій. Выбранный в. мастеръ всѣхъ ложъ.»

М. II.

«Внизу подписано: Во увѣреніе г. Гилле.»

Путешествіе профессора Шварца было важно для московскаго общества. Несмотря на короткость поѣздки, онъ завязалъ личныя связи съ главнѣйшими изъ нѣмецкихъ дѣятелей общества. Кромѣ тѣхъ лицъ, которыя упомянуты въ протоколѣ, онъ познакомился съ Іерузалемомъ, воспитателемъ герцога [1]). Въ Берлинѣ онъ сошелся съ главными лицами тамошнихъ ложъ.

Лучшимъ доказательствомъ того значенія и вліянія, которое пріобрѣлъ онъ у германскихъ начальниковъ масонскаго ордена, будетъ служить переписка по случаю учрежденія въ Москвѣ директора, которую мы приведемъ ниже.

Возвратясь въ Россію, Шварцъ привезъ своимъ довѣрителямъ, кромѣ приведенныхъ рѣшеній главы ордена, нѣсколько важныхъ бумагъ, разосланныхъ по ордену еще прежде вступленія московскихъ масоновъ въ прямыя сношенія съ герцогомъ Брауншвейгскимъ. Мы имѣемъ русскіе переводы: 1) предварительнаго циркуляра, касающагося до будущаго генеральнаго конвента ордена, отъ Фердинанда герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго отъ 19 сентября 1780 г., и 2) призывнаго циркуляра къ генеральному конвенту 15 октября во Франк-

---

[1]) См. *Біографическій словарь московскихъ профессоровъ*, статью г. Тихонравова о Шварцѣ.

фуртѣ на Майнѣ, подписаннаго въ замкѣ Готторпскомъ 18 іюля 1781 г. герцогомъ Фердинандомъ. Оба эти циркуляра не могли быть обращены къ русскимъ масонамъ раньше поѣздки Шварца, потому что въ нихъ ни разу не упомянута Россія, хотя нѣсколько разъ указываются страны, куда простирается власть великаго мастера. Они не могли быть переведены и въ позднѣйшее время русскими масонами ради историческаго ихъ значенія, потому что мы находимъ отвѣтъ на нихъ, посланный московскими братьями къ герцогу вскорѣ послѣ возвращенія Шварца въ Москву. Кромѣ того, указанія на нихъ есть и въ перепискѣ. Мы не будемъ приводить вполнѣ эти циркуляры, несмотря на ихъ важность для исторіи масонства: они слишкомъ обширны и не имѣютъ прямаго отношенія къ русскимъ братьямъ, т лько еще вступившимъ въ прямое общеніе съ орденомъ. Ограничимся поэтому лишь важнѣйшими указаніями и приведемъ только одно посланіе московскихъ начальниковъ братства къ герцогу.

Генеральный конвентъ соединенныхъ шотландскихъ ложъ Германіи, Италіи, Франціи и Голландіи, который предполагалось собрать, вызванъ былъ внутренними безпорядками и разладомъ, которые господствовали въ братствѣ. Въ предварительномъ циркулярѣ герцогъ прямо говоритъ о печальномъ состояніи ордена. «Сдѣлать оный столько же полезнымъ для человѣчества, сколь и для его членовъ до тѣхъ поръ невозможно суть, доколѣ намѣренія и предметы различныхъ его частей и слѣдственно учрежденіе и расположеніе оныхъ будутъ другъ другу такъ противуборствовать, какъ то до нынѣ происходило. Я не хочу, любезные братья, представить вамъ подробнѣйшаго изображенія печальныхъ дѣйствій отъ таковаго различія въ правилахъ нашихъ происходящихъ, ибо я ничего не могу вамъ сказать такого, чего бы вы давно сами болѣе или менѣе не испытали». Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ брат-

ское собраніе всѣхъ древнихъ шотландскихъ ложъ средствомъ *спасти* орденъ. Для этого онъ объявляетъ, что рѣшенія, принятыя на конвентѣ, «долженствуютъ приняты быть, яко новое основательное законоданіе (novum pactum fundamentale)» и что «отправляемые на сей случай депутаты должны имѣть *неограниченную власть и слѣдственно признаваемы быть судьями, а не простыми ходатаями*». Но прежде, чѣмъ созывать генеральный конвентъ, объ ускореніи котораго «многократно просили французскіе, италіянскіе, голландскіе, швейцарскіе и бо́льшая часть германскихъ братьевъ», герцогъ Фердинандъ въ предварительномъ циркулярѣ обращается ко всѣмъ членамъ братства съ слѣдующими вопросами:

«1) Наружный видъ и порядокъ правленія, такъ какъ подчиненность и отношеніе разныхъ между собою частей ордена.

«Здѣсь спрашивается:

«a) Должны ли мы орденъ принимать за нѣчто условное, или можемъ мы производить оный отъ какого-нибудь древнѣйшаго общества или ордена, и какой есть сей орденъ.

«b) Имѣемъ ли мы въ послѣднемъ случаѣ дѣйствительно существующихъ начальниковъ, которые чрезъ достовѣрные знаки могутъ быть признаны таковыми? Что́ мы разумѣемъ подъ оными начальниками? Изъ тѣхъ ли они, которые повелѣваютъ или которые наставляютъ и кто они таковы?

«c) Не находится ли другихъ особъ или обществъ, которыя хотя и не могутъ доказать самаго того же происхожденія. однакоже, по крайней мѣрѣ, тѣ же самыя или подобныя имѣютъ качества? Ежели на сей или первый вопросъ можно отвѣчать утвердительно и доказать сіе, то уже само-собой разумѣется, что они намъ и дальнѣйшіе вопросы и разсужденія наши могутъ рѣшить вѣрнѣйшимъ образомъ.

«d) Какія то способы или общества, которыя по причинѣ близкаго или дальняго сходства или по причинѣ единообразнаго происхожденія съ нами заслуживаютъ наше вниманіе и какія должны мы въ разсужденіи ихъ основать отношенія.

«e) Какія, напротивъ того, общества вольныхъ каменщиковъ, которыхъ намѣреніе и предметъ долженствуемъ мы признавать за противоположныя нашимъ, вредныя и опасныя?

«f) Какія суть наилучшія и политическому состоянію государствъ соразмѣрнѣйшія подчиненность и отношенія особенныхъ частей ордена?

«g) Какія суть надежнѣйшія средства къ предохраненію отъ нерадѣнія принятыхъ или впередъ принимаемыхъ законовъ какъ вообще, такъ и по частямъ оныхъ?

«2) Обряды и обычаи, равно какъ благоразумное и съ извѣстнымъ концомъ расположеніе оныхъ.

«3) Поведеніе наше противъ государства и публики вообще:

«a) Чѣмъ можемъ мы достовѣрно доставить себѣ уваженіе отъ публики и покровительство отъ правленія? и какія суть упражненія вольнаго каменьщика, черезъ которыя онъ и публикѣ можетъ сдѣлаться наиболѣе полезнымъ.

«b) Въ случаѣ, если когда-нибудь худо понимаемое возстановленіе Т. О. (орденъ Тампліеровъ?) будетъ публично признано единственнымъ предметомъ союза нашего или на таковое возстановленіе совсѣмъ, либо отчасти въ какихъ-либо мѣстахъ дѣйствительно покушаться будутъ, то какія надлежитъ намъ взять мѣры, дабы нѣкоторыя государства, коимъ таковое предпріятіе по положенію ихъ не можетъ быть равнодушно, не почитали насъ съ ними въ одномъ сообществѣ?

«4) Необходимое для каждаго общества и будущимъ обстоятельствамъ ордена соразмѣрное экономическое устройство.

«5) Одинъ или многіе всеобщіе предметы:

«a) Не можно ли принять предметъ ордена всенародный и тайный, или наружный и внутренній? и который изъ нихъ можетъ быть послѣднимъ?

«b) Благотвореніе, взаимная между братьями помощь и воспитаніе способнаго мужа для государства не суть ли три великіе, благородные и ордена достойные публичные предметы?

«c) Какимъ образомъ въ каждомъ мѣстѣ надежнѣе предметовъ сихъ достигать можно?

«d) Когда въ орденѣ находится что́ ни есть къ наукамъ относящееся, то въ семъ случаѣ какъ можно выгоднѣйшимъ образомъ согласить оное съ правленіемъ государства и поколику при обрядахъ нашихъ помышлять или не помышлять о семъ должно

«6) Лучшій порядокъ въ разсужденіяхъ при таковомъ генеральномъ конвентѣ, елико возможно ограниченное число депутатовъ или судей, такожъ наблюденіе лучшаго и самонадежнѣйшаго средства, порядка и согласія между братьями и возможная бережливость при издержкахъ.»

Мы не будемъ приводить призывнаго циркуляра на генеральный конвентъ, назначенный слишкомъ черезъ годъ послѣ разсылки предварительнаго циркуляра. Скажемъ только, что герцогъ въ этомъ призывномъ циркулярѣ сообщаетъ, что онъ уже получилъ отвѣты отъ большей части ложъ и что эти отвѣты въ существенномъ довольно единогласны. Для насъ важнѣе донесеніе московскихъ братій герцогу Брауншвейгскому, какъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ предварительнаго циркуляра, такъ особенно и относительно просьбъ московскаго братства. Оно безъ даты, но, какъ видно, написано скоро послѣ возвращенія Шварца изъ заграничнаго путешествія.

«Свѣтлѣйшій герцогъ!

«Всемилостивѣйшій государь!

«Давно уже имя вашей свѣтлости придавало величайшее сіяніе ордену вольныхъ каменьщиковъ, въ странахъ нашихъ се *Emda*, поставляемая нами противъ клеветъ, которыми старались замарать насъ невѣжество и ложь, да еще и съ нѣкоторымъ видомъ справедливости. Однакожь, сіе имя, столь часто побѣдами увѣнчиваемое, имя всѣмъ добродѣтельнымъ только драгоцѣнное, опровергнуло сопротивниковъ нашихъ и заставило молчать ихъ.

«Мы исполнены чувствованіями любви и высокопочитанія ко князю, только драгому для человѣчества и для ордена, но, конечно бы, еще возрасли въ насъ чувствованія сіи, видя насъ отвѣтствующихъ на оныя нѣжнѣйшимъ образомъ, явивъ намъ новые опыты великодушныя ревности къ распространенію ордена въ странахъ нашихъ, еслибы не были они такъ уже сильны, что ничего болѣе присовокупить къ нимъ не можно, изливая только всѣ просьбы и надежды въ грудь вашу; желаемъ мы доказать вамъ нашу искренность и будучи исполнены совершенной довѣренности къ вашимъ милостямъ, осмѣливаемся мы прибѣгнуть единственно къ вашей свѣтлости съ отвѣтомъ нашимъ на предложенные вопросы: орденъ есть ли нѣчто совершенно условное или происходитъ онъ изъ общества гораздо древнѣйшаго?

«Мы различаемъ тутъ два предмета: 1) Внѣшній образъ, различныя внѣшнія степени, учрежденіе и подчиненность ложъ, кажутся намъ совершенно условными. Если желаютъ, чтобъ они дѣйствовали на мнѣнія и господствующія предразсужденія времени истребляли, то надлежитъ перемѣнять ихъ, располагаясь по образу мыслей каждаго вѣка. 2) Мы увѣрены, что происхожденіе вольнаго каменщичества, а особливо

первыхъ трехъ степеней, относится къ древности, гораздо отдаленнѣйшей, предпочтительно жъ къ первымъ вѣкамъ христіанства. Истина сія не могла скрыться отъ проницательныхъ умовъ нашихъ, коль скоро токмо они тамъ сообщены были фельдмаршаломъ Кейтомъ, принесшимъ ихъ въ страны наши. Сходствія ихъ съ церемоніями и обрядами церкви нашея, столь совершенно и есть очевидно, что неотмѣнно заключить должно, что и тѣ и другія проистекаютъ изъ единаго источника.

«Крайне сожалѣемъ, что циркулярное письмо вашей свѣтлости дошло къ намъ такъ поздно, а безъ сего могли бы мы предложить нѣкоторыя сочиненія, извлеченныя изъ обрядовъ церкви нашея. Эмблемы въ древнія времена, отъ Грековъ нами полученныя, и писанія отцовъ церкви славянскія, которыя бы могли быть въ состояніи оное первоначальное и древнее каменщичество учинить толико достойно почтеннымъ въ глазахъ каждаго человѣка, никакими личными побужденіями не предубѣжденнаго, что, конечно бы, не пожелалъ онъ составить новаго. Но въ разсужденіи сего предоставляемъ мы себѣ свободу откровеній, которыя мы сдѣлать можемъ, сообщить вашей свѣтлости и тѣмъ домамъ ордена, которые въ связи съ нами находятся.

«Мы, конечно, нашли бы уже разныя сочиненія о разрушенномъ и разсѣянномъ камнѣ, а можетъ-быть и дополнили бы часть онаго, еслибы мысль искать сего въ архивахъ монастырей нашихъ и въ нашихъ книгохранительницахъ пришла намъ гораздо прежде, и еслибы не обѣщали намъ открытія вышнихъ степеней, что̀ паки остановило исканіе въ надеждѣ нашей, что въ степеняхъ сихъ получимъ мы свѣтъ и познанія, гораздо совершеннѣйшія.

«Послѣ сего вели насъ изъ степени въ степень, изъ коихъ одинъ другаго былъ гораздо жалчѣе. Множество изъ нашихъ

братьевъ, особливо изъ имѣющихъ первѣйшіе чины въ имперіи получили отъ нихъ отвращеніе, или наскучивъ употреблять болѣе во злосвятость присяги, отъ нихъ отказались. Наконецъ сообщили намъ О. Т. и тогда возвратилась надежда въ сердца наши, ибо орденъ сей существовалъ и ваша свѣтлость были членомъ, покровителемъ и главою онаго; довольно уже сего, чтобъ увѣрить насъ о дѣйствительномъ существованіи и важности онаго.

«Продолжался ли о. сей и былъ намъ сообщенъ истребленными Т. или возстановленъ согласіемъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ и достойныхъ братьевъ, все сіе для насъ едино. Ибо какъ можемъ помыслить, что все вольное каменщичество есть не что иное, какъ собраніе эмблемъ, относящихся къ возстановленію ордена онаго, даже почли бъ химерою, еслибы кто хотѣлъ намъ сказать сіе, но вотъ понятія, которыя мы о семъ получили.

«Символы вольнаго каменщичества имѣютъ естественныя означенія свои, которыя находитъ каждый человѣкъ съ прилежностію къ изслѣдованію его прилагающійся. Ибо оно основано въ природѣ и въ твореніи. Истина, изъясненная въ сіентефическомъ планѣ, который братъ *ab aquila*. имѣлъ честь предложить почтенному брату *ab urna* [1]). Сіи означенія потеряны были или токмо для насъ, или можетъ-быть и для всѣхъ. И такъ открытіе означеній сихъ, потерянnаго слова, возстановленіе разрушеннаго и разсѣяннаго камня. Сіе-то есть цѣлію ордена Т.

[1]) Подъ именемъ eques ab urna разумѣлся Schwarz, conseiller du Roi de Danemark, grand gardien des archives, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ герцога Брауншвейгскаго по масонству. Кто былъ братъ eques ab aquila, мы не знаемъ. Быть можетъ это былъ профессоръ Иванъ Егоровичъ Шварцъ, но въ такомъ случаѣ нужно предположить въ рукописи или сокращеніе или ошибку. Орденское имя И. Е. Шварца было Eques ab aquila crescente.

«Разсматривая со стороны сей, все было для насъ равно, какое бы не дали названіе ордену, коего намѣреніе искать истины, и сообщать ихъ братіямъ.

«Пышныя церемоніи рыцарства, кресты, кольца, эпанчи и родословныя поколѣнія должны были произвесть великое впечатлѣніе надъ націею военною, въ которой одно токмо знатное дворянство работами нашими занималось. Сверхъ того богатое дворянство наше, также какъ и вездѣ воспитано весьма чувственнымъ образомъ, и слѣдственно ничто такъ не способно показать ему отношенія умозрительныя, какъ такой языкъ, который дѣйствуетъ на всѣ органы его. Весьма справедливо, что церемоніи сіи дѣлаются очень смѣшными, коль скоро они не будутъ соразмѣрны особамъ, и мы думаемъ, что весьма страннымъ казаться должно членамъ нѣкоторыхъ домовъ ордена, не пріобыкшихъ къ оружію, или по состоянію своему удаляться отъ него долженствующихъ, видѣть себя вдругъ съ головы до ногъ вооруженнаго и обвѣшеннаго рыцарскими орденами. Напротивъ, между нами таковая воинская пышность не можетъ быть непріятною; ибо всѣ члены наши предводительствовали батальйонами и цѣлыми арміями! Весьма приличествуютъ и кресты оные особамъ, которыя и въ общежитіи таковыми знаками чести украшены, или которыя ничего такъ жадно не желаютъ какъ полученіе оныхъ.

«Что касается до сторонніхъ понятій, которыя дѣлаютъ въ другихъ земляхъ Европы, представляя орденъ Т. совокупленный съ командорствами и обладаніями нѣсколькихъ земель, то они такъ намъ чужды, что даже историческимъ токмо образомъ представить ихъ себѣ намъ трудно. Они бы не имѣли ничего вреднаго, еслибы не было нѣчто противнаго въ учрежденіи и подчиненности ордена.

«Но сей послѣдній пунктъ весьма щекотливъ и одинъ изъ

важнѣйшихъ, особливо съ того времени, какъ многіе изъ братіевъ нашихъ вступили въ обязательство и сдѣлали союзъ съ шведскими братіями, союзъ произведшій наигорестнѣйшія слѣдствія, когда открытіе IX провинціи столь неосторожно въ вѣдомостяхъ обнародовано было. Ибо ея величество почла весьма непристойнымъ столь тѣсный союзъ подданныхъ своихъ съ принцомъ крови шведскія. И надлежитъ признаться, что она имѣла весьма справедливыя причины безпокоиться о семъ. А какъ намъ кажется весьма важнымъ для воль. кам., чтобы не имѣть противу себя государей имперіи толико обширныя, то и почитаемъ весьма нужнымъ, чтобы на генеральномъ конвентѣ постарались принять мѣры, не токмо отдѣлить насъ отъ братьевъ шведскихъ, но и для будущихъ временъ предупредить неудобства сему подобныя. Вотъ единая милость, которую и спрашиваемъ мы у вашей свѣтлости, яко у видимаго начальника ордена; ибо мы желаемъ соединиться со всѣмъ о., но сего быть не можетъ, коль долго существуетъ подчиненіе, противное волѣ монархини нашей.

«Итакъ надѣемся, что ваша свѣтлость употребите всѣ милостивѣйшія стороны свои на генеральномъ конвентѣ, дабы склонить его къ открытію новой провинціи въ пользу нашу. Ваша свѣтлость удостоили увѣрить депутатовъ нашихъ, что вы употребите заступленіе ваше для доставленія намъ толико желаемаго предмета, но притомъ изволили замѣтить, что полезно бы намъ было послать депутатовъ на генеральный конвентъ для предложенія сего. Однакожъ, внутреннее положеніе дѣлъ нашихъ, такъ какъ и состояніе наше, не позволяютъ намъ въ столь краткое время отправить депутатовъ въ путь, толико дальній; впрочемъ, въ дѣлѣ такой важности не смѣемъ положиться на братьевъ, внѣ государства сущихъ, коихъ ни знанія, ни ревность довольно намъ неизвѣстны

а тѣмъ болѣе, что мы имѣли случай раскаяться, давъ такое полномочіе въ дѣлѣ, которое имѣли мы съ шведскими братіями.

«Извините, всемилостивѣйшій государь, если находясь въ обстоятельствахъ сихъ, прибѣгаемъ единственно къ вашей свѣтлости; вы единый имѣете довѣренность братьевъ не только соединенныхъ съ нами, но и тѣхъ, которые теперь еще не соединились.

«Дозвольте же намъ полномочіе наше вручить въ руки ваши и чтобы мы исполненіе желаній нашихъ ожидали отъ васъ единаго, покоряясь всему, что̀ токмо вашей свѣтлости угодно будетъ заключить о насъ; мы увѣрены, что все учиненное на генеральномъ конвентѣ, собранномъ подъ начальствомъ толь великаго князя, не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ общей пользы и благоденствія о.»

Намъ извѣстны изъ писемъ Новикова и князя Трубецкаго дальнѣйшія событія. Полномочными депутатами со стороны Русскихъ были самъ герцогъ Брауншвейгскій и тайный секретарь Шварцъ. Россія была признана самостоятельною провинціей ордена, и московскіе братья могли заняться устройствомъ своего общества. Профессоръ Шварцъ получилъ отъ ордена порученіе и полномочіе на устройство въ Москвѣ директоріи теоретической степени.

При устройствѣ особой масонской провинціи въ Россіи, Шварцу дана была отъ ордена какъ бы диктатура. Любопытный документъ находится въ офиціяльной рукописи Теоретической степени Соломонскихъ наукъ, скрѣпленной тайною печатью верховнаго мастера Россіи въ первой четверти XIX столѣтія. Мы приведемъ его вполнѣ.

«По высокобратскому соизволенію передаю я, нижеподписавшійся, брату Іогану Георгу Шварцу, профессору императорскаго Московскаго Россійскаго университета, теоретичес-

кую степень единаго, истиннаго ордена, въ силу данной имъ присяги, во имя всего, что̀ ни есть святаго, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Не давать сей степени никому иному, какъ только старошотландскимъ мастерамъ и то такимъ, которые, бывъ проникнуты истиннымъ благочестіемъ, Богобоязнію и человѣколюбіемъ, черезъ то достойными признаны будутъ. 2) Никакому брату, какого бы онъ ни былъ званія, не должно давать въ руки сію степень и наставленіе оной для прочтенія, развѣ въ присутствіи бр. Шварца и еще менѣе давать ихъ для списыванія. 3) Онъ долженъ сообщать наставленія такимъ образомъ, чтобы въ 9 собраній оне одинъ разъ пройдено было. 4) Долженъ стараться, по мѣрѣ силъ своего ума, изъяснять оное братьямъ лучшимъ образомъ. 5) Степень сію сохранять въ глубочайшей тайнѣ, а потому быть весьма осторожнымъ въ выборѣ сочленовъ. Имѣя полную довѣренность къ честности и вѣрности бр. Шварца, силою данной мнѣ братской власти, симъ назначается онъ единственнымъ верховнымъ предстоятелемъ сей степени во всемъ Императорско-Россійскомъ государствѣ и его земляхъ съ тѣмъ, чтобъ онъ ежегодно присылалъ ко мнѣ именной списокъ принятыхъ, по удостоенію его, братьевъ, дабы они могли быть вносимы въ орденскую цѣпь теоретическихъ братьевъ. Также обязывается бр. Шварцъ за каждаго принятаго брата ежегодно переводить хорошими векселями въ пользу нашей кассы для бѣдныхъ, по одному червонцу. Каждый братъ платитъ, передъ принятіемъ, семь талеровъ, изъ которыхъ четыре талера остаются въ распоряженіи брата верховнаго предстоятеля Шварца, для пріобрѣтенія нужныхъ снарядовъ и пр., и онъ въ нихъ никому, кромѣ меня, отчетомъ не обязанъ. А такъ какъ бр. верховный предстоятель донесъ, что бр. Николай Ивановичъ Новиковъ, директоръ императорской университетской типографіи въ Москвѣ, имѣетъ истинныя добродѣтели и заслуги, а пото-

му и желаетъ ему передать работы сей степени, то симъ и уполномочивается онъ передать ее брату сему подъ условіемъ наблюденія всѣхъ вышеописанныхъ пунктовъ и поставить его главнымъ предстоятелемъ сей степени, въ присутствіи, по крайней мѣрѣ, трехъ братьевъ, имѣющихъ ее. Братъ Николай Ивановичъ Новиковъ въ присутствіи же сихъ братьевъ дастъ обѣщаніе въ томъ, что онъ брата Шварца признаетъ верховнымъ предстоятелемъ, будетъ ему оказывать вѣрность и повиновеніе, безъ позволенія его никого не приметъ и вообще все вышесказанное наиточнѣйше исполнитъ. Еслибы случилась нужда учиться теоретической степени и преподавать оную въ другихъ мѣстахъ императорскихъ Россійскихъ земель, кромѣ Москвы, тогда бр. Шварцъ подчинитъ нужныхъ главныхъ предстоятелей брату Новикову, дабы онъ ими руководствовалъ; самъ же надъ всѣми будетъ имѣть бдительное око, чтобы братья приготовляемы были къ допущенію до тѣснѣйшаго соединенія.

«Для свѣдѣнія чего, съ высокобратскаго соизволенія написано и подписано сіе мною съ приложеніемъ моей печати.

«Въ палатѣ теоретической степени. Берлинъ, 1 октября (н. с.) 1781 года.»

Подлинное подписано:

М. П.

«Johan Christian Eq. a Tarda.
«Franciscus Wilhelmus Eq. a Castore, Secretarius.»

Дѣятельность Шварца по возвращеніи его изъ-за границы истинно изумительна, особенно если принять въ соображеніе слабость его здоровья. Кромѣ исполненія обязанностей профессора въ университетѣ и учредителя филологической семинаріи, кромѣ дѣятельности въ гимназіи, кромѣ заботъ объ

устройствѣ братства, онъ читаетъ публичный курсъ *О трехъ познаніяхъ любопытномъ, пріятномъ и полезномъ* [1]), дошедшій до насъ въ рукописи. Этимъ впрочемъ не ограничивалась его дѣятельность. До насъ дошла рукопись, содержащая конспектъ и замѣтки относительно другихъ его лекцій, читанныхъ въ то же время. На листѣ, въ который завернута эта рукопись, мы читаемъ слѣдующую надпись: «Сіи получены отъ Павла Ивановича Шварца на подержаніе», и потомъ другими чернилами: «Подарены мнѣ сыномъ І. Е. Шв. П. Ив.». Нѣкоторыя поправки на поляхъ наводятъ на мысль, не была ли рукопись поправлена или, по крайней мѣрѣ, просмотрѣна самимъ профессоромъ. Изъ этой рукописи видно, что Шварцъ въ 1782—1783 академ. годахъ, сверхъ публичнаго курса *О трехъ познаніяхъ*, читалъ еще публичный курсъ. Въ началѣ рукописи мы находимъ *Публичныя лекціи профессора Іоанна Георга Шварца, записываныя со словъ его.* Этихъ лекцій прочитано было 21 (съ 17 августа 1782 г. по 5 апрѣля 1783 г.) Вѣроятно, это тѣ лекціи, о которыхъ говоритъ г. Тихонравовъ слѣдующее: «Для семинаристовъ Шварцъ читалъ у себя на дому *приватныя* лекціи философской исторіи (по Бруккеру, какъ говоритъ онъ въ запискѣ). Случилось такъ, что нѣкоторые друзья застали одну изъ такихъ лекцій и захотѣли слушать ихъ; мало-по-малу число слушателей увеличивалось. Недоброжелатели Шварца увѣрили куратора (Мелиссино), что на этихъ бесѣдахъ проповѣдывалось масонство, и лекціи были прекращены. Въ самомъ же дѣлѣ, въ *чтеніяхъ* Шварца *не было ничего подобнаго.*» [2]). Это не совсѣмъ точно. Лекціи читались по одной въ недѣлю и

---

[1]) См. 2 т. *Біограф. Словаря* проф. М. Унив., біографію Шварца, написанную г. Тихонравовымъ.

[2]) *Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета* т. II, ст, 91.

послѣдняя была 5 апрѣля, слѣдовательно, онѣ продолжались почти до самаго конца университетскаго курса. Что̀ касается до ихъ содержанія, то они проникнуты отъ начала до конца тѣмъ направленіемъ, которымъ отличаются масонскія сочиненія. Лекціи Шварца могли служить лучшимъ приготовленіемъ къ масонству. Мы предоставляемъ себѣ въ другой разъ подробнѣе остановиться на этой дѣятельности Шварца. Въ той же рукописи, о которой мы говорили выше, находимъ и краткій конспектъ нѣсколькихъ университетскихъ лекцій Шварца, а также *Разсужденій, говоренныхъ въ собраніяхъ Дружескаго Общества и со словъ его записываемыхъ*. Этихъ разсужденій всего 8. Къ сожалѣнію, конспекты необыкновенно сжаты и кратки. Замѣтимъ, что при нѣкоторыхъ разсужденіяхъ есть и даты. Такъ первое было въ собраніи 23-го августа 1782 г., второе 20-го сентября того же года. Изъ біографіи Шварца, представленной г. Тихонравовымъ и въ особенности изъ изданной имъ же, въ пятомъ томѣ *Лѣтописей русской литературы и древности* (1863 г.), записки Шварца объ отношеніяхъ къ нему Мелиссино, мы видимъ, какія непріятности встрѣчалъ Шварцъ въ университетѣ по возвращеніи своемъ изъ-за границы, по случаю преслѣдованій со стороны куратора Мелиссино. Онъ принужденъ былъ оставить университетъ, а 17 февраля 1784 г. его не стало. Смерть его была сильнымъ ударомъ для масонскаго общества, котораго онъ былъ душею. Она могла бы затруднить или замедлить и самое устройство братства на новыхъ его основаніяхъ. Но начатое дѣло было, благодаря его усиліямъ, подвинуто такъ далеко впередъ, что не прервалось его смертью и продолжалось совершенно въ его духѣ и по его намѣреніямъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти въ Москвѣ было получено слѣдующее письмо изъ Германіи, гдѣ находился глава ордена.

«Высокородный господинъ,

«Высокопочтенный О. братъ и пріоръ!

«Благосклонное вашего пр-ва увѣдомленіе о смерти преизящнаго бр. Шварца (котораго я по гробъ оплакивать и въ радости исполненной вѣчности любить буду) растворило вновь кровію обливающіяся раны мои; несказанно пріятно мнѣ, что покойный мужъ по достоинству его отъ вашего пр-ва познанъ и почтенъ есть. Сколь ни люблю я ваше пр-во какъ брата, однакоже еще несказанно болѣе чту васъ за то, что вы отдаете справедливость праху его и что вы его любите.

«Не придетъ уже къ намъ усопшій другъ нашъ, но мы къ нему, а я можетъ-быть съ Божіею помощію скоро; и сего ради стараюся я быть послѣдователемъ его правотворности и добродѣтели, и осмѣливаюсь всякому благородному брату въ образецъ его представить.

«Весьма вразумительно мнѣ сиятеніе и безпокойство вашего пр-ва въ разсужденіи главн. надзир. для нѣмецкихъ братьевъ; ежели бы не постигла покойнаго болѣзнь, то бы по данному ему дозволенію учредилъ онъ директорію изъ трехъ достойнѣйшихъ братьевъ, которые суть: вы, кн. Трубецкой и выс. род. г. Новиковъ, или наоборотъ; ибо здѣсь никакихъ чиновъ совершенно нѣтъ: каждый изъ сихъ брр-въ можетъ себѣ выбрать по одному секретарю изъ брр. степени сія, и опредѣлить ихъ въ директорію, для работъ имъ прилучающихся; сіе назначено для васъ по той причинѣ, что вы, яко пріоръ рыцарей, не можете быть главнымъ надзирателемъ.

«Что бы бр. Шварцъ по инструкціи своей сдѣлалъ, но, по несчастію, смерть его исполнить не допустила, сіе намѣреніе я нынѣ исполнилъ за него по орденской должности; три вымереченные выс. дост. братья назначены были мнѣ отъ брата Шварца; и я долженъ былъ ихъ распредѣлить; великія услуги

ордену дали бы вамъ первое мѣсто, но здѣсь нѣтъ чиновъ, се орденъ Христовъ, то смиреннѣйшій и униженнѣйшій имѣетъ преимущество въ собраніи семъ, сего ради и вы имѣете благость поставить себя въ положеніе сіе, душевнаго спасенія вашего ради, да и тѣмъ двумъ брр-мъ сіе изъясните.

«Въ силу даннаго мнѣ позволенія орденомъ, посылаю я вамъ, вложивъ здѣсь то, что̀ для учрежденія директоріи сей нужно; и прошу ваше пр-во переговорить съ именованными двумя брр-ми и вопервыхъ учредить директорію, а потомъ выбрать главнаго надзирателя, какъ то въ прибавленіи упомянуто; по извѣстной мнѣ вашего пр-ва честности, по любви и почтенію къ ордену, и ради той любви, которую имѣли къ усопшему брату нашему, могу я надѣяться, что вы купно съ рѣченными двумя высок. достойн. братіями, все учредите; чрезъ что̀ побудите вы высокихъ начальниковъ ордена просвѣтить васъ еще болѣе; и тѣмъ болѣе ваш. пр-во усмотрите, что орденъ старается награждать любовь и вѣрность; для меня будетъ неизрѣченно пріятно ежели ваше пр-во по малому моему старанію увѣритесь, что одушевляютъ меня совершенно орденскія должности и братская къ вамъ любовь и почтеніе, и съ симъ мнѣніемъ пребываю я.

Вашего превосходительства

покорный слуга и вѣрнѣйшій ор. братъ.

Теденъ.»

Берлинъ отъ 9-го апрѣля 1784.

Письмо написано, какъ видно, къ Петру Алексѣевичу Татищеву. Оно, какъ и слѣдующее за тѣмъ офиціяльное сообщеніе, списаны съ бумагъ кн. Трубецкаго, кажется, тѣмъ же лицомъ, которому принадлежитъ и разсматриваемая нами тайная переписка московскихъ масоновъ. Относительно Тедена, мы не могли, несмотря на наши старанія, найти указанія на

то, какое мѣсто въ главномъ правленіи ордена занималъ онъ въ это время. Черезъ 2 года (въ 1786 г.) мы находимъ его имя въ *General- und Special-Listen aller Mitglieder der vereinigten Logen unter unmittelbarem Vorsitz des durchlauchtigsten, hochwürdigsten Provincial-Grossmeisters, Friedrich August, Herzog von Braunschweig-Lüneburg, angefertiget.* (Berlin den October 1786 von ehemaligen B. Grossecretaire, jetzigen Vorsitzenden Meister der Loge Friedrich zu den drey Seraphinen. Gedruckt bey George Jacob Decker, Königlichen Hofbuchdrucker, in fol. s. 125). Мы находимъ его въ спискѣ членовъ берлинской матери-ложи Трехъ Глобусовъ. Онъ записанъ тамъ такъ: «Joh. Christian Anton Theden, Königl. Erster General-Chirurgus. Meister vom Stuhl der Mutterloge.» Въ графѣ, гдѣ обозначались степени масонства каждаго члена, обозначено, что онъ былъ на 4-ой степени. Мѣсто его въ главномъ правленіи ордена намъ неизвѣстно. Въ офиціяльномъ сообщеніи берлинскихъ ложъ московской ложѣ Трехъ Знаменъ отъ 4-го февр. 1784 г. Теденъ подписался мастеромъ ложи Эйнтрахтъ (zur Eintracht in Berlin.) Въ *Freimaurer Lexicon*, изданномъ въ Берлинѣ въ 1818 г. (Joh. Ch. Gädicke), мы находимъ, что Теденъ родился 13-го сент. 1714 г. и умеръ 21-го окт. 1797 г., что въ 1787 году братья масоны торжественно праздновали 50-лѣтній юбилей его службы въ Пруссіи, что по этому случаю выбита была медаль и что изображеніе Тедена украшаетъ одну изъ ложъ залы. Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія. Вмѣстѣ съ приведеннымъ письмомъ прислано было и слѣдующее.

«Повелѣніе для братьевъ въ Москвѣ.

«Высокодостойному брату Татищеву, для учрежденія директоріи въ теоретической степени, брату Новикову и Трубецкому предложить вполнѣ.

«Покойный высокодостойный братъ Шварцъ имѣлъ повелѣніе учредить директорію для теорет. степ. изъ достойнѣйшихъ братьевъ; онъ объявилъ, что избралъ для сего высокодост. брат. Татищева, Новикова и Трубецкаго, что ему совершенно позволено было, ибо знали его безкорыстіе, но болѣзнь его сіе остановила, а къ несчастію воспослѣдовавшая смерть его и совсѣмъ воспрепятствовала.

«Понеже в. д. бр. Татищевъ въ недоумѣніи кого ему въ главные надзиратели и путеводители теоретической степени избрать и *ложу* [1]) его предпоставить, то и почитаю должностію моею отчасти къ ордену, отчасти же къ усопшему брату нашему, чрезъ сіе исполнить намѣреніе его.

«В. д. бр. Татищевъ и вышепомянутые брр. должны первый разъ собраться одни и, взявшись рука въ руку, учредить директорію, и другъ другу поклясться въ вѣрности къ ордену.

«По семъ могутъ быть впущены секретари в. д. братьевъ и прочее внесено въ протоколъ, дабы директорія сія имѣла основаніе на которомъ бы стала она до скончанія міра, а сіе сдѣлается, ежели и впредь послѣдуютъ всегда такіе же достойные братья каковые дѣлаютъ сему начало.

«Сія директорія должна всегда состоять изъ трехъ достойнѣйшихъ и лучшихъ брр. которые Богу и ордену вѣрны.

«Сіи в. д. брр. въ собраніяхъ своихъ въ директоріи не имѣютъ никакого между себя первенства. Се орденъ Христовъ, смиреннѣйшій есть величайшій, но чтобы былъ порядокъ, то на сей первый разъ бр. Татищевъ будетъ въ собраніи словоподатель, въ слѣдующее собраніе другой, въ послѣдующее же третій, и такъ безпрестанно по очереди.

---

[1]) Здѣсь стоитъ неизвѣстный намъ знакъ, четыреугольникъ съ точкой посрединѣ. Ложа обозначается просто четыреугольникомъ.

«Каждый изъ сихъ 3-хъ в. д. брр-въ выбираетъ по одному секретарю изъ теоретическихъ братьевъ о коихъ скромности они удостовѣрены, ихъ можно взять въ тѣснѣйшее собраніе; для в. д. брата Татищева, предлагаю я брата бар. Шредера предпочтительно прочимъ.

Какъ скоро директорія придетъ въ дѣятельность, то надлежитъ выбрать главныхъ надзирателей одного для русскихъ брр., а другаго для нѣмецкихъ. Рыцари могутъ быть главными надзирателями, но не Пріоръ, ибо сей и безъ того имѣетъ высокія должности, а для теоретической степени имѣетъ должность въ директоріи; для нѣмецкихъ брр., по знанію моему, долженъ я директоріи паки рекомендовать бр. Шредера. Онъ можетъ быть главнымъ надзирателемъ и секретаремъ въ директоріи, ибо въ теорет. степени чины не имѣютъ мѣста, а какъ смиреніе есть высочайшая добродѣтель, то сего ради высокіе начальники и стараются вселить оную братьямъ, что̀ и дуректорія должна стараться вкоренить въ сердца глав. надз. равно какъ и наистрожайшую скромность.

«Сіи добродѣтели должны быть исполняемы какъ высшими такъ и нижними, и сдѣлаться имъ собственными; кто имѣетъ и всѣ добродѣтели, но сихъ не имѣетъ, тотъ уже никакихъ не имѣетъ.

«По учрежденію глав. надз. отдается имъ въ руки по экземпляру теорет. степ. съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобы не отдавать его ни одной душѣ въ руки, какъ токмо для прочтенія въ присутствіи ихъ; дабы не воспослѣдовало злоупотребленія и вреда.

«Квинтъ-эссенціальное сокращеніе находится въ рукахъ директоріи, оное сохранить должно наилучшимъ образомъ въ безопасности, въ мѣстѣ собранія своего; ни одинъ изъ членовъ не можетъ взять онаго къ себѣ, а еще менѣе спи-

сывать; въ семъ случаѣ директорія должна бдѣть сама надъ собою.

«Директорія для прочихъ теорет. брр. должна быть вещію сокровенною, сего ради и принятые въ оную секретари должны поклясться въ скромности и соблюдать оную; за бр. Шредера я отвѣчаю.

«Директорія должна наблюдать, чтобы гл. надз. дѣлали собранія, по малой мѣрѣ въ 3 недѣли одинъ разъ; и не позволять скоропостижныхъ принятій дѣлать; но глав. надз. долженъ прежде получить на оное соизволеніе директоріи.

«Сіе повелѣніе должно приложено и пришито быть къ актамъ, для всегдашняго свидѣтельства директоріи, и отъ всѣхъ профановъ также какъ и отъ теорет. брр. наибдительнѣйше въ тайнѣ сокрываться; сіе бо есть степень испытанія орденскаго, изъ которой познается, будутъ ли братья строгою скромностію своею, смиреніемъ и взаимною между собою любовію, достойны дальняго повышенія.

«Когда все сіе приведено будетъ въ порядокъ, о томъ въ свое время мнѣ сообщится.

«Главнѣйшій надзиратель. Иванъ Христіанъ Антонъ Теденъ.»

М. П.

Повелѣніе начальниковъ ордена было приведено въ Москвѣ немедленно въ исполненіе во всей точности. Въ тѣхъ же бумагахъ, списанныхъ съ подлинника, писаннаго рукой кн. Трубецкаго, мы находимъ слѣдующій актъ учрежденія директоріи.

«Во имя Спасителя нашего, по повелѣнію высокихъ начальниковъ, мы нижеподписавшіеся, собравшись вмѣстѣ и взявъ другъ друга въ руки, поклялись въ вѣрности къ ордену, и по приношеніи съ колѣнопреклоненіемъ молитвы Тріединому Богу, учредили директорію для теоретической степени. Лѣта

отъ Рождества Спасителя 1784, апрѣля въ 30 день.» Подлинное подписали:

Петръ Татищевъ,
Николай Новиковъ,
Князь Николай Трубецкой.

Послѣ этого длиннаго отступленія мы можемъ обратиться снова къ перепискѣ и прежде всего къ письму Н. И. Новикова отъ 14 февраля 1783 г. (письмо 5-ое рукописи), изъ котораго мы уже сдѣлали большое извлеченіе и къ которому еще не разъ придется возвращаться. Новиковъ такъ отвѣчаетъ на второй предложенный ему вопросъ «о именахъ брр., составляющихъ національный комитетъ VIII провинціи ордена.»

«Какъ теперь уже учредился здѣсь провинціальный капитель и директорія [1]), то и сообщаю вамъ имена членовъ оныхъ, а не членовъ національнаго комитета.

1) Провинціальнаго великаго мастера мѣсто еще вакантное.

2) Пріоръ VIII провинціи въ орденѣ, именуемый Петръ рыцарь a signo triumphante, Петръ Алексѣевичъ Татищевъ.

3) Деканъ провинціи, Георгій рыцарь a fortitudine, кн. Юрій Никитичъ Трубецкой.

4) Генеральный визитаторъ провинціи, кн. Николай рыцарь ab aquilla boreale, кн. Николай Никитичъ Трубецкой.

5) Казначей провинціи имѣю честь быть я, въ орденѣ мое имя Николай рыцарь ab ancora.

6) Канцлеръ провинціи, Георгій рыцарь ab aquilla crescente, Иванъ Егоровичъ Шварцъ.

7) Генеральный прокураторъ, кн. Алексѣй рыцарь ab equitate князь Алексѣй Александровичъ Черкасовъ [2]).

---

[1]) Эту директорію не должно смѣшивать съ директоріей для теоретической степени, о которой шла рѣчь выше.

[2]) Черкасскій.

«Члены провинціальнаго капителя:

1) Михайло Матвѣевичъ Херасковъ.

2) Петръ Петровичъ Татищевъ.

3) Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій и др.

«Директорія VIII провинціи. Въ ней присутствуютъ провинціальные чиновники всегда, когда имъ угодно, и сверхъ того, по введенному порядку, назначены для исправленія текущихъ дѣлъ въ директоріи президентъ и члены, первымъ имѣю честь быть я, а члены: 1) Рыцарь Василій a pila, Василій Васильевичъ Чулковъ, 2) рыцарь Иванъ ab aurora boreale, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, 3) Jacobus a concordia, господинъ профессоръ Шнейдеръ, 4) рыцарь Ѳеодоръ ab oliva tenera, Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ, 5) рыцарь Григорій a cuba Григорій Прохоровичъ Крупениковъ.

«Префектъ ложи Коронованнаго Знамени, Петръ Алексѣевичъ Татищевъ.

«Префектъ ложи Латона, князь Николай Никитичъ Трубецкой.

«Здѣсь я сообщилъ вамъ, высокопочтенный бр. ордена, имена всѣхъ бр., которые имѣютъ участіе въ правленіи VIII провинціи ордена; что же касается до членовъ Дружескаго Ученаго Общества, то я ихъ здѣсь не пишу для того, что пришлю вскорѣ къ вамъ списокъ.»

Такимъ образомъ организовалось московское масонское братство въ особую провинцію ордена, освободившись отъ тяжелой зависимости и подчиненія иностраннымъ ложамъ, особенно шведскимъ. Мы могли бы теперь обратиться къ разсмотрѣнію отношеній московскихъ масоновъ къ ихъ петербургскимъ собратіямъ, чему собственно и посвящена тайная переписка, но считаемъ не лишнимъ здѣсь же привести еще нѣсколько указаній на сношенія московскаго масонства съ орденомъ и германскими ложами, а также сдѣлать нѣсколько объясне-

ній на нѣкоторые несовсѣмъ ясные намеки, находящіеся въ приведенныхъ уже нами письмахъ. Начнемъ съ послѣдняго, предупреждая, что и указанія и объясненія будутъ по необходимости неполны и отрывочны, какъ потому что полное ихъ разъясненіе увлекло бы насъ слишкомъ далеко, такъ и потому что матеріялы до сихъ поръ крайне еще недостаточны и неразработаны.

Во второмъ изъ приведенныхъ нами писемъ князя Трубецкаго, которое относится къ началу 1783 года, онъ говоритъ, «что намѣреніе возстановить орденъ Тампліеровъ совершенно уничтожено»: Въ представленіи, поданномъ профессоромъ Шварцомъ герцогу Фердинанду Брауншвейгскому 22 октября 1781 года, заявлено, «что орденъ Тампліеровъ существуетъ уже въ Москвѣ съ 1776 года.» Дѣйствительно къ этому времени относятся и попытки возстановить орденъ Тампліеровъ, и окончательное уничтоженіе этихъ попытокъ. Мы не можемъ останавливаться на исторіи мнимыхъ Тампліеровъ; скажемъ только, что они были и во Франціи и въ Германіи, но особенно въ Швеціи, откуда вѣроятно и перешли къ намъ въ Россію. Густавъ III и братъ его, герцогъ Зюдерманландскій, примкнули къ системѣ Stricte Observance, но особенно хлопотали о возстановленіи Тампліеровъ. Герцогъ Зюдерманландскій особенно заботился о торжественномъ возстановленіи ордена Тампліеровъ, имѣя въ виду сдѣлаться главою этого ордена. У насъ подъ руками есть любопытное письмо къ герцогу Зюдерманландскому Вёльнера (Woellner), о которомъ такъ часто упоминается въ слѣдственномъ дѣлѣ надъ Новиковымъ и его товарищами. Письмо это писано по-французски отъ 25 мая 1782 года и подписано: Woellner, Gr. Mre deputé de la Loge des Trois Globes (въ Берлинѣ), ci-devant In O. Temp. d. F. Ioannes, E. a Labo. Prepositus praefecturae Templinensis, Comendator in Altholm. Іоаннъ Христофъ

Вёльнеръ родился въ Гавелландѣ въ 1732 году, умеръ 14 сентября 1800 [1]). Въ спискѣ членовъ ложъ, соединенныхъ подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ Фридриха-Августа, герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, мы находимъ Вёльнера въ 1786 году въ берлинской ложѣ Трехъ Глобусовъ въ званіи старо-шотландскаго обермейстера. Изъ того же списка мы узнаемъ и его общественное положеніе: Königl. geheimer Finanz-, Krieges- und Dommänen-Rath beym General-Directorio auch Canonicus des Ober-Collegiat-Stifts su Halberst

Въ письмѣ къ герцогу Зюдерманландскому Вёльнеръ говоритъ, что онъ былъ усернымъ Тампліеромъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ, но что переписка съ однимъ неизвѣстнымъ лицомъ убѣдила его въ несостоятельности ученія Тампліеровъ Таинственный незнакомецъ, своимъ письмомъ поколебавшій его убѣжденія, требовалъ отъ него, чтобы въ ложѣ, зависѣвшей отъ Вёльнера, онъ убѣдилъ братьевъ: 1) бросить плащъ Тампліеровъ, 2) работать только въ первыхъ трехъ степеняхъ, 3) сдѣлаться добродѣтельными людьми и добрыми христіанами. «Я успѣлъ, пишетъ Вельнеръ, да будетъ слава Вѣчному, во всѣхъ этихъ трехъ пунктахъ, такъ что я ласкаю себя надеждою, что мой досточтимый незнакомецъ въ послѣдствіи не оставитъ вознаградить мою ложу какимъ-нибудь лучомъ свѣта, о которомъ мы вздыхаемъ съ такого давняго времени.»

Вопросъ о возстановленіи ордена Тампліеровъ былъ обсуженъ на собраніи масонскихъ депутатовъ изъ всѣхъ странъ въ Вильгельмсбадѣ, бывшемъ въ іюлѣ и августѣ 1782 года. На этомъ конгрессѣ или конвентѣ Россія была признана самостоятельною масонскою провинціей и такимъ образомъ осво-

[1]) *Freimaurer Lexicon*, стр. 520.

бождена отъ зависимости отъ иностранныхъ ложъ. Здѣсь были уже и представители Россіи, какъ особой провинціи, хотя, какъ мы видѣли, московскіе масоны не могли послать на конвентъ своихъ депутатовъ и отправили полномочіе къ герцогу Брауншвейгскому. Акты Вильгельмсбадскаго конвента были препровождены въ Россію и до насъ дошелъ переводъ ихъ на русскій языкъ — переводъ, судя по рукописи, почти современный. Впрочемъ, какъ увидимъ, Вильгельмсбадскій конвентъ не долго имѣлъ значеніе для Россіи и потому впослѣдствіи не было интереса переводить и распространять его постановленія.

Дѣянія Вильгельмсбадскаго генеральнаго конвента, по дописанныя 1-го сентября 1782 года, заключаются въ 12 «членахъ». Въ первомъ членѣ свѣтлѣйшій братъ, Фердинандъ a victoria, то-есть Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, утверждается «въ достоинствѣ верховнаго начальника всѣхъ исправленныхъ ложъ, которое ему уже было опредѣлено на конвентѣ Кольскомъ, 1772 г.» Вновь представители масонскихъ ложъ почти всей Европы признали Фердинанда «верховнымъ великимъ мастеромъ всѣхъ провинцій Ордена Рыцарей Благотворныхъ и Справедливыхъ Масоновъ.» Отъ герцога Брауншвейгскаго члены конвента получили «капитуляцію, которая есть залогъ благоразумныхъ правилъ, на которыхъ онъ основываетъ ордена управленіе и свободу, которая долженствуетъ оживлять работы онаго.» Члены второй и третій посвящены рѣшенію вопроса о возстановленіи ордена Тампліеровъ. Вторымъ членомъ признается неуспѣшность и невозможность возстановленія ордена Тампліеровъ, такъ какъ розысканія относительно предполагавшагося продолженія ордена Тампліеровъ «представляютъ токмо вѣроятность, не имѣя подлинныхъ доводовъ, которые могли бы насъ совершенно удостовѣрить.» Доказываютъ, «что мы не имѣемъ надлежаща-

го права называться истинными и законными наслѣдователями Тампліеровъ». Кромѣ того, «благоразуміе совѣтовало оставить то имя, которое могло бы подать подозрѣніе, что мы желаемъ возстановить орденъ, уничтоженный согласіемъ двухъ властей, и отложить образъ правленія, несообразный правамъ и нуждамъ нынѣшняго вѣка.»

Но, отказываясь отъ мысли торжественнаго возстановленія ордена Тампліеровъ, конвентъ не могъ забыть, что эта мысль имѣла горячихъ приверженцевъ во всѣхъ странахъ Европы, что повсюду были собранія и ложи Тампліеровъ. Конвентъ долженъ былъ сдѣлать уступку, и вотъ что мы читаемъ въ третьемъ членѣ *Дюжій* Вильгельмсбадскаго конвента. «Однакоже не можемъ умолчать, что нашъ орденъ имѣетъ истинныя и неоспоримыя сношенія съ Тампліерскимъ, доказанныя достовѣрнымъ преданіемъ подлинныхъ монументовъ и самыми гіероглифами нашихъ ковровъ, и что есть великая вѣроятность, что масонское принятіе древнѣе сего ордена, которое было извѣстно многимъ его рыцарямъ и служило нѣкоторымъ рыцарямъ, во время ихъ уничтоженія, покровомъ для продолженія ихъ памяти. Въ сходственность сего, дабы слѣдовать за стопами ордена, который по мнѣнію многихъ братьевъ долженъ былъ имѣть драгоцѣнныя познанія и которому обязаны мы соблюденіемъ масонской науки, мы за долгъ почитаемъ оставить нѣкоторыя къ нему отношенія и въ историческомъ наставленіи оныя изъявлять. И какъ мы должны древней системѣ полезнымъ планомъ связи частей и раздѣленія оныхъ весьма удобнаго къ сохраненію добраго порядка и, сверхъ того, еслибы мы уничтожили наружный образъ нашего правленія, то мы бы тѣмъ, безъ всякой надобности, разорвали связи, совокупляющія разныя части, то мы опредѣлили сохранить сіи отношенія съ онымъ орденомъ, въ военномъ орденѣ подъ именемъ *благотворныхъ рыцарей*, которому

поручено правленіе и распоряженіе символическихъ классовъ.»

Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что рѣшеніе отказаться отъ возстановленія ордена Тампліеровъ было принято не безъ сильныхъ колебаній. Первое засѣданіе Вильгельмсбадскаго конвента было 16 іюля. Шведскія ложи доказали, что у нихъ находятся древнѣйшія преданія и ученія, но онѣ соглашались открыть ихъ не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы великимъ мастеромъ былъ избранъ герцогъ Зюдерманландскій. Кажется, что герцогъ Фердинандъ нарочно ѣздилъ въ Упсалу для переговоровъ, и только послѣ ихъ неудачнаго исхода рѣшено было отказаться совершенно отъ мысли возстановить орденъ Тампліеровъ и герцогъ Брауншвейгскій былъ признанъ верховнымъ начальникомъ всего масонства, какъ мы видѣли изъ перваго члена *Дѣяній*.

Седьмымъ членомъ *Дѣяній* Вильгельмсбадскаго конвента рѣшено было новое раздѣленіе ордена на провинціи. Мы знаемъ уже изъ тайной переписки московскихъ масоновъ это раздѣленіе. Здѣсь приведемъ только постановленіе конвента относительно Россіи. «Наконецъ, желая доставить всѣ способы примиренія національному капителю Швеціи, коея учрежденіе IX провинціи, яко учиненное безъ содѣйствія прочихъ провинцій, не можемъ признать; равномѣрно, принявши въ разсужденіе, что Россія, которая по прежнимъ договорамъ должна была составлять часть подсудности шведской, есть государство пространное, управляемое сильною государыней, которой непріятно бы было видѣть подданныхъ въ зависимости отъ чужестранной области, и имѣетъ уже многія орденскія учрежденія, желающія приступить къ нашему правленію, которыя именно требовали быть отдѣльною провинціей,— провозглашаемъ Россію VIII провинціей ордена и оставляемъ праздно мѣсто IX-й для капителя шведскаго, который кажется

желаетъ сего достоинства и имени и съ которыми мы будемъ стараться возобновить братскій союзъ, какъ скоро предоставятся намъ счастливыя къ тому удобности.»

По недостатку матеріяловъ намъ трудно себѣ составить ясное понятіе о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Россіи, уже какъ самостоятельной масонской провинціи, къ герцогу Фердинанду Брауншвейгскому и къ постановленіямъ Вильгельмсбадскаго конвента. Нѣкоторый свѣтъ на эти отношенія бросаетъ слѣдующій любопытный документъ. Въ началѣ 1784 года московская ложа Трехъ Знаменъ получила изъ Берлина офиціальную бумагу, подписанную намѣстнымъ обермейстеромъ Петерсомъ, великимъ секретаремъ и мастерами пяти ложъ. При этой бумагѣ было объявленіе, отъ старой матери-ложи Трехъ Глобусовъ въ Берлинѣ, отъ 11 ноября 1783 года, разосланное по масонскимъ ложамъ, внутри и внѣ Германіи находящимся. Этимъ объявленіемъ ложа Трехъ Глобусовъ объявляетъ ложамъ, въ дружескомъ союзѣ съ ней находящимся, свое *твердое намѣреніе*, а именно:

«1) Объявляемъ себя совершенно свободными и независящими отъ всякой масонской зависимости, какого бы званія ни была она, напротивъ же сего,

«2) Предлагаемъ всѣмъ масонскимъ ложамъ, внутри и внѣ Германіи находящимся, какой бы онѣ системы ни были, масонское дружество наше и сердце искреннѣйшихъ братьевъ и просимъ ихъ о равномѣрномъ воздаяніи.»

Эти два рѣшенія объяснены далѣе въ 8 параграфахъ, изъ которыхъ для насъ особенно важны два первые, а именно:

«§ 1. Отрекаясь, какъ выше сказано, отъ всякой масонской зависимости, отнюдь не намѣрены мы отрекаться отъ того повиновенія и подобострастія, которымъ обязаны мы высокодостойнѣйшему, свѣтлѣйшему гросмейстеру всѣхъ *досель* въ союзѣ находившихся германскихъ ложъ, касательно

до его высокой особы. Напротивъ того, съ чувствомъ благоговѣнія объявляемъ мы передъ лицомъ цѣлаго масонскаго свѣта, что святѣйшимъ долгомъ почитаемъ повиноваться гроссмейстерскому молоту его до тѣхъ поръ, пока сей кроткій государь захочетъ удостоить насъ таковой его милости и снисхожденія. Кто можетъ позабыть эту благодарность, которою германское масонство обязано великому Фердинанду? Онъ, вѣдая ложенное учрежденіе пристанища нашего, ни подъ какимъ видомъ и ни въ какихъ обстоятельствахъ не можетъ служить намъ препоною въ достиженіи предмета нашего.»

«§ 2. Но совсѣмъ другое дѣло съ рѣшеніями генеральнаго конвента Вильгельмсбадскаго, которыя снаружи хотя и кажутся хорошими. Сіи ни подъ какимъ видомъ ни съ нами, ни съ положеніями нашими несообразны, и сего-то ради мы черезъ сіе совершенно отъ оныхъ отказываемся и оставляемъ ихъ тѣмъ ложамъ, которыя изъ оныхъ могутъ учинить лучшее употребленіе, нежели мы.»

Мы не имѣемъ документовъ, чтобы точно опредѣлить отношеніе русскаго масонства къ герцогу Фердинанду Брауншвейгскому послѣ 1782 года, когда на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Россія объявлена была самостоятельною провинціей ордена. Слѣдствіе, произведенное княземъ Прозоровскимъ надъ Новиковымъ и его товарищами въ 1792 году, обнародованное недавно г. Тихонравовымъ, даетъ однакоже нѣкоторыя указанія. Вотъ что находимъ мы въ отвѣтахъ бригадира Тургенева на предложенные ему вопросные пункты. «Герцогу Брауншвейгскому неограниченнаго повиновенія я не обѣщевалъ никогда, и въ зависимости его были на *нѣкоторое время* и здѣшнія тоже нѣкоторыя ложи, а та ложа, къ которой я принадлежалъ, не была. Мы желали и просили герцога, чтобы здѣсь сдѣлана была провинція, дабы и русскіе масоны сами собою управляться могли. Сіе желаніе испол-

нено, здѣсь учреждена провинція. А такъ какъ въ сей связи не находилъ я ничего, до учености касающагося, *то вмѣстѣ и съ согласія прочихъ мы оставили сію связь* и вошли въ знакомство съ Вёльнеромъ черезъ покойнаго Шварца» [1]). Въ другомъ мѣстѣ Тургеневъ пишетъ: «Герцогу мы, и я въ томъ числѣ, присяги не дѣлали, *да и связь сію мы не уважали*, и я тожъ; *а держались связи Вёльнеровской*, считая ее полезною и удаленною отъ всякихъ политическихъ видовъ [2]). Въ письмѣ къ императрицѣ князя Прозоровскаго, писаннаго во время этихъ вопросовъ, дѣло раскрывается еще удовлетворительнѣе: «Они (Лопухинъ и Трубецкой) показали такимъ образомъ: когда Шварцъ былъ посыланъ въ Берлинъ, то Вёльнеромъ принятъ въ Золото-Розовый Крестъ; тогда жь онъ былъ у герцога Брауншвейгскаго, искалъ и принятъ былъ въ протекцію его, и начальство принялъ надъ ними; на генеральной же конвенціи всѣхъ почти на свѣтѣ ложъ онъ предсѣдательствовалъ, и на оной, какъ ваше величество изъ бумаги замѣтить изволите, орденъ Тампліеровъ совсѣмъ отмѣненъ съ прописаніемъ исторіи его истребленія, и что ни одно правительство терпѣть ихъ не будетъ, а подобно сему и розенкрейцерство отмѣнено. А по просьбѣ Шварца учрежденъ былъ орденъ Chevalier bienfaisants или благотворительныхъ рыцарей. *Вёльнеровъ же кругъ или ложа въ Берлинѣ розенкрейцеровъ и разныхъ системъ съ кругомъ герцога Брауншвейгскаго и между собою не въ согласіи.* По возвратѣ Шварцъ привезъ обѣихъ ложъ институты; они разсматривая оные, какъ и прежній орденъ Тампліеровъ, переданный имъ изъ Швеціи, *оставили оный и благотворныхъ рыцарей*, избрали

[1]) *Лѣтописи русской литературы и древности*, томъ V, стр. 85.
[2]) Id. стр. 87.

орденъ Золото-Розоваго Креста, предавшись подъ начальство Вёльнеру» [1]). Въ отвѣтахъ Лопухина находимъ слѣдующее поясненіе: «А связь съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, думаю, многимъ такъ-называемымъ благотворнымъ рыцарямъ извѣстна тогда была: ибо печатано даже въ чужихъ краяхъ было о положеніи онаго Вильгельмскаго (sic) конвента масонскаго, на коемъ оный герцогъ поставленъ былъ правителемъ всѣхъ ложъ сей системы. *Но при вступленіи моемъ въ масонство не было уже съ симъ переписки и связи, а провинціальная здѣшняя ложа безотносительно къ оному учреждала сама собою*» [2]). Отвѣты князя Николая Трубецкаго не прибавляютъ ничего особеннаго. Изъ дѣла о Новиковѣ ясно одно, что сношенія съ герцогомъ Брауншвейгскимъ прекратились почти тотчасъ послѣ Вильгельмсбадскаго конвента и что съ этихъ поръ московскіе масоны находятся въ близкихъ сношеніяхъ только съ Вёльнеромъ, т. е. съ тою берлинскою ложей Трехъ Глобусовъ, циркулярное посланіе которой по поводу полнаго отреченія отъ постановленій Вильгельмсбадскаго конвента мы привели выше. Для русскаго масонства главная цѣль была достигнута. Представители масонскихъ ложъ всей почти Европы, собравшись въ Вильгельмсбадѣ подъ предсѣдательствомъ герцога Брауншвейгскаго, признали Россію особою провинціей и освободили ее отъ зависимости отъ Швеціи. До личныхъ же стремленій герцога Брауншвейгскаго и его ближайшихъ совѣтниковъ русскимъ масонамъ было мало дѣла, и русская провинціяльная ложа, говоря словами Лопухина, *безотносительно къ оному учреждала сама собою*.

---

[1]) Id стр. 81.

[2]) Id. стр. 60.

Мы старались на основаніи тайной переписки московскихъ масоновъ и другихъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ документовъ, уяснить, сколько возможно, вопросъ о пріобрѣтеніи русскими масонами независимости и самостоятельности и объ отношеніяхъ московскаго братства къ иностраннымъ начальникамъ ордена. Теперь обратимся къ отношеніямъ внутреннимъ, домашнимъ.

II. *

Освобожденіе русскаго масонства отъ зависимости и подчиненія чужеземнымъ братствамъ, дѣйствовавшимъ, подобно шведскому, часто на основаніи только своекорыстныхъ и несовсѣмъ чистыхъ побужденій, возведеніе Россіи на степень отдѣльной, самостоятельной провинціи ордена было дѣломъ московскихъ масоновъ, преимущественно Шварца, Новикова, Татищева и Трубецкаго. Имъ же принадлежало и внутреннее устройство общества на новыхъ основаніяхъ. Мы не видимъ, чтобы кто-нибудь изъ петербургскихъ братій принималъ дѣя-

---

* Эта статья составлена на основаніи новыхъ, до сихъ поръ бывшихъ совершенно неизвѣстными, матеріаловъ. Случай доставилъ мнѣ возможность близкаго знакомства съ полнѣйшимъ собраніемъ масонскихъ рукописей, принадлежащихъ въ настоящее время московскому публичному музею. Кромѣ того, мнѣ принадлежитъ тайный архивъ и большое число писемъ, рукописей, масонскихъ книгъ и знаковъ (всего болѣе 600 №№). Для исторіи русскаго масонства едва ли можно гдѣ-либо найти подобный запасъ матеріаловъ. Къ сожалѣнію, относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, нѣкоторыхъ подробностей существуютъ значительные пробѣлы.

Тутъ покойный профессоръ обращался съ просьбой къ лицамъ, у которыхъ находятся какія-либо масонскія бумаги и акты сообщить ихъ ему. Онъ собирался сдѣлать исторію русскаго масонства предметомъ своей докторской диссертаціи. Теперь нужно отсылать желающихъ изучить этотъ вопросъ къ московскому публичному музею, въ который перешло, по смерти С. В. Ешевскаго, собраніе тѣхъ 600 №№ масонскихъ предметовъ, о которыхъ упоминается здѣсь. А. Т.

тельное участіе въ дѣлѣ освобожденія отъ Швеціи и пріобрѣтенія Россіей правъ самостоятельной провинціи, хотя нужно сказать, что невыгоды зависимости отъ Швеціи особенно тяжело чувствовались петербургскими братьями. Въ перепискѣ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній даже на то, чтобы московскіе братья дѣйствовали съ согласія или съ вѣдома петербургскихъ. Только объ одномъ изъ петербургскихъ братій можно полагать, что онъ зналъ намѣреніе московскихъ братій, хотя, какъ кажется, и несовсѣмъ сходился съ ними въ убѣжденіяхъ Роль этого лица довольно загадочна или кажется такою вслѣдствіе слишкомъ отрывочныхъ и неполныхъ указаній, которыя находимъ мы въ перепискѣ. Это лицо въ письмахъ князя Трубецкаго и Новикова обозначается начальными буквами: К. Г. П. Г. или К. Г. Пет. Мы не ошибемся, кажется, если прочитаемъ подъ этими буквами имя князя Гаврила Петровича Гагарина [1]). Такъ по крайней мѣрѣ кажется уже потому, что въ томъ же письмѣ Новикова имя Гагарина встрѣчается написаннымъ вполнѣ. Князь Трубецкой въ одномъ изъ писемъ говоритъ о К. Г. Пет., какъ бы о посредникѣ между шведскими и русскими масонами, и въ концѣ письма прибавляетъ «Еще вы требовали извѣстія, что К. Г. П. съ нами въ союзѣ или нѣтъ, то на сіе скажу, что мы всѣ силы употребляли соединить его съ собою, но успѣть въ томъ не могли; однако мы съ нимъ не въ ссорѣ, но онъ ни во что̀ не входитъ и не мѣшается». Новиковъ пишетъ нѣсколько подробнѣе. Еще до отправленія Шварца за границу, слѣдовательно до вступленія въ прямыя сношенія съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, москов-

[1]) Князь Гаврилъ Петровичъ Гагаринъ былъ съ 1781 г. оберъ-прокуроромъ сената, а съ 1786 г. сенаторомъ. Умеръ въ 1807 г. Долго путешествовалъ по Европѣ. Издалъ нѣсколько анекдотовъ (1798), а послѣ смерти изданы его мелкія сочиненія назидательнаго содержанія: *Забава моего увѣщенія въ селѣ Боголюбскомъ.* С. П. В. 1813.

скіе братья учредили «сіентифическую, тайную, такъ-называемую ложу Гармоніи.» «Въ бытность въ Москвѣ, пишетъ Новиковъ (письмо V, 14 февраля 1783 г.), В. П. Б. О. К. Г. П. Г. пригласили его къ себѣ въ члены, показали ему предметъ своихъ исканій, то-есть соединеніе съ О., объявили ему свое сомнѣніе о Шведахъ: онъ на всѣ согласился, сдѣлался почетнымъ членомъ ложи Гармоніи, одобрилъ предметъ исканій, и съ тѣмъ разстался; отъѣзжая въ П., былъ основательными доказательствами убѣжденъ въ честности намѣреній, какъ помянутаго бр. О. Шварца, такъ и всѣхъ соединившихся брр.» Въ томъ же письмѣ, сказавъ объ отправленіи полномочія на генеральный конвентъ, Новиковъ прибавляетъ: «Между тѣмъ В. П. бр. О .Гагаринъ прибылъ въ Москву; со стороны московскихъ брр. все употреблено было, но ни въ чемъ не успѣли». Въ письмѣ князя Н. Н. Трубецкаго, отъ 23 іюля 1783 г., читаемъ: «Мы думали, что должны будемъ доказывать (ордену), что Гагаринъ нами не исключенъ былъ, что́ бы сдѣлало лишнюю переписку; но онъ (Беберъ) и того насъ избавилъ, ибо самъ объ увѣдомленіи нашемъ Гагарина и о призывѣ его братьевъ формально объявилъ (письмо XIV).»

Что подъ буквами К. Г. П. Г. или К. Г. Пет. нужно разумѣть князя Гавріила Петровича Гагарина, мы увѣрены. Но одно ли и то же лицо съ чимъ Гагаринъ, котораго имя прописано вполнѣ въ приведенныхъ письмахъ, мы не можемъ сказать положительно, хотя это и очень вѣроятно. Какъ бы то ни было, только К. Г. П. Г. или князь Гагаринъ зналъ о намѣреніяхъ московскихъ братій и хлопоталъ о лучшихъ отношеніяхъ къ Швеціи; въ дѣлѣ же съ герцогомъ Брауншвейгскимъ московскіе братья дѣйствовали одни, безъ содѣйствія и безъ участія петербургскихъ. Когда на генеральномъ конвентѣ ордена рѣшено было признаніе Россіи VIII провинціей, московскіе братья поспѣшили увѣдомить объ этомъ петербург-

скихъ масоновъ. Всѣ письма изъ Москвы адресованы къ бр. Алексѣю Андреевичу Ржевскому, котораго орденское имя было Eques a bona spe [1]). Когда московскіе братья получили офиціальное увѣдомленіе объ утвержденіи Россіи «въ восьмую провинцію,» князь Николай Никитичъ Трубецкой писалъ къ Алексѣю Андреевичу, прося его увѣдомить объ этомъ петербургскихъ братій, которые преданы ордену, «дабы они были спокойны и не отдавались въ обманъ, ибо сказываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ колеблются и не знаютъ, что имъ дѣлать». Такъ какъ учрежденіе въ Россіи провинціи не можетъ быть сдѣлано вскорѣ, то князь Трубецкой изъявляетъ Алексѣю Андреевичу желаніе, чтобы петербургскіе братья до офиціальнаго извѣщенія объ учрежденіи провинціи «были спокойны, работали бы въ тишинѣ и увѣрились бы, что тѣ, которымъ теперь поручилъ орденъ учрежденіе провинціи, бывъ русскіе и честные люди, обманывать ихъ не станутъ, и не для своей пользы или своихъ выгодъ трудятся, но для истинной пользы отечества; когда же они захотятъ еще и прежде присоединены быть къ истинному ордену, то стоитъ имъ только на имя національнаго комитета въ Москвѣ написать письмо и вступить въ связь съ онымъ, яко съ тѣмъ мѣстомъ, которое до открытія провинціальнаго капителя орденомъ въ Рос-

---

[1]) Въ первой нашей статьѣ мы сказали, что не знаемъ кто былъ Eques a bona spe, Алексѣй Андреевичъ. М. Н. Лонгиновъ, письмомъ изъ Тулы, сообщилъ намъ, что это былъ Ржевскій, правившій должность статсъ-секретаря при Екатеринѣ II, а впослѣдствіи пріятель Державина и сенаторъ. Онъ умеръ въ 1804 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и Александровскимъ кавалеромъ. Извѣстія о немъ есть въ *Запискахъ* Державина и въ 4 части Долгоруковской *Родословной книгѣ*. Что М. Н. Лонгиновъ не ошибается, въ этомъ мы убѣждены, какъ по нѣкоторымъ указаніямъ, находящимся въ тѣхъ матеріалахъ, которые есть у насъ подъ руками, такъ и по извѣстію, сообщенному намъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ бывшихъ членовъ масонскаго общества, которые еще живы.

сіи управляетъ; а письмо сіе я берусь, ежели имъ угодно, въ комитетъ доставить.»

25 ноября 1782 г. бр. Алексѣй Андреевичъ заявилъ свое желаніе присоединиться къ ордену, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма Н. И. Новикова, отъ 14 февраля 1783 г., изъ котораго мы уже привели столько выписокъ. Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ бр. Алексѣемъ a bona spe Новикову, былъ вопросъ: «Какъ далеко и съ кѣмъ именно изъ петербургскихъ братій ордена поручаетъ національный комитетъ вступать въ содѣйствіе, и кто особливо нуженъ изъ тамошнихъ братій національному комитету?» Ужь изъ этого вопроса видно, что бр. Алексѣй Андреевичъ, немедленно по присоединеніи своемъ къ московскимъ братьямъ, сталъ посредникомъ между ними и петербургскими масонами. Алексѣй Андреевичъ былъ давно знакомъ и близокъ къ московскимъ братьямъ. Еще прежде письма Новикова князь Трубецкой писалъ ему: «Что́ же до васъ принадлежитъ, то я именемъ начальствующихъ брр. и всѣхъ вообще соединенныхъ могу васъ увѣрить, что они всѣ васъ любятъ, почитаютъ и все то, что́ въ ихъ силѣ есть, то все для васъ сдѣлаютъ, и уже считаютъ васъ отнынѣ соединеннымъ неразрывнымъ узломъ дружбы со всѣми ими.» На запросъ Алексѣя Андреевича относительно петербургскихъ братій Новиковъ отвѣчалъ слѣдующее: «Касательно до 3-го вопроса, который в. п. бр. дѣлаете, я могу вамъ сказать, что всѣ достойные брр. О. въ Петербургѣ находящіеся, на коихъ твердость, ревность и усердіе вы положиться можете, всѣ такіе суть нужны и пріятны національному *капитулу*, а наипаче такіе, кои по связямъ своимъ, а болѣе по ревности своей къ О. имѣютъ нѣкоторое право быть пріобщенными къ содѣйствію. Итакъ если вы, выс. п. б., соберете только числомъ 9, то можете написать письмо въ директорію и возстановить *капитель*. Еще лучше

будетъ, если приступятъ къ вамъ въ зависимость и работающія въ П. Іоанновскія ложи, тогда можете вы присовокупить къ письму вашему и списки тѣхъ ложъ. По мнѣнію провинціальнаго капителя большее всѣхъ право имѣетъ в. п. б. о. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, какъ первый «возстановитель на твердую степень» въ Россіи масонства. Равномѣрно в. просв. бр. О. К. Куракинъ[1]), в. п. бр. Перфильевъ и другіе; короче сказать: правит. бр. не берутъ на себя предписывать и означать именно кого, но вамъ все оное ввѣряютъ, и на сей случай, по полученіи вашего письма съ подпискою еще другихъ, в. бр. О. вручитъ вамъ достоинство префекта до дальнѣйшаго расположенія, ибо въ П. долженствуетъ быть пріоратъ. В. б. Фрезъ, какъ ревнительный бр., заслуживаетъ совершенно мѣсто въ числѣ правительствующихъ брр. Я рекомендую вамъ в. п. бр. Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго. Наконецъ я прошу васъ, в. п. бр. О., прислать имена орденскія и гербы всѣхъ П. О. брр».

Новикову поручилъ провинціальный капитель переписку съ петербургскими братьями, и оттого его письма имѣютъ какъ бы офиціальный характеръ, тогда какъ письма князя Трубецкаго отличаются дружескимъ, свободнымъ тономъ, даже когда рѣчь идетъ объ орденскихъ дѣлахъ. Какъ префектъ ложи Латоны, онъ записалъ брата Алексѣя Андреевича въ число почетныхъ членовъ этой ложи и 16 янв. 1783 г. просилъ его предложить это же званіе Ѳедору Петровичу Фрезе и Александру Сергѣевичу Строганову[2]). Московскіе правительственные братья желали, чтобы братъ Алексѣй Андреевичъ принялъ на себя званіе

---

[1]) Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ. Онъ былъ замѣшанъ потомъ въ сношеніяхъ масоновъ съ Павломъ Петровичемъ. См. *Записки* Храповицкаго подъ 26 мая 1792 г.

[2]) Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, оберъ-камергеръ и президентъ Академіи Художествъ, род. 1734 г., умеръ 1811 г.

петербургскаго префекта, и получивъ его согласіе, Н. И. Новиковъ, 26 апрѣля 1783 г. (п. VII), сообщилъ ему копіи съ протокола директоріи VIII-ой провинціи, которымъ вручалось ему это званіе. Поздравляя его, Новиковъ просилъ его о назначеніи въ Москву *репрезентанта* для присутствія въ директоріи, рекомендуя, если онъ не имѣетъ кого-нибудь другаго, брата Василія Васильевича Чулкова, «яко основательнаго, твердаго и прилежнаго брата.» Изъ письма отъ 18 мая (IX) того же года видно, что братъ Алексѣй Андреевичъ согласился на назначеніе своимъ репрезентантомъ Чулкова, потому что Новиковъ проситъ прислать на его имя полномочіе. Чулковъ въ это время былъ боленъ и, вѣроятно, это было причиною, что представителемъ петербургскихъ братій въ московской директоріи былъ назначенъ не онъ, а братъ Петръ Вельяминовъ, Eques a Campana, какъ это видно изъ акта московской директоріи 12 іюля 1783 г., который будетъ приведенъ ниже. Петербургскій префектъ служилъ посредникомъ для конфиденціяльной переписки московскихъ правительствующихъ братій съ орденомъ. Это видно изъ писемъ Новикова отъ 1-го и 18 мая 1783 г.

Изъ Петербурга письма московскихъ братій отправлялись по почтѣ въ Ригу по слѣдующему адресу: à Mr. Bergmann Grand Fiscal du Gouvernement au Service de S. M. J. à Riga. Новиковъ совѣтуетъ пересылать письма по почтѣ, а не дожидаться оказіи, «лишь бы не были они подвержены распечатанію.» Изъ Москвы въ Петербургъ письма правительственныхъ братій пересылались обыкновенно не черезъ почту.

Въ томъ же письмѣ, отъ 18-го мая, Новиковъ одобряетъ рѣшеніе Алексѣя Андреевича не спѣшить открытіемъ капитула въ Петербургѣ. И дѣйствительно, въ то время, когда въ Москвѣ съ такимъ усердіемъ и единодушіемъ хлопотали о приведеніи въ порядокъ московскаго общества на его новыхъ

основаніяхъ, въ Петербургѣ дѣло не шло на ладъ. Между братьями шли раздоры и смуты. Въ началѣ іюля 1783 г. въ Москвѣ одинъ изъ братьевъ, князь Александръ Николаевичъ Засѣкинъ, получилъ слѣдующее письмо, отъ 22-го іюня, отъ Василья Петровича Митусова (п. X).

«М. Г. М. кн. Александръ Николаевичъ!

«Мы разсуждали здѣсь о состояніи своего общества, которое совсѣмъ почти къ паденію наклоненіе имѣетъ. Ибо имѣя очень много весьма достойныхъ брр. и не имѣя состоянія давать инымъ просвѣщенія, мы оныхъ лишаемся, равно и цѣлыя ложи почти закрываютъ свои священныя работы. Въ такомъ случаѣ, болѣзнуя объ ономъ сердечно, положили высокопросвѣщеннѣйшій бр. Андрей Андреевичъ Нартовъ, высокопр. брр. Александръ Петровичъ Митусовъ, Григорій Михайловичъ Лукашевичъ и другіе, хотя въ свѣтскомъ состояніи малоименитые, но душевными качествами и высокими степеньми по достоинству украшенные брр., пылая святѣйшимъ рвеніемъ къ ордену, приступить съ братскою просьбою къ вамъ, высокопр. братъ, къ самому наусерднѣйшему изъ знаемыхъ мною въ Москвѣ братьевъ, чтобы вы были въ московской префектурѣ представителемъ исходатайствовать учрежденіе оной и здѣсь, получая отъ вашего капитула изъ присылаемыхъ отъ вел. Брауншвейгской ложи бумагъ копіи за рукою московской префектуры, такъ какъ отъ начальствующей въ Россіи провинціи, а здѣшняя чтобы была по оной вторая капитулярная ложа. Вотъ просьба, высокопр. бр., которую на вашу благоразумную апробацію представляемъ, приступить намъ съ формальною просьбой къ вышней московской ложѣ, при вашемъ отвѣтѣ мы себя по оному расположимъ и пр.

«Василій Митусовъ.»

«Съ подлиннымъ читалъ рег. VIII пров. М. Багрянскій.» [1])

10 іюля бр. Александръ Eques ab apibus, кн. Засѣкинъ, представилъ письмо Митусова директоріи, а 12 іюля директорія дала слѣдующій официальный отзывъ:

«Высокопр. бр.!

«Директорія VIII О. Пров. съ удовольствіемъ приняла представленіе ваше и письмо, адресованное къ вамъ отъ почт. бр. Митус. именемъ нѣкоторыхъ брр., въ С.-П. Б. находящихся, отъ 27 іюня (?) 1783 г., въ которомъ они показываютъ свое желаніе, чтобы въ С.-П. Б. была учреждена префектура. Вслѣдствіе чего деректорія за долгъ себѣ поставляетъ увѣдомить ихъ чрезъ васъ, высокоп. бр., что провинція уже исполнила сіе, и что въ С.-П. Б. учреждена префектура, и префектомъ оной поставленъ уже высокоп. бр. Алексѣй a bona spe: чего ради, если имъ то угодно будетъ, могутъ адресоваться къ нему. Впрочемъ, съ братскою любовію и должнымъ уваженіемъ пребываемъ:

бр. Іоаннъ Eq. a Luce orta, Vice praes.
—Александръ Eq. a Luna crescenti, Propref. et Représ. *Capit.* Mosc.
—Петръ Eq. a Campana, Repres. *Capit.* Petropolit.
—Петръ Eq. a Speculatione, Rep. *Capit.* R—s.

1783 г іюля 12-го Высокоп. бр. Александру ab apibus.

«Съ под. чит. регис. VIII пров: Мих. Багрянскій.»

---

[1]) Михаилъ Ивановичъ Багрянскій, докторъ медицины, надворный совѣтникъ, ученый секретарь Медико-хирургической академіи московскаго отдѣленія, родился 1760 г., умеръ 1810 г. Былъ домашнимъ врачемъ Новикова и однимъ изъ самыхъ преданныхъ друзей его. Во время заключенія Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость онъ добровольно раздѣлилъ его участь.

На другой день (13-го іюля) представитель петербургскаго капитула, Петръ Eq. a Campana (Вельяминовъ), отправилъ къ бр. Алексѣю Андреевичу копіи съ писемъ Митусова и Засѣкина и съ отвѣта директоріи (п. XIII).

Разгадку этого письма петербургскихъ братій мы находимъ въ письмѣ кн. Трубецкаго отъ 23 іюля 1783 г.

«Я уповаю, что вы уже теперь извѣстны отъ вашего репрезентанта, что есть еще партія въ Петербургѣ, въ которой и бр. Нартовъ, которая адресовалась было въ Ліонъ во 2 пров. и искала актовъ и пр.; но когда получили въ отвѣтъ, что въ Россіи кромѣ провинціальнаго капителя, который въ Москвѣ, никто ничего учреждать не можетъ, то адресовались къ намъ; но мы учредивъ уже васъ въ Петербургѣ префектомъ, препроводили ихъ къ вамъ, что̀ и впредь по должности нашей и обязательствъ съ вами исполнять со всѣми адресующимися къ намъ изъ вашей префектуры будемъ: сей поступокъ Петерб. брр., уповаю я, когда другимъ Россіянамъ извѣстенъ учинится, то отучитъ ихъ не въ законномъ для нихъ мѣстѣ чего-либо искать, а понудитъ ихъ законную и учрежденную власть провинціальнаго капителя VIII пров. признать, чѣмъ всѣ и безпокойства кончатся.»

Этимъ не ограничивались смуты между петербургскими братьями. Въ томъ же письмѣ кн. Трубецкаго мы находимъ указаніе на другой поводъ къ волненіямъ и раздорамъ. «Что же касается до того, что петербурскіе брр. судятъ у кого имъ быть въ подчиненіи и кого имъ имѣть профект., то также указываетъ ясно ихъ невѣжество, ибо не бр., а законная власть назначаетъ префектовъ, законная же власть въ VIII пров. теперь въ рукахъ провинціальнаго капителя, который назначилъ васъ, и который учрежденъ въ Москвѣ; то ихъ о семъ разсужденіе не стоитъ и вниманія, а точно только показуетъ и невѣжество ихъ» (п. XIV).

Если между русскими братьями въ Петербургѣ были распри и споры, то еще болѣе вредны общему дѣлу были притязанія нѣмецкихъ членовъ общества. Масонскія ложи въ Россіи основаны были иностранцами, преимущественно Нѣмцами. Черезъ нихъ шли всѣ сношенія, и мы видимъ, напр., что московскіе братья долго не рѣшались обратиться прямо къ орденскимъ начальникамъ Германіи, а сносились черезъ Митавскую ложу. Главное управленіе ордена находилось въ Германіи. Нѣмецкіе члены русскаго масонства считали себя главными лицами, требовали себѣ виднаго мѣста и почета, хотѣли имѣть вліяніе. Для большинства петербургскихъ Нѣмцевъ образованіе изъ Россіи самостоятельной провинціи ордена, освобожденіе изъ-подъ зависимости отъ Швеціи или Курляндіи и перенесеніе центра управленія въ Москву, среду чисто русскую, было едва ли желательно и пріятно. Оттого мы видимъ, что даже тѣ изъ петербургскихъ иностранныхъ масоновъ, на которыхъ сначала разсчитывали и надѣялись московскіе братья, скоро становятся въ какія-то двусмысленныя, чтобы не сказать враждебныя, отношенія къ русскимъ масонамъ. Ихъ надежда занять первое мѣсто въ обществѣ не исполнилась, и уже въ 1783 г. мы видимъ несогласія между ними и русскими братьями. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно письмо кн. Трубецкаго отъ 30 іюля, вѣроятно 1783-го же года, хотя годъ въ письмѣ и не обозначенъ. Вотъ что́ писалъ Трубецкой къ Алексѣю Андреевичу:

«Когда мы искали ордена и провинціи въ Россіи, то намѣреніе наше клонилось токмо къ тому, чтобы показать чужестраннымъ брр., что Россія, подобно имъ, есть корпусъ масонской, и что потому ею какъ трепицею посужаться (какъ то до того времени было) невозможно, ибо намъ казалось и кажется стыдно, что Россія, занимающая бо́льшую часть Европы пространствомъ своимъ, долженствуетъ зависѣть отъ

другаго меньшаго ея государства. Сіе съ помощію Божіею удалось намъ, и Россія не только корпусомъ, но и провинціею, не однимъ человѣкомъ, но и цѣлымъ собраніемъ всѣхъ провинцій, признана. Итакъ, другъ мой, что сдѣлали всѣ провинціи вообще, того ни герцогъ Брауншвейгскій, и никто въ мірѣ перемѣнить не можетъ: а поелику мы искали для однихъ Россіянъ, то и все стараніе твое должно быть о соединеніи токмо Русскихъ; а чужестранцевъ не намъ искать, но они искать насъ должны; ибо присоединеніе чужестранцевъ, живущихъ въ Россіи, къ намъ дѣлаетъ имъ честь; а ихъ къ намъ присоединеніе никакой пользы намъ не приноситъ. Сіе-то мнѣніе нужно, чтобы русскіе брр. впечатлѣли въ свое сердце и перестали бы волочиться за всякимъ побродягой, который, бывъ ничего въ орденѣ, выдаетъ себя здѣсь за велико; и чтобъ они получили эту амбицію, которая во всѣхъ народахъ царствуетъ, что корпусъ національный дѣлаетъ честь чужестранцу, когда его къ себѣ присоединяетъ, а не чужестранецъ дѣлаетъ честь корпусу. Сіе-то основаніе сдѣлало, что мы брата Шварца, который столь великіе услуги намъ сдѣлалъ и былъ орудіе, чрезъ которое мы все получили, въ воздаяніе за его услуги присоединили къ себѣ и офицеромъ провинціи сдѣлали; но кромѣ его и безъ подобныхъ его услугъ никакой чужестранецъ въ правленіе провинціи впущенъ не будетъ. Итакъ, другъ мой, презри всѣмъ тѣмъ что Рибасы, Розенберхи, Фрезы и подобные имъ дѣлаютъ; мы не для нихъ работаемъ, а для Русскихъ, и имъ честь дѣлаемъ присоединя ихъ къ себѣ, а не они намъ честь дѣлаютъ: и притомъ будь увѣренъ, что ни герцогъ и никто въ мірѣ уже теперь не можетъ отнять у Россіянъ то право, которое имъ дано цѣлымъ конвентомъ всѣхъ провинцій; итакъ, желаю, чтобы ты, при Божьей помощи, открылъ капитель изъ Россіянъ и извѣстилъ бы объ ономъ герцога и директорію».

О Рибасѣ мы будемъ еще имѣть случай привѣсти мнѣніе московскихъ братій. Приведемъ теперь изъ того же письма князя Трубецкаго извѣстія объ устройствѣ петербургскаго масонства. «Что́ же принадлежитъ до учрежденія препозитурнаго капителя для чужестранныхъ въ Кронштадтѣ, который не самъ бы собою дѣйствовалъ, но былъ бы подъ правленіемъ префектурнаго петербургскаго капителя, и коего право только бы было, чтобы по дозволенію профектурнаго капителя, давать всѣ градусы и имѣть въ префектурномъ капителѣ репрезентанта, то сіе точно отъ тебя зависитъ; и какъ обстоятельства велятъ, такъ ты и сдѣлать можешь; однако я бы совѣтовалъ этимъ не спѣшить, авось-либо со временемъ это можно будетъ въ Петербургѣ тебѣ учредить; а не худо было бы, ежели бы могли учрежденія масонскія сдѣлать въ Новгородѣ, такъ какъ въ мѣстѣ принадлежащемъ префектурѣ петербургской, а въ Кронштадтѣ можемъ до времени, по моему мнѣнію, учредить шотландскую ложу для тамошнихъ братій. Впрочемъ, это все только мнѣніе мое, а ты по обстоятельствамъ, благоразумію и нуждѣ такъ поступать долженъ какъ обстоятельства потребуютъ.» Въ этомъ же письмѣ князь Трубецкой проситъ прислать въ Москву брата Зверягу, о присылкѣ котораго была рѣчь и прежде, съ тѣмъ чтобы, живя въ Москвѣ у Шварца, списать нужныя для петербургскихъ масоновъ бумаги и «быть изучену и воспитану въ Орденѣ.» Вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшитъ поправить свою забывчивость и сообщаетъ, что прежде высланная копія съ письма генеральнаго секретаря (ордена), только для свѣдѣнія бр. Алексѣя Андреевича и для его архива, а другіе братья знать о немъ «не имѣютъ нужды.»

Въ предшествующемъ письмѣ, отъ 23-го іюля 1783 года (п. 14-ое), князь Трубецкой одобряетъ намѣреніе петербургскаго префекта разослать циркуляръ въ Ивановскія ложи:

«это весьма полезно, и ты можешь въ оном циркулярѣ все то написать, что̀ благоразуміе твое за нужно почтетъ открыть передъ братьями, и что̀ по обстоятельствамъ полезно и безопасно будетъ.» Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ установились отношенія прежде уже существовавшихъ въ Петербургѣ Ивановскихъ ложъ ко вновь открытой префектурѣ въ этомъ городѣ и вообще къ учрежденной въ Россіи самостоятельной орденской провинціи. Въ перепискѣ нѣтъ на это указаній.

Въ іюлѣ или августѣ 1783 г., въ Петербургѣ приступлено было къ устройству такъ-называемаго теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ, и 19-го августа князь Трубецкой далъ бр. Алексѣю Андреевичу инструкцію для устройства комнаты для засѣданій, формы свѣтильниковъ, жертвенника, столовъ, ковра (тапи) и пр. (п. 17-ое). Раздоры братій и трудность бороться съ различными притязаніями, вѣроятно, сильно прискучили брату Алексѣю Андреевичу. По крайней мѣрѣ, въ сентябрѣ того же года, онъ уже получилъ по просьбѣ увольненіе отъ должности префекта. Ему предписано было внести въ капитель всѣ бумаги, относящіяся до рыцарства, и роспись имъ прислать въ Москву, а братьевъ заставить выбрать префекта, объ утвержденіи котораго представить черезъ директорію письмомъ въ викаріатъ. «Самому же тебѣ, мой другъ, пишетъ князь Трубецкой, совѣтую прилежно упражняться въ поученіи братій, въ теоретической степени, также совѣтую открыть для себя ложу изъ избранныхъ братій, подвергнуть ее въ правленіе одной изъ матерей-ложъ, объ усыновленіи которой напиши въ мать-ложу письмо, которая, ложу твою принявъ, дозволитъ ей работать въ четырехъ степеняхъ. И черезъ то ты совершенно отъ рыцарства уклонишься, ибо въ теоретическую степень чтобы войти, нѣтъ нужды быть рыцаремъ, но достойные входятъ въ оную прямо изъ *екоссовъ*; акты же 4-ой степени ты имѣешь, а три низ-

нія степени, какъ нынѣ во всѣхъ матеряхъ-ложахъ и во всей провинціи приняты, тѣ къ тебѣ сообщимъ весьма скоро, ибо они готовы; а какъ братъ посылаетъ человѣка на будущей недѣлѣ въ Петербургъ, то съ нимъ и они къ тебѣ отправятся.» Это же письмо содержитъ, между прочимъ, любопытное указаніе на орденскія имена, которыя дѣлаютъ такъ труднымъ пониманіе тайной переписки масоновъ между собою. «Что принадлежитъ до твоего извѣстнаго тайнаго герба, такъ имена на ономъ не вырѣзываются, но одинъ гербъ; имена же ты долженъ сохранить въ тайности, а ко мнѣ въ своихъ увѣдомленіяхъ подписываться тѣмъ изъ именъ только, которое подчеркнуто.» Члены масонскаго общества, по крайней мѣрѣ главные, имѣли слѣдовательно по нѣсколько именъ для переписки съ разными мѣстами и лицами, и это наводитъ насъ на мысль, не есть ли имя Pinnatus также орденское имя князя Трубецкаго, который въ официальной перепискѣ подписывался другимъ именемъ, именно: Eques ab aquila boreale. На это наводитъ особенно сходство въ тонѣ и содержаніи писемъ, подписанныхъ обоими именами. Въ этомъ особенно утверждаетъ письмо 21-ое, подписанное Pinnatus, которое будетъ приведено ниже. Въ немъ поручается брату Алексѣю Андреевичу, по случаю отпуска, сдать должность главнаго надзирателя брату Зверягѣ, съ тѣмъ, «что когда оный градусъ отъ него обратно потребуется, отъ васъ или *меня* или Новикова, или Татищева, то онъ безпрекословно оный возвратитъ.» Директорія состояла изъ Татищева, Новикова и князя Трубецкаго; слѣдовательно, писавшій былъ, очевидно, князь Трубецкой, тѣмъ болѣе что и прежде и послѣ этого письма составъ директоріи не измѣнялся.

По письму князя Трубецкаго, отъ 10-го сентября (п. 20-ое), видно, что братъ Алексѣй Андреевичъ въ это время былъ уже главнымъ надзирателемъ въ теоретической степени. «По-

елику ты, другъ мой, есть главный надзиратель въ теоретической степени, то посылаю къ тебѣ при семъ книгу, штудируй ее день и ночь, такъ чтобъ она въ тебѣ внутренно оживотворилась, и изъ нея поучай ввѣренныхъ тебѣ братій, не показывая однакожь имъ *до времени* источника, изъ котораго ты ихъ учишь; собирай ихъ, другъ мой, чаще, дабы они совершенно познали теоретическую степень, которая, по прочтеніи приложенной при семъ книги, тебѣ гораздо яснѣе будетъ, и притомъ пріуготовляй ихъ черезъ проповѣданіе словомъ и дѣломъ дѣятельнаго христіанства вступить въ св. *О*».

Въ этомъ письмѣ не приведено заглавіе книги. Но, по всей вѣроятности, это та книга, которая дошла до насъ въ нѣсколькихъ рукописяхъ, подъ заглавіемъ: *Теоретическій градусъ соломонскихъ наукъ*, и которая служила главнымъ основаніемъ въ разсужденіяхъ теоретической степени даже до самаго конца существованія масонства въ Россіи, какъ это видно изъ дошедшихъ до насъ протоколовъ засѣданій теоретической степени, отъ 25-го августа 1819 г. по 20-ое апрѣля 1821 г. У насъ подъ руками два экземпляра *Теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ*, одинъ — рукопись XVIII вѣка, другой — рукопись первой четверти нынѣшняго столѣтія. Обѣ рукописи (одна большая in-quarto другая in-folio) особенно тщательно переписаны и переплетены. Для насъ особенно важна рукопись in-quarto, на первой бѣлой страницѣ которой внизу слѣдующая надпись, сдѣланная не рукою переписчика: «Т. Г. присланъ 1782 г., декабря 9-го.» Въ перепискѣ московскихъ масоновъ есть истолкованіе буквъ, которыя три раза встрѣчаются въ этой рукописи. Въ письмѣ князя Трубецкаго, отъ 10-го сентября 1783 г., мы читаемъ: «Слова, на которыя ты требуешь изъясненія, суть: Б. Д. Н. С. М. и Е.,—Боже, даждь намъ согласіе, миръ и единство» (п. 20-ое). Въ обѣихъ рукописяхъ *Теоретическаго*

градуса, имѣющихся у насъ подъ руками, есть нѣкоторое разногласіе въ буквахъ: въ первой два раза вмѣсто четвертой буквы С. стоитъ Б; во второй буквы встрѣчаются только два раза, и оба раза буква Б. замѣняетъ букву С. Мы не будемъ, впрочемъ, останавливаться теперь на этихъ рукописяхъ. Приведемъ изъ нихъ только присягу поступающаго въ теоретическій градусъ и наставленіе главному надзирателю. Присяга состояла въ слѣдующемъ:

«Я, N N, обѣщаюсь свободно и по добромъ размышленіи:

1) во всю жизнь мою покланятися Вѣчному, Всемогущему Еговѣ духомъ и истиною;

2) по возможности моей стараться всемогущество Его и премудрость чрезъ натуру познавать;

3) суетъ міра отрещися;

4) сколько въ моей возможности состоитъ, споспѣшествовать пользѣ моихъ братьевъ, любить ихъ, совѣтомъ и дѣломъ во всѣхъ нуждахъ имъ вспомоществовать и, наконецъ,

5) непрерывное молчаніе соблюдать такъ истинно, какъ Богъ безсмертенъ есть.»

«Наставленіе достойному настоятелю (главному надзирателю):

«Достойный надзиратель долженъ одинъ только имѣть у себя принятіе теоретическихъ братьевъ, и долженъ каждый мѣсяцъ одинъ разъ всѣхъ своихъ братьевъ собирать, наставленіе теоретическаго градуса по своему благоизволенію или по надобности учреждать, оное по параграфамъ читать (преподавать) и имъ содержаніе онаго, по своему разумѣнію и силамъ, наилучше понятнымъ дѣлать. Братъ-секретарь долженъ всегда дѣлать протоколъ о томъ, что говорено или трактовано, и настоятель долженъ всякіе три мѣсяца дѣлать донесеніе объ успѣхѣ своихъ теоретическихъ работъ и о ревности своихъ братьевъ. Какъ скоро всѣ братья въ собраніи находятся

и принятія не бываетъ, садятся всѣ около поучительнаго стола, покрытаго чернымъ ковромъ. Посреди онаго стоитъ свѣщникъ о седьми вѣтвяхъ. Достойный настоятель сидитъ къ востоку, братъ-секретарь и обрядоначальникъ по правую и по лѣвую сторону его, прочіе братья по произволенію. Каждый братъ имѣетъ бумагу и перо, чтобы записывать экстрактомъ нужное къ своему наставленію ученіе; или же братъ-секретарь сочиняетъ краткій экстрактъ, который всѣмъ братьямъ сообщается. Впрочемъ же непристойно, чтобы теоретическій градусъ каждый братъ списывалъ, ибо столь многіе списки не только иногда истинное направленіе ежели не потемняютъ, то малоуважаемымъ дѣлаютъ, или же вовсе нечаяннымъ образомъ ошибками наполняются и въ непросвѣщенныя руки достаться могутъ. Б. Д. Н. С. М. И. Е.»

Замѣчательны еще слѣдующіе два пункта изъ законовъ для высокаго собранія такъ-называемыхъ теоретическихъ философовъ:

«§ 2. *О религіи.* Каждый теоретическій братъ долженствуетъ придержаться одной извѣстной христіанской религіи и по оной тщательно и ревностно жить, какъ то съ должностію честнаго человѣка сходствуетъ. Впрочемъ, всякому свободно соглашаться на тѣ мнѣнія, которыя почитаетъ онъ за разумнѣйшія и за спасительныя, сирѣчь такія мнѣнія, которыя дѣлаютъ человѣка праведнымъ, добронравнымъ, благотворнымъ, добросердечнымъ и готовымъ къ услугамъ ближнему своему, какого бы онъ ни былъ народа и вѣры христіанъ» [1]).

---

[1]) Вѣротерпимость была отличительною чертой масонства. Извѣстно, какъ чтилась русскими масонами память Іакова Бема. Мы приведемъ ниже, какимъ ореоломъ окружено было въ памяти масоновъ лицо Шварца въ 1820 г. Укажемъ на донесеніе Лопухина о преслѣдуемыхъ духоборцахъ. Въ высшей степени любопытно, что духоборцевъ [простой народъ

«§ 3. *О должномъ начальству покореніи.* Каждый сочленъ сего собранія долженъ быть вѣрнымъ подданнымъ своему государю, охотно покоряющимся своему начальству, миролюбивымъ гражданиномъ, или обывателемъ въ мѣстѣ пребыванія своего, миротворцемъ въ спорахъ и учредителемъ (основателемъ) спокойствія и единогласія; онъ долженъ крайне блюстися, дабы ни въ какія государству вредныя возмущенія вмѣшанъ не былъ, и сего ради, такъ какъ и вообще соблюдаемое, всегда безпорочное, поведеніе, сіе сообщество во всякое время отъ царей, князей и государствъ защиту получало» [1]).

Изъ двухъ писемъ, отъ 3-го октября и 25-го ноября, подписанныхъ Pinnatus, подъ именемъ котораго нужно, по всей вѣроятности, разумѣть князя Н. Н. Трубецкаго, мы узнаемъ, что братъ Алексѣй Андреевичъ бралъ отпускъ на годъ. Въ письмахъ Pinnatus'а содержатся распоряженія о временной передачѣ должности главнаго надзирателя. Мы приведемъ вполнѣ первое письмо, отъ 3-го октября.

называлъ ордена масонами (т. XVII Плюшарова *Енцикл. Лекс.*). Въ этомъ нельзя не видѣть воспоминанія о защитѣ духоборцевъ масономъ Новухинымъ.

[1]) Для интересующихся привожу оглавленіе рукописи *Теоретическаго градуса*, тѣмъ болѣе, что эти рукописи очень рѣдки: Предувѣдомленіе.—Принятіе.—Наставленіе гл. надз.—Законы для собранія Т. Ф. (теорет. философовъ).—Обряды столоваго собранія.—Вопросы и наставленія Т. брр.—Заключеніе.—Собранія.—Наставленіе для Т. брр.—О стихіяхъ вообще.—Объ огнѣ.—О воздухѣ.—О водѣ.—О землѣ.—О стихійныхъ вещахъ и духахъ.—О тѣлесныхъ вещахъ—О солн.—О сѣрѣ.—О меркуріѣ.—О сѣмени всѣхъ вещей.—Рожденіе.—Соблюденіе.—Разрушеніе.—Дѣйствіе верхнихъ звѣздъ.—О метеорахъ.—О металлахъ.—Рожденіе металловъ.—Золото.—Серебро.—Меньшіе металлы.—Дорогіе камни.—Простые камни.—Минералы.—О растительныхъ.—О животномъ царствѣ.—Человѣкъ.—О болѣзняхъ человѣческаго тѣла.—О болѣзняхъ ума—О болѣзняхъ души.—О совершенномъ согласіи всѣхъ вещей.

«Высокоп. и любезный братъ!

«Вчерашній день я свѣдалъ, что вы будете въ отпускъ на годъ, а поелику на васъ возложена должность главнаго надзирателя теорет. степ., и грѣхъ будетъ, чтобы за вашимъ отъѣздомъ братья лишились онаго, то я за долгъ почитаю вамъ *предписать*, чтобы во время вашего пребыванія въ Петербургѣ изготовили такъ брата Зверягу, чтобъ онъ могъ до вашего возвращенія онымъ градусомъ управлять, да и брр. бы привели на то, чтобъ они къ нему вниманіе получили, что учиня градусъ со всѣми бумагами, принадлежащими къ оному, при отъѣздѣ вашемъ оставленъ у брата Зверяги, а съ него возьмите подписку, что онъ въ точности по оному поступать будетъ и пунктуально обо всемъ станетъ увѣдомлять васъ, и что когда оный градусъ отъ него обратно потребуется отъ васъ или *меня*, или Новикова, или Татищева, то онъ безпрекословно оный возвратитъ, также, что онъ его списывать не будетъ. О прочемъ обо всемъ переговорите съ Шредеромъ. Богъ да благословитъ васъ и пр.

Pinnatus.»

Въ письмѣ, отъ 25-го ноября, Pinnatus извѣщаетъ объ утвержденіи префекта и сообщаетъ слѣдующую подробность о шотландскихъ степеняхъ въ Россіи. «Поелику шотландская степень прислана къ намъ изъ чужихъ краевъ, и мы ее въ практикѣ не видимъ, то о многомъ просили изъясненіе; а какъ братъ князь Г. П. Гагаринъ самъ зимою будетъ въ Петербургѣ, а до тѣхъ поръ изъясненія присланы будутъ, то онъ и изъясненіе привезетъ съ собою.»

О передачѣ бумагъ теоретическаго градуса въ этомъ письмѣ мы находимъ болѣе точныя и подробныя распоряженія. «Бумаги теоретическія для работъ оставьте, какъ я прежде

писалъ брату Зверягѣ, токмо къ тому еще присовокуплю, дабы не ему одному оныя отдать, но ему и брату Вукашевичу, дабы въ случаѣ смерти или неожидаемаго какого случая бумаги могли быть сохранены, почему и возьмите росписку объ оныхъ бумагахъ съ нихъ съ обоихъ; также оставьте у нихъ и книги *О семи дняхъ творенія*, дабы братъ имѣлъ откуду почерпать ученіе свое братьямъ.«

Отпускъ брата Алексѣя Андреевича, кажется, не состоялся. Мы имѣемъ письмо къ нему Pinnatus'a, отъ 1-го февраля 1784 г. Въ немъ одобряется, что братья подъ его присмотромъ будутъ штудировать теоретическую степень, говорится, что братъ Гагаринъ не есть Р. К: «потому, пишетъ Pinnatus, поступайте съ нимъ какъ съ теоретическимъ братомъ и наставляйте его, дабы онъ могъ содѣлаться достойнымъ того, чтобы, при окончаніи силанума, можно было взять съ него петитъ.» Въ этомъ же письмѣ любопытныя указанія на то, какъ нужно сообщать братьямъ нѣкоторыя важныя сочиненія. Еще прежде Pinnatus послалъ къ брату Алексѣю Андреевичу сочиненія Іакова Бема. Теперь онъ пишетъ: «Что касается до того, что можете ли вы читать ради нѣкоторыхъ братьевъ сіи и другія сочиненія, то сіе въ волѣ вашей, вы можете ихъ читать съ ними или поручать читать ихъ для другихъ вѣрному и надежному брату. Но остерегитесь только, чтобы бисеръ не былъ поверженъ передъ свиньями, а въ противномъ случаѣ вы сами за оное отвѣчать будете нашему Спасителю и другу душъ нашихъ. Словомъ, сіе точно вашему благоразумію и гласу вашей совѣсти поручается. А въ примѣчаніе только скажу, что не выдавайте *другимъ* * сего ученія за ученіе орденское, но предлагайте сего и другихъ ему подобныхъ авторовъ за та-

* Въ оригиналѣ тринды подчеркнуто.

кихъ, которые вамъ кажутся хороши.» Относительно самого Алексѣя Андреевича мы находимъ въ этомъ письмѣ слѣдующее: «Вы писали ко мнѣ прежде о томъ, чтобы доставить вамъ практическую степень, но на сіе скажу, что пока силанумъ въ орденѣ продолжается, то дотолѣ никому никакой степени даться не можетъ; а долго ли силанумъ продолжится, то сего кромѣ высочайшихъ начальниковъ никто не вѣдаетъ. Чего ради, будь, мой другъ, спокоенъ, молись Богу и вѣрь, что въ свое время вы достигните цѣли, предлагаемой каждому достойному брату святаго нашего союза.»

Слово *силанумъ* нѣсколько разъ встрѣчается въ перепискѣ, и, по счастію, въ концѣ рукописи мы находимъ объясняющее примѣчаніе. «Силанумъ въ орденѣ есть такое время, въ которое отцы и правители высокосвѣтскаго и святѣйшаго ордена занимаются разсмотрѣніемъ всей экономіи его,—есть то время, въ которое они сего благословеннаго и райскаго древа обрѣзываютъ и отсѣкаютъ увядающіе и засыхающіе отпрыски, а иногда и цѣлыя безплодныя вѣтви.

«Время сіе сколько для экономіи ордена вообще весьма важное, столько и для всѣхъ отцовъ и въ особенности для всякаго брата Р—ра *страшное*, или по крайней мѣрѣ такое, въ которое каждый сынъ ордена особенное на себя долженъ обращать вниманіе и наистрожайше самого въ себѣ испытывать въ вѣрности и дѣятельной приверженности *къ святости своего званія*.»

Мы не знаемъ, сколько времени на этотъ разъ продолжался силанумъ въ орденѣ. Первое письмо, въ которомъ объ этомъ силанумѣ упоминается, отъ 1-го февраля 1784 г., послѣднее, въ которомъ говорится, что силанумъ еще продолжается, отъ 21-го іюля того же года. Слѣдовательно, силанумъ продолжался, по крайней мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ.

Силанумъ не мѣшалъ, впрочемъ, обычному ходу дѣлъ въ орденѣ. Такъ ко времени его относится слѣдующая официальная бумага отъ московской директоріи къ петербургскому главному надзирателю теоретическаго градуса.

«Достойный главный надзиратель!

«По повелѣнію высокихъ начальниковъ учреждена здѣсь для теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ директорія, отъ которой всѣ дѣла и учрежденія, касающіяся до онаго, впредь зависѣть долженствуютъ. Вслѣдствіе чего всѣ достойные главные надзиратели, до сего времени учрежденные, оною подтверждены, и положено о семъ ихъ извѣстить, дабы они впредь обо всемъ касающемся до сего градуса адресовались въ директорію, и притомъ знали и помнили, что оная, кромѣ главныхъ надзирателей, никому не должна быть извѣстна.

«Предложенные вами братья, Третьяковскій, князь Несвицкій, Сабуровъ, Бороздинъ и два брата Митусовы, директоріею къ принятію въ теоретической степени соломонскихъ наукъ назначены; почему вы имѣете, по надлежащемъ ихъ пріуготовленіи, когда они по совѣсти вашей удобными къ принятію учинятся, приступить ко введенію ихъ надлежащимъ образомъ въ сію степень, въ чемъ вы предъ орденомъ отвѣтствовать имѣете, и въ чемъ директорія на вашу собственную совѣсть полагается и препоручаетъ ихъ вашему руководству. По принятіи же ихъ, благоволите объ ономъ извѣстить письменно директорію и прислать также списокъ вашихъ братьевъ.

«Брата Митусова, находящагося въ Москвѣ, опредѣлено на вашъ счетъ принять здѣсь, дабы онъ былъ здѣсь наученъ всему нужному, могъ быть полезенъ въ вашемъ собраніи, въ

исправленіи таковой должности, каковую вы на него возложить заблагоразсудите.

«Ваши, достойный главный надзиратель,
вѣрные друзья и братья,
Михаилъ Новиковъ.
Князь Николай Трубецкой.
Петръ Татищевъ.»

Москва 6 дня
1784 г.

Въ августѣ того же года директорія прислала петербургскому главному надзирателю слѣдующее распоряженіе:

«Достойный главный надзиратель!

«Предложенные вами къ принятію теоретической степени соломонскихъ наукъ братья, графъ и баронъ, Строгановы директоріею назначены. Сверхъ сего, въ разсужденіи затрудненія въ перепискахъ, оною опредѣлено дозволить вамъ принять въ сію степень еще до десяти братьевъ, не требуя дозволенія отъ директоріи, увѣдомляя токмо, по принятіи каждаго, съ тѣмъ притомъ условіемъ, что вы совѣстію своею отвѣтствовать за нихъ долженствуете передъ орденомъ.

Ваши усердные братья,
Петръ Татищевъ.
Князь Николай Трубецкой.
Николай Новиковъ.

Москва.
1784 года.
Августа дня.

Послѣ этого въ рукописи, заключающей въ себѣ переписку, оказывается перерывъ до самаго 1789 г. Чѣмъ объяснить этотъ перерывъ, мы не знаемъ. Лицо, списывавшее эту пере-

писку съ оригиналовъ, было однимъ изъ высшихъ сановниковъ ордена и имѣло свободный доступъ къ тайнымъ бумагамъ. Если письма съ августа 1784 по январь 1789 г. не были имъ переписаны, значитъ ихъ не было уже въ тайномъ архивѣ петербургскаго масонства. Предполагать, что во все это время не было вовсе письменныхъ сношеній между высшими чиновниками VIII провинціи, жившими въ Москвѣ, и петербургскими братьями, рѣшительно невозможно. Разрыва, разъединенія между московскими и петербургскими братьями не могло быть. Письма 1789 г. (ихъ всего 4) не содержатъ въ себѣ ни малѣйшихъ намековъ на это. Они отличаются тѣмъ же дружескимъ характеромъ, какъ и письма прежнихъ годовъ. Кромѣ того, тѣ же самыя лица пишутъ къ тому же Алексѣю Андреевичу. Одно изъ нихъ подписано P. (Pinnatus), другое княземъ Трубецкимъ; два остальныхъ его орденскимъ именемъ Eques ab aquila boreali. Письма 1789 г. не такъ важны для исторіи отношеній петербургскихъ масоновъ къ ихъ московскимъ начальникамъ, какъ письма предшествующихъ годовъ. Въ первомъ (отъ 24 янв. 1789 г.) извѣщается о передачѣ письма брату Зверягѣ, который въ это время былъ въ Москвѣ, совѣтуется неутомимое штудированіе Іоанна Масона и пьесы *о четырехъ комплекціяхъ*, говорится о продолженіи силанума (по всей вѣроятности это тотъ силанумъ, который былъ въ 1784 году, иначе нужно бы предположить, что онъ продолжался болѣе четырехъ лѣтъ). «Скажу вамъ, что силанумъ еще не кончился, и что подлежитъ въ насъ самихъ вящше и вящше угнетать нашу плоть, похоть міра и гордость діавола, ежели хотимъ удобными сдѣлаться, воспріять то великое благо, которое изліется при окончаніи силанума на всѣхъ обрѣтенныхъ *вѣрными бдящими и непоколебленными* братьями.» Въ второмъ письмѣ (безъ даты) сообщается списокъ членовъ провинціальной ложи, про-

винціальнаго капитула и, вѣроятно, теоретическаго градуса, который мы приведемъ ниже, и вмѣстѣ съ тѣмъ просится о присылкѣ такого же списка петербургскихъ братьевъ. Третье письмо содержитъ въ себѣ интересныя подробности о братѣ Нартовѣ, которыя будутъ приведены ниже, извѣщеніе о дозволеніи сдѣлать брата Перфильева пропрефектомъ, причислить къ капителю всѣхъ назначенныхъ Алек. Андр. братій, а не принятыхъ въ рыцарство принять, дать всѣмъ имъ имена, девизъ и гербъ и потомъ сообщить ихъ въ директорію для внесенія въ матрикулы и сообщенія въ орденъ; далѣе, находится просьба о присылкѣ скорѣе въ Москву брата Зверяги и извѣстіе о посылкѣ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ слѣпковъ печатей и пакета, запечатаннаго орденскими печатями. Наконецъ, послѣднее письмо, также безъ даты,—коротенькое увѣдомленіе о томъ, что письмо, которое Новиковъ долженъ былъ, по приказу начальствующихъ братьевъ, отослать въ Петербургъ, уже отправлено, и братъ Чулковъ, возвратясь въ Москву, сказывалъ, что отдалъ порученныя ему бумаги.

Вотъ все, что могли мы найти въ перепискѣ о сношеніяхъ и отношеніяхъ московскихъ начальниковъ VIII провинціи къ ихъ петербургскимъ собратіямъ. Теперь мы постараемся собрать отрывочныя, разсѣянныя извѣстія о петербургскихъ братьяхъ, которыя находимъ мы въ перепискѣ.

Изъ петербургскихъ братій, о которыхъ говоритъ переписка, на первомъ планѣ стоятъ Рибасъ и Нартовъ. По крайней мѣрѣ, на нихъ мы находимъ больше указаній, чѣмъ на другихъ членовъ. О Рибасѣ говорится въ трехъ письмахъ. 18 мая 1783 г. Новиковъ пишетъ къ брату Алексѣю Андреевичу: «Теперь прилагаю письмо в. п. брата Шварца къ Рибасу и копію съ онаго для васъ; постарайтесь отдать ему оное сами и потребуйте на оное отвѣта. Я надѣюсь, что вы будете имѣть передъ собою хорошее явленіе при чтеніи имъ

сего письма.» Мы не знаемъ навѣрное, принадлежалъ ли Рибасъ къ числу масоновъ, признававшихъ надъ собою власть VIII провинціи и принадлежавшихъ къ петербургской префектурѣ; но что онъ былъ въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ петербургскими масонами, это очевидно. Въ письмѣ отъ 23 іюля 1783 г. князь Н. Н. Трубецкой два раза говоритъ о Рибасѣ: «1) Я расхохотался, когда увидѣлъ, мой другъ, изъ твоего письма, что Рибасъ принимаетъ Р. К. за градусъ; дай Боже, чтобы вы впредь, когда начальникамъ нашимъ угодно будетъ, достовѣрнѣе увѣрили о его въ семъ случаѣ невѣжества» и т. д. Второе замѣчаніе о Рибасѣ гораздо подробнѣе: «2) Я расхохотался, видя изъ письма вашего, что Рибасъ хвастаетъ, что онъ имѣетъ внутреннія *орденскія* познанія; видно, что для него природа скачокъ сдѣлала, и поступая вездѣ постепенно, его, яко избраннаго изъ всѣхъ смертныхъ, вдругъ учинила совершеннымъ; нѣтъ, другъ мой, словъ сихъ: «знаю внутреннія познанія ордена,» кромѣ невѣжды и шарлатана никто сказать не можетъ, а наипаче черезъ такое короткое время, какое Рибасъ на это имѣлъ, ибо и мы, несмотря на то, что подлинно къ истинному внутреннему ордену принадлежимъ, и несмотря на то, что нѣсколько лѣтъ денно и нощно въ томъ упражняемся, можемъ только то единое о себѣ сказать, что мы всѣ тѣ орудія въ рукахъ имѣемъ, по которымъ до оныхъ познаній непрестанными трудами и повиновеніемъ безмолвнымъ къ начальникамъ дойдти можемъ, ибо сіе дѣло не одного десятка лѣтъ, но нѣсколькихъ требуетъ; когда же онъ называетъ познаніемъ размышленія и толкованія іероглифовъ, подобно книгѣ: *Des Erreurs et de la Verité*, я вамъ скоро изобиліе такихъ толкованій доставлю; и кто подобно Рибасу думаетъ, что онъ по оныхъ имѣетъ внутреннія познанія, тотъ уподобляется мальчику, начертившему изъ Вобана чертежъ и потому воображающему

быть уже инженеромъ. Вотъ, другъ мой, мое разсужденіе о познаніяхъ Рибаса, которыя не дѣло, но пыль и мыльные пузыри; однакоже нужно, чтобы ты для посрамленія таковыхъ знахарей имѣлъ нѣкоторыя матеріялы, чѣмъ ихъ побѣждать, и для того необходимо нужно тебѣ не мѣшкавъ прислать въ Москву брата Зверягу» и пр. (п. XIV).

Послѣднее упоминаніе о Рибасѣ находится въ приведенномъ уже нами письмѣ (XV), гдѣ говорится, чтобы петербургскіе братья не заискивали у иностранцевъ. «Итакъ, другъ мой, презри всѣмъ тѣмъ что Рибасы, Розенберхи, Фрезы и подобные имъ дѣлаютъ; мы не для нихъ работаемъ, а для русскихъ.»

Объ Андреѣ Андреевичѣ Нартовѣ мы имѣемъ два особенно любопытныя указанія. Онъ былъ масономъ еще ранѣе возведенія Россеіи въ особую провинцію ордена.

Послѣ образованія въ Москвѣ главнаго провинціальнаго управленія, а въ Петербургѣ зависящей отъ него префектуры, многіе петербургскіе братья, какъ мы уже видѣли, обратились въ Москву съ просьбою принять ихъ въ соединеніе и образовать для нихъ въ Петербургѣ особую префектуру Мы знаемъ уже письмо брата Митусова и возникшую по этому переписку. Изъ того же письма князя Трубецкаго, отъ 23 іюля 1783 г., мы узнаемъ, что однимъ изъ главныхъ двигателей въ этомъ дѣлѣ былъ Андрей Нартовъ. «Я уповаю, пишетъ князь Трубецкой, что вы уже теперь извѣстны отъ вашего репрезентанта, что есть еще партія въ Петербургѣ, въ которой и братъ Нартовъ, которая адресовалась было въ Ліонъ во II пров. и искала актовъ и проч., но когда получили въ отвѣтъ, что въ Россіи, кромѣ провинціальнаго капителя, который въ Москвѣ, никто ничего учреждать не можетъ, то адресовались къ намъ; но мы, учредивъ уже васъ въ Петербургѣ префектомъ, препроводили ихъ къ вамъ, что и

впредь по должности нашей и обязательствъ съ вами исполнять со всѣми адресующимися къ намъ изъ вашей префектуры будемъ; сей поступокъ петербургскихъ братій, уповаю я, когда другимъ Россіянамъ извѣстенъ учинится, то отучитъ ихъ не въ законномъ для нихъ мѣстѣ чего-либо искать, а понудитъ ихъ законную и учрежденную власть провинціальнаго капителя VIII пров. признать, чѣмъ всѣ и безпокойства кончатся.»

Мы видимъ, потомъ, что товарищи Нартова по интригѣ о непризнаніи власти VIII провинціи, братья Митусовы, не только искренне примкнули къ пе́тербургской префектурѣ, но и сдѣлались членами теоретическаго градуса, въ которомъ главнымъ надзирателемъ былъ братъ Алексѣй Андреевичъ Ржевскій, Eques a bona spe. Мало того, одинъ изъ братьевъ, бывшій въ то время въ Москвѣ, былъ принятъ тамъ, чтобы быть научену всему нужному.

Возвращаясь къ Нартову, мы находимъ новое о немъ упоминаніе уже въ 1789 г., въ письмѣ, подписанномъ Eques ab aquila boreali, то-есть княземъ Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ. Вотъ что́ онъ пишетъ: «Благодарю тебя за два дружескія письма твои; скажу, что я для того не отвѣчалъ къ тебѣ на прошедшей почтѣ, что не успѣлъ отвѣтъ заготовить на присланные отъ Нартова вопросы, но тепе́рь, изготовя ихъ, при семъ посылаю, дабы ты, позвавъ къ себѣ Нартова, сказалъ, что ты препроводилъ вопросы его къ тѣмъ, которые тебѣ извѣстны, и что получилъ на оные отвѣты, которые и прочти ему. И ежели хочешь, то дай и списать. Только не сказывай чьи они, и отъ кого ихъ получилъ. Мы великое имѣемъ сомнѣніе, не принадлежитъ ли онъ къ тому тайному обществу, о которомъ въ отвѣтахъ упомянуто, и отъ котораго отцы наши насъ весьма остерегаютъ и для познанія онаго прислали намъ ихъ акты всѣхъ степеней, кото-

рые какъ скоро перепишутъ и переведутъ, то къ тебѣ сообщимъ. А наипаче это сомнѣніе въ насъ родилось отъ его знака, который есть въ тѣхъ актахъ, и въ первой степени знаменуетъ *Moises, Messias, Christos*, почему совѣтую тебѣ быть съ нимъ осторожнымъ, въ рыцарствѣ можетъ быть онъ съ тобою въ связи, но о внутреннихъ познаніяхъ весьма остерегаться отъ него должно» (п. XXX). До насъ дошли вопросы Нартова и отвѣты на нихъ. Они сохранились въ альбомѣ одного изъ высшихъ сановниковъ ордена въ первой четверти XIX столѣтія. Только подъ ними подписано И. Е. Ш, и они такимъ образомъ ошибочно приписаны Шварцу, тогда какъ писаны шесть лѣтъ послѣ его смерти княземъ Трубецкимъ. Всѣхъ вопросовъ восемнадцать. Отвѣты на нихъ коротки и написаны съ непріязненнымъ, худо скрываемымъ чувствомъ къ вопрошателю. О тайномъ обществѣ упоминается въ отвѣтѣ на 11-й вопросъ: могутъ ли всѣ числа отъ одного до десяти истолковать, что̀ есть число 1 и 10-е, что значитъ 5? Отвѣтъ. «Что же принадлежитъ до одиннадцатаго вопроса, то мы отъ искренней любви просили Бога, да не принадлежитъ дѣлающій его къ нѣкоторому тайному обществу, которое имѣетъ оный въ катихизмѣ перваго градуса своего, и которое происходитъ изъ ада, хотя великолѣпнымъ именемъ свѣта одѣваетъ себя. Трепещемъ мы о немъ и для него, и для любезнаго отечества нашего.» *

---

* Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, объ орденѣ Иллюминатовъ, основанномъ въ Баваріи профессоромъ Вейсгаунтомъ. Иллюминаты пользовались масонами для своихъ цѣлей и вступали въ ихъ ложи. На Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ они впервые дѣйствовали въ званіи масоновъ и съ величайшею тайной, стараясь пріобрѣсти вліяніе и завязать связи съ замѣчательнѣйшими членами масонства. Замѣчательно, что на Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ отказались принять ученіе Берлинской ложи Трехъ Глобусовъ, съ которою мы находимъ въ такихъ частыхъ сношеніяхъ московскихъ масоновъ. Ложа Трехъ Глобусовъ, подъ вліяніемъ брата Вёльнера,

Къ числу петербургскихъ братій, не вполнѣ надежныхъ въ глазахъ московскихъ начальниковъ, нужно, кажется, наравнѣ съ Рибасомъ и Нартовымъ, отнести и Ѳедора Петровича Фреза. Въ началѣ мы видимъ, что на него возлагали большія надежды Николай Ивановичъ Новиковъ, въ письмѣ своемъ отъ 14 февр. 1783 г., пишетъ въ Петербургъ, при самомъ открытіи тамъ префектуры: «В. б. Фрезъ, какъ ревнительный братъ, заслуживаетъ совершенное мѣсто въ числѣ правительствующихъ братій» (п. V). Князь Н. Н. Трубецкой, въ пись-

---

котораго имя часто встрѣчается въ исторіи русскаго масонства и его приверженцевъ розенкрейцеровъ, не отправили даже своихъ депутатовъ на Вильгельмсбадскій конгрессъ, подъ предлогомъ что приглашеніе сдѣлано было не въ надлежащей формѣ. Этимъ объясняется отстраненіе русскихъ масоновъ отъ герцога Брауншвейгскаго послѣ Вильгельмсбадскаго конгресса, на которомъ Россія была объявлена особою провинціей,—отстраненіе, бывшее слѣдствіемъ объявленія ложи Трехъ Глобусовъ, отъ 11 ноября 1782 года, которое мы привели въ первой статьѣ. Объ отношеніяхъ Иллюминатовъ къ масонству вообще и даже въ Россіи можно было бы собрать любопытныя свѣдѣнія изъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ и частью такие неизвѣстныхъ матеріялахъ. Для ознакомленія съ цѣлію и сущностію ордена Иллюминатовъ лучшими источниками служатъ ихъ бумаги, изданныя по повелѣнію Баварскаго курфюрста. „Einige Originalschriften des Illuminatenordens, welche bey dem gewesenen Rerierungsrath Zwack durch vorgenommene Hausvisitation zu Landshut den 11 und 12 oct. 1786 vorgefunden worden. Auf höchsten Befehl Seiner Churfürstlichen Durchlaucht zum Druck befördert. München 1787“ и „Nachtrag von Originalschriften, welche die Illuminatensecte überhaupt, sonderbar aber.... Adam Wei haupt.... betrefen. München 1787.“ Въ высшей степени замѣчателенъ также манифестъ, изданный къ членамъ масонскаго общества Фердинандомъ Брауншвейгскимъ, въ самый разгаръ французской революціи, въ 1792 году, въ которомъ указаны гибельныя слѣдствія постороннихъ вліяній на масонство. Этотъ манифестъ напечатанъ въ изданіи тайнаго сочиненія: „Freimaurer Denkschrift über die politische Wirksamkeit des Freimaurer Bundes als der ...Propaganda zum Sturz der legitimen Trone und des positiven Christenthums. Berlin. 1864.“ Это изданіе будетъ въ 15 выпускахъ, изъ которыхъ каждый посвященъ какому-нибудь изъ германскихъ государей, принадлежащихъ къ Масонскому ордену.

мѣ отъ 16 января того же года, проситъ согласія Фреза на принятіе знанія почетнаго члена московской матери-ложи Латоны. И однако черезъ шесть мѣсяцевъ мы видимъ, что тотъ же Трубецкой совѣтуетъ брату Алексѣю Андреевичу презрѣть всѣмъ тѣмъ «что Рибасы, Розенберхи, Фрезы и подобные имъ дѣлаютъ» (п. отъ 30 іюля 1783 г.). Больше мы не находимъ никакихъ свѣдѣній о Фрезѣ. Розенберхъ только разъ и упоминается.

Въ перепискѣ мы находимъ упоминаніе о слѣдующихъ петербургскихъ масонахъ, безъ особыхъ подробностей или указаній: 1) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, «первый возстановитель на твердую степень въ Россіи масонства;» 2) князь Куракинъ; 3) графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, избранный почетнымъ членомъ матери-ложи Латоны; 4) Василій Петровичъ Митусовъ и 5) Александръ Петровичъ Митусовъ, о которыхъ всѣ извѣстія приведены уже нами; 6) баронъ Строгановъ, 7) Третьяковскій, 8) кн. Несвицкій, 9) Сабуровъ, 10) Бороздинъ, 11) Вукашевичъ. Почти всѣ они были членами теоретической степени соломонскихъ наукъ. Кромѣ того, есть нѣсколько лицъ, о которыхъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, хотя и не можемъ прямо сказать, принадлежали ли они къ числу масоновъ петербургской префектуры. На первомъ мѣстѣ между такими стоитъ извѣстный Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій. Новиковъ въ письмѣ своемъ называетъ его высокопросвѣщеннымъ братомъ; но мы не знаемъ навѣрное, былъ ли Дмитревскій членомъ петербургскаго общества, состоявшаго въ зависимости отъ префектуры, или, можетъ-быть, онъ принадлежалъ къ которой-нибудь изъ Іоанновскихъ ложъ, на первое время состоявшихъ еще отдѣльно отъ петербургской префектуры. Новиковъ, въ февралѣ 1783 г., рекомендуетъ петербургскому префекту Дмитревскаго. Въ іюлѣ того же года князь Трубецкой спра-

шиваетъ брата Алексѣя Андреевича: «Дай мнѣ, братъ, знать, часто ли бываетъ у тебя Дмитревскій, и думаешь ли ты его къ себѣ присоединить?» О Державинѣ мы находимъ слѣдующее извѣстіе въ письмѣ князя Трубецкаго, отъ 10-го сентября 1783 г.: «Державинъ поѣхалъ въ П.; онъ, мнѣ кажется, готовъ быть въ орденѣ. Испытай его, а ежели онъ таковъ, какъ я думаю, то бы я тебѣ совѣтовалъ дать ему четыре степени рука на руку, а потомъ принять въ теоретическую степень; впрочемъ, предаю это твоему благоразумію и осторожности» (п. XX). Это единственное упоминаніе въ перепискѣ о Державинѣ, и мы не знаемъ, поступилъ ли онъ въ теоретическую степень. Въ запискахъ Державина нѣтъ ни малѣйшаго на то намека. Мало того: изъ записокъ Державина мы не видимъ, чтобъ онъ былъ въ Москвѣ въ теченіе 1783 г. Съ исхода 1780 г. по 15-е февраля 1784 г. Державинъ служилъ въ Петербургѣ въ экспедиціи государственныхъ доходовъ.

О Репнинѣ мы находимъ слѣдующее единственное указаніе въ письмѣ князя Трубецкаго, отъ 5-го сентября 1783 г. (п. XIX): «Что принадлежитъ до Репнина, то мы о немъ имѣемъ извѣстіе, но онъ насъ еще знать до времени не долженъ; почему и ты будь остороженъ, пока тебѣ дозволено будетъ съ нимъ говорить.»

Не совсѣмъ выгодный отзывъ читаемъ о Пушкинѣ въ письмѣ Pinnatus'a, отъ 1-го февраля 1784 г. (п XXIV): «А что касается до Пушкина, то намъ о немъ сказать нечего, кромѣ того что, кажется, онъ болтливъ; но мы можемъ ошибиться, а вы его узнайте и потомъ каковымъ его найдете, такъ и учредите съ нимъ вашъ поступокъ».

Укажемъ еще на рекомендацію Н. И. Новикова для принятія въ петербургскій капитулъ Игнатія Антоновича де-Тейльса черезъ Ст. Вас. Перфильева. «Онъ человѣкъ по всему

заслуживающій наисправедливѣйшимъ образомъ эту честь, пишетъ Новиковъ; онъ же вамъ совершенно годится,» и т. д. (п. XVI). Мы не знаемъ, былъ ли онъ родственникомъ московскому прокурору Андрею Тейльсу, составившему въ 1785 г. опись книгамъ, продававшимся у Новикова.

Перейдемъ теперь къ должностнымъ лицамъ петербургской префектуры и теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ. О петербургскомъ префектѣ и главномъ надзирателѣ теоретической степени, братѣ Алексѣѣ Александровичѣ Ржевскомъ, *Eques a bona spe*, мы уже привели все, что могли найти въ перепискѣ. Мы не знаемъ, кто послѣ него избранъ былъ префектомъ. Въ 1789 г. мы знаемъ, что братъ Перфильевъ былъ утвержденъ пропрефектомъ (п. XXX) Въ этомъ же письмѣ мы читаемъ слѣдующее: «О братѣ Перфильевѣ и о тебѣ самомъ мы забыли тебѣ сказать, что еще когда вы и не были съ нами въ связи, мы объ вашихъ именахъ уже писали на конвентъ, и вы тамъ извѣстны, яко усердные и старые и упражняющіеся братья.» Дѣйствительно, еще въ февралѣ 1783 г. Новиковъ указывалъ петербургскому префекту на высокопросвященнаго брата Перфильева, тогда еще не присоединеннаго къ префектурѣ. Въ августѣ 1783 г. Степанъ Васильевичъ Перфильевъ былъ уже членомъ петербургскаго капитула, и Новиковъ чрезъ него совѣтуетъ ввести въ капитулъ Игнатія Антоновича де-Тейльса.

Важную роль и въ капитулѣ и въ петербургскомъ градусѣ игралъ братъ Зверяга. Очевидно, онъ былъ лицо близкое къ петербургскому префекту и пользовался полнымъ довѣріемъ московскихъ начальниковъ VIII провинціи. Его нѣсколько разъ вызываютъ въ Москву, пишутъ, чтобы пріѣзжалъ прямо къ Шварцу, и т. д. Изъ переписки видно, что по крайней мѣрѣ разъ Зверяга былъ въ Москвѣ. Когда братъ Алексѣй Андреевичъ хотѣлъ взять отпускъ на годъ, ему писали изъ Моск-

вы, чтобы онъ подготовилъ Звераго, такъ чтобы послѣдній могъ въ его отсутствіе управлять теоретическимъ. градусомъ. Мы уже привели выше, какія предосторожности принимались при этой передачѣ. Товарищемъ Звераги для храненія бумагъ назначенъ Вукашевичъ, о которомъ мы только это и знаемъ.

Изъ повѣренныхъ петербургской префектуры, жившихъ въ Москвѣ и присутствовавшихъ въ директоріи, мы укажемъ сначала на Василья Васильевича Чулкова, бывшаго, впрочемъ, самое короткое время репрезентантомъ петербургской префектуры, или только вступавшаго въ эту должность. Въ іюлѣ 1783 г. репрезентантомъ петербургскихъ братій въ Москвѣ былъ Петръ Вельяминовъ, Eques a campana.

Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, названій и личнаго состава ложъ, подчиненныхъ петербургской префектурѣ. До насъ дошло нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ братомъ Панаевымъ, въ 1780 и 1781 г., въ ложѣ Горусъ, гдѣ онъ былъ мастеромъ Стула. Сохранилась ли эта ложа послѣ объявленія Россіи осьмою провинціей ордена, примкнула ли она къ петербургской префектурѣ, или осталась отдѣльною, намъ не извѣстно. Имени Панаева мы ни разу не встрѣчаемъ въ перепискѣ. Мы догадываемся, что ложа Горусъ была въ Петербургѣ, потому что на рукописи рѣчей поставлено С. Н. К. Т. П. Т. Р. Б. Р. Г.

Мы указали на всѣ должностныя лица петербургскаго масонства, на всѣхъ братій и лица, входившія въ близкія отношенія къ масонству, о которыхъ мы нашли какія-нибудь указанія въ перепискѣ. Мы можемъ возвратиться въ Москву, чтобы собрать изъ той же переписки все что относится къ внутреннему устройству масонскаго общества въ Москвѣ, къ его тайной и явной дѣятельности.

По объявленіи Россіи самостоятельною провинціей ордена, мы находили въ Москвѣ, въ февралѣ 1783 г., слѣдующія цент-

ральныя учрежденія для всего русскаго масонства: 1) семь главныхъ чиновниковъ провинціи; мѣсто провинціальнаго великаго мастера оставалось вакантнымъ; 2) провинціальный капитулъ изъ трехъ членовъ, и 3) директорію VIII провинціи изъ президента и пяти членовъ.* Имена всѣхъ этихъ членовъ провинціальнаго управленія мы уже привели выше.

Въ 1783 г. въ Москвѣ было двѣ матери-ложи: ложа *Коронованнаго Знамени*, гдѣ префектомъ былъ Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, и ложа *Латоны* съ префектомъ княземъ Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ. Въ сентябрѣ того же года, князь Трубецкой пишетъ въ Петербургъ, что въ Россіи четыре матери-ложи: 1) *Трехъ Знаменъ*, подъ начальствомъ Татищева, 2) *Озирисъ*, подъ начальствомъ князя Н. Н. Трубецкаго, 3) *Латоны*, подъ начальствомъ Новикова и 4) *Сфинксъ*, съ Гагаринымъ во главѣ. Здѣсь для насъ не совсѣмъ ясно разнорѣчіе въ показаніяхъ. Была ли уничтожена ложа Коронованнаго Знамени, или слилась съ ложею Трехъ Знаменъ, неизвѣстно. О трехъ изъ перечисленныхъ княземъ Трубецкимъ матерей-ложъ мы знаемъ, что онѣ основаніемъ своимъ далеко предшествовали признанію Россіи самостоятельною провинціей. Дипломъ Петру Алексѣевичу Татищеву на званіе мастера ложи Трехъ Знаменъ подписанъ герцогомъ Брауншвейгскимъ въ 1779 г., и ложа существовала еще въ 1785 г., какъ увидимъ ниже. Ложа Озирисъ была основана, какъ видно по надписи на серебряной медали, 2-го марта 1776 г. Ложа Латоны, въ которой въ февралѣ 1783 г. префектомъ былъ Новиковъ, а въ сентябрѣ князь Трубецкой, основана была 2 декабря 1775 г., опять — по надписи на медали. О ложѣ

*) Впослѣдствіи, и притомъ въ самомъ скоромъ времени, мы находимъ въ Москвѣ директорію изъ трехъ только членовъ, именно Татищева, князя Трубецкаго и Новикова. Впрочемъ, весьма вѣроятно, это была директорія только для теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ.

Сфинкса мы ничего не знаемъ. Начальникомъ ея былъ, по всей вѣроятности, князь *Иванъ Петровичъ Гагаринъ*. О ложѣ *Гармоніи*, основанной московскими братьями передъ началомъ переговоровъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ о признаніи Россіи самостоятельною провинціей, мы знаемъ только по одному упоминанію въ перепискѣ. Кромѣ этихъ ложъ въ Москвѣ мы находимъ и другія. Въ *Магазинѣ свободно-каменьщическомъ*, одной изъ рѣдчайшихъ книгъ, изданной въ 1784 г., въ московской типографіи Лопухина, указаны, кромѣ названныхъ, еще слѣдующія: *Блистательная звѣзда св. Моисея* и *Девкаліонъ*. Въ послѣдней, по словамъ М. Н. Лонгинова [1]), съ 1782 г. С. И. Гамалѣя былъ великимъ мастеромъ стула, то-есть предсѣдателемъ. Г. Лонгиновъ не указываетъ источника, откуда онъ заимствовалъ это свѣдѣніе, но что оно вѣрно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Мы имѣемъ одну рѣчь С. И. Гамалѣя о платѣ за работу, говоренную имъ въ ложѣ *Девкаліона*, 21-го октября 1782 года, и другую, произнесенную имъ же, 3-го февраля 1783 года. Что особенно странно, въ перепискѣ московскихъ масоновъ ни разу не упоминается имя Гамалѣя, и мы не встрѣчаемъ его въ спискѣ должностныхъ членовъ московскаго ма-

---

[1]) *См. Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII вѣка. Русскій Вѣстникъ.* Намъ показалось страннымъ въ этой статьѣ слѣдующее мѣсто: „Намъ извѣстны слѣдующія тогдашнія московскія масонскія ложи: 1) Латоны, при *инсталяціи* ложи Блистающей Звѣзды" и т. д. Мы не могли понять этой *инсталяціи*. Обратившись къ *Магазину свободно-каменьщическому*, мы тотчасъ нашли разгадку. Слово *инсталяція* поставлено ошибкой вмѣсто—*инсталаціи*. Во 2-й части 1-го тома, на стр. 31-й, помѣщена рѣчь, говоренная отъ имени матери ложи Латоны при *инсталаціи* ложи Блистающей Звѣзды 1784 г., мая 31-го дня. Ни одна ложа не могла возникнуть вновь независимо отъ какой-нибудь матери-ложи, которыхъ въ Россіи было четыре, всѣ въ Москвѣ, и въ томъ числѣ Латона.

сонства ни въ 1783 г., ни въ 1789 г. Послѣдній списокъ мы приведемъ ниже. Отъ московскихъ ложъ зависѣли ложи въ другихъ городахъ. Мы говоримъ не о раздѣленіи только на префектуры. Такъ къ петербургской префектурѣ принадлежала Новгородская губернія (п. XV), къ Московской — окрестныя губерніи, вѣроятно, также восточная Россія. Казанская ложа *Восходящаго Солнца*, основанная въ 1776 г., вѣроятно, примыкала къ Москвѣ. Но кромѣ этого раздѣленія Россіи на префектуры, московскую и петербургскую (другихъ мы не знаемъ), московскія матери-ложи имѣли значеніе для всей Россіи. Это мы видимъ изъ письма князя Трубецкаго, отъ 5-го сентября 1783 г., къ его другу, Алексѣю Андреевичу, петербургскому префекту. Онъ совѣтуетъ ему открыть для себя ложу изъ избранныхъ братій, передать ее въ правленіе одной изъ матерей-ложъ и объ усыновленіи написать письмо въ мать-ложу. Въ этомъ же письмѣ Трубецкой сообщаетъ и имена четырехъ матерей-ложъ, которыя всѣ находятся въ Москвѣ (п. XIX). Мы имѣемъ и акты подобныхъ отношеній, именно учредительный актъ Рязанской ложи *Орфея* отъ матери-ложи *Трехъ Знаменъ*. Вотъ этотъ актъ (у насъ подъ руками черновой экземпляръ, гдѣ вписаны, по счастію, и фамиліи):

«Всемогущему Зиждителю вселенныя да будетъ слава.

«Мы, великій мастеръ, намѣстный мастеръ, великій надзиратель и всѣ великіе чиновники матери-ложи *Трехъ Знаменъ*, цѣлуемъ и поздравляемъ всѣхъ истинныхъ, свободныхъ каменьщиковъ, числомъ освященнымъ, и желаемъ имъ согласія, мира, любви и единства.

«Чрезъ сію учредительную грамоту извѣщаемъ мы всѣхъ и каждаго свободныхъ каменщиковъ, какого бы онъ ни былъ градуса, чего мы по прошенію почтенныхъ братій-мастеровъ свободныхъ каменьщиковъ, совокупленныхъ во единую ложу

въ рязанск. полк. для вящаго приращенія ордена и блага и пользы братій, ввѣренныхъ нашему вожденію, опредѣлили по силѣ, власти и мощи, каковыя мы имѣемъ, основать и учредить сію святаго Іоанна ложу, подъ названіемъ дочери-ложи *Орфея,* давъ ей печать съ изображеніемъ двухъ горъ, на которыхъ на одной флейта, на другой книга, посреди кубической камень. Все же сіе въ гармоніи съ путешествующею звѣздою, купно съ орудіями. Мы избрали и утвердили высокопочтеннаго брата *Поздѣева* великимъ мастеромъ сея почтенныя ложи, снабдя его всѣми нужными актами, который, въ силу данной ему отъ насъ полной власти, можетъ дѣлать принятіе и производить работы въ первыхъ трехъ степеняхъ свободнаго каменьщичества, слѣдуя даннымъ ему отъ насъ уставамъ, обыкновеніямъ и обрядамъ; такожь мы назначили и надзирателями сея почтенныя дочери-ложи почтенныхъ братьевъ: *Дрешерна* первымъ, а *Бѣлаева* вторымъ, оставляя себѣ власть и законное право назначать сихъ первыхъ трехъ чиновниковъ ложи, въ случаѣ востребовавшейся въ томъ нужды.

«Мы запрещаемъ всѣмъ нашимъ братьямъ возмущать какимъ бы то образомъ ни было работы сея почтенныя дочери-ложи, состоящей въ нашемъ покровительствѣ, подъ страхомъ исключенія изъ ордена; равномѣрно мы предписываемъ упомянутому великому мастеру и его надзирателямъ исполнять въ точности и безъ всякаго замедленія всѣ узаконенія и повелѣнія какъ нынѣ данныя, такъ и тѣ, которыя впредь отъ насъ и отъ нашихъ преемниковъ даны будутъ. Въ случаѣ же малѣйшаго нарушенія оныхъ, мы уничтожаемъ всѣ права и преимущества, данныя сею нашею учредительною грамотою. Однакожь мы, будучи удостовѣрены, что почтенные братья, великій мастеръ и чиновники ложи никогда не отступятъ отъ ихъ обязательствъ и должностей къ ордену, но паче упова-

емъ, что они, для вящшей пользы и приращенія ордена, всегда будутъ наблюдать между братьями скромность, повиновеніе, благоустройство и порядокъ, будутъ стремиться къ водворенію между братьями мира, согласія, любви и единства, для снисканія существеннаго просвѣщенія изученіемъ гіероглифовъ сего посвященнаго премудрости ордена и чрезъ то мало-по-малу учиниться достойнымъ тѣхъ великихъ наградъ, которыя обѣщаетъ высокій орденъ свободнаго каменьщичества, и которыя у него готовы для всѣхъ покорныхъ, вѣрныхъ и испытанно дознанныхъ сыновъ его.

«Для вящшаго удостовѣренія вручаемъ мы сію нашу учредительную грамоту, за подписаніемъ нашимъ и съ приложеніемъ печати матери-ложи. Дано въ Москвѣ, лѣта отъ Рождества Спасителя 1785 г.

Петръ Татищевъ,
Оберъ-мейстеръ.
Егоръ Гине, 1-й великій надзиратель.
Харитонъ Чеботаревъ, 2-й великій надзиратель.
Тритсльвидъ, великій секретарь [1]).

Вѣроятно, къ Москвѣ же примыкала и теоретическая степень соломонскихъ наукъ, основанная на *востокѣ Вологды*, отъ которой мы имѣемъ протоколы засѣданій за 1791 и 1792 годы: пять засѣданій въ 1791 и два въ 1792 году [2]).

---

[1]) Написано на листѣ синей бумаги. Имена вписаны другою рукой. Мы ихъ означали курсивомъ равно какъ и слова замѣняющія масонскіе знаки.

[2]) Рукопись in fol. Имени главнаго надзирателя мы не нашли въ протоколахъ. Быть-можетъ, это Поздѣевъ; но это только предположеніе, основанное на томъ, что послѣднее время жизни Поздѣевъ провелъ въ Вологдѣ. Въ протоколахъ находимъ слѣдующія имена: обрядоначальника, Сем. Степ. Сребдольскаго, секретаря, Василья Ферапонтовича Рудометова, и брата Гавріила Петровича Зотова.

Въ 1789 году князь Трубецкой сообщаетъ Алексѣю Андреевичу имена членовъ провинціальной ложи, теоретическаго градуса [1]) и капитула [2]), прося въ замѣнъ прислать списокъ петербургскихъ членовъ.

---

[1]) Мы не можемъ сказать навѣрное, былъ ли это теоретическій градусъ соломонскихъ наукъ, потому что въ рукописи масонскій знакъ—четыреугольникъ съ Андреевскимъ крестомъ наверху.

[2]) Вотъ этотъ списокъ:

Члены провинціальной ложи:

Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, великій мастеръ.
Князь Николай Никитичъ Трубецкой, н. мастеръ.
Князь Николай Ивановичъ Одоевскій, 1-й надзиратель.
Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, 2-й надзиратель.
Алексѣй Яковлевичъ Клейнъ, секретарь.
Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, риторъ.
Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ, назначей.
Борисъ Александровичъ Загряжскій, обрядоначальникъ.
Князь Николай Ивановичъ Трубецкой, 1-й собиратель милостыни.
Князь Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ, 2-й собиратель милостыни.
Николай Семеновичъ Лаптевъ, великій придверникъ.

Члены теоретическаго градуса:

Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, великій мастеръ.
Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, н. мастеръ.
Князь Николай Никитичъ Трубецкой, 1-й надзиратель.
Князь Николай Ивановичъ Одоевскій, 2-й надзиратель.
Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ, секретарь.
Николай Ивановичъ Новиковъ, риторъ.
Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ, обрядоначальникъ.

Члены капитула:

Пред. князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій.
Кап. князь Василій Владиміровичъ Долгорукій.

Капитулъ:

1. Князь Николай Никитичъ Трубецкой.
2. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.
3. Князь Николай Ивановичъ Трубецкой.
4. Николай Ивановичъ Новиковъ

Официальныя сношенія чиновниковъ VIII провинціи съ орденомъ продолжались непрерывно. Письма адресовались или прямо Фердинанду герцогу Брауншвейгъ-Люнебургскому, или же статскому совѣтнику короля датскаго Шварцу, жившему въ Брауншвейгѣ. Иногда же сношенія были черезъ Ригу посредствомъ Бергмана, великаго фискала русской службы. Сношенія русскаго масонства съ орденомъ не были, впрочемъ, исключительно черезъ главное управленіе VIII провинціи. Каждая префектура имѣла не только право, но и обязанность сноситься прямо съ главнымъ правленіемъ ордена, получать оттуда акты и посылать списки членовъ. Это намъ положительно извѣстно относительно петербургской префектуры, которой московская директорія предписываетъ войти въ прямыя сношенія съ орденомъ и для образца посылаетъ формы писемъ. Это не мѣшало, впрочемъ, строгой подчиненности всѣхъ отдѣловъ русскаго масонства главному правленію VIII провинціи. Мы видимъ, напримѣръ, что петербургскій теоретическій градусъ соломоновскихъ наукъ не можетъ принять новаго члена, не испросивъ предварительно разрѣшенія отъ московской директоріи. Только потомъ, во избѣжаніе затруднительной переписки, директорія разрѣшила петербургскому теоретическому градусу принять, не испрашивая предварительно дозволенія, до десяти братьевъ, увѣдомивъ директорію о ихъ принятіи. Матери-ложи находились только въ Москвѣ, и къ нимъ въ зависимость поступали вновь открывавшіяся ложи въ Петербургѣ, Рязани и другихъ городахъ.

---

5. Князь Николай Ивановичъ Одоевскій.
6. Алексѣй Никитичъ Щепотьевъ.
7. Князь Григорій Алек. Щербатовъ.
8. Князь Иванъ Петровичъ Гагаринъ.
9. Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ.

Средствами для распространенія масонства были публичныя лекціи, рѣчи въ Дружескомъ обществѣ и въ засѣданіяхъ ложъ, переписки и, самое главное, типографскій станокъ. Мы упоминали уже о публичныхъ лекціяхъ Шварца. Вѣроятно, кромѣ двухъ извѣстныхъ уже намъ курсовъ были и другіе. По крайней мѣрѣ на это наводятъ нѣкоторыя обстоятельства. До насъ дошли нѣкоторыя трактаты Шварца, переписанные отдѣльно, и нѣкоторыя могутъ быть отрывками или извлеченіями изъ лекцій. Точно также мы указывали на его рѣчи или разсужденія, читанныя въ засѣданіяхъ Дружескаго общества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что кромѣ Шварца читали и другіе члены. Трудно представить себѣ, чтобы Гамалѣя или Лопухинъ не принимали участія въ бесѣдахъ. Что касается до рѣчей, говоренныхъ въ засѣданіяхъ ложъ, то ихъ дошло до насъ довольно много, сохранились даже рукописные сборники [1]). Къ сожалѣнію, большая часть безъ датъ и безъ означенія имени говорившаго. Эти рѣчи переписывались и разсылались изъ ложи въ ложу, изъ города въ городъ. Такъ рѣчи московскаго брата Гамалѣи мы находимъ въ архивѣ петербургскаго капитула вмѣстѣ съ рѣчами петербургскихъ братій. Еще важнѣе было значеніе переписки между масонами. Собраніе писемъ нѣкоторыхъ масоновъ составляетъ цѣлые томы (3 тома писемъ Гамалѣи напечатаны; не изданы 2 тома писемъ Ос. Ал. Поздѣева и т. д.). Для переписки дѣловой, офиціальной существовали особенныя правила. Мало того, что переписывавшіеся подписывались не иначе, какъ орденскими именами и притомъ различными именами, смотря по лицу, къ которому писали, но относительно самой формы дѣловой переписки установлены были извѣстныя правила. Мы имѣемъ эти формы за

[1]) Есть довольно рѣчей и напечатанныхъ. Такъ семь рѣчей напечатаны въ первыхъ двухъ книгахъ „*Магазина свободно-каменьщическаго*.

подписью Tithonus a Terrnca, Chariton Tschebotarew. Не останавливаясь на формахъ начала и заключенія писемъ, мы приведемъ только одно замѣчаніе, которое можетъ пригодиться лицамъ, которымъ попадется въ руки масонская переписка: «Сверху получаемое писаніе называется отпускъ, а снизу вверхъ — увѣдомленіе. Писать должно по пунктамъ: 1, 2, 3, и такъ далѣе. Если отвѣтствуется, то не должно ничего упоминать что содержится въ пунктѣ, но просто отвѣтствовать, напримѣръ на 1-й (то-то и то-то), на 2-й, на 3-й и т. д.» Мы уже имѣли случай нѣсколько разъ упоминать какою тайной облекалась дѣловая переписка не только для лицъ посторонннхъ, но и для самихъ братій. Для нихъ оставалась неизвѣстною переписка между начальствующими лицами. Если нужно было сообщить брату содержаніе письма, то скрывалось отъ него имя лица писавшаго. Если, впрочемъ, переписка между высшими оставалась тайной для низшихъ, то переписка между низшими должна была быть извѣстна высшимъ. Были засѣданія въ извѣстные сроки, куда братья приносили полученныя ими письма (разумѣю говорящія о мистицизмѣ или масонствѣ) и особенно интересныя сдавали въ архивъ [1]).

Самое могущественное средство для распространенія мартинизма и масонства, разумѣется, была печать. Московскіе

---

[1]) Мы находимъ слѣдующее правило для квартальныхъ или четвертныхъ конвенцій братьевъ Злато-Розоваго Креста „VI. Всѣ братья подъ присягою вѣрности обязаны всѣ оригинальныя письма, которыя они отъ братьевъ во время квартальнаго теченія получили, и всѣ другія писанія, сказующія о вещахъ до Ордена относящихся, имѣть при себѣ въ сей квартал-конвенціи и директору предъявить. Изъ сихъ и всѣхъ такимъ и къ самому директору вступившихъ бумагъ должно все то, что не заслуживаетъ быть въ тайномъ сохраненіи, сожжено быть въ виду всѣхъ братій.“ См. *Перечень наставительныхъ ордена положеній З. Р. К. въ лѣто Господне 1777.* Съ согласія братьевъ. Рукопись, переводъ 80-хъ годовъ.

масоны имѣли въ своихъ рукахъ нѣсколько типографій: Университетскую, находившуюся въ завѣдываніи Новикова, его собственную, типографію Ив. Вл. Лопухина и типографію Типографической компаніи. Но этого было еще недостаточно московскимъ масонамъ. Въ письмѣ отъ 10-го сентября 1783 г. кн. Трубецкой пишетъ въ Петербургъ къ Алексѣю Андреевичу. «Увѣдомляю тебя, мой другъ, что благодаря Спасителю нашему, мы открыли тайную орденскую типографію, въ которой нужныя переведенныя книги для брр. печататься будутъ. Бр. Новиковъ посылаетъ тебѣ при семъ начатыя въ оной печататься книги: *О молитвѣ и Духѣ масонства*. Скрывай оныя отъ всѣхъ, а употребляй только самъ для своего чтенія и познанія. Приложенная мною къ тебѣ письменная книга есть *О семи дняхъ творенія*. Мы и ее, поправя, будемъ современемъ въ орд. типографіи печатать» (п. XX). Нѣсколько подробностей находимъ мы въ небольшомъ сборникѣ писемъ, подъ заглавіемъ: *Три письма Коловіона къ начальнику* Коловіонъ, какъ мы узнаемъ изъ дѣла о Новиковѣ, изданнаго г. Тихонравовымъ, было тайное имя Новикова, хотя въ перепискѣ съ петербургскими братьями онъ и носитъ другое имя, eques ab ancora. Мы не можемъ прочесть нѣкоторыхъ мѣстъ, писанныхъ шифромъ. Очевидно только то, что переписка была еще до смерти Шварда, и что Коловіонъ завѣдывалъ типографскими дѣлами въ Москвѣ. Письма написаны строго соображаясь съ правилами официальной переписки, которой форма, подписанная Чеботаревымъ, приложена тутъ же. Въ первомъ письмѣ замѣтимъ § 2-й, гдѣ говорится, что « пишущій вмѣстѣ съ бр. Шварцомъ занятъ составленіемъ описи, въ какомъ положеніи дѣла типографическія находятся». Далѣе, въ § 3-мъ сказано: «Касательно до порученія дѣлъ в. п. бр. Шварцу, я тотчасъ исполнилъ и поручилъ ему весь магазинъ книжный, контору, лавку и всѣ

счеты, какъ новые, такъ и старые, въ исполненіе чего онъ уже и вступилъ; но какъ повелѣніе ваше, в. п. Н., было чтобы поручить ему и типографическія дѣла, то на сіе съ покорностію моею представляю:

«a) Ежели поручить ему же дѣла типографическія, то онъ столь обременится, что невозможно будетъ ему всего исполнить, ибо и порученныя уже теперь ему дѣла столь обширны, что едвали не все займутъ его время, хотя это часть только, къ тому же, кажется мнѣ, что по тихости его нрава и нѣжной чувствительности не можетъ онъ съ пользою исправить и сіе дѣло; да кажется мнѣ также, что и въ самомъ порядкѣ дѣлъ сихъ гораздо полезнѣе поручить сіе другому.

«b) Для сего кажется весьма способнымъ мнѣ бр. Іоанновской мастеръ Алексѣевъ, съ которымъ я о семъ говорилъ, и который охотно беретъ на себя сію должность, и хочетъ для сего взять увольненіе отъ службы. Въ смотрѣніи за типографическими дѣлами главнѣйшее и безпокойнѣйшее есть то что безпрестанно имѣть смотрѣніе за рабочими людьми, чтобы они приходили на работу, чтобы исправно работали и что бы не было кражи и напраснаго медленья и остановки въ дѣлѣ, также и разбирать безпрестанныя ихъ ссоры и пр. Ибо вамъ, в. д. Н., частію извѣстно, что большая часть рабочихъ людей, по прежнему за ними несмотрѣнію, избалованы и пьяницы, то и смотрѣніе за ними должно быть строгое, и сіе съ покорностію моею представляю на благоизволеніе ваше.. Вообще же о будущемъ производствѣ дѣлъ типографическихъ, со всѣми частями оныхъ, по сочиненіи генеральной описи состоянія всѣхъ дѣлъ, будемъ мы обще съ в. п. бр. Шварцемъ трудиться сдѣлать планъ, который при увѣдомленіи моемъ представлю разсмотрѣнію вашему.»

Въ § 8 замѣтимъ слѣдующее: «Какъ вамъ извѣстно, что безпрерывное помѣшательство въ дѣлахъ типографическихъ

и сильныя разстройки по симъ дѣламъ, со стороны университета происшедшія, такъ запутали всѣ сіи дѣла, что не могъ уже я ихъ обозрѣть, ни удержать въ рукахъ своихъ; и по неосторожности, больше же по умственности (?) желая поправить оныя, часто умножалъ только ихъ и т. д.

Во второмъ письмѣ особенно важенъ § 5: «Типографія для печатанія мистическихъ книгъ совсѣмъ уже учреждена и вступила дѣйствительно въ работу, и теперь печатаются двѣ книги: 1) W. *Простосердечное о молитвѣ наставленіе*[1]), 2) Гучинсона *Духъ каменьщичества*[2]). Впрочемъ о подробностяхъ въ сихъ дѣлахъ по случающимся нуждамъ, по дозволенію вашему, в. п. Н., буду я изъяснятся съ повелѣнія».

Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ замѣтимъ § 4: «Прилагаю также по повелѣнію вашему, в. п. Н.; росписи: 1) книгамъ, которыя есть у меня; 2) актамъ, кѣмъ которые переведены, и переводятся кѣмъ именно; 3) книгамъ, которыя въ публичной типографіи напечатаны на отечественномъ и иностранныхъ языкахъ; 4) *книгамъ, которыя въ тайной типографіи напечатаны и печатаются.*»

Неизвѣстно, имѣла ли какое нибудь отношеніе къ тайной типографіи московскихъ масоновъ та типографія, которую, по разсказамъ старожиловъ, устроилъ Новиковъ въ Рязанской

---

[1]) У Сопикова № 9122. *Простосердечное наставленіе о молитвѣ*: во 1-хъ, какъ сердце въ усердной молитвѣ внутреннимъ продразумышленіемъ возбуждается и уготовляется; во 2-хъ, какъ Адамъ и Христосъ въ насъ суть, а не внѣ насъ, на сіе цѣлое Св. писаніе указуетъ; въ 3-хъ чего ради Христомъ повелѣна молитва. .. Переводъ (Москва) въ 8. Безъ означенія года. Рѣдка.

[2]) У Сопикова № 3535. *Духъ масонства, краткоучительныя и истолковательныя рѣчи* г. Гучинсона, въ 14 рѣчахъ состоящій, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ о масонскихъ таинствахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва (около 1785) въ 8. Очень рѣдка.

губерніи, Ряжскаго уѣзда, въ селѣ Пехлецѣ, не доѣзжая двадцати шести верстъ до Рязани [1]).

Гдѣ бы ни была устроена тайная типографія масоновъ, въ Москвѣ или въ окресностяхъ, но ея дѣятельность, по крайней мѣрѣ на первое время, должно думать, была довольно значительная.

Кромѣ книгъ, въ ней, вѣроятно, печатались бланки, списки, переводы актовъ и т. п. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности составить хотя бы и не полный списокъ книгъ, напечатанныхъ тайно московскими масонами. Опись этимъ книгамъ, составленная Коловіономъ-Новиковымъ, затеряна, и, кажется, навсегда, потому что самые тщательные розыски въ секретныхъ бумагахъ архива не повели ни къ чему. Только какой-нибудь неожиданный случай поможетъ открыть ее. Сочиненія, которыя упомянуты въ письмахъ князя Трубецкаго и бр. Коловіона, то-есть: *О молитвѣ*, *Духѣ масонства*, *Простосердечное о молитвѣ наставленіе* и Гучинсона *Духъ каменьщичества*, мы не находимъ въ описи книгъ, найденныхъ въ магазинахъ Новикова московскимъ прокуроромъ Тейльсомъ въ 1785 году. Это въ высшей степени странно. Эти книги печатались или уже были напечатаны въ 1783 году. Одно изъ двухъ: или онѣ хранились въ особыхъ скрытыхъ мѣстахъ, или Тейльсъ не показалъ ихъ въ своей описи, будучи самъ масономъ или лицомъ близкимъ къ нимъ. На послѣднее наводитъ рекомендація Новикова въ 1783 году другаго Тейльса, вѣроятно, родственника московскому прокурору, петербургскому префекту.

Изъ числа печатныхъ книгъ, находящихся у насъ подъ руками, двѣ, кажется, вышли изъ тайной масонской типографіи. Первая—*Вольнокаменьщическія рѣчи, говоренныя въ*

---

[1]) Библіографическія записки, т. I, стр. 280.

собраніяхъ братьевъ Златаго-Розоваго Креста древнія системы (безъ означенія года и мѣста печати, 192 страницы)[1]). Щегольски переплетенный экземпляръ этой книги принадлежалъ одному изъ сановниковъ ордена. Книжка заключаетъ въ себѣ шесть рѣчей, изъ которыхъ каждая имѣетъ особый заглавный листъ. Бумага въ книгѣ не одинакова; кромѣ того, не одинаковъ и наборъ. Однѣ страницы имѣютъ по 27 строкъ, другія по 21, 22, 20, 25, 26 строкъ. То же должно сказать и о буквахъ. Притомъ перемѣна набора бываетъ не съ окончаніемъ рѣчей; напротивъ, рядомъ находящіяся страницы напечатаны различными шрифтами. Напримѣръ: на стр. 35 находится 27 строкъ, на стр. 36 — 26 строкъ, на стр. 37—20 строкъ и т. д.

Другая книга, идущая также изъ того же источника: *Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе, открытое въ зерцалѣ предревней и Моисейской философіи: какое есть свойство верхнихъ и нижнихъ водъ, какъ оттуда все имѣетъ происхожденіе свое, какъ дѣйствіе верхняго въ нижнее совершается и отсюда въ семъ мірѣ все соблюдается и прикасаждается и пр... изъ любви сообщено ищущимъ истины и не совсѣмъ еще отъ духа помѣшательства въ воспріятіи нѣкіихъ мнѣніяхъ ослѣпленнымъ* (396 стр., также безъ означенія года и мѣста печати)[2]). Вся книга, за исключеніемъ заглавнаго листа и оглавленія, напечатана курсивомъ. Не эту ли книгу разумѣетъ князь Трубецкой въ XX письмѣ

[1]) Нѣтъ у Сопикова.

[2]) У Сопикова такое нѣтъ этого изданія. Правда, подъ № 12616, т. V, стр. 114, у него помѣщено это сочиненіе но изданіе позднѣйшее и притомъ явное. Заглавіе нѣсколько измѣнено и въ концѣ прибавлено: „Сочиненіе Аббатами Дигетомъ и Дисселетомъ; переводъ съ французскаго. М. Въ типографіи Лопухина, 1786 г., въ 8, весьма рѣдка."

переписки, говоря: «Приложенная мною къ тебѣ письменная книга есть *О семидняхъ творенія*. Мы и ее исправя будемъ современемъ въ орденской типографіи печатать». Въ письмѣ князя Трубецкаго, можетъ-быть, ошибочно написано заглавіе или имъ самимъ, или лицомъ, списывавшимъ съ оригиналовъ письма московскихъ масоновъ. Быть можетъ также, что такое заглавіе стояло въ первоначальной рукописи перевода и измѣнено впослѣдствіи. Что это возможно, доказываетъ значительное число переводныхъ мистическихъ рукописей, дошедшихъ до насъ съ несмѣтнымъ множествомъ передѣлокъ и исправленій. Первоначальные переводы были иногда такъ неисправны, что ихъ надобно было совершенно бросить. Доказательство мы можемъ найти въ той же перепискѣ. Такъ въ письмѣ отъ 17 августа 1783 года князь Н. Н. Трубецкой пишетъ: «Что же принадлежитъ до Р. К. рѣчей, которыя я къ тебѣ пересылалъ, то я для того пересталъ пересылать ихъ, что онѣ дурно переведены, и ихъ вновь отдали одному бр. переводить. Въ томъ же письмѣ упоминается объ *Annulus Platonis*, который пересылался изъ Петербурга въ Москву и, вѣроятно, принадлежалъ къ такому же роду переводовъ, какъ и рѣчи розенкрейцеровъ, потому что извѣстный намъ переводъ *Annulus Platonis* сдѣланъ не въ Петербургѣ, и не въ 1783 году, а въ Ярославлѣ, въ 1793 году, какъ видно изъ дошедшей до насъ рукописи этого перевода in folio: «*Платоново кольцо*, или физико-химическое изъясненіе природы, по ея рожденію, сохраненію, искусства естествоиспытателями, вновь исправленное и со многими важными примѣчаніями, изданное». Это былъ переводъ съ *Annulus Platonis* oder physikalisch-chymische Erklärung der Natur:..., изданнаго въ Берлинѣ въ 1781 году in gr. 8, о которомъ авторъ *Missiv an die Hocherleuchtete Bruderschaft des Ordens* говоритъ (стр. III.): «Dieser Annulus wird unter die

Lehrbücher der itzigen Rosenkreutzer gezöhlet.» Такое же значеніе имѣло это сочиненіе и между русскими масонами. Въ рукописи: «*Сильныя увѣщанія*, извлеченныя изъ истинныхъ писаній высокоосвященнаго ордена Злато-Розоваго Креста во утвержденіе истины, подвиговъ и вѣчной дѣятельности въ Бозѣ почивающихъ отцовъ сего ордена... изданы въ 1777 году», дошедшей до насъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и даже переводахъ, о *Кольцѣ Платона* говорится слѣдующее: «Орденъ предписалъ классическую книгу для употребленія низшихъ градусовъ, а именно новоизданную книгу *Annulus Platonis* нашего въ Бозѣ усопшаго бр. Гомера, которая хотя краткую, но славную систему въ себѣ содержитъ находящагося въ Орденѣ истиннаго ученія натуры. Сію важную книгу должны вы, любезные братья-путеводители, познать во всей ея цѣнѣ и почитать ея изящность, да и о томъ пещися чтобы и всѣ братья оную несказанно почитали.... Сія книга есть основаніе всякаго ученія, на немъ и сооружать оное должно.... И потому: a) книгу сію въ совѣтахъ вашихъ прилежно читать повелѣвайте, разсуждайте объ оной съ вашими братьями, внемлите ихъ на сіе возраженія и объясняйте или отвергайте оныя, поколику познанія ваши вамъ то позволятъ. b) Испытывайте прилежно братій вашихъ въ ихъ понятіяхъ о сей книгѣ, дабы ихъ непрестанно во вниманіи и раченіи содержать. c) О содержащихся въ сей книгѣ вещахъ и истинахъ заставляйте братій дѣлать небольшія сочиненія, работы, примѣчанія, размышленія, и прочитывайте оныя велегласно въ полномъ совѣтѣ», и т. д. Берлинское изданіе 1781 года не было впрочемъ первоначальнымъ. Оригиналъ носилъ прежде другое заглавіе, именно: *Aurea Catena Homeri, oder eine Beschreibung von dem Ursprung der Natur und natürlichen Dinge*, и имѣлъ изданія: 1) во Франкфуртѣ и въ Лейпцигѣ 1723 г. in 8, 2) въ Лейпцигѣ 1738 г. in 8 и 3)

въ Іенѣ 1757 in 8; кромѣ этого латинскій переводъ въ 1762 г. Сочинителемъ былъ Геркенбруннъ, докторъ медицины въ Кромаѣ и ландфизикъ въ Мерѣ, членъ масонскаго братства, въ которомъ носилъ имя Гомера.

Изъ тайной же типографіи московскихъ масоновъ вышла, по всей вѣроятности, и книга, которую Сопиковъ называетъ *рѣдчайшею* (№ 6211), именно: *Божественная и истинная метафизика* Пордеча, вышедшая безъ означенія года и мѣста печати. Въ этой же типографіи печатались и тѣ крошечные сборники условныхъ знаковъ, ударовъ и т. д., которые дошли до насъ. Они большею частію на французскомъ языкѣ, но мы должны вспомнить разсказъ Ивана Владиміровича Лопухина о томъ, какъ онъ напечаталъ по-французски свой *Катихизисъ вольныхъ каменьщиковъ*, чтобы скрыть слѣды и отвратить подозрѣнія.

Переходя къ членамъ московскаго масонства, мы прежде всего перечислимъ лица, упоминающіяся въ перепискѣ. Это: 1) Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, пріоръ VIII провинціи, префектъ ложи Коронованнаго Знамени, начальникъ (оберъмейстеръ) ложи Трехъ Знаменъ, членъ директоріи. 2) Николай Ивановичъ Новиковъ, казначей VIII провинціи, президентъ директоріи VIII провинціи, начальникъ матери-ложи Латоны, риторъ теоретическаго градуса, членъ пров. капитула. 3) Князь Николай Никитичъ Трубецкой, генеральный визитаторъ VIII провинціи, префектъ матери-ложи Латоны до Новикова, начальникъ матери-ложи Озирисъ, мастеръ провинціальной ложи, 1-й надзиратель теоретическаго градуса, членъ провинціальнаго капитула. 4) Иванъ Егоровичъ Шварцъ, канцлеръ VIII провинціи, главный начальникъ теоретической степени въ Россіи. 5) Юрій Никитичъ Трубецкой, деканъ VIII провинціи. 6) Князь Николай Ивановичъ Трубецкой, первый собиратель милостыни въ провинціаль-

ной ложѣ. 7) Петръ Петровичъ Татищевъ, членъ провинціальнаго капитула. 8) Князь Иванъ Петровичъ Гагаринъ, начальникъ матери-ложи *Сфинксъ*, членъ провинціальнаго капитула. 9) Князь Алексѣй Александровичъ Черкасскій, генеральный прокураторъ VIII провинціи. 10) Михаилъ Михайловичъ Херасковъ, членъ провинціальнаго капитула, риторъ провинціальной ложи. 11) Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій, членъ провинціальнаго капитула. 12) Василій Васильевичъ Чулковъ, членъ директоріи VIII провинціи, въ началѣ репрезентантъ петербургскаго капитула. 13) Иванъ Петровичъ Тургеневъ, членъ директоріи VIII провинціи. 14) Профессоръ Шнейдеръ, членъ директоріи VIII провинціи. 15) Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ, членъ директоріи VIII провинціи. 16) Григорій Прохоровичъ Крупениковъ, членъ директоріи VIII провинціи. 17) Михаилъ Багрянскій, регистраторъ VIII провинціи. 18) Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, великій мастеръ провинціальной ложи, великій мастеръ теоретическаго градуса, президентъ провинціальнаго капитула. 19) Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, 2-й надзиратель провинціальной ложи, 2-й надзиратель теоретическаго градуса, членъ провинціальнаго капитула. 20) Князь Николай Ивановичъ Одоевскій, 1-й надзиратель провинціальной ложи, 2-й надзиратель теоретическаго градуса, членъ провинціальнаго капитула. 21) Алексѣй Ивановичъ Клейнъ, секретарь провинціальной ложи. 22) Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ, казначей провинціальной ложи, секретарь теоретическаго градуса, членъ капитула. 23) Борисъ Александровичъ Загряжскій, обрядоначальникъ провинціальной ложи. 24) Князь Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ, второй собиратель милостыни въ провинціальной ложѣ. 25) Николай Симоновичъ Лаптевъ, великій привѣрникъ провинціальной ложи. 26) Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ,

обрядоначальникъ въ теоретическомъ градусѣ, членъ капитула.

О главныхъ изъ этихъ должностныхъ лицъ московскаго масонства въ нашей литературѣ уже были собраны свѣдѣнія; кромѣ того, мы уже выписали изъ переписки все, что̀ нашли въ ней. О другихъ въ перепискѣ мы не находимъ ничего, кромѣ именъ и означенія должности. Объ одномъ Осипѣ Алексѣевичѣ Поздѣевѣ мы можемъ сообщить нѣсколько новыхъ свѣдѣній, ограничиваясь существенно важными. Отъ О. А. Поздѣева дошла до насъ обширная переписка, но она относится уже къ XIX столѣтію, и потому ею для нашей цѣли пользоваться мы не можемъ [1]). Первый разъ встрѣчаемъ Поздѣева въ 1785 году, какъ великаго мастера Рязанской ложи *Орфей*. Въ 1789 онъ уже былъ въ Москвѣ и занималъ мѣсто обрядоначальника въ теоретическомъ градусѣ, и былъ кромѣ того членомъ провинціальнаго капитула. Въ это время Поздѣевъ былъ великимъ мастеромъ Шотландской ложи, отъ которой мы имѣемъ обрядовыя книги, скрѣпленныя печатью и подписями: Поздѣева, великаго мастера, Алексѣя Щепотьева, перваго надзирателя, Николая Козловскаго, втораго надзирателя, и князя Ивана Гагарина, секретаря. Въ 1791—92 гг. онъ былъ, если не ошибаемся, въ Вологдѣ и притомъ главнымъ надзирателемъ теоретическаго градуса. Въ XIX столѣтіи, мы знаемъ по его письмамъ, онъ жилъ въ Вологдѣ. Въ 1817 г. писалъ къ нему Невзоровъ свое замѣчательное письмо, напечатанное съ пропусками въ 1 т. *Библіографическихъ Записокъ* и чрезвычайно важное для исторіи масонства въ Россіи. Въ концѣ этого письма есть чрезвычайно любопытное указаніе на ходившіе въ Москвѣ слухи, будто Поздѣевъ—на-

---

[1]) Первое письмо изъ этого собранія писано 4 Іюня 1812 г., а послѣднее 27 апрѣля 1818 г. Всѣ они писаны къ графу С. С. А.

ставникъ новыхъ свободныхъ каменьщиковъ, съ которыми ни Лопухинъ, ни Невзоровъ, вѣрные хранители преданій стараго масонства, не хотѣли быть въ связи. Невзоровъ упрашиваетъ Поздѣева опровергнуть мнѣніе, будто онъ послѣдователь и защитникъ Плюменекова свободнаго каменьщичества. Поздѣевъ умеръ 1820 г., 24-го апрѣля, какъ видно изъ домашнихъ записокъ одного близкаго къ нему семейства.

Кромѣ этихъ лицъ, въ перепискѣ мы находимъ еще нѣсколько другихъ, которыхъ фамилій мы не знаемъ, а только одни орденскія имена. Таковы: Іоаннъ, Eq. a luce orta, вице-президентъ директоріи VIII провинціи; Александръ, Eques a luna crescente, пропрефектъ и репрезентантъ московской префектуры въ директоріи; Петръ, Eques a speculatione, Reprres. Capit. R....s. Сюда же должно отнести представителя петербургской префектуры, Петра, Eques a Campana (Вельяминова, какъ видно изъ позднѣйшей приписки на письмѣ) и Eques ab apibus, князя Александра Николаевича Засѣкина, къ которому обращались петербургскіе братья, послѣ неудачной попытки добыть изъ Ліона нужные для нихъ акты.

Очень странно, что въ перепискѣ мы ни разу не встрѣчаемъ ни малѣйшаго упоминанія о двухъ весьма вліятельныхъ лицахъ московскаго масонства: о С. И. Гамалѣѣ, который былъ мастеромъ стула въ ложѣ *Девкаліонъ*, и о И. Вл. Лопухинѣ, бывшемъ мастерѣ стула въ ложѣ *Блистающей Звѣзды*.

Изъ другихъ документовъ, имѣющихся у насъ подъ руками, мы можемъ привести имена нѣкоторыхъ другихъ членовъ московскаго масонства.

Подъ утвердительною грамотой, выданною въ 1785 г. великимъ оберъ-мейстеромъ матери-ложи *Трехъ Знаменъ*, Петромъ Алексѣевичемъ Татищевымъ, Рязанской дочери-ложѣ *Орфея*, подписались, кромѣ Татищева, еще слѣдующія должностныя лица: Трительвицъ, великій секретарь ложи *Трехъ*

Знамень, Егоръ Гине, 1-й надзиратель, и Харитонъ Чеботаревъ, 2-й надзиратель. Мы знаемъ орденское имя Чеботарева—Tithonus a Terruca.

Изъ писемъ Коловіона, кромѣ того, мы узнаемъ слѣдующія имена: 1) Alexius Lodijensky, 18 авг. 1784 г.; 2) Peter Lopuchin, 4 іюля 1784 г.; 3) Andreas Werewkin, 17 сент. 1784 г.; 4) Basilius Kolokolnikow, 21 сент. 1784 г.; 5) Maximus Newzorow, 22 сент. 1784 г. 6) Basilius Bajenow, 26 сент. 1784 г. Кромѣ того, бр. Алексѣевъ Іоанновскій мастеръ, которому Коловіонъ рекомендуетъ поручить управленіе типографіею, прибавляя, что Алексѣевъ согласенъ на это и хочетъ выйти въ отставку изъ службы, чтобы свободнѣе заняться этимъ дѣломъ. Въ 1-мъ письмѣ Коловіона мы находимъ указанія на братьевъ Филусъ и Вивансъ, которые позволяли себѣ насмѣшки надъ Татищевымъ. «Я неоднократно бесѣдовалъ съ каждымъ изъ нихъ, пишетъ Коловіонъ.... Сильный Богъ даровалъ мнѣ на то время и силу; и кажется мнѣ, что въ братѣ Филусѣ открылъ предубѣжденіе противъ брата Тат., но онъ столь былъ тронутъ симъ, что съ того времени ни одного раза не примѣтилъ я въ немъ сего проступка. Что же принадлежитъ до брата Виванса, признался онъ чистосердечно, что онъ проступался въ семъ по неосторожности и неосмотрительности, приставая только къ рѣчамъ другихъ, или, лучше сказать, отъ пустой болтливости, но благодаря Спасителя нашего, что и онъ живо ощутилъ мерзость сего порока, и не примѣтилъ я, чтобъ онъ въ разсужденіи брата Тат. послѣ сего когда-нибудь проступился. Вообще же оба они съ того времени примѣтно стараются оказывать противное прежнему ихъ поступку.» Кто такіе были брр. Филусъ и Вивансъ, намъ рѣшительно неизвѣстно. Мы встрѣчаемъ еще имена: Еліомасъ, Vegetus, Porrectus, Репертусъ и Велоксъ или Сацердосъ.

Мы привели, кажется, всѣ матеріалы для исторіи масонства въ Россіи въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, какіе нашли въ тайной перепискѣ московскихъ масоновъ и въ другихъ имѣвшихся у насъ подъ руками документахъ. Не надо забывать, что мы пишемъ не исторію масонства въ Россіи, а собираемъ для нея только матеріялы, не болѣе. У насъ найдутся поэтому не только недомолвки и даже ошибки, но у насъ нѣтъ многаго уже извѣстнаго въ нашей литературѣ. Мы старались собрать преимущественно то, что̀ не было еще извѣстно, и, надѣемся, намъ отдадутъ справедливость въ томъ, что мы дѣлаемъ впервые извѣстнымъ значительное число новыхъ матеріяловъ, не лишенныхъ значенія для внутренней исторіи русскаго общества во второй половинѣ XVIII столѣтія. Только при постоянномъ собираніи и обнародованіи матеріяловъ станетъ возможна современемъ сколько-нибудь полная исторія мартинизма и масонства въ Россіи, имѣвшаго такое огромное вліяніе на развитіе русскаго общества. Масонство XVIII столѣтія во многомъ непохоже на масонство XIX вѣка, и мы не даромъ видимъ, что старые масоны Екатерининскаго времени отстраняются отъ связей съ новыми масонами. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.

Мы не можемъ не привести въ заключеніе одного весьма любопытнаго документа. Масонство XIX столѣтія во многомъ отличалось отъ масонства XVIII, но первые основатели или важнѣйшіе дѣятели масонства всегда оставались въ памяти позднѣйшихъ послѣдователей, окруженные какимъ-то ореоломъ. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить Шварцъ. 17-го февраля 1820 года исполнилось ровно 36 лѣтъ со смерти московскаго профессора, и засѣданіе петербургскаго теоретическаго градуса въ этотъ день было посвящено воспомина-

нію о немъ. Главный надзиратель произнесъ слѣдующую рѣчь, «дабы братья помнили своего благодѣтеля» [1]):

«Ходъ масонства не всѣми видимъ. Начнемъ мы эпоху нашу съ конвента, куда братъ Ш. отправленъ былъ. Работы на конвентѣ были долгое время безуспѣшны; нѣкоторые скрывшіеся для прочихъ брр. сыскали брата И. Е. и открыли ему, что пришло время благословенія Россіи, снабдивъ его всѣмъ нужнымъ; наружное соединеніе съ герцогомъ Брауншвейгскимъ содѣлалось закрышкою, а внутреннее было весьма скрыто. Незабвенное благодареніе наше состоитъ въ томъ, что онъ за насъ поручился. Обѣты ордена никогда не исчезнутъ. Труды его были столь велики, что братъ С. И. Гам. въ собраніи Т. въ 1785 году сказалъ о семъ, говоря о важности сего градуса: «чего искаженныя понятія брр. насъ окружающихъ и понимать не могутъ чрезъ доставленное не только въ параболическомъ масонствѣ, онъ бдѣніемъ и трудами достигъ, что намъ даны великія познанія, ручался за насъ, должны мы и потомство возблагодарить за его труды и освобожденіе насъ отъ тьмы и приносить моленіе за обрадованіе души его.»

«Сказавъ о семъ, какимъ образомъ вступилъ О. въ дѣйствіе въ Россію, я самъ очевидцемъ былъ трудовъ благодѣтеля нашего: въ немъ открытъ былъ источникъ, онъ всегда говорилъ новое, читалъ только Св. Писаніе. Сіе научаетъ, что избранные О. никогда не имѣютъ нужды въ тѣхъ вещахъ, кои мы уважаемъ; они имѣютъ въ себѣ источникъ воды живой. Я, бывъ записывателемъ словъ его въ тайныхъ

---

[1]) Заимствуемъ изъ протоколовъ засѣданія теоретическаго градуса 1819—21 года, нашется, въ Петербургѣ. Всѣхъ протоколовъ 20. Первое засѣданіе было 25-го апрѣля 1809 г., а послѣднее 20-го апрѣля 1821 г. Мы выписываемъ изъ протокола 13-го засѣданія. Рукопись въ большую четвертку, въ черномъ переплетѣ.

собраніяхъ, удивлялся, не находя никогда повтореній въ рѣчахъ его; всѣ дѣйствія его были исполнены силы и любви. Работа его была бороться со всѣми! Кто правитъ ложею, знаетъ, сколь трудно обрабатываніе бр., чтобы привести ихъ къ царствію небесному. Сіе должно быть соединено съ великою пламенностію къ Спасителю нашему. Наканунѣ кончины своей, И. Е. еще давалъ ученіе одному любимому студенту. Минуло сему 36 лѣтъ, и не было никакихъ воспоминаній въ нашихъ обществахъ памяти его, но въ теченіе сего времени многіе его видали и получали отъ него наставленія. Слѣдственно, мы соединяемся на вѣчность; если проживемъ въ порядкѣ, примутъ насъ въ вѣчные кровы. Да наградитъ Богъ пріуготовлявшаго васъ, содѣйствовавшаго къ соединенію нашему; сіе да послужитъ намъ указаніемъ любви и попеченія о насъ начальниковъ нашихъ; возлюбимъ и мы ихъ, какъ сказуетъ Пс: *мнѣ же зѣло блази быша, друзи твоя Господи.* Кто же сутъ сіи какъ не начальники наши? Послѣдуя сказанному ап. Павломъ: *яко же и прочіи, не имущіи упованія, не скорбите о умершихъ*, мы не сомнѣваемся, что братъ нашъ И. Е. близь насъ. Да возрадуется душа его! Онъ можетъ сказать: *не вотще текъ, да наслѣдуетъ славѣ небесной.*

«По кончинѣ брата И. Е. постигли братство въ Россіи величайшіе опыты. Сдѣлали насъ цѣлью насмѣшекъ, нѣкоторые были изгнаны, дошло и до нижнихъ степеней, разсказывали анекдоты ложные. Милосердіе Божіе не обвиняетъ братьевъ, ибо они были новы, не могли располагать по о. правиламъ. Сіи опыты при началѣ всегда бываютъ; хотя были нѣкоторые удалившіеся съ пути истиннаго. И съ самими апостолами случилось, кои, не видя еще Спасителя по воскресеніи Его, принялись за свое ремесло. Древніе христіане встрѣчали также терзанія и муки. И мы нынѣ отъ брр. своихъ должны укры-

ваться, уповая на благословеніе О., который подастъ намъ силы дѣйствовать иначе. Мы имѣемъ Пастырское Посланіе; послѣ Св. Писанія оно первое намъ открыло нашихъ внутреннихъ начальниковъ; но суть нѣкіи, кои испровергаютъ сіе вѣрованіе, и посланія со всѣмъ духомъ и любовію сообщенные, какъ и всѣ ученія, не произведутъ никакихъ дѣйствій на невѣрующаго. Богъ да сохранитъ насъ отъ лжебратій, кои масонство употребляютъ къ своимъ прихотямъ. Наружность потеряла изъ виду Спасителя, выдумываютъ новые пути, а симъ гнушаются, не внемля сказанному: *Азъ есмь путь, истина и животъ*. Всѣ прочіе суть покрывала опасныя, знанія должны быть чисты, О. хочетъ намъ доставить тѣсный путь въ царствіе Божіе: самая святыня есть соблюденіе присяги нашей; познавъ ее, познаемъ и тайну. Работа наша въ отложеніи воли! Сіе кажется тягостнымъ, но Господь даруетъ силы къ оному: *блаженъ людіе, вѣдущіе воскликновеніе: во свѣтѣ лица Твоего пойдутъ.*»

ПО ПОВОДУ НЕИЗДАННАГО СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ М. М. ЩЕРБАТОВА:

О ПОВРЕЖДЕНІИ НРАВОВЪ

ВЪ РОССІИ.

Въ ряду русскихъ историковъ XVIII столѣтія, кн. М. М. Щербатовъ занимаетъ довольно почетное мѣсто: пятнадцать томовъ *Россійской Исторіи*, доведенной до царствованія Михаила Ѳеодоровича, свидѣтельствуютъ о рѣдкомъ трудолюбіи автора, и уже одними многочисленными и пространными примѣчаніями, заключающими въ себѣ множество въ первый разъ обнародованныхъ документовъ, даютъ ему право на признательность. Блестящія литературныя достоинства исторіи Карамзина заслонили въ глазахъ русской публики и заставили позабыть этотъ почтенный, но тяжелый, по изложенію, трудъ кн. Щербатова; а мнѣніе знаменитаго исторіографа о сочиненіи его предшественника, къ сожалѣнію, столь же мало отличается добросовѣстною осмотрительностью, какъ и приговоръ надъ дѣятельностію Татищева. С. М. Соловьевъ достаточно указалъ на заслуги Щербатова, какъ историка, а сличивъ почти изъ страницы въ страницу Исторію Государства Россійскаго Карамзина съ Россійской Исторіей Щербатова, онъ вполнѣ объяснилъ и отношеніе перваго труда ко второму. Если нельзя отказать Щербатову въ добросовѣстномъ трудолюбіи, то нельзя также не замѣтить въ немъ и желанія вдуматься въ причины событій, объяснить ихъ, насколько позволяли его силы и образованіе свѣтскаго человѣка. Еще виднѣе польза, принесенная русской наукѣ тѣми изданіями историческихъ памятниковъ, которыя сдѣланы были кн. Щербатовымъ. Цар-

ственная Книга, Царственный Лѣтописецъ, Лѣтопись о многихъ мятежахъ, Журналъ Петра Великаго, его же Записныя тетрадки и т. п. до сихъ поръ необходимыя книги для лицъ, занимающихся русской исторіей, и до сихъ поръ не замѣнены другими изданіями, болѣе соотвѣтствующими требованіямъ современной науки. Какъ историкъ и издатель историческихъ памятниковъ, кн. Щербатовъ извѣстенъ довольно хорошо: едва ли многіе знаютъ о немъ какъ, о публицистѣ и авторѣ мемуаровъ. Недавно открытое сочиненіе кн. Щербатова *О поврежденіи нравовъ въ Россіи* даетъ возможность взглянуть на него съ этой стороны [1]). Оно вполнѣ выражаетъ

---

[1]) Въ 1855 году случайно найдены были бумаги князя Михаила Михайловича Щербатова, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшія отъ пренаній и отъ сырости, частію уже поврежденной ихъ. Сочиненіе, заглавіе котораго здѣсь приведено, находилось въ числѣ этихъ бумагъ и написано, какъ говорятъ, отъ начала до конца рукою самого автора. Къ сожалѣнію, я не могъ пользоваться самимъ оригиналомъ, переданнымъ на время въ другія руки. У меня былъ списокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недовольно разборчиво написанный. Съ дозволенія внуки историка, княжны Елисаветы Дмитріевны Щербатовой, извлекаю теперь тѣ мѣста изъ сочиненія кн. Щербатова, которыя могутъ объяснить личный взглядъ автора на ходъ общественной исторіи Россіи XVIII вѣка. Современемъ можно будетъ воспользоваться богатыми матеріалами, какіе представляетъ это сочиненіе для исторіи нашей администраціи, для опредѣленія характера нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей и въ особенности для ознакомленія съ жизнію высшаго общества. Сочиненіе кн. Щербатова является однимъ изъ весьма важныхъ историческихъ источниковъ, частію дополняя уже извѣстныя свидѣтельства, частію доставляя совершенно новыя и интересныя свѣдѣнія. Личный взглядъ кн. Щербатова весьма своеобразенъ, и потому я счелъ нужнымъ прежде всего на него обратить вниманіе. Даже тѣ сужденія кн. Щербатова, которыя не могутъ быть признаны справедливыми, важны то какъ выраженія образа мыслей извѣстной партіи, то какъ личное воззрѣніе человѣка, очень замѣчательнаго по образованію и по нравственнымъ достоинствамъ. Я могъ только упомянуть о неблагопріятномъ отзывѣ автора касательно Екатерины II, котораго односторонность и частію несправедливость ясны для каждаго: своей рѣзкою противоположностью съ об-

своеобразный взглядъ автора на весь ходъ историческаго развитія Россіи въ XVIII столѣтіи и въ то же время имѣетъ характеръ записокъ или мемуаровъ, и въ особенности мемуаровъ такого рода, каковы, напримѣръ, записки Порошина или Грибовскаго. Уже какъ выраженіе извѣстнаго, систематическаго воззрѣнія на современность, и притомъ воззрѣнія очень несходнаго съ господствовавшими тогда взглядами, сочиненіе Щербатова въ высшей степени любопытно; тѣмъ болѣе придаютъ ему цѣны многочисленныя подробности о нравахъ эпохи, о характерѣ главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей и встрѣчающееся иногда объясненіе скрытыхъ причинъ того или другаго явленія. Кто не знаетъ, до какой степени важно все это для исторіи Россіи XVIII вѣка? Каждая эпоха имѣетъ свои отличительныя особенности, требующія и особыхъ пріемовъ для ея изученія. Исторія Россіи прошлаго вѣка, по смерти Петра Великаго, всего менѣе можетъ похвалиться единствомъ направленія, исключительнымъ господствомъ одной какой-нибудь идеи или одного стремленія, которымъ бы подчинялись всѣ остальныя, правильнымъ, послѣдовательнымъ ходомъ общественнаго развитія. Приверженцамъ такъ-называемой философской исторіи всего труднѣе пришлось бы сладить съ частыми противорѣчіями, съ измѣнчивостью и случайностью, которыми рѣзко отличается это время; всего труднѣе было бы объяснить разумность и необходимость многихъ явленій. Разумѣется, и въ XVIII вѣкѣ было извѣстное историческое поло-

---

щепринятымъ мнѣніемъ онъ заслуживаетъ однакожъ вниманіе историка, и, можетъ-быть, современемъ объяснятся обстоятельства, доведшія кн. Щербатова до такого безусловнаго осужденія всей дѣятельности знаменитой составительницы Наказа.

Должно замѣтить, что въ настоящее время сочиненіе Щербатова, о которомъ идетъ рѣчь, издается въ *Русской старинѣ*, сборникѣ Семевскаго (1870 г. кн. VII и слѣд.). А. Т.

женіе, которое отмѣнить безсильна была всякая частная воля. Переворотъ, произведенный Петромъ Великимъ, самъ носилъ на себѣ во многомъ характеръ случайности и произвола, но тѣмъ не менѣе, своими основаніями онъ глубоко коренился во всемъ прошедшемъ развитіи Россіи, отвѣчалъ историческимъ потребностямъ русскаго государства и общества, и потому-то онъ имѣлъ столько внутренней крѣпости. Уничтожить его, поворотить назадъ государственную и общественную жизнь не приходило въ голову даже тѣмъ, кто враждебно смотрѣлъ на дѣйствія великаго преобразователя. Реформа Петра была фактомъ, признаннымъ даже ея противниками, и, однакоже, какую безурядицу, сколько противоположныхъ стремленій видимъ мы послѣ смерти основателя европейскаго значенія Россіи! Едва закрылъ глаза государь до того самодержавный, что не задумался наложить руку на самую основу самодержавія,—разумѣемъ порядокъ престолонаслѣдія,—какъ между ближайшими его сподвижниками слышатся голоса о введеніи шведскаго образа правленія. 3830 указовъ находимъ мы въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи въ періодъ времени отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы, и, однакоже, въ этой громадной массѣ правительственныхъ распоряженій напрасно стали-бы мы искать кокого-нибудь господствующаго направленія, а тѣмъ болѣе вѣрности планамъ преобразователя. Елисавета Петровна желала быть продолжательницею начинаній своего отца; но одного желанія было слишкомъ недостаточно, и въ ея правленіе случайности было едва ли меньше мѣста, чѣмъ въ предшествовавшія царствованія. Только съ Екатериною II является единство направленія, и только ее можно считать законною по духу преемницей Петра Великаго. Промежуточный же періодъ кажется какимъ-то долгимъ междуцарствіемъ. И при Екатеринѣ II не исключалась, впрочемъ, совершенно случай-

ность и возможность посторонних вліяній, болѣе или менѣе сильныхъ. Однимъ словомъ, для личности былъ столь же огромный просторъ въ XVIII столѣтіи, сколько и для слѣпаго случая. Не даромъ XVIII столѣтіе создало особое выраженіе, не имѣвшее смысла прежде точно такъ же, какъ оно не имѣетъ его теперь. *Быть въ случаѣ* весьма хорошо обозначаетъ характеристическую особенность общественной жизни того времени. Каждая подробность о склонностяхъ, убѣжденіяхъ, частной жизни и характерѣ того или другаго *случайнаго* человѣка получаетъ важное историческое значеніе, а этими подробностями богато сочиненіе кн. Щербатова. Мы оставимъ ихъ, впрочемъ, до другаго случая и познакомимъ читателей преимущественно съ личнымъ взглядомъ автора на современное ему общество и причины паденія нравовъ. Здѣсь замѣтимъ только, что, по своему положенію, кн. Щербатовъ могъ хорошо знать всѣ закулисныя тайны высшаго общества и потому могъ приводить много интересныхъ, другимъ неизвѣстныхъ подробностей.

Съ четырнадцати-лѣтняго возраста онъ началъ свою службу въ гвардіи, въ 1746 году. Послѣ непродолжительной отставки съ 1762 по 1767 г. онъ вновь является на службѣ въ званіи депутата отъ ярославскаго дворянства въ Коммиссіи для составленія новаго уложенія, и съ этихъ поръ уже не покидаетъ ея. Въ должности камеръ-юнкера и потомъ камергера онъ былъ близкимъ свидѣтелемъ всѣхъ придворныхъ событій, а званія присутствующаго въ Коммиссіи о Коммерціи и въ Экспедиціи о винокуренныхъ заводахъ, президента Камеръ-Коллегіи и, наконецъ, сенатора давали ему возможность основательно познакомиться съ тогдашнею администраціей, и притомъ не только въ ея высшихъ сферахъ, но и въ мѣстномъ управленіи. Какъ сенаторъ, кн. Щербатовъ въ 1784 году ревизовалъ губерніи Владимірскую, Костромскую и Ярославскую.

Придворные и административные нравы не могли быть для него тайной. Требовалось только наблюдательности и желанья знать, а въ томъ и другомъ у кн. Щербатова не было недостатка. Былъ у него и особенный случай повѣрять устные разсказы о временахъ предшествовавшихъ свидѣтельствомъ положительныхъ источниковъ. Онъ приводилъ въ порядокъ кабинетный архивъ Петра Великаго и, съ разрѣшенія императрицы, имѣлъ свободный доступъ во всѣ государственныя библіотеки и архивы. Изъ его Россійской Исторіи можно видѣть, какъ добросовѣстно пользовался онъ имѣвшимися у него матеріалами. «Однимъ словомъ, мы можемъ не соглашаться съ взглядомъ кн. Щербатова, опровергать его односторонніе выводы и сужденія, но заподозривать достовѣрность приводимыхъ имъ фактовъ, сомнѣваться въ томъ, могъ ли онъ знать то, что́ разсказываетъ, мы не имѣемъ права, тѣмъ болѣе, что авторъ почти всегда приводитъ указаніе, откуда онъ заимствовалъ то или другое свѣдѣніе. Посмотримъ теперь на цѣль сочиненія и на воззрѣніе автора.

«Взирая, такъ начинаетъ кн. Щербатовъ свое сочиненіе, на нынѣшнее состояніе отечества моего окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, не могу я не удивляться, въ коль краткое время повредилися повсюдно нравы въ Россіи. Во истину могу я сказать, что́ если, вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего не осталось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ, мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи, и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогда же гораздо съ вящей скоростію бѣжали къ поврежденію

нашихъ нравовъ.» Затѣмъ, въ общихъ чертахъ обозначивъ упадокъ общественной и семейной нравственности и ослабленіе религіознаго чувства, кн. Щербатовъ продолжаетъ: «Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія основательныя причины имѣть, которыя, вопервыхъ, я потщуся открыть и потомъ показать и самую исторію, какъ нравы часъ отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящія развратности.» Въ приведенныхъ словахъ уже можно отчасти замѣтить, куда обращены симпатіи автора, но его воззрѣніе яснѣе раскрывается въ дальнѣйшемъ изложеніи. «Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое поврежденіе нравовъ, и, однако, главнѣе изъ сихъ я почитаю сластолюбіе.» Сластолюбію придаетъ, впрочемъ, кн. Щербатовъ самое обширное значеніе, разумѣя подъ нимъ все то, что̀ удовлетворяетъ чувственной сторонѣ человѣческой природы. Оттого онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за постепеннымъ увеличеніемъ роскоши въ убранствѣ домовъ, въ одеждѣ, экипажахъ, столѣ. Но ставя сластолюбіе, въ этомъ обширномъ смыслѣ, главнѣйшею причиною совершившагося переворота въ общественной и частной жизни XVIII вѣка, кн. Щербатовъ, очевидно, съ особенною любовью долженъ былъ обращаться мыслію къ тому времени, когда матеріальныя удобства далеко не играли такой важной роли, когда жизнь общества, если не была нравственнѣе, то была несравненно проще и грубѣе. Своей исторіи поврежденія нравовъ онъ предпосылаетъ довольно пространный очеркъ придворнаго быта и образа жизни высшаго сословія прежде сближенія съ Европою и вторженія иноземныхъ обычаевъ. Самъ по себѣ этотъ очеркъ представляетъ теперь мало интереса, послѣ статей г. Забѣлина, раскрывшихъ всѣ мелочныя подробности быта русскихъ царей XVII столѣтія: онъ важенъ только потому, что показываетъ, куда клонились симпатіи

автора. До-петровская Русь не одною только простотою и внѣшнею немногосложностью жизни влекла къ себѣ автора. Послѣдователи современной намъ славянской школы напрасно хотѣли бы зачислить кн. Щербатова въ число славянофиловъ до появленія славянофильства. Въ жизни до-петровской Россіи для кн. Щербатова особенно дорога была одна особенность общественнаго строя, которой отдавалъ онъ свое полное сочувствіе. Это было государственное значеніе и особая постановка знатныхъ родовъ боярскихъ. «Почтеніе къ родамъ умножало твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ; безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножало связь между родовъ и содѣлывало ихъ безопасность что̀ твердое предпріять, и тогда же и налагало узду кому что̀ недостойное имени своего сдѣлать, ибо безчестіе одного весь родъ того имени себѣ считалъ. А сіе не токмо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало.» Истинное значеніе мѣстничества, очевидно, не было извѣстно кн. Щербатову, и онъ смѣшиваетъ понятіе о родословной чести съ понятіемъ о чести вообще, едва ли сильно вкорененнымъ въ родовитыхъ людяхъ XVII столѣтія. Аристократическому чувству автора льстило въ прошедшемъ, по преимуществу, признаніе правъ, даваемыхъ знатнымъ происхожденіемъ; онъ всячески старается отстоять выго̀ды этихъ правъ. «Преимущество сіе, говоритъ онъ о замѣщеніи высшихъ должностей исключительно людьми родовитыми, часто и молодымъ людямъ учиненное, могло бы подать причину подумать, что оное обращалось въ обиду другимъ, *но сего не было*, ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ ихъ, и тако чины давали токмо должности, а рожденіе пріобрѣтало почтеніе.» При такомъ взглядѣ кн. Щербатовъ, очевидно, не могъ сочувствовать многимъ изъ нововведеній Петра Великаго, и въ осо-

бенности враждебно смотрѣлъ на признаніе личныхъ заслугъ и способностей единственнымъ правомъ на большее или меньшее участіе въ государственной дѣятельности. Отмѣну прежняго начала онъ считаетъ почти столь же важною причиною всеобщаго поврежденія нравовъ, какъ и сластолюбіе. «Разрушенное мѣстничество (вредное, впрочемъ, службѣ и государству) и не замѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребили мысли благородной гордости въ дворянахъ, ибо стали не роды почтены, но чины и заслуги, и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя услуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможамъ.»

Сильно не нравилась кн. Щербатову и введенная Петромъ Великимъ система регулярнаго войска, съ обязательствомъ для дворянъ служить съ самыхъ низшихъ чиновъ. Въ ней также онъ видитъ причину уничтоженія добродѣтели и мужества. «Вмѣстѣ съ холопями ихъ писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые, по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинялися начальниками господамъ своимъ и бивали ихъ палками. *Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ,* то могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали, которые инако какъ подслугами почтенія не могли пріобрѣсти и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однородцевъ, безъ соединенія и защиты оставался одинъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго.»

Аристократъ по убѣжденіямъ, кн. Щербатовъ оскорбился и возвышеніемъ Меншикова, *изъ подлости произшедшаго мужа*. Разсказавъ, что Меншиковъ послѣ вступленія на пре-

столъ Петра II, хотя и не назывался регентомъ, но въ сущности былъ имъ, кн. Щербатовъ съ негодованіемъ указываетъ на невозможность подобнаго явленія въ предшествовавшія столѣтія, и видитъ въ немъ лучшее доказательство того, какъ низко упалъ духъ людей родовитыхъ. «При младенчествѣ царя Іоанна Васильевича, восклицаетъ онъ, законной властію утвержденному совѣту для управленія во время малолѣтства государева, боярамъ выбраннымъ изъ среди самихъ ихъ, изъ среди знатнѣйшихъ родовъ государства повиноваться не хотѣли. И когда въ болѣзни своей царь Іоаннъ Васильевичь хотѣлъ утвердить престолъ малолѣтному сыну своему, то не хотя быть управляемы боярами, сыну государя своего присягать не хотѣли. Во время младенчества самого Петра Великаго, на случай Нарышкиныхъ негодовали, и се, нынѣ изъ полости происшедшему мужу, безъ всякаго законнаго утвержденія его власти, безспорно повиновались. Да разсудятъ посему, вѣрность ли сіе было къ Государю или паденіе духу благороднаго.»

Кн. Щербатовъ не принадлежалъ къ числу безусловныхъ защитниковъ старины и нисколько не желалъ бы уничтожить преобразованій Петра Великаго, въ необходимости которыхъ онъ былъ глубоко убѣжденъ. Въ способѣ произведенія реформы онъ хотѣлъ бы видѣть только меньше крутыхъ мѣръ, менѣе стремительности и болѣе снисходительности и вниманія къ преданіямъ прошедшаго времени. Главнѣйшимъ же его желаніемъ было отстоять аристократическій принципъ, вызвать его вновь къ жизни, не останавливаясь, впрочемъ, предъ формами, въ какихъ бы совершилось его возрожденіе. Если нельзя было воскресить значеніе древнихъ боярскихъ родовъ въ томъ видѣ, какъ рисовало его воображеніе автора въ до-петровской жизни Россіи, кн. Щербатовъ не прочь былъ бы и отъ шведскаго образа правленія, и отъ аристократіи въ томъ

видѣ, какъ она являлась, напримѣръ, въ Англіи. Онъ не былъ единственнымъ представителемъ подобнаго направленія. Число лицъ, желавшихъ устроить правленіе по образцу Швеціи, было, можетъ-быть, значительнѣе между высшими сановниками, чѣмъ число тѣхъ, которые желали бы вызвать къ жизни до-петровскую старину. И это понятно. Люди, принадлежавшіе къ государственному управленію и высшей администраціи, волею или неволею, но уже были увлечены направленіемъ реформы, болѣе или менѣе прониклись имъ. Не знаемъ, думали ли они о возможности возвратить жизнь къ прежнимъ формамъ быта, но увѣрены, что для нихъ лично этотъ возвратъ едва ли казался возможнымъ, а, главное, желательнымъ. Не говоря уже о лицахъ, воспитавшихся послѣ или во время переворота, произведеннаго Петромъ Великимъ, но даже и тѣ, кто помнили еще *древнія строія правила*, уже невольно подчинялись многимъ совершенно новымъ условіямъ и привычкамъ, отъ которыхъ отречься они были не въ состояніи. Даже для людей, помнившихъ значеніе прежняго боярства, боярская дума едва ли являлась лучшимъ выраженіемъ этого значенія, чѣмъ шведская олигархія. Знакомство съ Западомъ и присутствіе множества иностранцевъ въ русской службѣ не могли остаться безъ вліянія. Послѣ смерти Петра Великаго мелькнула мысль о введеніи шведскаго образа правленія, и не было высказано желанія возврата къ государственнымъ учрежденіямъ царя Алексѣя Михайловича. По смерти Петра II, еще яснѣе вскрылось подобное же стремленіе. Въ числѣ предложенныхъ по этому случаю мнѣній, князь Щербатовъ приводитъ одно, весьма замѣчательное и которое, по его мнѣнію, кажется, было самое основательное. «Были многіе, и *дальновиднѣйшіе*, которые желали возвести царицу Евдокію Ѳеодоровну на россійскій престолъ, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то симъ учрежденному Со-

вѣтомъ сопротивляться не можетъ, а черезъ сіе дастъ время утвердиться постановляемымъ узаконеніямъ въ предосужденіе власти монаршей. Но на сіе чинимы были слѣдующія возраженія, что законъ препятствуетъ санъ монашескій, хотя и поневолѣ возложенный, съ нее снять и что она, имѣвши множество родни Лопухиныхъ, къ коимъ весьма была привязана, родъ сей усилится и можетъ для счастія своего склонить ее разрушить предполагаемыя постановленія.» Извѣстно, что избраніе царицы Евдокіи Ѳеодоровны предложено было кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, фельдмаршаломъ, ревностнымъ защитникомъ старины и приверженцемъ царевича Алексѣя Петровича; поэтому можно бы думать, что, указывая на первую супругу Петра Великаго, кн. Долгоруковъ желалъ доставить побѣду старому порядку вещей. Слова кн. Щербатова придаютъ этому предложенію совершенно противное значеніе, несогласное съ тѣми извѣстіями, по которымъ фельдмаршалъ Долгоруковъ, въ засѣданіяхъ *верховниковъ*, противился ограниченію монархической власти въ Россіи. Оставляя въ сторонѣ, справедливо или нѣтъ показаніе кн. Щербатова, и думая даже, что оно неосновательно, мы приводимъ его какъ выраженіе его личнаго мнѣнія. Онъ называетъ *дальновидньйшими* тѣхъ, которые предлагали Евдокію Ѳедоровну и очевидно сочувствуетъ мысли ограниченія, которое подняло бы значеніе древнихъ знатныхъ родовъ, доставивъ имъ огромное участіе и рѣшительный почти голосъ въ дѣлахъ государственныхъ. Кн. Щербатовъ негодуетъ на *верховниковъ*; но его негодованіе исходитъ не изъ того источника, откуда ведетъ начало негодованіе, напримѣръ, Ѳеофана Прокоповича, говорившаго, что «сколько ихъ есть человѣкъ, чуть ли не столько явится атамановъ междуусобныхъ браней, и Россія возьмѣетъ скаредное оное лицо, каковое имѣла прежде, когда на многія княженія расторгнена бѣдствовала.

Приговоръ кн. Щербатова осмиличному совѣту сходенъ нѣсколько въ выраженіи съ сужденіемъ Ѳ. Прокоповича, но его основа совершенно другая. «Они, говоритъ нашъ авторъ, уменьшая излишнюю власть монарха, передавали ее вельможамъ *съ озорченіемъ множества знатныхъ родовъ*, и вмѣсто одного, толпу государей сочиняли.» Огорченіе множества знатныхъ родовъ и возмущало кн. Щербатова противъ партіи верховниковъ, и мѣшало ему вполнѣ сочувствовать ихъ намѣреніямъ. Въ этомъ отношеніи побужденія его были одинаковы съ мыслями тѣхъ лицъ изъ высшаго сословія, которыя, по свидѣтельству Ѳ. Прокоповича, замышляли противъ членовъ Верховнаго Совѣта, ставя имъ въ вину не столько самое намѣреніе, сколько то, что они одни, въ числѣ 7 или 8 человѣкъ или, лучше сказать, только двѣ фамиліи Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, задумали это предпріятіе, и одни хотѣли имъ воспользоваться. «Не малая вина, говорили оскорбленные, однимъ и немногимъ государства составъ передѣлывать. И хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакоже скрывать то передъ другими, а наиначе и правительствующимъ особамъ не сообщить, непріятно то и смрадно пахнетъ.»

Мы достаточно, кажется, показали, какъ силенъ былъ аристократическій духъ въ кн. Щербатовѣ, заставлявшій его съ любовію обращаться ко временамъ мѣстническихъ споровъ. Эта вѣрность аристократическому началу господствуетъ во всѣхъ сужденіяхъ автора и даетъ имъ извѣстное направленіе, иногда заставляя его видѣть истинную причину зла—разумѣемъ упадокъ нравовъ—не тамъ, гдѣ она дѣйствительно крылась. При каждомъ удобномъ случаѣ, при каждой новой фазѣ развитія общественной безнравственности, онъ не забываетъ указывать, что раздача мѣстъ и чиновъ не по рожденію, а по личнымъ заслугамъ, была главною причиною все большаго и

бо́льшаго развращенія. Такъ, напримѣръ, приступая къ описанію того, ка́къ усилилась роскошь и ея неизбѣжные спутники, послѣ вступленія на престолъ Елисаветы Петровны, онъ замѣчаетъ: «Какъ не одно рожденіе и по долголѣтнимъ службамъ полученные чины стали давать преимущества у двора, то и состоянія смѣшались, и что́ изъ подлости или изъ незнатныхъ дворянъ произшедшій обогащенный по пышности дѣлалъ, того знатный благородный или заслуженный, но не награжденный человѣкъ за стыдъ почиталъ не дѣлать.»

Перейдемъ теперь къ тому, какія ступени, по мнѣнію кн. Щербатова, перешло поврежденіе нравовъ, и какія были обстоятельства, его усиливавшія. Здѣсь мы встрѣтимся съ взглядомъ автора на характеръ того или другаго царствованія; а эти взгляды очень любопытны. Сдѣлаемъ прежде, впрочемъ, нѣсколько замѣчаній. Какъ въ Россійской Исторіи кн. Щербатова, такъ и въ новомъ его сочиненіи постоянно видно желаніе автора осмыслить для себя то или другое явленіе, вдуматься въ него, найти ближайшія причины и связь съ другими событіями. Князь Щербатовъ иногда нѣсколько разъ возвращается къ одному и тому же историческому явленію, съ цѣлію выяснить его, и очень часто его объясненія довольно удачны. Во всякомъ случаѣ, это почтенная сторона историческаго таланта князя Щербатова, ставящая его далеко выше большей части современныхъ ему историковъ. Для полнаго успѣха ему недоставало ученой подготовки, систематическаго образованія. Подобно Карамзину, кн. Щербатовъ былъ дилеттантомъ-историкомъ, хотя точно также, какъ и знаменитый историографъ, онъ положилъ на свой трудъ всѣ свои силы и въ исполненіи отличался такою же добросовѣстностію. Съ матеріальной стороны сочиненія кн. Щербатова вполнѣ удовлетворительны: отовсюду собралъ онъ документы и извѣстія и употребилъ ихъ въ дѣло. Недостатокъ си-

стематической подготовки, строго научнаго образованія вредилъ, главнымъ образомъ, способности автора понимать настоящій смыслъ историческихъ явленій, отличать существенную причину отъ причинъ второстепенныхъ и побочныхъ обстоятельствъ. Мы видѣли образецъ односторонняго пониманія кн. Щербатова въ его взглядѣ на мѣстничество и на *безчестье* древней Россіи. Подобныхъ примѣровъ можно привести много, и уже то, что онъ считаетъ ослабленіе аристократическаго начала, а въ особенности усиленіе сластолюбія главнѣйшими причинами всеобщаго паденія нравовъ, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Несмотря на свое знакомство съ историческими источниками и на свое стремленіе къ уясненію внутренняго смысла событій, авторъ не смогъ выработать себѣ цѣльнаго взгляда на ходъ историческаго развитія Россіи, и оттого его объясненія большею частію отрывочны и иногда поверхностны и односторонни. Говоря объ упадкѣ общественной и частной нравственности въ XVIII столѣтіи, кн. Щербатовъ, очевидно, противополагаетъ нравственность старой, до-петровской Руси безнравственности Россіи Петра Великаго: но онъ не изслѣдовалъ, даже не чувствовалъ потребности изслѣдовать, чѣмъ была выше нравственность XVII вѣка, и была ли она въ самомъ дѣлѣ выше нравственности современнаго ему общества, и довольствуется только внѣшнимъ сравненіемъ грубой немногосложности частнаго быта XVII столѣтія съ роскошными затѣями своего времени. Болѣе внимательное разсмотрѣніе показало бы ему, что корень безнравственности XVIII вѣка лежитъ глубоко въ общественномъ строѣ и нравахъ предшествовавшаго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспрепятствовало бы ему принимать слѣдствіе за причину или искать разгадки тамъ, гдѣ она никакимъ образомъ не можетъ быть найдена. Самое боярство предшествовавшаго столѣтія утратило бы въ его глазахъ мно-

гое изъ своей привлекательности, а, главное, не казалось бы такою могущественною политическою силою, какою является оно въ воображеніи автора. Отсутствіемъ цѣльнаго пониманія объясняются недостатки взглядовъ кн. Щербатова на разсматриваемыя имъ явленія. Мы скажемъ еще нѣсколько словъ объ этомъ впослѣдствіи. Теперь о личномъ характерѣ кн. Щербатова, какъ онъ намъ представляется.

Мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній о служебной и гражданской дѣятельности кн. Щербатова, за исключеніемъ показаній послужнаго списка; поэтому трудно судить, до какой степени убережся онъ отъ той общественной безнравственности, которую онъ клеймитъ въ своемъ трудѣ, и насколько имѣлъ право произносить надъ ней строгій приговоръ. Одинъ только случай изъ его службы свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ чуждъ былъ по крайней мѣрѣ одного изъ господствующихъ общественныхъ пороковъ—любостяжанія и казнокрадства. Болѣе мы ничего не знаемъ, и судить о нравственныхъ достоинствахъ кн. Щербатова, какъ общественнаго дѣятеля, можемъ только по его же сочиненіямъ. Въ исторіи поврежденія нравовъ онъ только очень рѣдко говоритъ о себѣ, и то большею частію въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится привести разсказъ, слышанный имъ отъ извѣстнаго лица, или обратиться къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ. Во всемъ, впрочемъ, тонѣ сочиненія, въ способѣ изложенія, въ сужденіяхъ о томъ или другомъ лицѣ или поступкѣ слышится голосъ человѣка благороднаго, съ негодованіемъ смотрящаго на печальныя и позорныя явленія общественной жизни, его окружавшей. Ставя на второй планъ служебныя выгоды и отдавая все себя историческимъ занятіямъ, кн. Щербатовъ уже этимъ заставляетъ предполагать въ себѣ болѣе чистыя и безкорыстныя стремленія, чѣмъ тѣ, которыми двигалось большинство его современниковъ. Пока не будутъ представле-

ны положительныя доказательства противнаго, мы сохраняемъ убѣжденіе, вынесенное изъ чтенія труда Щербатова, что его личный характеръ былъ въ уровень съ тою ролью цензора, которую принялъ на себя авторъ. Строгій приверженецъ аристократическаго начала, онъ спасъ отъ пятна свое имя, и въ его сочиненіи о повреждении нравовъ мы можемъ не всегда найти глубокаго и проницательнаго историка, но постоянно встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ честнымъ человѣкомъ [1]).

Исторія нравовъ въ сочиненіи кн. Щербатова неразрывно связана съ исторіей правленія. «Можно сказать, замѣчаетъ онъ совершенно основательно, что бываемыя перемѣны въ государствахъ всегда суть соединены съ нравами и умоначертаніемъ народнымъ.» Исторію нравовъ кн. Щербатовъ начинаетъ съ реформы Петра Великаго. Какъ уже было замѣчено выше, онъ вполнѣ признаетъ необходимость преобразованія. Кромѣ того, онъ преисполненъ глубочайшаго уваженія къ Петру. Онъ не можетъ только признать законною рѣзкость принятыхъ мѣръ, и въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ слѣдующее сравненіе, по поводу искорененія суевѣрій. «Сіе дѣй-

---

[1]) Нельзя не поблагодарить г. М. Заблоцкаго, имѣвшаго въ рукахъ всѣ найденныя бумаги князя М. М. Щербатова, за напечатанныя имъ въ *С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* матеріалы для біографіи нашего историка. Несмотря на незначительность приведенныхъ имъ отрывковъ, они даютъ однакоже нѣкоторое понятіе о характерѣ кн. Щербатова и служатъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія. Будемъ надѣяться, что болѣе полная разработка найденныхъ бумагъ кн. Щербатова и, если возможно, ихъ обнародованіе дадутъ средства ближе всмотрѣться въ личность этого замѣчательнаго человѣка. Жаль, что г. Заблоцкій, приводя отрывокъ изъ «*Разсужденія о нынѣшнемъ, въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастіе*», ничего не говоритъ о характерѣ самаго сочиненія. Взглядъ кн. Щербатова на экономическое положеніе Россіи долженъ быть весьма любопытенъ, тѣмъ болѣе, что, судя по заглавію, авторъ предлагаетъ и средства къ его измѣненію.

ствіе Петра Великаго можно примѣнить къ дѣйствію неискуснаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ вѣтви. Еслибы оно корнемъ было сильно, то сіе обрѣзываньe учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оное слабо и больно то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя черезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево, отнявъ ее новыхъ плодовитыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянула и тутъ сдѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ, урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; уменьшились суевѣрія, но уменьшилась и вѣра», и т. д. Сравненіе, замѣтимъ мимоходомъ, если клонится къ невыгодѣ Петра Великаго, то, можетъ-быть, еще болѣе невыгодно для древней Россіи, которой сочувствуетъ авторъ. Со времени Петра, по мнѣнію кн. Щербатова, начинается поврежденіе нравовъ, но Петръ лично не виновенъ въ этомъ. Авторъ постоянно старается поставить на видъ, какъ великій преобразователь старался утвердить добрые нравы, подавая примѣръ простоты въ жизни, запрещая излишнія траты и угощенія при ассамблеяхъ, требуя правды и безкорыстія въ общественной дѣятельности, вызывая и поощряя прямое выраженіе мнѣній, противныхъ его собственному. Зло, по мыслямъ автора, явилось помимо воли Петра Великаго, хотя и было слѣдствіемъ его преобразованій. Замѣчательно сужденіе кн. Щербатова, высказанное по поводу разсказовъ о благородной смѣлости кн. Якова Ѳедоровича Долгорукова, не разъ противившагося распоряженіямъ Петра и говорившаго ему правду въ глаза. «Чего же ради, говоритъ авторъ, никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ сенатѣ и нигдѣ таковой правды не говорилъ, какъ сей безсмертія достойный кн. Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали пріобрѣсти милость государскую, нежели, говоря правду, его почитаніе, жела-

ли чиновъ и имѣній, ибо въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы любимецъ его кн. Меншиковъ когда ему строгую правду представлялъ, чтобы Гаврило Ивановичъ Головкинъ, государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Гилленбурхомъ, съ Герцомъ и съ англійскими и шотландскими сообщниками претендента... (слѣдуетъ еще нѣсколько примѣровъ), чтобъ адмиралъ Апраксинъ, имѣющій толикую повѣренность, что̀ вопреки сказалъ государю. Но всѣ токмо согласіе свое изъявляли и впускали вкорениться лести и рабству для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ государь и кн. Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ противоборствовали.» Причиной ставитъ кн. Щербатовъ усиленіе сластолюбія и роскоши и паденіе значенія знатныхъ родовъ: но изъ этихъ причинъ, если даже и признать ихъ дѣйствительно причинами, могла оказать свое дѣйствіе только вторая. А сластолюбіе и роскошь, по словамъ самого кн. Щербатова, недавно еще начали водворяться въ русскомъ обществѣ; притомъ лица, окружавшія Петра Великаго, и ближайшіе исполнители его воли, за исключеніемъ людей, происшедшихъ изъ *подлости*, какъ Меньшиковъ, или иностранцы, были воспитаны въ *древнихъ строгихъ правилахъ*; многіе, какъ напр. Апраксинъ и нѣкоторые другіе, даже отличались любовью къ старинѣ. Подозрѣніе въ томъ, не были ли несостоятельны или по крайней мѣрѣ не довольно крѣпки самыя эти древнія строгія правила, эти нравственныя убѣжденія XVII столѣтія, что̀ такъ скоро и безъ борьбы уступили вліянію сластолюбія и роскоши, — такое подозрѣніе не приходитъ въ голову кн. Щербатова, и оттого у него отъ нравственности до-петровской Руси къ безнравственности Россіи Петра Великаго переходъ такъ рѣзокъ и быстръ.

Большое вліяніе, какъ и слѣдуетъ ожидать, приписываетъ кн. Щербатовъ освобожденію женщины изъ тюремнаго заклю-

ченія. Женщина, выпущенная на свободу, почувствовала силу своей красоты и, не находя въ древнихъ строгихъ правилахъ никакой нравственной опоры, предавалась порывамъ страстей, не сдерживаемымъ болѣе внѣшними препятствіями. Сближеніе съ Европою, возможность получать изъ-за границы предметы роскоши сильно дѣйствовали на возбужденіе пышности, несмотря на то, что государь старался ей противодѣйствовать и запрещеніями, и своимъ собственнымъ примѣромъ. Кн. Щербатовъ приводитъ примѣръ лицъ, уже въ его царствованіе разорявшихся отъ неумѣренной роскоши. Одинъ изъ этихъ примѣровъ — знаменитый фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Другой очень замѣчателенъ. Кн. Иванъ Васильевичъ Одоевскій, котораго дядя жилъ въ Москвѣ, на Тверской, въ приходѣ у Спаса, «неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ разорился, что продавъ всѣ деревни, оставилъ токмо себѣ нѣкоторое число служителей, которые были музыканты, и сіи, ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали.» Кн. Щербатовъ придаетъ огромную важность вліянію личнаго примѣра правительственныхъ лицъ на нравственное состояніе всего общества, и въ этомъ отношеніи одинъ Петръ Великій составляетъ какъ бы исключеніе, потому что его примѣръ былъ безсиленъ остановить общее стремленіе. Авторъ упрекаетъ его въ одномъ только вредномъ примѣрѣ, поданномъ обществу, именно въ разводѣ съ первою супругой, Лопухиной. По его мнѣнію, этотъ примѣръ нашелъ себѣ подражателей не только между лицами близкими ко двору, каковъ напр. былъ П. И. Ягушинскій, но даже и между тѣми, которые были, повидимому, въ сторонѣ отъ его прямаго вліянія, какъ кн. Борисъ Сонцевъ-Засѣкинъ. Изъ общаго хода изложенія какъ-будто замѣтно, что кн. Щербатовъ считалъ разводъ почти новостію, внесенною Петромъ Великимъ въ общественную жизнь.

Прямо онъ этого не высказываетъ и не можетъ, потому что примѣры разводовъ царей и великихъ князей русскихъ встрѣчаются же и до Петра Великаго, но, кажется, онъ не предполагалъ развода дѣломъ такимъ обыкновеннымъ въ Россіи XVII столѣтіи, какимъ показываетъ его, напр., Котошихинъ.

Свое разсмотрѣніе царствованія Петра Великаго кн. Щербатовъ заключаетъ слѣдующимъ общимъ сужденіемъ:

«И тако, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего государя, пріобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсъ въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены и флоты Бѣлое и Балтійское моря покрыли, своими силами побѣдила давнихъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, Поляковъ и Шведовъ, пріобрѣла знатныя области и морскія пристанища. Науки, художества и ремесла стали въ ней процвѣтать, торговля начала ее обогащать, и преобразовались Россіяне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые, стали сообщительнѣе, и позорища благонравныя извѣстны имъ учинились. *Но тогда же* искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать...,твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста. Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ), въ разсужденіи нравовъ, осталася Россія, по смерти сего великаго государя.» Кто сколько-нибудь знакомъ съ памятниками XVII вѣка, тотъ сильно усомнится, чтобы корыстолюбіе и взяточничество только со временъ Петра начали вкрадываться въ чистую до тѣхъ поръ душу русскихъ судей и администраторовъ, тому невольно придутъ на память слова Посошкова: «Намъ сіе весьма зазорно:

не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годится... А прямо рещи — и невозможно правому суду установится, аще сто другое судей не падетъ: *понеже у насъ на Руси неправда вельми застарѣла*». (Пос. стр. 86.)

Кн. Щербатовъ не долго останавливается на исторіи нравовъ въ кратковременныя царствованія Екатерины I-й и Петра II-го. Онъ припоминаетъ только, что женщина въ это время пошла быстрыми шагами къ своему нравственному паденію. Роскошь двора Екатерины I и, въ особенности, наглое и безнаказанное поведеніе Ив. Ал. Долгорукова, всемощнаго любимца Петра II, преимущественно содѣйствовали этому печальному явленію. «Привычка есть и къ преступленію, замѣчаетъ историкъ, говоря о поступкахъ Долгорукова и его товарищей, а сей былъ первый шагъ, которымъ жены выступили изъ скромности и тихаго житія, которое отъ древнихъ нравовъ онѣ еще сохраняли.» Особенно указываетъ кн. Щербатовъ на гибельныя слѣдствія неопредѣленности въ порядкѣ престолонаслѣдія. «Петръ Великій еще не охладѣлъ мертвый, говоритъ онъ, а уже не воля его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вельможъ рѣшало важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, т. е. наслѣдство его престола.» Извѣстны обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія возведеніе на престолъ Екатерины I. Кн. Щербатовъ представляетъ любопытное объясненіе обстоятельствъ и причинъ, рѣшившихъ объявленіе Петра II наслѣдникомъ престола.

Правленію Анны Ивановны посвящаетъ кн. Щербатовъ болѣе мѣста въ своемъ сочиненіи. Его взглядъ на характеръ и нравственное вліяніе правленія этой государыни не совсѣмъ согласенъ съ общепринятымъ мнѣніемъ. Мы знаемъ уже

мнѣніе кн. Щербатова о мысли ограничить права верховной власти. Можно бы подумать съ перваго раза, что онъ нѣсколько предубѣжденнымъ взоромъ взглянетъ на дѣйствія Анны Ивановны, изорвавшей утвержденныя ею ограниченія, что власть Бирона, котораго курляндское дворянство съ презрѣніемъ отказалось внести въ свои списки, оскорбитъ его аристократическій духъ несравненно чувствительнѣе, чѣмъ самоуправство Меншикова, что, наконецъ, его поразятъ жестокости этого правленія. Кн. Щербатовъ очень хорошо знаетъ всѣ обстоятельства того времени и не ослѣпленъ личнымъ характеромъ самой государыни. Напротивъ, его сужденіе о немъ весьма основательно и, въ общихъ чертахъ, не противорѣчитъ тѣмъ извѣстіямъ, которыя мы имѣемъ изъ другихъ источниковъ. «Императрица Анна, говоритъ онъ, не имѣла блистательнаго разуму, но имѣла сей здравый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы нраву грубаго, отчего и съ родительницею своей въ ссорѣ находилася. (Слѣдуетъ извѣстіе объ отношеніяхъ Анны Ивановны къ ея матери, извлеченное изъ письма, находящагося въ архивѣ Петра Великаго.) Природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо родилась во время грубости Россіи и жила тогда, какъ многіе строгости были оказуемы, и сіе учинило, что она не щадила кровь своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содраганія подписывала... не имѣла жадности къ славѣ и потому новыхъ узаконеній и установленій мало вымышляла, но старалась старое учрежденіе въ порядкѣ содержать. Довольно для женщины прилежна къ дѣламъ и любительница была порядка и благоустройства, ничего спѣшно и безъ совѣту искреннѣйшихъ людей государства не начинала, отчего всѣ ея узаконенія суть ясны и основательны. Любила приличное великолѣпіе императорскому сану, но только если оно сходст-

венно было съ благоустройствомъ государства.» Хорошо извѣстенъ кн. Щербатову образъ дѣйствій Бирона; возмущаетъ его и появленіе членовъ знатнѣйшихъ русскихъ фамилій, кн. Голицыныхъ и Волконскихъ, графа Апраксина, въ числѣ придворныхъ шутовъ [1]), и однакоже, тѣмъ не менѣе, правленіе Анны Ивановны въ его глазахъ кажется почти отраднымъ явленіемъ, болѣе выгоднымъ, по своему вліянію на общественную нравственность, чѣмъ царствованіе Елисаветы Петровны и, въ нѣкоторой степени, даже Екатерины II, не говоря уже о двухъ правленіяхъ, предшествовавшихъ вступленію на престолъ императрицы Анны... Вотъ оцѣнка кн. Щербатова. Сказавъ о жестокихъ казняхъ въ ея правленіи, онъ продолжаетъ: «Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единаго вельможи, который бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ несчастія, но народъ былъ порядочно управляемъ, не былъ отягощенъ налогами. Законы издавались ясны и исполнялись въ точности. Страшились вельможи подать какую причину къ несчастію своему и, не бывъ ими защищаемы, страшились и судьи что̀ неправое сдѣлать или мздоимству коснуться; былъ управленъ кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости одинъ другому каждый мысли свои изъяснялъ и осмѣливался самой государынѣ при докладахъ противорѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды; и такъ по крайней мѣрѣ лесть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей, ибо просто̀ послѣдуя законамъ, дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Лѣта же ея и болѣзни ей не оставляли время что̀ другое предпринимать.» Мы не будемъ разсуж-

[1]) Сочиненіе кн. Щербатова, замѣтимъ кстати, окончательно рѣшаетъ возникшій въ послѣднее время споръ о личности одного изъ шутовъ Анны Ивановны. Изъ Голицыныхъ шутомъ былъ кн. Михаило.

дать, въ какой степени выгодно было въ нравственномъ отношеніи уничтоженіе лести передъ Анной Ивановной и возможность говорить ей правду, когда, по словамъ самого же автора, «вмѣсто ея всѣ вельможи дрожали и трепетали передъ Бирономъ, единый взглядъ его благороднѣйшихъ и именитѣйшихъ людей въ трепетъ приводилъ, но толь былъ грубъ и неприступенъ, что даже и лести мѣсто давалъ».

Не будемъ опровергать мнѣніе кн. Щербатова, замѣтимъ только, что странна и печальна покажется участь Россіи, если повѣрить ему на слово. Всѣ усилія Петра Великаго, вся его неслыханная дѣятельность и способность вникать во всѣ мелочныя подробности были безсильны остановить корыстолюбіе и неправоту судей, и достаточно было страха предъ курляндскимъ проходимцемъ, въ добавокъ и не обращавшимъ вниманія на отправленіе правосудія, чтобы судьи не смѣли *что не правое сдѣлать или мздоимству коснуться*. Нѣсколько далѣе самъ кн. Щербатовъ произноситъ, впрочемъ, приговоръ, не совсѣмъ согласный съ предшествовавшимъ разсужденіемъ. «А все вышеписанное, говоритъ онъ, и *покажетъ*, какіе шаги обстоятельствами правленія и примѣрами двора злые нравы учинили. Жестокость правленія отняла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли.» «Вельможи, по его же словамъ, перестали быть совѣтниками государевыми, любовь къ отечеству убавилась, а самство и желаніе награжденія возросло.»

Со временъ Елисаветы Петровны, кн. Щербатовъ былъ уже очевидцемъ совершавшагося паденія нравственности, могъ разсказывать уже видѣнное и слышанное имъ самимъ, а не довольствоваться разсказами другихъ лицъ. Поэтому правленію Елисаветы, Петра III и Екатерины II посвящена самая значительная часть его сочиненія. Здѣсь же, притомъ, его трудъ получаетъ значеніе мемуаровъ. Вѣрные нашему плану,

мы не будемъ останавливаться на множествѣ новыхъ и интересныхъ подробностей и разсказовъ, представляемыхъ авторомъ, и ограничимся только общимъ изложеніемъ его взгляда на характеръ того или другаго правленія. Вотъ сужденіе кн. Щербатова о личномъ характерѣ и *умозачертаніи* Елисаветы Петровны: «Сія государыня изъ женскаго полу въ младости своей была отмѣнной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра; отъ природы одарена довольнымъ разумомъ, но никакого просвѣщенія не имѣла, такъ что меня увѣрялъ Дмитрій Васильевичъ Волковъ, бывшій конференцъ-секретарь, что она не знала, что Великобританія есть островъ; съ природы веселаго нрава и жадно ищущая веселій, чувствовала свою красоту и страстна умножать ее разными украшеніями, лѣнива и надокучлива ко всякому требующему нѣкоего прилежанія дѣлу, такъ что за лѣностію ея не токмо внутреннія дѣла государственныя многія иногда лѣты безъ подписанія ея лежали, но даже и внѣшнія государственныя дѣла, яко трактаты, по нѣскольку мѣсяцевъ за лѣностію ея подписать ея имя у нее лежали; роскошна и.... страстна, дающая иногда повѣренность своимъ любимцамъ, но однако такова, что всегда надъ нами власть монаршу сохраняла.» Показавъ вліяніе придворной роскоши на общественную нравственность, кн. Щербатовъ особенно выставляетъ на видъ одну новую ступень, на которую низошла русская женщина въ своемъ паденіи въ это время. «Мы можемъ положить сіе время, разсказываетъ историкъ, началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей.» Въ то же время сильно увеличилось число незаконнорожденныхъ среди высшаго сословія. «Только сихъ..... дворянъ умножилось, что повсюдова толпами ихъ видно. Лицыны, Рацовы и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо по случаю или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что, кажется, хотятъ истребить часть законнаго рожденія, и неза-

крытно содержа метресъ, являются знатные люди насмѣхаться и святости закона, и моральнымъ правиламъ, и благопристойности. И тако можно сказать, что и сіи злы, толь обыкновенныя въ нынѣшнее время, отрыгнули корень свой въ сіе царствованіе.» Чрезвычайно много подробностей всякаго рода сообщаетъ кн. Щербатовъ о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, на котораго смотритъ не только какъ на корыстнаго администратора, но особенно какъ на одного изъ главныхъ виновниковъ усиленія общественной безнравственности.

Кратковременное правленіе Петра III не могло противодѣйствовать общему направленію, еслибы въ немъ и заключались условія возможности подобнаго противодѣйствія, чего, къ сожалѣнію, не было. Напротивъ, къ прежнимъ причинамъ, которыми объяснялось печальное состояніе общественной нравственности, присоединились еще новыя. У кн. Щербатова мы находимъ нѣсколько весьма характеристическихъ разсказовъ о придворной жизни этого времени, и одного изъ нихъ, хотя напримѣръ разсказа объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ появленіе знаменитой грамоты о дворянствѣ, вполнѣ достаточно для того, чтобы понять, чего можно было ожидать отъ правленія Петра III, еслибы оно продолжалось. Разсказы кн. Щербатова служатъ полнымъ подтвержденіемъ и дополненіемъ разсказовъ другаго близкаго свидѣтеля придворныхъ событій, друга Екатерины II, княгини Дашковой. Въ личныхъ сужденіяхъ автора мы не находимъ ничего, что̀ противорѣчило бы общему голосу современниковъ.

Совершенно противоположнымъ характеромъ отличаются его разсужденія о царствованіи Екатерины II. Мнѣніе кн. Щербатова о личныхъ свойствахъ этой государыни не только не похоже на отзывы почти всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе коротко ее знавшихъ, не только рѣзко противорѣчитъ тѣмъ описаніямъ ея характера, которыя оставлены намъ принцемъ де-Линемъ

или Грибовскимъ, не отличается явною враждебностію, имѣетъ почти характеръ памфлета. Надобно знать отношенія кн. Щербатова къ Екатеринѣ II ближе, чѣмъ мы ихъ знаемъ, чтобы понять, откуда именно идетъ такое непріязненное воззрѣніе....

Свое сочиненіе кн. Щербатовъ заключаетъ мыслію о необходимости появленія государя, который своими нравственными достоинствами могъ бы противодѣйствовать общему развращенію. Кн. Щербатовъ не дожилъ, впрочемъ, до того времени, когда Александръ I осуществилъ бо́льшую часть его желаній.

Мы старались изложить взглядъ кн. Щербатова на весь ходъ исторіи русскаго общества въ XVIII столѣтіи. Взгляду этому недостаетъ глубины и цѣльности, но это недостатокъ, общій всѣмъ историческимъ воззрѣніямъ автора, и его причина заключается столько же въ самомъ свойствѣ ума историка, сколько и въ отсутствіи предварительнаго, систематическаго изученія. Взглядъ кн. Щербатова своеобразенъ и несходенъ съ господствовавшими понятіями, но онъ не былъ исключительно только ему принадлежавшимъ. Во многомъ онъ совпадаетъ съ мнѣніями другихъ его современниковъ, выражая мысли извѣстной партіи. Самая непріязненность къ Екатеринѣ и ея учрежденіямъ встрѣчается не у одного кн. Щербатова, хотя ни въ комъ она не высказывалась такъ систематически и не простиралась такъ далеко въ безусловномъ порицаніи всего, что̀ сдѣлано было этой государыней. Многія установленія Екатерины II встрѣчались осужденіемъ со стороны лицъ, не понимавшихъ или не раздѣлявшихъ ея убѣжденій. Извѣстно, какъ смотрѣло общество на основаніе Воспитательныхъ домовъ, считая зазорною службу при нихъ. Учрежденіе намѣстничествъ, перемѣны въ губернскомъ управленіи встрѣчены были также не безъ порицанія многими. Въ бумагахъ Сиверса, дѣлившаго труды Екатерины въ составленіи Губернскихъ учрежденій,

находимъ мы любопытныя подтвержденія этому. Не одинъ кн. Щербатовъ съ негодованіемъ говорилъ о «надѣланныхъ» намѣстничествахъ и о правахъ дворянскихъ и городовыхъ, *истребленныхъ*, по его выраженію. Его осужденіе исходило только, быть-можетъ, изъ другихъ, болѣе чистыхъ, если и столь же несправедливыхъ побужденій, чѣмъ осужденіе большинства лицъ, раздѣлявшихъ его мнѣніе.

Не единственнымъ защитникомъ является кн. Щербатовъ и аристократическаго начала. Голоса въ пользу аристократіи и противъ смѣшенія сословій раздавались не только въ рядахъ потомковъ Рюрика или Гедимина, — они слышались также и отъ иностранцевъ, которымъ едва ли были извѣстны, а тѣмъ менѣе понятны мѣстническіе споры древней Россіи. Любопытный примѣръ представляетъ графъ Сиверсъ, которому такъ много обязана Россія.

Сиверса всего менѣе можно заподозрить въ презрѣніи къ низшимъ сословіямъ, въ аристократической исключительности и недоступности. Онъ былъ горячій противникъ помѣщичьихъ злоупотребленій, настойчиво требовалъ отмѣны неестественныхъ отношеній между благородными землевладѣльцами и земледѣльческимъ населеніемъ. Прежде всего Сиверсъ желалъ бы видѣть въ Россіи среднее сословіе, отсутствіе котораго онъ считалъ преградою для развитія народнаго благосостоянія, для силы и могущества государства, и тѣмъ не менѣе, тотъ же Сиверсъ совѣтуетъ императрицѣ поднять значеніе высшаго дворянства. «Великая монархія не можетъ существовать безъ сильнаго дворянства, имѣющаго почетные титулы, пишетъ онъ къ Екатеринѣ II. Равенство дворянства пагубно; мы видимъ это въ Польшѣ и другихъ мѣстахъ. Почему Ваше Величество не можете раздавать званія герцоговъ, князей, графовъ, еще чаще маркизовъ, виконтовъ, бароновъ и даже баронетовъ?»

Аристократическій принципъ сроднился со всѣми политическими убѣжденіями кн. Щербатова, составляя одно изъ главнѣйшихъ ихъ основаній. Въ соединеніи съ негодованіемъ, возбуждаемымъ въ авторѣ современною безнравственностію и общимъ преклоненіемъ передъ золотымъ тельцомъ и матеріальными наслажденіями, онъ заставлялъ его съ любовію обращаться къ доброму, старому времени. Но не забудемъ, въ старинѣ прельщала кн. Щербатова прежде всего извѣстная постановка знатныхъ родовъ, завѣтная фраза: «бояре приговорили», повторявшаяся въ каждомъ важномъ правительственномъ распоряженіи. Свое сочувствіе отдавалъ онъ, по преимуществу, только той особенности государственнаго быта XVI и XVII столѣтій, вслѣдствіе которой ни геніальныя способности, ни искусство и трудолюбіе не могли дать средствъ худороднымъ людямъ перешагнуть завѣтную ступень, отдѣляющую ихъ отъ *дѣтей отецкихъ*. Ошибутся тѣ, которые будутъ объяснять въ кн. Щербатовѣ эту склонность къ старинѣ нелюбовью или непониманіемъ плановъ Петра Великаго. Эта склонность шла исключительно изъ аристократическаго начала, такъ часто оскорбляемаго въ Россіи XVIII столѣтія. Въ олигархическомъ совѣтѣ шведскаго дворянства кн. Щербатовъ почувствовалъ бы себя болѣе въ своей сферѣ, чѣмъ въ боярской думѣ царя Алексѣя Михайловича.

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ

СѢВЕРОВОСТОЧНАГО КРАЯ.

I.

Едва ли возможенъ въ настоящее время споръ о важности этнографическихъ вопросовъ для исторіи. Чѣмъ глубже проникала мысль историковъ въ изученіи минувшихъ судебъ человѣчества, чѣмъ полнѣе и многостороннѣе было это изученіе, тѣмъ ощутительнѣе становилась необходимость воспользоваться богатыми свѣдѣніями, которыя даются современнымъ состояніемъ наукъ естественныхъ. Пока на первомъ планѣ стояли событія внѣшней, политической жизни народовъ, сознаніе этой необходимости не могло возникнуть. Войны, дипломатическія сношенія, измѣненія въ сферѣ законодательной легко изучить безъ пособія естествовѣдѣнія. Даже вопросы о происхожденіи народовъ, о родствѣ ихъ между собою, такъ сильно занимавшіе умы ученыхъ прошедшихъ столѣтій, не наводили ихъ на мысль искать разрѣшенія не въ однихъ болѣе или менѣе произвольныхъ филологическихъ сличеніяхъ, не въ одномъ собраніи и сводѣ цитатъ изъ древнихъ писателей. Путемъ сравнительнаго языкознанія можно было дойти до многихъ важныхъ выводовъ, но въ то время, когда лучшіе умы мучительно напрягались надъ вопросами о происхожденіи, сравнительная филологія, какъ наука, еще не существовала. Она возникла только въ настоящее время и была результатомъ развитія тѣхъ же требованій, которыя привели къ вопросу о значеніи породъ человѣческихъ. Сравнительная филологія ведетъ въ тотъ же таинственный

міръ до-исторической древности, гдѣ одновременно совершался процессъ обособленія народностей и обособленія языковъ. Писанная исторія, лѣтописи даютъ только самыя темныя отрывочныя извѣстія объ этомъ до историческомъ періодѣ, и ограничиваясь изученіемъ одной, такъ сказать, лѣтописной исторіи, невозможно составить себѣ какое-нибудь, по возможности, вѣрное понятіе. Писанная исторія является въ народѣ только тогда, когда уже кончился этотъ образовательный процессъ, когда народъ созналъ уже себя, какъ конкретное цѣлое, отличное отъ всѣхъ другихъ народностей, когда выработались въ главныхъ своихъ основаніяхъ языкъ и неразрывно связанный съ языкомъ кругъ воззрѣнія на окружающую природу и человѣка,—когда, однимъ словомъ, сложилась и отвердѣла та форма, тотъ физическій и нравственный типъ, который до конца его существованія будетъ составлять его исключительную особенность, и когда ослабѣла, если не вполнѣ уничтожилась, память о пути, о тѣхъ измѣненіяхъ, которыми достигнутъ былъ этотъ результатъ. Отголоски, воспоминанія періода обособленій, доисторической жизни, заносятся въ лѣтопись какъ миѳъ, какъ сага или народное преданіе, внутренній смыслъ которыхъ затерянъ, быть можетъ, навсегда, хотя внѣшнія черты саги сохраняются съ религіознымъ уваженіемъ.

Однимъ изученіемъ писанной лѣтописи нельзя глубоко проникнуть въ ту темную пору исторіи; а между тѣмъ вопросъ о народахъ стоитъ на очереди, обойти его нѣтъ средствъ. Геніальный Нибуръ высказалъ мысль о необходимости этнографіи. Изслѣдованія другихъ ученыхъ надъ исторіею новыхъ европейскихъ народовъ показали всю важность племенныхъ отношеній. Скрыто отъ поверхностнаго наблюденія, но тѣмъ не менѣе глубоко-существенно значеніе борьбы разныхъ народностей, поставляемыхъ историческими обстоятельствами рядомъ одна съ другою. Вымираніе цѣлыхъ племенъ, слѣдующее за

столкновеніемъ ихъ съ другою расою, за принятіемъ ими чуждой цивилизаціи, подымаетъ странный вопросъ: не таится ли въ самой организаціи извѣстныхъ племенъ ихъ способность къ той или другой формѣ образованія? Не обозначены ли природою заранѣе предѣлы, до которыхъ можетъ достигать умственное и нравственное развитіе извѣстной породы, способность ея воспринимать только извѣстныя идеи? Не очерченъ ли заранѣе кругъ понятій, изъ котораго нѣтъ выхода тому или другому племени? Со всѣхъ сторонъ слышны голоса о необходимости глубокаго изученія природныхъ условій для возможности пониманія историческихъ судебъ какого-нибудь народа. «Природа, говоритъ одинъ изъ датскихъ ученыхъ [1]), не есть только предшественница исторіи и театръ, на которомъ совершаются судьбы человѣчества; она постоянная спутница духа, съ которымъ дѣйствуетъ въ гармоническомъ союзѣ. Человѣкъ, какъ естественное конечное существо, и человѣчество, какъ конечный организмъ, подчинены съ начала вѣковъ ея великимъ неизмѣннымъ законамъ. Она дѣйствовала до начала исторіи и можетъ пережить ее.» Изслѣдованія извѣстнаго Эдварса доказали живучесть народныхъ типовъ, много столѣтій послѣ того, какъ исчезло изъ исторіи и изъ памяти ихъ имя. Предъ пытливымъ взглядомъ опытнаго физіолога, въ обликѣ жителей нѣкоторыхъ мѣстностей Франціи, Швейцаріи и верхней Италіи открылись черты кимврской и галльской физіономій. Нужны исключительныя, едва ли попадающіяся въ дѣйствительности, условія совершеннаго истребленія извѣстнаго племени для того, чтобы совершенно уничтожился, въ занимаемой имъ странѣ, его племенной типъ, чтобы въ далекихъ, отдѣленныхъ столѣтіями, потомкахъ нельзя было узнать фа-

---

[1]) Генрихсенъ, въ его сочиненіи: Die Germanisten und die Wege der Geschichte. 1848.

мильнаго сходства съ давно забытыми предками, сходства не въ цвѣтѣ волосъ и кожи, но въ болѣе существенныхъ признакахъ, въ формѣ черепа, въ лицевомъ очертаніи. Черепъ съ кимврскаго кладбища I-го вѣка до Р. Х совершенно одинаковъ съ господствующей формою черепа населеній извѣстныхъ частей Франціи. Въ чертахъ польскаго еврея вы узнаете его родственное сходство съ тѣми плѣнниками, которыхъ влекутъ за собою Фараоны на барельефахъ луксорскихъ. Живучесть физическаго типа предполагаетъ и живучесть, хотя быть можетъ и не въ такой степени, типа нравственнаго. Соединеніе различныхъ народностей въ одинъ народъ, помѣсь различныхъ племенныхъ особей, видоизмѣненія народнаго типа и характера подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій—вопросы первой важности для историка. Чистыхъ породъ мы мало найдемъ на сценѣ исторіи. Племена, сохранившіяся отъ историческихъ примѣсей, какъ-то слабѣютъ и вымираютъ, какъ вырождаются тѣ аристократическія фамиліи, которыя допускаютъ браки, соединяясь только въ извѣстномъ ограниченномъ кругѣ. Изслѣдованіе и сколь возможно точное опредѣленіе тѣхъ этнографическихъ элементовъ, изъ которыхъ сложился извѣстный народный типъ, разложеніе этого типа на его составныя части дастъ ключъ къ уразумѣнію многихъ темныхъ сторонъ его исторіи, объяснитъ многое, что было до сихъ поръ скрыто отъ самой настойчивой пытливости. Характеръ современнаго француза рѣзко отличается отъ каждой народности, изъ соединенія которыхъ образовалась французская нація. Французъ не кельтъ, не иберъ, не германецъ и не римлянинъ, но у него въ образованіи его типа можно различить, такъ сказать, количественное вліяніе того или другаго образовательнаго элемента. Быть можетъ, не одно вліяніе изъ сферы умственной и нравственной жизни народа объяснится только помощію этнографическихъ соображеній. Народы романскаго племени упор-

но держатся за католицизмъ. Протестантство особенно крѣпко привилось къ племенамъ германо-скандинавскаго происхожденія. Однимъ вліяніемъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ трудно объяснить этотъ фактъ, точно также какъ трудно объяснить, почему краснокожія племена Сѣверной Америки вымираютъ черезъ извѣстное число поколѣній, послѣ принятія ими европейской цивилизаціи, неразлучной съ христіанствомъ. Одни племена отличаются упорствомъ въ храненіи своего народнаго типа, другія легко перерождаются и принимаютъ на себя характеристическія черты другой народности.

Особую важность пріобрѣтаютъ этнографическія изысканія примѣнительно къ исторіи русскаго народа. На громадной равнинѣ сѣверо-восточной Европы сталкивались и перемѣшивались представители самыхъ различныхъ вѣтвей человѣческаго рода. Здѣсь не было физическихъ преградъ къ ихъ смѣшенію, не было условій для замкнутаго, изолированнаго существованія, тѣхъ условій, которыми, напримѣръ, объясняется на Кавказѣ вѣковое сожительство на весьма тѣсномъ пространствѣ нѣсколькихъ различныхъ по происхожденію племенъ въ ихъ первобытной чистотѣ, со всѣми особенностями языка и быта. Равнинность способствовала здѣсь слитію, объединенію. Вопросъ былъ только въ томъ, подъ вліяніемъ какой народности совершится это объединеніе. Племя славянское встрѣчалось здѣсь и съ огромнымъ племенемъ финнскимъ, почти сплошною массою занимавшемъ весь сѣверъ и сѣверовостокъ этой равнины, и съ племенемъ монгольскаго и тюркскаго происхожденія. Ясныя историческія свидѣтельства говорятъ о временномъ пребываніи на равнинѣ европейской Россіи племенъ кельтическихъ и германо-скандинавскихъ; но если бы и не было этихъ свидѣтельствъ, изслѣдованіе языка русскаго заявило бы неопровержимыя доказательства въ пользу

тѣснаго когда-то сближенія съ ними, въ пользу обмѣна словъ и понятій. Можно прослѣдить исторически распространеніе славяно-русской народности на сѣверо-востокѣ европейской Россіи, поглощеніе этой народностію другихъ народностей; а это распространеніе русскаго племени насчетъ другихъ народностей имѣетъ всемірное историческое значеніе. Въ немъ заключается не одно количественное увеличеніе русскаго племени, не одно приращеніе его матеріальной силы, а побѣда европейской цивилизаціи надъ Востокомъ. Каждое финнское или монгольское племя, распустившееся, такъ сказать, въ русской народности, поглощенное ею, представляетъ пріобрѣтеніе для всей великой семьи народовъ европейскихъ, которымъ ввѣренъ Провидѣніемъ двойной свѣточь христіанства и образованія и которымъ предназначено идти во главѣ развитія человѣчества. Принимая въ себя чуждыя племена, претворяя ихъ въ свою плоть и кровь, русское племя клало на нихъ неизгладимую печать европеизма, открывало для нихъ возможность участія въ историческомъ движеніи народовъ европейскихъ. Въ этомъ отношеніи, Русь была тѣмъ же передовымъ бойцомъ за Европу противъ Азіи, какимъ была она, принявъ на себя первые удары страшнаго монгольскаго нашествія, грозившаго снести съ лица земли только-что образовавшіяся и еще неокрѣпшія начала европейской гражданственности. Русское племя сдержало волны азіятскихъ кочевниковъ, заставило ихъ отхлынуть назадъ и пошло вслѣдъ за отливомъ, намѣчая мечемъ и плугомъ границы Европы и Азіи, распространяя предѣлы европейской территоріи насчетъ Востока. Важное значеніе *вооруженной* борьбы Руси съ Азіей оцѣнено и признано всѣми; но великіе результаты *мирнаго* завоеванія менѣе ясны, хотя ихъ слѣдствія несравненно многозначительнѣе. Русское племя не отличалось исключительностію и нетерпимостію. Его распространеніе не

уничтожало тѣхъ племенъ, которыя встрѣчались ему на пути. Племена финнскія, насчетъ которыхъ особенно распространялась русская народность, не исчезали съ лица земли, не вымирали, приходя съ нею въ соприкосновеніе, какъ гибнутъ племена Сѣверной Америки при столкновеніи съ англосаксонскою расою, какъ вымираютъ туземцы Океаніи вслѣдствіе поселеній между ними европейцевъ. Чужеродцы не обращались въ рабовъ, не причислялись къ существамъ низшей породы, не истреблялись огнемъ и мечемъ; на памяти исторіи нѣтъ истребительныхъ стремленій русскаго племени. Процессъ слiянія совершался путемъ мирнымъ, естественнымъ. На чисто-славянской основѣ ложатся обрусѣвшія племена финнскаго и азіятскаго происхожденія, принявшія съ христіанствомъ и русскій языкъ и русскіе нравы. Тамъ, гдѣ русская народность соприкасалась съ народностью, уже рѣзко обозначенною, крѣпкою, съ племенемъ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ сознававшимъ основу своей особенности, оно и тамъ не пыталось насильственно сломать это упорное сопротивленіе. Лучшимъ доказательствомъ служатъ татарскія поселенія въ губерніяхъ Рязанской, Костромской, Виленской, Гродненской, Минской и т. д., сохранившія до сихъ поръ и свою вѣру и свои обычаи, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ облегаютъ ихъ сплошныя массы русскаго населенія. Чѣмъ дальше идемъ мы мыслію въ древнюю исторію русскаго племени, тѣмъ менѣе встрѣчаемъ слѣдовъ замкнутости, непріязненнаго воззрѣнія на племена чуждыя. Исключительность, недовѣрчивость къ иноземцамъ, сознаніе своей рѣзкой противуположности выработались уже путемъ историческимъ, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Притомъ же это недовѣрчивое воззрѣніе на чужеземцевъ и теперь обращено болѣе къ Западу, нежели къ Востоку, болѣе вслѣдствіе религіозной, чѣмъ племенной нетерпимости. И

теперь нѣмецъ, принявшій православіе, становится въ глазахъ народа русскимъ. Припоминая русскія фамиліи, принадлежащія или желающія принадлежать къ аристократіи, легко убѣдиться, что нѣмцамъ, татарамъ и грузинамъ одолжены мы большею частію знатнѣйшаго русскаго дворянства. Этою легкостью воспринниманія въ себя чуждыхъ элементовъ, способностью вбирать ихъ въ себя, переработывая все это въ свою собственную народность, какъ нельзя лучше объясняется быстрое размноженіе русскаго племени, легкое его распространеніе по необъятному пространству отъ Балтійскаго моря до Восточнаго Океана; объясняется также и то, что русское племя не есть чистое племя, а слѣдствіе соединенія различныхъ народностей, подъ условіемъ преобладанія народности славянской: что въ племени русскомъ преобладающая стихія есть стихія славянская, въ этомъ также нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Съ самаго начала русской исторіи, среди постоянной борьбы съ Востокомъ, наши предки неизмѣнно сохраняли всѣ основные признаки европейскаго происхожденія, не утратили ни одной его существенной черты. Въ этой-то крѣпости храненія европейскаго типа, среди безпрерывнаго смѣшенія съ племенами азіятскаго происхожденія, и состоитъ величайшая заслуга русскаго народа; поэтому-то каждый шагъ русскаго племени въ глубину Азіи и становился несомнѣнной побѣдой европейской гражданственности. Чуждыя племена вливались въ народность русскую подъ условіемъ принятія ими главныхъ условій народности славянской и европейской.

Другой вопросъ, видоизмѣнился ли первоначальный славянскій типъ русскаго народа отъ воспринятія имъ чуждыхъ элементовъ, или остался во всей чистотѣ? Налагая свою славяно-европейскую народность на племена чуждыя, претворяя ихъ въ себя, не подверглось ли русское племя нѣкоторому

воздѣйствію со стороны подчинившихся ему низшихъ народностей? Русскій народный типъ есть ли повтореніе общеславянскаго типа, или это есть нѣчто новое, какъ, напримѣръ, типъ француза или англичанина, въ которыхъ легко отличить преобладаніе одной изъ первичныхъ основныхъ образовательныхъ стихій, но легко также замѣтить и вліяніе остальныхъ элементовъ, а также слѣдуетъ признать и много такого, чего не отыщемъ ни въ одномъ образовательномъ элементѣ, и что было слѣдствіемъ ихъ соединенія? Едва ли можетъ быть впрочемъ сомнѣніе въ послѣднемъ. Приведемъ нѣкоторыя соображенія. Населенія губерній Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской считаются безспорно лучшими представителями чисто-великорусскаго типа. Въ губерніи Владимірской инородцы составляютъ $^1/_{541}$ часть всего населенія; въ Московской менѣе $^1/_{146}$, но и это незначительное количество чуждой примѣси состоитъ изъ пришельцевъ цыганъ и нѣмцевъ, которыхъ можно встрѣтить по всему пространству обширной Россіи, туземцовъ же не сохранилось ни малѣйшаго слѣда. Въ Ярославской губерніи инородцы составляютъ менѣе $^1/_{538}$; въ Костромской менѣе $^1/_{888}$ всего населенія; исключивъ изъ счета въ обѣихъ губерніяхъ тѣхъ же нѣмцевъ и цыганъ, а въ Костромской, сверхъ того, и татаръ, какъ поселенцевъ позднѣйшихъ, мы найдемъ въ восточной части Костромской губерніи, на границахъ съ Вятскою, небольшое число черемисъ, еще уберегшихся, благодаря своему положенію, отъ русскаго вліянія, а въ западной части Ярославской еще незначительнѣйшій остатокъ карелы, въ половину уже обрусѣвшей; все же остальное пространство 4-хъ губерній занято русскимъ населеніемъ, и притомъ такимъ, въ которомъ по преимуществу полагаютъ чистѣйшій типъ великорусскаго племени. Между тѣмъ на этой мѣстности, по единогласному свидѣтельству древнѣйшихъ русскихъ же источниковъ, сидѣ-

ли нѣкогда племена финскія, оставившія слѣды своего пребыванія въ мѣстныхъ названіяхъ урочищъ, рѣкъ и селеній. Въ русскихъ лѣтописяхъ, въ народныхъ преданіяхъ нѣтъ и слѣдовъ воспоминаній о нѣкогда бывшей борьбѣ финнскихъ туземцевъ съ славянскими насельниками, а еще менѣе о вытѣсненіи туземцевъ далѣе къ сѣверу и востоку или о ихъ истребленіи. Притомъ, вытѣсненіе могло совершиться только въ такомъ случаѣ, если бы славянскіе насельники двинулись большою, сплошною массою въ это пространство, гоня передъ собою туземныхъ обитателей края. Такое движеніе не могло пройти незамѣченнымъ, остаться безъ рѣзкаго слѣда въ народной памяти, если не въ лѣтописяхъ. Движенія сплошною массою мы не находимъ и въ позднѣйшей колонизаціи русскаго племени, совершившейся на свѣжей памяти исторіи. Итакъ, туземное населеніе этихъ 4-хъ губерній не могло быть вытѣснено, еще менѣе истреблено. Чѣмъ же объяснить это исчезновеніе? Очевидно, ничѣмъ другимъ, какъ обрусеніемъ туземцевъ, слитіемъ ихъ съ славянскими поселенцами въ одинъ народъ, а въ этомъ случаѣ нельзя не предполагать ихъ участія въ образованіи народнаго типа, существующаго теперь въ этихъ губерніяхъ.

Ни одно племя, какъ бы оно ни стояло низко относительно образованія, не можетъ вполнѣ отречься отъ своихъ естественныхъ, природныхъ свойствъ; сливаясь съ другою народностію, принимая на себя ея характеристическія особенности, оно должно въ свою очередь передать нѣкоторыя черты своего типа. Болѣе внимательное этнографическое изученіе населенія вышеприведенныхъ 4-хъ губерній должно открыть ясные слѣды воздѣйствія финнскаго элемента, его участіе въ образованіи народнаго типа. Что славянская народность, поглощая въ себя другія народности, способна въ свою очередь принимать на себя довольно сильное ихъ вліяніе, это дока-

зываетъ наблюденіе надъ населеніемъ Архангельской губерніи. За исключеніемъ крайняго сѣвера, занятаго съ одной стороны лопарями, съ другой—самоѣдами, до западной стороны, гдѣ живутъ карелы, уже частію подвергшіеся вліянію русской народности, все пространство Архангельской губерніи занято чисто русскимъ населеніемъ. Извѣстный финнологъ Кастренъ въ путевыхъ воспоминаніяхъ 1838 — 1844 годовъ, изданныхъ по смерти его г. Шифнеромъ, представляетъ намъ различныя степени обрусенія лопарей и финновъ. «Въ кругу русскихъ—говоритъ онъ о лопаряхъ, живущихъ около большой Мурманской дороги—тотчасъ узнаешь молчаливаго, угрюмаго лопаря; но, въ отношеніи къ другимъ лопарямъ, онъ уже почти русскій и владѣетъ русскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ; за отсутствіемъ своихъ пѣсенъ, онъ поетъ русскія; русскія игры, обычаи и нравы, нарядъ уже приняты имъ. Русское вліяніе оказалось въ хлопотливости, веселости, торговомъ духѣ этихъ лопарей, качествахъ несвойственныхъ тѣмъ изъ родичей, которые удалены отъ частыхъ сношеній съ русскими». Тотъ же Кастренъ опровергалъ мнѣніе о насильственномъ оттѣсненіи финскихъ поселенцевъ съ береговъ Бѣлаго моря русскими пришельцами. Въ числѣ прочихъ доказательствъ онъ приводитъ слѣдующее: «Что русскіе поселились мирно, приняли въ себя народность финскую, а не искореняли ея, то доказывается нечистотою русскаго языка архангелогородцевъ, наполненнаго финнизмомъ, и финскимъ обликомъ, безпрерывно попадающимся подъ русскою шляпою». Любопытный примѣръ этой смѣси русскихъ съ туземцами представляютъ ижемскіе поселенцы, на притѣсненія которыхъ такъ горько жалуются большеземельскіе самоѣды. Къ смѣси зырянъ и русскихъ, изъ которой образовались ижемцы, присоединились еще потомки нѣсколькихъ самоѣдскихъ семействъ, давно уже промѣнявшихъ кочевую жизнь на осѣд-

лую и породнившихся съ зырянами и русскими. Въ самомъ обликѣ отразилось вліяніе туземной примѣси, значительная степень уклоненія отъ великорусскаго племени. Еще съ большею ясностью видно вліяніе смѣшенія на юго-востокѣ. Кто не знаетъ, изъ какихъ разнородныхъ этнографическихъ элементовъ образовалось казачество на низовьяхъ Днѣпра по Дону и по Уралу? Самое имя Торковъ, Берендеевъ, Ковуевъ и другихъ племенъ тюркскаго происхожденія, жившихъ въ Кіевской губерніи, исчезли изъ памяти народной, хотя въ лѣтописи нѣтъ слѣдовъ ихъ ухода или истребленія, и многія лица малороссійскаго казачества сильно напоминаютъ собою азіятскій обликъ этихъ исчезнувшихъ народцевъ. Довольно рѣзкое отличіе великорусскаго племени отъ малорусскаго, можетъ быть, объясняется развитіемъ постороннихъ примѣсей на общей обоимъ славянской основѣ. Не даромъ же сѣверовосточная часть славянъ русскихъ рано уже начинаетъ отличаться по характеру отъ юго-западной. Не даромъ въ лѣтописяхъ давно уже замѣчены особенности въ характерѣ жителей разныхъ областей, особенности, отличающія, напримѣръ, рязанца отъ жителя области Суздальской, отъ москвича, а еще болѣе отъ смолянина или кіевлянина. Но, допуская воздѣйствіе племенъ чуждыхъ на образованіе народнаго русскаго типа, мы считаемъ дѣломъ первой важности каждое племя, частію уже поглощенное русскою народностью, изучить по возможности въ его чистотѣ, чтобы знать, что могло оно внести въ совокупность физическихъ и нравственныхъ признаковъ, составляющихъ теперь русскую народность. Этнографія инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи или нѣкогда существовавшихъ тамъ, должна обратить на себя полное вниманіе русскаго историка, точно также, какъ становится важно прослѣдить исторію разселенія русскаго племени среди племенъ чуждыхъ, ихъ первое знакомство и постепенное сближеніе. Отъ коли-

чественныхъ отношеній зависитъ сила того или другаго племеннаго вліянія, равно какъ и отъ размѣщенія разноплеменныхъ поселенцевъ относительно другъ друга.

На этотъ разъ обращаю вниманіе читателей на разселеніе русскаго племени въ Восточной Россіи, преимущественно по Волгѣ и Камѣ. На этомъ обширномъ пространствѣ поселеніе русскихъ совершилось уже на памяти исторіи. Его можно слѣдить частію по извѣстіямъ лѣтописей, частію по памятникамъ юридическимъ и по преданіямъ и воспоминаніямъ самого народа. Здѣсь, кромѣ того, до сихъ поръ еще сохранились въ большей или меньшей чистотѣ остатки туземнаго населенія, и притомъ на разныхъ степеняхъ сближенія ихъ съ русскимъ племенемъ. Въ то время, какъ одни инородческія племена живутъ еще густыми массами, въ которыя мало проникла русская колонизація, и оттого яснѣе хранятъ на себѣ физіологическія особенности своего типа, свой бытъ и память о прежнихъ вѣрованіяхъ,—другія, уже подвергшись растворяющему дѣйствію русской народности, со всѣхъ сторонъ охваченныя русскими поселеніями, являются въ отдѣльныхъ небольшихъ группахъ, раздѣленныхъ одна отъ другой широкими полосами русскихъ колонистовъ; третьи, наконецъ, представляютъ собою малочисленные осколки нѣкогда сильныхъ племенъ, остающіеся только какъ бы за тѣмъ, чтобы служить доказательствомъ ихъ существованія, обозначать предѣлы ихъ древняго распространенія.

Сѣверовосточная часть Россіи занята преимущественно племенами финскаго, монгольскаго и татарскаго происхожденія. На крайнемъ сѣверовостокѣ тянутся, простираясь далеко за предѣлы европейской Россіи, племена самоѣдскія и народы югорскіе, къ которымъ причисляютъ вогуловъ и остяковъ; въ судьбѣ этихъ народовъ, въ ихъ происхожденіи много загадочнаго. Тамъ и здѣсь являются племена, о которыхъ

спорятъ изслѣдователи, не зная къ которой изъ великихъ вѣтвей отнести ихъ. По древности обитанія, по сравнительной важности, первое мѣсто принадлежитъ племени чудскому или финскому. Самое общее названіе чрезвычайно неопредѣленно; еще неопредѣленнѣе его подраздѣленіе. Раздѣлять на племена собственно финскія, пермскія и волжскія принято извѣстнѣйшими нашими этнографами; этимъ удовлетворяется только первая потребность систематизировать, намѣтить, хотя внѣшнимъ, поверхностнымъ образомъ, раздѣльныя линіи между племенами, родственными по языку и происхожденію, какъ-нибудь сгруппировать многочисленныя вѣтви, идущія, очевидно, отъ одного корня, но разошедшіяся уже весьма далеко другъ отъ друга, принадлежащія къ одной семьѣ, но во многомъ уже различныя. Даже и въ этой внѣшней группировкѣ согласны далеко не всѣ этнографы. Болѣе точнаго опредѣленія можно ждать развѣ только отъ дальнѣйшихъ изысканій, отъ болѣе полнаго и всесторонняго изученія этого племени и занимаемой нѣкогда имъ мѣстности. Тогда, быть можетъ, нѣсколько прояснятся, хотя въ общихъ чертахъ, историческія судьбы его.

Финское или чудское племя—будемъ называть его этимъ общимъ, болѣе прочихъ принятымъ именемъ—мало чѣмъ заявило свое право на имя народа историческаго. Въ лѣтописяхъ другихъ народовъ встрѣчаются рѣдкія о немъ упоминанія. Хотя Тацитъ уже знаетъ финскія племена, и у Іорнанда находимъ даже перечисленіе главныхъ племенъ, изъ которыхъ всѣ встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ и многія существуютъ до сихъ поръ; но изъ народныхъ преданій трудно извлечь что-нибудь опредѣленное. Два пункта болѣе другихъ обозначаются въ таинственномъ сумракѣ, скрывающемъ судьбу финскаго племени. Съ одной стороны — племена нынѣшней Финляндіи, съ замѣчательнымъ развитіемъ народной поэзіи,

съ религіознымъ эпосомъ Калевалы, съ ясными остатками поэтически выработанной миѳологіи. Тонкое пониманіе сущности поэзіи слышно во всѣхъ пѣсняхъ финляндцевъ. Трудно въ болѣе граціозномъ образѣ высказать мысль объ истинномъ источникѣ поэтическаго вдохновенія, какъ высказалась она въ пѣсни о мальчикѣ и Маналайнетѣ, которую приводитъ Кастренъ въ своихъ «Reiseerinnerungen». Но какой-то глубокой, неисходною скорбью отмѣчена каждая дума финна; грусть, снѣдающая сердце, составляетъ отличительную черту его характера. Эта грусть возвышаетъ его иногда до высокаго героизма, но въ самомъ героизмѣ проглядываетъ безвѣріе въ будущность. Внутренняя созерцательность, сосредоточеніе въ самомъ себѣ — вотъ существенное отличіе финна отъ племенъ, его окружающихъ; но кто скажетъ, гдѣ таится причина этой всегдашней пасмурности, въ самой ли природѣ племени, въ историческихъ ли его обстоятельствахъ? Съ другой стороны—не менѣе загадочная страна Біармія, игравшая такую важную роль въ разсказахъ о похожденіяхъ скандинавскихъ викинговъ. Великая Пермь, украина финскаго міра, тянувшаяся отъ Бѣлаго моря до Уральскихъ горъ, не даромъ славилась въ скандинавскихъ сагахъ. Арабскіе писатели знаютъ ее также, правда, кажется, только по имени. Въ русскихъ лѣтописяхъ записаны походы туда новгородскихъ удальцовъ и мирныя торговыя сношенія съ нею великаго Новгорода. Если ничѣмъ положительно нельзя доказать дѣйствительнаго существованія сильныхъ, самостоятельныхъ князей Біармійскихъ, о которыхъ говорятъ сѣверныя саги, если разсказы о богатствахъ храмовъ Біармін, расхищенныхъ викингами, и преувеличены, тѣмъ не менѣе трудно отвергать довольно высокую степень матеріальнаго развитія, которымъ пользовалась эта страна, ея обширныя торговыя сношенія. Съ исхода IX вѣка, когда Отеръ разсказывалъ Альфреду

Великому о своемъ знакомствѣ съ біармійцами на сѣверной Двинѣ, до начала XIII столѣтія идутъ положительныя извѣстія о торговлѣ скандинавовъ съ Біармією. Св. Стефанъ Пермскій нашелъ въ Пермін богатые храмы и множество идоловъ, обвитыхъ тонкими пеленами. Извѣстіе саги о храмѣ Іомалы въ нѣкоторой степени подтверждено неоспоримымъ свидѣтельствомъ русскаго святителя. Самая форма идола, какъ описываютъ ее баснословные разсказы сагъ, сходна съ тѣми безобразными каменными изваяніями, которыя во множествѣ встрѣчаются подъ именемъ каменныхъ бабъ въ Сибири и по юго-востоку Россіи. Чаша, которую видѣли викинги на его колѣняхъ, виднѣется почти на каждой каменной бабѣ. Металлическими находками, во множествѣ отрываемыми въ предѣлахъ Пермской губернін, доказывается обширная торговля и богатство жителей. Если драгоцѣнныя вещи не носятъ на себѣ ясныхъ указаній на мѣсто и время своего происхожденія, то монеты являются на помощь изслѣдователю. Пермской губернін принадлежитъ находка древнѣйшихъ магометанскихъ монетъ, встрѣчающихся въ Россіи. Кладъ, вырытый въ 1846 г. въ имѣніи гр. Строганова, состоялъ изъ сосудовъ и монетъ, двумя съ половиною столѣтіями старше древнѣйшихъ монетъ, находимыхъ въ Россіи. Въ 1851 г. въ министерство внутреннихъ дѣлъ доставленъ былъ другой кладъ изъ южной части Пермской губернін, состоявшій изъ драгоцѣнныхъ вещей и монетъ скандинавскихъ, византійскихъ и индобактрійскихъ, начиная съ половины V вѣка и оканчивая началомъ VII столѣтія. Какимъ же путемъ образовалось это промышленное, торговое племя, это богатое государство Финское? Отвѣта на это нѣтъ въ исторіи; не узнаете объ этомъ и отъ прямыхъ потомковъ древнихъ біармійцевъ, отъ зырянъ и пермяковъ, живущихъ въ числѣ 123,000 въ предѣлахъ губерній Архангельской, Вологодской, Пермской и Вятской. Въ бѣдной

жизни выродившихся потомковъ ничто не напоминаетъ прежняго матеріальнаго благосостоянія, и, кромѣ немногихъ разсказовъ о мѣстныхъ монастыряхъ, едва ли найдемъ что-нибудь въ ихъ преданіяхъ. Остаются однѣ могилы, въ которыхъ долженъ искать отвѣта на свои вопросы пытливый изслѣдователь. Если такъ мало положительныхъ свѣдѣній объ исторіи двухъ болѣе другихъ извѣстныхъ финскихъ племенъ, что же сказать объ остальныхъ!?

Трудно опредѣлить крайніе предѣлы, до которыхъ простиралось нѣкогда финское племя. Недостатокъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ можно дополнять только болѣе или менѣе вѣроятными соображеніями. Сѣверная полоса европейской Россіи, безъ всякаго сомнѣнія, была занята финскимъ племенемъ, которое отдѣлялось отъ береговъ Ледовитаго Океана скитальческими родами лопарей и самоѣдовъ. На югъ она простиралась несравненно далѣе, чѣмъ можно судить по существующимъ теперь остаткамъ. Она принадлежала, уже по лѣтописнымъ извѣстіямъ, къ міру финскому, но она едва ли была крайнимъ предѣломъ финскаго племени по направленію къ юго-западу. По крайней мѣрѣ финскія названія мѣстностей встрѣчаются даже на правомъ берегу Днѣпра. Еще дальше шло финское племя по направленію къ юго-востоку; но здѣсь еще труднѣе обозначить даже приблизительные его предѣлы. Не говоримъ о финскомъ элементѣ въ древней Скиѳіи; не говоримъ о неразгаданномъ до сихъ поръ государствѣ Хазарскомъ, въ которомъ Френъ хочетъ доказать чудское происхожденіе жителей, и гдѣ по крайней мѣрѣ можно предположить и часть финновъ въ числѣ другихъ племенъ, составлявшихъ, подъ верховною властію турецкаго племени и Хакана еврейской вѣры, довольно странное политическое цѣлое. Новыя изысканія неожиданно представляютъ нѣкоторыя данныя замѣчательной важности. Въ 1807 г. въ двухъ се-

леніяхъ Нухинскаго уѣзда въ Закавказьѣ оказалось малочисленное племя, называющее себя удины, по языку не имѣющее никакого сходства съ извѣстными племенами Кавказа. Географическое общество, такъ неутомимо собирающее этнографическія свѣдѣнія, обратило вниманіе на это забытое племя. Послѣ напрасныхъ попытокъ объяснить языкъ удиновъ языкомъ другихъ кавказскихъ и закавказскихъ племенъ, Общество разослало словарь удинскій по губерніямъ восточной Россіи, и тогда оказалось сходство удинскихъ словъ съ словами языковъ мордвы и вотяковъ. Фактъ необыкновенно замѣчательный. Мордва одно изъ самыхъ южныхъ племенъ чисто финскихъ, сохранившихся отъ глубокой древности до нашего времени. Вотяки называютъ себя *уды*, *удъ-мурть*; послѣднее слово сложное: *мурть* значитъ человѣкъ. Племенное названіе «удъ» оказывается общимъ и для финскаго племени Вятской и Казанской губерніи, и для заброшеннаго въ Закавказьѣ неизвѣстнаго народца; но названіе удовъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ. Оно напоминаетъ собою древнее племя, упоминаемое Страбономъ, около рѣки Кумы, впадающей въ Каспійское море, и названіе многихъ мѣстностей въ Сибири: рѣку Уду, Удинское, Удскій округъ и т. д. Сходство же языка закавказскихъ удиновъ съ вотяками-удами уже и теперь можетъ быть признано и можетъ быть подтверждено дальнѣйшимъ изученіемъ и сличеніемъ обоихъ нарѣчій. Этимъ и, кромѣ того, наблюденіями надъ физическими свойствами и бытомъ удиновъ, вполнѣ можетъ быть доказано ихъ финское происхожденіе, но тѣмъ и должно ограничиться. Рѣшить вопросъ, составляютъ ли удины осколокъ нѣкогда бывшаго на Кавказѣ исконнаго населенія финновъ, или, оторванные отъ главной массы финскаго племени, они были увлечены за предѣлы Кавказа какимъ-нибудь великимъ народнымъ движеніемъ и составляютъ

остатокъ пришельцевъ среди чуждаго туземнаго населенія? этотъ вопросъ можетъ рѣшить только какая-нибудь счастливая случайность. Та и другая гипотеза можетъ одинаково оправдаться. Шли же финны подъ знаменами Аттилы, переселились же совершенно мадьяры отъ Урала въ древнюю Паннонію. Мы должны признать нѣкогда бывшее движеніе въ мірѣ финскомъ: переходы и выселенія предшествовали тому состоянію, въ которомъ находимъ мы въ настоящее время представителей этого племени. Отъ настоящаго ихъ быта далеко нельзя еще дѣлать посылокъ къ быту древнѣйшему. Современное состояніе – слѣдствіе исторіи, а памятники говорятъ о нѣкогда бывшей, сравнительно высшей степени развитія, съ которой сошли или были сведены племена восточныхъ финновъ. Далеко на юговостокъ азіятской Россіи тянулись слѣды ихъ пребыванія. Чудскія могилы, по Уралу и Алтаю, доказываютъ существованіе тамъ племени промышленнаго; чеканныя вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, остатки древнихъ копей, говорятъ о работахъ, къ которымъ неспособны племена, живущія теперь въ этихъ мѣстахъ. Въ Саянскихъ горахъ, по замѣчанію Кастрена, до сихъ поръ живутъ малыя финскія племена, окруженныя племенами монгольскими и турецкими. Въ настоящее время, въ мѣстахъ, нѣкогда несомнѣнно занятыхъ племенами финнскими, мы находимъ народы или совершенно чуждаго или смѣшаннаго происхожденія. Названіе остяковъ, которое заимствовали мы отъ татаръ-монголовъ для обозначенія народовъ Западной Сибири, точно такое же неопредѣленное названіе, какъ и названіе скиѳовъ. Какъ скифъ, остякъ значитъ также человѣкъ чуждаго, варварскаго происхожденія. Подъ этимъ общимъ неопредѣленнымъ именемъ скрываются племена совершенно различныя. Сургутскіе остяки не понимаютъ рѣчи остяковъ обдорскихъ и березовскихъ. Многіе уже приняли на себя черты и языкъ монголь-

ского племени: здѣсь, по многимъ указаніямъ, должно искать нѣкоторыхъ племенъ, уже исчезнувшихъ изъ исторіи.

За движеніемъ финскихъ племенъ отъ востока къ западу, изъ древней ихъ родины, должно признать частыя обратныя движенія нѣкоторыхъ племенъ отъ запада на востокъ. Югра исчезла изъ исторіи, ея остатковъ нѣтъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должно, по согласнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, помѣстить ея пребываніе. Югру знали новгородцы въ XI вѣкѣ. Смѣлые промышленники заходили съ товарами въ ущелья Урала и выносили оттуда полубасословныя преданія о народахъ, заключенныхъ въ каменныхъ твердыняхъ. Народное воображеніе признало въ нихъ тѣ нечистые народы, которыхъ загналъ въ горы Александръ Македонскій и до конца міра замкнулъ ихъ неразрушимыми стѣнами. Арабы также много чудныхъ разсказовъ слышали объ этомъ народѣ, когда проѣзжали къ камскимъ болгарамъ. Но рядомъ съ этими баснословными преданіями идутъ положительныя свѣдѣнія. И русскіе и болгары вели мѣновую торговлю съ Югрой: русскій лѣтописецъ и арабскіе путешественники почти въ однихъ словахъ описываютъ ее. Въ XII вѣкѣ мы видимъ Югру уже данницею новгородцевъ; югорщина или югорская дань не даромъ доставалась Новгороду. Но она получалась одною только вооруженною силою послѣ упорной борьбы съ югорскими князьями, въ которой не разъ гибли дружины новгородскія съ XII до XIV столѣтія. Въ XV вѣкѣ Югра еще не была покорена окончательно. Только овладѣвъ Новгородомъ и его владѣніями, удалось московскому государю записать въ свой титулъ имя государя югорскія земли. Въ 1485 году былъ еще большой походъ воеводъ московскихъ на Югру. Но съ тѣхъ поръ начинаетъ исчезать родовое названіе Югры. Уже въ «Большомъ Чертежѣ» XVI столѣтія, гдѣ перечислены города югорскіе, это названіе прилагалось весьма къ ограниченному про-

странству. Въ XVII столѣтіи Югра исчезаетъ совершенно. По сю сторону Урала и на Уралѣ нѣтъ и слѣдовъ ея. Осталось имя въ титулѣ русскаго императора, да память о происхожденіи отсюда воинственныхъ венгровъ. Самоѣды на сѣверѣ, вогулы на югѣ занимаютъ мѣсто, гдѣ нѣкогда обитала Югра, но то и другое племя положительно отличается отъ нея русскими, знавшими близко и тѣхъ и другихъ. У самихъ вогуловъ сохранились преданія о ихъ переселеніи съ запада къ Уралу и далѣе за Уралъ. Они могли занять мѣста, оставленныя Уграми, и слились съ остатками этого племени, тогда какъ его главная масса отодвинулась далѣе, и дѣйствительно нѣкоторые изслѣдователи въ разсѣянныхъ остяцкихъ племенахъ по Оби, Иртышу, Кондѣ видятъ потомковъ вытѣсненной съ Урала Югры.

Слѣдствіемъ всѣхъ такихъ народныхъ движеній и было появленіе тѣхъ смѣшанныхъ племенъ, которыхъ не знаютъ къ какой вѣтви отнести. Но здѣсь также трудно сказать что-нибудь достовѣрно. Оставляя въ сторонѣ племена сибирскія и древнихъ болгаръ волжскихъ и каменскихъ, укажемъ на ближайшіе примѣры. Въ XVI столѣтіи является въ первый разъ имя чувашъ въ русскихъ лѣтописяхъ; оно неизвѣстно также и восточнымъ историкамъ, хотя русскіе давно и хорошо знали повольжье, еще болѣе извѣстное мусульманскимъ писателямъ. Первое этнографическое обслѣдованіе этого племени привело къ заключенію о финскомъ происхожденіи чувашъ, изученіе языка показало въ немъ напротивъ тюркскую стихію. Какое древнее племя скрывается подъ очевидно новымъ именемъ чувашъ, объ этомъ идетъ споръ, рѣшенія котораго трудно ожидать скоро. Здѣсь по крайней мѣрѣ можно утѣшиться тѣмъ, что есть возможность рѣшенія. 429,000 чувашъ живутъ въ восточной Россіи, и какъ ни сильно подчинялись они уже вліянію христіанства и русской народности,

какъ ни затерянны воспоминанія о ихъ языческомъ бытѣ, простымъ изученіемъ можно до нѣкоторой степени возстановить первоначальный типъ. Другому загадочному племени, вѣроятно, суждено исчезнуть: не давъ отвѣта на поздніе запросы, 4,500 бесермянъ обоего пола живутъ среди вотяковъ, татаръ Вятской губерніи. Они размѣщены небольшими группами на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, какъ бы затерявшись среди вотяко-татарскихъ поселеній. До сихъ поръ они не обратили на себя вниманія этнографовъ, и уже успѣли утратить одинъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ происхожденія — языкъ. Бесермяне уже приняли христіанство или исламъ, говорятъ не-вотяцки или по-татарски, тогда какъ еще въ 1770 г. между ними было довольно шаманскихъ идолопоклонниковъ. Полтора милліона вотяковъ еще живутъ въ предѣлахъ европейской Россіи, говоря своимъ нарѣчіемъ, храня еще много въ своей памяти изъ древняго быта, а уже и теперь трудно прочесть что-нибудь въ ихъ воспоминаніяхъ, сдѣлать изъ изслѣдованія современнаго быта какіе-нибудь положительные выводы объ историческихъ судьбахъ этого таинственнаго племени.

II.

Густыми массами занимали племена финскія сѣверовостокъ европейской Россіи. Сколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ русскихъ лѣтописей, они никогда не могли составить прочнаго государственнаго организма. Множество князей финскихъ мы знаемъ по именамъ; но это были, по всей вѣроятности, или племенные старѣйшины, или предводители отдѣльныхъ дружинъ, образовавшихся вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Единственное племя, которое положительно опередило другихъ въ политическомъ развитіи, въ которомъ

замѣтны болѣе живые слѣды устройства гражданскаго — это волжскіе булгары и буртасы. Здѣсь были города съ болѣе или менѣе осѣдлымъ населеніемъ, здѣсь была центральная власть, по крайней мѣрѣ у булгаръ, торговля и т. д. Принятіе этими племенами исламизма еще болѣе сплотило эти начала гражданственности, приведя въ частыя сношенія съ калифатомъ Багдадскимъ. Къ сожалѣнію, этнографическіе элементы земли волжскихъ булгаръ и буртасовъ далеко еще не изслѣдованы. Развалины городовъ булгарскихъ большею частію уже исчезли съ лица земли. Сосѣдніе помѣщики и крестьяне разнесли камни для своихъ строеній. Вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ пошли въ плавильный горшокъ, желѣзныя и мѣдныя пропали совершенно безъ всякаго слѣда. Лѣтъ 80 тому назадъ, Рычковъ еще видѣлъ въ Билярскѣ каменный столбъ, полуразрушенный жителями, но еще имѣвшій слишкомъ 5 аршинъ высоты, и остатки другихъ зданій. Теперь не найдется ничего. Самые болгары, болѣе другихъ извѣстные, изслѣдованы поверхностно, и археологическихъ раскопокъ еще не было произведено. Буртасы оставили память только въ мѣстныхъ названіяхъ рѣки *Буртасъ* и многихъ селеній того же имени. Была ли это мордва племени мокши, какъ думаетъ Савельевъ, нужно ли искать въ новыхъ чувашахъ древнихъ буртасовъ, какъ хотѣлъ бы доказать покойный Сбоевъ, или это какое-нибудь неизвѣстное племя, не рѣшено. Принятію исламизма и сравнительно высшей степени гражданскаго развитія должно приписать бо́льшую крѣпость въ защитѣ своей самостоятельности, какую мы видимъ въ булгарахъ; и во всякомъ случаѣ ихъ нельзя сравнивать съ другими финнскими племенами, хотя безспорно, что бо́льшая часть финновъ-инородцевъ Казанской губерніи утратила подъ чуждымъ владычествомъ многое изъ своихъ народныхъ особенностей. Въ нынѣшней мордвѣ и черемисахъ трудно узнать тѣхъ своеволь-

ныхъ, необузданныхъ язычниковъ, которые такими опустошительными набѣгами мстили князьямъ русскимъ за попытку покорить ихъ, которые безпрерывными возстаніями принуждали государство Московское держать здѣсь въ сборѣ постоянное войско, долго спустя послѣ ихъ номинальнаго покоренія. Только администрація конца XVII и XVIII столѣтій придавила ихъ окончательно къ землѣ и заставила ихъ признать свою ничтожность. «Богъ не писарь — говорилъ чебоксарскій чувашъ — чтобъ его бояться.»

Юговосточная часть европейской Россіи была занята кочевыми племенами монгольскаго и турецкаго происхожденія. Съ тѣхъ поръ какъ запомнитъ исторія, на обширномъ степномъ пространствѣ отъ Каспійскаго до Чернаго морей, по нижнимъ частямъ Волги, Дона, Днѣпра и Днѣстра смѣнялась одна орда кочевниковъ другою. Уже изъ миѳическихъ преданій грековъ о скиѳахъ можно заключать, что даже эти древнѣйшія племена степей были пришлыми. Съ тѣхъ отдаленныхъ временъ Азія не переставала высылать скитальческихъ сыновъ своихъ. Слѣдить смѣну однихъ ордъ другими, также трудно, какъ и объяснить себѣ причины исчезновенія однихъ племенъ и появленіе другихъ. Новыя народныя имена безпрестанно встрѣчаются въ лѣтописяхъ; но не всегда появленіе новаго имени служитъ признакомъ появленія и новаго племени. Очень часто, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, племенами, издавна кочевавшими на необозримыхъ равнинахъ, овладѣвали порывъ, жажда дѣятельности; они соединялись, образовывали новую народность, или по крайней мѣрѣ подъ новымъ именемъ кровью и опустошеніями оставляли надолго въ памяти осѣдлыхъ народовъ слѣды своего существованія. Столь же случайно изчезали, какъ и возникали, эти неимѣющія историческаго оправданія азіатскія государства.

тавившись изъ разнородныхъ элементовъ, ничѣмъ не свя-

занныхъ въ крѣпкій политическій организмъ, они распадались потомъ на свои составныя части, готовыя при новомъ возбужденіи образовать подъ инымъ уже именемъ новыя соединенія. Видимъ постоянное движеніе въ мірѣ азіатскихъ варваровъ; но это движеніе не влечетъ за собою возникновенія новыхъ формъ быта, не есть движеніе поступательное: смѣняются имена, характеръ дѣятелей остается тотъ же. За гуннами слѣдовали авары, ихъ смѣнили хазары, печенѣги, половцы, татары. Одни изъ нихъ проходили черезъ юговосточную равнину Россіи, слѣдуя въ своемъ опустошительномъ шествіи далѣе къ западу и пытаясь основать прочныя поселенія среди народовъ германскаго происхожденія; другіе до конца своего историческаго существованія оставались въ приволжскихъ степяхъ южной Россіи, распространяя предѣлы степи насчетъ осѣдлаго славянскаго населенія. Ни одинъ изъ этихъ народовъ не создалъ для себя сколько-нибудь правильнаго государственнаго устройства, за исключеніемъ хазаръ, остающихся загадкою для исторіи. Всѣ до конца остались вѣрными основному характеру азіатскихъ кочевниковъ. Даже безсильные, мелкіе остатки кочевыхъ племенъ, вдавшіеся слишкомъ среди осѣдлаго населенія, и тѣ не отреклись отъ прежняго быта; таковы степные народцы, кочевавшіе въ южной части Кіевской губерніи, признававшіе надъ собою власть князей русскихъ. Въ памяти осѣдлаго европейскаго населенія всѣ они являются съ одинаковыми чертами. Для осѣдлаго населенія одинаково тяжело ихъ владычество. Воображеніе народное всѣмъ имъ приписывало одинакое происхожденіе, всѣхъ ихъ олицетворяло въ созданіяхъ народной фантазіи въ томъ же образѣ враждебной, темной и губительной силы. Названіе новыхъ кочевниковъ въ былинахъ, пѣсняхъ народа безразлично замѣняло всѣ имена прежнихъ ордъ. Змій, съ которымъ бьются богатыри Владиміра, точно также сближал-

ся въ народной фантазіи съ татарами, какъ и съ другими выходцами азіятскаго Востока. Даже въ лѣтописяхъ появленіе татаръ описано тѣми же чертами, какъ и первое нашествіе половцевъ. Борьба осѣдлаго славянскаго населенія съ кочевниками подала поводъ къ образованію многихъ народныхъ преданій; но нигдѣ, быть можетъ, смыслъ и ходъ борьбы не высказался въ такомъ поэтическомъ образѣ, какъ въ преданіяхъ польской Украйны. Св. Борисъ и Глѣбъ, любимые дѣти Владиміра, рожденные уже отъ христіанскаго брака кіевскаго князя съ болгарской царевной, спасаютъ осѣдлое населеніе отъ власти страшнаго змія. Мало того, покоряютъ эту страшную темную силу. Впрягши чудовище въ первый плугъ, скованный ими для земли русской, они проводятъ по степи ту исполинскую борозду, которая тянется отъ Прута до Акермана и слыветъ въ народѣ подъ именемъ то Траянова, то Змѣинаго Вала. Дѣйствительно, только христіанскіе потомки любимѣйшаго вождя дружины могли спасти осѣдлое населеніе отъ вѣчной зависимости, отъ кочевыхъ варваровъ и покорить ихъ.

Только съ появленія варяжской дружины и вслѣдъ за нею христіанства начинается первое освобожденіе славянскаго населенія, его распространеніе на сѣверъ и востокъ. До той поры разрозненныя племена славянскія, жившія подъ условіями патріархальнаго быта, были легкою добычей для каждой новой орды, явившейся изъ средней Азіи или возникшей въ степяхъ южной Россіи. Поставленныя рядомъ съ племенами финскими, стоявшими съ ними на одинаковой степени развитія, довольно близкими съ ними по формамъ быта, славянскія племена могли подвигаться нѣсколько къ сѣверу, селясь на незаселенныхъ пространствахъ, но имѣть рѣшительное вліяніе даже на племена финскія, они не были въ состояніи; предъ единственными же выходцами Азіи они оставались совершенно

беззащитны, покорно принимая налагаемыя на нихъ условія подчиненности. Съ племенами финскими находимъ ихъ рядомъ на первыхъ же страницахъ лѣтописи, и притомъ на правахъ совершенно равныхъ. Перевѣсъ данъ былъ славянскимъ племенамъ появленіемъ среди нихъ дружины варяжской. Правда, въ призваніи этой дружины одинаково участвуютъ и племена финскія; но скоро видимъ ее уже среди племенъ чисто славянскихъ, въ Кіевѣ. Дружина даетъ племенамъ славянскимъ первое условіе преобладанія, силу, происходящую изъ соединенія. Смѣшно видѣть въ Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ государей въ современномъ смыслѣ этого слова, видѣть въ ихъ дѣятельности дѣятельность государственную. Самое понятіе о государствѣ было чуждо этимъ во ждямъ сбродной дружины; тѣмъ болѣе чужды были имъ понятія объ администраціи. Но нельзя не признать ихъ великой заслуги предъ будущимъ государствомъ. Своею безпокойною дѣятельностью они расплодили русскую землю, по лѣтописному выраженію; силою оружія впервые соединили племена, жившія до сихъ поръ особо, каждый *родомъ своимъ*; сдержали степныхъ варваровъ, и мечемъ наметили границы государственной территоріи. Скоро является и другое условіе, давшее еще большій перевѣсъ племенамъ славянскимъ—христіанство. Оно давно уже извѣстно было на черноморскомъ прибрежьѣ, но быстрое его распространеніе въ глубь сѣвера было слѣдствіемъ появленія этой же дружины. Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ были варяги. Знаменитая Ольга была варяжскаго рода. И здѣсь, какъ въ великомъ дѣлѣ объединенія племенъ славянскихъ, на первомъ планѣ дружина. И не мудрено: дружинникъ скорѣе другихъ могъ отрѣшиться отъ языческихъ заблужденій. Оторванный отъ семьи, отъ племени, даже отъ извѣстной опредѣленной народности, онъ не могъ сохранить крѣпости языческаго вѣроученія, такъ тѣсно связаннаго съ

патріархальнымъ бытомъ. Въ сбродной дружинѣ точно также не могло быть опредѣленной религіи, какъ не было опредѣленной національности. Оттого-то нѣтъ слѣдовъ скандинавской миѳологіи на Руси, хотя варяжская дружина пришла безспорно съ скандинавскаго сѣвера и господствующій элементъ въ ней, по крайней мѣрѣ при ея первомъ появленіи, былъ скандинавогерманскій. Оттого-то Владиміру такъ легко было понять несостоятельность языческаго вѣроученія и отречься отъ него. Въ сагѣ Олава святаго находится любопытное доказательство утраты вѣры Владиміромъ въ то еще время, когда онъ еще точно исполнялъ всѣ обряды языческаго богослуженія, впрочемъ свойственное не одной только варяжской дружинѣ въ Россіи. Всѣмъ извѣстно, съ какою легкостію принимали христіанство германскія дружины и съ какимъ трудомъ проникло оно въ племена, остававшіяся на мѣстахъ прежняго жительства, подъ условіями древняго быта. Недаромъ въ народѣ русскомъ еще въ XII вѣкѣ ходило убѣжденіе, что вѣнчаться по христіанскимъ обрядамъ нужно только боярамъ, т. е. старшимъ членамъ дружины, а что простой народъ можетъ довольствоваться прежними языческими обрядами, обливаніемъ и т. п.

Одновременное почти появленіе на берегахъ Днѣпра варяжской дружины, пришедшей съ сѣвера, и христіанства вывело племена славянъ восточныхъ на новый путь. Обладая двойною силою матеріальнаго и духовнаго соединенія начали они наступательное движеніе въ глубь племенъ чуждыхъ, и чѣмъ крѣпче становилось это внутреннее единство, чѣмъ болѣе уступали формы древняго патріархальнаго быта новымъ формамъ государственнымъ, чѣмъ глубже проникало христіанство въ народное сознаніе, тѣмъ успѣшнѣе было это распространеніе славянскаго племени и тѣмъ многозначительнѣе становились его результаты. Послѣднее изверженіе азіятскихъ кочевниковъ изъ глубины Востока, на время сдержавъ его, не могло

однакоже остановить его навсегда. Внутреннее развитіе государственныхъ стремленій и христіанство не были сокрушены монголами, а, одолѣвъ это послѣднее напряженіе азіятскаго міра, Русь, представительница христіанской Европы, тѣмъ быстрѣе пошла къ окончательной побѣдѣ. По самому свойству своему, дружина не могла оставаться въ бездѣйствіи. Уже первый ея предводитель, Рюрикъ, не остался въ Новгородѣ. По народнымъ преданіямъ, онъ погибъ въ Карелѣ. При Владимірѣ, всѣ племена славянъ восточныхъ признали уже власть князя Кіевскаго, служили одной волѣ, которая могла двинуть ихъ силы по извѣстному направленію. Но въ какую же сторону могли быть они направлены, куда обратится наступательное движеніе соединенныхъ племенъ? Первое движеніе дружины варяжской, располагавшей судьбою славянъ восточныхъ, было къ той же завѣтной цѣли, которая такъ неодолимо влекла къ себѣ всѣ дружины, къ Римской имперіи, т. е. къ восточной ея половинѣ, еще уцѣлѣвшей отъ варварскаго погрома. Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ рвутся къ Византіи. Но Византійская имперія располагала еще огромными средствами. Примѣръ Святослава лучше всего доказалъ это. Отъ Византіи, кромѣ того, отдѣляли Русь степныя низовья Днѣпра и береговъ Чернаго моря — вѣковой притонъ азіятскихъ кочевниковъ. Не было возможности ни покорить эти скитающіяся орды и очистить свободное сообщеніе съ Греціею, ни сорвать съ почвы всѣ осѣдлыя земледѣльческія племена русскихъ славянъ, чтобы всею массою двинуть ихъ на Византію. Переселенія осѣдлыхъ племенъ цѣлыми массами совершаются только подъ условіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, а этихъ обстоятельствъ не было. Отдѣльнымъ же дружинамъ не сломить было Восточной имперіи, хотя бы въ челѣ дружины стоялъ Святославъ. Дружины князей кіевскихъ изъ своихъ походовъ въ Грецію вынесли одно сокровище — христіанство.

На юго-западѣ также было сильное препятствіе наступательному движенію славянъ русскихъ. Тамъ были государства Польское и Венгерское, уже болѣе крѣпкія въ своемъ политическомъ составѣ и притомъ опиравшіяся на католическую Германію. Оставался просторъ и свобода дѣйствія по направленію къ сѣверу и сѣверовостоку, потому что открытыя безлѣсныя степи юговостока Россіи не могли манить къ себѣ земледѣльческое населеніе: тамъ никогда не было полной безопасности отъ кочевниковъ. Области Черниговская, Переяславская, Курская всегда были подвержены частымъ набѣгамъ степныхъ варваровъ. Совсѣмъ иное было на сѣверовостокѣ: въ области верхней Волги, въ области Ростова и Суздаля финскія племена, жившія тутъ давно, были въ тѣсной связи съ славянами. По всей вѣроятности, ростовская меря, вмѣстѣ съ новгородскими славянами, призвала князей варяжскихъ, по крайней мѣрѣ тамъ мы находимъ уже посадника Рюрикова. При обширности области, при ея малонаселенности, здѣсь было мѣсто для русскихъ поселенцевъ. Сюда обратился первый притокъ русскаго населенія. Заселенія областей, строеніе городовъ было одною изъ первыхъ заботъ князей русскихъ. Всѣ они чувствовали, что это одно изъ первыхъ условій силы и безопасности. Всѣми силами поэтому старались князья русскіе привлекать населеніе въ свои волости. Василько Ростиславичъ мечталъ даже силою переселить въ свою область болгаръ дунайскихъ. Знаменитый Даніилъ Романовичъ привилегіями привлекалъ въ Галицкое княжество переселенцевъ изъ сосѣднихъ западныхъ государствъ, даже евреевъ, армянъ и т. д. Тѣмъ болѣе должны были заботиться о привлеченіи переселенцевъ князья, которымъ доставалось владѣть землею Ростовскою. Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій преимущественно отличались этимъ сравненіемъ. Извѣстна привязанность Андрея Боголюбскаго къ бѣдной области Ростовской.

Для новаго Владиміра Клязьменскаго онъ пренебрегъ старѣйшимъ городомъ, матерью городовъ русскихъ, Кіевомъ. Охотно шли сюда жители другихъ княжествъ. Правда, природа верхняго Поволжья, средняго и нижняго теченія Оки бѣднѣе природы Малороссіи; но другія выгоды уравнивали положеніе земли Ростовской: сюда не достигали набѣги половцевъ, или литовцевъ. Въ теченіи 173 лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти Ярослава Владиміровича, однихъ большихъ половецкихъ набѣговъ было 37, а они были часты на югѣ. За далекую волость шло мало усобицъ. Князья тѣснились быстро къ Кіеву, бились за право владѣть Переяславлемъ, Туровомъ, Владиміромъ-Волынскимъ, и съ презрѣніемъ смотрѣли на одинъ изъ младшихъ столовъ на Руси. Умная распорядительность князей суздальскихъ довершила остальное. Въ первой четверти XIII вѣка, въ княжествѣ Суздальскомъ считалось уже 20 городовъ. Здѣсь сбиралось русское населеніе, мѣшалось съ финнскими туземцами, подчинившимися съ принятіемъ христіанства сильному вліянію русской народности. Когда Кіевъ окончательно утратилъ свое значеніе послѣ татарскаго разгрома, княжество Владимірское сдѣлалось главнымъ среди другихъ княженій. Перенесеніе митрополіи еще болѣе придало значенія, перенеся съ югозапада на сѣверовостокъ центръ духовнаго управленія; и когда около Москвы начали сосредоточиваться всѣ области сѣверовосточной Руси, то отсюда началось дальнѣйшее распространеніе русской колонизаціи. Поселеніе русскаго населенія въ Ростовской землѣ среди мери и другихъ финнскихъ племенъ шло путемъ мирнымъ. По крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ мы не находимъ извѣстій о насильственномъ покореніи туземцевъ. Оружіемъ открывалась дорога русской колонизаціи внизъ по теченію Волги, и то впрочемъ строеніе Костромы, Юрьевца-Поволжскаго и даже Нижняго, городовъ, поставленныхъ на главныхъ изгибахъ рѣки и при впаденіи въ нее зна-

чительныхъ притоковъ, обошлось безъ особенныхъ усилій. Здѣсь при дальнѣйшемъ распространеніи грозило сильное сопротивленіе въ мусульманскомъ царствѣ волжскихъ булгаръ. По всей вѣроятности, это сопротивленіе было бы сломлено, но татары, предъ которыми пали и булгары и Владиміръ-Князь-менскій, остановили дальнѣйшее распространеніе русскихъ племенъ къ востоку внизъ по Волгѣ.

Еще прежде, чѣмъ путемъ мирнаго населенія заняли русскіе колонисты землю Ростовскую, открывались оружіемъ другіе пути по сѣверовостоку для русскихъ поселеній. Въ землю Ростовскую шли поселенцы изъ южныхъ княжествъ, на Сѣверную Двину, на Вятку, на Каму и ихъ притоки шли промышленники изъ Новгорода Великаго, и мы должны обратить вниманіе на разселеніе изъ этой мѣстности, потому что оно носитъ нѣсколько иной характеръ. Страна, простирающаяся по ту сторону уваловъ, въ Заволочьѣ, область Сѣверной Двины, Камы и ея притоковъ, очевидно, не могла представлять тѣхъ удобствъ для земледѣльческихъ поселеній, какія представляла область верхней Волги, Ростова. Необозримые лѣса тянутся и теперь еще отъ сѣверныхъ частей Костромской губерніи къ Бѣлому морю, по тундрамъ береговъ Сѣвернаго океана съ одной стороны; на востокъ—къ Уралу, съ другой. Въ земледѣліи не могъ найти поселенецъ обезпеченія своихъ потребностей. Звѣроловныя финнскія племена вели бродячую жизнь въ дремучихъ лѣсахъ или жили небольшими поселеніями по берегамъ рѣкъ. Въ ихъ характерѣ было болѣе дикости, чѣмъ въ тѣхъ народцахъ, которые жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ славянами. Пермяки, вогулы, югра не отличались уступчивостію. Безнаказанно они не допускали селиться между собою чужеродцамъ; мѣсто между ними должно было добыть съ оружіемъ въ рукахъ. Сюда впрочемъ шли и русскіе изъ иной мѣстности и не съ тѣми цѣлями, съ ка-

кими стекалось русское населеніе въ области верхней Волги. Сюда манило богатство пушныхъ товаровъ, которые дорогой цѣной сбывались иностраннымъ торговцамъ; отсюда шло серебро закамское. Мѣха сѣверной Россіи одинаково славились и на Западѣ и на Востокѣ, за ними пріѣзжали арабскіе купцы въ Итиль и Булгары на Волгѣ. Ихъ требовали отъ новгородцевъ ганзейцы. Не мудрено, что рано уже установились сношенія съ страной, доставлявшей такой цѣнный и сильно требующійся предметъ торговли. Съ X вѣка вели мѣновую торговлю съ югрой булгары. Въ XI вѣкѣ имѣемъ разсказъ о югрѣ новгородца, посылавшаго своего отрока на Уралъ для мѣновой торговли съ нею. Рано находимъ мы Заволочье и заволочскую чудь подъ властію Новгорода, рано находимъ и прочныя поселенія новгородцевъ далеко по сѣверовостоку. Въ характерѣ новгородцевъ были всѣ условія для отважныхъ, рисковыхъ предпріятій. Мѣстное положеніе способствовало развитію духа предпріимчивости въ новгородскомъ населеніи и указало на торговлю, какъ на главное занятіе. Вслѣдствіе особыхъ историческихъ обстоятельствъ, которыя извѣстны каждому, въ Новгородѣ выработалось политическое устройство, развивавшее личную самостоятельность гражданъ Подлѣ власти князя, безпрестанно смѣнявшагося и потому ничѣмъ особенно не привязаннаго къ Новгороду, кромѣ временныхъ и личныхъ выгодъ, подлѣ этой власти стояла другая власть, ее ограничивавшая, именно власть вѣча и народнаго сановника — посадника. Неопредѣленное отношеніе двухъ властей, очевидно, враждебныхъ другъ другу, отсутствіе правильныхъ всѣми признанныхъ формъ правленія, полная возможность для вскрытія самыхъ противоположныхъ явленій, произволъ, которому давалось широкое мѣсто въ отправленіи общественныхъ дѣлъ, все это подавало безпрестанные поводы къ столкновеніямъ въ городѣ. Конецъ вооружался на другой, одна

улица шла грабить другую. Противъ одного вѣча собиралось также законно другое. Въ этихъ смутахъ, если воспитывалось своеволіе, то воспитывалась также и энергія. Неробкое сердце долженъ былъ имѣть тотъ, кто осмѣливался противорѣчить большинству на вѣчѣ, потому что голосъ меньшинства часто смолкалъ на днѣ Волхова. Промышленныя и торговыя предпріятія новгородцевъ должны были отличаться смѣлостію, если не правильностію и обдуманностію. Колонистъ новгородскій шелъ съ оружіемъ, а не съ плугомъ, готовъ былъ тотчасъ обратиться въ завоевателя, а подчасъ — грабителя. Вѣче и исполнительная власть не могли руководить предпріятіями. Толпы новгородской молодежи шли часто «безъ новгородскаго слова» искать приключеній и истратить на чужой сторонѣ избытокъ силъ. Каковы были эти искатели приключеній, лучше всего видно изъ лѣтописныхъ разсказовъ объ «ушкуйникахъ» XIV столѣтія. Ушкуями назывались лодки, на которыхъ разбойничали новгородцы по рѣкамъ. Ушкуйники отправлялись обыкновенно внизъ по Волгѣ грабить города болгарскіе, перехватывать купеческіе караваны, шедшіе изъ Каспійскаго моря къ Сараю или Булгарамъ. Мусульмане подвергались обыкновенно смерти, но при случаѣ мало щадили и купцовъ христіанскихъ. Города русскіе также не всегда бывали безопасны отъ ихъ нападеній. Такъ, въ 1371 году, ушкуйники разграбили Кострому и Ярославль. Въ 1375 году, они явились на 70 ушкуяхъ снова подъ Костромою подъ начальствомъ какого-то Прокопа. Воевода костромскій вышелъ противъ разбойниковъ съ 5,000 человѣкъ, но 1,500 ушкуйниковъ разбили на-голову воеводу, ворвались въ городъ и грабили его цѣлую недѣлю; потомъ поплыли къ Нижнему-Новгороду, ограбили и сожгли его; въ Булгарахъ продали мусульманскимъ купцамъ женщинъ, захваченныхъ въ Костромѣ и Нижнемъ, спустились къ Сараю и дошли до самой Астрахани,

грабя все, что попадалось имъ на пути. Только владѣльцу Астрахани удалось обманомъ перебить ихъ. И все это дѣлалось безъ «новгородскаго слова».

Понятно, какой характеръ должно было носить появленіе такихъ поселенцевъ среди полудикихъ зырянъ, вотяковъ и вогуловъ. Какъ образовались новгородскія поселенія, всего лучше даетъ понятіе разсказъ хлыновской лѣтописи объ основаніи Хлынова или Вятки. Въ 1170 году, новгородская вольница спустилась по Волгѣ и утвердилась городкомъ на устьѣ Камы. Отсюда высматривали они, куда отправиться. Услыхавъ о поселеніи чуди на Вяткѣ, они раздѣлились на двѣ партіи. Одна половина пошла по Камѣ и доходила до Чусовскихъ мѣстъ; другая осталась въ городкѣ, перебралась потомъ въ Ченцу и по ней спустилась въ Вятку. Здѣсь на высокой горѣ завидѣла она чудскій городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ; приготовившись постомъ и молитвою и давъ обѣтъ, въ случаѣ побѣды, выстроить церковь во имя Бориса и Глѣба, удальцы взяли приступомъ чудскій городокъ, переименовали въ градъ Никулицынъ, поставили по обѣщанію церковь и поселились тамъ. Скоро объ ихъ удачѣ дошло и до товарищей ихъ, оставшихся на устьѣ Камы. Тѣ рѣшились, въ въ свою очередь, попробовать счастья. Поднявшись по-Камѣ, они вошли въ устье Вятки и плыли вверхъ по ней до черемисскихъ жилищъ и до городка Кокшарова, которымъ владѣли черемисы. Молитва Бориса и Глѣба помогла и имъ. На другой день приступа черемисы выбѣжали изъ городка и покорились. Новгородцы прочно утвердились среди вотяковъ и черемисовъ. Но постоянная опасность заставила обѣ части поселенцевъ подумать о выгодахъ общаго поселенія. Посланцы изъ Никулицына и Кокшарова сошлись и общимъ совѣтомъ выбрали мѣсто на высокой горѣ, близъ впаденія въ Вятку рѣки Хлыновицы. Здѣсь рѣшено было срубить городъ, но чудо ука-

зало другое мѣсто, ниже перваго, на самой Вяткѣ. Здѣсь и былъ основанъ Хлыновъ. Такъ образовалось первое поселеніе русскихъ на великой рѣкѣ вотяцкой. Буйство и своеволіе новгородской вольницы надолго остались въ характерѣ вятчанъ. Не признавая зависимости отъ митрополіи, только по имени признавая власть и сильныхъ государей московскихъ, Вятка управлялась своимъ ватаманомъ и выборнымъ, служила постояннымъ притономъ для бѣглецовъ со всей Руси: «servorum fugitivorum velut asylum quoddam», какъ говоритъ Герберштейнъ. Чѣмъ была Тмутаракань для князей старой южной Руси, тѣмъ становилась Вятка для князей сѣверной Руси. Вятская вольница отзывалась на призывъ каждаго, кто сулилъ ей добычу и деньги. Извѣстно участіе вятчанъ въ борьбѣ Шемяки съ Василіемъ Темнымъ. Какъ совершилось заселеніе Хлынова, такъ совершалось и поселеніе на другихъ мѣстахъ. Безпрестанно Новгородъ высылалъ свою молодежь къ Уральскому хребту для сбора дани съ инородцевъ, для приведенія подъ руку Великаго Новгорода новыхъ данниковъ. Къ сѣверовостоку же стремились водными путями, или пробираясь черезъ лѣса, промышленныя ватаги; сюда же шли ватаги вольницы. Тѣ и другія одинаково распространяли предѣлы русскаго племени и одинаково открывали новыя пути для болѣе мирнаго, осѣдлаго населенія, для христіанства и тѣсно связанныхъ съ христіанствомъ высшихъ формъ быта. Одновременно съ появленіемъ русскихъ на рѣкѣ вотяцкой или даже нѣсколько ранѣе, видимъ вооруженныя экспедиціи новгородцевъ на самомъ Уралѣ. Въ 1193 году, оружіемъ усмиряетъ Новгородъ своихъ пермскихъ и югорскихъ данниковъ. Шесть лѣтъ спустя, мы читаемъ въ лѣтописи новгородской извѣстіе о новомъ несчастномъ походѣ. Воевода Ядрей повелъ войско съ цѣлію овладѣть пермскими и югорскими городками. Измѣнникъ Савко подалъ мысль югорскимъ

князьямъ обманомъ заманить къ себѣ лучшихъ мужей новгородскихъ и перебить ихъ. Только 6 недѣль были новгородцы въ Югрѣ, и два года продолжалась экспедиція. Большая часть ихъ была перебита югорцами, только 80 человѣкъ воротились въ Новгородъ, перенеся не даромъ неслыханныя бѣдствія, «и не бяше вѣсти черезъ всю зиму въ Новѣгородѣ на нѣ, ни на живы ни на мьртвы, и печаловахуся въ Новѣгородѣ князь и владыки и вьсь Новгородъ». Такой же характеръ имѣютъ и другія экспедиціи; и изъ этого видно, что разсказы о покоренія Перміи Новгородомъ должно принимать съ большою осторожностью. Имена пермскихъ князей хорошо извѣстны. Они сохранили свою самостоятельность даже и по принятіи христіанства. До самаго XV столѣтія мы видимъ частые походы новгородцевъ для усмиренія иноплеменниковъ. Рѣдкія наши поселенія не должны были въ своихъ острожкахъ безпрерывно отбиваться отъ набѣговъ полудикихъ звѣролововъ. Новгородъ дорожилъ своимъ моментальнымъ владѣніемъ только для торговыхъ цѣлей, только какъ средствомъ получать оттуда закамское серебро и дорогіе мѣха. Въ послѣднее время самостоятельности Новгорода, князь Иванъ московскій отправилъ въ 1472 году Ѳедора Пестраго съ войскомъ для приведенія Перміи подъ свою высокую руку. Рать московская пришла къ рѣкѣ Черной, спустилась на плотахъ до Айфаловскаго города; тамъ сѣли на коней и пошли къ Искору. Здѣсь встрѣтило ее пермское ополченіе. Имена воеводъ пермскихъ достаточно показываютъ, изъ кого состояло это ополченіе. Ихъ звали Качъ, Бурматъ, Мичкинъ и Зынаръ. Уросъ и Чердынь были взяты московскимъ воеводою. Христіанскій князь пермскій Михайла былъ отосланъ въ Москву. Но потомъ мы все-таки находимъ въ лѣтописяхъ вотчича Великія Перміи князя Матѳія Михайловича, къ которому сохранилось посланіе Симона митрополита. Только въ 1505 г. сведенъ былъ этотъ

послѣдній туземный владѣлецъ Перміи, и посланъ туда великокняжескій намѣстникъ князь Василій Андреевичъ Коверъ, «первый отъ русскихъ князей», по замѣчанію лѣтописи.

Очевидно, заселенію Перміи должно было предшествовать болѣе сплошное населеніе земель ближайшихъ по рѣкамъ Югу, верховьямъ Сѣверной Двины, Вычегдѣ и Вяткѣ. Татарское нашествіе, остановивъ распространеніе русскаго племени на востокъ, внизъ по теченію Волги изъ области Ростовской, содѣйствовало заселенію сѣверовосточныхъ лѣсовъ, куда не достигали татарскіе набѣги. Спасаясь отъ татарскихъ опустошеній, отъ ханскихъ баскаковъ и численниковъ, отъ поголовной переписи, земледѣльческое населеніе Средней Руси стремилось по путямъ, проложеннымъ промышленными и разбойничьими ватагами Новгородцевъ. Въ лѣсахъ сѣверовосточной части европейской Россіи искали убѣжища и люди благочестивые, глубоко пораженные униженіемъ христіанской Руси предъ языческими выходцами Азіи. Замѣтимъ особенность русскихъ поселеній: какимъ бы путемъ ни возникали поселенія, первымъ дѣломъ было строеніе церквей и монастырей. Такъ было при взятіи Новгородскою вольницею Чудьболванскаго и Кокшарскаго городковъ, такъ было повсюду. Распространеніе христіанства всегда шло рука-объ-руку съ распространеніемъ русскаго племени. Монастырь и острожекъ—вотъ два постоянные центра, около которыхъ начинаетъ собираться мирное, осѣдлое населеніе на сѣверовостокѣ. Если въ бо́льшей части случаевъ оружіе прокладывало христіанству путь въ глубину неизвѣданнаго еще Востока, то часто случалось и обратное явленіе: проповѣдь Евангелія приготовляла побѣду русскаго владычества, христіанскій подвижникъ являлся прежде самыхъ первыхъ поселенцевъ. Значеніе монастырей въ великомъ дѣлѣ распространенія русской народности и гражданственности должно быть оцѣнено по заслугамъ. Къ благочестивому пустын-

нику, поселившемуся гдѣ-нибудь въ пещерѣ или даже, какъ знаемъ о св. Павлѣ Комельскомъ, въ дуплѣ большаго дерева, начинала сходиться братія; являлась потребность храма для отправленія богослуженія, потребность обезпечить пустынножителей, и старцы слали къ великому князю просьбу о разрѣшеніи имъ строить монастырь на пустомъ мѣстѣ, въ дикомъ лѣсу, пашни пахать и созывать братію. Монастырь становился центромъ небольшаго земледѣльческаго поселенія. Въ стѣнахъ его находили защиту и отдыхъ торговцы и промышленники; въ посадѣ, пріютившемся подъ его стѣнами, открывался торгъ. Вклады *по душѣ* увеличивали земельное владѣніе иноковъ. Монастырь становился вотчинникомъ и сзывалъ со всей Руси охотниковъ селиться на его земляхъ. Какъ понимали и тогда естественныя слѣдствія основанія монастырей, видно изъ того, какъ вооружались иногда буйные сосѣди противъ ихъ построенія. Терпя между собой отдѣльныхъ христіанскихъ подвижниковъ, они разрушали вновь возникавшія обители. Въ житіяхъ св. Димитрія Прилуцкаго, св. Стефана Махрищскаго находимъ ясные примѣры этого. Если бы кто потрудился собрать изъ рукописныхъ сборниковъ житій и чудесъ русскихъ угодниковъ многочисленныя, разсѣянныя тамъ указанія на это вліяніе монастырей русскихъ на распространеніе первыхъ началъ гражданственности, тотъ оказалъ бы большую услугу русской исторіи, не говоря уже о томъ, что новое раскрытіе этой стороны русскаго подвижничества необыкновенно важно для исторіи русской церкви. Въ житіяхъ же русскихъ святыхъ можно найти и лучшія указанія на первыя трудности поселенія среди чуждыхъ племенъ, на борьбу съ природой, на исторію первыхъ колонистовъ, на состояніе страны въ эпоху ихъ поселеній. Припомню разсказы о дѣятельности иноковъ Соловецкой обители, объ ихъ плаваніяхъ по Бѣлому морю, которые такъ часто встрѣчаются въ житіяхъ и похвалахъ Зосимы и Савватія.

Проповѣдь св. Стефана Пермскаго, распространеніе имъ евангельскаго ученія между зырянами и пермяками, быть можетъ, не менѣе новгородскихъ походовъ, содѣйствовали легкому поселенію здѣсь русскаго племени. Мы знаемъ, что присоединеніе великой Перміи къ міру христіанскому совершилось задолго до окончательнаго ея присоединенія къ областямъ русскимъ. Правительство мало имѣло участія въ заселеніи столь далекихъ странъ. Своевольныя поселенія новгородской вольницы, появленіе христіанскихъ обителей предшествовали заселенію правительства. Правительство часто было не въ силахъ дать защиту поселенцамъ, которые, по господствующимъ понятіямъ, занимая пустопорожнія земли, или отнимая ихъ у инородцевъ, тѣмъ не менѣе нуждались въ подтвержденіи правъ на владѣніе, со стороны правительства, потому что незаселенныя земли считались собственностію государства. Дѣйствіе правительства ограничивалось признаніемъ правъ поселенцевъ на владѣніе занятыми ими землями, подъ условіемъ отправленія извѣстныхъ повинностей, уступкою имъ земель, въ пустѣ лежащихъ, и дачею нѣкоторыхъ льготъ поселенцамъ. Заботиться о населеніи, о защитѣ этихъ земель, было уже дѣломъ самихъ владѣльцевъ. Самыя права на владѣніе не были опредѣлены, потому что не выработались еще сословныя различія. Подъ 1371 годомъ читаемъ въ Нижегородскомъ лѣтописцѣ: «Въ то же время въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ гость Тарасъ Петровъ сынъ; больше сего изъ гостей не было; откупилъ онъ полону множество всякихъ чиновъ людей своею казною и купилъ онъ себѣ вотчины у великаго князя за Кудьмою рѣкою, на рѣчкѣ Сундовакѣ, шесть селъ.» Уступка земель, считавшихся государственными, производилась на неопредѣленныхъ показаніяхъ объ ея протяженіи, сдѣланныхъ желавшимъ получить ее. Въ первой грамотѣ, данной Григорію Строганову, въ 1588 г., читаемъ: «Сказывалъ (Григорій), что-де въ нашей

вотчинѣ, ниже Великія Перми за 88 верстъ по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы съ устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую-де сторону Камы, противъ Пускорскіе Курьи, по обѣ стороны Камы, до Чусовыя рѣчки мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустые, а всего-де того пустого мѣста 146 верстъ;» — и, на основаніи этого, «сказывалъ», уступалось Строгановымъ огромное пространство, съ правомъ суда и съ обязанностію самимъ населять и защищать его. Домашними средствами сдерживали именитые люди возстаніе сосѣднихъ племенъ и прокладывали торговые пути въ глубину Сибири. Зная, въ какомъ невѣдѣніи находилось правительство, даже въ половинѣ XVIII вѣка, относительно положенія отдаленныхъ мѣстностей, относительно числа и состава народонаселенія, мы не будемъ удивляться этому безсилію центральной власти, ея малому участію въ дѣлѣ заселенія русскими выходцами земель инородческихъ. Болѣе прямое вмѣшательство правительства началось съ уничтоженія самостоятельности татарскихъ царствъ на берегахъ Волги. Здѣсь это вмѣшательство вынуждено было необходимостію обезопасить владычество новыми пріобрѣтеніями. Считаю излишнимъ припоминать главные моменты борьбы государей Московскихъ съ татарами. Они хорошо извѣстны жителямъ Казани. Укажу только на слѣдствія и на особый характеръ русскихъ поселеній. По Сѣверной Двинѣ, Вяткѣ, верховьямъ Камы, по Чусовой и т. д., русское племя встрѣчалось съ бродячими, звѣроловными племенами финнскими, поклонниками грубаго язычества. Только немногіе городки останавливали наступательныя движенія русскихъ поселенцевъ. Разрозненные роды легко уступали мѣсто новымъ пришельцамъ. Вотяки были отодвинуты хлыновцами далѣе къ востоку, къ самымъ верховьямъ Вятки. Пермяки, разрѣзанные поселеніями по Камѣ, также удалились далѣе къ востоку, за Уралъ, или должны были при-

знать зависимость отъ русскихъ. Вогулы постепенно шли къ востоку, уступая мѣсто русскимъ промышленникамъ, и главныя массы ихъ племени перебрались за Уралъ, куда еще прежде ихъ перешло племя югорское. Подвижность племенъ финскихъ значительно облегчала дѣло колонизаціи. Съ другой стороны, язычество этихъ племенъ не могло оказывать сильнаго сопротивленія христіанству. Смутныя понятія о божествѣ и природѣ, отсутствіе выработаннаго культа условливали легкую побѣду христіанской религіи надъ дѣтскими вѣрованіями туземцевъ. Зыряне и пермяки скоро узнаютъ евангельскую истину и тѣмъ самымъ дѣлаютъ огромный шагъ къ слитію съ племенемъ русскимъ. Область Вятки и верхней Камы покрывается сплошнымъ русскимъ и значительно обрусѣвшимъ христіанскимъ населеніемъ. Болѣе густыя массы вотяковъ упорнѣе другихъ отстаиваютъ свою народность и вѣрованія, потому что уже примыкаютъ къ областямъ Казанскаго царства. Съ инымъ характеромъ являются племена, признававшія надъ собою верховную власть Казанскаго царя, племена по среднему теченію Волги, до ея крутаго поворота на югъ у Самарской луки. Правда, Волга давала могущественное орудіе для покоренія всего Приволжья. Оттого быстрымъ и неминуемымъ слѣдствіемъ паденія Казани было покореніе Астрахани. Но трудность состояла преимущественно въ подчиненіи племенъ средней Волги вліянію русской народности и русской гражданственности. Вглядываясь въ этнографическую карту Россіи, мы видимъ, что тамъ, гдѣ Волга поворачиваетъ въ степи, въ старыхъ кочевьяхъ Золотой Орды, русское населеніе лежитъ болѣе сплошными массами, оттѣснивъ подвижныя орды кочевниковъ далеко къ востоку и юговостоку. По среднему же ея теченію, въ губерніяхъ Казанской, южной части Вятской, Пензенской, Симбирской и къ востоку, въ Оренбургской, живутъ въ большей [illegible]ей чистотѣ отъ русской примѣси племена финнскаго и

монгольскаго происхожденій: черемисы, чуваши, мордва, татары, башкиры, мещеряки. Причины этому должно искать въ особенномъ положеніи этихъ племенъ. Прежде всего, это уже племена или вполнѣ земледѣльческія, или по крайней мѣрѣ вполовину уже осѣдлыя. За исключеніемъ мещеряковъ, отодвинутыхъ къ востоку, въ Оренбургскую губернію, отъ нижнихъ частей Оки, гдѣ жили они еще въ XV столѣтіи, между черемисою и мордвою,—всѣ финнскія племена остаются на мѣстахъ, гдѣ запомнила ихъ впервые исторія. Сохраняя ясные слѣды своего древняго быта и вѣрованій, эти племена подчинялись однако же верховной власти Казанскаго хана. Зависимость отъ Казани тѣснѣе сплотила ихъ, дала имъ возможность дѣйствовать соединенными силами. Съ другой стороны, могущественно дѣйствовало вліяніе исламизма. Принимая ученіе Магомета, туземцы финнской расы подчинялись вліянію татарскаго племени, теряли свои народныя особенности, сливались съ нимъ въ одинъ народъ, или образовывали смѣшанныя племена подъ преобладаніемъ однакоже татарскаго типа, языка и нравовъ. Я имѣлъ случай замѣтить, что относительно чувашъ не рѣшенъ еще окончательно вопросъ: есть ли это турецкое племя, принявшее на себя черты финнскаго племени, вслѣдствіе смѣшенія съ нимъ, или это финны, еще хранящіе языкъ турецкаго племени? Финнское происхожденіе отатарившихся башкировъ, кажется, не подвержено сомнѣнію. Эти двѣ причины, т. е. бо́льшая крѣпость въ соединеніи племенъ Казанскаго царства и могущественное вліяніе исламизма, условливаютъ упорное сопротивленіе этихъ племенъ русской народности. И теперь еще русское населеніе идетъ по берегу средняго теченія Волги, мало проникая въ глубь земли, да и то больше въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, среди мордвы, которая легче другихъ племенъ уступаетъ дѣйствію на себя чуждой народности и отличается бо́льшею способностію сли-

ваться въ одинъ народъ съ русскимъ, принимая русскій языкъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Крещеніе черемисы и чувашъ совершалось насильственными мѣрами только въ прошломъ столѣтіи. Сама мордва не безъ сильнаго сопротивленія приняла христіанство, и русская церковь хранитъ память о Михаилѣ, архіепископѣ Рязанскомъ, мученическою смертію погибшемъ въ 1655 г. среди темниковской мордвы, которую желалъ обратить ревностный святитель. Казанская мордва обращена также преимущественно въ XVII вѣкѣ трудами иноковъ Селижарова монастыря, какъ темниковская въ то же время иноками Пурдышевскаго монастыря на Мокшѣ, за которыми были мордовскія селенія. Русскія лѣтописи исполнены извѣстій о набѣгахъ мордвы на Нижегородскія владѣнія, о сильныхъ возстаніяхъ луговой и горной черемисы, уже признавшей власть русскихъ царей. Правительству нужно было рядомъ укрѣпленій обезопасить свои владѣнія и сдерживать непокорныхъ бунтовщиковъ; нужно было содержать постоянно военную силу въ предѣлахъ и на границахъ Казанскаго царства и въ то же время защищать новообращенныхъ инородцевъ отъ фанатическаго мщенія со стороны ихъ иновѣрныхъ единоплеменниковъ, оберегая ихъ въ то же время отъ соблазна отступничества. Отсюда необходимость правительственныхъ мѣръ для укрѣпленія и заселенія русскими завоеваннаго края. Являются укрѣпленныя черты, прочныя военныя поселенія, испомѣщаемыя людьми служилыми, и отдѣленіе новокрещенцевъ въ особыя селенія отъ некрещеныхъ инородцевъ. Въ ожиданіи, пока религіозныя смуты XVII столѣтія и прикрѣпленіе къ землѣ подвижнаго крестьянскаго сословія выгонютъ въ Приволжье огромныя толпы добровольныхъ сходцевъ изъ всѣхъ областей Руси, мы видимъ рядъ правительственныхъ мѣръ о поселеніи людей служилыхъ въ областяхъ Казанскаго царства, чтобы въ этихъ [illegible]ъ поселеніяхъ найти надежный оплотъ противъ воз-

станій финнско-татарскихъ племенъ средняго Поволжья. Уже при Ѳедорѣ Ивановичѣ къ ряду укрѣпленныхъ городовъ, которыми еще прежде обозначалось наступательное движеніе племени русскаго по теченію Волги, присоединились новыя крѣпости, построенныя съ особенною цѣлью сдерживать черемису. Это были: Цивильскъ, Уржумъ, Царевгородъ на Кокшагѣ, Санчурекъ и друг. Какъ сильна была постоянная опасность возстанія инородческаго населенія, видно изъ указа, относящагося уже къ концу XVII столѣтія, именно къ 1697 г., которымъ запрещалось продавать чувашамъ и черемисамъ Казанской губерніи не только оружіе, но даже кузнечные инструменты.

III.

Вторая половина XVII и все XVIII столѣтіе особенно замѣчательны въ исторіи поселенія русскихъ колонистовъ въ восточной Россіи, въ разныхъ областяхъ Волги и Камы. Съ одной стороны, мы видимъ огромный приливъ такъ-называемыхъ сходцевъ или бѣглецовъ, что будетъ точнѣе, изъ внутреннихъ областей; съ другой, дѣятельныя мѣры правительства для заселенія и обезопасенія края. Много было причинъ, условливавшихъ большое количество добровольныхъ выходцевъ; главнѣйшихъ было двѣ: великій расколъ, обнаружившійся въ русской церкви, и прикрѣпленіе къ землѣ до тѣхъ поръ подвижнаго крестьянскаго сословія. Извѣстна исторія раскола: привязанность къ мертвой буквѣ, къ одной обрядовой внѣшности, такъ рѣзко обозначившаяся еще въ первой четверти XV вѣка, привела къ окончательному отторженію отъ православной церкви значительной части сельскаго и городскаго населенія, привела къ тѣмъ религіознымъ смутамъ, которыхъ самыми рѣзкими проявленіями было откры-

тое возмущеніе Соловецкаго монастыря, взятаго царскими войсками только послѣ почти десятилѣтняго обложенія, и стрѣлецкіе бунты, стоившіе столько крови Россіи. Чѣмъ болѣе проходило времени, послѣ первыхъ замѣшательствъ, бывшихъ слѣдствіемъ исправленія богослужебныхъ книгъ, тѣмъ въ болѣе странныя, дикія формы облекался расколъ, распавшійся на множество враждебныхъ, но одинаковымъ фанатизмомъ одушевленныхъ сектъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія цѣлыми сотнями сожигались или замаривались голодомъ изувѣрные послѣдователи разныхъ толковъ. Преслѣдуемые правительствомъ, они уходили въ Польшу, въ Турцію, въ шведскія владѣнія, но еще болѣе въ лѣса сѣверовосточной Россіи. Въ однихъ лѣсныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, въ Черноименьи на Керженцѣ, передъ началомъ благотворной дѣятельности преосвященнаго Питирима, считалось до 40,000. Во второй половинѣ XVIII вѣка одинъ изъ главныхъ притоновъ поповщины завелся въ Саратовской губерніи на Иргизѣ. Въ Сибири такъ много набралось раскольниковъ, что уже въ 1722 г. правительство сочло нужнымъ не отправлять туда ссыльныхъ раскольниковъ, чтобы не увеличивать и безъ того уже огромнаго числа ихъ. Въ Черниговскихъ и Стародубскихъ слободахъ организовалось привольное товарищество для перевода бѣглыхъ изъ Россіи въ Польшу и для вывода ихъ оттуда обратно на заселеніе крѣпости св. Елисаветы, въ Слобожско-Украинскія поселенія и въ Новую Сербію. Бѣгство раскольниковъ должно было значительно увеличивать число русскихъ поселенцевъ въ Восточной Россіи, но еще болѣе росло это число вслѣдствіе притона бѣглецовъ иного рода. Подвижность была издавна въ характерѣ русскаго населенія, *разбрестись розно* ничего не значило даже для земледѣльческаго населенія. На украинахъ Россіи издавна скоплялись толпы бѣглецовъ всякаго

рода. Изъ нихъ образовалось Донское и Запорожское казачество, но казачество не было исключительною принадлежностію южной Руси. Казаки, гулящіе люди встрѣчались почти повсемѣстно. Въ концѣ первой половины XV вѣка мы находимъ уже въ лѣтописяхъ казаковъ Рязанскихъ. Позднѣе мы видимъ тоже во многихъ мѣстностяхъ сѣверной и восточной Россіи. Когда правительство почувствовало необходимость ограничить крестьянскіе переходы, безпрерывныя кочеванія земледѣльческаго населенія, это стремленіе на украины Россіи сдѣлалось еще сильнѣе. Въ смутахъ самозванцевъ и междуцарствія выразился протестъ противъ стѣсненія вольнаго перехода. Ополченіе Болотникова во многомъ напоминаетъ сбродныя толпы, шедшія за Пугачевымъ. Первая ревизія окончательно сгладила еще существовавшее различіе между разноправными обработывателями помѣщичьихъ и другихъ земель: всѣ они были признаны крѣпкими землѣ; институтъ крѣпостнаго права получилъ послѣднее опредѣленіе. Подобное же стремленіе объединить подъ именемъ и правами крѣпостныхъ и тѣ немногія лица, которыя еще жили на чужихъ земляхъ, не подходя подъ этотъ общій уровень, замѣтно и въ многочисленныхъ распоряженіяхъ относительно второй общей ревизіи, т. е. при Елизаветѣ Петровнѣ. Прикрѣпленіе къ землѣ вытекало изъ государственныхъ потребностей того времени, было историческою необходимостію; но оно естественно вызывало протестъ со стороны прикрѣпляемаго сословія, протестъ, выражавшійся въ уходѣ съ земель, которымъ становилось оно крѣпкимъ, бѣгствомъ туда, гдѣ не могла ихъ преслѣдовать власть землевладѣльцевъ. Прикрѣпленіе къ землѣ условливало увеличеніе числа сходцевъ, а если прибавимъ сюда наборы, бывшіе естественнымъ слѣдствіемъ учрежденія постояннаго войска, самоуправство большихъ и малыхъ временщиковъ, бироновщину, слабость центральной

власти въ безурядное время отъ смерти Петра Великаго до Елисаветы Петровны, а также слабое правленіе и этой кроткой государыни, то мы не удивимся громадному числу бѣглецовъ, являвшихся въ областяхъ сѣверовосточной Россіи, какъ и на всѣхъ украинахъ русскаго государства. Въ самыхъ правительственныхъ актахъ мы находимъ драгоцѣнныя числовыя показанія, которыхъ напрасно стали бы искать въ другихъ источникахъ. Числовыя показанія правительства даже въ XVIII столѣтіи, особенно въ первой его половинѣ, при несовершенныхъ способахъ собиранія свѣдѣній, при безсиліи центральнаго контроля, а часто даже и мѣстнаго, очевидно, не могутъ отличаться точностію; но эта неточность можетъ быть лишь въ одну сторону: число сходцевъ, показанное правительствомъ, можетъ быть ниже дѣйствительности, но не выше ея. Мы должны принимать ихъ за minimum, но и этого минимума слишкомъ достаточно, чтобы показать огромное количество людей, уходившихъ съ мѣста ихъ стараго поселенія. Изъ доклада сената 1742 г. видно, какъ много было совершенно запустѣлыхъ имѣній. Въ одномъ уѣздѣ Переяславля-Залѣсскаго оказалось 68 опустѣлыхъ помѣщичьихъ имѣній. Бывали деревни, въ которыхъ и самые помѣщики исчезли неизвѣстно куда со своими крестьянами. Сборъ податей, на которыя содержалось войско, останавливался за пустотою и за незнаніемъ, куда дѣвались тѣ, которые подлежатъ податямъ. Прежде всего замѣтно, что уходъ крестьянъ съ дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ земель былъ явленіемъ общимъ, а не мѣстнымъ. Одна сѣверная полоса составляетъ исключеніе, потому что только тамъ, подъ именемъ черносошныхъ крестьянъ, сохранились послѣдніе остатки свободныхъ земледѣльческихъ общинъ. Приводя данныя, мы ограничимся первыми 50 годами, слѣдовавшими за первою ревизіей, потому что къ этому

времени относится самое сильное стремленіе сходцевъ освободиться отъ прикрѣпленія. Эти данныя мы будемъ выбирать изъ Полнаго Собранія Законовъ, гдѣ собраны въ хронологическомъ порядкѣ всѣ распоряженія, исходящія отъ верховной власти, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Болѣе достовѣрный источникъ едва ли можно найти-гдѣ либо. Въ актахъ нѣтъ общаго числа бѣглецовъ, но по показаніямъ, относящимся къ разнымъ мѣстностямъ, можно составить приблизительное понятіе. Эти показанія знаменательны. Въ инструкціи посланнымъ для учиненія новой ревизіи, отъ 16 декабря 1748 г., сказано, что только въ двухъ губерніяхъ, Бѣлогородской и Воронежской, однихъ однодворцевъ и другихъ поселенныхъ людей, изъ которыхъ содержится ландмилиція, въ бѣгахъ показано 10,423 человѣка. По показанію военной коллегіи, въ 1729 г. податныхъ людей, приписанныхъ къ флоту и арміи, въ теченіи времени отъ 1719 по 1727 г., т. е. въ теченіи 8 лѣтъ, въ бѣгахъ оказалось 198, 876 душъ муж. пола. Число громадное, особенно если подумать, что неточность могла быть въ его уменьшеніи, а не въ увеличеніи!

Во всѣ стороны шли толпы русскихъ бѣглецовъ. Передъ страшною жаждой воли смолкала даже антипатія русскаго народа къ нѣмецкому племени: нужно было въ статьяхъ мирнаго договора съ Швеціей помѣстить условіе о взаимной выдачѣ бѣглыхъ, хотя взаимности тутъ быть не могло. Въ Швецію бѣгали наши раскольники и крестьяне, а не изъ Швеціи выходили къ намъ. Въ 1740 г. учреждена была особая коммиссія для отысканія и разбора русскихъ бѣглецовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи. Она была закрыта послѣ 13-лѣтней безполезной дѣятельности. Немного русскихъ бѣглецовъ было выдано. Лифляндскія и эстляндскія мѣстныя власти говорили, что если ихъ выдать всѣхъ, то тамошнимъ публичнымъ и приватнымъ мызамъ учинится великое разореніе. Еще большій

притокъ былъ на границу польскую. Тамъ мы встрѣчаемъ любопытные факты. Въ февралѣ 1725 г. донесъ Смоленскому губернатору полковникъ Челищевъ, что крестьяне два раза многолюдствомъ бѣжали за польскій рубежъ съ бердышами и съ рогатинами и съ дубьемъ *сильно*. Рубежные заставные драгуны не могли удержать ихъ; крестьяне пробились послѣ битвы. Докладъ сената, въ сентябрѣ 1742 г., говоритъ, что крестьяне Смоленской и сосѣднихъ съ нею губерній бѣжали въ Польшу цѣлыми деревнями. Въ черниговскихъ раскольничьихъ слободахъ было сборное мѣсто для одиночныхъ бѣглецовъ, не могшихъ собственными силами пробраться сквозь заставы. Бывшій управитель двухъ черниговскихъ слободъ, нѣкто Халкидонскій, въ своемъ донесеніи представилъ любопытныя данныя объ этомъ притонѣ бѣглыхъ. Въ слободахъ не требовалось, какъ непремѣннаго условія, отпаденія отъ православной церкви. «Бѣглые, пишетъ Халкидонскій, для единой вольности, укрываясь отъ помѣщиковъ, въ раскольническія слободы записываются, не будучи, впрочемъ, раскольниками.» Все Запорожье, по своему характеру, могло держаться только бѣглецами и выходцами, искавшими прежде всего личной свободы. Здѣсь правительство ничего не могло предпринять для остановки бѣглыхъ. Когда рядомъ военныхъ поселеній правительство стѣснило запорожцевъ съ сѣвера, эти военныя поселенія составились также, кромѣ славянъ заграничныхъ, изъ значительной части русскихъ выходцевъ. Чтобы остановить переходъ крестьянъ въ Польшу, правительство должно было обѣщать прощеніе тѣмъ, кто возвратится оттуда, и селить ихъ въ слободскихъ поселеніяхъ и около крѣпости св. Елисаветы. Если такъ велико было стремленіе сходцевъ къ западу, въ Польшу и Остзейскія провинціи, то, естественно, еще въ большемъ количествѣ должны были направляться они къ востоку Россіи. Много ихъ находимъ на Дону, но

еще болѣе въ степяхъ Астраханской и Оренбургской губерній, въ Перми, и далѣе къ сѣверовостоку, въ Сибири.

На этихъ поселенцевъ въ восточномъ краѣ, по Волгѣ и Камѣ, мы должны обратить особенное вниманіе. Почти все русское населеніе Астраханской губерніи, за исключеніемъ купечества, привлекаемаго торговлею, состояло изъ сходцевъ, бѣжавшихъ изъ внутренней Россіи. До сихъ поръ Разбалуй-городокъ влечетъ къ себѣ бѣглецовъ всякаго рода. «Увѣдомились мы, сказано въ именномъ указѣ Сенату отъ 19 марта 1745 г., что, при ревизіи въ Астрахани, явились многіе изъ подлыхъ, объявляющіе о себѣ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ, ни того гдѣ родились, которыхъ по указамъ о ревизіи высылать отъ толь велѣно въ Петербургъ на поселеніе; а оные подлые люди, по привычкѣ жить кругомъ Астрахани, отъ той высылки бѣгутъ въ Персію, и бусурманются, также въ степи, на Кубанскую сторону, на рѣку Куму и на Бухарскую сторону за Яйкъ, и-тамъ, промысломъ звѣринымъ питаясь, звѣрски въ отчаяніи живутъ». Ничто не можетъ быть знаменательнѣе словъ этихъ. Русскій человѣкъ крѣпко преданъ православію. Бѣглецы русскіе въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ Польшѣ, въ Пруссіи, въ Турціи, оставались неизмѣнно вѣрны религіи отцовъ. Небольшая русская колонія въ Малой Азіи, недалеко отъ Бруссы, со всѣхъ сторонъ охваченная магометанскимъ населеніемъ, оставленная безъ церкви и священника, тѣмъ не менѣе не отреклась отъ вѣры, вынесенной ею съ родины. Надобно было, чтобы мучила неутолимая жажда воли, чтобы положеніе было слишкомъ тягостное, чтобы русскій бѣглецъ рѣшился лучше обасурманиться, чѣмъ воротиться къ помѣщикамъ. Правительство должно было отступить отъ своихъ прежнихъ распоряженій, и, въ томъ же именномъ указѣ, императрица предлагаетъ: «Не лучше ли будетъ записать ихъ въ перепись и поселить по рѣкѣ Волгѣ на пустыхъ мѣс-

тахъ, которыя никакой пользы, будучи пустыми, не приносятъ, а поселенныя во всякомъ случаѣ потребны?» Слѣдствія этой отмѣны высылки бѣглыхъ въ Петербургъ видны изъ одного акта, относящагося къ управленію Пермскими заводами. По одному объявленію въ Астрахани, что бѣглые могутъ селиться на отведенныхъ имъ мѣстахъ, тотчасъ объявилось 3000 бѣглецовъ, и всѣ самохотно обязались платить 40-алтынный подушный окладъ. Астрахань была обѣтованной землей для искавшихъ вольности, о ней ходили въ народѣ самые странные слухи. Въ 1757 г., въ Тамбовскомъ и Козловскомъ уѣздахъ, между крестьянами обнаружилось сильное волненіе. Онѣ бѣжали открыто, забирая лошадей и пожитки, уводя за собою семьи. За Волгой устроены были землянки, и поселившіеся тамъ бѣглые объявили, что будутъ принимать къ себѣ всякихъ прихожихъ людей. Здѣсь, слѣдовательно, начинало образовываться такое же правильное общество для облегченія бѣгства, какъ и въ слободахъ Черниговскихъ. Между крестьянами пущенъ былъ слухъ, что въ Царицынѣ и Камышинѣ велѣно принимать всѣхъ бѣглыхъ для приписки къ казенному шелковому заводу, что для принятія бѣглыхъ опредѣленъ правительствомъ маіоръ Парубучъ. Правительство вынуждено было разосланнымъ повсюду сенатскимъ указомъ, отъ 13 января 1758 г., объявить ложность этихъ слуховъ и приказать ловить и подвергать строгому наказанію ихъ разгласителей, «которые ласкаютъ вольностію простой народъ».

Огромное количество всякаго рода сходцевъ было въ Оренбургскомъ краѣ. Въ докладѣ Ивана Ивановича Неплюева, одного изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ организаторовъ этого края, мы находимъ для этого подробныя указанія. Вотъ что писалъ онъ въ 1744 г.: «За пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ въ Исетской провинціи ни единой души не было изъ русскихъ: всѣ тѣ слободы гулящими людьми и, какъ чаятельно, не безъ-

извѣстно по большей части, едвали не всѣ помѣщичьими населены.» Въ вѣдомости 1741 г. показано, въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ, сходцевъ, записанныхъ въ регулярныя и нерегулярныя службы, дворцовыхъ, синодальныхъ, монастырскихъ, помѣщиковыхъ и разночинцевъ пять-тысячъ сто-пятьдесятъ-четыре души муж. пола. По осмотру, произведенному въ 1747 г. вновь только присланнымъ, оказалось разомъ однихъ непомнящихъ родства и помѣщиковъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ и дряхлыхъ, семьсотъ одиннадцать человѣкъ, а это даетъ понятіе о ежегодной прибыли сходцевъ, уже извѣстныхъ правительству. Сколько же безъизвѣстно скрывалось среди башкировъ и мещеряковъ, по заводамъ Оренбургской губерніи! Когда возникъ вопросъ о выводѣ этихъ сходцевъ обратно къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, правительство и здѣсь, какъ въ Астрахани, должно было отступить отъ своего распоряженія. Въ докладѣ сенату Неплюевъ доказывалъ, что въ случаѣ вывода слободы запустѣютъ, «также и казенныхъ, для Оренбургской губерніи столь нужныхъ, исправленій исполнить будетъ некѣмъ, ибо въ нихъ, какъ вышеупомянуто, большая часть бѣглыхъ наберется.» Вслѣдствіе требованій Неплюева, сенатъ, Высочайше утвержденнымъ 27 іюля 1744 г. докладомъ, положилъ: «Во-первыхъ, бѣжавшихъ до ревизіи 1719 г. оставить въ Оренбургской губерніи и прежнимъ владѣльцамъ не отдавать. Во-вторыхъ, бѣглыхъ крестьянъ, записанныхъ въ подушный окладъ, по ревизіи 1719 г., въ другихъ мѣстахъ и поселившихся въ Оренбургскомъ краѣ, уже послѣ ревизіи, вывести на прежнее жилище. Въ-третьихъ, которые же бѣглые записаны въ новопостроенныхъ по линіи къ Оренбургскимъ крѣпостямъ въ казаки, и тамо уже обселились и службы дѣйствительно служатъ, тѣхъ всѣхъ, для представленныхъ отъ тайнаго совѣтника Неплюева резоновъ, отнюдь не высылать, а быть имъ, какъ оные нынѣ есть, въ казакахъ. Вла-

дѣльцамъ же зачесть ихъ въ рекруты въ будущіе наборы.» Третьимъ пунктомъ значительно ослаблялся, если не совершенно уничтожался, второй пунктъ.

Замѣчательны также данныя, относящіяся къ сходцамъ въ губерніи Пермской, на горныхъ заводахъ. Приведемъ и здѣсь оффиціальное показаніе. Постановленіемъ Анны Ивановны было опредѣлено, сколько могли приписывать горные заводчики крестьянъ къ своимъ заводамъ. Именно, на каждую доменную печь полагалось по сту дворовъ, да къ двумъ молотамъ по тридцати; итого сто шестьдесятъ дворовъ, полагая по четыре души мужескаго пола на дворъ. Въ мѣдныхъ заводахъ на каждую тысячу пудовъ выплавляемой мѣди по пятидесяти дворовъ, или по двѣсти душъ мужескаго пола. Въ 1753 г. оказалось, что по этому разсчету при заводахъ Сибирской и Казанской губерній, между которыми дѣлилась нынѣшняя Пермская губернія, должно быть только 8,362 души, между тѣмъ какъ въ наличности ихъ было 25,627 душъ, слѣдовательно 17,265 излишнихъ. На однихъ семи заводахъ Акинеія Демидова пришлыхъ и непомнящихъ совершенно ни родства ни помѣщиковъ оказалось 4,124 души сверхъ 2,604 душъ таковыхъ же, приписанныхъ вѣчно къ этимъ заводамъ еще въ 1736 г. Бергъ-коллегія, донося о томъ сенату, требовала приписанія излишнихъ противъ пропорціи крестьянъ къ казеннымъ заводамъ, которые, по дурной администраціи, — чего, впрочемъ, не высказала бергъ-коллегія, — терпѣли недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Еще замѣчательнѣе сенатскій докладъ 30 декабря 1755 г. Тамъ сказано, что на заводахъ Акинеія Демидова пришлыхъ съ разныхъ губерній, послѣ ревизіи 1724 года, показано 6,852 души. Сенатъ опредѣлилъ: съ казенныхъ заводовъ пришлыхъ, которыхъ послѣ той же ревизіи 1724 г. показано по вѣдомостямъ 2,357 душъ, не высылать обратно на прежнія мѣста ихъ жительства. Съ парти-

кулярныхъ заводовъ Демидовыхъ, барона Строганова, Петра и Гаврилы Осокиныхъ бѣглыхъ, въ числѣ 4,493 душъ, также не высылать. Причины оставленія выставлены правительствомъ слѣдующія: такое число бѣглецовъ трудно выслать безъ огромныхъ конвоевъ; они разойдутся по лѣсамъ, или за границу; заселеніе пустыхъ мѣстъ необходимо, и высылкой пришлыхъ людей «распространенные только заводы въ опустошеніе приведены быть могутъ»; наконецъ, и то обстоятельство, что бѣглецы, жившіе на заводахъ, отстали уже отъ нашни и не уживутся и уйдутъ опять отъ своихъ владѣльцевъ, да еще подговорятъ съ собой и другихъ. Итакъ, всѣхъ бѣглецовъ рѣшено было навсегда при заводахъ оставить, строго только запретивъ впередъ принимать бѣглыхъ изъ внутреннихъ губерній. Но это строгое запрещеніе было не первое и далеко не послѣднее.

Не всѣ бѣглые заходили такъ далеко. Не разъ они образовывали сильныя поселенія ближе къ западу. Вотъ что сообщилъ въ 1724 г. пензенскій воевода Скобельцынъ о поселившихся на рѣчкѣ Карамышѣ бѣглыхъ крестьянахъ: «Принималъ и селилъ ихъ Серудобинской слободы солдатъ Осипъ Клоповъ, называясь атаманомъ, да сходецъ подъячій Иванъ Петровъ; а по переписи же оныхъ, сказываютъ, съ 600 человѣкъ; на коняхъ садятся оружейныхъ людей, и сдѣланъ у нихъ городокъ и огороженъ заметомъ, и выходятъ они къ станичной избѣ въ праздничные дни съ ружьемъ и стрѣляютъ; да сверхъ переписи есть еще съ 400 человѣкъ, которые называются козаками, а другіе отставными, драгуны и солдаты. Правительствомъ приказано двинуть туда военную силу и уничтожить это поселеніе, захвативъ по возможности главныхъ заводчиковъ и жестоко наказавъ ихъ.» Какія были послѣдствія, неизвѣстно; но сказаннаго достаточно, чтобы показать, какимъ духомъ исполнены были эти самовольные поселенцы,

эти сходцы изъ областей внутренней Россіи. Рядомъ съ оффиціальными указаніями на постоянный огромный притокъ бѣглецовъ въ Поволжье и въ Прикамье, въ первой половинѣ XVIII вѣка, идутъ столь же оффиціальныя указанія на усиленіе разбойничества. Очевидно, что, когда часть гуляющихъ людей, сходцевъ, въ промыслахъ, въ приписке къ заводамъ и новопостроеннымъ крѣпостямъ искала убѣжища и, въ то же время, обезпеченія своего существованія, другая часть разгуливала съ кистенемъ по дорогамъ, или разъѣзжала по Волгѣ, взимая съ промышленниковъ насильственную подать и вмѣстѣ съ тѣмъ мстя правительству и обществу за лишеніе воли. Свѣдѣнія о разбояхъ въ Казанскомъ краѣ поражаютъ своею значительностію; приведемъ только немногія. Въ 1744 г. доносилъ директоръ китайскаго каравана Лобратовскій, плывшій водою въ Сибирь, что на него до самой Казани чинимы были нападенія отъ разбойниковъ, что онъ едва могъ отбиться отъ нихъ пушками, что на одной Окѣ повстрѣчалъ онъ болѣе 50 ограбленныхъ судовъ, на которыхъ народу находилось человѣкъ по 60, что многое число навезжалъ онъ раненыхъ. Въ 1744 г. разосланы были военныя команды и составлены инструкціи для сыщиковъ, а въ 1756 г. вотъ что доносилъ одинъ изъ такихъ сыщиковъ, маіоръ Бражниковъ, съ Волги: имѣлъ онъ бой съ разбойниками, въ которомъ убито изъ его команды 27 человѣкъ, а ранено 5, а изъ разбойниковъ убито до смерти всаулъ да еще до 5 человѣкъ, а живыхъ получить не могъ, ибо при нихъ находились пушки и весьма вооружены; да Казанской сыщикъ маіоръ Ермолаевъ поймалъ въ Чебоксарахъ одного разбойника, который показалъ съ пытки, что одна разбойничья партія ниже Чебоксаръ на Волгѣ, на 2 лодкахъ съ 5 пушками и 50 человѣкъ, должна была въ ночь на 28 мая сухимъ путемъ и водою явиться въ Чебоксары, а онъ съ 2 товарищами посланъ былъ зажечь го-

родъ, что другая также вооруженная партія стоитъ на 2 лодкахъ въ Окѣ выше Нижняго, что всѣ партіи должны были соединиться въ Нижнемъ Услонѣ и идти къ Астрахани, дѣйствуя общими силами. Разбойники находили поддержку въ крестьянахъ, остававшихся у помѣщиковъ. Въ 1744 г. они являлись въ многолюдныя селенія князя Хованскаго и Шереметьева, избили тѣхъ, кто защищался, и забрали оброчныя деньги и крѣпости на крестьянъ. Изъ примѣра Чебоксаръ видно, что и города не были вполнѣ безопасны отъ ихъ нападеній. Въ 1756 г. доносила Алатырская провинціальная канцелярія, при которой находилось 97 человѣкъ солдатъ съ копьями и рогатинами, что въ ночь на 3 марта вошли въ Алатырь разбойники, разбили провинціальный магистратъ и взяли соляного сбора денежной казны 949 р.; что на рѣкѣ Сурѣ весной они разбиваютъ и грабятъ казенныя и частныя суда, чиня многія мятежныя убійства; что необходимо прислать въ Алатырь по крайней мѣрѣ сто ружей и пороху, потому что онъ ждетъ новаго нападенія.

Таковы были неминуемыя слѣдствія огромнаго притока къ востоку людей гулящихъ, сходцевъ съ земель, на которыхъ укрѣпило ихъ правительство. Разсматривая современные правительственные акты, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ выгодъ, проистекавшихъ отъ этихъ побѣговъ. Бѣглецами населялись украины Россіи, чрезъ нихъ колонизація русскаго племени проникала далеко въ глубь инородческаго населенія и должна была могущественно содѣйствовать распространенію между ними промысловъ и хлѣбопашества. Бѣглецами только и держались наши заводы въ сѣверовосточномъ углу европейской Россіи и крѣпости Оренбургской линіи, необходимыя для сдержанія степныхъ кочевниковъ. Не забудемъ, что эти колонисты составляли самую предпріимчивую, самую энергическую часть сельскаго населенія. Малодушный и робкій ду-

хомъ покорно склонялся подъ условія крѣпостнаго права, смѣлый уходилъ въ Астраханскія степи, на заводы Пермскіе, въ Оренбургъ. Но не менѣе ясно также, что правительство должно было употреблять всѣ мѣры для сдержанія этого буйнаго населенія, для ограниченія числа сходцевъ, прекращенія побѣговъ. Страшные разбои должны были вызывать охранительныя мѣры, и безъ нихъ мирнымъ жителямъ городовъ и селеній грозила почти постоянная опасность со стороны инородческаго населенія. Одно страшное возстаніе башкирцевъ, вслѣдствіе проповѣди Батырши, грозило уничтожить первыя прочныя заселенія. Горные заводы частныхъ владѣльцевъ и безъ того должны были ограждаться стѣнами. О заводѣ Троицкомъ на рѣчкѣ Кидашѣ, принадлежавшемъ Осокину, капитанъ Рычковъ, объѣзжавшій Казанскую и Оренбургскую губерніи въ 1769 и 1770 гг., говоритъ, что онъ укрѣпленіями превосходилъ многіе уѣздные города; сверхъ стѣны съ башнями, внѣ заводскаго строенія были подѣланы батареи. Иначе и быть не могло въ краѣ, еще несовершенно подчиненномъ, населенномъ племенами, хорошо помнившими свою независимость. Даже въ настоящее время старожилы Инсарскаго уѣзда Пензенской губерніи разсказываютъ о постоянномъ страхѣ, въ какомъ держали ихъ *кубанцы*, — такъ называли они разбойническія шайки инородцевъ. Что же было далѣе къ юговостоку?! Давнею заботой правительства было поэтому: съ одной стороны сколь возможное усиленіе прочныхъ земледѣльческихъ поселеній; съ другой—обезопасеніе ихъ рядомъ военныхъ укрѣпленій. Мѣры относительно того и другаго идутъ параллельно. Усилить земледѣльческое населеніе можно было или водвореніемъ русскославянскихъ колонистовъ, или обращеніемъ къ христіанству и земледѣлію инородцевъ. Заботы о томъ и другомъ мы видимъ со времени покоренія Казани. Поселеніе ново-крещеныхъ отдѣльными селеніями, заботливыя отдѣле-

нія ихъ отъ магометанъ и язычниковъ начались еще при Иванѣ Грозномъ. Чѣмъ слабѣе были начатки христіанско-земледѣльческаго инородческаго населенія, тѣмъ заботливѣе старались объ его охраненіи. Особенную ревность показала въ этомъ случаѣ Елисавета Петровна; но изъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ для водворенія крещеныхъ колонистовъ, ни одна не была такъ умѣстна, какъ поселеніе крещеныхъ калмыковъ, по плану того же просвѣщеннаго Неплюева, которому такъ много обязанъ своимъ устройствомъ Оренбургскій край. Читая его докладъ по этому случаю, занимающій 12 огромныхъ страницъ Полнаго Собранія Законовъ, жалѣемъ только объ одномъ, что позднѣйшіе администраторы такъ скоро забыли умныя соображенія ученика Петра Великаго, соображенія, оправданныя блестящими успѣхами. Калмыковъ поселили въ Ставрополѣ, тамъ, гдѣ Волга начинаетъ, передъ своимъ рѣшительнымъ поворотомъ къ югу, образовывать Самарскую луку. Съ необыкновенною занимательностью обсуждено настоящее положеніе новыхъ поселенцевъ и указаны мѣры къ лучшему достиженію главной цѣли ихъ поселенія. Воспротивившись своду русскихъ селеній изъ среды земель, отведенныхъ крещенымъ калмыкамъ, Неплюевъ доказалъ возможность сильнаго вліянія этихъ селеній на распространеніе между калмыками хлѣбопашества и утвержденія чистоты христіанскаго ученія.

Я не имѣю времени подробнѣе остановиться на мѣрахъ правительства, относительно ново-крещеныхъ, и долженъ ограничиться сказаннымъ. Населеніе края русскимъ племенемъ производилось чрезъ раздачу земель церквамъ и монастырямъ, которыя населяли на нихъ поселенцевъ изъ внутренней Россіи; но преимущественно черезъ испомѣщеніе землями людей служилыхъ. Послѣднимъ достигалась двойная цѣль: и заселялся край русскими, и защищался отъ племенъ инородческихъ.

Извѣстно, что главная обязанность служилыхъ людей состояла въ томъ, что, по первому призыву правительства, они должны были являться *людны, конны и оружны*. По положенію Ивана Грознаго, владѣльцы земель съ каждыхъ 100 четвертей, т. е. 50 десятинъ, должны были выставить одного коннаго воина въ доспѣхѣ. Большая часть дворянскихъ фамилій казанскаго края происходитъ отъ этихъ служилыхъ людей. Къ сожалѣнію, зная многое о бѣглыхъ крестьянахъ, мы мало знаемъ о поселенныхъ здѣсь дворянахъ. Грамоты царей на владѣніе землями или утрачены ими, или валяются гдѣ-нибудь, забытыя потомками служилыхъ людей XVI и XVII столѣтій. Въ огромномъ собраніи актовъ, изданныхъ Археографическими Экспедиціей и Коммиссіей, самая малая часть безспорно приходится на долю Казанской губерніи. Что большинство актовъ не погибло, это доказывается большимъ собраніемъ чистопольскаго мѣщанина Мельникова. Что жалованныя грамоты царей, въ парчѣ и съ печатями, валяются на чердакахъ барскихъ домовъ здѣшняго края, на это, къ сожалѣнію, я самъ имѣю доказательства. Оттого такія пробѣлы въ нашей исторіи колонизаціи.

Особеннымъ усердіемъ въ заселеніи казанскаго края отличались первые государи изъ дома Романовыхъ. Они не ограничивались вспомѣщеніемъ землями русскихъ служилыхъ людей, а селили переводимыхъ дворянъ изъ отнятыхъ у Польши земель, переводили сюда литовскій и польскій полонъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ пригороды Мензелинскъ и Заинскъ были заселены плѣнными поляками; Старый-Шешминскъ, Новый-Шешминскъ, Билярскъ, Тюмскъ и Ерыклинскъ — смоленскою шляхтой. Въ концѣ царствованія Петра Великаго ни въ одномъ изъ нихъ не было менѣе 500 служилыхъ людей, въ большей части число ихъ приближалось къ тысячѣ. Все это были *породные* люди, имѣвшіе нѣкогда, какъ доносилъ въ 1750 г. полковникъ Мельгуновъ, на сторонѣ его королевска-

го величества польскаго маетности и земли. Ихъ верстали землями въ приказѣ Казанскаго дворца и обязывали службою наравнѣ съ русскими служилыми людьми. Актовъ относительно ихъ поселѣнія также издано мало, но они уже собраны частію и въ скоромъ времени могутъ быть сдѣланы извѣстными публикѣ.

Несравненно болѣе свѣдѣній мы имѣемъ относительно устройства разныхъ охранительныхъ линій и укрѣпленій. Охраненіе южныхъ границъ государства рядомъ засѣкъ, валовъ, земляныхъ укрѣпленій, преимущественно со стороны Крымскихъ татаръ, началось издавна. Уставы о станичной и сторожевой службѣ окончательно были выработаны при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Изъ поселенныхъ по чертамъ и линіямъ служилыхъ людей образовались всѣ однодворцы русской Имперіи и значительная часть мелкаго дворянства. Съ царствованія первыхъ Романовыхъ ведутъ, вѣроятно, свое начало и черты Восточной Россіи. Изъ нихъ Симбирская черта, для обороны границъ между Дономъ и Волгою, шла отъ Симбирска въ нынѣшнюю Пензенскую губернію до существующаго нынѣ пригорода Атемара и города Инсара. Для постройки ея въ 1649—1654 ежегодно употреблялось отъ 3,500 до 5,000 человѣкъ. Она тянулась отъ Уреня на Тагай и далѣе до впаденія рѣчки Юшанки въ Сельдь, впадающую въ Свіягу, потомъ по Сельди, по правому ея берегу. Къ тому же времени относится и укрѣпленіе Закамскихъ линій. Въ инструкціи тайному совѣтнику Наумову, 19 февраля 1731 г., сказано, что пригороды Казанской и Симбирской губерній населены были предками ея величества, государыни Анны Ивановны, и что дѣды и прадѣды переселенцевъ, будучи служилыми людьми, драгунами, солдатами, конѣйщиками, рейтарами и прежнихъ службъ городовыми дворянами, имѣя помѣстныя земли по окладамъ и будучи избавлены отъ податей, обязаны были конную и пѣшую

службу исполнять и пограничныя мѣста, какъ свои жилища, отъ непріятельскихъ набѣговъ охранять и защищать. Закамскихъ линій было двѣ, старая и новая. Цѣль ихъ была защищать заволжскихъ и закамскихъ жителей отъ набѣговъ калмыковъ, башкировъ, киргизовъ и каракалпаковъ. Старая линія начиналась у Волги, у пригорода Бѣлаго-Яра, шла вдоль Черемшана, мимо пригородовъ Ерыклинска, Тимска, Билярска, на слободу Екатерининскую и пригороды Заинскъ, Мензелинскъ; а оканчивалась у рѣки Ика, близъ села Троицкаго или Матвѣева. Устройство ея было сходно съ общимъ устройствомъ нашихъ сторожевыхъ линій. Открытыя долины рѣкъ, пересѣкающія линіи, были перекопаны рвомъ и валомъ; на этихъ валахъ въ разныхъ мѣстахъ основывались окопы, подъ защитою которыхъ поселялись служилые люди; по лѣсамъ дѣлались засѣки; линія укрѣплялась городками, острожками, надолбами, проѣзжими воротами, башнями и лѣсными завалами, для поддержанія которыхъ въ цѣлости налагалась обязанность на сосѣднія населенія. Подробности сторожевой службы опредѣлены уставомъ и инструкціями воеводамъ. Первая мысль объ устройствѣ новой Закамской линіи принадлежитъ, кажется, Петру Великому, который основалъ пригороды Алексѣевскъ, Сергѣевскъ. Вслѣдствіе указа 1727 года о поселеніи въ Россіи драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ, преимущественно по границамъ, назначено было въ тогдашней Казанской губерніи поселить десять полковъ, по одному въ Пензѣ, Саратовѣ, Самарѣ и Царицынѣ, а остальные по росписанію военной коллегіи. Земли для нихъ предписано отводить изъ государевыхъ оброчныхъ также изъ дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ дачъ. Мысль о поселеніи полковъ принадлежитъ Петру Великому. Въ 1728 г. предписано было дѣлать укрѣпленія, палисады и маяки въ провинціяхъ Уфимской и Соликамской и подтверждено объ укрѣпленіи тамъ городовъ

и остроговъ для защиты отъ нападеній кочевыхъ народовъ, башкирцевъ и т. д. Въ 1731 г. сенатъ далъ указъ тайному совѣтнику Наумову и полковнику Оболдуеву о построеніи новой Закамской линіи. Казанскому губернатору было предписано выслать немедленно 3,000 человѣкъ рабочихъ изъ Закамскихъ уѣздныхъ жителей, накормныхъ положено 30 алтынъ въ мѣсяцъ на человѣка изъ сбора Казанской губерніи. Въ 1733 г. потребовано было со всей Казанской губерніи 15,000 человѣкъ рабочихъ въ двѣ смѣны: первая должна была собраться къ 1 мая и работать до половины іюля, вторая съ половины іюля по 1 октября. Въ замѣнъ бѣжавшихъ требовали новыхъ рабочихъ съ тѣхъ деревень, откуда были послѣдніе. Плату назначено было производить по плакату; провіантъ имѣть свой. Новая линія начиналась отъ рѣки Самары, у пригородка Алексѣевскаго, шла черезъ слободу Красный-Яръ, потомъ вдоль рѣки Сока на пригородъ Сергіевскій, фельдшанецъ Кондурчинскій, Черемшанскій, Шешминскій и Кичуевскій, у котораго она оканчивалась на рѣкѣ Кичуѣ. Петръ Рычковъ, въ топографіи Оренбургскаго края, говоритъ, что ее предположено было довести до рѣки Ика, но что эта мысль оставлена въ 1734 г , по случаю открытія оренбургской экспедиціи. Всего протяженія эта линія имѣетъ 222 вер.; вала же, прикрывавшаго открытыя мѣстности, 165 верстъ. Въ лѣсныхъ же мѣстахъ она защищалась засѣками. Линія проведена такъ, чтобы доставить валу хорошую ружейную оборону. По всей длинѣ, разстояніемъ другъ отъ друга на 100 или 120 сажень, устроены редуты. Редуты и фельдшанцы служили главными опорными пунктами и были правильно укрѣплены. Ихъ остатки виднѣются до сихъ поръ; они доказываютъ, что укрѣпленія были снабжены орудіями; два чугунныя орудія валяются въ Сергіевскѣ. Военныя поселенія, которыми оберегалась эта линія, составляли ландъ-милицію, учреж-

денную въ 1731 г. По указу 7 мая 1733 г., положено было 3 конныхъ и 1 пѣхотный ландъ-милицкихъ закамскихъ полковъ назвать по мѣстамъ ихъ поселенія. Это были шемшинскій, билярскій и сергіевскій конные и алексѣевскій пѣхотный полки; солдатамъ и офицерамъ нарѣзывались земли: рядовому пѣхотному полагалось по 20 десятинъ, конному около 55 десятинъ. Устройство Закамской линіи прекратилось вслѣдствіе открытія оренбургской экспедиціи и переселенія ландъ-милицкихъ полковъ въ степныя мѣста по Самарѣ, Ульвѣ и Яику. Но не прекратилось поселеніе тѣмъ и людей служилыхъ. Съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія мы имѣемъ многочисленный рядъ указовъ о поселеніи въ Казанской губерніи отставныхъ солдатъ...*)

---

*) Эта, къ прискорбію недоконченная, статья составляетъ первый изъ публичныхъ курсовъ, читанныхъ С. В. Ешевскимъ въ Казани, относящійся къ 1857 году. Она была напечатана въ *Вѣстникѣ Европы* за 1867 годъ. А. Т.

МИССІОНЕРСТВО ВЪ РОССІИ.

Распространеніе русскаго племени на сѣверъ и сѣверо-востокъ Европы и далѣе за предѣлы Каменнаго пояса по необозримымъ пространствамъ сѣверной Азіи и частію въ Америкѣ, безспорно, одно изъ великихъ событій исторіи. На первомъ планѣ, очевидно, не простое расширеніе предѣловъ господства извѣстнаго племени, не одно собираніе разноязычныхъ и разновѣрныхъ народностей подъ политическую власть одной изъ нихъ. Ограниченное этимъ смысломъ, такое явленіе, конечно, было бы такъ же замѣчено исторіею, какъ замѣчено ею образованіе и вслѣдъ за тѣмъ паденіе огромныхъ государствъ, возникавшихъ преимущественно на почвѣ Востока; но въ такомъ случаѣ, оно было бы отмѣчено печатью недолговѣчности, носило бы на себѣ въ большей или меньшей степени характеръ случайности. Не то мы видимъ въ фактѣ распространенія русской народности. Не одно внѣшнее подчиненіе ею другихъ племенъ останавливаетъ на себѣ вниманіе историка. Передъ нимъ процессъ сліянія племенъ подъ условіемъ рѣшительнаго преобладанія одного изъ нихъ, процессъ образованія и развитія могучей народности, въ которой поглощаются другія, пришедшія съ нею въ соприкосновеніе, органическій ростъ ея. Не успѣвшія или не бывшія въ состояніи развить свой общественный бытъ, съ вѣрованіями еще не сложившимися въ болѣе или менѣе стройную систему, разнородныя племена, сталкивавшіяся съ русской народностью, не могли надолго отстаивать свое самобытное существованіе, утрачивали мало по малу отличительные свои признаки, такъ-ска-

зать, распускались въ ней, увеличивая собою ея количественное превосходство. Исчезновеніе нѣкоторыхъ племенъ съ занимаемой ими мѣстности объясняется не ихъ истребленіемъ, не переходомъ ихъ въ другія мѣста, а только перерожденіемъ. Путемъ мирнаго распространенія насчетъ другихъ племенъ, русская народность пріобрѣла болѣе, чѣмъ силою оружія.

Племена инородческія поглощались русскою народностью, принимая на себя всѣ главнѣйшія ея отличительныя особенности: языкъ, вѣру, образъ жизни и т. д. Въ народномъ типѣ, возникшемъ и возникающемъ изъ слитія разнородныхъ племенъ, населяющихъ Россію, преобладающая стихія русско-славянская, то-есть, европейская. Потому-то каждый шагъ впередъ русской народности насчетъ другихъ племенъ есть побѣда Европы, есть приращеніе великой семьи европейскихъ народовъ, которой Провидѣніе предназначило идти до сихъ поръ во главѣ развитія человѣчества и ввѣрило двойной свѣточъ христіанства и просвѣщенія; каждый шагъ впередъ въ глубину сѣвера и востока принадлежитъ всемірной исторіи.

Русская исторія открывается союзомъ племенъ славянскихъ и финскихъ, союзомъ, въ которомъ трудно замѣтить какое-нибудь превосходство первыхъ надъ послѣдними. Не говоримъ уже о томъ невыгодномъ отношеніи, въ какомъ первоначально стояли племена славянскія къ азіатскимъ выходцамъ относительно политической зависимости и даже относительно степени самаго развитія. Камскіе Болгары, Хозары стояли во многомъ выше разъединенныхъ племенъ Славянъ восточныхъ. Если возможность и легкость сліянія объясняется природными свойствами соединявшихся племенъ: съ одной стороны, уступчивостью финскихъ туземцевъ, отсутствіемъ въ большей части изъ нихъ крѣпости храненія племенныхъ особенностей; съ другой стороны, мягкостью славянской натуры, не бывшей

исключительною, не смотрѣвшей враждебно на чужеродцевъ,— то рѣшительное преобладаніе славянской стихіи въ образованіи русской народности, какъ результата сліянія многихъ племенъ, можетъ объясниться только тѣмъ, что племена Славянъ восточныхъ явились вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ представителями высшей цивилизаціи, предъ которою оказались безсильными и несостоятельными племена финскаго и азіатскаго происхожденія.

Подъ вліяніемъ той же высшей формы цивилизаціи слились въ одно крѣпкое цѣлое до тѣхъ поръ разобщенныя, жившія отдѣльно племена славянскія, освободились отъ своего полузависимаго положенія относительно азіатскихъ выходцевъ и начали свое поступательное движеніе на сѣверъ и сѣверовостокъ. Если внѣшнее объединеніе племенъ славянскихъ совершилось мечемъ варяжской дружины, то внутреннюю связь, которая одна только и можетъ быть крѣпкою, могло дать только христіанство. Христіанство—это цѣлая цивилизація. Религіозное вѣрованіе неразрывно связано съ цѣлымъ кругомъ общественныхъ понятій. Проповѣдникъ евангельскаго ученія невольно является проповѣдникомъ новой гражданственности.

Распространеніе христіанства неразрывно связано съ распространеніемъ русской народности. Какъ инородецъ, принимая православіе, отрекался отъ своего прошедшаго, точно также съ этой минуты въ глазахъ русскаго населенія онъ становился Русскимъ, а черезъ два, три поколѣнія на его потомкахъ дѣйствительно оставались развѣ только физіологическіе признаки его происхожденія. Борьба христіанства съ язычествомъ и его побѣды должны составлять одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ русской исторіи. Кромѣ побѣды высшаго религіознаго ученія надъ заблужденіями язычества, является побѣда высшей гражданственности и болѣе крѣпкой, болѣе способной къ развитію народности.

Обращеніе язычниковъ и ознакомленіе ихъ съ началами высшей цивилизаціи, со времени великаго раздѣленія церквей на Восточную и Западную, исходило изъ двухъ главныхъ пунктовъ. Если и прежде Римъ и Константинополь дѣлили между собою необъятныя пространства, открывавшіяся для Евангельской проповѣди, то послѣ окончательнаго отпаденія Западной церкви это раздѣленіе стало еще рѣзче. Церкви Греко-Россійской выпало на долю обращеніе сѣверо-востока Европы, части запада и всего сѣвера Азіи. Проповѣдники, выходившіе изъ стараго Рима или дѣйствовавшіе подъ его верховнымъ наблюденіемъ, кромѣ запада Европы, или во всѣ части новаго міра, въ Африку, Азію, гдѣ на крайнемъ востокѣ могли встрѣчаться съ миссіонерами православной церкви. Миссіонеры обѣихъ церквей оказали незабвенную услугу человѣчеству, покоривъ ученію Искупителя значительную часть земнаго шара, приготовивъ въ будущемъ возможность слитія всѣхъ, до того времени безчисленными преградами раздѣленныхъ, племенъ въ одну великую семью народовъ христіански-образованныхъ. Передъ ревностью исповѣдниковъ исчезало пространство и рушились препятствія, неодолимыя для самыхъ смѣлыхъ замысловъ. Не одинакова возможность слѣдить за ихъ великимъ дѣломъ, дѣлить съ ними мыслію ихъ подвиги и оцѣнить по заслугамъ труды, понесенные благовѣстниками слова Божія.

Исторія распространенія христіанства въ областяхъ Западной церкви владѣетъ громаднымъ количествомъ матеріаловъ. Много было, безъ сомнѣнія, безвѣстныхъ тружениковъ, выходившихъ изъ монастырей Ирландіи и Англіи на проповѣдь въ лѣса Германіи и Швейцаріи и не оставившихъ имени; мы не знаемъ всѣхъ, приготовившихъ обращеніе скандинавскаго сѣвера; но число лицъ, извѣстныхъ своею проповѣдью на этомъ пространствѣ, то, что̀ мы знаемъ о трудахъ этихъ извѣстныхъ намъ проповѣдниковъ, вполнѣ достаточно, чтобы

въ умѣ нашемъ сложилась цѣльная картина совершавшихся событій; чтобы наше воображеніе могло представить и самыя побужденія, влекшія къ одной и той же великой цѣли этихъ передовыхъ бойцовъ христіанства, и встрѣчавшіяся имъ препятствія, и переноситься съ ними къ тѣмъ народамъ и въ ту природу, среди которыхъ проходила ихъ труженическая жизнь; чтобы мы могли почти изъ года въ годъ вести лѣтопись распространенія предѣловъ западно-христіанскаго міра. Труды миссіонеровъ находили повсюду сочувствіе; извѣстія о ихъ подвигахъ записывались и читались съ жадностью, замѣняя для средневѣковаго общества почти всю литературу. Нѣтъ сомнѣнія, много людей, подобно неизвѣстному составителю житія епископа Марцеллина (VI стол.), посвящали свою жизнь собиранію и записыванію изустныхъ разсказовъ о лицахъ, прославившихся благочестивою жизнію или трудами проповѣдничества. Въ 9-ти мѣсяцахъ знаменитаго собранія житій Болландистовъ (Acta Sanctorum) помѣщено около 25,000 житій, и притомъ многія въ нѣсколькихъ редакціяхъ, съ критическими примѣчаніями. Такая масса матеріаловъ, находящихся подъ руками у каждаго изслѣдователя, дѣлаетъ возможнымъ самое изслѣдованіе, а собраніемъ Болландистовъ далеко не ограничиваются источники для исторіи распространенія христіанства западными миссіонерами. Основаніе и исторія главнѣйшихъ монастырей, бывшихъ разсадниками христіанскаго просвѣщенія, разсказаны въ монастырскихъ хроникахъ; въ письмахъ и буллахъ папъ, въ постановленіяхъ мѣстныхъ соборовъ, всюду найдутся дополнительныя извѣстія. Съ распространеніемъ проповѣди за предѣлы Европы и по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, извѣстія о подвигахъ западныхъ миссіонеровъ становятся еще полнѣе. Мало того, что они позволяютъ имѣть болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о трудахъ различныхъ миссій, о средствахъ, какими онѣ дѣй-

ствуютъ для достиженія своей цѣли, о положеніи миссіонеровъ среди народовъ, ими обращенныхъ; но эти извѣстія дѣлаются драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для этнографіи и исторіи тѣхъ странъ, куда проникла католическая пропаганда. Достаточно указать на труды іезуитовъ и доминиканъ, относящіеся къ Китаю. Они легли въ основу изученія своеобразнаго устройства Небесной имперіи, ея языка и исторіи, и до сихъ поръ составляютъ необходимое пособіе для синологовъ. Какова бы ни была дѣятельность слишкомъ извѣстнаго ордена внутри Европы, нельзя не оцѣнить упорной настойчивости и самоотверженія іезуитскихъ проповѣдниковъ въ другихъ частяхъ свѣта: въ Америкѣ, Японіи, Китаѣ. Укажемъ на дѣятельность католическихъ и протестантскихъ миссій нашего времени. Едва ли есть одно изъ племенъ, открытыхъ Европейцами, къ которому не проникало бы ихъ прямое или косвенное вліяніе. Донесенія и отчеты миссій, дѣйствующихъ, напримѣръ, на островахъ Тихаго океана, исполнены высокаго интереса. Въ мелочныхъ подробностяхъ раскрываютъ они передъ любопытнымъ читателемъ положеніе проповѣдниковъ, начиная отъ самыхъ первыхъ попытокъ къ водворенію и обращенію до болѣе или менѣе полнаго господства надъ умами обращенныхъ язычниковъ. Природа страны, образъ жизни, нравы жителей описываются во всей полнотѣ, собираются свѣдѣнія объ устныхъ преданіяхъ, производятся изслѣдованія объ языкѣ и религіозныхъ вѣрованіяхъ туземцевъ. А между тѣмъ, нельзя не сознаться, труды западныхъ миссіонеровъ въ значительной части случаевъ оказываются несостоятельными, несмотря на то, что успѣхъ, повидимому, покупается цѣною полнаго самоотверженія. Извѣстны судьбы христіанства въ Китаѣ. Сколько времени работаютъ тамъ проповѣдники, пробираясь всѣми путями, пользуясь всѣми благопріятными обстоятельствами, и однакоже какъ малы успѣхи, а

главное, какъ слабы задатки ихъ прочности! Очень часто успѣхъ оказывается только видимымъ, внѣшнимъ. Въ самой натурѣ жителей Срединнаго государства, въ тѣхъ условіяхъ, подъ которыми сложилась не только ихъ общественная жизнь, но и самое мышленіе, самыя пониманія предметовъ, заключается одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ успѣшному насажденію христіанства. Въ Америкѣ, въ Океаніи другія преграды, еще болѣе неодолимыя, какъ бы роковыя. Едва успѣютъ одолѣть миссіонеры немногосложныя вѣрованія туземцевъ, покорить ихъ новому ученію и положить основаніе на иныхъ началахъ построенному быту общества, какъ начинается постепенное, но неминуемое исчезновеніе этого общества, вымираніе туземцевъ, какъ бы вслѣдствіе ихъ столкновенія съ людьми иного племени, съ новою цивилизаціей, несвойственною ихъ природѣ. Часто миссіонерамъ остается быть свидѣтелями печальнаго разрушенія основаннаго ими христіанскаго общества, быть историками племени, на ихъ глазахъ исчезающаго. Факты медленнаго вымиранія туземцевъ Океаніи и Америки при столкновеніи ихъ съ Европейцами слишкомъ извѣстны, чтобы повторять ихъ. Тѣмъ бо́льшій интересъ имѣютъ извѣстія миссіонеровъ, еще застававшихъ туземцевъ во всей чистотѣ ихъ первоначальнаго быта, и для многихъ мѣстностей они будутъ составлять едва ли не главный, если не единственный, источникъ, изъ котораго можно получить свѣдѣнія о характерѣ и бытѣ выродившагося или вымершаго племени.

Оставляя въ сторонѣ проповѣдь Евангелія, шедшую изъ Византіи, и останавливаясь только на распространеніи христіанства въ предѣлахъ Россійской имперіи и притомъ трудами духовенства и правительства русскаго, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ. Христіанство въ этихъ предѣлахъ не встрѣчаетъ тѣхъ внутреннихъ препятствій, которыя

вытекали бы изъ самой природы племенъ, между которыми оно распространяется. Не говоримъ уже о племенахъ славянскихъ. Подобно Кельтамъ и Германцамъ, они цѣльно приняли проповѣдь Евангельскую и сдѣлались орудіями ея дальнѣйшихъ успѣховъ. Но и тѣ племена, къ которымъ приносили эту проповѣдь русскіе благовѣстники, никакъ не могутъ быть сравниваемы съ туземцами Америки или Океаніи. Ихъ отношенія къ племенамъ славянскимъ явившимся проводниками христіанскихъ вѣрованій, совсѣмъ не тѣ, какія мы встрѣчаемъ у туземцевъ Сѣверной Америки и острововъ Тихаго океана при столкновеніяхъ съ Европейцами. Быть-можетъ, многое зависитъ отъ природныхъ условій славянской расы, служащей посредницею. Не имѣя той упругости, которою въ высшей степени отличается, напримѣръ, раса англо-саксонская, славянская раса не имѣетъ и ея исключительности, не оказываетъ того гибельнаго, разъѣдающаго вліянія, какое является почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ столкновенія людей англиканскаго происхожденія съ племенами низшей цивилизаціи. Она болѣе способна примѣняться къ тому племени, съ которымъ сводитъ ее судьба, болѣе уступчива и податлива къ воспринятію въ себя чуждыхъ элементовъ, къ претворенію ихъ въ свою плоть и кровь. Результатомъ ея столкновеній съ инородцами бываетъ слiяніе съ нею, а не уничтоженіе послѣднихъ. Посмотрите на Русскихъ въ Восточной Сибири. Съ какою легкостью прилаживаются они къ племенамъ совершенно чуждаго происхожденія и какъ скоро, сохраняя вполнѣ основы своей народной особенности, принимаютъ на себя многое изъ образа жизни инородцевъ! Въ Якутскомъ краѣ рѣдкій изъ Русскихъ не говоритъ бѣгло по-якутски, употребляя этотъ языкъ часто безъ нужды въ разговорахъ между собою. То же самое видимъ у русскихъ поселенцевъ, живущихъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ Тунгузами и Бурятами. Цѣной внѣшнихъ и времен-

ныхъ уступокъ пріобрѣтается болѣе прочное и существенное вліяніе. Можетъ-быть, эта способность къ принятію чуждой народности и иной цивилизаціи таится и въ природѣ племенъ, населяющихъ пространство имперіи. Какъ бы то ни было, но въ предѣлахъ Россіи сліяніе разныхъ племенъ, принятіе ими высшей гражданственности не встрѣчаютъ тѣхъ препятствій, какія находятъ они въ другихъ странахъ свѣта. Христіанство должно было распространяться здѣсь съ большею легкостью, чѣмъ гдѣ-либо, потому что находило болѣе выгодныя условія; и фактъ быстраго распространенія русской народности и внѣшняго расширенія предѣловъ восточно-христіанскаго міра служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Распространеніе христіанства между каждымъ племенемъ иновѣрческимъ имѣетъ два необходимые періода. Первый періодъ—это начальное ознакомленіе иновѣрцевъ съ истинами христіанской религіи, признаніе ея превосходства надъ прежними вѣрованіями, побѣда, такъ сказать, еще внѣшняя, поверхностная, и второй—это постепенное проникновеніе христіанства въ глубину сознанія новообращенныхъ, коренное измѣненіе понятій, нравственности и самаго быта подъ благотворнымъ вліяніемъ Божественнаго ученія. Очевидно, что на внѣшнемъ принятіи христіанской вѣры язычниками нельзя еще успокоиться, и едва ли кто-нибудь можетъ удовлетвориться такимъ описаніемъ религіознаго состоянія новообращенныхъ, какое, напримѣръ, дѣлаетъ о. П. Хитровъ, говоря о крещеныхъ Якутахъ и Тунгузахъ Жиганскаго улуса: «Несмотря на скудость въ средствахъ къ духовному образованію и на то, что въ цѣломъ улусѣ нѣтъ ни одного грамотнаго человѣка, чистота нравовъ, христіанская любовь къ ближнему и безпредѣльная вѣра въ святое Провидѣніе едва ли достигаютъ въ нѣкоторомъ отношеніи такого совершенства между людьми образованными, какое можно найти у здѣшнихъ ино-

родцевъ. *Правда,* по неимѣнію на ихъ языкѣ грамоты, *они не знаютъ молитвъ и слабое имѣютъ понятіе о догматахъ православной вѣры, но за то въ нихъ преобладаетъ во всемъ вѣра.* Нельзя сказать, чтобъ они были совершенно свободны отъ тѣхъ суевѣрій и предразсудковъ, которые вмѣстѣ съ бытіемъ своимъ наслѣдовали отъ своихъ предковъ-язычниковъ. Кое-гдѣ встрѣчаются донынѣ остатки древняго шаманства» и т. д. (Записки С.-Пб. Отд. Имп. Геогр. Общ. кн. I. отд. I. стр. 83). Какъ ни высоко цѣнитъ почтенный о. Хитровъ вѣру Жиганскихъ Якутовъ, какъ ни хочетъ онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поставить ихъ даже выше людей образованныхъ, но, мы думаемъ, онъ и самъ согласится съ нами, что, прежде чѣмъ назвать ихъ христіанами, необходимо, чтобъ они умѣли молиться христіанскому Богу и имѣли понятіе хотя о важнѣйшихъ догматахъ православія: иначе у насъ произойдетъ странное смѣшеніе понятій и мы признаемъ за христіанъ тѣхъ Чувашъ, которые въ молитвахъ ко злой Керемети, имѣющей власть надъ плодородьемъ земли, призываютъ между прочимъ Николу-Тора. Внѣшнее признаніе превосходства христіанской религіи надъ языческими заблужденіями есть, конечно, первый и труднѣйшій шагъ, но за нимъ должно слѣдовать дальнѣйшее христіанское воспитаніе обращаемыхъ. Въ исторіи распространенія христіанства въ Россіи нельзя останавливаться только на внѣшнемъ расширеніи его предѣловъ, но столько же интересно и поучительно слѣдить за его укорененіемъ въ сознаніи и въ жизни покорившихся ему народовъ.

Въ настоящее время огромное большинство населенія Имперіи — христіане православной церкви. Какими путями совершилось ихъ обращеніе, какими средствами приведены были разновѣрныя племена къ убѣжденію въ несостоятельности прежнихъ вѣрованій, что̀ противопоставляли они проповѣди

Евангелія и чѣмъ разрушены были ихъ предубѣжденія? Какія были мѣры православной церкви къ обращенію язычниковъ; что̀ дѣлается для обращенія тѣхъ племенъ, которыя до сихъ поръ еще остаются во тьмѣ заблужденія? Вотъ вопросы, интересные не только для каждаго вѣрующаго, но и для каждаго любознательнаго человѣка. Отвѣта на нихъ должно искать или въ источникахъ церковныхъ, или въ распоряженіяхъ правительства, помогавшаго церкви въ великомъ дѣлѣ обращенія иновѣрцевъ. Взглянемъ, насколько тѣ и другія даютъ матеріалы для обстоятельнаго и яснаго изложенія исторіи обращенія иновѣрцевъ къ православному ученію Греко-Россійской церкви.

Въ исторіи русской церкви нѣтъ недостатка въ мученикахъ, своею кровью запечатлѣвшихъ подвигъ благовѣстія. Отъ свв. Леонтія и Исаіи, епископовъ Ростовскихъ, такъ много потрудившихся для утвержденія вѣры въ суровой области, близкой къ таинственному міру финнскаго сѣвера, до Мисаила, архіепископа Рязанскаго, мученически погибшаго въ 1655 г. среди Шацкой Мордвы, и до о. Ювеналія, убитаго на проповѣди дикарями Аляски въ 1796 г., можно привести довольно именъ, память которыхъ хранится потомствомъ. Что не было недостатка въ дѣятеляхъ, это лучше всего доказывается громадностью совершившагося обращенія. Къ сожалѣнію, нелегко сказать, при какихъ обстоятельствахъ были достигнуты эти результаты. Всего проще и естественнѣе было бы обратиться за свѣдѣніями къ того же рода источникамъ, откуда, напримѣръ, почерпаются обильныя указанія для распространенія церкви Западной, то-есть, къ житіямъ самихъ подвижниковъ, къ разсказамъ о ихъ дѣятельности, составленнымъ если не ими самими, то ихъ современниками или ближайшими по времени потомками. Но для этого необходимо, чтобы житія святыхъ были собраны, сличены по различнымъ

редакціямъ, сохранившимся отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, очищены отъ искаженій и позднѣйшихъ вставокъ переписчиковъ и наконецъ, изданы. Трудъ огромный, котораго еще ждетъ въ будущемъ русская наука. Въ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ находится безчисленное множество списковъ отдѣльныхъ житій, похвалъ, чудесъ и т. д. Почти столько же записано въ сборникахъ духовнаго и смѣшаннаго содержанія, которыхъ составленіе и чтеніе было почти главною пищей для умственной дѣятельности нашихъ предковъ. Не говоря о богатствахъ Патріаршей библіотеки, сравнительно бѣдная библіотека Соловецкой обители, кромѣ отдѣльныхъ житій, десятками считаетъ сборники, въ которыхъ они встрѣчаются. Весь этотъ матеріалъ далеко не приведенъ въ извѣстность и даже въ ясность. Мы до сихъ поръ не вполнѣ знаемъ, какими сокровищами владѣемъ. При такомъ положеніи, объ изданіи, о критическомъ сводѣ и очищеніи рукописей, очевидно, нечего и думать. Только весьма съ недавняго времени начали пользоваться житіями, какъ историческимъ источникомъ; а между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ уже утрачены или, по крайней мѣрѣ, считаются потерянными. Давно ли подвергли критическому разсмотрѣнію столь важныя для русской исторіи житія свв. Авраамія Ростовскаго, Константина Муромскаго? Изданныя же житія въ прологахъ, четіи минеяхъ и т. д., вполнѣ удовлетворяя благочестивой любознательности читателей, не могутъ замѣнить критическаго изданія по рукописямъ. Сдѣлаемъ, впрочемъ, одну оговорку. Какъ ни прискорбно отсутствіе полнаго собранія житій святыхъ русскихъ, но нельзя думать, чтобъ изданіемъ рукописныхъ житій давался очень обильный матеріалъ для исторіи христіанской проповѣди въ предѣлахъ Россіи. Недоступныя въ настоящее время для большинства любителей русской исторіи рукописныя сокровища духовной литературы обращали, однако, на себя вниманіе тѣхъ

изслѣдователей, положеніе и занятія которыхъ позволяли имъ пользоваться ими. Прежде всего къ нимъ должны были прибѣгать по необходимости историки Греко-Россійской церкви, и они умѣли извлечь изъ нихъ много новыхъ и интересныхъ данныхъ для своего предмета. Послѣдній по времени трудъ по нашей церковной исторіи, сочиненіе пр. Макарія, епископа Винницкаго (Исторія Русской церкви, т. III, С.-Петерб., 1857 г.), представляетъ превосходныя изслѣдованія на основаніи первоначальныхъ источниковъ.

Чѣмъ служили примѣчанія къ «Исторіи государства Россійскаго» для людей, занимавшихся русскою исторіей, до появленія изданій Археографической коммиссіи, тѣмъ могутъ служить теперь примѣчанія къ «Исторіи Русской церкви» пр. Макарія. Въ нихъ не только вошло множество извлеченій изъ неизданныхъ источниковъ, но помѣщено въ первый разъ нѣсколько памятниковъ вполнѣ, такъ что трудъ пр. Макарія до нѣкоторой степени можетъ замѣнить самыя рукописи. Преосвященныхъ Макарія и Филарета, очевидно, нельзя упрекнуть въ недостаточномъ вниманіи къ этимъ важнымъ источникамъ для русской исторіи. По тому, что̀ извлекли изъ рукописныхъ житій эти историки церкви, можно судить о характерѣ историческаго матеріала, которымъ они пользовались. Прежде всего видно, что въ нихъ нечего искать много подробностей для изложенія исторіи проповѣди христіанства въ Россіи. Составители жизнеописаній довольствовались краткимъ и сжатымъ указаніемъ на результаты дѣятельности благовѣстниковъ, не останавливаясь на описаніи всѣхъ обстоятельствъ борьбы съ язычниками, проходя большею частію молчаніемъ подробности ихъ первыхъ встрѣчъ и отношеній и очень рѣдко упоминая о тѣхъ заблужденіяхъ, съ которыми приходилось бороться проповѣдникамъ истины.

Не всегда встрѣчаемъ мы достаточно данныхъ для опредѣленія личнаго характера описываемыхъ подвижниковъ. Мало житій останавливаются на обозначеніи тѣхъ побужденій, которыя влекли избранныхъ изъ тихаго убѣжища монастырскаго на тревожную и опасную дѣятельность обращенія полудикихъ язычниковъ. Житія Трифона Печенегскаго и Трифона Вятскаго составляютъ рѣдкое исключеніе по представляемымъ ими живымъ подробностямъ. Итакъ, одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ оказывается недостаточнымъ и скудно вознаграждаетъ изслѣдователя. Достаточно посмотрѣть въ трехъ вышедшихъ томахъ «Исторіи Русской церкви» пр. Макарія отдѣлъ о распространеніи христіанства, чтобъ убѣдиться, какъ мало можно извлечь положительныхъ данныхъ при самомъ неутомимомъ трудолюбіи и при всей возможности пользоваться первоначальными источниками. Отъ св. Владиміра до татарскаго нашествія не болѣе 20-ти страницъ заняты въ трехъ томахъ этимъ отдѣломъ, включая тутъ же и критическія изслѣдованія [1]). Не болѣе найдемъ мы и въ исторіи преосвященнаго Филарета. Сколько мы можемъ судить, основываясь на розысканіяхъ этихъ всѣми достойно признанныхъ авторитетовъ, нужно отказаться отъ надежды получить большой запасъ свѣдѣній даже подъ условіемъ собранія и изданія рукописныхъ памятниковъ. Житія русскихъ святыхъ также немного даютъ и для той важной стороны, которою распространеніе христіанства совпадаетъ съ распространеніемъ гражданственности. Подробности объ устройствѣ обителей, о расчищеніи пашней, которымъ оно обыкновенно сопровождалось, о проложеніи путей, о первыхъ начаткахъ земледѣлія и торговли, о первыхъ осѣдлыхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ, основывавшихся подъ сѣнію монастырей, о сношеніяхъ рус-

[1]) Т. I, стр. 4—12. Т. II, стр. 17—28. Т. III, стр. 26.

ских иноковъ и поселенцевъ съ обращенными или упорствовавшими язычниками, о вліяніи первыхъ на измѣненіе быта и нравовъ послѣднихъ—всѣ эти подробности, въ высшей степени интересныя для историка, едва-ли найдутся въ достаточномъ количествѣ для составленія по возможности полной картины распространенія образованности подъ покровомъ религіи. Въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между древнѣйшими житіями и тѣми изъ нихъ, составленіе которыхъ относится къ болѣе позднему времени. Нѣсколько болѣе могутъ дать пастырскія посланія нашего духовенства. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, встрѣчаемъ мы болѣе полное указаніе на тѣ заблужденія, которыя упорно хранились обращенными уже въ христіанство, видимъ заботу объ искорененіи этихъ остатковъ язычества и борьбу съ ними. Таковы посланія Новгородскихъ архіепископовъ Макарія и Ѳеодосія въ Воцкую пятину, митрополита Симона въ Пермь и др.; въ XVIII столѣтіи начинаются болѣе удовлетворительныя указанія объ обращеніи иновѣрцевъ. По временамъ правительство принимало дѣятельныя мѣры для достиженія этой цѣли. Снаряжались особыя миссіи, посылались проповѣдники и т. д. Но свѣдѣнія имѣютъ по преимуществу характеръ офиціальный, ограничиваются сообщеніемъ достигнутыхъ результатовъ, по крайней мѣрѣ, сколько можно судить по изданнымъ источникамъ. Обстоятельнаго разсказа о дѣйствіяхъ проповѣдниковъ, о томъ, какъ дѣйствовали они на умы язычниковъ, какое вліяніе оказывало новое ученіе на измѣненіе нравовъ и понятій, какъ глубоко проникали истины христіанской религіи, мы не встрѣчаемъ въ тѣхъ документахъ, которыми можетъ пользоваться изслѣдователь, и только по нѣкоторымъ отрывочнымъ фактамъ можемъ иногда дѣлать соображенія. Мы знаемъ, напримѣръ, изъ Полн. Собр. Зак., что преосв. Питиримъ Нижегородскій обратилъ нѣсколько тысячъ иновѣрцевъ магометанскаго закона и идолопоклонниковъ

по увѣщанію Св. писанія. Знаемъ, что по указу Анны Ивановны отъ 11-го сентября 1740 г. назначена была цѣлая миссія для обращенія инородцевъ Казанской губерніи, что ей дана была особенная инструкція, что начальникомъ ея назначенъ былъ архим. Димитрій Сѣченовъ, продолжавшій свою дѣятельность и послѣ посвященія его въ санъ епископа Нижегородскаго. Знаемъ и общій результатъ этой дѣятельности: въ 1746 г. въ Нижегородской епархіи новокрещенныхъ было 50.430 человѣкъ въ 132 деревняхъ (Ист. Нижегор. іерарх. 118). Но этимъ общимъ выводомъ мы и должны удовлетвориться. Между тѣмъ волненіе, обнаружившееся въ 1808 году у Терюшевской Мордвы, гдѣ Мордовскій прорицатель Кузька увлекъ было къ прежнимъ языческимъ вѣрованіямъ своихъ соплеменниковъ, еще около 1743 года обращенныхъ Димитріемъ Сѣченовымъ, показываетъ, что сѣмена просвѣщенія еще не успѣли достаточно укрѣпиться на этой невоздѣланной и, можетъ-быть, нѣсколько пренебреженной почвѣ. Точно также мало подробностей и о миссіонерской дѣятельности Веніаминна Пуцека Григоровича, бывшаго впослѣдствіи митрополитомъ Казанскимъ и обратившаго большое число Татаръ, Черемисъ, Чувашъ, Мордвы и Вотяковъ Казанской губерніи. По мѣстному преданію, цѣлыми толпами крестилъ онъ Чувашъ, давая имъ свое мірское имя Василія, при чемъ воспріемникомъ былъ діаконъ Иванъ Аѳанасьевъ, и русское населѐніе Казанской губерніи зоветъ каждаго Чувашенина Василіемъ Ивановичемъ (Изслѣд. объ инородц. Казан. губ., *Сбоева*, 13, прим.). Но лѣтъ 30, 40 тому назадъ большая часть Василіевъ Ивановичей еще твердо вѣрила въ своихъ прежнихъ добрыхъ и злыхъ боговъ и приносила жертвы въ завѣтныхъ Кереметяхъ. Какъ искоренялись эти заблужденія, объ этомъ свѣдѣній чрезвычайно мало. Болѣе подробныя извѣстія желательно было бы имѣть о дѣятельности преосв. Дамаскина въ концѣ прошлаго столѣ-

тія, о проповѣди Филарета, митрополита Кіевскаго, въ 1830 г. въ Казанской губерніи, о Тобольскихъ архіереяхъ, много содѣйствовавшихъ обращенію сибирскихъ инородцевъ, о трудахъ миссій, отправленныхъ изъ Московской академіи въ Камчатку въ 1742 г., и о многихъ другихъ подвигахъ русскихъ благовѣстниковъ. Результаты извѣстны, но понятно желаніе присутствовать мыслію при самыхъ трудахъ, которыми они были достигнуты. Искать дополненій въ правительственныхъ актахъ, — но они, очевидно, не могутъ представить ихъ очень много. Въ правительственныхъ актахъ найдемъ мы общія распоряженія, иногда упоминаніе о какомъ-нибудь частномъ случаѣ, наконецъ, признаніе неудовлетворительности прежнихъ мѣръ—не болѣе. Ввести насъ въ самый кругъ миссіонерской дѣятельности, поставить лицомъ къ лицу съ живыми дѣятелями они, очевидно, не въ силахъ. Они даютъ только понятіе о правительственныхъ мѣрахъ, благопріятствовавшихъ дѣлу обращенія или чѣмъ-нибудь его замедлявшихъ, да сообщаютъ статистическую цифру, болѣе или менѣе соотвѣтствующую дѣйствительности. Изъ грамоты Ивана Грознаго святителю Гурію узнаемъ мы, что правительство заботливо вникло въ положеніе ново-устрояемой церкви посреди враждебнаго населенія, только-что покореннаго оружіемъ, что оно указало на лучшій способъ дѣйствія къ распространенію христіанства и къ охраненію новообращенныхъ отъ соблазна и отступничества. Въ превосходныхъ донесеніяхъ губернатора Неплюева предложены лучшія средства для поселенія Ставропольскихъ Калмыковъ, для утвержденія въ кочевыхъ пришельцахъ христіанской гражданственности. Но всѣмъ этимъ не вполнѣ еще удовлетворяется любознательность. Намъ хотѣлось бы прислушаться къ словамъ перваго святителя покоренной Казани, бесѣдующаго тихо, *съ умиленіемъ* съ Татарами, приходящими къ нему ударить челомъ; намъ интересно было бы по-

смотрѣть на Калмыка, впервые узнавшаго вѣрованія того народа, среди котораго нашелъ онъ убѣжище; а для всего этого необходимъ разсказъ близкаго свидѣтеля-очевидца, а не наказная память, не офиціальное распоряженіе. Извѣстно распоряженіе XVII стол., по которому духовное лицо могло принять иновѣрца и инородца въ лоно православной церкви только по Государеву указу, и можно представить себѣ, какъ замедлялось этимъ обращеніе въ отдаленныхъ мѣстахъ государства; но только частные случаи, извлеченные г. Райскимъ изъ дѣлъ областнаго Якутскаго архива, показываютъ, чѣмъ становилось такое неловкое распоряженіе въ рукахъ самовольнаго и своекорыстнаго воеводы. (Записки С.-Пб. Отд. Импер. Геогр. Общ., кн. I, отд. III, стр. 18). Правительственные акты безспорно весьма важный и необходимый источникъ, безъ котораго нельзя обойтись, но они не въ состояніи замѣнить недостатокъ показаній, идущихъ отъ самихъ дѣятелей или отъ лицъ къ нимъ близкихъ. Замѣтимъ еще и то, что распоряженія XVII и XVIII стол. не всегда отличались послѣдовательностью и выдержанностью направленія, а это должно было неблагопріятно дѣйствовать на ихъ исполненіе.

При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ не удивительно, что наша научная литература такъ не богата изслѣдованіями относительно распространенія христіанства между иновѣрцами и что и эти немногія изслѣдованія, которыя всѣ легко могутъ быть перечислены, не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ. Возьмемъ для примѣра одинъ изъ лучшихъ трудовъ въ этомъ родѣ, прекрасную статью архимандрита Макарія «Распространеніе христіанской вѣры въ предѣлахъ Пермской епархіи» (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1857 г. февраль, отд. II, стр. 225—285). Авторъ не ограничился тѣми матеріалами, какіе доставлялись ему житіями и актами правительства, не только выбралъ все, что могло быть для него интереснымъ изъ

3 томовъ «Хозяйственнаго описанія Пермской губерніи», изданнаго въ 1811 году Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ и заключающаго большой запасъ всякаго рода свѣдѣній; но онъ собралъ всѣ извѣстія, какія можно было получить только на мѣстѣ, объ основаніи церквей, монастырей, часовенъ, воспользовался надписями, старался опредѣлить вліяніе русскихъ поселеній на обращеніе туземцевъ, — однимъ словомъ, не упустилъ изъ виду ни одного источника, и однакожь его изложеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ труду, употребленному на него изслѣдователемъ. Причина заключается, очевидно, въ свойствѣ и числѣ самыхъ источниковъ, и до неожиданнаго открытія какихъ-нибудь новыхъ матеріаловъ статья архимандрита Макарія будетъ служить полнѣйшимъ сводомъ всего, чѣмъ владѣетъ наука относительно избраннаго имъ вопроса. То же самое можно сказать о тѣхъ страницахъ другаго сочиненія того же автора: «Исторія Нижегородской іерархіи (С.-Петербургъ, 1857 г.)», которыя посвящаетъ онъ обращенію инородцевъ. И здѣсь самое добросовѣстное изслѣдованіе дало, однако, очень немного. Дѣла Нижегородской консисторіи и Полное Собраніе Законовъ представили цифру крещеныхъ иновѣрцевъ, указали мѣры для приготовленія духовныхъ лицъ изъ самихъ же инородцевъ, приведены два или три частные случая, и только. Главное препятствіе къ составленію обстоятельнаго изложенія исторіи христіанской проповѣди въ Россіи заключается, повторяемъ, въ отсутствіи показаній самихъ дѣятелей, въ неимѣніи подробныхъ разсказовъ о ходѣ ихъ проповѣди со всѣми случайностями, съ благопріятными или неблагопріятными условіями, ее сопровождавшими. Пока сами благовѣстники будутъ хранить упорное молчаніе, трудно по заслугамъ оцѣнить ихъ дѣятельность. Понятно, какою радостью привѣтствуемъ мы первое изданіе, полагающее начало болѣе близкому знакомству съ

этою главнѣйшею стороной исторіи просвѣщенія въ Россіи. Мы говоримъ о явившемся въ нынѣшнемъ году сборникѣ: «Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ съ 1793 до 1853 г. Москва. 1857 г.».

Цѣль сборника достаточно объяснена въ предисловіи. «Забвеніе и даже неполное знаніе о трудахъ благочестивой ревности русскихъ благовѣстниковъ можетъ подать поводъ къ несправедливымъ толкамъ. И дѣйствительно, встрѣчаются между Русскими христіане православные по вѣрѣ, которые, начитавшись красноглаголивыхъ разсказовъ о дѣятельности иностранныхъ миссіонеровъ, приписываютъ матери своей, святой православной церкви, мнимое бездѣйствіе, вмѣсто того, чтобы сознаться въ невѣдѣніи о ея подвигахъ». Мы старались выше указать на нѣкоторыя причины, объясняющія невольное невѣдѣніе и заключающіяся преимущественно въ отсутствіи достаточнаго числа данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы слѣдить за распространеніемъ православія въ предѣлахъ Имперіи. Противодѣйствовать этому невольному невѣдѣнію можно только собираніемъ и обнародованіемъ всѣхъ свѣдѣній объ апостольскихъ трудахъ русскихъ проповѣдниковъ, и составитель сборника, покойный Ал. Ск. Стурдза, краткая біографія котораго помѣщена въ началѣ приготовленной имъ къ изданію книги, очень хорошо понималъ это. Ограничась послѣдними 60 годами до 1853 г., онъ перепечаталъ тѣ свѣдѣнія, которыя были помѣщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ о распространеніи христіанской вѣры въ Россіи. Этимъ онъ надѣялся положить «какъ бы начало и основу историческому памятнику вѣры, воздвигаемому въ нашемъ отечествѣ православно-каѳолическою церковію» (заключительныя слова предисловія). Взглянемъ на исполненіе благаго намѣренія и изложимъ главные результаты, представляемые обнародованными данными для исторіи проповѣди въ Россіи въ по-

слѣдняя время. Въ сборникъ вошли статьи, уже напечатанныя въ *Христіанскомъ Чтеніи*, въ *Твореніяхъ Св. Отцовъ* и въ литературномъ отдѣлѣ *Московскихъ Вѣдомостей*. Кромѣ того, сюда же вошло сочиненіе протоіерея Веніамина, изданное въ 1840 г., и извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1852 годъ. Перепечаткой этихъ статей, разсѣянныхъ по періодическимъ изданіямъ, безспорно оказана услуга для тѣхъ, кто желалъ бы воспользоваться уже обнародованными свѣдѣніями; но крайне прискорбно, что почтенный составитель сборника ограничился одной перепечаткой, не прибавивъ вновь собранныхъ извѣстій, не сдѣлавъ даже примѣчаній и дополненій, во многихъ мѣстахъ совершенно необходимыхъ. Слѣдствіемъ этого является отрывочность, раздробленность представляемыхъ матеріаловъ, еще больше бросающаяся въ глаза съ тѣхъ поръ, какъ они собраны въ одну книгу. Свѣдѣнія, представляемыя сборникомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ только раздражаютъ любознательность, не удовлетворяя ея. Таковы въ особенности 1-я и 3-я статьи, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію полныхъ отчетовъ нашихъ миссій. Первая статья, которою открывается «Памятникъ трудовъ русскихъ благовѣстниковъ», есть «Обращеніе Осетинцевъ и Удовъ Кавказскихъ въ вѣру христіанскую до 1820 г.». Въ ней на трехъ съ половиною страницахъ сообщены слѣдующія свѣдѣнія. Обращеніе Осетинъ въ христіанство началось въ 1745 г. По 1767 годъ крещено 2.142 человѣка. Съ 1772 по 1792 г. — 6.057 душъ. Въ 1814 году Осетины Нарскаго ущелья отнеслись къ главному начальству Грузіи съ просьбою опредѣлить къ нимъ священника, который въ теченіе семи мѣсяцевъ и крестилъ до 150 Осетинъ. Съ этого времени Осетинская коммиссія получила въ руководство правила, исполненіемъ которыхъ всего легче могла достигнуться цѣль обра-

щенія. Въ вѣдомости, представленной въ 1820 году святѣйшему синоду отъ экзарха Грузіи Ѳеофилакта, всѣхъ обращенныхъ къ православію показано 40.335. Сверхъ того, крещено Удовъ 130 человѣкъ. Церквей, уже сооруженныхъ, было 13 каменныхъ и 4 деревянныхъ. Сооружалось 20 каменныхъ, 4 деревянныхъ; предположено соорудить 2 каменныхъ и 1 деревянную. Богослужебныя книги для обращенныхъ печатаются на осетинскомъ языкѣ грузинскими церковными буквами. Этимъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя сборникомъ о распространеніи христіанства на Кавказѣ. За тѣмъ слѣдуютъ благочестивыя пожеланія, произвольная догадка, что «пламенникъ разрушительнаго ученія Магометова заимствовалъ ложный свѣтъ отъ мнимаго просвѣщенія аріанскаго» (стр. 4), и замѣчаніе, что обращеніе магометанъ представляетъ болѣе затрудненій, нежели обращеніе язычниковъ. Послѣднее чрезвычайно вѣрно, и потому-то мы съ сожалѣніемъ смотримъ на каждую мѣру, благопріятствующую распространенію мусульманства насчетъ грубаго язычества въ Киргизской степи, точно также какъ и на усиленіе буддизма въ Восточной Сибири. Тѣмъ и другимъ, очевидно, затрудняется дѣло христіанскихъ проповѣдниковъ. Возвращаясь къ представленнымъ сборникомъ свѣдѣніямъ объ успѣхахъ проповѣди на Кавказѣ, съ невольнымъ изумленіемъ спрашиваешь себя, неужели это все, чѣмъ долженъ удовлетвориться заинтересованный читатель. Если у него нѣтъ ничего болѣе, то его невѣдѣніе и неизбѣжныя слѣдствія невѣдѣнія становятся извинительными. Въ 33 года, протекшіе со времени донесенія преосвященнаго экзарха Грузіи, до 1853 года, положеннаго предѣломъ сборнику, русское оружіе далеко проникло въ ущелья Кавказа и упрочило власть надъ Закавказскими областями. Побѣдами русскихъ войскъ открывались новые пути для проповѣдниковъ. По мѣрѣ того, какъ въ умахъ горцевъ росла увѣрен-

ность въ могуществѣ Россіи, должно было облегчаться и дѣло благовѣстія. Не забудемъ, что для племенъ Кавказа христіанство не было новою религіей. Въ ущельяхъ, населенныхъ теперь мусульманскими или языческими жителями, разсѣяны остатки христіанскихъ храмовъ, и магометанство проникло во многія мѣстности не такъ давно. Многія племена, совратившіяся къ безсмысленнымъ заблужденіямъ язычества, еще хранятъ въ памяти смутныя преданія христіанской религіи, нѣкогда ими исповѣданной. Въ почти неприступной Сванетіи жители окружаютъ благоговѣйнымъ уваженіемъ запустѣвшія церкви, хранятъ, какъ святыню оставшіяся тамъ иконы, и если преданы грубымъ суевѣріямъ, то единственно потому, что давно уже предоставлены самимъ себѣ и вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ утратили своихъ пастырей. Точно также въ другихъ мѣстностяхъ, нынѣ уже покоренныхъ русскимъ оружіемъ, хранятся остатки христіанскихъ преданій и еще не коснулась пропаганда Корана. Возобновить въ памяти племенъ полузабытыя воспоминанія христіанства и огласить православнымъ богослуженіемъ безмолвныя стѣны уцѣлѣвшихъ храмовъ, по всей вѣроятности, легче, чѣмъ полагать вновь первыя начала благовѣстія, и не можетъ быть, чтобы въ теченіе 33-хъ лѣтъ не сдѣлано было никакихъ попытокъ къ водворенію христіанства въ странахъ, гдѣ оно нѣкогда исповѣдывалось. Вѣроятно, и Осетинская коммиссія не оставалась бездѣятельною въ виду быстраго распространенія русскаго господства на Кавказѣ, и тѣмъ болѣе жаль, что составитель сборника не могъ представить никакихъ данныхъ о проповѣди на Кавказѣ послѣ 1820 года, не сдѣлалъ по крайней мѣрѣ оговорки и указанія, гдѣ можно найти дополнительныя свѣдѣнія.

Третья статья сборника: «Выписка изъ дневника миссіонера, священника Александра Покровскаго, отправленнаго изъ Москвы, по Высочайшему повелѣнію, для наставленія въ хри-

стіанской вѣрѣ Черемисъ, зараженныхъ языческими суевѣріями», заключаетъ не болѣе 6 страницъ (81—86) и представляетъ разсказъ о двухдневной дѣятельности проповѣдника въ августѣ 1829 года. Здѣсь даже нѣтъ тѣхъ краткихъ историко-статистическихъ указаній, какія были въ предыдущей статьѣ. Но зато есть разсказъ о дѣйствіяхъ проповѣдника, заставляющій сожалѣть, что помѣщена только выписка, а не самый дневникъ въ его полномъ видѣ. Миссіонеръ Покровскій разсказываетъ, что онъ выѣхалъ изъ Уржума въ Сернурскую волость, въ село Макарово, гдѣ за годъ передъ тѣмъ трое Черемисъ разказомъ сновидѣнія обратили къ язычеству своихъ соплеменниковъ и нѣсколько тысячъ крещеныхъ Черемисъ совершали жертвоприношенія. Отсюда, какъ изъ главнаго пункта, хотѣлъ онъ начать свои дѣйствія. На дорогѣ, въ селѣ Доньялъ, Беляморской волости, миссіонеръ увидѣлъ толпы Черемисъ, собранныхъ исправникомъ для произведенія повальнаго обыска; онъ не захотѣлъ пропустить благопріятнаго обстоятельства и, успѣвъ при помощи магометанина, князя Дивлетъ-Кильдеева, склонить Черемисъ, чтобъ они выслушали его, началъ свою проповѣдь. Увѣщанія о. Покровскаго увѣнчались успѣхомъ, и его слушатели на другой день объявили, что они вѣруютъ въ Іисуса Христа, и присутствовали при Божественной литургіи. Чрезвычайно интересенъ разсказъ о дѣйствіи проповѣди, о впечатлѣніи, произведенномъ картиною страшнаго суда, и т. д. Чѣмъ кончилась вообще миссія о. Покровскаго, мы не знаемъ. По отрывку можемъ судить, какое пріобрѣтеніе сдѣлала бы наша духовная литература, если бы напечатанъ былъ весь дневникъ. Въ «Памятникѣ трудовъ русскихъ благовѣстниковъ» нѣтъ ничего болѣе объ обращеніи и утвержденіи въ вѣрѣ инородцевъ Приволжья и Прикамья, а между тѣмъ извѣстно, что то и другое вызывалось необходимостью и дѣйствительно происходило въ теченіе времени, обо-

значеннаго предѣлами сборника. Обращеніе Мордвы, Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ большими массами началось еще нѣсколько ранѣе половины прошлаго столѣтія. Много сдѣлано было коммиссіею новокрещеныхъ дѣлъ, образованною вслѣдствіе указа императрицы Анны Ивановны и дѣйствовавшей подъ начальствомъ архимандрита Димитрія Сѣченова въ предѣлахъ Казанской, Астраханской, Нижегородской и Воронежской губерній. Уже въ 1741 году Димитрій Сѣченовъ доносилъ, что въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ «иновѣрцы цѣлыми деревнями и всѣми уѣздами, какъ мужескъ такъ и женскъ полъ, всѣ до единаго человѣка святымъ крещеніемъ просвѣтились». Крестились, дѣйствительно, цѣлыми деревнями; но дѣйствовалъ больше страхъ русской администраціи, денежное вознагражденіе и льготы, чѣмъ самая проповѣдь. Самыми дѣйствительными мѣрами для обращенія было освобожденіе крестившихся отъ власти мурзъ, зачетъ службы съ оцѣнкою по 5 рублей въ годъ въ уплату долга тѣмъ изъ нихъ, которые жили по заемнымъ крѣпостямъ у заимодавцевъ, свобода отъ податей и единовременная денежная награда. Изъ-за послѣдней многіе инородцы крестились по нѣскольку разъ. Много дѣйствовалъ также и дополнительный указъ о производствѣ ревизіи, изданный въ 1748 г., по которому велѣно было освободить крестившихся иновѣрцевъ Казанской, Нижегородской и Воронежской губерній отъ приписки къ адмиралтейству, которой подвергались остальные. Водворенное такимъ образомъ христіанство, очевидно, могло быть принимаемо только внѣшнимъ образомъ. Не разъ являлись обманщики, увлекавшіе новокрещеныхъ къ полному возстановленію прежняго языческаго богослуженія. Ѳеофанъ, епископъ Нижегородскій, долженъ былъ письменно обращаться къ Чувашамъ, чтобъ опровергнуть нелѣпую выдумку какой-то Матрены, которая разглашала, что была взята на небо и тамъ получила приказа-

ніе, чтобы новокрещеные побрбсали съ себя кресты и возвратились къ идолопоклонству. Въ 1808 году, какъ мы уже упоминали, сновидецъ Кузька увлекъ Терюшевскую Мордву къ отпаденію отъ христіанства. Такой же случай въ 1828 году между Черемисами былъ причиной отправленія о. Покровскаго. Такихъ случаевъ отпаденія было весьма много, да и не отпадавшіе только по имени считались христіанами. Древнія заблужденія, только нѣсколько видоизмѣненныя отъ поверхностнаго знакомства съ христіанствомъ, сохраняли всю силу надъ умами. Церковь посѣщалась только въ случаѣ необходимости, и крещеные инородцы жили одною жизнію съ некрещеными. У тѣхъ и другихъ образовалась дикая смѣсь языческихъ и христіанскихъ понятій. На Чувашскомъ чукленьи (моленіи о хлѣбѣ) Іомса, перебравъ всѣхъ языческихъ богинь и боговъ, обращался въ заключеніе съ молитвой къ русскому Богу и къ Богу Николѣ, а это было уже у крещеныхъ Чувашъ. «Въ нынѣшнее время, — говоритъ о. пр. Вишневскій, извѣстный знатокъ Чувашъ и Черемисъ, и самъ бывшій среди нихъ миссіонеромъ, — некрещеные Черемисы во время болѣзней своихъ еще прибѣгаютъ съ молитвами своими къ св. Николаю, Варсонофію и Казанской Божіей Матери, для чего они въ честь ихъ колютъ жеребятъ». По примѣру боговъ черемисскихъ, въ понятіяхъ язычниковъ и у этихъ христіанскихъ святыхъ есть свои сакчи (докладчики), которымъ приносятся въ жертву зайцы (*Казанскія Губ. Вѣд.* 1856 г. № 9). Такое печальное состояніе вѣрованій у инородцевъ давно обращало на себя вниманіе просвѣщенныхъ пастырей церкви. Лучшимъ средствомъ для водворенія христіанства было, безъ сомнѣнія, поставленіе священниковъ изъ людей, умѣвшихъ говорить съ новообращенными на ихъ языкѣ и могшихъ входить съ ними въ близкія сношенія. Уже Димитрій Сѣченовъ началъ воспитывать въ Нижегородской семинаріи дѣтей изъ инородцевъ,

чтобы приготовить ихъ къ занятію священно и церковно-служительскихъ мѣстъ между ихъ соплеменниками. Дамаскинъ усилилъ въ Нижегородской семинаріи преподаваніе татарскаго, мордовскаго и чувашскаго языковъ. Это поддерживалось и его преемниками. То же самое было и въ епархіи Казанской, и Сбоевъ, съ дѣтства хорошо знавшій Чувашъ, свидѣтельствуетъ о благотворномъ вліяніи духовенства, знавшаго языкъ и понятія своей паствы и, кромѣ того, обезпеченнаго въ матеріальныхъ средствахъ правительствомъ и потому избавленнаго отъ необходимости потакать заблужденіямъ. (Изслѣд. объ инор. Каз. губ.).

Кромѣ заботъ о религіозномъ воспитаніи уже крещеныхъ инородцевъ, были заботы о крещеніи оставшихся въ язычествѣ. Преосв. Филаретъ, архіепископъ Казанскій, въ одномъ 1830 году обратилъ въ христіанство 2.268 Чувашъ. Миссіонеры часто назначались для проповѣди, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ о. Вишневскій, составили себѣ извѣстность основательнымъ знакомствомъ съ языкомъ и бытомъ инородцевъ Поволжья. Свѣдѣнія о дѣятельности проповѣдниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣются гдѣ-нибудь, и тѣмъ болѣе жаль, что Ал. Ск. Стурдза осудилъ себя на роль простаго перепечатывателя уже напечатанныхъ статей, а не постарался собрать эти свѣдѣнія, въ высшей степени интересныя. Одно изданіе полнаго дневника миссіонера Покровскаго, изъ котораго отрывокъ былъ напечатанъ въ *Христіанскомъ Чтеніи* и оттуда перепечатанъ въ сборникѣ, дало бы чрезвычайно много матеріаловъ, если судить по части о цѣломъ. Перепечатка же отрывка, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій о причинахъ, вызвавшихъ отправленіе миссіонера, о дальнѣйшемъ ходѣ его проповѣди и окончательныхъ ея результатахъ, имѣетъ чрезвычайно мало значенія, точно также, какъ и краткое извѣстіе объ обращеніи въ 1820 году

Осетиновъ и Удовъ, и не можетъ много помочь уничтоженію того невѣдѣнія, противъ котораго желалъ дѣйствовать составитель сборника. Мало того. 3-я статья можетъ ввести неприготовленнаго читателя въ невольное заблужденіе и подать поводъ къ ложнымъ заключеніямъ. Читатель, имѣющій только тѣ свѣдѣнія, которыя представляетъ ему «Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ», имѣетъ нѣкоторое право считать миссію о. Покровскаго явленіемъ исключительнымъ, вызваннымъ случайными, временными обстоятельствами, между тѣмъ какъ въ этой мѣстности необходимость обращенія инородцевъ-язычниковъ и утвержденія христіанскаго ученія между крещеными, но еще не вполнѣ укрѣпившимися въ вѣрѣ и живущими почти также, какъ и ихъ языческіе соплеменники,—эта необходимость существуетъ до сихъ поръ, равно какъ не перестаетъ существовать и дѣятельность просвѣщенныхъ пастырей церкви, вызываемая ею. Тѣ, которыхъ невѣдѣнію желалъ помочь составитель сборника, помѣщая небольшой отрывокъ изъ дневника миссіонера Покровскаго, можетъ-быть, не знаютъ и о существованіи миссіонерскаго отдѣленія въ Казанской духовной академіи и семинаріи, и для нихъ было бы очень важно получить хотя краткія свѣдѣнія объ успѣхахъ проповѣди между инородцами Казанской и сосѣднихъ съ нею губерній. Для нихъ много значили бы даже краткія перечневыя указанія въ родѣ тѣхъ, которыя представлены были относительно обращенія Осетинъ, съ условіемъ, чтобъ эти указанія обнимали весь избранный составителемъ періодъ времени, а не одной его части и притомъ не самой важной. Этому можно бы удовлетворить однимъ примѣчаніемъ, хотя, разумѣется, лучше всего было бы собрать и обнародовать самые отчеты миссій и дневники миссіонеровъ. Къ счастію, о проповѣди у другихъ племенъ мы находимъ въ «Памятникѣ» подобные полные отчеты, и къ нимъ теперь и обратимся.

За статьею объ обращеніи Осетинъ и Удовъ слѣдуетъ полный дневникъ миссіи, дѣйствовавшей въ 1825—1830 годахъ между Мезенскими Самоѣдами. На огромномъ пространствѣ такъ-называемой Мезенской тундры, которая тянется отъ р. Мезени до Уральскаго хребта и отъ границъ Вологодской губерніи до Сѣвернаго океана, съ давняго времени кочуютъ тундряные и лѣсовые роды Самоѣдовъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Исламинымъ («Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту», стр. 109) въ 1847 году на всѣхъ трехъ тундрахъ, на которыя дѣлится Мезенская тундра, то-есть, на Канинской, Тиманской и Больше-земельской, Самоѣдовъ считалось 2.545 мужескаго и 2.359 душъ женскаго пола, всего 4.904 человѣка. Олени, рыбные и звѣриные промыслы обезпечивали ихъ скудныя потребности до тѣхъ поръ, пока позднѣйшіе поселенцы не стѣснили первоначальныхъ владѣтелей тундры. Съ XVI столѣтія начали селиться въ Мезенской сторонѣ Русскіе, число которыхъ увеличилось особенно во время смутъ XVII столѣтія и послѣ реформъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ. Упорные приверженцы старыхъ обычаевъ, фанатическіе защитники обрядовой внѣшности и богослужебныхъ книгъ, не очищенныхъ отъ искаженій, толпами стремились къ берегамъ Сѣвернаго океана. Пустозерскъ и Усть-Цылемская волость были главными пунктами, гдѣ собрались русскіе поселенцы. Въ разныхъ мѣстахъ образовались отдѣльные, иногда одиночные выселки. Къ юго-востоку отъ Усть-Цылемской волости образовалось изъ смѣси Русскихъ, Зырянъ и 7-ми самоѣдскихъ семействъ поселеніе Ижемской волости, въ которомъ вполнѣ преобладаетъ элементъ зырянскій. И Русскіе, и Зыряне отличались предпріимчивою дѣятельностью, которой недоставало Самоѣдамъ. Они овладѣли всѣми промыслами, завели оленеводство, и мало по малу совершенно стѣснили бродячихъ сосѣдей до такой степени, что теперь

не болѣе 1/7 оленей всей тундры осталось за Самоѣдами, остальные же перешли въ руки Пустозерскихъ, Ижемскихъ и Усть-Цыленскихъ поселенцевъ. Самоѣды стали въ зависимое положеніе отъ Зырянъ и Русскихъ и терпѣли отъ нихъ всякаго рода притѣсненія. Первоначальные обитатели тундры мало пріобрѣли въ нравственномъ отношеніи отъ своихъ столкновеній съ болѣе развитыми пришельцами. По прежнему, Вайгачъ былъ священнымъ мѣстомъ, гдѣ находился древнѣйшій ихъ идолъ, сединичный Весако (старикъ), окруженный множествомъ другихъ деревянныхъ и каменныхъ истукановъ. Въ разныхъ мѣстахъ тундры стояли другія грубыя изваянія, и у каждаго Самоѣда въ особыхъ саняхъ хранились домашніе пенаты. По прежнему тадибеи неограниченно владѣли ихъ умами, чудесами призывая тадебціевъ, посредниковъ между человѣкомъ и верховнымъ божествомъ Илеумбарте—жизнедателемъ. Русскіе и Зыряне мало обращали вниманія на просвѣщеніе дикарей. Ихъ дѣло было извлечь всевозможныя матеріальныя выгоды изъ своего превосходства.

Ижемская волость росла и богатѣла по мѣрѣ того, какъ истощались самыя необходимыя средства къ существованію Самоѣдовъ. Въ Ижемѣ красовалось 5 богатыхъ церквей, въ домахъ у жителей было довольство, неизвѣстное крестьянамъ многихъ губерній внутренней Россіи. Зеркала, картины, мебель встрѣчались въ комнатахъ у Ижемцевъ, которые 50 лѣтъ тому назадъ принуждены были жить въ работникахъ у Пустозерцевъ. Этимъ благосостояніемъ Зыряне Ижемской волости одолжены своему предпріимчивому духу, трудолюбію, умѣнью пользоваться всѣми средствами, которыя представляла занимаемая ими мѣстность; но многое досталось имъ также и грубою силой, наглыми притѣсненіями, которыя позволяли они себѣ относительно Самоѣдовъ. Умственное и нравственное состояніе послѣднихъ нисколько не улучшилось, а между тѣмъ

ихъ матеріальное благосостояніе было совершенно подорвано предпріимчивыми сосѣдями. Прежде у многихъ были стада въ 5.000—10.000 оленей; теперь богатымъ считается тотъ, у кого до 1.000 оленей, а такихъ уже очень мало. Половина Самоѣдовъ Большеземельской тундры не имѣютъ вовсе стадъ, а живутъ, или нанимаясь въ работники у Ижемцевъ, или кормясь милостыней около русскихъ поселеній. Мохъ, составляющій единственную пищу оленей, вытоптанъ многочисленными стадами Ижемцевъ, которые все далѣе и далѣе втѣсняются въ глубину тундры, гоня передъ собою беззащитныхъ Самоѣдовъ. Лучшіе промыслы захвачены также Русскими и Зырянами, на сторонѣ которыхъ тройное преимущество—силы, знанія и капитала. Бѣдственное положеніе Самоѣдовъ обратило, наконецъ, на себя вниманіе правительства. Съ одной стороны, нужно было извлечь ихъ изъ того жалкаго положенія, въ которомъ они находились относительно религіозныхъ вѣрованій; съ другой стороны, оградить ихъ отъ тѣхъ притѣсненій, которыя грозили въ конецъ уничтожить и безъ того уже слабые остатки Самоѣдскаго племени. Для первой цѣли 27-го декабря 1824 года снаряжена была миссія для обращенія Самоѣдовъ въ христіанство. Начальникомъ миссіи былъ назначенъ архимандритъ Сійскаго монастыря, префектъ Архангельской семинаріи, о. Веніаминъ. Изъ его дневника и изъ разсказовъ знавшихъ его лично видно, что о. Веніаминъ вполнѣ понималъ обязанности благовѣстника и былъ способенъ исполнить ихъ. Во время пятилѣтней миссіонерской дѣятельности онъ хорошо изучилъ всѣ подробности быта тѣхъ, къ кому обращалась его проповѣдь. Когда время препятствовало его разъѣздамъ по Мезенской тундрѣ, онъ переводилъ для новообращенныхъ Новый Завѣтъ на самоѣдскій языкъ, которымъ онъ владѣлъ вполнѣ. Послѣ его смерти остались въ рукописи самоѣдская грамматика и словарь, переводы катихизиса, разныхъ молитвъ и

правилъ. Сочиненіе о. Веніамина о Мезенскихъ Самоѣдахъ, помѣщенное также уже послѣ его смерти въ *Вѣстникѣ Географическаго Общества* (1855, кн. III. отд. II, стр. 77), служитъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ руководствъ для знакомства съ бытомъ и религіозными вѣрованіями этого племени. Ввѣренная такому надежному руководителю, миссія должна была дѣйствовать съ успѣхомъ, и дѣйствительно, пятилѣтніе труды ея прочно утвердили православіе до самаго Каменнаго пояса. 29-го января 1825 года отправилась изъ Архангельска миссія, напутствованная молитвами мѣстнаго духовенства. Главнымъ пунктомъ, откуда начались ея дѣйствія, былъ городъ Мезень, и весь 1825 годъ проведенъ былъ въ разъѣздахъ по Канинской и Тиманской или Тіунской тундрамъ. Проповѣдь Евангелія встрѣтила неожиданныя затрудненія, и притомъ со стороны самихъ Русскихъ. Мезенскіе мѣщане и крестьяне распустили нарочно слухъ между Самоѣдами, что, въ случаѣ крещенія послѣднихъ, у нихъ отнимутъ кочевья, припишутъ къ русскимъ селеніямъ, будутъ брать въ рекруты и дѣтей заберутъ въ солдатскія школы (стр. 13). Передъ отправленіемъ миссіонеровъ въ самоѣдскія кочевья, Мезенцы бросились туда же, чтобъ отклонить Самоѣдовъ отъ обращенія (стр. 17). Миссія должна была принимать предосторожности, чтобы противодѣйствовать такимъ внушеніямъ. Причины такого, повидимому, непонятнаго и неестественнаго образа дѣйствій Мезенскихъ мѣщанъ и крестьянъ весьма просты. Часть жителей города Мезени, деревень на южной части Канина полуострова (Семжа, Мгла, Несь) и другихъ къ югу и востоку отъ Мезени занимаются или содержаніемъ оленьихъ стадъ, или рыбными и звѣриными промыслами. Въ томъ и другомъ случаяхъ Самоѣды для нихъ необходимы. Безъ Самоѣда Мезенскій или Пустозерскій промышленникъ не рискнетъ пуститься въ море на моржовый промыселъ. На Вайгачѣ и Но-

вой Землѣ почти исключительно промышляютъ Самоѣды (см. указанное выше сочиненіе Ислѣнина). То же самое на о. Колгуевѣ, гдѣ самоѣдскіе работники живутъ по 10 лѣтъ безвыѣздно, тогда какъ ихъ русскіе хозяева наѣзжаютъ только временно и рѣдко рѣшаются зимовать тамъ [1]). На промыслахъ Самоѣдъ ловокъ, отваженъ и смѣтливъ. Въ дальнихъ переѣздахъ по необозримой тундрѣ онъ какимъ-то чутьемъ угадываетъ дорогу. Необходимъ Самоѣдъ и русскимъ владѣльцамъ оленьихъ стадъ, какъ пастухъ и работникъ. Содержаніе самоѣдскаго работника почти ничего не стоитъ хозяевамъ. Обѣднѣвшіе Самоѣды идутъ за ничтожную плату, требуя только пищи и одежды для себя и семейства, но и этой платы они почти никогда не получаютъ, потому что забираютъ въ долгъ у хозяевъ за непомѣрную цѣну табакъ и разныя вещи. Въ обыкновенномъ быту Самоѣды почти не употребляютъ хлѣба, питаясь оленьимъ мясомъ и рыбой. Хозяинъ даетъ ему палыхъ или зарѣзанныхъ волкомъ оленей, гнилую и мелкую рыбу, на одежду бросая оставшіеся лоскутки оленьихъ шкуръ или старое платье.

Принятіе христіанства Самоѣдами грозило подорвать экономическіе разсчеты русскихъ хозяевъ. Оно неминуемо возвышало содержаніе работниковъ, потому что первое дѣло духовенства было запретить новообращеннымъ употребленіе въ пищу падали. Кромѣ того, принятіе христіанства ставило Самоѣдовъ подъ покровительство духовныхъ и свѣтскихъ властей, и по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени полагало предѣлы возмутительному произволу, которымъ отличались сношенія Русскихъ съ жалкими дикарями. Потому они открыто стращали Самоѣдовъ, объявляя, что они оставятъ ихъ и не

---

[1]) См. Островъ Колгуевъ, А. С. Савельева. *Ж. М. В. Д.* ч. XXIX, кн. 2, 1850 года.

будутъ давать пищи въ случаѣ принятія крещенія. Въ этомъ сознались миссіонерамъ Самоѣды Канинскаго полуострова, отказываясь слушать проповѣдь. Миссія должна была уничтожить самую причину упорства. Въ декабрѣ 1825 г., при большомъ собраніи въ Мезени Самоѣдовъ и ихъ хозяевъ, обнаружены были происки послѣднихъ и опровергнуты лживые слухи, ими пущенные. Въ присутствіи хозяевъ оленьихъ стадъ Самоѣдамъ было доказано, что у нихъ не отнимутъ кочевьевъ и не заберутъ дѣтей въ школы. Кромѣ увѣреній миссіонеровъ, они получили удостовѣреніе отъ мѣстной градской и земской полиціи. Самые владѣльцы стадъ, обличаемые о. Веніаминомъ, тронутые его увѣщаніями, а, можетъ-быть, также и страхомъ отвѣтственности передъ закономъ за воспрепятствованіе намѣреніямъ правительства, отказались отъ своихъ происковъ.

По крайней мѣрѣ, о нихъ мы не находимъ уже извѣстій въ дневникѣ о. Веніамина. Въ слѣдующіе годы миссіи оставалось бороться только съ препятствіями, полагаемыми природой и съ возраженіями, возникавшими отъ самихъ Самоѣдовъ. Нѣсколько разъ приходилось проповѣдникамъ состязаться съ защитниками языческихъ суевѣрій. Главные аргументы, представляемые самоѣдскими возражателями, были слѣдующіе:

Ихъ вѣра превосходитъ христіанство, потому что по ней они легко узнаютъ будущее счастіе и несчастіе, удачу и неудачу въ промыслѣ, или могутъ узнать, гдѣ находятся похищенныя вещи, что по ней имъ учить очень легко и привольно, а въ христіанской очень тягостно. Легко было опровергать подобныя доказательства, но гораздо труднѣе было одолѣть простое упорство, съ которымъ многіе заранѣе отказывались отъ всякихъ споровъ и не хотѣли слушать предлагаемыхъ имъ объясненій. Вотъ какъ описываетъ о. Веніаминъ свое знакомство съ Самоѣдами Большеземельской тундры, прибывшими къ Пустозерску для взноса ясака: «Прежде всего старались мы

войти съ ними въ знакомство и снискать ихъ пріязнь. Для этого имѣли съ ними многократные разговоры о разныхъ житейскихъ предметахъ, съ намѣреніемъ сблизиться съ ними, не упоминая о крещеніи; но въ поступкахъ Самоѣдовъ увидѣли мы нѣчто странное. О чемъ бы мы ни спрашивали того или другаго изъ Самоѣдовъ, каждый давалъ намъ почти одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Не хочу креститься». При этомъ каждый изъ нихъ, одинъ передъ другимъ, спѣшилъ выступить изъ средины толпы впередъ, чтобы сказать за себя, что онъ не хочетъ креститься, и каждый, проговоривъ эти слова, немедленно отходилъ назадъ, уступая мѣсто другому, который дѣлалъ то же самое. Когда каждый порознь высказывалъ такимъ образомъ отказъ свой, они всѣ вмѣстѣ спѣшили удалиться, объявивъ, что имъ болѣе говорить нечего, ибо они отреклись отъ крещенія» (стр. 42). Когда черезъ 2 дня Самоѣдамъ рѣшились предложить проповѣдь прямо изъ слова Божія и объявили, что имъ теперь возвѣщены будутъ не человѣческія слова, а глаголы самого Бога, они закричали: «Мы ничего не поймемъ, мы не знаемъ по-русски, для чего и читать намъ». Такое голословное упорство часто приходилось встрѣчать нашимъ миссіонерамъ, и иногда въ теченіе пяти лѣтъ они нѣсколько разъ обращались безуспѣшно съ проповѣдью къ однимъ и тѣмъ же Самоѣдамъ, постоянно отказывавшимся выслушивать ихъ убѣжденія. Здѣсь уже нельзя объяснять происками русскихъ промышленниковъ, по крайней мѣрѣ о. Веніаминъ не обвиняетъ ихъ въ этомъ. Напротивъ, о Зырянахъ Ижемской волости онъ говоритъ съ благодарностью. Хозяева стадъ сами склоняли совѣтами Самоѣдовъ оставить идолопоклонство ради истинной вѣры. И дѣйствительно, у Зырянъ составилось даже убѣжденіе въ томъ, что Богъ употребляетъ ихъ орудіемъ для образованія Самоѣдовъ. Этимъ призваніемъ для высшей цѣли старались они оправдать свое незаконное вторженіе въ глуби-

ну тундры. «Для того Богъ — говорили они Кастрену — и послалъ Зырянъ и Русскихъ на тундры, чтобъ они научили Самоѣдовъ жить по Божескому, по людскому. Ему угодно было предать оленей самоѣдскихъ въ наши руки, чтобы Самоѣды переходили въ нашу вѣру. Теперь они наши слуги, работники, и если хорошо прослужатъ время ученья и станутъ истинными православными христіанами, то, конечно, Богъ ихъ не оставитъ безъ милости, ибо Онъ принимаетъ всякаго, кто Ему ввѣряется» (*Вѣстн. Геогр. Общ.* 1856 г., кн. V).

Мы не будемъ входить въ подробности дѣйствій миссіи; скажемъ только, что съ 29-го января 1825 по 7-е іюля 1830 года она посѣтила всѣ кочевья Канинской, Тиманской и Большеземельской тундръ, а нѣкоторыя даже по нѣсколько разъ. Лишенія, неразлучныя съ переѣздомъ по морю или по необозримымъ пространствамъ тундры, не останавливали проповѣдниковъ слова Божія. Огромное число каменныхъ или деревянныхъ истукановъ, почитаемыхъ Самоѣдами, было истреблено миссіей на Вайгачѣ (421 деревян. и 20 камен.), въ рощѣ Косминъ Перелѣсокъ (700), около озера Харвея (23 к. и 30 д.), на морскомъ берегу противъ Вайгача (14 к. и 256 д.), на рѣкѣ Рыбной (90 д.), на Микулкинѣ Носѣ (200 д.) и во многихъ другихъ мѣстахъ. Съ особенной ревностью старались миссіонеры уничтожать идоловъ, потому что видѣли, какъ часто новообращенные увлекались къ своимъ грубымъ изваяніямъ чувствами невольнаго почитанія, укоренившимися еще съ дѣтства (стр. 47). Для обращенія миссія дѣйствовала исключительно силой одного убѣжденія. Важною помощью было знаніе самоѣдскаго языка и возможность передавать родными для дикарей звуками высокія истины Евангелія. Съ помощью крещенаго Самоѣда, Василія Двойникова, выученнаго русской грамотѣ и грамматикѣ при миссіи, о. Веніаминъ письменно перевелъ на самоѣдскій языкъ почти всѣ книги Новаго Завѣта.

«Многократные опыты показали, говоритъ о. Веніаминъ (стр. 41), что не менѣе надобно заботиться и объ обращенныхъ Самоѣдахъ, какъ и о необращенныхъ. Я, вслѣдствіе этого, часто посѣщалъ чумы новокрещенныхъ».

Въ теченіе пяти лѣтъ обращено было миссіей 1.676 Самоѣдовъ мужескаго пола и 1.657 женскаго, всего 3.333 чел. Оставалось некрещеными, по вычисленію о. Веніамина, 680 душъ обоего пола.

По Высочайшему повелѣнію, ассигнована была сумма (21.428 руб. 50 коп. сер.) на устройство трехъ деревянныхъ церквей для Самоѣдовъ и положены при нихъ причты. Особенное существованіе миссіи становилось не необходимымъ, и 7-го іюня 1830 года она возвратилась въ Архангельскъ. Этимъ оканчивается дневникъ о. Веніамина. Ни составитель сборника, ни издатели не потрудились присоединить дополнительныя свѣдѣнія о состояніи церквей, устроенныхъ для Самоѣдовъ, и о вліяніи христіанства на нравы новообращенныхъ, хотя нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній были напечатаны ровно 10 лѣтъ до появленія «Памятника трудовъ русскихъ благовѣстниковъ». Заимствуемъ ихъ вкратцѣ изъ сочиненія Ислявина. Устроенныя церкви распредѣлены по одной въ каждой тундрѣ: въ Канинской при рѣкѣ Неси, въ Тиманской при рѣкѣ Пешѣ, а въ Большеземельской при рѣкѣ Колвѣ. Мимо первой и второй идетъ дорога изъ Мезени въ Пустозерскъ. Колвинская выстроена вдали отъ главнаго пути сообщенія. При ней два священника: одинъ остается при церкви, другой находится въ безпрестанныхъ разъѣздахъ. Діаконъ занимается обученіемъ самоѣдскихъ дѣтей русской грамотѣ. Причтъ обезпеченъ денежнымъ жалованьемъ. При каждой церкви есть стадо оленей. На священникѣ лежитъ обязанность окончательнаго обращенія Самоѣдовъ, но дѣло проповѣди идетъ медленно. Церковные причты не имѣютъ

тѣхъ средствъ, которыми владѣла миссія, и имъ, кромѣ того, приходится имѣть дѣло съ тѣми, которые уже нѣсколько разъ отвергали проповѣдь Евангелія и стараются избѣгать сношеній съ миссіонерами. Прочнѣе всего утвердилось христіанство въ сосѣдствѣ Ижемскихъ Зырянъ. Здѣсь Самоѣды приняли частью зырянскій языкъ и зырянскіе обычаи. Не безъ вліянія осталось также и сосѣдство Русскихъ, за исключеніемъ Пустозерскаго вѣдомства, гдѣ Самоѣды довольно твердо держатся племеннаго характера и на половину еще не просвѣщены крещеніемъ. Ислави́нъ былъ въ тундрахъ лѣтъ черезъ 13 послѣ окончанія миссіи о. Веніамина, и слѣдовательно, могъ уже замѣтить результаты обращенія Самоѣдовъ въ христіанство. Самыя утѣшительныя свѣдѣнія о Колвинской церкви. 18 самоѣдскихъ мальчиковъ выучились при церкви читать и писать по-русски. Одни изъ нихъ поступили въ причетники или писаря къ самоѣдскимъ старшинамъ. Нѣкоторые женились на Зырянкахъ и Самоѣдкахъ и поселились при Колвинской церкви, такъ что образовали осѣдлое поселеніе изъ 12-ти избъ. Вліяніе христіанства отразилось и на положеніи женщины у Самоѣдовъ, нѣсколько поднявъ ее изъ несчастнаго униженія. Правда, она и до сихъ поръ считается нечистою, но не до такой степени, какъ у Самоѣдовъ, оставшихся въ язычествѣ. Крещеные мало по малу отвыкаютъ уже отъ окуриванія верескомъ или оленьимъ саломъ вещей, черезъ которыя нечаянно переступила женщина, тѣмъ самымъ сдѣлавшая ихъ нечистыми. Уничтожалась и неприступная для женщины святыня *синикуя* (мѣсто въ чумѣ прямо противъ входа). Тамъ теперь стоитъ образъ, дѣлающій всякое мѣсто святымъ, какъ говорятъ Самоѣды. Многіе, чтобы не сказать всѣ, сулятъ Самоѣдамъ будущность сѣверо-американскихъ дикарей, исчезнувшихъ или исчезающихъ при столкновеніи съ племенами высшей цивилизаціи. «Свѣтъ долженъ изгнать

тьму, вотъ причина уменьшенія остяцкихъ, самоѣдскихъ и даже вогульскихъ племенъ». Таково мнѣніе полковника Гофмана, начальника Уральской экспедиціи. Иславинъ, внимательно изслѣдовавшій на мѣстѣ отношенія Мезенскихъ Самоѣдовъ къ русскимъ и зырянскимъ поселенцамъ и видѣвшій всѣ притѣсненія, терпимыя первыми, также не думаетъ, чтобы сохранились Самоѣды. «Даже при новомъ, лучшемъ порядкѣ вещей, говоритъ онъ, нельзя предсказать Самоѣдамъ счастливой будущности: племя это должно въ непродолжительномъ времени слиться съ народомъ сильнѣйшимъ». Но утратить свои племенныя особенности, потерявъ языкъ, вѣру, бытъ, принявъ все это отъ народа болѣе образованнаго — это не значитъ еще уничтожиться. Въ Самоѣдахъ можно предполагать болѣе живучести, чѣмъ въ племенахъ Сѣверной Америки. Въ сочиненіи Иславина приведены примѣры Самоѣдовъ, или окончательно почти обрусѣвшихъ, или сдѣлавшихся почти Зырянами. Самое населеніе Ижмы, въ числѣ первыхъ основателей волости, почти рядомъ съ Яренскими Зырянами и Новгородскими Русскими, считаетъ 7 самоѣдскихъ семействъ, сдѣлавшихся осѣдлыми. Начало самоѣдскаго поселенія видѣли мы у Колвинской церкви. Какъ особое племя, нѣтъ сомнѣнія, Самоѣды должны уничтожиться; но будемъ надѣяться, что подъ кровомъ христіанства они мало по малу переродятся въ Русскихъ или Зырянъ, имѣющихъ надъ ними огромное нравственное превосходство. Русское племя не дѣйствуетъ разрушительно на другія народности; оно принимаетъ ихъ въ себя, если въ нихъ самихъ нѣтъ условій самостоятельнаго развитія существованія.

Слѣдующія статьи «Памятника трудовъ благовѣстниковъ русскихъ» относятся къ распространенію христіанства между инородцами Сибири и сѣверо-американскихъ владѣній. Проповѣди въ Западной Сибири посвящены двѣ статьи: «Извлече-

нія изъ путевыхъ записокъ миссіонера А. Макарія» и «Извлеченія изъ писемъ миссіонера, протоіерея Стефана Ландышева». Оба миссіонера дѣйствовали въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, хотя и въ разное время, именно между Алтайскими Калмыками, Черновыми Татарами, Кумандинцами и т. д. Такимъ образомъ, свѣдѣнія, предлагаемыя сборникомъ, относятся къ одной только мѣстности Западной Сибири, къ Алтаю; распространеніе же христіанства въ другихъ ея частяхъ пройдено молчаніемъ. По крайней мѣрѣ, читатель имѣетъ довольно полныя извѣстія о трудахъ миссіи на Алтаѣ. Отъ 1830 до 1833 года идутъ записки А. Макарія, съ 1846 по 1853 г.— письма о. п. Ландышева. Остается тринадцатилѣтній промежутокъ съ 1833 по 1846 годъ, относительно котораго составитель сборника не сообщилъ свѣдѣній объ успѣхахъ проповѣди на Алтаѣ, оставивъ читателю собственными соображеніями восполнять недостатокъ положительныхъ данныхъ. Точно также не показаны и причины, вызвавшія необходимость миссіи, не обозначены ея составъ и средства. По всей вѣроятности, всѣ указанія, недостатокъ которыхъ такъ чувствителенъ для читателя «Памятника», могли бы быть извлечены изъ отчетовъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, которыми воспользовался разъ составитель сборника (говоря о распространеніи православной вѣры въ Иркутской и Камчатской епархіяхъ) и къ которымъ въ этомъ случаѣ, по совершенно непонятнымъ для насъ соображеніямъ, онъ не захотѣлъ обратиться. Вообще чѣмъ ближе присматриваемся мы къ изданному сборнику, тѣмъ яснѣе становится для насъ случайность выбора помѣщенныхъ въ немъ статей, отсутствіе всякаго общаго плана при его составленіи. Весь трудъ издателя сводится къ просмотру корректуры при перепечаткѣ уже разъ напечатанныхъ извѣстій. Совершенно непонятными становятся тѣ строки предисловія, которыми А. С. Стурдза объясняетъ причину,

вызвавшую это изданіе: «Правда, въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ, преимущественно духовныхъ, говоритъ онъ, сообщаются свѣдѣнія о распространеніи благодатнаго царства Христова, но свѣдѣнія отрывочныя, раздробленныя, съ большими промежутками во времени появленія ихъ, такъ что не могутъ производить въ читателяхъ полнаго впечатлѣнія и легко могутъ быть забываемы». Раздробленность и отрывочность свѣдѣній естественны и неизбѣжны въ повременныхъ изданіяхъ, но едвали могутъ быть оправданы въ сборникѣ, которымъ, по надеждѣ издателя, полагается начало и основа историческому памятнику вѣры. Чтобы положить начало и основу такого великаго памятника, необходимо было личному труду составителя «Памятника» по возможности сгладить характеръ отрывочности и раздробленности, который естественно лежитъ на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ повременными изданіями, а этого-то личнаго труда издателя, къ сожалѣнію, совершенно не видно даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ повидимому его требовалось очень не много. Въ примѣчаніи къ краткому свѣдѣнію о жизни и трудахъ А. С. Стурдзы, мы находимъ извѣстіе, что, по случаю изданія «Памятника», была у него переписка, но изъ того же примѣчанія видно, что эта переписка относилась къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ предисловіи и заглавіи. Издателя, очевидно, болѣе занимала возможность замѣнить иностранное слово *миссіонеръ* роднымъ словомъ *благовѣстникъ*, чѣмъ собираніе и дополненіе свѣдѣній о трудахъ самихъ благовѣстниковъ. Не будемъ поэтому вспоминать о томъ, что̀ хотѣлъ сдѣлать издатель; ограничимся тѣмъ, что̀ онъ сдѣлалъ. Вопросъ, почему въ сборникѣ, обнимающемъ періодъ въ 60 лѣтъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о проповѣди Евангелія между инородцами сѣверной части Западной Сибири, а помѣщены нѣкоторыя извѣстія о дѣйствіяхъ миссій въ южной ея части, становится совершенно излишнимъ точно также, какъ и вопросъ

о томъ, отчего есть извѣстіе о трудахъ Алтайской миссіи въ 1830—33 и въ 1846—56 годахъ, а нѣтъ ихъ съ 1833 по 1846 годъ, и что̀ заставило нарушить *время-послѣдовательный* порядокъ изложенія, о которомъ заботился издатель. Будемъ благодарны и за то, что издатель перепечаталъ въ одну книгу то, что̀ разсѣяно было во многихъ нумерахъ различныхъ періодическихъ изданій, и тѣмъ далъ возможность желающимъ окинуть однимъ взглядомъ все, что̀ въ теченіе 60-ти лѣтъ давалось въ удовлетвореніе законной любознательности русскаго образованнаго общества.

Архимандритъ Макарій дѣйствовалъ въ предѣлахъ Томской губерніи, около Бійска. Инородцы, къ которымъ обращалась его проповѣдь, были язычники.... [1])

---

[1]) Эта статья найдена въ бумагахъ С. В. Ешевскаго въ томъ неоконченномъ видѣ, въ которомъ она предлагается здѣсь читателямъ. Она написана покойнымъ профессоромъ въ 1857 году, по поводу появившагося тогда сборника: „Памятники трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ съ 1793 до 1853 г. Москва 1857 г.“ Какъ видно (въ рукописи статья названа „первою“), авторъ намѣревался сдѣлать этотъ вопросъ предметомъ серьезнаго изученія, цѣлаго ряда статей. Въ послѣднее время въ разговорахъ со мной онъ нерѣдко съ любовью обращался къ этому дѣлу, собираясь снова приступить къ нему надосугѣ. Статья о миссіонерствѣ въ Россіи была напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1867 годъ. А. Т.

КОНЕЦЪ.

Необходимыя объясненія.

1) Въ моей замѣткѣ, помѣщенной въ началѣ I части, и въ біографическомъ очеркѣ (стр. L) указывается на «Обзоръ русской исторіографіи», напечатанный въ III томѣ нашего изданія. Этотъ «Обзоръ», приготовлявшійся къ III тому, не вошелъ въ него: онъ замѣненъ статьями, помѣщенными вслѣдъ за «Аполлинаріемъ Сидоніемъ». Дѣло въ томъ, что это былъ курсъ, читанный С. В. Ешевскимъ въ Казани, въ 1856—1857 академическомъ году. Онъ дошелъ до насъ всего въ одномъ экземплярѣ записокъ, составленныхъ студентомъ, безъ участія профессора. Мое намѣреніе напечатать этотъ курсъ, весьма интересный и теперь еще не лишенный значенія, оказалось неисполнимымъ. Неполнота и неточность записокъ и отсутствіе другихъ экземпляровъ лекцій для сличенія представили такія затрудненія, что я принужденъ былъ отказаться отъ первоначальнаго плана, къ крайнему моему прискорбію. Краткую характеристику этого любопытнаго курса читатели найдутъ въ біографическомъ очеркѣ К. Н. Бестужева-Рюмина (стрр. L и LI).